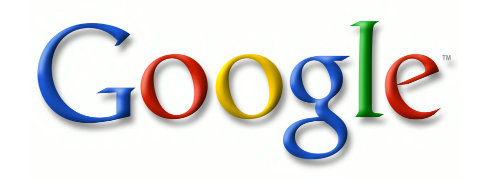
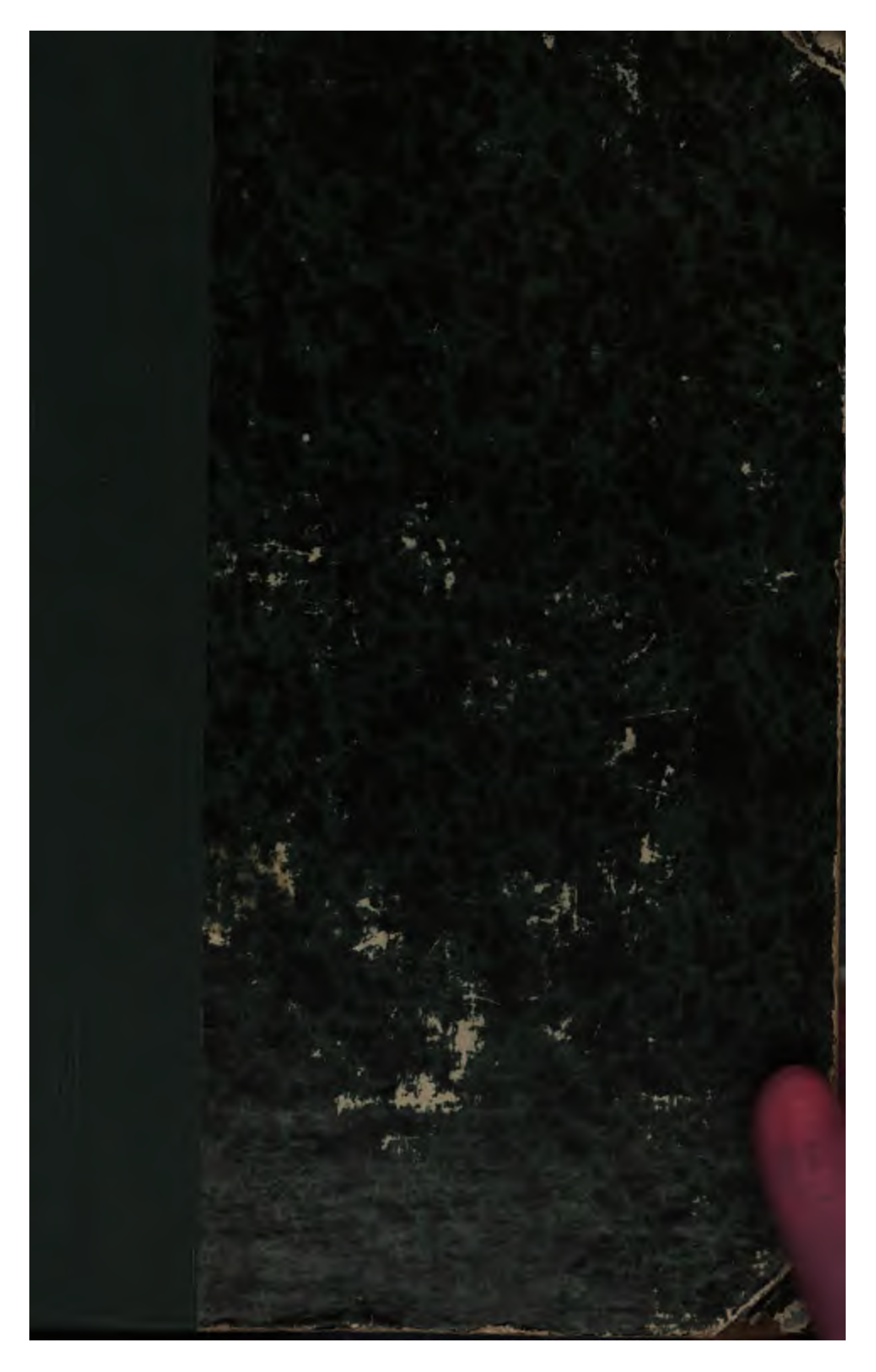
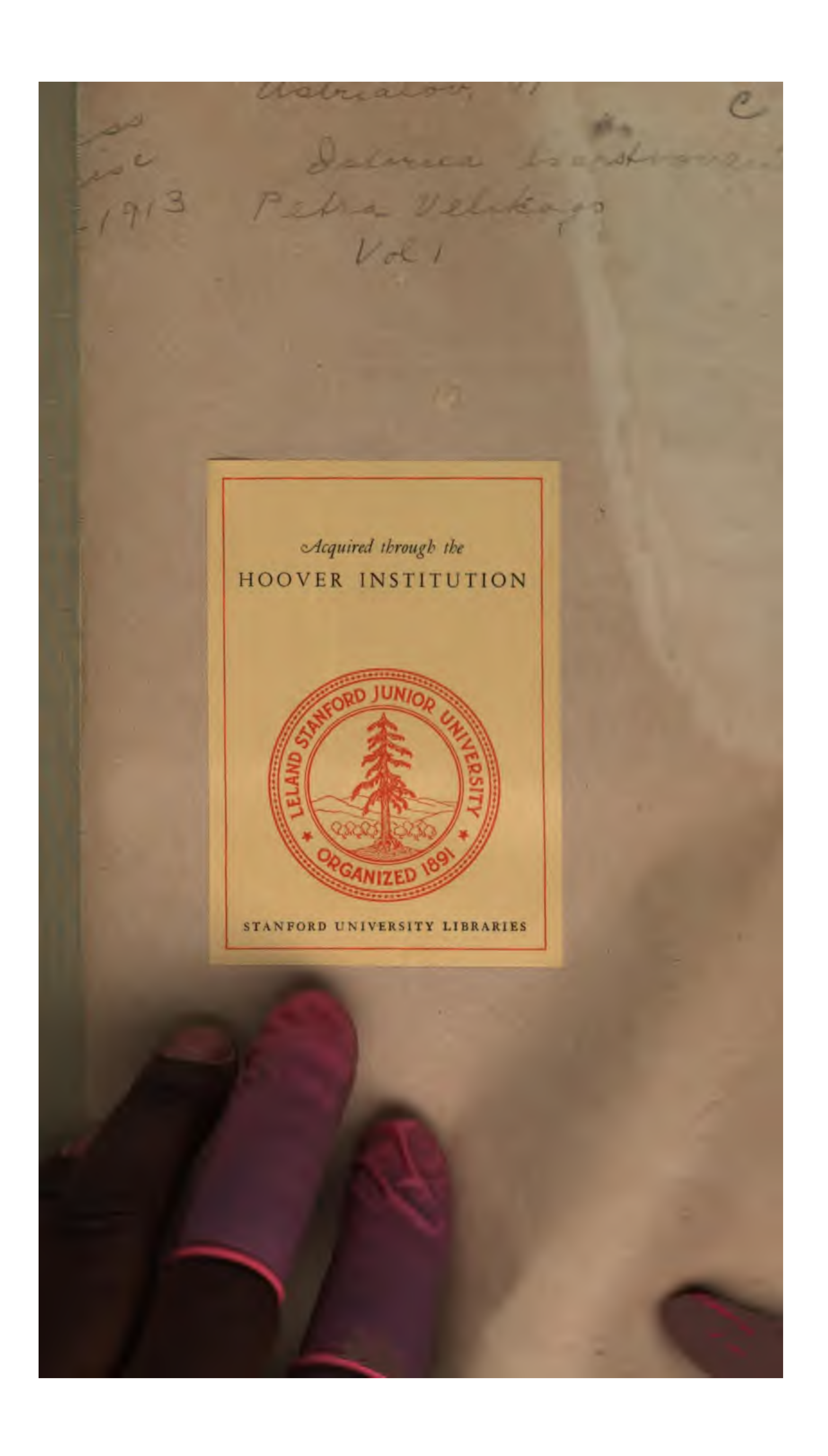




THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE


1913
Petra Velikogo
Vol 1
Acquired through the
HOOVER INSTITUTION
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

САНКТПЕТ.

185

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ь, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное кземпляровъ. Санктпетербургъ, 22 Сентября 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Незабвенный родитель Вашего Величества, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ 1849 году соизволилъ принять въ рукописи первый томъ Исторіи царствованія Петра Великаго, при слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ моемъ:

«За столѣтъ до вступленія Вашего Императорскаго Величества на престолъ, геніемъ Петра пересозданная Россія оплакала кончину своего безсмертнаго Преобразователя. Но, одушевленная мыслію

его, она уже твердо шла по указанному имъ пути и, хранимая святымъ Провидѣніемъ, въ одно столѣтіе достигла величія безпримѣрнаго.

«И теперь, когда вѣкъ Петра уже достояніе Исторіи, настало время труда ученаго, который вѣрнымъ, безпристрастнымъ изслѣдованіемъ прошедшаго опредѣляетъ значеніе настоящаго, предугадываетъ будущее. Многократно поощренный Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ Вашего Императорскаго Величества въ историческихъ занятіяхъ моихъ, гдѣ любовь къ отечеству и преданность къ монархамъ его замѣняли мнѣ дарованіе, имѣю счастіе повергнуть на воззрѣніе Ваше, Государь! Исторію царствованія Петра Великаго.

«Не осмѣлился бы я поднести Вашему Им-

ператорскому Величеству слабый трудъ мой, если бы не былъ убѣжденъ, что и въ самомъ неискусномъ разсказѣ дѣла величайшаго изъ государей не утратятъ своего блеска, когда каждое слово объ немъ будетъ строгою истиною. Такъ по крайней мѣрѣ, вѣрный святому долгу своему, описывалъ я дѣянія Петра, не щадя никакихъ усилій къ точному и правдивому изображенію ихъ. И если успѣлъ я въ томъ, Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! обязанъ я главнымъ, быть можетъ единственнымъ, достоинствомъ моего сочиненія: въ государственныхъ архивахъ, открытыхъ мнѣ по Вашему Высочайшему соизволенію, нашелъ я средства узнать о великомъ Вашемъ предкѣ то, что другимъ историкамъ было недоступно».

Одушевленный тѣми же мыслями и чувствованіями, пріемлю нынѣ смѣлость первые три тома Исторіи царствованія Петра повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Величества.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Николай Устряловъ.

Іюня 1858 года.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Общая идея о Петрѣ Великомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ отъ лица торжествующаго народа, именемъ всей Россіи, государственный канцлеръ графъ Головкинъ сказалъ Петру Великому:[1] «Твоими неусыпными «трудами, твоимъ единымъ руковожденіемъ, мы изъ тьмы «ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и «присоединились къ образованнымъ государствамъ Европейскимъ», съ тѣхъ поръ современники и потомки привыкли думать, что отечество наше до Петра, съ его Московскими формами, было государствомъ слабымъ извнѣ, безотвѣтною жертвою хищныхъ сосѣдовъ, неустроеннымъ внутри, добычею мятежей, невѣжества, суевѣрія. Такъ говорили и говорятъ историки, ораторы, люди государственные, ученые, художники, свои и чужіе. Отъ самаго дѣтства мы привыкаемъ благоговѣть къ имени Петра, гордимся его подвигами, какъ славою національною, и часто повторяемъ то, что̀ нѣкогда сказалъ одинъ изъ его сподвижниковъ:[2] «На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ».

1. Актъ поднесенія Петру Императорскаго титула, въ Полн. Собр. Закон. VI. № 3.840.
2. Неплюевъ въ своемъ Жизнеописаніи.

И старая Россія, однакожъ, нашла себѣ краснорѣчиваго защитника въ писателѣ, незабвенномъ благородною любовью къ истинѣ, уваженіемъ всего прекраснаго и высокаго, глубокими свѣдѣніями въ дѣеписаніяхъ отечества: то былъ Карамзинъ.[3] «Исполнилось» говоритъ онъ «намѣре«ніе незабвенныхъ мужей (избравшихъ Михаила), кото«рые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы на«шей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга не«беснаго мира возсіяла надъ трономъ Россійскимъ. Отече«ство подъ сѣнію самодержавія успокоилось, извергнувъ «чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ, возвеличи«лось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ граждан«скомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необхо«димое, согласное съ понятіями народными, ближайшее «къ существующему. Дума боярская осталась на древнемъ «основаніи, т. е. совѣтомъ царей во всѣхъ дѣлахъ важ«ныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Преж«де монархъ рядилъ государство чрезъ своихъ намѣстни«ковъ или воеводъ; недовольные ими прибѣгали къ нему: «онъ судилъ дѣло съ боярами. Сія восточная простота уже «не соотвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и «множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между ца«ремъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ приказы, которые «вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но «еще судъ не имѣлъ устава полнаго: ибо Іоанновъ остав«лялъ многое на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣ«ренный въ важности такого дѣла, царь Алексѣй Михайло«вичъ назначилъ для онаго мужей думныхъ и повелѣлъ «имъ, вмѣстѣ съ выборными всѣхъ состояній, исправить «судебникъ, дополнить его законами Греческими, намъ «давно извѣстными, новѣйшими указами царей и необхо-

3. См. Примѣчаніе I.

«димыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣ-«чаются въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. «Россія получила Уложеніе, скрѣпленное патріархомъ, «всѣми значительными духовными, мірскими чиновниками «и выборными. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, «есть донынѣ важнѣйшій государственный завѣтъ нашего «отечества.

«Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, «Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, «какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, «отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, «отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и по-«селенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно «слѣдовали своимъ обычаямъ; но примѣръ начиналъ дѣй-«ствовать, и явная польза, явное превосходство одержива-«ли верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уста-«вахъ, въ систетѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія «или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи, ибо нѣтъ «сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опере-«дила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣне-«ніе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ есте-«ственное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заим-«ствовали, но какъ бы нѐ-хотя, примѣняя все къ нашему «и новое соединяя съ старымъ.

«Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вель-«можъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напомни-«ли Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но ве-«ликій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ, и, мощною рукою «схвативъ кормило государства, онъ сквозь бурю и волны «устремился къ своей цѣли; достигъ, и все перемѣнилось. «Сею цѣлью было не только новое величіе Россіи, но и со-«вершенное присвоеніе обычаевъ Европейскихъ».

Такъ мыслилъ и говорилъ Карамзинъ въ откровенной бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ I о стародавней Россіи, въ твердомъ убѣжденіи, что она въ нѣдрахъ своихъ заключала обильные источники силы и благоденствія, обнаруживала очевидное стремленіе къ благоустройству и образованію, знакомилась, сближалась съ Европою, и хотя медленно, за то твердымъ и вѣрнымъ шагомъ, подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ насильственно увлекъ ее Петръ Великій, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности.

Чтò же была Россія до Петра? Дѣйствительно ли необходимо было для нея столь неожиданно, столь незапно постигшее ее преобразованіе, крутое, суровое? Или и безъ него, какъ думаетъ Карамзинъ, въ слѣдствіе постепеннаго сближенія съ Европою, при очевидномъ внутреннемъ возрастаніи, она развила бы свои мощныя силы, и безъ потрясенія, безъ насилія усвоила бы лучшіе плоды жизни Европейской? Постараемся рѣшить этотъ вопросъ важный, необходимый для правильнаго воззрѣнія на дѣянія Петра Великаго, фактами положительными.

Свѣтлая сторона Россіи до Петра.

Раскинутая въ Европѣ на огромномъ пространствѣ, отъ сѣвернаго Ледовитаго моря до Запорожской Сѣчи, до Черкаска на Дону, до устьевъ Терека и Волги, отъ береговъ Днѣпра до Каменнаго пояса или хребта Уральскаго, съ присоединеніемъ всей нынѣшней Сибири, Россія изумляла иноземныхъ наблюдателей обширностью своихъ предѣловъ, богатствомъ и разнообразіемъ естественныхъ произведеній, безграничною преданностію всѣхъ сословій государю, пышностью двора, многочисленностью войска; но въ то же время она казалась имъ державою нестройною, необразованною и малосильною. Чужеземный взоръ не могъ замѣтить въ ней ни зрѣлаго, самобытнаго развитія государ-

ственныхъ элементовъ, ни изумительнаго согласія ихъ, которое служитъ основою могущества гражданскихъ обществъ и не можетъ быть замѣнено никакими выгодами естественнаго положенія, даже успѣхами образованности.

Россія не уступала ни одному благоустроенному государству въ томъ, что̀ составляетъ главную пружину благоденствія общественнаго: она имѣла крѣпкое правленіе, утвержденное временемъ, опытомъ, согласное съ духомъ народнымъ, равно отличное и отъ бурнаго разновластія и отъ произвольнаго деспотизма. Всѣ права верховной власти, правительственной и законодательной, сосредоточивались въ священной особѣ государя; воля его не стѣснялась ни феодальными обычаями дворянства, ни притязаніями духовенства, ни привилегіями городовъ. Онъ царствовалъ самодержавно, неограниченно, единовластно, миловалъ и казнилъ по своему благоусмотрѣнію, жаловалъ и отмѣнялъ права сословій, опредѣлялъ подати и налоги, и однимъ царскимъ словомъ ополчалъ Россію. Эту власть крѣпкую, единую, нераздѣльную, учредили князья Московскіе. Она такъ сроднилась съ духомъ Русскаго народа, что ни тяжкое самовластіе Іоанна Грознаго, ни крамолы бояръ при воцареніи Шуйскаго не могли поколебать ее. Несправедливо пишутъ Котошихинъ и Татищевъ, что Михаилъ Θеодоровичъ вступилъ на престолъ съ властью ограниченною, давъ по примѣру Шуйскаго запись, ничего не дѣлать безъ совѣта боярскаго.[1] Мы имѣемъ несомнительные акты о возведеніи его на престолъ: изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные сословіями лучшіе, разумные люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ святителями и вельможами, вручили ему державу безъ всякихъ условій, съ одною мольбою спасти церковь и царство.

1. См. Примѣчаніе 2.

Съ другой стороны эта власть безусловная не была безотчетнымъ произволомъ, какъ хотятъ увѣрить насъ иностранцы. Трудно найти другую страну, гдѣ бы самодержавіе пользовалось своимъ правомъ съ такою осторожностію, съ такимъ уваженіемъ святости закона, съ такою заботливостію о выгодахъ и благосостояніи каждаго сословія, какъ въ нашемъ отечествѣ, по воцареніи дома Романовыхъ. Ни одного важнаго дѣла не рѣшали они безъ совѣта съ боярскою думою и съ патріархомъ; не рѣдко призывали на совѣтъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій. Такъ окруженный святителями, духовенствомъ, боярами, окольничими, избранными дворянами, стрѣлецкими головами, казацкими атаманами, людьми торговыми и посадскими, разсуждалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своими вѣрными подданными о неправдахъ короля Польскаго, нарушавшаго миръ Деулинскій, о предложеніи короля Шведскаго воевать Польшу общими силами, о взятіи Азова Донскими казаками; такъ читалъ на земскомъ соборѣ свое Уложеніе царь Алексѣй Михайловичъ; въ послѣдствіи неоднократно совѣтовался съ выборными чинами о дѣлахъ Малороссійскихъ, Польскихъ, Шведскихъ, Турецкихъ; такъ преемникъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ приговоромъ земскаго собора уничтожилъ Мѣстничество.

Неоднократное повтореніе подобныхъ случаевъ невольно возбуждаетъ мысль, не были ли земскіе соборы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, необходимымъ условіемъ тогдашняго образа правленія? Отвѣчаемъ: нѣтъ, никогда. Государи созывали ихъ въ Москву единственно по внушенію доброй воли своей, слушали откровенныя, часто несогласныя мнѣнія выборныхъ чиновъ и рѣшали вопросъ по своему благоусмотрѣнію. Земскіе соборы не имѣли и тѣни власти законодательной. Служа правительству только сред-

ствомъ къ раскрытію нуждъ и желаній народныхъ, они остались для потомства краснорѣчивымъ памятникомъ благодушія нашихъ государей, хотѣвшихъ быть царями правды, отцами своихъ подданныхъ.[5]

Второю, неоцѣненною выгодою Россіи, также незамѣченною и непонятою иноземными наблюдателями, было благопріятное для общества положеніе Церкви, которая въ ея отношеніяхъ къ міру и къ верховной власти представляла зрѣлище утѣшительное. Водворившись въ Русскую землю безъ насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ, въ видѣ стройномъ и прекрасномъ, какъ благодать неба, съ божественнымъ словомъ на языкѣ родномъ, понятномъ народу, она неизмѣнно хранила вѣру чистую, наслѣдованную отъ православнаго востока; тихо и спокойно, безъ фанатизма и мірскихъ расчетовъ, утверждала святое ученіе въ странахъ отдаленныхъ, покоряемыхъ Русскимъ оружіемъ, и поддерживала во всѣхъ сословіяхъ глубокое религіозное чувство, равно благотворное и для успѣховъ общежитія и для нравственной силы государства. Пастыри церкви были достойными ея служителями. Ознаменованные рѣдкимъ безкорыстіемъ во времена княжескихъ междоусобій, благочестивою ревностью за независимость народную въ годину Татарскаго владычества, дѣятельнымъ содѣйствіемъ дому князей Московскихъ къ утвержденію единовластія, они сохранили то же неизмѣнное благочестіе, то же ясное сознаніе своего долга, ту же ревность къ вѣрѣ, къ престолу, къ отечеству, и при патріархахъ.

Не будемъ говорить о величественномъ самоотверженіи Ермогена, о благочестивой твердости Филарета, о великодушномъ мужествѣ Діонисія, о мученическихъ страданіяхъ

5. Соборныя дѣянія времени Михаила, Алексѣя и Өеодора въ Румянцовскомъ Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ. Томы III и IV.

Іосифа въ защиту церкви, престола и государства: обратимъ вниманіе на постоянную заботливость нашихъ патріарховъ о церковномъ благоустройствѣ. Въ этой заботливости, въ этомъ стремленіи къ лучшему, обнаружился въ полномъ блескѣ кроткій характеръ нашего духовенства, столь несходный съ характеромъ западнаго: когда папы, вопреки общему требованію народовъ, упорствовали въ старинныхъ притязаніяхъ или предразсудкахъ, шли наперекоръ времени, не соглашались ни на какую полезную реформу, которой громко требовалъ общій голосъ вѣка, и изъ личныхъ видовъ воспламеняли въ Европѣ кровавыя войны, наши благочестивые іерархи, большею частію по собственному побужденію, упреждали время, сознавали необходимость улучшеній, исправляли неизбѣжные безпорядки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, даже отказывались отъ многихъ своихъ преимуществъ для пользы государства, и ревностно содѣйствовали стараніямъ монарховъ о благоустройствѣ общественномъ. Въ доказательство, какой духъ безкорыстія одушевлялъ въ то время наше духовенство, довольно привести уничтоженіе такъ называемыхъ тархановъ: это было право монастырей и духовныхъ властей на безпошлинную торговлю и на разныя льготы отъ земскихъ повинностей,—право, освященное вѣками, утвержденное великокняжескими и царскими грамматами и служившее обильнымъ источникомъ церковныхъ доходовъ. Царь Алексѣй отмѣнилъ его,[6] чтобы дать болѣе простора народной промышлености, и духовенство безъ ропота исполнило царскую волю, между тѣмъ какъ на западѣ отмѣна индульгенцій породила Реформацію.

Въ такомъ видѣ находились въ нашемъ отечествѣ два главные, основные элемента Европейскаго общества, монар-

6. Указомъ 1 марта 1672 года. Полн. Собр. Закон. I. № 507.

хія и церковь. Далѣе, вникая въ подробности стариннаго управленія нашего, формъ и обрядовъ суда, мѣръ къ безопасности внутренней и внѣшней, къ обогащенію государственному и частному, не можемъ не замѣтить, что правительственная система наша къ концу XVII столѣтія достигла вообще стройнаго и полнаго развитія, что она обнимала главныя условія общественнаго порядка, имѣла свои опредѣлительныя формы, и установившись постепенно, по указанію опыта, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала нравамъ и обычаямъ народнымъ. Правда, остались въ ней черты владычества Татарскаго, жестокія пытки, безчеловѣчныя казни; но вообще она выражала ясную идею правительства о необходимости закона твердаго, неприкосновеннаго, о водвореніи доброй нравственности, о возможномъ облегченіи народа, о защитѣ чести его и достоянія.

Былъ у насъ свой кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, если угодно неполный, недостаточный даже для своего времени, тѣмъ не менѣе мудрый и благодѣтельный въ основной идеѣ, какъ органическій сводъ законовъ отечественныхъ. Былъ у насъ свой государственный совѣтъ (Большая Дума), составленный изъ вельможъ, убѣленныхъ сѣдинами, умудренныхъ опытностію: они собирались почти ежедневно въ царскихъ палатахъ, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, и каждый изъ нихъ могъ говорить предъ государемъ свободно и откровенно. Были у насъ свои министерства, приказы, высшія правительственныя вѣдомства, которыя распоряжали дѣлами внѣшними, военными, судными, финансовыми. Подъ главнымъ надзоромъ ихъ состояли исполнители велѣній правительства, областные воеводы, судьи, сборщики податей, окладчики, дозорщики и другіе чины, обязанные дѣйствовать согласно съ данными имъ наказами или инструкціями, въ которыхъ прави-

тельство равно заботилось и о государственномъ интересѣ, и о выгодахъ народныхъ.

Законъ достаточно обезпечивалъ не только свободу или безопасность личную, но и честь каждаго подданнаго. Право помѣстнаго владѣнія было утверждено царскими грамматами и опредѣлено писцовыми книгами. Единообразное устройство было принято за непремѣнное условіе всѣхъ областей и народовъ, подвластныхъ скипетру Россійскаго государя; вездѣ господствовалъ и Русскій законъ, и Русскій языкъ. Отъ того быстро сглаживались мѣстныя черты покоряемыхъ нашимъ оружіемъ земель, и разнородныя части Россіи сливались въ одну плотную массу, въ одну могущественную Русскую державу.

Предъ закономъ были всѣ равны: онъ не различалъ вельможи отъ простолюдина въ случаѣ преступленія; судъ для всѣхъ былъ ровенъ.[7] Но различіе въ правахъ сословій, неизбѣжное, необходимое для каждаго благоустроеннаго общества, существовало. У насъ было дворянство многочисленное и блестящее, которое не уступало въ знатности и благородствѣ происхожденія ни одному Европейскому: въ составѣ своемъ оно могло насчитать нѣсколько тысячъ прямыхъ потомковъ Владиміра св. и столько же фамилій, ознаменованныхъ доблестью своихъ родоначальниковъ. На немъ лежали двѣ главныя обязанности: оборонять государство отъ враговъ внѣшнихъ и помогать государю въ управленіи. Каждый владѣлецъ земли, по первому царскому указу, долженъ былъ непремѣнно лично явиться на сборъ воинскій съ опредѣленнымъ числомъ людей ратныхъ; иначе терялъ свое помѣстье. Въ старину Русскій дворянинъ не могъ сказать, что въ его волѣ служить и не служить: онъ служилъ царю и царству до гроба, до послѣднихъ

7. Основная мысль Уложенія.

силъ, и своими заслугами облагороживалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ, которые гордились службою предковъ, какъ доблестью семейною, родовою. Изъ этой идеи возникло у насъ Мѣстничество, обыкновеніе вредное по слѣдствіямъ, но благородное по началу: ибо въ основаніе расчетовъ при спорахъ о старшинствѣ принимаемы были фамильныя заслуги предковъ. «Беречь и жаловать вельможъ по отечеству» было постояннымъ правиломъ всѣхъ государей Московскихъ, и престолъ ихъ окружали обыкновенно люди родословные, знаменитые знатностью отцевъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, весьма неохотно принимавшіе въ свой кругъ даже царскихъ свойственниковъ, если они не отличались своимъ происхожденіемъ. У насъ была своя высшая аристократія, гордая, недоступная, неизмѣнная въ своихъ правилахъ, которыя переходили изъ рода въ родъ. Нерѣдко безпокойная своими притязаніями, она служила однакожъ крѣпкою опорою престолу, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Москва обязана своимъ величіемъ сколько генію своихъ государей, столько и дальновидной мудрости ихъ совѣтниковъ.

Такимъ образомъ стародавняя Россія заключала въ нѣдрахъ своихъ главныя начала государственнаго благоустройства: она имѣла правленіе крѣпкое, единодержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь, въ наилучшихъ отношеніяхъ къ міру и къ верховной власти, опредѣленную въ правахъ и обязанностяхъ своихъ служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освященные опытомъ, мудростію вѣковъ. Единство вѣры, языка, управленія, скрѣпляло всѣ части ея въ одно цѣлое, въ одну могущественную державу, готовую по первому мановенію царя возстать на своихъ враговъ. Чего же не доставало ей?

чѣмъ вооружила она противъ себя государя природнаго, великаго умомъ и душею, такъ пламенно любившаго ея славу и благоденствіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ постоянно, такъ упорно ненавидѣвшаго ея старинныя формы, ея нравы и обычаи? Для чего разрушалъ онъ утвержденный вѣками порядокъ и замѣнялъ его новымъ? Согласимся ли съ Карамзинымъ и скажемъ, что безотчетная страсть къ иноземному руководила его мыслями и дѣйствіями? Или откроемъ болѣе основательныя побужденія къ этой реформѣ, столь тягостной для современниковъ, столь ненавистной для восторженныхъ приверженцевъ Русской старины?

Мы видѣли, какъ развились въ нашемъ отечествѣ основные элементы общественные; бросимъ теперь безпристрастный взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи. Нигдѣ ни одно правительство не пеклось заботливѣе Русскаго о благоденствіи народа, о внѣшней безопасности его, о неприкосновенности достоянія и чести каждаго, о святости закона, о чистотѣ нравственной, и нигдѣ положеніе дѣлъ не представляло столь грустной и печальной картины, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Извнѣ тревожили и грабили насъ хищные сосѣди, малосильные для другихъ, грозные и опасные для насъ однихъ. Не говоримъ о Швеціи, которая имѣла надъ нами перевѣсъ явный и рѣшительный: она занимала почетное мѣсто среди державъ Европейскихъ. Но какимъ образомъ могла соперничествовать съ нами Польша, составленная изъ самыхъ разнородныхъ стихій и уже носившая въ нѣдрахъ своихъ зародышъ неминуемаго разрушенія? Карлъ X завоевалъ ее однимъ походомъ, Карлъ XII низринулъ короля ея съ престола; а мы, послѣ вѣковыхъ усилій, не могли исхитить изъ рукъ ея единоплеменную, единовѣрную намъ страну, которая такъ часто умоляла насъ о защитѣ, и оста-

вили ее подъ игомъ жестокимъ, подавившимъ въ ней и Русскій языкъ и Русскій законъ. Мало того: намъ не давала покоя даже полудикая орда, гнѣздившаяся на Крымскомъ полуостровѣ. Едва ли проходилъ годъ, когда бы она, отдѣленная отъ Россіи пространствомъ степей, не разоряла полуденнаго края нашего; сколько разъ трепетала самая Москва отъ ея нашествій, даже при Романовыхъ! И дѣло невѣроятное, тѣмъ не менѣе достовѣрное: чтобы отвратить ея губительные набѣги, Московскій дворъ ежегодно посылалъ ей богатые дары, такъ называемые *поминки*, которыхъ ханы требовали однакожъ какъ должнаго, грозя, въ случаѣ неисправной присылки *хераджа* или казны, разореніемъ нашихъ селъ и городовъ. Мы имѣли многочисленное, мужественное дворянство, могли вывести въ поле до 200,000 ратниковъ—и почти платили дань степной ордѣ![8] Можемъ ли послѣ сего гордиться тогдашнимъ политическимъ могуществомъ?

Не утѣшительнѣе было и внутреннее состояніе Россіи. При всей строгости закона, при всей заботливости государей о правомъ судѣ, о безопасности лицъ и собственности, въ подробностяхъ управленія господствовало вообще тягостное самовластіе и безсовѣстное лихоимство. Довольно привести въ доказательство горькія жалобы народа въ послѣдніе годы жизни Михаила Θеодоровича на людей приказныхъ, всеобщее ожесточеніе противъ Морозова, неоднократные бунты при царѣ Алексѣѣ, бывшіе слѣдствіемъ наглыхъ притѣсненій. Областные воеводы, сосредоточивая въ лицѣ своемъ право суда гражданскаго и уголовнаго, сборъ податей, земскую полицію, нарядъ войска, съ одной стороны не имѣли возможности выполнить столь разнородныя обязанности, съ другой же находили множе-

8. См. Примѣчаніе 3.

ство случаевъ къ удовлетворенію беззаконнаго корыстолюбія. Пытки составляли необходимую принадлежность розыска по дѣламъ уголовнымъ и преступленіямъ государственнымъ. Столь же ненавистный, столь же безчеловѣчный правежъ отдавалъ бѣдныхъ должниковъ въ жертву немилосердыхъ заимодавцевъ. Кнутъ не щадилъ даже знатныхъ дворянъ. Ратныя ополченія наши представляли многочисленную, но нестройную громаду малоопытныхъ помѣщиковъ и сельскихъ обывателей, оторванныхъ отъ плуга и вооруженныхъ чѣмъ попало: обязанные сами заботиться о своемъ продовольствіи во время похода, они равно опустошали и свою и чужую землю, или гибли отъ голода.

Кромѣ того, у насъ не развилась ни одна отрасль промышлености, знанія или искусства. Наше рукодѣльное производство ограничивалось выдѣлкою грубаго холста; наша торговля заключалась въ перевозкѣ изъ города въ городъ хлѣба, сала, дегтю. Все необходимое для удобства жизни мы получали изъ-за границы: оттуда везли намъ сукна, полотна, издѣлія шелковыя, металлическія; оттуда мы получали даже пушки и ядра. Города наши отличались отъ деревень только бо́льшимъ числомъ домовъ, церквей, кремлемъ или крѣпостью, обыкновенно земляною, и базаромъ, гдѣ продавались сельскія произведенія и мелочные предметы для домашняго обихода. Едва имѣя понятіе о ремеслахъ, мы тѣмъ менѣе были знакомы съ художествами и искусствами изящными. Единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ была балалайка; живописью занимались одни иконописцы, большею частію не понимавшіе первыхъ началъ своего искусства; только зодчество оставило нѣсколько памятниковъ, замѣчательныхъ красотою, еще болѣе древностью. Словесность ограничивалась списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспаси-

тельныхъ. Грамота впрочемъ была доступна весьма немногимъ: еще въ исходѣ XVII столѣтія не каждый царедворецъ умѣлъ подписать свое имя. Грубое невѣжество, господствуя въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, разливало тлетворный ядъ свой на нравы и обычаи, которые представляли странную смѣсь добрыхъ качествъ, свойственныхъ Русскому народу, съ предразсудками, суевѣріемъ, даже съ отвратительными пороками.

Странно было бы доказывать, что Россія, при такомъ положеніи дѣлъ, вопреки мнѣнію краснорѣчиваго защитника старины ея, не взирая на благотворное развитіе основныхъ элементовъ своихъ, далеко не достигла той цѣли, къ которой стремились всѣ государства Европейскія, и которая состоитъ въ надежной безопасности извнѣ и внутри, въ дѣятельномъ развитіи нравственныхъ, умственныхъ и промышленныхъ силъ, въ знаніи, искусствѣ, въ смягченіи дикой животной природы, однимъ словомъ въ томъ, что̀ украшаетъ и облагороживаетъ человѣка. Остается рѣшить вопросъ, не могла ли Россія выйти изъ своего тягостнаго положенія постепеннымъ, хотя медленнымъ образованіемъ своего гражданскаго порядка, въ слѣдствіе внутренняго стремленія къ усовершенствованію, безъ крутаго переворота, которымъ такъ сильно потрясъ ее Петръ Великій? Исторія собственно не можетъ и не должна входить въ изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ: одному Богу извѣстно, что̀ было бы съ Россіею, даже съ Европою въ XVIII столѣтіи, если бы мы въ суровой школѣ Петра не извѣдали тайны сокрушить Карла XII, смирить Фридриха Великаго, поколебать Порту Оттоманскую . . . . Но исторія можетъ и должна сказать, въ какой степени обнаруживалось въ насъ внутреннее стремленіе къ лучшему, къ усовершенствованію, къ заимствованію отъ другихъ болѣе об-

разованныхъ народовъ всего полезнаго: здѣсь она судитъ по фактамъ.

Было время, когда все предвѣщало Россіи блестящую будущность: окрестъ ея падали могущественныя непріязненныя царства, и отдаленные народы вступали съ нею въ торговыя связи; внутри, въ каждомъ дѣйствіи правительства, выражалась ясная, отчетливая идея о водвореніи лучшаго порядка, объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей жизни общественной, и, что̀ всего важнѣе, о необходимости образованія народнаго. Такъ было въ то время, когда близъ трона Іоанна Грознаго стоялъ незабвенный Адашевъ. Тутъ мы сокрушили царство Казанское, царство Астраханское, подчинили своей власти казаковъ Донскихъ, казаковъ Запорожскихъ, едва не овладѣли Крымомъ, завоевали Ливонію, завели дѣятельную торговлю съ Англіею, съ Персіею, даровали свое покровительство Грузіи, имѣли сношенія со всею Европою; между тѣмъ, внутри положили начало войску регулярному, предоставили важныя премущества городамъ, ограничили самовластіе воеводъ, учредили бдительный надзоръ за исполненіемъ закона, за чистотою нравственною, устроили книгопечатаніе, и, къ довершенію всего, обратились къ просвѣщенной Европѣ съ призывомъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, для образованія Россіи, въ твердомъ намѣреніи основать училища народныя, о чемъ уже разсуждали на Соборѣ. Вотъ моментъ, когда въ древнемъ отечествѣ нашемъ обнаружилось живое чувство цивилизаціи, ясное стремленіе впередъ, къ лучшему, къ совершеннѣйшему.

Отъ сей эпохи до Петра Великаго протекло около полутораста лѣтъ: казалось бы, Россія, обновленная послѣ Татарскаго ига, устроенная, возвеличенная, не остановится на своемъ блестящемъ поприщѣ и совершитъ подвигъ

великій: вышло иначе. Извнѣ мы болѣе теряли, чѣмъ пріобрѣтали: упустили изъ рукъ своихъ Ливонію, утратили стародавнія Русскія земли при Финскомъ заливѣ и дали возможность ожить Крымской ордѣ, обезсиленной умомъ и мечемъ Адашева. Мы пріобрѣли Малороссію, но не всю, только половину ея, съ трудомъ удержали за собою Кіевъ; и какихъ огромныхъ пожертвованій стоило намъ это пріобрѣтеніе, какъ оно было не надежно до самаго конца XVII вѣка отъ бурныхъ волненій ея, еще болѣе отъ вмѣшательства Турціи! Казань, долговременную соперницу Москвы, упорно защищавшую свою вѣру и независимость, мы сокрушили однимъ ударомъ; а Малороссія, страна единовѣрная, добровольно намъ поддавшаяся, вовлекла насъ въ жестокую, пятидесятилѣтнюю борьбу и съ ея собственными сынами и съ сосѣдами. Умолчимъ о другихъ неудачахъ внѣшнихъ, о походѣ Шеина подъ Смоленскъ, объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, о неоднократномъ пораженіи нашихъ войскъ Чарнецкимъ, Любомирскимъ.

Внутри обнаруживались бѣдственныя предзнаменованія: регулярное войско, учрежденное при Іоаннѣ Грозномъ, въ счастливое время его правленія, обратилось въ скопище необузданныхъ мятежниковъ. Въ самомъ народѣ господствовалъ ропотъ, который неоднократно обнаруживался кровавыми событіями: общее неудовольствіе сословій на людей приказныхъ, на ихъ лихоимство и неправосудіе, замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, разразилось, по воцареніи сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнулъ бунтъ Коломенскій; тамъ поднялся на Дону Разинъ; тутъ взволновалась Малороссія. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась. Злобный

духъ противодѣйствія и мятежа проникъ далѣе: первосвятитель Никонъ дерзнулъ вступить въ открытый, дотолѣ неслыханный въ нашемъ отечествѣ споръ съ государемъ, своимъ другомъ и благодѣтелемъ, къ общему соблазну всей Россіи. Мало того: на самую Церковь, всегда чистую, всегда недоступную усиліямъ еретиковъ, возстала многочисленная секта такъ называемыхъ старовѣровъ, нелѣпая по своему происхожденію, тѣмъ не менѣе упорная и мятежная.

Не ясно ли свидѣтельствуютъ сіи событія о раздражительномъ состояніи умовъ, столь вредномъ для благоустройства общественнаго? Они же, вмѣстѣ со многими подобными фактами, удостовѣряютъ въ другой, не менѣе горестной истинѣ: намъ еще незнакомо, намъ чуждо было то, чѣмъ Европейскіе народы справедливо гордятся предъ обитателями другихъ частей свѣта, внутреннее стремленіе къ лучшему, совершеннѣйшему, самобытное развитіе своихъ силъ умственныхъ и промышленныхъ, ясное сознаніе необходимости образованія народнаго. Напрасно увѣряетъ Карамзинъ, что Россія въ XVII столѣтіи сближалась съ Европою, и «явная польза, явное превосходство «одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ «уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспи«танія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи». Мы согласны, что сношенія наши съ Европою въ царствованіе дома Романовыхъ были вообще дѣятельны; но надобно вникнуть въ истинное свойство ихъ и значеніе: не мы заводили эти связи, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для своей промышлености или образованія, а предпріимчивые Голландцы, Англичане, Датчане, Шведы посылали къ намъ своихъ пословъ и агентовъ, отчасти вмѣшиваясь въ наши вѣковыя распри съ Польшею, отчасти, и еще болѣе, изъ видовъ торговыхъ. Призваніе же нѣсколькихъ сотъ ино-

земныхъ офицеровъ въ царскую службу, самое учрежденіе многихъ полковъ по образцу нѣмецкому со временъ Михаила Θеодоровича, ни мало не измѣнило нашей системы войны: мы ополчались по прежнему, сражались по старинѣ, нестройными массами, и царь Θеодоръ Алексѣевичъ откровенно сознался Земскому собору, что даже Ту́рки превосходили насъ въ воинскомъ искусствѣ.

Разительнымъ доказательствомъ, какъ еще лѣниво и неохотно мы пользовались великими изобрѣтеніями ума Европейскаго, служитъ состояніе у насъ книгопечатанія. узнанное нами чрезъ *сто* лѣтъ послѣ его изобрѣтенія и заведенное въ Москвѣ въ счастливые годы царствованія Іоанна Грознаго, оно ограничилось тѣснымъ кругомъ книгъ церковныхъ. Мы не успѣли напечатать даже ни одной лѣтописи; да и самыя лѣтописи, единственное выраженіе нашей любознательности, принявшія подъ перомъ Адашева характеръ исторіи, основанной на актахъ,[9] самыя лѣтописи въ XVII столѣтіи замолкли. Вообще намъ еще недоступна была идея о необходимости образованія. Мы коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; мы спѣсиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, иноземное; ненавидѣли все новое, и въ какомъ-то чудномъ самозабвеніи воображали, что «православный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь первое государство». Безспорно, привязанность къ родному, національному, также необходима для благоденствія обществъ, какъ и самое образованіе. Но если это благородное чувство переходитъ въ закоренѣлый предразсудокъ, отвергающій всякую новую мысль, ужели государство, имъ зараженное, можетъ благоденствовать? Вотъ, противъ чего такъ грозно, такъ

9. См. Примѣчаніе 4.

могущественно, со всею пылкостію своего огненнаго характера, со всею крѣпостью своей желѣзной воли, вооружался Петръ Великій. Онъ хотѣлъ преобразовать полуазіятскую Россію въ государство, цвѣтущее промыслами, искусствами, науками, съ необходимымъ политическимъ вѣсомъ въ Европѣ.

Вотъ основная идея царствованія Петра, вотъ истина, которая ярко свѣтится на всѣхъ памятникахъ его времени! Въ какой же степени успѣли бытописатели изобразить эту чудную эпоху, эту необъятную громаду событій, поколебавшихъ все, что̀ прежде было непоколебимо, учредившихъ во всемъ иной порядокъ, даровавшихъ Россіи новую, лучшую жизнь и крѣпость несокрушимую?

II.

Прекрасно было начало дѣеписанія о Петрѣ; продолженіе далеко не соотвѣтствовало началу: писано много, но едва ли обрисована и тѣнь его величія.

Самъ Петръ былъ историкомъ своего царствованія.

Послѣ пораженія Карла XII подъ Полтавою, одолѣвая Шведовъ при каждой встрѣчѣ, на морѣ и на сушѣ, Русскій Царь имѣлъ полное право гордиться своими подвигами и желалъ передать потомству память своихъ дѣлъ въ истинномъ, безукрашенномъ видѣ.[10] Мысль его взялись исполнить Ѳеофанъ Прокоповичъ, епископъ Псковской, и учитель царевича Алексѣя Петровича, баронъ Гюйсенъ. Тому и другому сообщены были офиціальные матеріалы, какъ видно изъ сочиненія Ѳеофана, и какъ еще болѣе свидѣтельствуетъ собственноручная записка Государя 1714 го-

10. Еще въ 1711 году онъ поручилъ написать *Гисторію Свейской войны* переводчику Посольскаго приказа Венедикту Шиляигу; трудъ его совершенно неизвѣстенъ: въ архивѣ сохранилось только свѣдѣніе о доставленныхъ ему матеріалахъ. См. Приложенія № 1

да, сохранившаяся въ кабинетныхъ дѣлахъ его: «Журналы всѣ отдать Гизену».[11]

Феофанъ Прокоповичъ.

Феофанъ въ своей исторіи Петра почти исключительно описываетъ дѣла Шведскія, основываясь на походныхъ журналахъ, на донесеніяхъ главнокомандующихъ, въ особености на Марсовой книгѣ, или собраніи реляцій о баталіяхъ до 1713 года. Искусный проповѣдникъ, ученый богословъ, Феофанъ былъ вовсе не историкъ, и тѣмъ менѣе могъ быть историкомъ военнымъ, что онъ всю жизнь свою провелъ въ кельяхъ монастырскихъ, никогда не видавъ боеваго поля. Отъ того, описывая сраженія, онъ впадалъ въ неизбѣжныя ошибки; притомъ же работалъ съ очевидною поспѣшностію, на скорую руку, дѣлалъ пропуски, которые хотѣлъ дополнить въ послѣдствіи; а главное, чего не терпѣлъ Петръ, онъ говорилъ тономъ лести и похвалы. Угожденіе времени онъ простиралъ такъ далеко, что въ исторіи великой войны считалъ нужнымъ описывать *свадьбу свѣтлѣйшаго князя*, то есть Меншикова.[12]

Баронъ Гюйсенъ.

Баронъ Гюйсенъ, имѣя въ рукахъ подлинные журналы походовъ и путешествій, ограничился выписками изъ нихъ до 1715 года, безъ всякой связи, впутывая въ историческія событія многія мелочи и дѣла постороннія.[13]

Макаровъ.

Недовольный слабымъ трудомъ Феофана и Гюйсена, Петръ рѣшился самъ быть историкомъ своего царствованія. «Написать о войнѣ, какъ зачалась, и о нравахъ и случаяхъ, «какъ и кѣмъ дѣлана», отмѣтилъ онъ въ 1718 году, между другими своими предначертаніями, и повелѣлъ кабинетъ-секретарю Макарову: собравъ необходимые матеріалы воен-

11. Кабинет. дѣла. Отдѣл. I. т. 63.

12. Оригинальное сочиненіе Феофана хранится въ Государственномъ Архивѣ съ собственноручными его замѣчаніями, изъ которыхъ видно, что оно писано не въ 1730 году, какъ догадывался митрополитъ Евгеній, а при жизни Петра, и безъ сомнѣнія по волѣ Государя.

13. Рукописный экземпляръ сочиненія Гюйсена хранится въ Государственномъ Архивѣ, но неполный, въ томъ самомъ видѣ, какъ напечатанъ онъ Туманскимъ въ *Собраніи записокъ къ исторіи Петра Великаго*, ч. III и VIII.

ные и политическіе, подлинные журналы походовъ и путешествій, донесенія полководцевъ и министровъ, реляціи сраженій, выписать изъ нихъ все замѣчательное для исторіи слово въ слово, въ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякихъ прикрасъ, съ необходимыми поясненіями. Онъ такъ заботился объ успѣшномъ ходѣ этого дѣла, что по заключеніи Ништадтскаго мира, распредѣливъ по днямъ свои государственныя занятія, назначилъ, среди важнѣйшихъ трудовъ законодательныхъ, особенное время (субботнее утро) *на исторію о войнѣ*.

Мало того: въ намѣреніи Петра было съ исторіею Шведской войны соединить исторію и внутреннихъ государственныхъ учрежденій. Оно ясно обнаруживается изъ слѣдующей собственноручной его записки: «Вписать въ исто-«рію», отмѣтилъ онъ въ 1722 году «что въ сію войну сдѣ-«лано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ, «обоихъ путей регламентовъ (*т. е. сухопутныхъ* и *мор-«скихъ)* и духовныхъ; такожъ строенія фортецъ, гавановъ, «флотовъ корабельнаго и галернаго, и манифактуръ всякихъ, «и строенія въ Питербурхѣ и на Котлинѣ и въ прочихъ «мѣстахъ».[14] То же повторилъ онъ не задолго до своей кончины, когда, уже страдая смертельнымъ недугомъ, начерталъ дрожащею рукою: «Вписать въ гисторію, въ которое «время какія вещи для войны и прочихъ художествъ и по «какой причинѣ или принужденія зачаты, напримѣръ «ружье для того, что не стали (Шведы) пропускать, такожъ «и о прочихъ». Мысль о *гисторіи* занимала его и на одрѣ смертномъ!

Такъ и въ области исторіи Петръ возвышался надъ современными понятіями о предметѣ и содержаніи ея, съ тою же изумительною силою, которая отличаетъ всѣ дѣла его и

14. См. Приложенія № II. статьи 1—5.

предначертанія: знакомый единственно съ лѣтописями отечественными, съ записками Юлія Кесаря, съ сочиненіемъ Пуффендорфа, онъ долженъ былъ, по видимому, ограничиться дѣлами политическими и военными. Геній его пробудилъ въ немъ историческую идею во всемъ ея объемѣ, во всей ея полнотѣ, незнакомую его вѣку, доступную и понятную только нашему времени. Мало того: онъ хотѣлъ присоединить къ своему историческому труду то, что мы называемъ нынѣ оправдательными статьями, подлинные важнѣйшіе акты, выписки и поясненія, для бо̀льшей полноты и достовѣрности.

Приготовительная работа, собраніе матеріаловъ, возложенная на Макарова, вполнѣ соотвѣтствовала обширности плана: выписывая факты изъ подлинныхъ бумагъ, отвсюду стекавшихся въ царскій кабинетъ въ необъятномъ множествѣ, Макаровъ, по волѣ Государя, требовалъ дополнительныхъ свѣдѣній историческихъ отъ многихъ его сподвижниковъ и сотрудниковъ, отъ разныхъ коллегій и канцелярій. Доставленныя ими свѣдѣнія доселѣ хранятся въ подлинникѣ. Такъ начальникъ Преображенскаго приказа, князь кесарь Ромодановскій сообщилъ любопытную и подробную записку о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ; князь В. В. Долгорукій о мятежѣ Булавинскомъ; фельдмаршалъ Шереметевъ, князь Голицынъ, князь Репнинъ, графъ П. Апраксинъ о дѣйствіяхъ своихъ во время Шведской войны; генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ о состояніи артиллеріи въ разное время; генералъ-полицмейстеръ Девіеръ о первоначальномъ строеніи С.-Петербурга и Кронштадта; Иностранная коллегія о дѣлахъ посольскихъ, Военная о наборѣ и составѣ войскъ въ разныя эпохи. Спрашивали даже плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ о дѣйствіяхъ съ ихъ стороны: между прочимъ Шлиппенбахъ

прислалъ любопытныя свѣдѣнія о Карлѣ XII послѣ Нарвской битвы и о своихъ встрѣчахъ съ Шереметевымъ въ Лифляндіи.

Однимъ словомъ нельзя было приступить къ дѣлу съ бо̀льшею основательностью и отчетливостью. Исполненіе столь огромнаго предпріятія было однако не по силамъ Макарова, опытнаго, искуснаго чиновника, но не писателя, не историка. Тщетно прибѣгалъ онъ къ совѣтамъ Шафирова, славившагося въ то время ученостью; тщетно призывалъ на помощь другихъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ самымъ дѣятельнымъ былъ секретарь коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Юрьевъ. Составленная имъ исторія приняла видъ дневника или журнала военныхъ дѣйствій и царскихъ походовъ, журнала несвязнаго, неполнаго, нерѣдко мелочнаго въ подробностяхъ, со многими пропусками, съ нескладнымъ описаніемъ битвъ, и еще менѣе удачнымъ изображеніемъ дѣлъ внутреннихъ, оставленныхъ почти безъ вниманія. Единственнымъ, впрочемъ немаловажнымъ достоинствомъ труда Макарова была добросовѣстность, съ которою онъ пользовался бывшими въ рукахъ его источниками: всѣ они доселѣ хранятся въ подлинникѣ въ Государственномъ архивѣ. Самая тщательная повѣрка ихъ убѣждаетъ, что редакторъ не дозволялъ себѣ ни отступленій, ни прибавленій, тѣмъ менѣе вымысловъ.

Года въ четыре кончилъ Макаровъ свою *исторію о войнѣ* и представилъ ее Императору въ Преображенскомъ, чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи его изъ Персидскаго похода, испрашивая разрѣшенія на многіе предметы, которые могли быть извѣстны только Государю, именно о свиданіи съ королемъ Польскимъ въ мѣстечкѣ Равѣ, гдѣ рѣшено было воевать Швецію совокупными силами, о числѣ Русскихъ и непріятельскихъ войскъ въ Нарвскомъ

сраженіи, о переговорахъ съ Литовскими послами подъ Нотебургомъ, о причинахъ несогласій съ Датскимъ дворомъ, не дозволившихъ произвести высадку въ Швецію.

Петръ, разрѣшивъ недоумѣнія своего секретаря, съ свойственнымъ ему жаромъ и вниманіемъ прочиталъ все сочиненіе съ перомъ въ рукѣ, и не оставилъ въ немъ ни одной страницы неисправленною: всѣ выраженія велерѣчивыя, въ особенности относившіяся къ особѣ его, исключилъ; неумѣстныя мелочи уничтожилъ; обороты растянутые сжалъ; нескладныя фразы исправилъ; описанія сраженій и статьи политическія совершенно передѣлалъ, или дополнилъ многими любопытными подробностями, сохранившимися въ его изумительной памяти съ такою свѣжестью, что она не измѣняла ему ни въ исчисленіи войска, ни въ названіи самыхъ мелкихъ лицъ и мѣстъ.[15] Петръ Великій.

Эта первоначальная редакція была переписана и вторично представлена Государю въ С.-Петербургѣ; онъ не былъ доволенъ и второю редакціею, ни третьею, ни даже четвертою: всѣ онѣ имѣли одну участь съ первою, и всѣ сохранились въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ подъ пера его, представляя историку сокровище неоцѣненное. Немногія мѣста работы Макарова уцѣлѣли; все важное, главное принадлежитъ самому Петру, тѣмъ болѣе, что и статьи, оставленныя имъ безъ измѣненія, выписаны редакторомъ изъ его же черновыхъ бумагъ, или изъ журналовъ, правленныхъ его собственною рукою. Слѣдовательно на это сочиненіе мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на трудъ самого Петра, и не можемъ не удивляться странной небрежности исторіографа Щербатова, который, издавая его въ свѣтъ въ 1770 году, по волѣ императрицы Екатерины II, далъ ему вовсе не соотвѣтствующее заглавіе:

15. См. Приложенія № II, статьи 6, 7.

Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира, упомянувъ, что онъ сочиненъ при кабинетѣ Государя и правленъ его собственною рукою, но не объяснивъ, въ чемъ состояли эти исправленія, кто занимался собраніемъ матеріаловъ, откуда они заимствованы и въ какой степени заслуживаютъ вѣроятія.

Отъ того изданіе въ свѣтъ столь важнаго труда Петрова, о которомъ думалъ онъ даже на смертномъ одрѣ, осталось въ свое время не замѣченнымъ; да и теперь извѣстенъ онъ безъ сомнѣнія не многимъ; историки ссылались на него съ недовѣрчивостію и часто оспаривали его указанія, полагая, что имѣютъ дѣло съ неученымъ и небрежнымъ Щербатовымъ, за исключеніемъ только одного автора Исторіи Русскихъ войнъ въ XVIII столѣтіи, принявшаго такъ называемый журналъ въ основаніе своего прекраснаго сочиненія.

Между тѣмъ, едва-ли есть памятникъ отечественной словесности, который болѣе заслуживалъ бы вниманія въ историческомъ смыслѣ. Здѣсь самъ Петръ говоритъ съ потомствомъ о дѣлахъ своего громкаго царствованія, разсказываетъ свои побѣды и неудачи, оцѣниваетъ заслуги своихъ сподвижниковъ, говоритъ о самомъ себѣ, о своихъ планахъ и намѣреніяхъ. Здѣсь онъ является на судъ безпристрастный не грознымъ монархомъ, не полководцемъ или законодателемъ, а скромнымъ историкомъ, ожидая приговора не въ томъ, какъ онъ царствовалъ, или побѣждалъ враговъ отечества, а въ томъ, какъ хотѣлъ онъ представить свои дѣла, свои побѣды и неудачи. Однимъ словомъ раждается вопросъ важный и любопытный: до какой степени вѣрно и безпристрастно описывалъ Петръ свои дѣла?

Имѣвъ случай и возможность повѣрить всѣ его слова

подлинными актами, доселѣ во множествѣ сохранившимися, свидѣтельствомъ очевидцевъ своихъ и чужеземныхъ, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что самая строгая истина руководила перомъ нашего вѣнценоснаго историка. Съ благородною откровенностію говоритъ онъ о своихъ неудачахъ подъ Нарвою, подъ Митавою, при Гроднѣ, при Головчинѣ, при Прутѣ, не скрывая ни огромности потерь, ни важности ошибокъ. Правда, извѣстія его въ подробностяхъ не согласны съ тѣмъ, что разгласили Шведскіе бытописатели о нашихъ пораженіяхъ; но мы имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства въ защиту своего историка. Русская армія, напримѣръ, разбитая Карломъ XII подъ Нарвою, по словамъ Шведовъ, состояла изъ 80,000 человѣкъ, и вся Европа доселѣ вѣритъ имъ. Въ исторіи Петра исчислено не болѣе 35,000, и показаніе его вѣроятнѣе: оно подтверждается, вопервыхъ, подробными вѣдомостями, доставленными Макарову изъ Военной коллегіи; вовторыхъ, журналомъ Саксонскаго генералъ-поручика барона Галларта, который самъ былъ подъ Нарвою, находясь въ нашей службѣ, и съ величайшею точностію записывалъ, что происходило каждый день во время осады, какіе были полки и въ какомъ составѣ. Несравненно осторожнѣе и добросовѣстнѣе былъ Петръ въ исчисленіи непріятельскихъ силъ: когда спрашивалъ его Макаровъ, сколько было войскъ у Карла XII въ томъ же Нарвскомъ сраженіи, Государь отмѣтилъ на докладѣ: «Подлинно неизвѣстно, понеже ихъ офи-«церы послѣ не равно сказывали: иные 12,000, иные болѣе, «а иные только 8000».

Не скрывая ни ошибокъ, ни пораженій своихъ, онъ въ то же время съ рѣдкою скромностью говоритъ о своихъ личныхъ подвигахъ: всегда непримиримый врагъ лести, онъ не допускалъ и въ исторіи самыхъ справедливыхъ по-

хвалъ своему лицу. Такъ выраженіе Макарова, въ первоначальной редакціи, что въ битвѣ подъ Полтавою «Государь свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, «не опасаясь никакого страха своей высокой особѣ, въ высшемъ градусѣ показалъ», Петръ замѣнилъ слѣдующими простыми словами: «За людей и отечество не щадя своей «особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ».[16]

Съ такою же скромностію онъ разсказываетъ о доблестномъ подвигѣ Капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка въ устьѣ Невы, гдѣ, предводительствуя канонирскими лодками, онъ напалъ на Шведскія суда, вооруженныя пушками, и овладѣлъ ими. Одну только черту замѣтилъ историкъ въ мужественномъ Капитанѣ, именно то, что кромѣ его, да поручика Меншикова, не было тогда никого знакомаго съ моремъ. Капитанъ этотъ былъ самъ Петръ.

Рѣчь его всегда спокойная, безпристрастная, строго историческая, изрѣдка одушевляется однимъ чувствомъ, которымъ исполнена была его пламенная душа, любовью къ отечеству: съ жаромъ, съ благороднымъ негодованіемъ отзывается онъ о коварствѣ союзниковъ, вредившихъ Россіи изъ зависти къ ея могуществу; съ замѣтнымъ удовольствіемъ, съ очевиднымъ чувствомъ національной гордости говоритъ о блестящихъ подвигахъ своего воинства, еще юнаго на поприщѣ воинскаго искусства. Мысль о славѣ и величіи Россіи равно одушевляла Петра, держалъ ли онъ скипетръ монарха, или перо историка.

Баронъ Шафировъ.

Къ величайшему прискорбію потомства, онъ не успѣлъ, за преждевременною кончиною, передѣлать *исторію* о войнѣ Свейской въ исторію своего царствованія. Екатерина I желала довершить его намѣреніе. Съ этою цѣлію, тотчасъ

16. См. Приложенія № II, ст. 7.

по восшествіи на престолъ, она вызвала изъ ссылки барона Шафирова, который немало участвовалъ въ составленіи гисторіи, и поручила ему описать прежде всего жизнь и дѣянія Петра, отъ рожденія до начала Шведской войны. Шафирову открыты были матеріалы, назначены помощники, отведенъ особый домъ; но едва ли охотно принялся онъ за это дѣло, выхлопоталъ себѣ мѣсто президента Коммерцъ-коллегіи, пустился въ торговыя спекуляціи и не написалъ, кажется, ни строки; по крайней мѣрѣ въ архивахъ нѣтъ и слѣдовъ его работы.[17]

По смерти Екатерины I никто уже не думалъ о Гисторіи Свейской войны: повелѣніемъ императрицы начисто переписанная съ послѣдней редакціи и приготовленная къ печати, она оставалась не изданною болѣе 40 лѣтъ.[18] Еще менѣе заботились объ исполненіи предсмертнаго желанія Петрова, составить полную исторію его царствованія: при внукѣ его всѣ были заняты интригами дворскихъ партій; девизомъ царствованія Анны было: Petrus magnus, Anna maior.

Императрица Елисавета Петровна, благоговѣя къ памяти отца, желала видѣть дѣла его описанными перомъ искуснымъ, и каммергеръ ея Ив. Ив. Шуваловъ предложилъ этотъ трудъ писателю знаменитому, наполнявшему всю Европу Вольтеръ

17. См. Приложенія № III.

18. Заглавіе рукописи, предназначенной къ изданію въ свѣтъ при императрицѣ Екатеринѣ I: «Поденная записка или журналъ собственный блаженныя и высокодостойныя памяти Его И. В. «Петра Великаго съ 1698 года, какихъ ради причинъ возвращеніе въ Россію изъ Европейскихъ «краевъ возъимѣлъ, и о началѣ Свейской войны, какимъ образомъ оная начало свое воспріяла, «и какія баталіи и знатныя дѣйства не токмо между Россійскихъ и Свейскихъ войскъ, но и другихъ союзниковъ Его И. В. даже до окончанія благополучнаго Нейштатскаго мира происходили, и какія вновь для государственнаго установленія учрежденія учинить изволилъ, которую «Его И. В. еще при жизни своей выправить и на мѣрѣ поставить изволилъ; но за пресѣченіемъ «жизни Его Величества оная въ печать еще не была издана; а нынѣ повелѣніемъ Ея И. В. Само«держицы Всероссійской, для всенароднаго вѣдѣнія, въ печать издана въ Санктпитербурхѣ.»

Этотъ самый экземпляръ напечатанъ, по волѣ императрицы Екатерины II, княземъ Щербатовымъ въ С.п.б. 1770—1772, въ двухъ томахъ in 4°, подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная записка блаж. и вѣчнодост. памяти Государя Императора Петра Великаго, съ 1698 года даже до «заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою Его И. В.» Французскій переводъ, впрочемъ невѣрный и неполный, напечатанъ въ Берлинѣ, въ 1773 году. Лучшій изъ двухъ Нѣмецкихъ переводовъ, Арндта и Бакмейстера, въ Beiträge zur Geschichte Peters des Grossen, Riga 1774—1784.

славою своего имени, Вольтеру. Сообщили ему матеріалы, извлеченные изъ архивовъ, частію въ подлинникѣ, частію въ переводахъ Тауберта, Миллера, Штелина, послали многоцѣнную коллекцію Русскихъ медалей, дорогіе мѣха, и ровно чрезъ годъ (въ 1761), вмѣсто ожидаемой полной и подробной Исторіи Петра, получили отъ него въ одной небольшой книгѣ: Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'histoire de Charles XII, сочиненіе слабое, безцвѣтное, столь же неудовлетворительное въ смыслѣ исторіи имперіи, какъ и въ смыслѣ жизнеописанія Императора, наполненное всякаго рода ошибками, ложными умствованіями, и во многихъ мѣстахъ несогласное съ доставленными автору документами.[19]

Изумленный Шуваловъ спрашивалъ автора, почему не воспользовался онъ сообщенными ему матеріалами, не помѣстилъ многихъ подробностей и для чего исковеркалъ почти всѣ имена собственныя? Вольтеръ отвѣчалъ: «я не привыкъ слѣпо списывать со всего, что мнѣ присылаютъ; у меня есть свой взглядъ и свои достовѣрные матеріалы; что же касается до упрека въ искаженіи именъ собственныхъ, то кажется, его дѣлаетъ мнѣ какой нибудь Нѣмецъ: je lui souhaite plus d'esprit et moins de consonnes», присовокупилъ Вольтеръ съ обычнымъ своимъ легкомысліемъ. Не жаль потери золотыхъ медалей и дорогихъ мѣховъ, но жаль матеріаловъ, которые частію посланы были въ подлинникѣ и утратились невозвратно.

Между тѣмъ въ Россіи давно уже трудился надъ исторіею Петра свой, домашній, бытописатель, которому также открыты были сокровища архивовъ, собиратель трудолюбивый, но бездарный и безграмотный, Новгородскій дво-

19 Какого рода матеріалы были сообщены Вольтеру и какъ онъ ими пользовался, можно видѣть примѣръ въ Busching's Magazin für die neue Historie und Geographie, III. 193.

рянинъ Петръ Крекшинъ.[20] Изъ дѣлъ Государственнаго архива видно, что въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, онъ былъ коммиссаромъ въ Кронштадтѣ, и въ 1720 году подрядился вырыть и обложить плитою Кронштадтскій каналъ, подъ руководствомъ инженеръ-капитана Лейна и подъ главнымъ надзоромъ стольника Самарина;[21] въ слѣдъ за тѣмъ принялъ на себя поставку лѣса для плотины на рѣкѣ Сестрѣ, гдѣ извѣстный Геннинъ устроивалъ оружейный заводъ.[22] Какъ Самаринъ, такъ и Геннинъ неоднократно жаловались Сенату, самому Государю, на неисправность Крекшина, который забиралъ впередъ деньги и не исполнялъ условій договора. Геннинъ даже просилъ прислать для понужденія его гвардіи офицера съ двумя сержантами, потому, что «я» писалъ онъ къ Петру «съ такимъ «ябедникомъ браниться не буду». Крекшинъ съ своей стороны неоднократно доносилъ Государю на стольника Самарина, въ неисправномъ заготовленіи плиты для обдѣлки канала.[23] Сенатъ однакожъ нашелъ его самого неправымъ и указомъ предписалъ, чтобы онъ не прихотничалъ, и додѣлывалъ забранныя впередъ деньги. Ссоры и взаимныя жалобы возобновились въ 1723 году; разобрать ихъ велѣно князю М. М. Голицыну.[24] Что оказалось по слѣдствію, не извѣстно. Не знаемъ также, когда онъ уволился отъ должности коммиссара, хотя и сохранилъ это званіе до самой смерти.

Еще при жизни Петра, онъ началъ собирать матеріалы для его исторіи, трудился лѣтъ 20, наполнилъ 200 тетрадей разными выписками и извлеченіями, и въ 1742 году

20. Новиковъ, могшій знать его лично, говоритъ въ своемъ *Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ (1772, стр. 98)*, что Крекшинъ умеръ около 1763 года безъ мала 80 лѣтъ; слѣд. онъ могъ родиться вскорѣ по восшествіи Петра на престолъ и былъ ему современникъ.

21. Кабинет. дѣла. Отдѣл. II, томъ 48.

22. Кабинет. дѣла. Отдѣл. II, томъ 54.

23. Кабинет. дѣла. Отдѣл. II, томъ 60.

24 Кабинет. дѣла. Отдѣл. I, томъ 57.

поднесъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ первый томъ своего сочиненія о Петрѣ, подъ заглавіемъ: «Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго Государя Императора «Петра Великаго, Самодержца Всероссійскаго, собранное «чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба, Крекшина, дворянина Великаго Новгорода. Томъ первый, со«держащій въ себѣ частей четыре. Въ царствующемъ гра«дѣ св. Петра, 1742 года».[25] Посвящая трудъ свой императрицѣ, Крекшинъ просилъ дозволенія разсмотрѣть дѣла временъ Петра Великаго, хранившіяся въ кабинетѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ. Надобно думать, что архивы были ему открыты, и выписки изъ нихъ заняли остальное время жизни трудолюбиваго собирателя.[26] Кромѣ того, онъ имѣлъ въ своей библіотекѣ старинныя лѣтописи и сборники. Одною изъ его лѣтописей, писанною съ *юсами*, пользовался Татищевъ;[27] а по свидѣтельству Елагина, у него была и полная лѣтопись мнимаго Іоакима.

Дѣеписатель Петра, Голиковъ высоко цѣнилъ и сочиненія и историческія свѣдѣнія Крекшина и часто ссылался на него. Не такого мнѣнія былъ Татищевъ, который зналъ его лично, гораздо прежде Голикова. «Новгородскій баснословецъ Крекшинъ», говоритъ онъ[28] «безумно сложилъ, «якобы достохвальный родъ Романовыхъ отъ Романа Смо«ленскаго, сына Ростиславова, пошелъ; но свое незнаніе «въ исторіи многими обстоятельствы обличилъ, что онъ

25. Въ Государственномъ архивѣ хранятся только три первыя части, съ поправками Крекшина, въ огромномъ фоліантѣ на 398 листахъ александрійской бумаги; событія въ нихъ доведены до 1706 года; четвертой не достаетъ; отрывокъ изъ нея, въ видѣ подробнаго журнала 1709 года, есть въ Академіи Наукъ.—Первая часть отъ рожденія Петра до 1696 года напечатана Сахаровымъ въ запискахъ Русскихъ людей (С.-Пб. 1841), съ исключеніемъ многихъ мѣстъ, которыя однакожъ необходимы для правильнаго воззрѣнія на автора. Начало первой части, *о зачатіи и рожденіи Петра I*, напечатано Вороблевскимъ и Туманскимъ въ 1787 году. Сверхъ того у многихъ любителей старины есть современные списки этой части. Она разошлась во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ, наиболѣе отъ того, кажется, что авторъ приводитъ разныя предсказанія о Петрѣ.

26. Часть сихъ выписокъ, со множествомъ и оригинальныхъ бумагъ, бывшихъ въ рукахъ Крекшина, находится между рукописями Императорской Академіи Наукъ.

27. Россійск. исторія Татищева. I. 63.

28. Россійская исторія. I. 553.

«дѣла онаго Романа съ дѣлами Романа Мстиславича Галицкаго смѣшалъ, межъ которыми въ лѣтахъ разность «не малая». Этотъ приговоръ строгій, но справедливый, вполнѣ заслужилъ Крекшинъ и своею исторіею Петра. Невѣжество въ событіяхъ, суевѣріе, вымыслы, встрѣчаются на каждой страницѣ: онъ *слагалъ* предсказанія, выдумывалъ рѣчи, изобрѣталъ факты. Трудно вообразить, чтобы можно было такъ безсовѣстно обманывать современниковъ и потомство, какъ обманывалъ Крекшинъ, съ клятвою увѣряя людей простодушныхъ, напримѣръ Голикова, что все разсказываемое имъ сущая правда, вопреки свидѣтельствамъ неоспоримымъ. Все его сочиненіе есть не что иное, какъ цѣпь выдумокъ, перемѣшанныхъ съ немногими сказаніями историческими. Доказательства нашего мнѣнія читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ, гдѣ мы сочли нужнымъ обличить Новгородскаго баснословца, потому что есть еще и теперь почитатели Крекшина, не взирая на то, что самъ онъ объясняетъ цѣль своего сочиненія слѣдующими словами: «Азъ, рабъ того благочестиваго Императора, мнѣй «всѣхъ, милость того на себѣ имѣхъ и дѣлъ блаженныхъ «его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, того ради по долгу раб«ства и любви долженъ блаженныя дѣла его прославлять, «а не образомъ исторіи писать дерзаю. Не буди то въ «дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшити и «ремень сапога его».

Послѣднимъ историкомъ Петра, имѣвшимъ доступъ къ государственнымъ архивамъ, былъ Курскій купецъ Иванъ Ивановичъ Голиковъ. Онъ родился около 1735 года, и выучившись кой-какъ грамотѣ у приходскаго дьячка, что̀ составило «весь кругъ его воспитанія», еще въ младенчествѣ, едва разбирая буквы, съ живѣйшимъ любопытствомъ читалъ записныя тетради настоятеля Курскаго Знаменска- Голиковъ.

го монастыря, архимандрита Михаила, служившаго при Петрѣ полковымъ священникомъ. Чтеніе сихъ тетрадей возбудило въ немъ сильную охоту узнать болѣе о великомъ Государѣ. Случай, впрочемъ горестный, не замедлилъ пособить его пламенному желанію: отецъ его разорился и впалъ въ неоплатные долги; чтобы хотя нѣсколько удовлетворить главнаго кредитора, онъ послалъ 17-лѣтняго сына заслуживать долгъ въ Москву, въ купеческій домъ Журавлевыхъ. Здѣсь молодой Голиковъ досталъ лѣтопись о зачатіи и рожденіи Петра, исторію его, переведенную съ Греческаго Писаревымъ, Шафирова разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII, и все перечиталъ съ жадностію. Изъ Москвы хозяева отправили его по дѣламъ торговымъ въ Оренбургъ: тамъ своею любознательностію онъ сблизился съ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ современниковъ и чтителей Петра, съ начальникомъ Оренбургскаго края И. И. Неплюевымъ, который познакомилъ его и съ Рычковымъ. Отъ Неплюева Голиковъ узналъ много любопытныхъ анекдотовъ; отъ Рычкова досталъ журналъ Персидскаго похода. Чрезъ нѣсколько времени онъ переселился въ С.-Петербургъ, отслужилъ Журавлевымъ отцовскіе долги, получилъ свободу и съ небольшимъ капиталомъ пустился въ торговые промыслы.

Избраніе его въ 1761 году отъ Бѣлгородской провинціи депутатомъ въ Уложенную коммиссію дало ему случай сблизиться съ сподвижниками Петра, адмиралами Мордвиновымъ, Нагаевымъ, Талызинымъ; тамъ же познакомился онъ съ Крекшинымъ и другими современниками Петра, изъ купеческаго сословія. Туда же пріѣхалъ и благодѣтель его Неплюевъ. «Бесѣды съ сими именитыми старцами», говоритъ Голиковъ «были златымъ временемъ моей жизни: какъ рудокопъ въ богатой и неистощимой жилѣ,

почерпалъ я дѣльную, вѣрную и надежную матерію къ исторіи моего ироя».[29] Слушая благоговѣйныя воспоминанія ихъ, онъ привыкъ представлять себѣ Петра величайшимъ изъ смертныхъ, украшеннымъ всѣми возможными добродѣтелями. Тѣмъ горестнѣе было ему читать въ Русскомъ переводѣ, изъ библіотеки И. И. Шувалова, «Страленберговы клеветы, коварно взведенныя на Петра Великаго».[30] Онѣ такъ возмутили его душу, что не думая никогда быть авторомъ, онъ хотѣлъ взяться за перо и собранными матеріалами опровергнуть «злобныя нареканія Шведскаго плѣнника.» Но торговыя хлопоты отвлекали его отъ исполненія сего намѣренія, пока жестокій ударъ судьбы не развязалъ ему рукъ: вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ занимаясь питейными откупами, онъ подпалъ уголовному суду, потерялъ почти все свое имѣніе, могъ потерять честь и свободу, если бы не послѣдовалъ милостивый манифестъ 7 августа 1782 года, по случаю открытія памятника Петру Великому. Прямо изъ тюрьмы онъ бросился въ церковь, оттуда на Исакіевскую площадь, и на колѣняхъ предъ монументомъ далъ всенародно обѣтъ посвятить всю жизнь свою прославленію дѣяній Монарха, къ которому онъ всегда благоговѣлъ, а теперь видѣлъ въ немъ своего спасителя въ злосчастіи.[31]

Съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ торговыхъ предпріятій, удалился въ Москву, привелъ въ порядокъ свои матеріалы, извлекъ, при пособіи наемныхъ переводчиковъ, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ писателей чужеземныхъ, и въ 1787 году въ сельцѣ Апашкинѣ, недалеко отъ Звенигорода, приготовилъ къ изданію XII томовъ *Дѣяній Петра Вели-*

29. Предисловіе къ Дѣяніямъ П. В. Москва, 1788 года. I. VII.
30. Такъ называетъ онъ извѣстное сочиненіе Страленберга: Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
31. Митр. Евгенія Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей. Москва 1845. I, 148.

каго, мудраго преобразителя Россіи.[32] Императрица Екатерина II, обративъ вниманіе на сей важный трудъ, дозволила открыть Голикову государственные архивы; люди частные сообщали ему также множество документовъ. Сначала Голиковъ думалъ переправить открывшимися матеріалами 12 томовъ Дѣяній и напечатать ихъ вторымъ изданіемъ, къ чему уже было и приступилъ; но послѣ оставилъ это намѣреніе и издалъ вновь собранные имъ матеріалы въ XVIII томахъ отдѣльно, подъ заглавіемъ *Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго.*[33] Послѣдній томъ посвященъ императору Павлу I. Государь наградилъ автора, незадолго до кончины его, послѣдовавшей 12 марта 1801 года, чиномъ надворнаго совѣтника.

Сознаваясь откровенно въ недостаткѣ предварительнаго, необходимаго историку, образованія, Голиковъ хотѣлъ быть только «собирателемъ Петровыхъ дѣлъ и благодарнымъ ихъ повѣствователемъ.» Такимъ образомъ предупреждая строгіе упреки читателя въ совершенномъ невѣдѣніи первыхъ началъ историческаго искусства, онъ желалъ, чтобы на его трудъ смотрѣли, какъ на собраніе матеріаловъ. Въ семъ отношеніи Голиковъ оказалъ потомству услугу незабвенную: онъ спасъ для будущаго историка многіе изустные разсказы, которые безъ него погибли бы невозвратно, также не мало и документовъ, едва-ли уцѣлѣвшихъ въ частныхъ архивахъ. Впрочемъ трудъ Голикова, какъ собраніе матеріаловъ, далекъ отъ желаемой полноты и отчетливости: въ государственномъ архивѣ доступны ему были не всѣ и собственноручныя бумаги Петра; а донесенія Государю отъ полководцевъ, министровъ и другихъ лицъ, наполняющія до 76 огромныхъ фоліантовъ, так-

32. Напечатаны въ Москвѣ, первые шесть томовъ въ 1788, остальные въ 1789.

33. Въ Москвѣ 1790 — 1797. Дѣянія и Дополненія перепечатаны К. Полевымъ въ 15 т. (1837—1843), съ немаловажными исключеніями.

же всѣ сношенія дипломатическія, остались вовсе не разсмотрѣнными. Да и то, что̀ имъ издано, требуетъ бо̀льшею частію тщательной повѣрки: многихъ бумагъ, писанныхъ Петромъ, онъ не могъ разобрать; рѣдкій документъ напечатанъ безъ ошибокъ болѣе или менѣе грубыхъ; иные же отнесены не къ тому году, когда они состоялись. Преданія изустныя онъ помѣщалъ безъ всякаго разбора: равно вѣрилъ Неплюеву и Крекшину, Нагаеву и Штелину, хотя разность между ними неимовѣрная. Еще страннѣе видѣть, какъ онъ ставитъ рядомъ исторію Свейской войны, трудъ самого Петра, съ какою нибудь ничтожною компиляціею, напримѣръ съ сочиненіемъ Катифора или Өеодози. Онъ ссылался даже на Миллота.

Къ числу бытописателей Петра, почерпавшихъ свои свѣдѣнія въ архивахъ, принадлежитъ и Голландскій историкъ его Схелтема, по не многимъ впрочемъ документамъ, найденнымъ въ Нидерландскихъ архивахъ, о двукратномъ путешествіи Петра Великаго въ Голландію.[34] Сочиненіе Схелтемы имѣло бы еще болѣе вѣса, если бы очевидное пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ не руководило перомъ автора, и если бы онъ не такъ безотчетно вѣрилъ Вольтеру, Штелину и другимъ. Схелтема.

Между тѣмъ громкія дѣянія Петра, какъ при жизни, такъ и по смерти его, вызвали, въ особенности за границею, цѣлую толпу компиляторовъ, которые не зная ни Россіи, ни Русскаго языка, не имѣя доступа къ главнымъ историческимъ матеріаламъ, частію изъ немногихъ обнародован-

34. Peter de Groote, Keizer van Rusland in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Door Iacobus Scheltema. Amsterdam 1814. 2 vol. Второе изданіе, дополненное многими свѣдѣніями о сношеніяхъ Россіи съ Голландіею до Петра Великаго и разными документами, издано въ 1817 году въ 4 томахъ подъ заглавіемъ: *Rusland en de Nederlanden*. Французскій переводъ перваго изданія со многими сокращеніями: Anecdotes historiques sur Perre-le-Grand et sur ses voyages en Hollande et a Zaandam dans les années 1697 et 1717. Par I. Scheltema, trad. par Muilman. Lausanne, 1842. На Русскій языкъ переведены немногіе отрывки, напеч. въ Духѣ Журналовъ.

ныхъ документовъ, частію изъ скудныхъ извѣстій двухъ или трехъ очевидцевъ, еще болѣе изъ газетныхъ объявленій, одинъ за другимъ составляли жалкія сочиненія о Петрѣ, дополняя недостатокъ историческихъ извѣстій болѣе или менѣе неудачными предположеніями, даже явными выдумками.

Уже въ первый годъ по кончинѣ Петра явились за границею два жизнеописанія его: одно на Нѣмецкомъ языкѣ безъ имени автора, другое на Французскомъ съ пышнымъ титуломъ *Русскаго барона* Ивана Ивановича Нестесураноя.[35] Сочинителемъ перваго былъ нѣкто Рабенеръ (дѣдъ сатирика), неизвѣстный ни прежде, ни послѣ, какимъ либо ученымъ или литературнымъ трудомъ, не призванный къ столь важному дѣлу самымъ талантомъ, равно скуднымъ, какъ и бывшіе въ рукахъ его матеріалы. Мнимый же Русскій баронъ былъ не кто иной, какъ плодовитый Французскій писатель, изъ числа самыхъ посредственныхъ, Руссе (Rousset), никогда не видавшій Россіи, не знавшій Русскаго языка, и столь же мало знакомый съ дѣлами Петра, какъ и Рабенеръ.[36] Оба они пріобрѣли однакожъ такую славу, что на нихъ ссылались многіе, даже послѣ матеріаловъ, обнародованныхъ Голиковымъ.

Той же чести удостоились подобныя компиляціи, изданныя въ первой половинѣ XVIII столѣтія на языкахъ Италіянскомъ, Новогреческомъ, Англійскомъ и Иллирійскомъ.

Аббатъ Антоній Катифоро, родомъ изъ Закинѳа, въ 1733 году напечаталъ въ Венеціи сперва на Италіянскомъ язы-

35. Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russland. Leipzig, 1725 in 8°. Mémoires du regne de Pierre le Grand, par le Baron Iwan Nestesuranoi. A la Haye 1725, 4 vol, in 12°. Второе изданіе въ Амстердамѣ, 1728—1730, также въ 4 том. Обѣщанный авторомъ 5-й томъ, кажется, не былъ изданъ.

36. Селлій въ своемъ *Каталогѣ* приписываетъ сочиненіе мнимаго барона историку Карла XII Лимьеру, — но несправедливо; Нестесураной и Лимьеръ несогласно разсказываютъ одни и тѣ же событія, напримѣръ, Нарвское сраженіе. Слѣдую указанію Biographie universelle, которая свидѣтельствуетъ, что Руссе даже получилъ отъ нашего двора награду за свое сочиненіе.

кѣ, потомъ на Новогреческомъ, свое описаніе жизни Петра Великаго,[37] составленное изъ сочиненій Перри, Вебера, мнимаго Нестесураноя и Вольтеровой исторіи Карла XII.

Не выше достоинствомъ сочиненіе Англичанина Мотлея, собранное изъ офиціальныхъ печатныхъ документовъ.[38] Его передѣлалъ Французъ Мовильонъ, дополнилъ извлеченіемъ изъ Корбова дневника, присовокупилъ нѣсколько плохихъ рисунковъ медалей и выдалъ за свой трудъ, съ пышнымъ посвященіемъ графу Брюлю.[39] На Иллирійскомъ языкѣ издалъ жизнеописаніе Петра Венеціянскій типографщикъ Дмитрій Ѳеодози.[40] Онъ имѣлъ гораздо болѣе матеріаловъ, чѣмъ всѣ его предшественники; въ особенности важнымъ пособіемъ служилъ ему изданный въ свѣтъ журналъ Петра Великаго (гисторія Свейской войны), и авторъ могъ писать обстоятельнѣе другихъ; при всемъ томъ, не зная вовсе Россіи, онъ наполнилъ свое сочиненіе такимъ множествомъ грубыхъ ошибокъ, что самъ Голиковъ, принявшій его за авторитетъ при составленіи *Дѣяній*, въ послѣдствіи увидѣлъ свою погрѣшность и по возможности старался исправить ее въ *Дополненіяхъ*.

Мотлей. Мовильонъ. Ѳеодози.

Сокровище историческихъ матеріаловъ, обнародованныхъ Голиковымъ, при множествѣ другихъ открытыхъ послѣ того источниковъ, давало возможность позднѣйшимъ бытописателямъ изобразить Петра основательнѣе, достовѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ представляли его прежніе историки. Вышло иначе.

Одни брались за столь важный трудъ, не зная и Русскаго языка; слѣдовательно не могли пользоваться главными

Галемъ.

37. Vita di Pietro il Grande imperador della Russia, scritta dall' abbate Ant. Catiforo. Venezia. Третье изданіе тамъ же 1748. Новогреческій переводъ служилъ оригиналомъ для Русскаго переводчика Писарева, котораго трудъ разошелся сперва въ многочисленныхъ спискахъ по всей Россіи, потомъ двукратно былъ изданъ въ 1772 и 1787 годахъ.

38. The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia. By Iohn Mottley. London 1749. 3 vol.

39. Histoire de Pierre I., surnommé le Grand. Amsterdam 1752. 3 vol.

40. Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго, Венеція 1772, 2 т. in 4°. Перепечатано, съ поправками кн. Щербатова и Троепольскаго, въ Спб. 1774.

пособіями, безъ которыхъ нельзя правильно сказать о Петрѣ и двухъ строкъ. Такъ описывалъ Галемъ жизнь Петра Великаго,[41] почти исключительно по источникамъ иностраннымъ; онъ составилъ сочиненіе, до сихъ поръ уважаемое въ Германіи, не безъ искусства въ изложеніи, но слабое для каждаго Русскаго, сколько нибудь знакомаго съ своими матеріалами.

Бергманъ. Другіе, собравъ обильную жатву съ Дѣяній Голикова, дополняли ихъ сказаніями Петровыхъ современниковъ, въ особенности иноземцевъ, мало извѣстныхъ Курскому дѣеписателю, но безъ строгой оцѣнки ихъ достоинствъ, не отличая вымысловъ отъ фактовъ историческихъ, ссылаясь безъ разбора и на очевидныхъ свидѣтелей и на позднѣйшихъ компиляторовъ. Такъ писалъ Бергманъ свое сочиненіе, удостоившееся двукратнаго изданія въ Русскомъ переводѣ.[42] Нѣкоторые ограничивались философскимъ воззрѣніемъ на исторію Петра, или легкимъ историческимъ разсказомъ, заботясь болѣе всего о поразительности картинъ, о блесткахъ остроумія, и ни сколько не думая о достовѣрности фактовъ, даже не подозрѣвая тѣхъ вымысловъ, которыми наполнена исторія Петра. Такъ писали графъ Сегюръ и Полевой.[43]

Сегюръ и Полевой.

Трудно самому невзыскательному любителю исторіи удовольствоваться подобными сочиненіями о такомъ Государѣ, какъ Петръ Великій. Еще труднѣе положиться на нихъ строгому изслѣдователю, который желалъ бы видѣть Петра въ истинномъ, безукрашенномъ видѣ, и притомъ во

41. Leben Peters des Grossen von G. A. von Halem. Leipzig. 1803. 3 vol. Русскій переводъ Е. Ушакова, въ 3 ч. въ Спб. 1812—1813.

42. Peter der Grosze als Mensch und Regent, dargestellt von Dr. Benjamin Bergmann, Prediger zu Ruien in Livland. Königsberg, 1823. 6 vol. Русскій переводъ Алальина, не совсѣмъ исправный, со многими исключеніями, въ 6 ч. напечатанъ первымъ изд. въ Спб. 1833; вторымъ, 1840.

43. Histoire de Russie et de Pierre le Grand, par le général comte de Ségur. 2 vol. 1829. Полеваго: первый томъ исторіи Петра, изданный по смерти его, подъ заглавіемъ: Обозрѣніе Русской исторіи до единодержавія Петра Великаго. Спб. 1846. Прежнее сочиненіе его о Петрѣ, въ 4 небольшихъ томахъ, не заслуживаетъ вниманія.

всей полнотѣ его величія. Напрасно обращается онъ къ самымъ источникамъ, доселѣ изданнымъ въ свѣтъ: при всемъ обиліи своемъ, они далеко не проясняютъ идеи царствованія Петрова.

III.

Источники для исторіи Петра Великаго, изданные въ свѣтъ, двухъ родовъ: 1) сказанія современниковъ своихъ и чужеземныхъ; 2) акты государственные.

Выше оцѣнены сказанія самого Петра; его Гисторія Свейской войны не уступаетъ ни комментаріямъ Юлія Кесаря, ни запискамъ Фридриха Великаго въ главномъ достоинствѣ, въ достовѣрности, хотя и не можетъ сравниться съ ними въ искусствѣ изложенія. Не маловажнымъ дополненіемъ къ ней служитъ составленное, подъ руководствомъ Петра, барономъ Шафировымъ въ 1716 году Разсужденіе о причинахъ войны Шведской.[45] Здѣсь помѣщены многія подробности чисто историческія, какъ о началѣ войны, такъ и о продолженіи ея. Петръ Великій дѣятельно участвовалъ въ сочиненіи сей книги, и нѣкоторыя страницы для нея написалъ своею рукою.[46] Слѣдовательно болѣе его самого, чѣмъ Шафирова, мы будемъ имѣть въ виду, ссылаясь въ послѣдствіи на Разсужденіе о причинахъ войны Шведской.

Домашнія записки Петровыхъ современниковъ представляютъ скудную жатву для историка. Изъ сподвижниковъ его, наиболѣе къ нему близкихъ, наиболѣе знакомыхъ съ его дѣлами и намѣреніями, только Гордонъ и Галлартъ сообщили потомству замѣтки драгоцѣнныя; впро-

45. Первое изданіе, нынѣ довольно рѣдкое въ листъ, съ посвященіемъ царевичу Петру Петровичу, напечатано въ Спб. въ 1716 году. Тогда же изданъ и Нѣмецкій переводъ, in 8º. Подлинникъ перепечатанъ въ 1722 году въ Москвѣ, in 8º.

46. См. Приложенія № IV.

чемъ Галлартъ едва извѣстенъ публикѣ по немногимъ отрывкамъ.[47] Ни Меншиковъ, ни Шереметевъ, ни Голицыны, ни Долгорукіе, ни Толстые не оставили по себѣ воспоминаній или наблюденій. Ихъ дѣла, характеръ, способности, историческое значеніе, мы должны угадывать изъ другихъ источниковъ, изъ оффиціальныхъ сношеній ихъ съ Государемъ. При такой скудости въ запискахъ высшихъ сановниковъ, мы дорожимъ и тѣмъ, что разсказываютъ намъ безъименные повѣствователи о мятежахъ стрѣлецкихъ, что говорятъ Желябужскій, Неплюевъ, Соймоновъ о тѣсномъ кругѣ своей служебной или домашней жизни, гдѣ изрѣдка мелькаетъ величественное лице Петра, что могъ припомнить Нартовъ или успѣлъ развѣдать Штелинъ у сподвижниковъ Петровыхъ въ видѣ отрывистыхъ анекдотовъ, и что наконецъ знали о тогдашнемъ статистическомъ и политикоэкономическомъ состояніи Россіи Кирилловъ и Посошковъ.

Медвѣдевъ и Матвѣевъ.

Изъ современныхъ сказаній о мятежахъ стрѣлецкихъ два наиболѣе извѣстны: одно составлено очевиднымъ клевретомъ Софіи, вскорѣ по укрощеніи ею стрѣльцовъ, и доведено до начала 1684 года; другое писано ревностнымъ чтителемъ Петра, уже послѣ Полтавской битвы, едва ли даже не по кончинѣ Государя, и раскрываетъ всѣ мятежи и мятежные замыслы до начала войны Шведской. Отъ того оба сказанія, представляя событія съ разныхъ точекъ зрѣнія, много разнствуютъ въ подробностяхъ, и историку предстоитъ не малый трудъ угадать истину. По свидѣ-

47. Байеръ въ своихъ Begebenheiten von Asov (Sammlung Russischer Geschichte, II. 141) впервые познакомилъ любителей исторіи съ Гордоновымъ Дневникомъ, откуда извлекъ нѣсколько фактовъ при описаніи Крымскихъ и Азовскихъ походовъ; а Туманскій въ своемъ *Россійскомъ магазинѣ* (II. 393—466 и III. 237—280, 347—370) помѣстилъ замѣтки Гордоновы 1684 и 1685 годовъ (перепечатанныя въ послѣдствіи Сахаровымъ) въ переводѣ весьма неисправномъ, всего 96 стр. изъ 264 четвертой части подлинника.—(Дневникъ Гордона изданъ въ Нѣмецкомъ переводѣ въ 3 частяхъ 1849-1852). Изъ записокъ Галларта напечатано только описаніе Нарвской осады 1700 года, по дурному списку съ современнаго перевода, въ *Сѣверномъ архивѣ* 1822 г. I. О Гордонѣ и Галлартѣ скаженъ подробнѣе при обозрѣніи матеріаловъ, не изданныхъ въ подлинникѣ.

тельству Татищева, первое составлено монахомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, соумышленникомъ Шакловитаго, второе графомъ Матвѣевымъ, сыномъ знаменитаго боярина, погибшаго при началѣ мятежа.[48] Свидѣтельство вѣроятное: изъ розыскнаго дѣла о Шакловитомъ открывается, что монахъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*, кромѣ сочиненій богословскихъ, политическихъ, стихотворныхъ, составилъ еще *лѣтописную книгу о правленіи царевны Софіи съ* 7190 *года;* намъ же извѣстна рукопись подъ заглавіемъ: *созерцаніе краткое лѣтъ* 7190, 91 *и* 92, *въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ*. Она писана жаркимъ приверженцемъ Софіи и однимъ изъ близкихъ къ ней людей, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ акты, не всякому доступные, притомъ грамотѣемъ умнымъ, начитаннымъ и искуснымъ, каковъ былъ Медвѣдевъ. Во всякомъ случаѣ это сказаніе современное, и хотя не обнаруживаетъ истинныхъ причинъ начала стрѣлецкихъ бунтовъ, но въ замѣнъ того спасаетъ множество любопытныхъ актовъ, которые безъ него погибли бы невозвратно, не оставивъ и слѣда въ архивахъ.[49]

Графъ Андрей Артемоновичъ *Матвѣевъ*, служившій Петру Великому сначала Двинскимъ воеводою, съ 1700 года полномочнымъ министромъ при разныхъ дворахъ Европейскихъ, въ послѣдствіи президентомъ Юстицъ-коллегіи и сенаторомъ, вельможа ученый и любознательный, хорошо знакомый съ Латинскимъ языкомъ, по всей вѣроятности былъ сочинителемъ изданнаго съ его именемъ описанія

48. Къ счастію, сохранилось современное сказаніе о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ иноземца очевидца, по всей вѣроятности Датскаго резидента Бутенанта фонъ-Розенбуша, напечатанное въ Приложеніяхъ, N⁰ VI, подъ заглавіемъ· Warhaftige relation der traurigen Thragodie in der Stadt Moscau. Оно служитъ большимъ пособіемъ историку.

49. Значительная часть его напечатана изъ портфелей Миллера Туманскимъ (*Собран. разн. записокъ, 1787, VI*) съ неисправнаго впрочемъ списка, безъ любопытнаго предисловія автора. Я пользовался рукописью князя М. А. Оболенскаго. Сходный съ нею списокъ, только безъ заглавія и предисловія, хранится въ Академіи Наукъ. Изъ него заимствованы всѣ документы о стрѣлецкихъ бунтахъ, напечатанные въ IV томѣ *Актовъ археографической экспедиціи*. На стр. 122 академическаго списка, при описаніи мятежа стрѣльцовъ, по случаю казни князей Хованскихъ, авторъ говоритъ о себѣ: «все убо сіе видѣся во очію нашею».

стрѣлецкихъ мятежей,[50] какъ свидѣтельствуетъ Татищевъ, который могъ знать его лично, и какъ удостовѣряетъ самое содержаніе сочиненія,[51] также свойственный Матвѣеву витіеватый слогъ, извѣстный намъ по множеству его дѣловыхъ бумагъ. Впрочемъ сочиненіе его не безъ ошибокъ, которыя можно объяснить тѣмъ, что авторъ писалъ, спустя много лѣтъ по минованіи мятежей стрѣлецкихъ, и путался въ событіяхъ: такъ заговоръ Соковнина и Цыклера отнесенъ имъ къ 1699 году, между тѣмъ какъ умыселъ открытъ и виновные были наказаны еще въ 1697 году.

…бужскій. *Желябужскій* Иванъ Аѳанасьевичъ, окольничій съ 1684 года и едва ли не членъ Сыскнаго или Суднаго приказа, оставилъ самыя краткія и поверхностныя замѣтки о современныхъ событіяхъ съ 1682 года по 1709, сухой дневникъ, наполненный болѣе всего извѣстіями о казняхъ государственныхъ и уголовныхъ преступниковъ, впрочемъ не безполезный для справокъ.[52]

…люевъ. *Неплюевъ* Иванъ Ивановичъ (1693—1773), въ 1720 году поручикъ галернаго флота и смотритель надъ строившимися въ С.-Петербургѣ морскими судами, съ 1721 года резидентъ въ Константинополѣ, въ послѣдствіи начальникъ Оренбургскаго края и одинъ изъ первыхъ сановниковъ императрицы Екатерины II, въ собственноручномъ жизнеописаніи[53] сообщилъ не многія, но весьма вѣрныя и выразительныя черты Петрова времени, въ особенности о посылкѣ молодыхъ людей за границу. Много любопытнаго

50. Напечатано также впервые Туманскимъ въ I части *Собран. разныхъ записокъ*, 1785, перепечатано Сахаровымъ въ *Сказаніяхъ Рускихъ людей*. Оба изданія, къ сожалѣнію, равно неисправны и наполнены ошибками: вмѣсто *Юрій Лутохинъ*, о которомъ знаемъ изъ безъименнаго біографа боярина Матвѣева (см. *Исторію его невиннаго заточенія*) и изъ записокъ Желябужскаго, издатели пишутъ *Лопухинъ* (*Тум. 137. Сахар. 17*).

51 Въ изданіи Туманскаго стр. 156—172.

52. Выписка изъ сего дневника напечатана въ 1787 году Туманскимъ въ VII. ч. *Собранія разн. запис.* по списку неисправному. Лучшее, полнѣйшее изданіе Д. Языкова 1840, перепечатанное со многими ошибками Сахаровымъ въ *Сказан. Русск. людей*.

53. Напечатано Свиньинымъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1823—26, части 16. 19—21. 23—25.

говоритъ и о самомъ Петрѣ, какъ очевидецъ, хотя могъ наблюдать его не болѣе года.

Соймоновъ Өедоръ Ивановичъ (1682—1780), воспитанникъ перваго Морскаго училища, учрежденнаго въ Москвѣ, довершившій свое образованіе въ Голландіи и въ 1718 году произведенный въ мичманы, по испытаніи въ присутствіи самого Петра, былъ неоднократно въ кампаніяхъ вмѣстѣ съ Государемъ, составилъ первое описаніе Каспійскаго моря, участвовалъ въ Персидскомъ походѣ и сохранилъ въ своемъ журналѣ драгоцѣнныя извѣстія какъ о плаваніи Петра по Каспійскому морю, такъ и о многихъ событіяхъ похода.[54] Въ послѣдствіи онъ пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ императрица Елисавета Петровна назначила его губернаторомъ. Соймоновъ

Нартовъ Андрей Константиновичъ, императорскій механикъ и токарный мастеръ, въ послѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ Императорской Академіи Наукъ, по кончинѣ Петра Великаго рѣшился записать все достопамятное, что видѣлъ и слышалъ онъ въ продолженіе многолѣтней службы своей при Государѣ, и въ два года составилъ любопытное собраніе анекдотовъ, числомъ до 162, изданное въ недавнее время подъ заглавіемъ: *Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго.*[55] «Находясь при Его Величествѣ болѣе 20 лѣтъ», говоритъ Нартовъ «и нося милость его, бывалъ я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ его, слѣдовательно о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится». Нартовъ.

Изъ дѣлъ Государственнаго архива[56] видно, что Нартовъ работалъ на Сухаревой башнѣ, послѣ умершаго то-

54. Отрывки изъ его журнала напечатаны Миллеромъ въ Sammlung Russischer Geschichte, 1762, VII. 155—315.

55. Въ *Москвитянинѣ на 1842 годъ* № 4, 6, 8, 11, съ подлинной рукописи Нартова, но къ сожалѣнію не-вполнѣ: исключены анекдоты 3, 5, 87, 139, 145, 146, 154, 157.

56. Челобитная самого Нартова о прибавкѣ жалованья, котораго онъ получалъ въ 1723 году 300 руб. Кабинетныя дѣла, Отдѣл. II, кн. 65.

карнаго мастера Егана Блеера, до 1712 года, когда взятъ въ С.-Петербургъ въ токарную Его Величества; отсюда въ 1716 году отправленъ въ Пруссію, Голландію, Францію, для усовершенствованія въ токарномъ дѣлѣ и для пріобрѣтенія разныхъ инструментовъ; нигдѣ не встрѣчалъ художника, у котораго могъ бы научиться чему либо новому, напротивъ того самъ изумлялъ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ искусствомъ, и возратился въ Россію, съ пріятнымъ для Петра Великаго письменнымъ отзывомъ президента Французской Академіи аббата Биньона, который не находилъ словъ для выраженія своего удивленія къ искусству царскаго токаря, умѣвшаго своимъ инструментомъ дѣлать то, къ чему могъ быть способенъ самый вѣрный рѣзецъ.[57] Государь назначилъ его токарнымъ мастеромъ на мѣсто Юрья Курносова, а въ 1723 году главнымъ токаремъ, съ жалованьемъ по 600 рублей, послѣ умершаго мастера Зингера, которому производился огромный для тогдашняго времени окладъ, болѣе 1500 въ годъ. Въ декабрѣ 1724 года онъ представилъ Императору проектъ учрежденія въ С.-Петербургѣ Академіи Художествъ, принятый Государемъ благосклонно и доселѣ сохранившійся съ собственноручными его предположеніями.[58] Изъ этого видно, что если Нартовъ и не 20 лѣтъ находился въ токарной при особѣ Государя; тѣмъ не менѣе могъ изучить его лучше другихъ, могъ и замѣтить много важнаго и любопытнаго, потому что токарная нерѣдко замѣняла Петру кабинетъ.

Къ сожалѣнію, Нартовъ вообще скупъ на подробности, часто разсказываетъ мелочи, и не всѣ разсказы его достовѣрны. Что видѣлъ онъ самъ, заслуживаетъ вѣроятія; но что слышалъ отъ другихъ (а такихъ случаевъ не мало),

57. Подлинное письмо Биньона и доноссенія Нартова изъ Берлина, Парижа и др. мѣстъ хранятся въ Государственномъ архивѣ.

58. Въ Сенатскомъ архивѣ. Объ этомъ любопытномъ проектѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

подлежитъ сомнѣнію, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Главное существенное достоинство его анекдотовъ—изреченія, слышанныя имъ отъ самого Государя и переданныя потомству съ очевидною вѣрностію.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ о другомъ собирателѣ анекдотовъ, который не былъ очевидцемъ дѣяній Петровыхъ, но распрашивалъ его современниковъ, и пользуется большею извѣстностію, чѣмъ Нартовъ. То былъ профессоръ Штелинъ.

Вызванный въ Россію изъ Дрездена чрезъ 10 лѣтъ по кончинѣ Петра,[59] президентомъ Академіи Наукъ барономъ Корфомъ, *Штелинъ* поступилъ въ Академію адъюнктомъ, вскорѣ наименованъ профессоромъ краснорѣчія и стихотворства; былъ учителемъ великаго князя Петра Θеодоровича, нѣкоторое время непремѣннымъ секретаремъ Академіи, и умеръ въ 1785 году, въ преклонной старости, директоромъ отдѣленія изящныхъ искусствъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Любимымъ занятіемъ его въ продолженіе 50-ти-лѣтней службы въ Россіи было изобрѣтеніе аллегорическихъ рисунковъ на радостные и печальные случаи при дворѣ, устройство празднествъ, иллюминацій, фейерверковъ, погребальныхъ церемоній, сочиненіе одъ на торжественные случаи, выписка отрывковъ изъ италіянскихъ интермедій для раздачи ихъ зрителямъ на придворномъ спектаклѣ, и тому подобное. Отъ смерти императрицы Анны до покоренія Крыма, не было при дворѣ ни одной церемоніи, гдѣ бы не распоряжался Штелинъ: такъ онъ изобрѣлъ аллегорическую уборку траурныхъ комнатъ, катафалкъ, надгробную надпись по кончинѣ императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны; онъ же устроивалъ празднества, иллюминаціи, Штелинъ.

59. См. его Предисловіе къ Анекдотамъ.

фейерверки на коронацію Елисаветы Петровны и Екатерины II, на заключеніе Абовскаго мира съ Шведами, Кайнарджійскаго съ Турками, на 50-лѣтній юбилей Академіи Наукъ и проч. Сверхъ того выдумывалъ украшенія къ географическимъ ландкартамъ, чертежи и рисунки для артиллерійскаго вѣдомства, однимъ словомъ былъ первымъ декораторомъ своего времени или, какъ его называли, *профессоромъ аллегоріи.*[60]

Ученые труды его, по званію академика, мало извѣстны: онъ написалъ неважныя статьи географическаго содержанія и столь же незначительныя изслѣдованія о театрѣ, балетахъ, плясках и музыкѣ въ Россіи.[61] Послѣ декорацій и аллегорій, другою страстію Штелина были анекдоты. Въ его время здравствовали еще многіе сподвижники Петровы и любили разсказывать о дѣлахъ великаго Государя. Штелинъ, по своимъ занятіямъ при дворѣ, съ многими изъ нихъ былъ знакомъ, и прислушиваясь къ ихъ разсказамъ (хотя сначала плохо понималъ по-Русски), записывалъ все, что слышалъ, не различая былей отъ небылицъ.[62] Такимъ образомъ набралось у него 117 анекдотовъ: незадолго до своей смерти, онъ напечаталъ ихъ въ Лейпцигѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ, съ посвященіемъ императрицѣ Екатеринѣ II, въ видѣ искусно составленной надписи.[63] Подъ каждымъ анекдотомъ указано, кто сообщилъ его автору. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сихъ анекдотахъ много истиннаго, по крайней мѣрѣ въ главной идеѣ; но много и ложнаго: какъ профессоръ аллегоріи, Штелинъ не могъ удержаться, чтобы не раскра-

60. Mémoirs of the Princess Daschkaw. London. 1840. I. 303.

61. Первыя напечатаны Бюшингомъ въ Magazin für die neue Historie und Geographie, III. 575, VI. 459; вторыя Шлецеромъ въ его Beylagen zu neuverändert. Russland.

62. Въ особенности онъ слышалъ многое въ домѣ престарѣлаго фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, который охотно бесѣдовалъ о Петрѣ, послѣ обѣда, wenn er seine Pfeife Toback rauche.

63. Originalanekdoten von Peter dem Groszen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von Jacob von Stählin. Leipzig, 1785. Русскій переводъ изданъ въ 1787 и въ 1793 годахъ.

сить слышаннаго имъ, вѣрилъ всему, что разсказывали, даже пускался и на выдумки. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ его ошибки и обличимъ подлоги.

Остается упомянуть о двухъ замѣчательныхъ современникахъ Петра Великаго, которые природнымъ Русскимъ умомъ постигли всю важность статистики и политической экономіи, хотя ни та, ни другая еще не были извѣстны Европѣ, и разсматривая Россію по началамъ обѣихъ наукъ, угаданныхъ, такъ сказать, инстинктивно, оставили потомству сочиненія любопытныя, разливающія яркій свѣтъ на Петрову Россію. То были Кириллов и Посошковъ

Иванъ *Кирилловъ*, трудомъ и прилежаніемъ изъ простолюдиновъ достигшій при Петрѣ Великомъ важной въ то время должности секретаря при правительствующемъ Сенатѣ, въ послѣдствіи бывшій оберъ-секретаремъ, въ царствованіе Анны Іоанновны основатель Оренбурга, человѣкъ умный и любознательный, пламенно любившій отечество и науку, въ 1727 году составилъ изъ подлинныхъ документовъ первое статистическое описаніе Россіи, въ которомъ съ рѣдкою отчетливостію изложено тогдашнее устройство ея, по всѣмъ отраслямъ государственнаго и областнаго управленія.[64] Въ то же время онъ занимался другимъ трудомъ, обширнѣйшимъ, и съ тою же цѣлію, составленіемъ *атласа Россійской имперіи*, въ самомъ огромномъ размѣрѣ изъ 360 ландкартъ; трудъ сей остался однакожъ далеко неконченнымъ, за смертію автора въ 1738 году.[65] Кирилловъ.

Иванъ *Посошковъ*, родомъ Москвичъ, «купецкій человѣкъ», лично извѣстный Петру Великому предъ началомъ Шведской войны, когда Государь поручилъ ему сдѣлать огнестрѣльныя рогатки въ три ряда, въ 1701 году предста- Посошковъ.

64. Издано Погодинымъ, подъ заглавіемъ, какое далъ самъ авторъ: *Цвѣтущее состояніе всего Россійскаго Государства*. Москва 1831 г. 2 ч. in 4°.

65. Онъ успѣлъ изготовить только 14 картъ специальныхъ и одну генеральную.

вилъ боярину Ѳ. А. Головину разсужденіе *о ратномъ поведеніи*, любопытный проектъ къ лучшему устройству войска;[66] между тѣмъ, завѣдывая продажею водокъ въ Москвѣ на Каменномъ мосту, онъ нажилъ такое состояніе, что могъ посылать сыну своему, отправленному повелѣніемъ Государя за границу, по 100 ефимковъ въ годъ,[67] и такъ извѣстенъ былъ опытностію въ устройствѣ питейныхъ домовъ, что ландрихтеръ Корсаковъ въ 1708 году представлялъ Меншикову о переводѣ его въ Ингерманландію, для «строенія водокъ» въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ. Меншиковъ, не изъявилъ однакожъ согласія, потому что «Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ».[68] Въ послѣдствіи Посошковъ обзавелся значительнымъ имѣніемъ, имѣлъ домъ въ С.-Петербургѣ, два дома въ Новгородѣ, купилъ двѣ деревни, одну въ Новгородскомъ уѣздѣ, другую въ Кашинскомъ съ виннымъ заводомъ, и выдалъ дочь свою Пелагѣю за подполковника Барыкова, а по смерти его за полковника и гвардіи-капитана Петра Роде, обманулъ однакожъ перваго зятя приданымъ, разсорился по тому же поводу со вторымъ, наконецъ по какому-то важному секретному государственному дѣлу попалъ въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, гдѣ содержался въ началѣ 1726 года.[69] Вотъ все, что извѣстно о жизни сего перваго Русскаго политико-эконома, занявшаго не послѣднее мѣсто между нашими писателями своимъ сочиненіемъ *о скудости и богатствѣ*.[70] Здѣсь, кромѣ весьма основа-

66. Подлинникъ съ помѣтою Головина «Подалъ Иванъ Посошков 1701 года» въ собраніи рукописей М. П. Погодина.

67. Сочиненія Посошкова, стр. 293

68. Докладные пункты ландрихтера Корсакова, рѣшенные княземъ Меншиковымъ въ Могилевѣ 21 марта 1708 года. Хранятся въ Сенатскомъ архивѣ.

69. Свѣдѣнія объ имѣніи, зятьяхъ и арестованіи Посошкова заимствованы изъ докладной выписки Тайной канцеляріи 20 января 1726 г. находящейся въ Кабинет. дѣлахъ Отдѣл. II, томъ 81. Въ чемъ состояло его преступленіе, не извѣстно.

70. Оно писано въ 1724 и было извѣстно только по названію изъ Словаря Новикова, до 1842 года, когда напечатано Погодинымъ вмѣстѣ съ доношеніемъ митрополиту Стефану Яворскому о духовныхъ дѣлахъ, подъ общимъ заглавіемъ: *Сочиненія Ивана Посошкова*.

тольныхъ сужденій автора о главныхъ началахъ политической экономіи, въ примѣненіи ихъ къ Россіи, разсѣяно множество вѣрныхъ наблюденій о тогдашнемъ состояніи нашего отечества.

Обратимся къ сказаніямъ современниковъ иноземныхъ.

Кемпферъ.

Въ отроческіе годы Петра, пріѣзжалъ въ Москву путешественникъ знаменитый, столь же ученый, какъ и наблюдательный, оставившій потомству любопытныя записки о странѣ еще мало извѣстной, о Японіи: то былъ *Кемпферъ* (1651—1716). Къ сожалѣнію въ Москвѣ онъ жилъ недолго, не успѣлъ осмотрѣться или познакомиться и оставилъ очень краткія замѣтки. Самая драгоцѣнная изъ нихъ: нѣсколько словъ о десятилѣтнемъ Петрѣ.[71]

Шлейзингъ.

Болѣе подробныхъ извѣстій можно было бы ожидать отъ Саксонца *Шлейзинга*, который, по собственнымъ словамъ его, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апрѣля 1684 года). Наблюденія его однакожъ вообще поверхностны и маловажны: много разсказываетъ онъ о гражданскомъ и церковномъ устройствѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о народахъ Сибирскихъ; но мало сообщаетъ новаго, чего бы не знали мы отъ прежнихъ путешественниковъ, напримѣръ Олеарія, на котораго самъ авторъ часто ссылается. О Петрѣ и царевнѣ Софіи онъ едва упоминаетъ. Впрочемъ судилъ о всемъ видѣнномъ основательно, и еще въ то время, когда Софія крѣпко держала кормило правленія, предсказывалъ, что власть ея не прочна и es werde meine gute Printzessin nach dem Closter tantzen.[72]

71. Отрывокъ изъ его Дневника, доселѣ еще не изданнаго (Engelberti Kaempferi Diarium itineris ad Aulam Moscoviticam indeque Astracanum suscepti anno 1683) напечатанъ Аделунгомъ, въ приложеніи къ сочиненію его *Баронъ Мейерберъ*, 1827. Стр. 329—370.

72. Первое изданіе Шлейзингова сочиненія, въ видѣ разговоровъ двухъ пріятелей, напечатано въ 1688 году съ начальными буквами имени автора: Anatomia Russiae Deformatae, oder historische Beschreibung derer beyden auf einem Trohn gesetzten Czaaren Iwan und Peter Aleaxewitz, von G. A. S. Dresda Misnico. Второе, передѣланное въ видѣ описанія Сибири и царствованія обоихъ государей, съ прибавленіями, и съ именемъ автора, имѣетъ заглавіе: Neuentdectes Sibyrien oder Siewerien и проч. von Georg Adam Schleusing I. U. C. Dresd. Misnico. Iena 1690.

Нёвиль.

Несравненно полнѣе и любопытнѣе свѣдѣнія о времени владычества царевны Софіи, собранныя въ Москвѣ тайнымъ агентомъ Французскаго правительства *Де-ла Нёвилемъ*. Присланный въ Россію съ секретнымъ порученіемъ маркиза де Бетюна развѣдать о переговорахъ нашего двора съ Шведскимъ и Бранденбургскимъ, онъ жилъ въ Москвѣ подъ видомъ Польскаго гонца около пяти мѣсяцевъ (съ конца іюля до половины декабря 1689 года), въ то время, когда открылся заговоръ Шакловитаго, и царевна Софія должна была уступить кормило правленія брату. Нёвиль зналъ лично обоихъ Голицыныхъ, князя Василія Васильевича, наперсника царевны, и князя Бориса Алексѣевича, спасителя Петрова, познакомился съ молодымъ Матвѣевымъ, съ генераломъ Менезіемъ, видалъ самого Петра, Іоанна, Софію, наблюдалъ много самъ, много узналъ отъ Польскаго и Голландскаго резидентовъ, и частію изъ разсказовъ, частію изъ собственныхъ наблюденій составилъ не большое, но въ высшей степени замѣчательное, извѣстіе о Московіи.[73] Многое, что онъ слышалъ, напримѣръ о Крымскихъ походахъ, о замыслѣ Шакловитаго, подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами; подробности о князьяхъ Голицыныхъ, о Матвѣевѣ и другихъ лицахъ также очень вѣроятны; но много въ сочиненіи его перепутано, въ особенности о первыхъ мятежахъ стрѣлецкихъ; не мало и выдумано; а собственныя имена такъ исковерканы, что безъ пособія архивовъ весьма часто нельзя было бы понять, о комъ говоритъ авторъ.

Корбу.

Первое обстоятельное сочиненіе, познакомившее Европу съ Петромъ въ чертахъ рѣзкихъ и выразительныхъ, при-

73. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye. 1699. Сочиненіе посвящено Людовику XIV и въ посвятительномъ письмѣ авторъ подписалъ свою фамилію De la Neuville. Посему едва ли основательна догадка тѣхъ, которые думаютъ, что это псевдонимъ, что авторъ назывался Baillet и едва ли былъ въ Россіи. Baillet или Neuiville—все равно, главное въ томъ, что онъ былъ въ Россіи: какъ удостовѣряютъ многія подробности при описаніи современныхъ событій, о которыхъ авторъ разсказываетъ, какъ очевидецъ.

надлежитъ секретарю цесарскаго посольства при дворѣ Московскомъ, Іоанну Георгу *Корбу*. Онъ жилъ въ Москвѣ болѣе года (съ конца апрѣля 1698 года до 23 іюля 1699) и наблюдалъ Петра въ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ его жизни, по возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ. Не разъ пировалъ авторъ вмѣстѣ съ Царемъ на веселыхъ обѣдахъ, зналъ лично всѣхъ его первыхъ сподвижниковъ, былъ свидѣтелемъ погребенія Лефорта, видѣлъ казни стрѣльцовъ, вникалъ въ устройство Россіи, въ нравы, обычаи, и всѣ свои наблюденія, все, что случилось замѣчательнаго во время путешествія, день за день записывалъ въ своемъ Дневникѣ, который, по возвращеніи въ Вѣну, издалъ съ дозволенія императора Леопольда I.[74]

Въ то самое время прибылъ въ Вѣну, съ особеннымъ царскимъ порученіемъ, князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. Оскорбленный невыгодными отзывами сочинителя о Русскомъ народѣ, насмѣшками надъ дворомъ и невѣрными разсказами, онъ немедленно послалъ экземпляръ Корбова сочиненія въ Москву, приписывая его самому посланнику Игнатію Гваріенту и горько жалуясь на такой поступокъ человѣка, обласканнаго въ Россіи. «На насъ смотрятъ теперь, какъ на варваровъ,» писалъ Голицынъ къ царскому министру Ѳ. А. Головину.[75] Гваріентъ спѣшилъ оправдаться, честью увѣрялъ и Головина, и Шафирова, и самого Государя, что книга издана, безъ его вѣдома, секретаремъ Корбомъ, что въ ней нѣтъ ни одного слова его, что совсѣмъ не такъ относился онъ къ своему

74. Diarium itineris in Moscoviam, perillustris ac magnifici Domini Ignatii Christophori nobilis domini De Guarient, et Rall . . . ab Imperatore Leopoldo I ad Tzarum et Magnum Ducem Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extraordinarii, descriptum a Ioanne Georgio Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, in fol. Годъ изданія не означенъ. Императорская привилегія состоялась 8-го октября 1700 года; а въ августѣ 1701 года князь Голицынъ уже писалъ изъ Вѣны въ Москву о появленіи сей книги.

75. См. Приложенія № V.

государю о дворѣ Московскомъ[76] и что самъ цесарь засвидѣтельствуетъ его глубокое уваженіе къ Царю Россійскому. Впрочемъ Гваріентъ въ откровенномъ письмѣ къ Шафирову не находилъ въ сочиненіи Корба, кромѣ нѣсколькихъ описаній, частію забавныхъ, частію невѣрныхъ, ничего предосудительнаго.

Дѣло приняло однакожъ, послѣ новыхъ донесеній князя Голицына, такой оборотъ, что Гваріентъ не рѣшился вторично ѣхать въ Москву посланникомъ, изъ опасенія встрѣтить гнѣвныя очи царскія. Книга переведена была на Русскій языкъ,[77] и Головинъ потребовалъ отъ Вѣнскаго двора воспретить ея продажу и не дозволять новаго изданія. Съ тѣхъ поръ дневникъ Корба сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Историки Петра, знавшіе это сочиненіе, ссылаются на него, какъ на одинъ изъ самыхъ главныхъ и достовѣрныхъ матеріаловъ (исключая однакожъ Голикова, который считалъ Корба клеветникомъ). Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе, что въ немъ истинно, что ложно: читатель найдетъ то и другое въ примѣчаніяхъ. Вообще можно только замѣтить, что отзывъ Гваріента совершенно справедливъ: Корбъ писалъ съ глубокимъ уваженіемъ къ Петру, съ любовію къ истинѣ, и если ошибался, то потому только, что вѣрилъ иногда неосновательнымъ разсказамъ. Собственныя наблюденія его точны и правдивы.

Послѣ Корба, сказанія иноземцевъ очевидцевъ о дѣлахъ Петровыхъ не прерывались до самой кончины его: гдѣ прекращаются одни, тамъ начинаются другія. Нѣкоторые изъ наблюдателей были въ царской службѣ и жили въ Россіи по нѣскольку лѣтъ; всѣ они писали за границею, оставивъ цар-

76. Подлинныя донесенія Гваріента, которыя хранятся въ Вѣнскомъ архивѣ и приведены нами въ III томѣ, свидѣтельствуютъ противное.

77. Этотъ переводъ, въ рукописи, хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. Странно, что столь важное сочиненіе не переведено на другіе языки. Русскій переводъ, начала XVIII столѣтія, также никому неизвѣстенъ.

скую службу, слѣдовательно могли говорить свободно и откровенно о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и многіе сообщаютъ такія свѣдѣнія, какихъ мы не найдемъ въ своихъ матеріалахъ. Но вообще сказанія ихъ требуютъ строгой повѣрки: нерѣдко явное, тѣмъ чаще скрытое пристрастіе руководило ихъ перомъ. Въ числѣ иноземцевъ, служившихъ въ Россіи и писавшихъ о Петрѣ Великомъ, по возвращеніи въ отечество, наиболѣе замѣчательны капитанъ Джонъ Перри, генералъ Александръ Гордонъ и капитанъ Брюсъ. Изъ другихъ же лицъ, которыя не были въ царской службѣ, но также жили въ Россіи по нѣскольку лѣтъ, заслуживаютъ вниманія Веберъ, Бассевицъ, Беркгольцъ и Страленбергъ.

Капитанъ *Перри* приглашенъ былъ самимъ Петромъ въ Лондонѣ въ 1698 году для разныхъ работъ, какъ искусный инженеръ, преимущественно для прорытія канала между Волгою и Дономъ; когда же это намѣреніе было оставлено, Государь поручилъ ему устроить доки и шлюзы въ Воронежѣ; оттуда въ послѣдствіи вызвалъ его въ С.-Петербургъ, для изысканія средствъ къ соединенію Волги съ Невою. Перри осмотрѣлъ мѣстность, составилъ планъ работы, но къ дѣлу не хотѣлъ приступить по спорамъ о жалованьѣ, и уѣхалъ въ Англію. Тамъ въ 1716 году онъ издалъ книгу о состояніи Россіи и о своихъ работахъ въ продолженіе 16-ти-лѣтней службы Россійскому Государю.[78] Читатель ждетъ любопытныхъ подробностей, но напрасно: авторъ слегка говоритъ о своихъ работахъ въ Царицынѣ, Воронежѣ, Петербургѣ, болѣе разсказываетъ о бывшихъ съ нимъ непріятностяхъ: высчитываетъ, Перри.

78. The State of Russia under the present Czar. By Captain John Perry. London. 1716. Съ географическою картою Россіи. Французскій переводъ: Etat present de la grande Russie. A la Haye 1717. Италіянскій безъ имени автора: Relazione Storico-Politica dell Imperio di Moscovia por Mari Antonio Pandolpo Malatesta. Издатель книги: Das glukselige Russand unter der Regierung der grossen Kayserin Anna, Dantzig 1736, принялъ Италіянскій переводъ за оригиналъ и составилъ изъ него, въ Нѣмецкомъ переводѣ, первую часть своей компиляціи.

сколько не доплачено ему жалованья въ разное время, несправедливо укоряетъ адмирала Апраксина въ мнимыхъ навѣтахъ, вооружившихъ на него Петра, вопреки свидѣтельству актовъ, и только мимоходомъ упоминаетъ объ истинной причинѣ царскаго гнѣва, о своемъ строптивомъ и своенравномъ характерѣ. Свѣдѣнія о состояніи Россіи равно неудовлетворительны и пристрастны; о самомъ Петрѣ, который часто съ нимъ бесѣдовалъ, онъ сообщаетъ также мало любопытнаго. Вообще книга его наполнена нареканіями оскорбленнаго самолюбія и жалобами неудовлетвореннаго любостяжанія.

Александръ *Гордонъ*, однофамилецъ и зять славнаго Патрика Гордона, вступилъ въ Русскую службу маіоромъ около 1696 года, участвовалъ во второмъ Азовскомъ походѣ, командовалъ однимъ изъ вновь набранныхъ драгунскихъ полковъ при осадѣ Нарвы и, взятый Шведами въ плѣнъ, лѣтъ восемь томился въ заточеніи. Въ послѣдствіи былъ размѣненъ, снова получилъ полкъ и сражался съ Шведами на берегахъ Десны. Не задолго до Полтавской битвы, онъ посланъ въ чинѣ генералъ-маіора съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Гольцомъ въ Польшу противъ Шведскаго корпуса Крассова и оставался тамъ до 1711 года, когда, потребованный княземъ Меншиковымъ въ С.-Петербургъ, подъ предлогомъ смерти отца, не испросивъ увольненія отъ Русской службы (вопреки словамъ издателей его сочиненія), самовольно уѣхалъ въ Шотландію.[79] Здѣсь въ 1715 году онъ принялъ участіе въ возстаніи Шотландцевъ противъ короля и нѣкоторое время съ успѣхомъ предводительство-

79. Меншиковъ отъ 31 іюля 1711 года доноситъ Государю (Кабин. дѣла II, кн. 13); «генералъ-маіоръ Гордонъ, по многимъ къ нему посланнымъ указамъ, сюда (въ С.-Пб.) не поѣхалъ и писалъ изъ Королевца, чтобы прислать къ нему абшитъ. Я отправилъ къ нему своего генералъ-адъютанта Брукентала съ указомъ: ежели добровольно не поѣдетъ, взять и привезть сюда за карауломъ. Нынѣ Брукенталь извѣщаетъ, что Гордонъ уѣхалъ въ Голландію за наслѣдствомъ отца».

валъ мятежными войсками; но дѣла скоро приняли другой оборотъ, и Гордонъ, опасаясь потерять голову на эшафотѣ, бѣжалъ во Францію. Года чрезъ три онъ возвратился на родину, дожилъ до глубокой старости и умеръ въ 1752 году, 82 лѣтъ.

Между тѣмъ Государь, которому онъ посвятилъ лучшее время своей жизни, наполнилъ міръ славою. Гордонъ питалъ къ нему глубокое уваженіе, и съ любопытствомъ читалъ все, что было писано о его подвигахъ; но находилъ большею частію невѣрные разсказы и выдумки. Досадуя на ложныя повѣствованія, онъ хотѣлъ сначала описать то, что самъ видѣлъ въ Россіи или слышалъ отъ достовѣрныхъ лицъ; къ сожалѣнію, измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился, уже въ глубокой старости, сочинить полную исторію Петра и его предковъ, не имѣя къ тому ни достаточныхъ средствъ, ни самого дарованія.[80] Такимъ образомъ изъ-подъ пера его, вовсе неспособнаго къ исторической живописи, вышла обыкновенная компиляція, гдѣ авторъ, сообразуясь съ принятымъ планомъ, не могъ помѣстить множества извѣстныхъ ему подробностей, которыя были бы драгоцѣнны для потомства, какъ наблюденія очевидца. Книга его принадлежитъ къ разряду современныхъ сказаній единственно по немногимъ свѣдѣніямъ о покореніи Азова, о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ, объ осадѣ Нарвы, о вторженіи Карла XII въ Малороссію и другихъ событіяхъ, въ которыхъ авторъ болѣе или менѣе участвовалъ. Сверхъ того любопытны, хотя не всегда безпристрастны, замѣтки его о Лефортѣ, Меншиковѣ, Шереметевѣ, Апраксинѣ, равно какъ и анекдоты о Петрѣ Великомъ.

Генрихъ *Брюсъ*, по словамъ его записокъ, происхо- Брюсъ.

80. The History of Peter the Great emperor of Russia. By Alexander Gordon of Achintoul. Aberdeen, 1755. 2 vol. Русскія имена вообще исковерканы, вѣроятно потому, что сочиненіе напечатано по смерти автора. Нѣмецкій переводъ изданъ въ Лейпцигѣ, 1765 года.

дилъ отъ той же Шотландской фамиліи, къ которой принадлежалъ и славный сподвижникъ Петра, первый Русскій генералъ-фельдцейхмейстеръ. «Два близкіе родственника, Яковъ Брюсъ и Іоаннъ Брюсъ, имѣвшіе помѣстья въ Шотландскомъ графствѣ Стирлингъ, во времена Кромвеля, рѣшились вмѣстѣ удалиться изъ отечества въ Германію; но, по недоразумѣнію, сѣли на разные корабли: Яковъ попалъ въ Россію, Іоаннъ въ Кенигсбергъ. Внукомъ перваго былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, внукомъ втораго Генрихъ Брюсъ, авторъ изданныхъ подъ именемъ его записокъ. Онъ родился въ Бранденбургіи въ 1692 году, 14 лѣтъ поступилъ въ Прусскій полкъ, участвовалъ въ многихъ походахъ противъ Французовъ, дослужился, подъ начальствомъ Мальборуга, до офицерскаго чина и въ началѣ 1711 года, по приглашенію своего родственника, начальствовавшаго Русскою артиллеріею, поступилъ въ Русскую службу, въ то самое время, когда Петръ шелъ съ арміею на Турокъ. Брюсъ былъ представленъ ему въ Яворовѣ и, принятый съ чиномъ капитана артиллеріи, назначенъ въ команду родственника своего, возведеннаго въ Яворовѣ въ званіе генералъ-фельдцейхмейстера, по случаю совершившагося тамъ тайнаго бракосочетанія Петра съ Екатериною. Авторъ былъ въ Прутскомъ походѣ; по заключеніи же мира на возвратномъ пути, отправленъ Петромъ съ важнымъ порученіемъ къ барону Шафирову. Въ началѣ августа онъ настигъ Русскаго посланника въ Адріанополѣ, вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Царьградъ, дождался тамъ, послѣ многихъ колебаній Порты между миромъ и войною, окончательнаго подтвержденія султаномъ мирнаго трактата и съ этою радостною вѣстью отправленъ былъ Шафировымъ въ С.-Петербургъ. Онъ съ равнымъ любопытствомъ

смотрѣлъ и на новую и на старую столицу Петра, наблюдалъ нравы и образъ жизни народа, познакомился съ многими изъ сподвижниковъ Петровыхъ, развѣдалъ о родѣ царицы Екатерины, князя Меншикова, и зналъ коротко царевича Алексѣя Петровича. Изъ Петербурга онъ посланъ былъ въ Берлинъ къ королю Прусскому, былъ съ Петромъ Великимъ въ Копенгагенѣ, вслѣдъ за нимъ возвратился въ Россію и, поступивъ въ адъютанты генерала Вейде, находился вмѣстѣ съ нимъ при кончинѣ царевича Алексѣя Петровича. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ въ число наставниковъ къ сыну царевича, великому князю Петру Алексѣевичу, и ежедневно преподавалъ ему артиллерію и фортификацію; между тѣмъ по смерти Вейде, Царь перевелъ его въ собственную дивизію и поручилъ ему главный надзоръ надъ укрѣпленіями Ревеля; отсюда онъ поступилъ въ отрядъ генерала Леси и участвовалъ въ разореніи Швеціи, принудившемъ ее къ миру. Въ послѣдствіи онъ былъ съ Петромъ Великимъ на Кавказѣ; возвратившись изъ похода, по царскому повелѣнію, осмотрѣлъ берега Каспійскаго моря, описалъ ихъ и составилъ имъ подробную карту; на возвратномъ пути въ Москву онъ участвовалъ въ экспедиціи Волынскаго противъ Калмыковъ. Государь милостиво принялъ поднесенную имъ карту Каспійскаго моря и назначилъ его состоять при особѣ герцога Голштинскаго, въ бытность его въ Москвѣ во время коронаціи императрицы Екатерины; но Русская служба ему уже наскучила: онъ получилъ увольненіе съ тѣмъ же чиномъ капитана и удалился въ Шотландію; оттуда отправился въ Вестъ-Индію, выстроилъ тамъ нѣсколько крѣпостей, подвергался многимъ опасностямъ, въ 1745 году возвратился на родину и лѣтъ чрезъ 12 умеръ.

Всѣ замѣчательные случаи 40-лѣтней службы въ Европѣ и въ Америкѣ, все что дѣлалъ и видѣлъ капитанъ Брюсъ въ разныхъ странахъ свѣта, записано день за-день въ видѣ журнала,[81] съ такими мелкими подробностями, что издатель его не считалъ нужнымъ приводить въ доказательство подлинности записокъ Брюса другихъ свидѣтельствъ, кромѣ самаго содержанія ихъ, и многіе писатели, напримѣръ Коксъ, Сегюръ, ссылались на нихъ, какъ на показанія очевидца, не подлежащія никакому сомнѣнію. Но тщательная повѣрка ихъ актами ведетъ къ другому заключенію. Непостижимо, какимъ образомъ авторъ, записывая всѣ обстоятельства своей жизни день за день, могъ ошибаться цѣлыми мѣсяцами въ событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ: такъ, въ самомъ началѣ своей службы въ Россіи, посланный по заключеніи Прутскаго мира къ барону Шафирову, онъ настигъ Русскаго посла, по словамъ записокъ, въ Адріанополѣ, 2 августа, между тѣмъ изъ актовъ[82] видно, что Шафировъ былъ въ это время еще на берегахъ Днѣстра и прибылъ въ Адріанополь не прежде 21 октября. Подобная несообразность встрѣчается во многихъ показаніяхъ Брюса, и ее никакъ нельзя отнести къ опечаткамъ.

Еще труднѣе понять, какимъ образомъ авторъ могъ забывать многія обстоятельства, очень для него памятныя: онъ говоритъ, напримѣръ, что генералъ Брюсъ, пригласившій его въ Русскую службу, пожалованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ въ Яворовѣ въ концѣ апрѣля 1711 года, по случаю тайнаго брака Петра съ Екатериною, въ самомъ началѣ Турецкаго похода; изъ актовъ же[83] видно, что Брюсъ полу-

81. P. H. Bruce memoirs containing an account of his travels in Germania, Russia et caet. London. 1782. Нѣмецкій переводъ въ Лейпцигѣ 1784.

82. Статейный списокъ посольства Шафирова и подлинныя донесенія его въ Государ. арх. Кабин. дѣла, Отд. II.

83. Изъ собственноручной записки Петра, изъ журнала Шереметева, и изъ письма Вейде къ Меншикову отъ 5 августа 1711 года.

чилъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера по окончаніи похода, на возвратномъ пути, именно 3 августа. Положимъ, что авторъ въ этомъ и во множествѣ другихъ важныхъ для него случаяхъ перепуталъ дни и мѣсяцы за давностью лѣтъ (хотя трудно тому повѣрить, потому что сочиненіе его имѣетъ форму *ежедневной* записки); но чѣмъ изъяснить другое важнѣйшее обстоятельство: совершенное молчаніе нашихъ актовъ о службѣ капитана Брюса въ Россіи, между тѣмъ какъ сохранились документы о другихъ лицахъ, не исполнявшихъ такихъ важныхъ порученій, какъ онъ? Имени его не находимъ ни въ свитѣ Шафирова, составъ которой подробно извѣстенъ, ни въ числѣ наставниковъ великаго князя Петра Алексѣевича, которые также извѣстны на перечетъ, ни въ отрядѣ Леси, ни въ Персидскомъ походѣ, ни въ Каспійской экспедиціи, которой вовсе и не было въ 1723 году, ни въ свитѣ герцога Голштинскаго. Рѣшительное молчаніе нашихъ актовъ о капитанѣ Брюсѣ даетъ поводъ къ сомнѣнію, былъ ли онъ когда либо въ Россіи.

Но если бы это обстоятельство со временемъ и подтвердилось какимъ нибудь свидѣтельствомъ, намъ неизвѣстнымъ, то и въ такомъ случаѣ записки Брюса, наполненныя множествомъ несообразностей, могутъ имѣть только самый слабый авторитетъ при изслѣдованіи вопросовъ важныхъ, не разрѣшаемыхъ другими болѣе достовѣрными свидѣтельствами, напримѣръ о кончинѣ царевича Алексѣя Петровича.

Совсѣмъ инаго свойства сказанія современныхъ Брюсу писателей иноземныхъ, которые хотя не были въ царской службѣ и, наблюдая событія издали, часто вѣрили неосновательнымъ слухамъ, или пускались въ ложныя умствованія, однако жили въ Россіи по нѣскольку лѣтъ и могли

узнать многое, чего не найдемъ ни въ нашихъ актахъ, ни въ скудныхъ запискахъ домашнихъ. Таковы сказанія Вебера, Бассевица и Беркгольца.

Веберъ. *Веберъ*, Брауншвейгскій резидентъ, жилъ въ Россіи лѣтъ шесть, съ начала 1714 года до половины 1720. Въ послѣдствіи, по кончинѣ Петра, онъ пріѣзжалъ вторично на менѣе продолжительное время. Изданное имъ въ 1721 году[84] сочиненіе, въ видѣ дневника, заключаетъ въ себѣ много замѣчаній и извѣстій любопытныхъ, въ особенности о томъ, что самъ видѣлъ авторъ; много также разныхъ слуховъ и дѣлъ постороннихъ. Главною цѣлью его было объяснить, какимъ образомъ произвелъ Петръ Великій въ своемъ государствѣ изумительную перемѣну, уже понятную для наблюдателя безпристрастнаго. Въ слѣдствіе сего, оставляя безъ вниманія дѣла политическія и военныя, Веберъ болѣе смотрѣлъ на внутреннее преобразованіе и судилъ о Петрѣ вообще здраво, хотя для потомства были бы занимательнѣе подробности о великомъ Государѣ, чѣмъ безпрестанные разсказы автора о Самоѣдахъ и Остякахъ.

Бассевицъ. Графъ *Бассевицъ*, Голштинскій министръ (1680—1749), много содѣйствовавшій своему герцогу къ заключенію родственнаго союза съ Петромъ Великимъ, въ послѣдствіи одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ императрицы Екатерины I, при восшествіи ея на престолъ, оставилъ по себѣ весьма важныя записки о политическихъ дѣлахъ Петра Великаго, съ 1713 года по кончину его, со многими анекдотами. Авторъ хорошо зналъ нашъ дворъ и сообщилъ свѣдѣнія драгоцѣнныя. Къ сожалѣнію изъ запи-

84. Das veränderte Ruszland in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments, der Kriegs Staat zu Lande und zu Wasser..... vorgestellet werden. Franckfurth und Leipzig, in 4° 1721. Второе изданіе, также безъ имени автора, въ трехъ частяхъ: первая (1738) заключаетъ въ себѣ шестилѣтнія наблюденія автора; вторая свѣдѣнія, собранныя имъ изъ разныхъ источниковъ, наиболѣе изъ печатныхъ актовъ, о послѣднихъ годахъ жизни Петра В.; въ третьей, (1740) довольно слабо описано царствованіе Екатерины I и Петра II. Первая часть переведена на языки Французскій и Англійскій.

сокъ его, писанныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, издано только извлеченіе во Французскомъ переводѣ.[85]

Беркгольцъ.

Беркгольцъ, оберъ-каммергеръ двора великаго князя Петра Ѳеодоровича, умершій около 1765 года, бывъ каммеръ-юнкеромъ при отцѣ его, герцогѣ Голштинскомъ Карлѣ Фридрихѣ, съ которымъ въ 1721 году прибылъ въ Россію, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 13 апрѣля 1721 по 30 сентября 1725) *ежедневно* записывалъ для себя все замѣчательное, что случилось ему видѣть или слышать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, съ такою отчетливою подробностію, съ такою откровенностію и точностію, что предъ глазами читателя раскрывается самая живая, самая одушевленная картина послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго. Никакое историческое художественное изложеніе не можетъ дать столь вѣрной идеи о тогдашнемъ времени, какъ простой, безъискусственный, съ тѣмъ вмѣстѣ до мелочей отчетливый разсказъ Беркгольца. Дневникъ его, спасенный отъ вѣроятной гибели славнымъ Бюшингомъ, превосходитъ все, что ни писали иноземцы о Петрѣ Великомъ.[86]

Страленбергъ.

Къ числу писателей современныхъ, наблюдавшихъ дѣла Петровы въ самой Россіи, принадлежитъ и *Страленбергъ*, котораго такъ не жаловалъ Голиковъ; онъ былъ одинъ изъ многочисленныхъ плѣнниковъ нашихъ, взятыхъ подъ Полтавою; сосланный въ Сибирь, жилъ тамъ лѣтъ 13, большею частію въ Красноярскѣ; Ништадтскій миръ даровалъ ему свободу. Еще въ плѣну онъ составилъ описаніе Сибири, въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Въ Стокгольмѣ познакомился съ нимъ въ 1724 году извѣстный историкъ нашъ Татищевъ, послан-

85. Eclaircissemens sur plusieurs faits, arrivés sous le regne de Pierre le Grand, въ Büching's Magazin für die neue Historie und Geographie, IX. 283—380.

86. Friderich Wilhelm von Bergholz, grossfürstlichen Ober-Kamerherrn Tagebuch, welches er in Russland von 1721—1725 als holsteinischer Kammerjunker geführt hat. Въ Busching's Magazin XIX. 3—202. XX. 332—592. XXI. 180—360. XXII. 426—552.

ный Петромъ Великимъ въ Швецію, для обозрѣнія горныхъ заводовъ и съ другими порученіями. Не задолго до кончины Государя, Татищевъ писалъ въ Петербургъ въ Кабинетъ Его Величества, что подполковникъ фонъ Страленбергъ проситъ позволенія посвятить составленное имъ описаніе Сибири имени Императора Петра Великаго, обѣщая въ предисловіи описать его подвиги. Не получивъ отвѣта, Татищевъ писалъ вторично къ кабинетъ-секретарю, что «описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ, и паче къ славѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Страленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго Государя изобразить, въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу».[87] Согласія нашего правительства однакожъ не послѣдовало, и Страленбергъ издалъ свою книгу съ посвященіемъ королю Шведскому, подъ пышнымъ заглавіемъ,[88] но довольно скуднаго содержанія, въ особенности въ историческомъ отдѣлѣ.

Почерпая свѣдѣнія о дѣлахъ современныхъ частію изъ разсказовъ, не всегда вѣрныхъ, частію изъ Веберова журнала, Страленбергъ представляетъ Петра съ двухъ сторонъ: какъ думали объ немъ и жаркіе приверженцы его и строгіе порицатели; а въ поясненіе того и другаго мнѣнія, приводитъ разборъ какого-то свѣдущаго Русскаго, вѣроятно Татищева, который безъ всякаго сомнѣнія много помогалъ автору, какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ писемъ его. Изъ нихъ же очевидно, что первоначальная мысль Страленберга была въ пользу Петра Великаго, и Татищевъ не могъ бы ходатайствовать предъ Петромъ Великимъ о посвященіи ему сочиненія, наполненна-

87. Письма Татищева къ Черкасову отъ 2 января и 9 апрѣля 1725 года; въ Кабинет. дѣлахъ, Отд. II. кн. 74.

88. Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet et caet. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730 in 4°.

го множествомъ вымысловъ и умствованій, недостойныхъ великаго монарха Россіи. По всей вѣроятности, Страленбергъ передѣлалъ свое сочиненіе, не получивъ отъ нашего двора той награды, какую ожидалъ, и едва ли не правъ почтенный Голиковъ, называвшій его не иначе, какъ злобнымъ клеветникомъ.

Другой разрядъ историческихъ источниковъ, изданныхъ въ свѣтъ, акты государственные, представляетъ изслѣдователю времени Петра Великаго обильныя средства къ поясненію и внутренняго устройства Россіи и самыхъ событій. Для первой цѣли онъ найдетъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ Россіиской Имперіи* непрерывный рядъ актовъ законодательныхъ и правительственныхъ, напечатанныхъ большею частію съ подлинныхъ документовъ, съ присовокупленіемъ многихъ частныхъ или временныхъ распоряженій, важныхъ въ историческомъ смыслѣ. Для второй цѣли не малымъ пособіемъ служитъ переписка Петра Великаго съ разными лицами, изданная частію отдѣльными собраніями писемъ его и къ нему Миллеромъ и Берхомъ,[89] частію разсѣянная въ 30 томахъ Дѣяній Голикова. Этотъ источникъ не исчерпанъ однакожъ и въ половину; не издано множество писемъ самого Петра; еще менѣе извѣстны донесенія къ нему его министровъ, генераловъ и другихъ лицъ, необходимыя для уразумѣнія событій. Притомъ же все напечатанное частными лицами требуетъ тщательной повѣрки: издатели не всегда разбирали почеркъ Петра, или пользовались неисправными списками и допускали грубыя ошибки; отчетливѣе всѣхъ былъ Миллеръ; но и его можно упрекнуть въ томъ, что нѣсколько писемъ важныхъ по содержанію, но не очень лестныхъ Акты.

89. Первый напечаталъ *Письма Петра Великаго къ графу Шереметеву* 1774, и отъ Шереметева къ Государю, 1778. 4 части. Второй: *Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя*, 1830. 4 части.

для Шереметева, онъ исключилъ, а нѣкоторыя, по той же причинѣ, напечаталъ съ пропусками. Изданныя Голиковымъ и Берхомъ наполнены всякаго рода погрѣшностями.[90] Самое скудное отдѣленіе въ семъ разрядѣ источниковъ акты дипломатическіе и дѣла слѣдственныя: тѣ и другіе въ высшей степени необходимы для поясненія царствованія Петра, и до сихъ поръ остаются недоступными въ архивахъ.

Безпристрастное обозрѣніе всего, что было писано о Петрѣ Великомъ свидѣтельствуетъ, какъ еще неполны, шатки и сбивчивы наши свѣдѣнія объ его славномъ царствованіи: оффиціальные акты его времени, первая главная основа исторіи, не взирая на множество изданныхъ, далеко не вполнѣ извѣстны, и многое, что только ими можетъ быть разрѣшено, остается неразгаданнымъ; сказанія современниковъ очевидцевъ нерѣдко наполнены пристрастными, или неточными наблюденіями и ложными умствованіями; компиляторы, писавшіе по слухамъ, впадали въ грубѣйшія ошибки, а нѣкоторые дозволяли себѣ и явные вымыслы, замѣняя ими недостатокъ свѣдѣній историческихъ. Все это, и сбивчивыя преданія, и невѣрные разсказы очевидцевъ, и выдумки компиляторовъ, все безъ всякаго разбора перешло въ сочиненія историковъ позднѣйшихъ, которые къ ошибкамъ предшественниковъ прибавили не мало и своихъ. Тутъ еще появились защитники Московской старины, осуждающіе все, что ни дѣлалъ Петръ, и Исторія его приняла видъ какого-то хаоса, гдѣ умъ любознательный, жаждущій истины, теряется въ сомнѣніяхъ, догадкахъ, противорѣчіяхъ. При такомъ состо-

90. Голиковъ, напримѣръ, въ своихъ Дѣяніяхъ т. X. N° 2. напечаталъ въ видѣ особаго письма къ Апраксину подъ годомъ 1693 приписку къ письму 1695 года, и всѣ вообще письма во время Азовскихъ походовъ перепуталъ: письма изъ втораго похода относитъ къ первому, и на оборотъ.

яніи нашихъ свѣдѣній о Петрѣ необходимо перевѣрить все, что было объ немъ писано, подлинными документами, и дополнить пропуски въ его исторіи фактами и подробностями, чтобы озарить черты его величественнаго лица, исчезающія въ туманѣ вымысловъ и невѣрныхъ сказаній, лучами чистой истины. Единственное средство къ тому пособіе архивовъ.

IV.

Въ концѣ 1842 года, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа Сергія Семеновича Уварова, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ открыть мнѣ доступъ ко всѣмъ архивамъ имперіи, а въ 1845 году, по ходатайству Императорской Академіи Наукъ, всемилостивѣйше дозволилъ отправиться за границу, для обозрѣнія архивовъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ Монаршей довѣренности, съ яснымъ сознаніемъ своего долга, я приступилъ къ труду огромному и около десяти лѣтъ посвятилъ одному дѣлу, собранію матеріаловъ въ архивахъ.

Важнѣйшія сокровища для исторіи Петра хранятся въ двухъ архивахъ министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Государственномъ въ С.-Петербургѣ и въ Главномъ въ Москвѣ. *Въ первомъ*, волею Государя Императора, съ 1827 года сосредоточены всѣ наиболѣе любопытныя дѣла Петрова времени, находившіяся въ Кабинетѣ Его Величества, въ Государственномъ архивѣ 12 коллегій, въ Петропавловской крѣпости, въ канцеляріяхъ статсъ-секретарей императрицы Екатерины II Теплова, Елагина, Козицкаго, Храповицкаго и оберъ-цалмейстера Морсочникова. *Во второмъ*, хранятся всѣ дипломатическія сношенія

дилъ отъ той же Шотландской фамиліи, къ которой принадлежалъ и славный сподвижникъ Петра, первый Русскій генералъ-фельдцейхмейстеръ. «Два близкіе родственника, Яковъ Брюсъ и Іоаннъ Брюсъ, имѣвшіе помѣстья въ Шотландскомъ графствѣ Стирлингъ, во времена Кромвеля, рѣшились вмѣстѣ удалиться изъ отечества въ Германію; но, по недоразумѣнію, сѣли на разные корабли: Яковъ попалъ въ Россію, Іоаннъ въ Кенигсбергъ. Внукомъ перваго былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, внукомъ втораго Генрихъ Брюсъ, авторъ изданныхъ подъ именемъ его записокъ. Онъ родился въ Бранденбургіи въ 1692 году, 14 лѣтъ поступилъ въ Прусскій полкъ, участвовалъ въ многихъ походахъ противъ Французовъ, дослужился, подъ начальствомъ Мальборуга, до офицерскаго чина и въ началѣ 1711 года, по приглашенію своего родственника, начальствовавшаго Русскою артиллеріею, поступилъ въ Русскую службу, въ то самое время, когда Петръ шелъ съ арміею на Турокъ. Брюсъ былъ представленъ ему въ Яворовѣ и, принятый съ чиномъ капитана артиллеріи, назначенъ въ команду родственника своего, возведеннаго въ Яворовѣ въ званіе генералъ-фельдцейхмейстера, по случаю совершившагося тамъ тайнаго бракосочетанія Петра съ Екатериною. Авторъ былъ въ Прутскомъ походѣ; по заключеніи же мира на возвратномъ пути, отправленъ Петромъ съ важнымъ порученіемъ къ барону Шафирову. Въ началѣ августа онъ настигъ Русскаго посланника въ Адріанополѣ, вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Царьградъ, дождался тамъ, послѣ многихъ колебаній Порты между миромъ и войною, окончательнаго подтвержденія султаномъ мирнаго трактата и съ этою радостною вѣстью отправленъ былъ Шафировымъ въ С.-Петербургъ. Онъ съ равнымъ любопытствомъ

смотрѣлъ и на новую и на старую столицу Петра, наблюдалъ нравы и образъ жизни народа, познакомился съ многими изъ сподвижниковъ Петровыхъ, развѣдалъ о родѣ царицы Екатерины, князя Меншикова, и зналъ коротко царевича Алексѣя Петровича. Изъ Петербурга онъ посланъ былъ въ Берлинъ къ королю Прусскому, былъ съ Петромъ Великимъ въ Копенгагенѣ, вслѣдъ за нимъ возвратился въ Россію и, поступивъ въ адъютанты генерала Вейде, находился вмѣстѣ съ нимъ при кончинѣ царевича Алексѣя Петровича. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ въ число наставниковъ къ сыну царевича, великому князю Петру Алексѣевичу, и ежедневно преподавалъ ему артиллерію и фортификацію; между тѣмъ по смерти Вейде, Царь перевелъ его въ собственную дивизію и поручилъ ему главный надзоръ надъ укрѣпленіями Ревеля; отсюда онъ поступилъ въ отрядъ генерала Леси и участвовалъ въ разореніи Швеціи, принудившемъ ее къ миру. Въ послѣдствіи онъ былъ съ Петромъ Великимъ на Кавказѣ; возвратившись изъ похода, по царскому повелѣнію, осмотрѣлъ берега Каспійскаго моря, описалъ ихъ и составилъ имъ подробную карту; на возвратномъ пути въ Москву онъ участвовалъ въ экспедиціи Волынскаго противъ Калмыковъ. Государь милостиво принялъ поднесенную имъ карту Каспійскаго моря и назначилъ его состоять при особѣ герцога Голштинскаго, въ бытность его въ Москвѣ во время коронаціи императрицы Екатерины; но Русская служба ему уже наскучила: онъ получилъ увольненіе съ тѣмъ же чиномъ капитана и удалился въ Шотландію; оттуда отправился въ Вестъ-Индію, выстроилъ тамъ нѣсколько крѣпостей, подвергался многимъ опасностямъ, въ 1745 году возвратился на родину и лѣтъ чрезъ 12 умеръ.

Всѣ замѣчательные случаи 40-лѣтней службы въ Европѣ и въ Америкѣ, все что дѣлалъ и видѣлъ капитанъ Брюсъ въ разныхъ странахъ свѣта, записано день за-день въ видѣ журнала,[81] съ такими мелкими подробностями, что издатель его не считалъ нужнымъ приводить въ доказательство подлинности записокъ Брюса другихъ свидѣтельствъ, кромѣ самаго содержанія ихъ, и многіе писатели, напримѣръ Коксъ, Сегюръ, ссылались на нихъ, какъ на показанія очевидца, не подлежащія никакому сомнѣнію. Но тщательная повѣрка ихъ актами ведетъ къ другому заключенію. Непостижимо, какимъ образомъ авторъ, записывая всѣ обстоятельства своей жизни день за день, могъ ошибаться цѣлыми мѣсяцами въ событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ: такъ, въ самомъ началѣ своей службы въ Россіи, посланный по заключеніи Прутскаго мира къ барону Шафирову, онъ настигъ Русскаго посла, по словамъ записокъ, въ Адріанополѣ, 2 августа, между тѣмъ изъ актовъ[82] видно, что Шафировъ былъ въ это время еще на берегахъ Днѣстра и прибылъ въ Адріанополь не прежде 21 октября. Подобная несообразность встрѣчается во многихъ показаніяхъ Брюса, и ее никакъ нельзя отнести къ опечаткамъ.

Еще труднѣе понять, какимъ образомъ авторъ могъ забывать многія обстоятельства, очень для него памятныя: онъ говоритъ, напримѣръ, что генералъ Брюсъ, пригласившій его въ Русскую службу, пожалованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ въ Яворовѣ въ концѣ апрѣля 1711 года, по случаю тайнаго брака Петра съ Екатериною, въ самомъ началѣ Турецкаго похода; изъ актовъ же[83] видно, что Брюсъ полу-

81. P. H. Bruce memoirs containing an account of his travels in Germania, Russia et caet. London. 1782. Нѣмецкій переводъ въ Лейпцигѣ 1784.

82. Статейный списокъ посольства Шафирова и подлинныя донесенія его въ Государ. арх. Кабин. дѣлъ, Отд. II.

83. Изъ собственноручной записки Петра, изъ журнала Шереметева, и изъ письма Вейде къ Меншикову отъ 5 августа 1711 года.

чилъ званіе генералъ-фельдцейхмейстера по окончаніи похода, на возвратномъ пути, именно 3 августа. Положимъ, что авторъ въ этомъ и во множествѣ другихъ важныхъ для него случаяхъ перепуталъ дни и мѣсяцы за давностью лѣтъ (хотя трудно тому повѣрить, потому что сочиненіе его имѣетъ форму *ежедневной* записки); но чѣмъ изъяснить другое важнѣйшее обстоятельство: совершенное молчаніе нашихъ актовъ о службѣ капитана Брюса въ Россіи, между тѣмъ какъ сохранились документы о другихъ лицахъ, не исполнявшихъ такихъ важныхъ порученій, какъ онъ? Имени его не находимъ ни въ свитѣ Шафирова, составъ которой подробно извѣстенъ, ни въ числѣ наставниковъ великаго князя Петра Алексѣевича, которые также извѣстны на перечетъ, ни въ отрядѣ Леси, ни въ Персидскомъ походѣ, ни въ Каспійской экспедиціи, которой вовсе и не было въ 1723 году, ни въ свитѣ герцога Голштинскаго. Рѣшительное молчаніе нашихъ актовъ о капитанѣ Брюсѣ даетъ поводъ къ сомнѣнію, былъ ли онъ когда либо въ Россіи.

Но если бы это обстоятельство со временемъ и подтвердилось какимъ нибудь свидѣтельствомъ, намъ неизвѣстнымъ, то и въ такомъ случаѣ записки Брюса, наполненныя множествомъ несообразностей, могутъ имѣть только самый слабый авторитетъ при изслѣдованіи вопросовъ важныхъ, не разрѣшаемыхъ другими болѣе достовѣрными свидѣтельствами, напримѣръ о кончинѣ царевича Алексѣя Петровича.

Совсѣмъ инаго свойства сказанія современныхъ Брюсу писателей иноземныхъ, которые хотя не были въ царской службѣ и, наблюдая событія издали, часто вѣрили неосновательнымъ слухамъ, или пускались въ ложныя умствованія, однако жили въ Россіи по нѣскольку лѣтъ и могли

узнать многое, чего не найдемъ ни въ нашихъ актахъ, ни въ скудныхъ запискахъ домашнихъ. Таковы сказанія Вебера, Бассевица и Беркгольца.

Веберъ, Брауншвейгскій резидентъ, жилъ въ Россіи лѣтъ шесть, съ начала 1714 года до половины 1720. Въ послѣдствіи, по кончинѣ Петра, онъ пріѣзжалъ вторично на менѣе продолжительное время. Изданное имъ въ 1721 году[84] сочиненіе, въ видѣ дневника, заключаетъ въ себѣ много замѣчаній и извѣстій любопытныхъ, въ особенности о томъ, что самъ видѣлъ авторъ; много также разныхъ слуховъ и дѣлъ постороннихъ. Главною цѣлью его было объяснить, какимъ образомъ произвелъ Петръ Великій въ своемъ государствѣ изумительную перемѣну, уже понятную для наблюдателя безпристрастнаго. Въ слѣдствіе сего, оставляя безъ вниманія дѣла политическія и военныя, Веберъ болѣе смотрѣлъ на внутреннее преобразованіе и судилъ о Петрѣ вообще здраво, хотя для потомства были бы занимательнѣе подробности о великомъ Государѣ, чѣмъ безпрестанные разсказы автора о Самоѣдахъ и Остякахъ.

Графъ *Бассевицъ*, Голштинскій министръ (1680—1749), много содѣйствовавшій своему герцогу къ заключенію родственнаго союза съ Петромъ Великимъ, въ послѣдствіи одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ императрицы Екатерины I, при восшествіи ея на престолъ, оставилъ по себѣ весьма важныя записки о политическихъ дѣлахъ Петра Великаго, съ 1713 года по кончину его, со многими анекдотами. Авторъ хорошо зналъ нашъ дворъ и сообщилъ свѣдѣнія драгоцѣнныя. Къ сожалѣнію изъ запи-

84. Das veränderte Ruszland in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments, der Kriegs Staat zu Lande und zu Wasser..... vorgestellet werden. Franckfurth und Leipzig, in 4° 1721. Второе изданіе, также безъ имени автора, въ трехъ частяхъ: первая (1738) заключаетъ въ себѣ шестилѣтнія наблюденія автора; вторая свѣдѣнія, собранныя имъ изъ разныхъ источниковъ, наиболѣе изъ печатныхъ актовъ, о послѣднихъ годахъ жизни Петра В.; въ третьей, (1740) довольно слабо описано царствованіе Екатерины I и Петра II. Первая часть переведена на языки Французскій и Англійскій.

сокъ его, писанныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, издано только извлеченіе во Французскомъ переводѣ.[85]

Беркгольцъ, оберъ-каммергеръ двора великаго князя Петра Ѳеодоровича, умершій около 1765 года, бывъ каммеръ-юнкеромъ при отцѣ его, герцогѣ Голштинскомъ Карлѣ Фридрихѣ, съ которымъ въ 1721 году прибылъ въ Россію, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 13 апрѣля 1721 по 30 сентября 1725) *ежедневно* записывалъ для себя все замѣчательное, что случилось ему видѣть или слышать въ Петербургѣ и въ Москвѣ, съ такою отчетливою подробностію, съ такою откровенностію и точностію, что предъ глазами читателя раскрывается самая живая, самая одушевленная картина послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго. Никакое историческое художественное изложеніе не можетъ дать столь вѣрной идеи о тогдашнемъ времени, какъ простой, безъискусственный, съ тѣмъ вмѣстѣ до мелочей отчетливый разсказъ Беркгольца. Дневникъ его, спасенный отъ вѣроятной гибели славнымъ Бюшингомъ, превосходитъ все, что ни писали иноземцы о Петрѣ Великомъ.[86] Беркгольцъ.

Къ числу писателей современныхъ, наблюдавшихъ дѣла Петровы въ самой Россіи, принадлежитъ и *Страленбергъ*, котораго такъ не жаловалъ Голиковъ; онъ былъ одинъ изъ многочисленныхъ плѣнниковъ нашихъ, взятыхъ подъ Полтавою; сосланный въ Сибирь, жилъ тамъ лѣтъ 13, большею частію въ Красноярскѣ; Ништадтскій миръ даровалъ ему свободу. Еще въ плѣну онъ составилъ описаніе Сибири, въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Въ Стокгольмѣ познакомился съ нимъ въ 1724 году извѣстный историкъ нашъ Татищевъ, послан- Страленбергъ.

85. Eclaircissemens sur plusieurs faits, arrivés sous le regne de Pierre le Grand, въ Büching's Magazin für die neue Historie und Geographie, IX. 283—380.

86. Friderich Wilhelm von Bergholz, grossfürstlichen Ober-Kamerherrn Tagebuch, welches er in Russland von 1721—1725 als holsteinischer Kammerjunker geführt hat. Въ Busching's Magazin XIX. 3—202. XX. 332—392. XXI. 180—360. XXII. 426—552.

ный Петромъ Великимъ въ Швецію, для обозрѣнія горныхъ заводовъ и съ другими порученіями. Не задолго до кончины Государя, Татищевъ писалъ въ Петербургъ въ Кабинетъ Его Величества, что подполковникъ фонъ Страленбергъ проситъ позволенія посвятить составленное имъ описаніе Сибири имени Императора Петра Великаго, обѣщая въ предисловіи описать его подвиги. Не получивъ отвѣта, Татищевъ писалъ вторично къ кабинетъ-секретарю, что «описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ, и паче къ славѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Страленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго Государя изобразить, въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу».[87] Согласія нашего правительства однакожъ не послѣдовало, и Страленбергъ издалъ свою книгу съ посвященіемъ королю Шведскому, подъ пышнымъ заглавіемъ,[88] но довольно скуднаго содержанія, въ особенности въ историческомъ отдѣлѣ.

Почерпая свѣдѣнія о дѣлахъ современныхъ частію изъ разсказовъ, не всегда вѣрныхъ, частію изъ Веберова журнала, Страленбергъ представляетъ Петра съ двухъ сторонъ: какъ думали объ немъ и жаркіе приверженцы его и строгіе порицатели; а въ поясненіе того и другаго мнѣнія, приводитъ разборъ какого-то свѣдущаго Русскаго, вѣроятно Татищева, который безъ всякаго сомнѣнія много помогалъ автору, какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ писемъ его. Изъ нихъ же очевидно, что первоначальная мысль Страленберга была въ пользу Петра Великаго, и Татищевъ не могъ бы ходатайствовать предъ Петромъ Великимъ о посвященіи ему сочиненія, наполненна-

87. Письма Татищева къ Черкасову отъ 2 января и 9 апрѣля 1725 года; въ Кабинет. дѣлахъ, Отд. II. кн. 74.

88. Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet et caet. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730 in 4°.

го множествомъ вымысловъ и умствованій, недостойныхъ великаго монарха Россіи. По всей вѣроятности, Страленбергъ передѣлалъ свое сочиненіе, не получивъ отъ нашего двора той награды, какую ожидалъ, и едва ли не правъ почтенный Голиковъ, называвшій его не иначе, какъ злобнымъ клеветникомъ.

Другой разрядъ историческихъ источниковъ, изданныхъ въ свѣтъ, акты государственные, представляетъ изслѣдователю времени Петра Великаго обильныя средства къ поясненію и внутренняго устройства Россіи и самыхъ событій. Для первой цѣли онъ найдетъ въ *Полномъ Собраніи Законовъ Россіиской Имперіи* непрерывный рядъ актовъ законодательныхъ и правительственныхъ, напечатанныхъ большею частію съ подлинныхъ документовъ, съ присовокупленіемъ многихъ частныхъ или временныхъ распоряженій, важныхъ въ историческомъ смыслѣ. Для второй цѣли не малымъ пособіемъ служитъ переписка Петра Великаго съ разными лицами, изданная частію отдѣльными собраніями писемъ его и къ нему Миллеромъ и Берхомъ,[89] частію разсѣянная въ 30 томахъ Дѣяній Голикова. Этотъ источникъ не исчерпанъ однакожъ и въ половину; не издано множество писемъ самого Петра; еще менѣе извѣстны донесенія къ нему его министровъ, генераловъ и другихъ лицъ, необходимыя для уразумѣнія событій. Притомъ же все напечатанное частными лицами требуетъ тщательной повѣрки: издатели не всегда разбирали почеркъ Петра, или пользовались неисправными списками и допускали грубыя ошибки; отчетливѣе всѣхъ былъ Миллеръ; но и его можно упрекнуть въ томъ, что нѣсколько писемъ важныхъ по содержанію, но не очень лестныхъ Акты.

89. Первый напечаталъ *Письма Петра Великаго къ графу Шереметеву* 1774, и отъ Шереметева къ Государю, 1778. 4 части. Второй: *Собраніе писемъ Императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя*, 1830. 4 части.

для Шереметева, онъ исключилъ, а нѣкоторыя, по той же причинѣ, напечаталъ съ пропусками. Изданныя Голиковымъ и Берхомъ наполнены всякаго рода погрѣшностями.[90] Самое скудное отдѣленіе въ семъ разрядѣ источниковъ акты дипломатическіе и дѣла слѣдственныя: тѣ и другіе въ высшей степени необходимы для поясненія царствованія Петра, и до сихъ поръ остаются недоступными въ архивахъ.

Безпристрастное обозрѣніе всего, что было писано о Петрѣ Великомъ свидѣтельствуетъ, какъ еще неполны, шатки и сбивчивы наши свѣдѣнія объ его славномъ царствованіи: официіальные акты его времени, первая главная основа исторіи, не взирая на множество изданныхъ, далеко не вполнѣ извѣстны, и многое, что только ими можетъ быть разрѣшено, остается неразгаданнымъ; сказанія современниковъ очевидцевъ нерѣдко наполнены пристрастными, или неточными наблюденіями и ложными умствованіями; компиляторы, писавшіе по слухамъ, впадали въ грубѣйшія ошибки, а нѣкоторые дозволяли себѣ и явные вымыслы, замѣняя ими недостатокъ свѣдѣній историческихъ. Все это, и сбивчивыя преданія, и невѣрные разсказы очевидцевъ, и выдумки компиляторовъ, все безъ всякаго разбора перешло въ сочиненія историковъ позднѣйшихъ, которые къ ошибкамъ предшественниковъ прибавили не мало и своихъ. Тутъ еще появились защитники Московской старины, осуждающіе все, что ни дѣлалъ Петръ, и Исторія его приняла видъ какого-то хаоса, гдѣ умъ любознательный, жаждущій истины, теряется въ сомнѣніяхъ, догадкахъ, противорѣчіяхъ. При такомъ состо-

90. Голиковъ, напримѣръ, въ своихъ Дѣяніяхъ т. X. № 2. напечаталъ въ видѣ особаго письма къ Апраксину подъ годомъ 1693 приписку къ письму 1695 года, и всѣ вообще письма во время Азовскихъ походовъ перепуталъ: письма изъ втораго похода относитъ къ первому, и на оборотъ.

тіи нашихъ свѣдѣній о Петрѣ необходимо перевѣрить все, что было объ немъ писано, подлинными документами, и дополнить пропуски въ его исторіи фактами и подробностями, чтобы озарить черты его величественнаго лица, исчезающія въ туманѣ вымысловъ и невѣрныхъ сказаній, лучами чистой истины. Единственное средство къ тому пособіе архивовъ.

IV.

Въ концѣ 1842 года, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа Сергія Семеновича Уварова, Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ открыть мнѣ доступъ ко всѣмъ архивамъ имперіи, а въ 1845 году, по ходатайству Императорской Академіи Наукъ, всемилостивѣйше дозволилъ отправиться за границу, для обозрѣнія архивовъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ Монаршей довѣренности, съ яснымъ сознаніемъ своего долга, я приступилъ къ труду огромному и около десяти лѣтъ посвятилъ одному дѣлу, собранію матеріаловъ въ архивахъ.

Важнѣйшія сокровища для исторіи Петра хранятся въ двухъ архивахъ министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ Государственномъ въ С.-Петербургѣ и въ Главномъ въ Москвѣ. *Въ первомъ*, волею Государя Императора, съ 1827 года сосредоточены всѣ наиболѣе любопытныя дѣла Петрова времени, находившіяся въ Кабинетѣ Его Величества, въ Государственномъ архивѣ 12 коллегій, въ Петропавловской крѣпости, въ канцеляріяхъ статсъ-секретарей императрицы Екатерины II Теплова, Елагина, Козицкаго, Храповицкаго и оберъ-цалмейстера Морсочникова. *Во второмъ*, хранятся всѣ дипломатическія сношенія

Петра Великаго съ Европейскими и Азіятскими государствами, также и другіе любопытные документы. Кромѣ того есть много важныхъ, доселѣ вовсе неизвѣстныхъ матеріаловъ въ архивахъ министерствъ Военнаго и Морскаго, Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Сvнода и въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ.

Свѣривъ все, что заимствовали изъ сихъ вѣдомствъ Миллеръ, Голиковъ, Берхъ и другіе издатели документовъ исторіи Петра Великаго, я разсмотрѣлъ еще слѣдующіе матеріалы, которыми, за исключеніемъ очень немногихъ актовъ, не пользовался ни одинъ бытописатель:

I. *Кабинетныя бумаги* Петра Великаго въ Государственномъ архивѣ. Запечатанныя по смерти Государя, они оставались неразобранными до императрицы Екатерины II, когда, по ея повелѣнію, исторіографъ князь Щербатовъ привелъ ихъ въ порядокъ, раздѣливъ на два отдѣленія.

Первое состоитъ изъ 67 фоліантовъ и заключаетъ въ себѣ два рода дѣлъ: а) матеріалы, собранные для исторіи Петра Великаго при жизни его: выписки изъ подлиннаго дѣла Преображенскаго приказа о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года; дѣло Ближней канцеляріи о мятежѣ Башкирскомъ въ 1708 году; подлинные документы о бунтѣ Булавинскомъ; вѣдомости о числѣ войскъ и орудій въ разныя эпохи, о строеніи въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, о каналахъ, заводахъ, фабрикахъ и проч.; свѣдѣнія, сообщенныя отъ графа Шереметева, графа П. Апраксина, князя М. М. Голицына, князя Репнина и другихъ лицъ о дѣйствіяхъ ихъ въ Шведскую войну; журналы походовъ и путешествій Петра Великаго: изъ нихъ одинъ (1695—1709) веденъ при бомбардирской ротѣ Преображенского полка, другой во время перваго путешествія Петра за границею (1697—1698), третій при кабинетѣ Государя (1702—1711), съ собственно-

ручными его поправками; журналы походовъ адмирала Апраксина и генерала Леси, съ подробностями вторженія ихъ въ Швецію (1716—1719); дневныя записки генералъ-адьютанта Румянцова во время посылки его въ Стокгольмъ по смерти Карла, для мирныхъ переговоровъ; подлинные документы объ экспедиціяхъ князя Бековича и полковника Лихарева; наконецъ составленная изъ сихъ матеріаловъ *Гисторія Свейской войны* къ четырехъ редакціяхъ, съ поправками и дополненіями Государя. б) Собственноручныя черновыя бумаги Петра Великаго отъ первыхъ лѣтъ его царствованія до послѣднихъ дней жизни, самаго разнообразнаго содержанія: ученическія рѣшенія задачъ ариѳметики, проекты законовъ, указовъ, рескриптовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, историческіе разсказы, допросные пункты, счеты, подлинные рескрипты къ разнымъ лицамъ, вычисленія корабельныхъ размѣровъ, письма увеселительныя—необъятная громада, наполняющая бо̀льшую часть фоліантовъ этого отдѣленія. Голиковъ напечаталъ изъ него только одни рескрипты къ Рамодановскому и Крефту (Кревету); прочія же бумаги, и то не всѣ, зналъ единственно по реестру, составленному, довольно неисправно и невѣрно, княземъ Щербатовымъ.

Второе отдѣленіе вдвое огромнѣе перваго: число фоліантовъ простирается до 95; многіе изъ нихъ въ 2.000 листовъ и болѣе. Здѣсь собраны такъ называемыя входящія бумаги, все, что адресовано было на имя Петра по всѣмъ частямъ управленія, отъ всѣхъ лицъ, которыя его окружали или рѣшались къ нему писать, отъ Меншикова и Шереметева до послѣдняго истопника.[91] При недостаткѣ со-

91. Это отдѣленіе начинается бумагами 1700 года; но къ счастію, въ книгѣ подъ № 53 нашлись документы съ 1695 года. Вообще князь Щербатовъ разбиралъ Кабинетныя бумаги Петра невнимательно и нерадиво: многое не на своемъ мѣстѣ, не подъ своимъ годомъ; приложенія большею частію такъ разрознены, что только по почерку и по другимъ примѣтамъ можно угадать, отъ кого онѣ были сообщены.—Бумаги времени Петра наполняютъ 76 фоліантовъ.

временныхъ записокъ сподвижниковъ Петровыхъ, письма и донесенія ихъ служатъ самымъ вѣрнымъ, самымъ опредѣлительнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени они помогали своему государю во всѣхъ его дѣяніяхъ, какія имѣли способности, слабости, добродѣтели. Кромѣ того, въ ихъ перепискѣ съ самимъ Царемъ заключаются драгоцѣнныя подробности о дѣлахъ военныхъ, дипломатическихъ, церковныхъ, гражданскихъ, неизвѣстныя ни одному изъ наблюдателей Петрова времени. Тутъ говорятъ сами, и притомъ всѣ безъ исключенія, сподвижники и сотрудники его, отъ самыхъ главныхъ до самыхъ мелкихъ. Многочисленныя вѣдомости, представленныя Государю при рапортахъ Сената, Сvнода, коллегій, канцелярій, даютъ вѣрное понятіе о составѣ военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи, о финансахъ, о торговлѣ и другихъ отрасляхъ государственнаго благоустройства. Въ числѣ ихъ есть подробная вѣдомость и о дѣлахъ, производившихся въ Тайной канцеляріи съ 1718 по 1726 годъ. Голиковъ этимъ отдѣленіемъ вовсе не пользовался; изъ него напечатаны только письма фельдмаршала Шереметева, впрочемъ не всѣ, сыномъ его, или справедливѣе Миллеромъ, и нѣсколько писемъ разныхъ лицъ Берхомъ, со множествомъ ошибокъ, пропусковъ и исключеній.[92]

2) *Дѣла дипломатическія* въ Главномъ архивѣ въ Москвѣ. Распредѣленныя на разряды по государствамъ Европейскимъ и Азіятскимъ, съ отчетливою описью каждаго разряда, они заключаютъ въ себѣ: протоколы конференцій съ бывшими въ Россіи иноземными послами; наказы, ин-

92. Напримѣръ, въ письмѣ Апраксина 5 апрѣля 1703 (II. 15) исключено любопытное начало о Саввѣ Рагузинскомъ; въ другомъ его же отъ 11 августа, (а не 21, какъ у Берха, II. 32) исключено не менѣе любопытное окончаніе. На докладные пункты Крёйса отъ 4 декабря 1706 (II. 60) послѣдовали резолюціи Государя на 1, 2 и 5. Издатель первыя двѣ исключилъ, а послѣднюю помѣстилъ въ докладѣ, какъ отдѣльный пунктъ, и т. п. Тщательная повѣрка писемъ графа Шереметева, изданныхъ въ 1778 году въ 4 частяхъ, съ подлинниками удостовѣряетъ, что не всѣ они напечатаны согласно съ оригиналомъ.

струкціи, повелѣнія нашего правительства Русскимъ посламъ, министрамъ и резидентамъ при разныхъ дворахъ; донесенія и статейные списки ихъ (подробное изложеніе всѣхъ дѣйствій нашихъ дипломатовъ и веденныхъ ими переговоровъ); государственныя грамматы, трактаты, конвенціи, деклараціи и проч. Между сими документами попадаются и не дипломатическія бумаги, важныя для исторіи, напримѣръ: письма измѣнника Гуммерта изъ Нарвы къ Петру, по отступленіи отъ нея Русскихъ войскъ; письма герцога фонъ Круи изъ Ревеля, послѣ пораженія его подъ Нарвою военносудное дѣло надъ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Гольцомъ, по случаю разбитія его Карломъ XII при Головчинѣ и т. п. Разсмотрѣвъ въ 1847 году въ подробности дѣла Шведскія, Польскія, Цесарскія, Турецкія, Англійскія, Голландскія, Французскія, я нашелъ въ нихъ множество вовсе неизвѣстныхъ доселѣ документовъ, которые разливаютъ новый, яркій свѣтъ на все царствованіе Петра. Исчисленіе ихъ заняло бы много мѣста; читатель увидитъ ихъ въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ. Въ Главномъ архивѣ хранятся сверхъ того подлинные рескрипты и письма Петра Великаго въ 14 фоліантахъ, напечатанныя большею частію Голиковымъ.

3) *Дѣла розыскныя и слѣдственныя*, хранящіяся въ разныхъ вѣдомствахъ:

a) Подлинное розыскное дѣло *о Шакловитомъ* въ 1689—1692 годахъ, переданное по Высочайшему повелѣнію въ Археографическую коммиссію, въ 10 свиткахъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 4.000 столбцевъ или актовъ слѣдствія и суда надъ Голицынымъ, Шакловитымъ и ихъ сообщниками.

b) Подлинное розыскное дѣло *о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 года*, переданное въ Государственный

архивъ изъ канцеляріи оберъ-цалмейстера Морсочникова, столь же огромное, какъ и предъидущее: оно заключаетъ въ себѣ допросы и показанія всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ (въ томъ числѣ трехъ царевенъ), приговоры надъ преступниками и свѣдѣнія объ исполненіи ихъ.

c) Подлинное розыскное дѣло *о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ* въ Государственномъ архивѣ, въ 187 картонахъ. Оно состоитъ изъ двухъ розысковъ Кикинскаго (собственно о царевичѣ) и Суздальскаго (о царицѣ-инокинѣ, матери его). Оба дѣла, по окончаніи слѣдствія и суда, были положены въ три кованые ящика, при особой описи, и запечатанныя государственною печатью, отданы на сохраненіе въ Петропавловскую крѣпость, откуда въ послѣдствіи поступили въ архивъ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; цѣлость печатей ежегодно свидѣтельствовалъ тайный совѣтникъ графъ Толстой до конца царствованія Екатерины I. По сличеніи документовъ съ современною описью, оказывается, что всѣ они уцѣлѣли. Весьма малая часть ихъ была обнародована при манифестѣ 25 іюня 1718 года, въ «объ«явленіи розыскнаго дѣла и суда, по указу Его Царскаго «Величества на царевича Алексѣя Петровича въ С.-Питер«бурхѣ отправленнаго».[93] Наибольшая часть оставалась недоступною для историковъ. Тамъ заключаются допросные пункты, писанные рукою самого Петра; отвѣты и показанія всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ; докладныя выписки и статейные списки, съ отмѣтками Государя; министерскіе и сенатскіе приговоры; все дѣлопроизводство Верховнаго суда. Дополненіемъ къ исторіи несчастной распри царевича съ отцемъ и всей жизни его служатъ: 1) многія свѣдѣнія, разсѣянныя во 2 отдѣленіи Кабинет-

93. Это объявленіе перепечатано (вполнѣ, но съ ошибками) Погодинымъ въ Московскомъ Вѣстникѣ на 1829 годъ, ч. V.

ныхъ бумагъ, между прочимъ письма Меншикова и кронъ-принцессы Шарлоты, супруги царевича; 2) подлинныя донесенія Толстаго и Румянцова къ Государю изъ Вѣны и Неаполя (въ Главномъ архивѣ), о принятыхъ ими мѣрахъ къ возвращенію царевича въ Россію; 3) документы Тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ, числомъ болѣе 50, списанные мною въ 1845 году. Тамъ хранятся: собственноручныя письма царевича къ разнымъ лицамъ; донесенія цесарю министровъ его о причинахъ удаленія царевича изъ Россіи; инструкціи и наказы цесаря о тайномъ содержаніи его въ Эренбергѣ и Сентъ-Эльмо; донесенія комендантовъ той и другой крѣпости; письма Петра къ цесарю о сынѣ; протоколы конференціи, по случаю настоятельнаго требованія Петромъ выдачи царевича; донесенія вице-короля Неаполитанскаго о согласіи его возвратиться въ отечество; бумаги о выѣздѣ его изъ цесарскихъ владѣній и проч.

d) Подлинная выписка изъ слѣдственнаго дѣла *о преступленіяхъ Сибирскаго губернатора князя Гагарина*, съ приговоромъ Сената и съ резолюціею Петра, въ архивѣ Правительствующаго Сената. Подобныя же выписки и подлинные документы о князѣ Волконскомъ, Корсаковыхъ, Соловьевыхъ, Меншиковѣ, Шафировѣ, князѣ Репнинѣ, фискалѣ Нестеровѣ и многихъ другихъ лицахъ, подвергавшихся слѣдствію и суду, хранятся частію въ Сенатскомъ архивѣ, частію въ дѣлахъ Меншикова въ Академіи Наукъ.

4) *Оффиціальныя донесенія иностранныхъ пословъ и резидентовъ*, бывшихъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ въ царствованіе Петра Великаго. Изъ донесеній Французскихъ пословъ сдѣлалъ выписки Тургеневъ, до такой степени подробныя, что я не жалѣю о неудачѣ моихъ поисковъ въ Парижѣ. Донесенія же цесарскихъ дипломатическихъ чиновниковъ

я подробно разсмотрѣлъ въ Вѣнѣ; тамъ нашелъ я свѣдѣнія, сообщенныя о Россіи Курціемъ, Гваріентомъ, Вильчекомъ, графомъ Кинскимъ; въ особенности же обратилъ вниманіе на донесенія цесарскаго резидента *Отто Плейера*.

Присланный цесаремъ въ Россію въ ноябрѣ 1692 года, безъ дипломатическаго характера, подъ предлогомъ изученія Русскаго языка, въ самомъ же дѣлѣ для тайныхъ наблюденій и для донесеній цесарю о происшествіяхъ Московскихъ, въ послѣдствіи назначенный резидентомъ, онъ сопутствовалъ Петру въ плаваніи его по Бѣлому морю, въ Азовскихъ походахъ, видѣлъ истребленіе стрѣльцовъ, преобразованіе Россіи, слѣдилъ за Петромъ неутомимо, развѣдывалъ, расправшивалъ, и въ продолженіе 26 лѣтъ (до конца 1718 года) постоянно, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ, иногда и чаще, увѣдомлялъ самого цесаря, нерѣдко цифирнымъ письмомъ, о всемъ, что видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Легко вообразить, какъ драгоцѣнны эти извѣстія при ихъ современной свѣжести, при отчетливости и добросовѣстности наблюдателя. Изъ всѣхъ его донесеній я сдѣлалъ выписки; а наиболѣе важныя, числомъ до 180, списаны для меня вполнѣ чиновниками Вѣнскаго архива на 760 страницахъ in fol.—Тамъ же выписанъ мною изъ архива оберъ-гофмейстерскихъ дѣлъ обстоятельный протоколъ пребыванія Петра въ Вѣнѣ въ 1698 году, со множествомъ любопытныхъ подробностей.

5) Собственноручный дневникъ генералъ-поручика *Патрика Гордона* съ 1655 года до конца 1698, поступившій изъ Главнаго архива въ Военное министерство. Гордонъ родился въ Шотландіи 31 марта 1635 года, близъ Ебердина, и кончивъ воспитаніе въ тамошнихъ школахъ, 16-ти лѣтъ рѣшился, по примѣру многихъ земляковъ сво-

ихъ, искать счастія на чужбинѣ. Сначала поступилъ онъ въ службу къ королю Польскому; но лѣтъ чрезъ 10 уволился изъ Польской арміи съ чиномъ капитанъ-лейтенанта и, по убѣжденію Русскаго посланника Леонтьева, въ 1661 году пріѣхалъ въ Москву. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ его маіоромъ въ полкъ Кравфурда, а въ слѣдующемъ году произвелъ въ подполковники. Года чрезъ 4 Гордонъ женился на дочери маіора Фонъ-Букговена и навсегда остался въ Россіи. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ онъ участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, при царевнѣ Софіи въ обоихъ Крымскихъ походахъ, при Петрѣ въ обоихъ Азовскихъ походахъ; разбилъ мятежныхъ стрѣльцовъ при Воскресенскомъ монастырѣ и умеръ въ Москвѣ 30 ноября 1699 года, въ чинѣ генералъ-поручика, полковникомъ Бутырскаго полка.

Съ 16 іюля 1655 года до самой почти кончины, Гордонъ велъ дневникъ «не для публики, а собственно для «себя; я слѣдовалъ» говоритъ онъ «правилу Катона: ни «хвалить, ни порицать себя; о дѣлахъ публичныхъ «говорилъ только въ такомъ случаѣ, когда они меня касались; писалъ, что видѣлъ; слухи выдавалъ за «слухи». Строго слѣдуя сему правилу, онъ говоритъ только о самомъ себѣ: гдѣ былъ, что дѣлалъ, кто навѣщалъ его, отъ кого получалъ письма, къ кому самъ писалъ, чѣмъ былъ иногда нездоровъ, какія принималъ лекарства, сколько получалъ жалованья, кто хворалъ изъ семейства его, кто умеръ, кто родился; такъ ведетъ онъ свой дневникъ въ продолженіе 44 лѣтъ. Сокровище неоцѣненное, матеріалъ по преимуществу историческій, не уступающій никакому акту въ достовѣрности, исполненный множества любопытнѣйшихъ подробностей! Онъ тѣмъ болѣе важенъ, что о царствованіи Петра до 1700 года сохранились

скудныя извѣстія въ другихъ источникахъ, и Гордонъ дополняетъ ихъ подробностями о Крымскихъ походахъ, о заговорѣ Шакловитаго, объ удаленіи царевны Софіи, о путешествіяхъ Петра къ Переславскому озеру и Бѣлому морю, о Кожуховскомъ походѣ, о двукратной осадѣ Азова, о послѣднемъ бунтѣ стрѣльцовъ и проч. Къ величайшему сожалѣнію, въ настоящемъ видѣ, въ дневникѣ Гордона не достаетъ многихъ тетрадей, неизвѣстно когда утратившихся.[94]

6) Рукопись подъ заглавіемъ: Historische Beschreibung des Nordischen Krieges seit Anno 1699 bis 1721, на 216 стр. въ листъ, въ Государственномъ архивѣ, въ Кабинетныхъ бумагахъ. Судя по почерку и по многимъ поправкамъ и дополненіямъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта рукопись есть автографъ сочинителя, одного изъ славнѣйшихъ сподвижниковъ Петра, генералъ-лейтенанта *Галларта* (de Hallart). Присланный къ Царю Августомъ II въ самомъ началѣ Шведской войны, какъ искусный инженерный генералъ, онъ участвовалъ въ Нарвскомъ сраженіи, взятъ былъ Шведами въ плѣнъ и въ 1705 году размѣненъ на генерала Горна. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя службѣ Петра: много содѣйствовалъ къ спасенію Русской арміи въ Гродно отъ Карла XII, на поляхъ Полтавскихъ заслужилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, въ Прутскомъ походѣ командовалъ дивизіею и былъ раненъ; участвовалъ и въ другихъ походахъ

94. Дневникъ Гордона, весь писанный его собственною рукою на Англійскомъ языкѣ, переплетенъ въ 6 томовъ in 4°, всего 1227 страницъ. Въ 1 томѣ Гордонъ описываетъ все, что случилось съ нимъ отъ рожденія до 1659 года; во 2 до 25 іюня 1667; въ 3 до 26 августа 1678; въ 4 до 21 декабря 1689; въ 5 до 31 декабря 1695; въ 6 до 31 декабря 1698 года. Недостаетъ тетрадей съ 26 Іюня 1667 года по 7 января 1677, и съ 27 августа 1678 по 10 января 1684 года. Есть сверхъ того пропуски отъ затерявшихся листовъ при описаніи Крымскихъ походовъ и другихъ случаевъ; слѣдовательно болѣе 15 лѣтъ; отъ того не находимъ въ немъ ни слова ни о рожденіи Петра, ни о первыхъ мятежахъ стрѣлецкихъ. 4 и 5 части поступили въ Московскій Архивъ вмѣстѣ съ конфискованными бумагами вице-канцлера графа Остермана; 1, 2, 3 и 6 куплены у Гордонова внука, переводчика Адмиралтейской коллегіи, въ 1739 году графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ и уступлены исторіографу Миллеру, отъ котораго императрица Екатерина II пріобрѣла ихъ, съ другими рукописями, для Архива. (По написаніи этой статьи, дневникъ Гордона изданъ въ Нѣмецкомъ переводѣ въ трехъ томахъ докторомъ Поссельтомъ, 1849—1852, въ сокращенномъ видѣ. Я пользовался оригиналомъ).

Петра, а въ концѣ жизни его завѣдывалъ устройствомъ канала отъ Лиговки къ Лѣтнему дворцу. Исторія Сѣверной войны, доведенная въ оригиналѣ до смерти Карла XII, по всей вѣроятности, написана имъ по желанію Петра: изъ нея включены цѣлыя страницы въ гисторію Свейской войны. Галлартъ въ началѣ описываетъ событія съ большою подробностію и очень отчетливо разсказываетъ объ осадѣ Нарвы, также и о пораженіи подъ стѣнами ея Русскихъ войскъ Карломъ XII;[95] далѣе излагаетъ событія въ такомъ же размѣрѣ, какъ они разсказаны въ гисторіи Свейской войны; а иныя еще сокращеннѣе; впрочемъ повѣствованіе его всегда вѣрно, безпристрастно, и какъ свидѣтельство очевидца, принимавшаго дѣятельное участіе въ походахъ, въ высшей степени любопытно.

Упоминать о другихъ рукописяхъ, которыми я пользовался, считаю излишнимъ: каждая изъ нихъ будетъ указана въ своемъ мѣстѣ.

При пособіи собранныхъ мною сокровищъ, я прежде всего перевѣрилъ все, что было писано о Петрѣ Великомъ, и нашелъ безчисленныя ошибки, выдумки, пропуски, исключенія, неполноты, излишнія прикрасы, преувеличенія, невѣрные взгляды, ложныя умствованія; послѣ того приступилъ я къ изложенію фактовъ, въ постепенной послѣдовательности ихъ, основываясь преимущественно на документахъ, строго повѣряя ими сказанія современныя, указывая ошибки и недосмотры писателей позднѣйшихъ. Я старался изобразить Петра въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не скрывая его слабостей, не приписывая ему

95. Описаніе осады Нарвы напечатано въ Сѣверномъ Архивѣ въ 1 части, по списку съ современнаго перевода (который также хранится въ Кабинетныхъ бумагахъ), но со множествомъ ошибокъ: всѣ почти имена собственныя изуродованы; вмѣсто Фливеркъ—Фриберґъ, Лима—Лемоновъ, фонъ Дельденъ—фонъ Детденъ; цѣлыя фразы искажены; вмѣсто: «Его ц. в. изволилъ князь Григорья Ѳедоровича *Долгорукаго* своего камергера къ его к. в. Польскому послать»—напечатано «князь Григорья Ѳедоровича, *да другаго* своего камергера, къ его к. в. Польскому послать».

небывалыхъ достоинствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ во всей возможной полнотѣ его несомнѣннаго величія, и притомъ такъ, чтобы ни одного слова не было сказано наугадъ, чтобы каждое изъ нихъ подтверждалось свидѣтельствомъ неоспоримымъ, по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ. Отъ того читатель не найдетъ въ моемъ сочиненіи множества анекдотовъ о Петрѣ, разсказываемыхъ другими историками, но для меня не имѣющихъ никакой цѣны, потому что источники ихъ болѣе чѣмъ сомнительны. Въ замѣнъ того найдетъ столько подробностей доселѣ неизвѣстныхъ, живописующихъ Петра и его время, что вѣроятно не будетъ жалѣть, если я безжалостно разрушу его вѣрованія, которыя плѣняли его отъ младенчества.

Не смѣю и думать, чтобы мнѣ удалось написать исторію Петра, достойную его имени; но въ правѣ считаю себя сказать, что я вполнѣ понималъ всю святость добровольно принятой на себя обязанности быть его историкомъ. Онъ, неумолимо строгій къ себѣ и къ другимъ въ дѣлѣ истины, служилъ мнѣ руководителемъ. Самое тщательное изученіе фактовъ при помощи архивовъ, разборчивая повѣрка современныхъ сказаній, нелицепріятное безпристрастіе, добросовѣстное изложеніе всѣхъ подробностей историческихъ, какія только встрѣчались мнѣ не въ выдумкахъ компиляторовъ, а въ матеріалахъ достовѣрныхъ, вотъ мои правила непреложныя! Могутъ найти въ моемъ сочиненіи недосмотры, неосновательные выводы, недостатки искусства, плана, слога, все что угодно; но въ безотчетной довѣрчивости къ современнымъ сказаніямъ, не исключая самого Петра, тѣмъ менѣе въ умышленномъ искаженіи истины, какимъ бы то ни было образомъ, не упрекнетъ меня никто.

Н. У.

ИСТОРІЯ
ЦАРСТВОВАНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА I.

МЛАДЕНЧЕСТВО ПЕТРА.

МНИМОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ О РОЖДЕНІИ ПЕТРА.—ВТОРОЙ БРАКЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ.—РОЖДЕНІЕ ПЕТРА.—МЛАДЕНЧЕСТВО ЕГО. — ВОСПИТАТЕЛИ. — КОНЧИНА ОТЦА.—ЦАРЬ ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. — УДАЛЕНІЕ МАТВѢЕВА.—ЦАРИЦА НАТАЛІЯ КИРИЛЛОВНА. — СЕЛО ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ. — КОНЧИНА ѲЕОДОРА. — ВОЦАРЕНІЕ ПЕТРА.—ВОЗВРАЩЕНІЕ МАТВѢЕВА.

1672–1682.

Мнимое предсказаніе.

Есть преданіе, что еще до рожденія Петра, грядущее величіе его было предугадано современными наблюдателями свѣтилъ небесныхъ, Симеономъ Полоцкимъ и Димитріемъ Ростовскимъ. Первый изъ нихъ, гласитъ молва, столь же искусный звѣздочетъ, какъ и богословъ, ночью на 11-е августа 1671 года, замѣтивъ близъ Марса звѣзду *пресвѣтлую,* предсказалъ царю Алексѣю Михайловичу и супругѣ его, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, что чрезъ девять мѣсяцевъ родится у нихъ сынъ, которому наречется имя Петръ, и не будетъ ему подобнаго въ монархахъ: «всѣхъ

«славою и дѣлами превзойдетъ, сосѣдей враждующихъ «смиритъ, страны дальнія посѣтитъ, мятежи внутренніе и «нестроенія обуздаетъ, многія зданія на морѣ и на сушѣ «воздвигнетъ, истребитъ злыхъ, возлюбитъ трудолюби- «выхъ, насадитъ благочестіе, гдѣ его не было, и покой «тамъ пріиметъ». То же записалъ, по словамъ преданія, и Димитрій, въ послѣдствіи святой митрополитъ Ростовскій, наблюдавшій въ Москвѣ теченіе небесныхъ свѣтилъ, въ одно время съ Симеономъ Полоцкимъ.

Такъ разсказывалъ, уже по кончинѣ Петра, одинъ изъ первыхъ бытописателей его, Крекшинъ, въ сочиненіи, посвященномъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Не изданное въ свое время, оно разошлось во многихъ спискахъ: одинъ изъ нихъ попался въ руки собирателю анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, профессору аллегоріи Штелину. Онъ обнародовалъ сказаніе Крекшина въ 1785 году, [1] съ такимъ важнымъ дополненіемъ, что предвѣщаніе Московскихъ звѣздочетовъ повѣряли современные астрологи западные, и нашли исчисленія и гаданія ихъ вѣроятными; въ доказательство чего Штелинъ приводитъ письмо Утрехтскаго профессора Гревія къ ученому единоземцу его, Николаю Гейнзію, бывшему посланникомъ Соединенныхъ Нидерландъ при Московскомъ дворѣ, во время рожденія Петра Великаго. [2] «Сообщенныя тобою» пишетъ Гревій въ отвѣтъ на письмо Гейнзія «наблюденія надъ свѣтилами «небесными и другія предзнаменованія, бывшія въ Москвѣ «во время рожденія Московскаго принца Петра, наши «астрологи, прорицатели и гадатели признаютъ достопри- «мѣчательными, и тѣмъ болѣе предвѣщаютъ новорожден- «ному славу воителя знаменитаго, страшнаго врагамъ, что «въ самый день его рожденія король Французскій перешелъ «Рейнъ, а султанъ Турецкій Дунай, и первый завоевалъ «четыре области Бельгійскія, второй же Каменецъ и По-

1. См. Примѣчаніе 5.
2. См. Примѣчаніе 6.

«долію. Ты, кажется, признаешь все дѣломъ случая; я думаю тоже. Дай Богъ, чтобы Петръ въ свое время былъ «добрымъ пастыремъ народовъ, и чтобы онъ Скиѳское «варварство, омрачающее сѣверъ въ его шубахъ, побѣ«дилъ спасительными законами».

«Такъ» восклицаютъ новѣйшіе историки наши «молва «облекла рожденіе Петра въ великую участь его, и на«дежда народа лелѣела колыбель его своими предвѣща«ніями!» [3] Мысль, достойная тридцатыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда вѣрили Брюсу и Крафту, и исторія наполнялась вымыслами безъ всякаго изслѣдованія, но не нашего времени, требующаго отъ бытописателей строгаго отчета въ каждомъ ихъ словѣ, тѣмъ болѣе въ разсказахъ о дѣлахъ чудныхъ, неимовѣрныхъ.

Если бы даже въ бумагахъ Симеона Полоцкаго нашлось приписываемое ему предсказаніе, съ несомнѣнными признаками подлинности, и въ такомъ случаѣ историкъ здравомыслящій взглянулъ бы на него съ улыбкою, какъ на уловку хитрой лести, или какъ на мечту восторженнаго поэта: сколько разъ мнимые пророки предвѣщали славу людямъ, безславно сходившимъ въ могилу! Но ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ сочиненіяхъ Семеона Полоцкаго подобнаго предсказанія нѣтъ, да и быть не могло: оно такъ явно извлечено изъ событій *совершившихся*, такъ очевидно составлено уже по кончинѣ Петра, и притомъ до такой степени смѣшно и нелѣпо въ подробностяхъ, что нельзя не удивляться непостижимому легкомыслію, съ которымъ поддались обману всѣ почти историки, [4] писавшіе о Петрѣ послѣ Штелина. Тѣмъ изумительнѣе ссылка ихъ на св. Димитрія Ростовскаго: они даже не хотѣли заглянуть въ келейныя записки его, [5] изъ которыхъ увидѣли бы, что сей великій святитель, еще юный инокъ, находился во время мнимаго предсказанія

3. Слова Полеваго въ *Обозрѣніи Русской Исторіи*, стр. 10.
4. Кромѣ одного, митрополита Евгенія. См. *Словарь историческій*. Изд. 2. 1827. II. 218.
5. Древн. Россійск. Вивліоѳика, ч. XVII.

не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ. Не потрудились наконецъ они повѣрить и мнимой переписки Голландскихъ ученыхъ: Гейнзій былъ дѣйствительно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посланникомъ Штатовъ Соединенныхъ Нидерландъ и жилъ въ Москвѣ мѣсяцевъ десять; но не могъ слышать толковъ и гаданій, о которыхъ разсуждаетъ съ нимъ Грсвій, потому что выѣхалъ изъ Россіи *почти за два года* до рожденія Петра Великаго. [6]

Обратимся къ подробностямъ достовѣрнымъ о рожденіи и младенчествѣ Петра. Онѣ впрочемъ немногочисленны.

Отецъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ молодыхъ лѣтахъ, сочетался бракомъ съ дочерью незнатнаго дворянина Ильи Даниловича Милославскаго, и двадцать одинъ годъ жилъ съ нею въ любви и согласіи. Пять сыновей и восемь дочерей были плодомъ этого брака. [7] Первенецъ ихъ, Димитрій, скончался младенцемъ; второй сынъ, Алексѣй, достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объявленъ народу по обычаю, принималъ пословъ, какъ наслѣдникъ престола, и уже началъ раздѣлять съ отцемъ труды правленія, когда жестокіе удары одинъ за другимъ поразили сердце государя: въ 1669 году онъ потерялъ любимую супругу, скончавшуюся въ слѣдствіе несчастныхъ родовъ: чрезъ три мѣсяца четырехлѣтняго сына Симеона, чрезъ полгода шестнадцатилѣтняго царевича Алексѣя.

Царь овдовѣлъ 40 лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей, Θеодора и Іоанна, больныхъ, хилыхъ, страдавшихъ скорбутомъ или цынгою, видѣлъ въ нихъ преемниковъ ненадежныхъ, и чрезъ два года по кончинѣ царицы, еще крѣпкій силами, далекій отъ старости преклонной, рѣшился вступить въ новый бракъ. Объ избраніи имъ второй супруги, матери Петра, сохранилось слѣдующее преданіе:

6. Примѣчаніе 7.
7. Примѣчаніе 8.

Былъ у него царедворецъ, не знатный ни родомъ, ни саномъ, но знаменитый заслугами, ознаменованный и славными ранами, и умомъ государственнымъ, въ чинѣ стольника вѣдавшій приказъ Малыя Россіи, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Царь любилъ его какъ друга, часто бывалъ у него въ домѣ и нерѣдко проводилъ съ нимъ вечера въ умной бесѣдѣ. Однажды государь изъявилъ желаніе отужинать вмѣстѣ съ его семействомъ, запросто. Явилась жена Матвѣева, съ малолѣтнымъ сыномъ и жившею въ домѣ ея дѣвицею, юною и прекрасною: то была Наталія Кирилловна, дочь Торусскаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Полуектовича Нарышкина. [8] Царь плѣнился ея красотою, вступилъ съ нею въ разговоръ, услышалъ умные отвѣты, былъ веселъ, шутилъ и обѣщалъ найти ей жениха. Чрезъ нѣсколько дней, онъ опять пріѣхалъ къ своему любимцу и сказалъ, что нашелъ жениха для Наталіи, что женихъ этотъ – самъ царь. Изумленный и испуганный Матвѣевъ палъ на колѣни и умолялъ спасти его отъ злобы завистниковъ. Государь далъ слово не вѣрить никакимъ навѣтамъ. Вскорѣ, по старому обычаю, собрано было до 60 благородныхъ дѣвицъ въ царскіе чертоги, для избранія невѣсты государю. Само собою разумѣется, что дѣло рѣшено было заранѣе, и жребій выпалъ прекрасной Наталіи.

Наталія Кирилловна.

Такъ разсказывала, почти чрезъ сто лѣтъ послѣ того, родная внука Артемона Сергѣевича, графиня Марья Андреевна Румянцова, мать Задунайскаго. [9] Сказаніе правдоподобное: оно подтверждается свидѣтельствомъ современнаго наблюдателя, Рейтенфельса, съ тою только разностію, что, по словамъ его, смотръ невѣстъ происходилъ не во дворцѣ, а въ домѣ Матвѣева. Рейтенфельсъ былъ въ Москвѣ, въ то самое время, когда праздновали вторую свадьбу царя Алексѣя Михайловича, и имѣлъ даже случай два раза

8. См. Примѣчаніе 9.
9. См. Примѣчаніе 10.

видѣть Наталію Кирилловну до замужства ея: Матвѣевъ, умный, образованный, выше предразсудковъ своего вѣка, не скрывалъ ни жены, ни своей воспитанницы отъ взоровъ постороннихъ, какъ того требовалъ обычай, и Рейтенфельсъ съ восхищеніемъ говоритъ о достоинствахъ Наталіи Кирилловны: «Цвѣтущая молодостью и красотою, «стройная станомъ, черноокая, съ челомъ возвышеннымъ, «съ пріятною улыбкою на устахъ, она была плѣнительна и «звонкою, сладостною рѣчью, и прелестью во всѣхъ по«ступкахъ». [10]

Не даромъ страшился Матвѣевъ коварной злобы тайныхъ враговъ своихъ: по объявленіи царскаго намѣренія вступить въ бракъ съ дочерью Нарышкина, въ сѣняхъ предъ Грановитою палатою найдено подметное, безъименное письмо, съ извѣтомъ на Матвѣева, какъ на чародѣя, знавшаго тайную силу травъ. Доносъ, важный въ тогдашнее время: обвиняемымъ въ чародѣйствѣ грозилъ розыскъ, нерѣдко съ опалою. Такъ при царѣ Михаилѣ, Илья Даниловичъ Милославскій едва не погибъ за мнимый волшебный перстень, доставшійся ему отъ думнаго дьяка Грамотина: имѣніе его опечатано, самого взяли подъ стражу и не прежде освободили, какъ послѣ тщательнаго изслѣдованія. То же случалось не разъ и при царѣ Алексѣѣ: первая избранная имъ невѣста, дочь Рафа Всеволожскаго, была отвергнута, по нелѣпому доносу одного изъ крестьянъ Никиты Ивановича Романова, и вмѣстѣ съ матерью и братомъ сослана въ Сибирь; а дядя государевъ, Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ, обвиненный подметнымъ письмомъ, потерялъ честь боярства и сосланъ въ Вологду. [11] Заслуги и добродѣтели спасли Матвѣева на этотъ разъ: царь не повѣрилъ доносу, пожаловалъ его въ думные дворяне, и обвѣнчался съ Наталіею Кирилловною 22 января 1671 года, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами. [12]

10. См. Примѣчаніе 11.
11. См. Примѣчаніе 12.
12. См. Примѣчаніе 13.

Рожденіе Петра Великаго. 1672.

Чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, 30 мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далмацкаго, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рожденіемъ сына, нареченнаго Петромъ: имя, не бывалое въ царскомъ семействѣ, но и не чуждое Русскому слуху, ежедневно возглашаемое въ св. храмахъ.[13] Рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи Царевича. Въ 5 часовъ радостный отецъ былъ уже въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи, которое совершалъ митрополитъ Новгородскій, Питиримъ, съ духовенствомъ. По окончаніи молебствія, царь, принявъ поздравленіе духовенства, бояръ и людей ближнихъ, ходилъ въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій дѣвичій монастырь на поклоненіе праху родителей; послѣ того молился въ Чудовомъ монастырѣ надъ гробомъ святителя Алексѣя митрополита, и приложившись къ св. иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, возвратился во дворецъ, гдѣ сказалъ чинъ окольничаго отцу царицы, Кириллу Полуектовичу, и Артемону Сергѣевичу Матвѣеву.

Между тѣмъ бояре и думные люди, также полковники и головы стрѣлецкіе, собрались въ Столовую палату. Царь жаловалъ ихъ водкою, фряскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На третій день былъ столъ въ царицыной Золотой палатѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зову и безъ мѣстъ. Предъ обѣдомъ царь жаловалъ водкою; спальники подносили закуску, коврижки, яблоки, дули, инбирь. При столѣ служили царицыны стольники.

Святое крещеніе новорожденный принялъ въ день своего тезоименитства, на праздникъ св. апостолъ Петра и Павла, 29 іюня, въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви св. митрополита Алексѣя, до литургіи. Воспріемниками его были старшій братъ, царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ, и тетка, царевна Ирина Михайловна.[14] На другой день, въ Грановн-

13. См. Примѣчаніе 14.
14. См. Примѣчаніе 15.

бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ; оба они являются въ этомъ званіи въ послѣдствіи, во время коронаціи Петра.[19] Родіонъ Матвѣевичъ, бывшій стольникомъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, умеръ въ глубокой старости, когда питомецъ его достигъ 15-ти-лѣтняго возраста; современники отзываются объ немъ съ похвалою, какъ о мужѣ честномъ, умномъ и правдивомъ.[20] Тихонъ Никитичъ занималъ въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра, важныя должности въ государствѣ, и своимъ прямодушіемъ, безкорыстіемъ, знаніемъ дѣлъ заслужилъ уваженіе государя; впрочемъ любилъ шумную бесѣду. Учителемъ юнаго Царевича былъ подъячій приказа Большаго прихода Никита Моисеевичъ Зотовъ, извѣстный участіемъ въ заключеніи Бахчисарайскаго договора, еще болѣе знаменитый въ послѣдствіи, какъ первый князь-папа, человѣкъ грамотный, но ограничивавшій всѣ свои свѣдѣнія одною Русскою грамотою, и далеко не *небражникъ*. Чему научилъ онъ своего питомца, увидимъ въ послѣдствіи. Первые сверстники отрока Петра достовѣрно не извѣстны, за исключеніемъ двухъ: Григорія Лукина и Екима Воронина. Оба они положили свои головы подъ стѣнами Азова.[21]

Въ исторіи человѣка необыкновеннаго, самое младенчество его любопытно для потомства, которое хочетъ знать, не обнаруживались ли въ дѣтскихъ играхъ признаки души великой? Еще любопытнѣе отрочество, когда начнутъ развиваться силы умственныя. Къ сожалѣнію, современники оставили намъ немногія, отрывистыя замѣтки о Петровой юности. Есть сверхъ того нѣсколько преданій позднѣйшихъ, въ которыхъ бытописатели видятъ и узнаютъ будущаго

Младенчество Петра. 1672—1676.

19. Дядьками (а не *дьяками*, какъ напечатано въ Полн. Собр. Зак. II, стр. 421) названы они въ актѣ коронаціи обоихъ царей 25 Іюня 1682.—Кемпферъ, вѣроятно, по ошибкѣ считалъ Родіона Матвѣевича дядькою царя Іоанна, именуя его *Родо.... Мато.... Трезновъ*. Стр. 538. Дядькою Іоанна былъ князь П. И. Прозоровскій.

20. Характеры вельможъ въ царств. Алексѣя Михайловича, сочиненіе Поляка, въ Сѣв. арх. XVIII. 107.

21. Свидѣтельство П. Гордона, при описаніи перваго Азовскаго похода.

ирон; но эти преданія частію маловажны, частію невѣроятны, и тѣмъ болѣе сомнительны, что источникомъ ихъ служатъ сказанія Крекшина, разскащика легкомысленнаго, смѣло дополнявшаго недостатокъ историческихъ подробностей вымыслами воображенія.[22] До пятнадцатилѣтняго возраста Петра, до того времени, о которомъ онъ самъ заговоритъ съ потомствомъ и раскроетъ свои тайныя думы, мы не имѣемъ никакихъ средствъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его душевныхъ способностей, и можемъ только догадываться, какое вліяніе на его юность могли имѣть люди и событія.

Радостно и весело встрѣтилъ онъ жизнь. Нѣжно любимый матерью, онъ былъ при ней безотлучно, забавлялъ ее рѣзвостію дѣтскихъ игръ, сопутствовалъ ей во всѣхъ выѣздахъ, и уже трехлѣтнимъ младенцемъ обнаруживалъ ту пылкую живость, которая въ послѣдствіи была отличительною чертою его характера: однажды, когда въ селѣ Коломенскомъ царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ сосѣдняго покоя, нетерпѣливый Петръ настежъ распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть Московскую государыню.[23] Первые годы младенчества онъ провелъ большею частію въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ; здѣсь онъ тѣшился драматическими представленіями, при звукахъ нѣмецкой музыки, еще болѣе соколиною охотою, которую любилъ до страсти.[24] Здѣсь родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петровой, и Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу.[25]

Но едва раскрылись въ немъ первыя понятія, судьба нанесла ему жестокій ударъ: на четвертомъ году онъ лишил-

22. См. Примѣчаніе 17.
23. См. Примѣчаніе 18.
24. См. Примѣчаніе 19.
25. См. Примѣчаніе 20.

ся отца. Сраженный незапнымъ недугомъ, царь Алексѣй Михайловичъ скончался послѣ кратковременныхъ страданій,[26] благословивъ на царство старшаго сына, Ѳеодора, юношу, не достигшаго пятнадцати лѣтъ, съ умомъ свѣтлымъ, съ душею прекрасною, но здоровьемъ слабаго и болѣзненнаго отъ колыбели.[27] Въ современныхъ сказаніяхъ иноземцевъ сохранилось преданіе, что при кончинѣ царя Алексѣя, любимецъ его, бояринъ Матвѣевъ, склонялъ умирающаго государя оставить престолъ младенцу Петру, что за одно съ нимъ дѣйствовала и царица Наталія, желавшая быть правительницею государства до совершеннолѣтія сына, но что умыселъ не удался и открытіе его погубило Матвѣева.[28] 1676.

Ссылка Матвѣева.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ полгода по воцареніи, Ѳеодоръ изгналъ Матвѣева, какъ государственнаго преступника, въ безчестную ссылку, и до послѣднихъ дней своей жизни не жаловалъ ни мачихи, ни отца ея и братьевъ. Но виною паденія Матвѣева и несогласія въ царскомъ семействѣ, по вѣроятнѣйшему свидѣтельству нашихъ сказаній, также современныхъ, была крамола царедворцевъ.[29] Самъ Матвѣевъ въ жалобахъ къ царю на свое изгнаніе, оправдывая себя во взводимыхъ на него преступленіяхъ, ни слова не говоритъ, чтобы его винили въ намѣреніи устранить Ѳеодора отъ престола.[30] Да и могъ ли онъ оставаться въ числѣ ближнихъ бояръ новаго государя около полугода, послѣ такого умысла?[31] Его погубила царская родня съ матерней стороны, фамилія Милославскихъ, при содѣйствіи дядекъ и нянекъ юнаго Ѳеодора. Главнымъ виновникомъ его паденія былъ царскій свойственникъ, Иванъ Михайловичъ Милославскій, человѣкъ жадный власти и корысти, личный врагъ Матвѣева, которому онъ приписы-

26. См. Примѣчаніе 21.
27. См. Примѣчаніе 22.
28. См. Примѣчаніе 23.
29. Сказаніе безъименнаго въ Исторіи о заточеніи Матвѣева, 367—427.
30. Челобитныя его къ царю и письма къ патріарху и вельможамъ, въ Исторіи о невинномъ заточеніи.
31. См. Примѣчаніе 24.

1676 валъ удаленіе отъ двора при покойномъ государѣ.[32] Милославскому помогали царскіе дядьки, ближній бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово: первый видѣлъ въ Матвѣевѣ соперника власти, второй преграду своему корыстолюбію. Съ ними соединилась царская нянька, верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, лицемѣрная постница, видомъ набожная, душею злонравная и властолюбивая. Она тѣмъ охотнѣе взялась помогать врагамъ Матвѣева, что погубивъ его, надѣялась повредить въ умѣ Ѳеодора и царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, чтобы тѣмъ спокойнѣе господствовать при дворѣ.[33]

Долговременною службою Матвѣевъ нажилъ не огромное, но достаточное состояніе: имѣлъ значительныя помѣстья и прекрасный домъ въ Москвѣ, съ картинами и дорогими часами, что было въ его время рѣдкостью:[34] Тамъ любилъ проводить время благодушный царь Алексѣй Михайловичъ, въ бесѣдѣ съ другомъ своимъ, *Сергѣичемъ*. Тамъ находили радушный привѣтъ иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву; тамъ было и святилище науки: десятилѣтній сынъ Матвѣева, Андрей, учился языкамъ Греческому и Латинскому, подъ руководствомъ переводчика Посольскаго приказа, Спафарія. Отецъ нерѣдко присутствовалъ при урокахъ сына.[35]

Клеветники успѣли внушить неопытному царю, что Матвѣевъ, управляя разными вѣдомствами, награбилъ несмѣтныя сокровища. Царь велѣлъ ему ѣхать въ Сибирь

1676. 4 іюля. воеводою на Верхотурье. Безъ ропота и безъ жалобъ, Матвѣевъ съ сыномъ своимъ отправился въ путь водою. Но едва удалился онъ изъ Москвы, составили новый извѣтъ, важнѣйшій: лекарь Берловъ донесъ, что онъ хотѣлъ отравить государя во время тяжкой болѣзни его, и запершись

32. Письмо Матвѣева къ Милославскому въ Исторіи о невинномъ заточеніи, 361.
33. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, 387.
34. Лизекъ въ его Relatio et caet. Salisburgi 1676.
35. См. Примѣчаніе 23.

съ сыномъ и Спафаріемъ, призывалъ *нечистыхъ духовъ*. То же писалъ и Датскій резидентъ, человѣкъ пьяный и безпутный. Умыселъ на царскую жизнь подтверждали дядьки Θеодора, князь Куракинъ и Хитрово, свидѣтельствуя, что Матвѣевъ не хотѣлъ отвѣдывать лекарствъ, подносимыхъ государю; а связь его съ нечистыми духами доказывалъ одинъ изъ рабовъ. Въ Лаишевѣ настигли его царскіе чиновники, опечатали все бывшее съ нимъ имущество, отобрали людей, допрашивали и розыскивали о лечебникѣ, писанномъ цифирью, и о какой-то *черной* книгѣ; не нашли ни того, ни другаго, и отправили Матвѣева далѣе, но уже не воеводою на Верхотурье, а государственнымъ преступникомъ, къ берегамъ Ледовитаго моря, въ Пустозерскій острогъ. [36] Утрата, невознаградимая для Россіи и для Петра! Умный, опытный Матвѣевъ, превосходившій всѣхъ тогдашнихъ вельможъ знаніемъ дѣлъ государственныхъ, дальновидностію, безкорыстнымъ усердіемъ къ престолу, отвратилъ бы отъ Россіи бѣдствія мятежей, которыя навлекли на нее совѣтники Θеодора; Петру же онъ былъ бы наилучшимъ руководителемъ въ отроческія лѣта, и предохранилъ бы его отъ многихъ тяжкихъ испытаній.

Удаляясь придворныхъ крамолъ и дерзкаго властолюбія царской няньки, Наталія Кирилловна жила большею частію въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, подъ нѣжнымъ, неусыпнымъ надзоромъ матери, развились отроческія силы Петра; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ какъ у красной дѣвицы; большіе, черные очи сверкали огнемъ; темнорусыя, природныя кудри украшали чело; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась смѣлая живость. [37] Отрокъ Петръ.

Между тѣмъ царь Θеодоръ, больной, хилый, сочетался бракомъ съ Агаѳіею Семеновною, изъ рода Грушецкихъ. [38] Кончина Θеодора.

36. Всѣ сіи подробности изъ челобитныхъ Матвѣева царю.
37. См. Примѣчаніе 26.
38. См. Примѣчаніе 27.

1682 апрѣль. Богъ не благословилъ этого брака: царица скончалась отъ родовъ, чрезъ три дня по разрѣшеніи сыномъ, Иліею, который не жилъ и недѣли послѣ матери. [39] Вопреки совѣту врачей, слѣдуя внушенію своекорыстныхъ временщиковъ, царь рѣшился вступить во второй бракъ, и спустя полгода по кончинѣ царицы, женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной. Свадьбу отпраздновали скромно, 14 февраля; а чрезъ два мѣсяца съ половиною юный царь былъ уже въ могилѣ. [40]

Законы государственные того времени не опредѣляли въ точности порядка престолонаслѣдія: существовало одно только общее постановленіе, коренное, неизмѣнное, утвержденное согласіемъ всего народа, о томъ, что верховная власть принадлежала исключительно поколѣнію Михаила Ѳеодоровича Романова. [41] Преемникъ престола назначался волею государя, обыкновенно старшій изъ сыновей его, который едва ли не съ тою цѣлію, по достиженіи совершеннолѣтія, иногда и ранѣе, *объявляемъ* былъ народу торжественно и съ тѣхъ поръ считался наслѣдникомъ, а предъ кончиною отца получалъ благословеніе его на царство. [42] Ѳеодоръ до самой кончины не сдѣлалъ никакого распоряженія о престолонаслѣдіи, и хотя единоутробный братъ его, царевичъ Іоаннъ, уже достигъ совершеннолѣтія, но народу объявленъ не былъ, потому ли, что Ѳеодоръ зналъ явную неспособность его царствовать, или, не ожидая столь рановременной смерти, надѣялся передать престолъ собственному сыну, котораго могъ имѣть отъ второй супруги своей. Какъ бы то ни было, по кончинѣ его, государство осталось безъ государя. Естественный законъ первородства призывалъ на царство царевича Іоанна; но видя тяжкій недугъ, почти лишавшій его зрѣнія, умы расположены были въ пользу брата его, Петра, цвѣтущаго

39. См. Примѣчаніе 28.
40. См. Примѣчаніе 29.
41. См. Примѣчаніе 30.
42. См. Примѣчаніе 31.

душевными и тѣлесными способностями. Дворъ раздѣлился на двѣ партіи: одна желала возвести на престолъ старшаго царевича, другая младшаго. Народъ склонялся на сторону Петра; патріархъ Іоакимъ также. Поддерживаемый общимъ мнѣніемъ, первосвятитель, сановникъ важный въ подобныхъ обстоятельствахъ, уладилъ великое дѣло, избраніе царя, безъ тревоги. 1682 апрѣль.

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля въ 4 часу по полудни. Какъ скоро закрылъ онъ глаза, ударили по обычаю въ большой колоколъ «Вѣстникъ», и народъ толпами обступилъ Кремлевскіе чертоги, чтобы проститься съ покойнымъ царемъ и привѣтствовать новаго Государя. По окончаніи обряда прощанія, Іоаннъ и Петръ жаловали всѣхъ чиновъ къ рукѣ. Между тѣмъ патріархъ съ святителями и боярами отступилъ въ переднюю палату и предложилъ вопросъ: кому изъ двухъ царевичей вручить скипетръ и державу? Святители и бояре опредѣлили: быть избранію общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Патріархъ съ властями и людьми думными вышелъ на крыльцо, велѣлъ народу собраться на площади предъ церковью нерукотвореннаго Спаса за преградою, и объявивъ, что царь Өеодоръ Алексѣевичъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, но преемника не назначилъ, спрашивалъ: кому изъ нихъ быть на царствѣ? Народныя толпы завопили въ одинъ голосъ: «быть Царемъ Государемъ Царевичу Петру Алексѣевичу»! Съ тѣмъ же вопросомъ патріархъ обратился къ боярамъ и царедворцамъ; они также единогласно отвѣчали: «да будетъ, по избранію всѣхъ чиновъ Московскаго государства, Царемъ Государемъ благородный Царевичъ Петръ Алексѣевичъ»! Первосвятитель возвратился въ Царскіе чертоги и благословилъ десятилѣтняго Петра на царство. Вся Москва въ тотъ же день ему присягнула; за Москвою и вся Россія безпрекословно.[43] Избраніе Петра на царство.

43. См. Примѣчаніе 52.

Главный распорядитель всего дѣла, патріархъ Іоакимъ, сдѣлалъ важную ошибку, не назначивъ въ то же время правительственной опеки торжественно и положительно, какъ бывало прежде, до совершеннолѣтія юнаго Царя. Надѣялись ли на раннее развитіе его способностей, или полагали, что право на опеку безспорно принадлежало царицѣ-матери? Но сколь ни очевидны были блестящіе таланты Петра, самъ онъ, еще отрокъ десятилѣтній, править не могъ; царица же, принявъ на себя завидную обязанность правительницы, безъ положительнаго опредѣленія, вскорѣ горькимъ опытомъ убѣдилась, какъ не тверда была власть ея. Она видѣла всю опасность свою, и спѣшила вызвать въ Москву славнаго Матвѣева.

Сосланный въ Пустозерскій острогъ, Матвѣевъ нѣсколько разъ писалъ къ царю и вельможамъ его, доказывалъ свою невинность, требовалъ суда и горько жаловался на заточеніе. Лѣтъ черезъ пять участь его была облегчена переводомъ изъ Пустозерска въ Мезень, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ не могъ умереть съ голода. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей, Ѳеодоръ велѣлъ освободить его изъ ссылки, возвратить ему домъ въ Москвѣ и вотчины, оставшіяся не розданными; сверхъ того пожаловалъ дворцовое село Ландехъ съ деревнями въ 700 дворовъ; но въ столицу его не призвалъ и велѣлъ ему жить въ городѣ Лухѣ, въ 466 верстахъ отъ Москвы, до указу.[44] Здѣсь узналъ Матвѣевъ о кончинѣ Ѳеодора, и въ то же время присланъ къ нему отъ новаго Государя стольникъ Алмазовъ съ милостивымъ словомъ и съ повелѣніемъ какъ можно поспѣшнѣе ѣхать въ Москву. Тамъ уже собралась туча мятежа: шестнадцать полковъ стрѣлецкихъ вышли изъ повиновенія правительству.

44. См. Примѣчаніе 33.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЙ БУНТЪ СТРѢЛЕЦКІЙ.

СТРѢЛЬЦЫ.—НАЧАЛО ВОЛНЕНІЯ ИХЪ. — СТРѢЛЕЦКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.—ЦАРЕВНЫ. — СОФІЯ. — И. М. МИЛОСЛАВСКІЙ. — СЛАБОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ МАТВѢЕВА. — БУНТЪ. — УБІЙСТВА 15, 16 И 17-ГО МАЯ.—ОБЪЯВЛЕНІЕ ІОАННА ЦАРЕМЪ.—СОФІЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

1682.

Въ лучшее время царствованія Іоанна Грознаго, когда близъ трона его стоялъ Адашевъ, правительство, въ неусыпной заботливости о безопасности общественной, убѣдилось въ необходимости завести войско постоянное, которое, охраняя особу государя, царскій домъ и дворъ, съ тѣмъ вмѣстѣ во всякое время было бы готово смирить внутренній мятежъ, или отразить незапное нашествіе непріятеля, пока успѣютъ собраться ратные люди, царедворцы и помѣстные владѣльцы. Съ этою цѣлью въ Москвѣ и въ другихъ городахъ учредилась безсмѣнная стража, съ огненнымъ боемъ, на царскомъ жалованьи, подъ вѣдѣніемъ особаго приказа, со многими преимуществами: то были стрѣльцы. Стрѣльцы.

Имя ихъ встрѣчается впервые въ 1551 году, когда Московскій государь возводилъ на престолъ Казанскій присяжника своего, Шигъ-Алея: въ числѣ 200 ч. подъ начальствомъ двухъ сотниковъ, они сопровождали Адашева въ Казань и остались тамъ для охраненія Алея.[1] Въ слѣдъ за тѣмъ, когда самъ Іоаннъ подступилъ къ непокорной Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ утвердить въ ней

1. Царственная книга, стр. 184.

Русское господство, стрѣльцы явились въ первыхъ рядахъ мужественныхъ витязей: вмѣстѣ съ казаками они шли въ передовой дружинѣ на приступъ.[2] Были они и при разгромѣ Новгородскомъ, въ числѣ 1500 ч., въ царскомъ полку.[3] Тогдашнее устройство ихъ въ подробности неизвѣстно; знаемъ только, что они раздѣлялись на сотни; каждою изъ нихъ начальствовалъ сотникъ, а нѣсколькими сотнями голова; судомъ же и расправою ихъ вѣдала стрѣлецкая изба.[4] Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное устройство ихъ въ главной идеѣ своей не измѣнилось и въ послѣдствіи, развившись только къ концу XVII вѣка, подобно всѣмъ другимъ условіямъ государственнымъ, съ большею полнотою и опредѣлительностію.

Первыми стрѣльцами были люди вольные, обязанные нести ратную службу безсмѣнно. Правительство построило имъ домы, назначило жалованье, дало оружіе и подчинило ихъ особому приказу. Они обзавелись семействами и передали свое званіе дѣтямъ и внукамъ. Сынъ стрѣльца былъ стрѣлецъ по рожденію и поступалъ на службу, какъ скоро могъ владѣть оружіемъ. Такимъ образомъ стрѣлецкое войско пополнялось преимущественно изъ среды своей; сверхъ того, въ случаѣ надобности, по распоряженію правительства, въ стрѣльцы набирались люди сторонніе, по собственной ихъ охотѣ, *рѣзвые и стрѣлять гораздые*, но не иначе, какъ по свидѣтельству старыхъ стрѣльцовъ, которые за каждаго охотника, поступавшаго въ ихъ общество, давали поручныя записи въ томъ, что онъ не сбѣжитъ. Крестьянъ, холопей, людей бѣглыхъ не принимали.[5]

Учрежденные въ Москвѣ и въ областныхъ городахъ, наиболѣе пограничныхъ, стрѣльцы раздѣлялись на приказы, которыми начальствовали головы; въ послѣдствіи, при

2. Царственная книга, стр. 264—267.
3. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. III. 236.
4. Разряды въ Древн. Росс. Вивл. XIII. 422.
5. Наказъ стрѣлецкимъ головамъ 29 апрѣля 1614 и 17 января 1626, въ III томѣ Актовъ Археограф. Экспедиціи

царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, приказы переименованы въ полки, а головы въ полковники. Въ полкахъ Московскихъ было обыкновенно отъ 800 до 1000 чел., въ городовыхъ отъ 300 до 500. Число первыхъ простиралось до 20. Всѣми ими вѣдалъ Стрѣлецкій приказъ, ввѣряемый знатному боярину. Какъ въ столицѣ, такъ и въ областныхъ городахъ стрѣльцы жили особыми слободами, долго сохранявшими свое названіе въ памяти народной. Въ Москвѣ стрѣлецкая слобода изстари находилась въ Замоскворѣчьи на полдень отъ Кремля,[6] гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣли придѣлы, построенные добровольными вкладами стрѣльцовъ, при церквахъ Живоначальныя Троицы въ Вешняковѣ, Петра и Павла на Калужской улицѣ, Казанскія Богородицы у Калужскихъ воротъ.[7] Тутъ при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ было 8 полковъ стрѣлецкихъ.[8] Прочіе полки имѣли свои слободы въ Земляномъ городѣ, у св. Пимена въ Воротникахъ, у св. Сергія Чудотворца въ Пушкаряхъ, у Живоначальной Троицы въ Листахъ, гдѣ послѣ воздвигнута Сухарева башня, у Николая Чудотворца въ Воробинѣ, у Спаса на Чигасахъ за Яузою, и въ другихъ мѣстахъ. 1682 апрѣль.

Главною обязанностію стрѣльцовъ было, въ мирное время охранять внутреннее спокойствіе, въ военное биться съ врагами отечества. Ежедневно наряжались полки ихъ поочередно для карауловъ во всѣ части Москвы; отряды ихъ стояли въ Кремлѣ, въ Бѣломъ и Китайгородѣ, при городскихъ воротахъ и на всѣхъ заставахъ; а при торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ при шествіи пословъ иноземныхъ, они становились строемъ по всѣмъ улицамъ, гдѣ проѣзжалъ посолъ; они же относили на Посольскій дворъ царскія кушанья послѣ аудіенціи. Въ числѣ обязанностей ихъ было также прекращеніе пожаровъ. Выборный полкъ, подъ названіемъ Стремяннаго, сопровождалъ государя во

6. См. планъ Москвы царевича Θеодора Борисовича (Годунова), въ III т. Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ.
7. См. Примѣчаніе 34.
8. См. Примѣчаніе 35.

всѣхъ выѣздахъ его изъ Москвы, на лошадяхъ изъ царскихъ конюшень. Въ военное время Московскіе стрѣльцы наряжались въ походъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ полковъ, и отправлялись на земскихъ подводахъ; а по окончаніи похода, возвращались въ свои слободы.

Стрѣльцы пользовались многими преимуществами предъ другими ратными людьми. Помѣстные владѣльцы выходили на войну на собственномъ иждивеніи, съ своимъ кормомъ, съ своимъ оружіемъ. Стрѣльцамъ производилось отъ казны жалованье (болѣе 100,000 рублей тогдашнихъ), бывшее немаловажною повинностію городовъ всей Россіи.[9] Оружіе и одежда также выдавались имъ отъ казны. Они вооружены были пищалями, бердышами, саблями; каждый полкъ имѣлъ свое знамя и свой снарядъ, или артиллерію. Одежда ихъ состояла изъ цвѣтныхъ суконныхъ кафтановъ, алыхъ, синихъ, малиновыхъ, голубыхъ, зеленыхъ, съ красивыми, иногда золотыми, перевязями; сапоги носили также цвѣтные, большею частію желтые, шапки нерѣдко бархатныя съ мѣховою опушкою. Каждый полкъ имѣлъ особый цвѣтъ.[10] Сверхъ того имъ дозволялось заниматься торговлею и разными промыслами; но повинностей посада они не несли; освобождены были отъ судныхъ и печатныхъ пошлинъ по своимъ искамъ и сдѣлкамъ, и во всѣхъ случаяхъ, кромѣ разбоя и татьбы, вѣдались только съ своемъ приказѣ.[11] Раненые, увѣчные и престарѣлые поступали въ монастыри на кормленіе.

Лучше другихъ вооруженные, болѣе привычные къ дѣлу ратному, они тверже стояли въ полѣ сраженія, смѣлѣе шли на приступъ, мужественнѣе отбивались при осадѣ, и не разъ вырывали побѣду изъ рукъ торжествующаго непріятеля. Такъ имъ обязанъ Борисъ Годуновъ пораженіемъ Самозванца при Добрыничахъ, царь Михаилъ плѣномъ

9. Выписка изъ окладныхъ книгъ 1681 года о сборѣ денегъ на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ, въ Актахъ Археограф. Экспедиціи. IV. 345.

10. Извѣстіе Шведск. послан. Пальмквиста въ *Описаніи одежды и вооруженія Русскихъ войскъ*. I. Примѣч. 165.

11. Уложеніе 1649: X, 121. XVIII, 49. XIX, 11 XXIII, 4.

Марины и Заруцкаго, царь Алексѣй покореніемъ Смоленска и другими побѣдами надъ Поляками, царь Ѳеодоръ славною обороною Чигирина.[12] Кромѣ того, среди смутъ и неустройствъ XVII вѣка, Московскіе стрѣльцы содѣйствовали правительству къ возстановленію порядка: они смирили бунтующую чернь въ селѣ Коломенскомъ, подавили мятежъ войска на берегахъ Семи, и вмѣстѣ съ другими ратными людьми нанесли рѣшительное пораженіе Разину подъ Симбирскомъ; а два полка Московскихъ стрѣльцовъ, бывшіе въ Астрахани, при разгромѣ ея злодѣемъ, хотѣли лучше погибнуть, чѣмъ пристать къ его сообщникамъ, и погибли.[13] Тѣмъ горестнѣе видѣть, что войско, ознаменованное и доблестью ратною и преданностію престолу, обратилось въ скопище мятежниковъ.[14] 1682 апрѣль

Первою, главною виною зла было всеобщее разслабленіе гражданскаго порядка, обнаружившееся съ половины XVII вѣка неоднократными бунтами. Не взирая на всю заботливость государей изъ дома Романовыхъ, утвердить и обезпечить права и преимущества подданныхъ силою закона, во всѣхъ частяхъ тогдашняго управленія свирѣпствовала общая зараза—безсовѣстное корыстолюбіе. Народъ постоянно ропталъ на лихоимство, неправосудіе и жестокосердіе лицъ, облеченныхъ властію. Самые ближніе царскіе совѣтники не избѣгли нареканій. Общія жалобы и сѣтованія въ особенности усилились въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Въ Москвѣ только и говорили о неправдахъ и обидахъ. Стрѣльцы роптали громче другихъ. Издавна дарованное имъ право торговли, съ значительными преимуществами предъ людьми посадскими, поставило ихъ въ положеніе, несообразное съ званіемъ воиновъ, и повлекло за собою неминуемое разслабленіе воинскаго порядка: пустившись въ промыслы, которыми пріобрѣтали значительныя богатства, они думали только о корысти, нерадиво испол-

12. См. Примѣчаніе 36.
13. См. Примѣчаніе 37.
14. См. Примѣчаніе 38.

1682 апрѣль. няли свои прямыя обязанности, тяготились службою, и самыя справедливыя мѣры строгости считали жестокимъ для себя притѣсненіемъ. Тѣмъ нестерпимѣе было для нихъ наглое насиліе, явное корыстолюбіе, которое по всей вѣроятности и имъ не давало пощады.[15] Къ довершенію зла, въ рядахъ Московскихъ стрѣльцовъ, появилось не мало закоснѣлыхъ мятежниковъ и раскольниковъ, привычныхъ къ грабежу и бунту: при разборѣ стрѣльцовъ въ Астрахани въ 1672 году, послѣ Разина, лучшіе оставлены тамъ на службѣ, прочіе переведены въ верховые города, въ самую столицу. Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ въ стрѣлецкихъ слободахъ вкоренилось наглое буйство; завелись круги или совѣщанія по казацкому обычаю, для суда самовольнаго; съѣзжія избы получили названіе каланчей, и не разъ съ вершины ихъ разъяренная толпа низвергала старыхъ стрѣльцовъ, не одобрявшихъ своеволія.[16]

Начало волненія стрѣльцовъ. Первые признаки мятежа обнаружились еще при царѣ Θеодорѣ, незадолго до его кончины. Стрѣльцы полка Семена Грибоѣдова жаловались на своего полковника «въ несправедливомъ порабощеніи и немилостивомъ мучительствѣ»: онъ не доплачивалъ имъ царскаго жалованья и заставлялъ ихъ строить для себя загородный домъ, не увольняя отъ работы даже на святую недѣлю.[17] Челобитную подалъ въ Стрѣлецкій приказъ дьяку Павлу Языкову выборный отъ всего полка. Приказомъ управлялъ тогда престарѣлый бояринъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Михайломъ Юрьевичемъ. Дьякъ, принявъ челобитную, велѣлъ просителю притти за отвѣтомъ въ слѣдующій день; между тѣмъ сказалъ князю Долгорукому, что принесъ ее пьяный стрѣлецъ, съ бранью и угрозами. Князь рѣшилъ высѣчь его кнутомъ, чтобы другимъ было не повадно. Какъ скоро, въ назначенное время, явился проситель за отвѣтомъ, его схватили и отвели

15. См. Примѣчаніе 39.
16. См. Примѣчаніе 40.
17. См. Примѣчаніе 41.

1682 апрѣль.

въ слободу, гдѣ предъ съѣзжею избою, въ толпѣ собравшихся стрѣльцовъ, дьякъ объявилъ ему приговоръ, и приказные служители готовились исполнить его. Стрѣлецъ закричалъ толпѣ: «просьбу я подалъ съ вашего согласія; за чѣмъ же допускаете ругаться надо мною?» Стрѣльцы бросились на служителей приказа, избили ихъ и отняли своего товарища. Испуганный дьякъ едва ускакалъ. Это случилось вечеромъ. Ночью весь полкъ Грибоѣдова возмутился. Въ слѣдующій день волненіе обнаружилось во всѣхъ слободахъ стрѣлецкихъ, за исключеніемъ трехъ.[18] Шестнадцать полковъ согласились, во что бы то ни стало, истребовать отъ правительства жестокаго наказанія своимъ полковникамъ; а въ случаѣ отказа, расправиться съ ними самимъ. Къ мятежнымъ стрѣльцамъ пристали и солдаты Бутырскаго полка. Написали челобитныя одного содержанія отъ имени каждаго полка, и хотѣли подать ихъ самому государю.

Стрѣлецкая челобитная.

Въ такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ скончался царь Өеодоръ. Преемнику его стрѣльцы присягнули безпрекословно, но отъ замысла своего не отстали: 30 апрѣля, въ третій день по воцареніи Петровомъ, многочисленная толпа шумно явилась предъ дворцомъ съ челобитными отъ шестнадцати полковъ стрѣлецкихъ и одного солдатскаго Бутырскаго. «На нашихъ земляхъ», писали стрѣльцы въ челобитныхъ» на наши сборныя деньги, полковники выстроили себѣ загородные домы; посылаютъ нашихъ женъ и дѣтей въ свои деревни пруды копать, плотины и мельницы дѣлать, сѣно косить, дрова сѣчь; насъ самихъ употребляютъ во всякія свои работы, даже отходы чистить; принуждаютъ побоями, батожьемъ, на собственный нашъ счетъ покупать цвѣтные кафтаны съ золотыми нашивками, бархатныя шапки и желтые сапоги; а изъ государскаго жалованья вычитаютъ многія деньги и хлѣбные запасы».[19]

18. Тогда было въ Москвѣ 19 полковъ, въ которыхъ считалось 14.198 ч. См. Докладную выписку 30 декабря 1682 г. въ Актахъ Археогр. Экспедиціи. IV. 409.

19. Царскій указъ, сказанный Грибоѣдову и другихъ полковникамъ, въ Актахъ Археограф. Экспедиціи IV. 337

1682 май. Вмѣстѣ съ челобитными представлены счеты недоплаченнаго жалованья и заработанныхъ денегъ. Стрѣльцы требовали немедленнаго удовлетворенія и выдачи имъ полковниковъ головою, для наказанія, угрожая въ противномъ случаѣ перебить ихъ, а домы разграбить. «Доберемся и до другихъ измѣнниковъ, которые обманываютъ государя», кричали въ толпѣ. Испуганное угрозами, лишенное средствъ укротить волненіе нѣсколькихъ тысячъ людей вооруженныхъ, правительство, безъ всякаго изслѣдованія справедливости жалобъ, повелѣло: обвиняемыхъ полковниковъ отставить; насчитанныя на нихъ деньги взыскать, а самихъ наказать батожьемъ за обиды и притѣсненія;[20] но никакъ не соглашалось предоставить расправу надъ ними самимъ стрѣльцамъ, предъ съѣзжими избами, какъ они того требовали, предвидя неминуемую гибель людей, болѣе или менѣе невинныхъ. Патріархъ послалъ въ стрѣлецкіе слободы митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, убѣждать стрѣльцовъ, чтобы они не требовали полковниковъ въ свои слободы и положились на обѣщанное правосудіе государя. Они согласились.[21] Въ слѣдующій день началась расправа, предъ Розрядомъ, и продолжалась цѣлую недѣлю. Полковниковъ держали на правежѣ, то есть, били батогами ежедневно, часа по два, до уплаты предъявленныхъ на нихъ счетовъ. «Много палокъ переломано было надъ несчастными», говоритъ очевидецъ «много и поплатились они: съ иныхъ взыскано до 2000 рублей или червонныхъ. Все дѣлалось именемъ правительства, но волею стрѣльцовъ: они толпились на площади, предъ приказомъ, и распоряжались какъ судьи; правежъ прекращался только тогда, когда они кричали: *довольно*. Иные полковники, на которыхъ они болѣе злобились, наказываемы были по два раза въ день».[22]

20. См. Примѣчаніе 42.
21. Медвѣдевъ, лист. 70.
22. Relation въ Приложеніи VI.

Между тѣмъ, какъ на площади предъ Розрядомъ истязуемы были полковники, въ слободахъ предъ съѣзжими избами гибли пятисотные, сотники и приставы стрѣлецкіе, обвиняемые приговоромъ круговъ въ единомысліи съ главными начальниками: ихъ сбрасывали съ каланчей, при крикахъ неистовой толпы: *любо, любо!* Князь Долгорукій не въ силахъ былъ укротить неистовства; стрѣльцы не хотѣли слушать его, или отвѣчали насмѣшками и угрозами.[23] Всякое повиновеніе исчезло; буйство заразило всѣ умы. Слободы кипѣли вооруженными толпами, пьяными и непокорными; ожесточеніе выражалось на свирѣпыхъ лицахъ. Требовалось одной искры, чтобы воспламенить кровавый бунтъ. Эту искру бросила невидимою и искусною рукою молодая царевна, доселѣ чуждая свѣта и едва извѣстная по имени. 1682 май.

Никакой монастырь не могъ быть скромнѣе и благочестивѣе царскихъ теремовъ, гдѣ въ глубокомъ уединеніи, частію въ молитвѣ и постѣ, частію въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками, проводили дни благовѣрныя царевны, дочери Михаила и Алексѣя. Никогда посторонній взоръ не проникалъ въ ихъ хоромы: только патріархъ и ближніе сродники царицы могли имѣть къ нимъ доступъ. Самые врачи приглашались развѣ въ случаѣ тяжкаго недуга, и не должны были видѣть лица больной царевны. Въ церковь онѣ выходили скрытыми переходами, и становились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были никѣмъ не зримы. Если же отправлялись въ святыя обители, внѣ дворца, для молитвы, или въ окрестныя дворцовыя села, что случалось впрочемъ рѣдко, то выѣзжали въ колымагахъ и рыдванахъ, отвсюду закрытыхъ, съ завѣшанными тафтою стеклами. Не было при дворѣ ни одного праздника или торжества, на которыя являлись бы царевны. Только погребеніе отца или матери вызывало ихъ изъ терема: онѣ шли за гробомъ въ непро- Царевны

23. Матвѣевъ, въ Собр. запис. Туманскаго. I. 124—126.

ницаемыхъ покрывалахъ.[24] Народъ зналъ ихъ единственно по имени, возглашаемому въ церквахъ при многолѣтіи царскому дому, также по щедрымъ милостынямъ, которыя онѣ приказывали раздавать нищимъ.[25] Ни одна изъ нихъ не испытала радостей любви, и всѣ онѣ умирали безбрачными, большею частію въ лѣтахъ преклонныхъ. Выходить царевнамъ за подданныхъ запрещалъ обычай; выдавать ихъ за принцевъ иноземныхъ мѣшали многія обстоятельства, въ особенности различіе вѣроисповѣданія, и послѣ неудачнаго сватовства Валдемара графа Шлезвигъ-Голштейнскаго на Иринѣ Михайловнѣ, которой онъ впрочемъ и не видалъ, проживъ въ Москвѣ полтора года,[26] не было болѣе предложеній отъ жениховъ иноземныхъ. Такимъ образомъ отшельницы міра съ самаго младенчества, не доступныя никакимъ надеждамъ или желаніямъ, выходившимъ изъ круга жизни повседневной, нисколько не знакомыя съ дѣлами государственными и вовсе не способныя давать имъ какое либо направленіе, царевны никогда, ни въ какомъ случаѣ, не являлись на поприщѣ политическомъ, и менѣе всего можно было ожидать бури изъ ихъ тихаго терема. Вышло иначе.

Послѣ Ѳеодора, въ царскомъ семействѣ осталось девять царевенъ, двѣ дочери царя Михаила: Анна и Татьяна, и семь дочерей царя Алексѣя, въ томъ числѣ шесть отъ перваго брака: Евдокія, Марѳа, Софія, Екатерина, Марія, Ѳеодосія, и одна отъ втораго брака, Наталія. Анна и Татьяна Михайловны достигали уже лѣтъ преклонныхъ (первой было за 50, второй за 45), и думали только о спасеніи души: старшая дѣйствительно вскорѣ постриглась и скончалась инокинею, подъ именемъ Анфиссы. Изъ дочерей царя Алексѣя отъ перваго брака, однѣ уже

24 Котошихина о Россіи, стр. 12, § 25; стр. 14, § 29; стр. 16.

25 Вѣдомость расходовъ на царскій домъ 207 года въ Россійскомъ магазинѣ Туманскаго. I. 401.

26 Съ 21 янв. 1644 по конецъ августа 1645. См. разсказъ очевидца въ Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, X. 241—276.

увядали, другія были въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и во всемъ блескѣ юности;[27] но давно сироты безъ отца, безъ матери, строгимъ обычаемъ осужденныя на жизнь затворницъ, онѣ могли знать о другой лучшей жизни, украшенной радостями любви, только по сказкамъ своихъ нянюшекъ, могли иногда робко мечтать о прекрасныхъ царевичахъ, между тѣмъ, имѣя предъ глазами примѣръ тетокъ и сестеръ живыхъ и усопшихъ, едва ли надѣялись на иную участь и безропотно покорялись судьбѣ, за исключеніемъ однакожъ одной, царевны Софіи Алексѣевны. 1682 май

Царевна Софія.

Вопреки общему мнѣнію, не красавица собой, нестройная станомъ отъ излишней тучности, съ лицемъ суровымъ, она казалась нѣсколькими годами старѣе, чѣмъ была дѣйствительно, и въ 25 лѣтъ смотрѣла пожилою женщиною.[28] Грудь ея пылала властолюбіемъ и сладострастіемъ; въ головѣ таились отважные замыслы; ей душно было въ скромномъ теремѣ: ее плѣняла завидная участь принцессъ, жившихъ на свободѣ, располагавшихъ судьбою царствъ, и героинею ея воображенія была Греческая царевна Пульхерія, которая, какъ гласили ей хронографы, взявши власть изъ слабыхъ рукъ брата своего, Ѳеодосія, такъ долго и славно царствовала въ Византіи. Софія захотѣла быть Русскою Пульхеріею.[29]

Бойкая на словахъ, хитрая, вкрадчивая, съ смиреннымъ благочестіемъ на лицѣ, съ неукротимыми страстями въ сердцѣ, она умѣла болѣе всѣхъ сестеръ своихъ заслужить любовь и довѣренность Ѳеодора, ежедневно бывала у него въ Верху, не отходила отъ скорбнаго одра, когда братъ страдалъ недугами, сама подавала ему лекарства и утѣшала его сладкими рѣчами.[30] Тамъ она сблизилась съ первыми, наиболѣе сильными вельможами, любимцами царя, съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, съ бояри-

27. См. Примѣчаніе 43.
28. См. Примѣчаніе 44.
29. Матвѣевъ въ Собр. запис. Туманскаго. I. 120.
30. De la Neuville. 152—155.

82 й. номъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, бесѣдовала съ ними о дѣлахъ, удивляла ихъ и умомъ, и твердостію души, и по всей вѣроятности не мало участвовала въ послѣднихъ государственныхъ распоряженіяхъ Θеодора. Тѣмъ прочнѣе, тѣмъ крѣпче надѣялась она утвердить свое вліяніе по кончинѣ его, когда, по всѣмъ расчетамъ, долженъ былъ вступить на престолъ единоутробный братъ ея, Іоаннъ, и тѣмъ горестнѣе, тѣмъ досаднѣе было для нея воцареніе Петра, устранявшее ее отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ. Съ растерзанною душей появилась она въ Архангельскомъ соборѣ въ день погребенія Θеодора и успѣла обратить на себя общее вниманіе Москвы: не было ни одной сестры ея въ церкви; ей самой не назначили мѣста въ торжественной процессіи; она рѣшилась притти безъ зова. Мало того: когда по внесеніи гроба въ соборъ, царица Наталія Кирилловна, отдавъ послѣднее лобзаніе усопшему, возвратилась вмѣстѣ съ сыномъ въ царскія палаты, Софія осталась до конца печальнаго обряда.[31] Народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на благочестивую любовь сестры, вовсе не подозрѣвая, что въ эти священныя минуты, предъ алтаремъ Всевышняго, она, быть можетъ, не столько молилась о упокоеніи души усопшаго брата, сколько обдумывала планъ, какимъ бы образомъ вырвать кормило правленія изъ рукъ ненавистной мачихи.

Мило-кій. Софія открылась въ замыслѣ своемъ человѣку надежному, ближнему свойственнику, посѣдѣвшему въ крамолѣ, боярину Ивану Михайловичу Милославскому. Онъ указалъ ей на стрѣльцовъ и далъ совѣтъ возмутить уже мятежныя толпы ихъ противъ новаго правительства, чтобы въ кровавомъ бунтѣ истребить фамилію Нарышкиныхъ и ея приверженцевъ.[32] Царевна согласилась. Составили списокъ обреченныхъ на убійство, и условились въ планѣ дѣйствій. Рѣшено

31. Выписка изъ Разряднаго архива о погребеніи царя Θеодора, въ Древн. Росс. Вивліоѳ. XV. 283.
32. См. Примѣчаніе 43.

было разгласить въ стрѣлецкихъ слободахъ: что царь Өеодоръ погибъ отъ яда; что бояре, при избраніи ему преемника, въ угожденіе Нарышкинымъ, обошли старшаго царевича; что Нарышкины умышляютъ на жизнь его, на жизнь самого царя и хотятъ овладѣть престоломъ. Милославскій нашелъ людей, которые взялись содѣйствовать замыслу. Въ числѣ ихъ самыми ревностными были родственники его, имѣвшіе при дворѣ званіе стольниковъ, Александръ Милославскій, братья Толстые, Иванъ и Петръ, (дѣти окольничаго Андрея Васильевича), два подполковника стрѣлецкіе: Иванъ Цыклеръ и Иванъ Озеровъ, и выборные стрѣльцы: Борисъ Одинцовъ, Обросимъ Петровъ, Кузьма Чермной.[33] Они собирались у Милославскаго тайно, по ночамъ, получали наставленія, доносили объ успѣхѣ, открывали въ стрѣлецкихъ слободахъ единомышленниковъ и приготовляли полки къ бунту. Самъ онъ притворился больнымъ и никуда не выѣзжалъ изъ дома, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе. Софія также не выходила изъ своего терема; но все знала что̀ дѣлалось, и всѣмъ распоряжала чрезъ вѣрную постельницу свою, Украинскую казачьку Өедору Семенову, прозваніемъ Родимица, которая ходила по стрѣлецкимъ слободамъ, раздавала деньги и сулила отъ имени царевны великія милости, если стрѣльцы спасутъ брата ея отъ мнимаго злодѣйства Нарышкиныхъ.[34] 1682 май.

Скоро заговорили въ слободахъ, что новый царь избранъ незаконно, что царевичъ Іоаннъ не отказывался отъ престола, что все дѣло устроено государственными измѣнниками, отцемъ и братьями царицы. Само правительство давало поводъ злословію: думая угодить стрѣльцамъ, оно отставило отъ должности оружейничаго, ненавистнаго имъ, боярина Ивана Максимовича Языкова, и удалило двухъ братьевъ Лихачевыхъ, бывшихъ въ особенной довѣренности у царя Өеодора; но въ то же время, на мѣсто ихъ, Слабость правительства.

33. См. Примѣчаніе 46.
34. Матвѣевъ. стр. 152.

1682 май. назначило Нарышкиныхъ: оружейничимъ Ивана Кирилловича, комнатнымъ стольникомъ Аѳанасія Кирилловича, кравчимъ Кирилла Алексѣевича, людей еще молодыхъ, едва ли имѣвшихъ доселѣ при дворѣ какое либо званіе; въ особенности изумило всѣхъ возвышеніе Ивана Кирилловича: на 23 году, онъ пожалованъ въ первостепенный санъ боярскій, къ общему неудовольствію двора. Стрѣльцы роптали явно, собирались въ круги, били тревогу, возмущали чернь и по первому знаку готовы были взяться за оружіе.[35] Одинъ только полкъ Сухарева, руководимый пятисотнымъ Бурмистровымъ и пятидесятникомъ Борисовымъ, оставался вѣрнымъ долгу присяги и не участвовалъ въ мятежныхъ замыслахъ. Во всѣхъ другихъ полкахъ все было готово къ бунту; по рукамъ ходили списки, кому пасть подъ ударами стрѣльцовъ. Но распорядители мятежа ждали еще одной жертвы, славнаго Матвѣева. Именемъ его начинался кровавый списокъ.[36]

Возвращеніе Матвѣева. Встрѣченный съ привѣтствіемъ отъ имени государя въ Троицкой лаврѣ, отъ имени матери его въ селѣ Братовщинѣ, нарочно высланными царедворцами, Юріемъ Лутохинымъ и Аѳанасіемъ Нарышкинымъ, Матвѣевъ прибылъ въ Москву 11 мая, и съ грустію увидѣлъ запустѣлый домъ свой, разоренный и ограбленный. Царица-правительница съ державнымъ сыномъ приняла его какъ спасителя отъ грозившей бѣды, и повелѣла возвратить ему все имѣніе. Въ слѣдующіе дни государственные сановники и царедворцы, за исключеніемъ одного Милославскаго, толпились въ его палатахъ съ поздравленіемъ. Стрѣльцы всѣхъ полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль.[37]

Не одобряя непомѣрнаго возвышенія Нарышкиныхъ и вообще дѣйствій новаго правительства въ послабленіи стрѣльцамъ, въ дозволеніи имъ самовольной расправы съ полковниками, Матвѣевъ предсказалъ, что данная воля

35. Relation der traur. Tragedie, въ Приложеніе VI.
36. Матвѣевъ, стр. 139.
37. Матвѣевъ стр. 158, и Relation der traurig. Tragedie.

поведетъ ихъ къ неистовству;[38] но самъ, кажется, не зналъ что дѣлать; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы приняты имъ были какія либо рѣшительныя мѣры къ предупрежденію бунта. 1682 май.

Тѣмъ дѣятельнѣе была Софія съ своими клевретами. 15 мая. Въ стрѣлецкихъ слободахъ молва смѣнялась молвою, одна другой зловѣщѣе. Стрѣльцамъ дано знать, что бояре намѣрены произвести между ними строгій розыскъ, и главныхъ заводчиковъ казнить, а прочихъ разослать въ дальніе города. Вслѣдъ за тѣмъ разнесся слухъ, что Иванъ Нарышкинъ, облекшись въ царскую одежду, сѣлъ на тронъ и сказалъ окружавшимъ его: «ни къ кому такъ не пристанетъ корона, какъ ко мнѣ»; что царица Марѳа Матвѣевна и царевна Софія Алексѣевна, заставъ его въ этомъ положеніи, строго упрекали въ неслыханной дерзости, при царевичѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ; онъ же, соскочивъ съ трона, кинулся на царевича, схватилъ его за горло и едва не задавилъ. Столь нелѣпая басня находила мало вѣрующихъ, но умы вообще были взволнованы, и имя Нарышкиныхъ часъ отъ часу становилось ненавистнѣе.[39]

Пользуясь мгновеніемъ, сообщники Софіи приступили Бунтъ. къ дѣлу: 15 мая, утромъ, Александръ Милославскій и Петръ Толстой поскакали по полкамъ съ вѣстью, что «Нарышкины задушили царевича.»[40] Мятежъ вспыхнулъ. Во всѣхъ слободахъ, у приходскихъ церквей, ударили въ набатъ; стрѣльцы схватили ружья, бердыши, копья, взяли даже нѣсколько пушекъ, и съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, отъ всѣхъ сторонъ побѣжали къ Кремлю. «Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго дома!» кричали они народу.[41] Былъ полдень. Мятежники прошли Земляной городъ, и ужъ вступали въ Китай; а бояре, бывшіе въ тотъ день на обычномъ совѣтѣ во

38. Relation der traurig. Trag. Приложеніе VI.
39. Relation der traurig. Tragedie. Приложеніе VI.
40. Матвѣевъ, стр. 141. Въ Relation сказано, что этотъ слухъ распустили стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ.
41. См. Примѣчаніе 17.

дворцѣ, еще ничего не знали, и по закрытіи думы спокойно собирались домой. На лѣстницѣ встрѣтилъ Матвѣева бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ страшною вѣстью, что Бѣлгородъ наполненъ мятежными стрѣльцами. Матвѣевъ поспѣшно возвратился въ Верхъ, къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ; послали за патріархомъ; велѣли запереть въ Кремлѣ всѣ ворота, и охранять ихъ Стремянному полку, бывшему въ тотъ день на караулѣ; но уже поздно. Неистовые крики раздались подъ окнами дворца: стрѣльцы вторглись въ Кремль, заняли всѣ выходы и, собравшись многочисленною толпой, предъ Грановитой палатою, у Краснаго крыльца, громко требовали головы Нарышкиныхъ, *погубившихъ царевича Іоанна.*[42]

Спасая отца и братьевъ, царица Наталія Кирилловна рѣшилась вытти къ мятежникамъ, и сопровождаемая патріархомъ со многими боярами и людьми думными, въ томъ числѣ А. С. Матвѣевымъ, княземъ М. Ю. Долгорукимъ, княземъ М. А. Черкасскимъ, вывела царя и царевича на Красное крыльцо и поставила ихъ на оградѣ предъ неистовою толпою. «Вотъ Государь Царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ Государь царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ», говорила царица «они благодатію Божіею здравствуютъ, и въ дому ихъ нѣтъ измѣнниковъ». Стрѣльцы не вѣрили глазамъ своимъ; нѣкоторые взлѣзли на крыльцо и спрашивали самого царевича: точно ли онъ живъ и кто его изводитъ? «Азъ есмь», отвѣчалъ царевичъ «и никто меня не изводилъ».[43]

Смятеніе на минуту затихло; но многіе еще требовали головы Ивана Нарышкина, за то, что онъ надѣвалъ на себя царскую корону.[44] Матвѣевъ вмѣстѣ съ патріархомъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку, напомнилъ стрѣльцамъ прежнюю вѣрность ихъ, особенно во время коломенскаго бунта, стыдилъ ихъ въ нелѣпомъ заблужденіи и разумны-

42. Матвѣевъ, стр. 143.
43. См. Примѣчаніе 48.
44. Матвѣевъ, стр. 144.

ми словами укротивъ ярость ихъ, возвратился къ трепещущей царицѣ.[45] Патріархъ остался внизу, продолжая увѣщанія. Въ то самое время начальникъ Стрѣлецкаго приказа, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, человѣкъ смѣлый и рѣшительный, грозно крикнулъ на стрѣльцовъ и велѣлъ имъ немедленно удалиться. Они разсвирѣпѣли, рванулись мимо патріарха на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ: всею тяжестью тучнаго тѣла онъ упалъ на подставленныя копья и, пронзенный, истерзанный, былъ изрубленъ бердышами.[46] Въ ту же минуту, отъ стороны дворца, изъ сѣней Грановитой палаты, ворвалась на Красное крыльцо другая толпа главныхъ злодѣевъ, направленная клевретами Софіи, и кинулась на Матвѣева. Царица обвила его своими руками, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій заслонилъ его своею грудью: стрѣльцы исторгли невиннаго старца изъ объятій царицы, оторвали отъ князя и сбросили съ крыльца на площадь, противъ Благовѣщенскаго собора; тамъ приняли его копьями и изрубили. Пораженная ужасомъ, царица съ сыномъ удалилась въ Грановитую палату.[47] Сановники и царедворцы разбѣжались; каждый спѣшилъ укрыться, гдѣ кто могъ. 1682 15 мая

«Пора намъ разбирать, кто намъ надобенъ», завопили толпы, и главные руководители мятежа, склонивъ копья, вломились во дворецъ.[48] Ни царскія палаты, ни терема царицъ и царевенъ не остались безъ обыска. Стрѣльцы вбѣгали въ опочивальни, заглядывали подъ дѣвичьи постели, разбрасывали перины, рылись въ темныхъ чуланахъ. Мало того: многіе неистово вторгались въ Божіи храмы при царскомъ домѣ, въ самые алтари, окровавленными руками осязали св. престолы и копьями шарили подъ жертвенниками. Главною цѣлью ихъ поисковъ были Нарышкины и другія лица, поименованныя въ спискѣ, числомъ до

45. Матвѣевъ, стр. 144—145 и Медвѣдевъ, лист. 74.
46. Матвѣевъ, стр. 145. О тучности Долгорукаго Таннеръ, знавшій его лично. Legatio, 126.
47. Матвѣевъ, стр. 146—147
48. Медвѣдевъ, листъ 74.

1682 мая. 16.[49] Съ звѣрскою яростію бросались они на обреченныхъ смерти, не слушали ни оправданій, ни моленій, и избитыхъ, изувѣченныхъ вытаскивали на Красное крыльцо, откуда кричали стоявшей на площади толпѣ: «Любо-ли?» «Любо! Любо!» раздавалось со всѣхъ сторонъ; между тѣмъ гудѣлъ набатъ, грохотали барабаны; осужденные летѣли стремглавъ съ крыльца и тутъ же испускали духъ, пронзенные копьями; трупы убіенныхъ, чрезъ Спасскія и Никольскія ворота, выволакивали стрѣльцы на Красную площадь съ насмѣшливыми криками: «ѣдетъ бояринъ, ѣдетъ думный! дайте дорогу», и тамъ разсѣкали на части бердышами.[50] Такъ погибли: думный дьякъ, управлявшій Посольскимъ приказомъ, Ларіонъ Ивановъ, съ сыномъ Василіемъ, мужъ искусный въ дѣлахъ дипломатическихъ; стольникъ Василій Ивановъ; полковники Григорій Горюшкинъ и Олимпій Юреневъ.[51] Въ то же время убитъ во дворцѣ невинный юноша, даже не означенный въ кровавомъ спискѣ, сынъ уважаемаго всѣми боярина Петра Михайловича Салтыкова, Ѳедоръ Петровичъ: стрѣльцы приняли его за одного изъ Нарышкиныхъ и растерзали.[52] Изъ братьевъ царицы, обреченныхъ смерти неизбѣжной, нашли они только Аѳанасія Кирилловича: онъ спрятался было въ церкви Воскресенія Христова, что на сѣняхъ, въ алтарѣ. Царицынъ карло, Хомякъ, указалъ его злодѣямъ: несчастнаго извлекли изъ-подъ жертвенника и изрубили на паперти; онъ еще дышалъ, но вскорѣ испустилъ духъ на площади, предъ Успенскимъ соборомъ, куда трупъ его ругательски былъ сброшенъ съ Верху.[53] Иванъ Кирилловичъ, отмѣченный въ спискѣ въ числѣ главныхъ жертвъ, спасся на этотъ разъ въ теремѣ восьмилѣтней царевны Натальи Алексѣевны, оставленномъ, кажется, безъ обыска. Тамъ же нашли убѣжище и младшіе братья

49. Relation der traurig. Tragedie.
50. Медвѣдевъ, листъ 76 и Relation.
51. См. Примѣчаніе 49.
52. Матвѣевъ, стр. 149 и Relation.
53. Матвѣевъ, стр. 149, Медвѣдевъ, листъ 74 на оборотѣ, и Relation.

1682 15 мая.

его: Левъ, Мартемьянъ и Ѳедоръ, вмѣстѣ съ отцемъ и сродниками, комнатными стольниками, Василіемъ Ѳедоровичемъ, Кондратіемъ Ѳомичемъ, Кирилломъ Алексѣевичемъ; тутъ же спрятался и сынъ боярина Матвѣева, Андрей Артемоновичъ, бытописатель мятежа.[54] Кровопролитіе не ограничилось однимъ дворцемъ: за Москвою рѣкою убитъ комнатный стольникъ Иванъ Ѳомичъ Нарышкинъ; между Патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ растерзанъ знатный бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Рамодановскій, на котораго злобились стрѣльцы со времени Чигиринскаго похода.[55] Послѣднею жертвою кроваваго дня былъ мужъ, знаменитый и ратными подвигами, и умомъ государственнымъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича съ первыхъ лѣтъ его царствованія, восьмидесятилѣтній старецъ, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Разбитый параличемъ, онъ давно уже не вставалъ съ постели. Злодѣи, умертвившіе сына, вздумали явиться къ отцу съ изъявленіемъ раскаянія (истиннаго или притворнаго, не извѣстно), въ излишней запальчивости. Предъ буйною толпою князь удержался отъ упрековъ, даже велѣлъ, по требованію стрѣльцовъ, поднести имъ вина и пива; но едва удалились они, вбѣжала въ комнату несчастнаго мать убитаго съ воплемъ. «Не плачь», сказалъ ей отецъ «щуку они съѣли, но зубы у ней остались. Быть имъ, ворамъ, перевѣшаннымъ на зубцахъ по Бѣлому и Земляному городу». Невѣрный рабъ передалъ эти слова стрѣльцамъ: они воротились, какъ лютые звѣри, извлекли князя изъ хоромъ на боярскій дворъ, обрубили руки и ноги, и бросили трупъ въ навозную кучу.[56]

Между тѣмъ смерклось. Утомленные убійствомъ, стрѣльцы удалились въ слободы, поставивъ при всѣхъ воротахъ крѣпкіе караулы. Тревога не прекращалась и ночью. Мно-

54. Матвѣевъ, стр. 155.
55. См. Примѣчаніе 50.
56. Матвѣевъ, стр. 152—154 и Relation. Медвѣдевъ говоритъ, что его въ мелкіе куски изсѣкли, листъ 75 на оборотѣ.

*

гочисленныя толпы бродили по городу: однѣ искали доктора Данiила фонъ-Гадена, обвиняемаго въ преждевременной кончинѣ царя Θеодора; другiя разбивали Холопiй и Судный приказы, раскидывали и истребляли акты, объявляя свободу крѣпостнымъ людямъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону, въ чемъ однакожъ мало успѣли. Послѣ полуночи, сотня стрѣльцовъ, предводимая окольничимъ Хлоповымъ, окружила домъ Датскаго резидента Бутенанта фонъ Розенбуша, гдѣ по слухамъ скрывался докторъ Гаденъ, и приступила къ обыску, не взирая на увѣренiя и жалобы резидента.[57] Стрѣльцы лазили вездѣ, гдѣ можно было пролѣзть, обшарили всѣ углы, открывали сундуки, ящики, но не могли найти своей жертвы: докторъ Гаденъ, въ самомъ началѣ бунта, переодѣвшись нищимъ, ушелъ въ подгородный лѣсъ. Между тѣмъ другая толпа поймала докторова сына и жену; схватили также лекаря Гутменша, спрятавшагося на чердакѣ, и всѣхъ отвели въ Кремль.[58]

На разсвѣтѣ, 16 мая, по прежнему загудѣлъ набатъ, загремѣли барабаны. Кремль наполнился стрѣльцами; они приступили къ Золотой рѣшеткѣ и грозно требовали выдачи измѣнниковъ Нарышкиныхъ; но, не видя ихъ, вломились во внутреннiе покои и принялись обыскивать дворецъ. Прежнее убѣжище, теремъ царевны Наталiи Алексѣевны, укрывалъ несчастныхъ. Между тѣмъ толпа приходила за толпою, и каждая вела найденныхъ въ разныхъ частяхъ Москвы, мнимыхъ измѣнниковъ, которыхъ ожидала та же участь, какую испытали страдальцы минувшаго дня. Ихъ взводили на Красное крыльцо, и показывая стоявшимъ на площади стрѣльцамъ, спрашивали: «Любо ли?» «Любо, любо!» вопили толпы, и копьями принимали сбрасываемыхъ съ крыльца. Громъ 200 барабановъ былъ сигналомъ къ убiйству. Трупы убiенныхъ выкидывали на Красную площадь, и тамъ у Лобнаго

57. См. разсказъ Резидента, въ Приложенiи N VI.
58. См. Примѣчанiе. 51

мѣста разсѣкали ихъ на части.[59] Такъ погибли въ этотъ день: бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ, открытый стрѣльцамъ предателемъ, слугою, въ домѣ священника церкви святителя Николая на Хлыновѣ, гдѣ онъ искалъ убѣжища;[60] думный дьякъ Аверкій Кирилловъ, управлявшій приказомъ Большаго прихода; полковникъ Андрей Докторовъ; сынъ врача Гадена, стольникъ Михайла Даниловичъ, и лекарь Гутменшъ. Едва не погибла и беременная жена докторова, за которую принялись было стрѣльцы, не взирая на просьбы царицы Мароы Матвѣевны, когда раздался крикъ: «нашли Нарышкина!» стрѣльцы бросили полумертвую отъ страха женщину и кинулись къ Нарышкину: то былъ Василій Филимоновичъ, юноша, едва достигшій двадцатилѣтняго возраста. Онъ умерщвленъ мгновенно.[61] 1682 16 мая

Среди всеобщаго ужаса двора и народа, когда каждый трепеталъ за собственную жизнь, и не было никакихъ средствъ укротить разъяренное войско, на кровавую сцену бодро и смѣло выступила царевна Софія, сбросила маску и стала распоряжаться стрѣльцами. Ее, окруженную клевретами и неистовою толпою, видѣлъ Датскій резидентъ, приведенный во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ. Онъ слышалъ, какъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ ея, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, спрашивалъ стрѣльцовъ: изгнать ли изъ дворца царицу Наталію Кирилловну? и какъ отвѣчали они обычнымъ крикомъ: «любо! любо!» По выходѣ изъ дворца, резидентъ едва не былъ поднятъ на копья, и обязанъ спасеніемъ своей жизни единственно тому обстоятельству, что провожавшіе его стрѣльцы сказали своей братьѣ: «Не троньте его. Это посланникъ, пріѣхавшій говорить съ *царевною*».[62]

59. Relation, и Медвѣдевъ, листъ 76.
60. Relation. — По словамъ Матвѣева, стр. 165. Языковъ убитъ въ третій день бунта, а по словамъ Медвѣдева еще въ первый, листъ 75 на обор
61. См. Примѣчаніе 52
62. См. Примѣчаніе 55

Софія уже не сомнѣвалась въ успѣхѣ замысла овладѣть кормиломъ правленія; но не хотѣла прекратить кровопролитія, выжидая гибели наиболѣе ненавистнаго ей противника, старшаго брата мачихи. Мольбы царицы спасли отъ смерти отца и младшихъ братьевъ: стрѣльцы удовольствовались удаленіемъ Кирилла Полуектовича отъ двора;[63] дѣти его Левъ, Мартемьянъ и Ѳедоръ успѣли скрыться въ первый день бунта, въ одеждѣ слугъ.[64] Но головы Ивана Кирилловича стрѣльцы требовали неотступно, слѣдуя вѣроятно внушенію Софіи, которая опасалась его смѣлости и рѣшительности. Всѣ поиски ихъ были однакожъ тщетны. Въ 1 часу по полудни они вышли изъ дворца, объявивъ, что придутъ въ слѣдующій день, и если не выдадутъ имъ Нарышкина, никому пощады не будетъ. Кремль по прежнему заперли и при всѣхъ воротахъ поставили караулы.

Спасенный какъ бы чудомъ, но не надѣясь болѣе укрыться въ теремѣ царевны Наталіи Алексѣевны, Иванъ Кирилловичъ съ товарищами своими перешелъ на деревянную половину царевны Марѳы Алексѣевны, прилегавшую къ Патріаршему двору, о чемъ знала только вѣрная постельница царевны, Клушина.[65] Тамъ онъ остригъ себѣ и сродникамъ своимъ длинные волосы. На разсвѣтѣ, когда наступило время стрѣлецкаго прихода, постельница отвела Нарышкиныхъ въ темный чуланъ на сѣняхъ, заваленный перинами и подушками, и хотѣла ихъ замкнуть; но молодой Матвѣевъ присовѣтовалъ, для отклоненія подозрѣній, оставить дверь непритворенною. Несчастные прижались къ задней стѣнѣ за перинами, съ трепетомъ ожидая роковаго часа.[66]

Раздался наконецъ набатъ, загремѣли барабаны. Стрѣльцы, большею частію пьяные, появились въ образѣ безжа-

63. Relation и Медвѣдевъ, листъ 77, несправедливо пишутъ, что онъ былъ постриженъ въ Чудовомъ монастырѣ неволею. См. ниже, заговоръ Шакловитаго.

64. Матвѣевъ, стр. 171.

65. Матвѣевъ, стр. 156.

66. Матвѣевъ, стр. 156

лостныхъ палачей, въ рубахахъ, съ засученными рукавами, 1682 17 мая.
сверкая бердышами и наполняя воздухъ неистовыми криками. Шумною толпою расположились они у Золотой рѣшетки, требуя Нарышкина. Между тѣмъ пойманъ докторъ фонъ-Гаденъ. Пробывъ въ лѣсу двое сутокъ, безъ пищи, истомленный голодомъ, онъ пришелъ въ Нѣмецкую слободу и пробирался къ одному изъ своихъ знакомыхъ. Здѣсь встрѣтили его стрѣльцы, узнали и схватили. Онъ приведенъ во дворецъ въ рубищѣ нищаго, съ кошелемъ за плечами, въ лаптяхъ.[67] Тщетно просила за него царица Мароа Матвѣевна, сама Софія, свидѣтельствуя, что въ смерти покойнаго государя онъ нисколько не виновенъ и самъ всегда отвѣдывалъ подаваемыя лекарства. Стрѣльцы кричали одно: «онъ волшебникъ, у него нашлись сушеныя змѣи; смерть ему!» и повлекли его въ Константиновскій застѣнокъ на пытку. Вслѣдъ за тѣмъ принялись искать во дворцѣ Нарышкина, толпы одна за другою пробѣгали мимо чулана, гдѣ онъ скрывался, заглядывали въ самый чуланъ, вонзали копья въ пуховики; но, обманутые непритворенною дверью, обыска не производили. «Здѣсь были наши!» кричали они съ бранью и стремились далѣе.[68] Не находя наконецъ нигдѣ своей жертвы, стрѣльцы объявили, что не выйдутъ изъ Кремля и перебьютъ всѣхъ бояръ, если не исполнятъ ихъ воли. Софія велѣла ждать имъ у Золотой рѣшетки, и пришедши къ царицѣ, сурово сказала ей при боярахъ: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!» Бояре съ своей стороны, объятые ужасомъ, со слезами умоляли государыню избавить ихъ отъ смерти. Тутъ увидѣла скорбящая сестра, что послѣдняя надежда спасти невиннаго брата исчезла.[69]

Вмѣстѣ съ Софіею, царица вошла въ церковь Спаса нерукотвореннаго образа за Золотою рѣшеткою, и велѣла привести въ храмъ Божій Ивана Кирилловича. Онъ пріобщил-

67. Relation der traurig. Tragedie.
68. Матвѣевъ, стр. 157.
69. Матвѣевъ, стр. 159.

1682 17 мая. ся св. Таинъ и съ великодушнымъ самоотверженіемъ, безъ жалобъ и упрековъ, приготовился къ страдальческой кончинѣ. «Смерти я не боюсь», сказалъ Нарышкинъ царевнѣ, притворно утѣшавшей его «желаю только, чтобы моею невинною кровью прекратилось кровопролитіе». Наталья Кирилловна, принявъ изъ рукъ Софіи образъ Богоматери, благословила имъ брата и, горько рыдая, упала на грудь его. Бояре, тревожимые страхомъ, теряли терпѣніе. Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, старецъ преклонныхъ лѣтъ, мужъ честный, но боязливый, сказалъ царицѣ: «Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, а разстаться надобно. Ты же, Иванъ, скорѣе иди отсюда, чтобы за тебя одного всѣмъ намъ не погибнуть».[70]

Съ св. иконою на груди, сопровождаемый царицею и царевною, бодро выступилъ Иванъ Кирилловичъ изъ храма; но едва показался онъ, мгновенно поднялся неистовый вопль, настежъ распахнулись двери Золотой рѣшетки, стрѣльцы кинулись на злосчастнаго, вырвали его изъ объятій царицы, за волосы стащили съ лѣстницы и повлекли чрезъ Кремль въ Константиновскій застѣнокъ на мучительную пытку. Истязуемый безчеловѣчно, онъ не произносилъ ни слова и на всѣ вопросы отвѣчалъ молчаніемъ.[71] Его извлекли изъ застѣнка на Красную площадь, подняли на копья и разсѣкли бердышами; голову, руки и ноги взоткнули на колья. Въ то же время пытали и Гадена: тотъ не перенесъ мученій пытки, наговорилъ на себя небывалыя преступленія, и также умерщвленъ на Красной площади.[72]

Возвратясь ко дворцу, стрѣльцы кричали: «Теперь мы довольны. Дай Богъ здоровье Царю-Государю! Пусть онъ управится съ остальными; а мы рады умереть за него, за обѣихъ государынь, за царевича и царевенъ»,[73] и удалились въ слободы. Вечеромъ было объявлено, что родствен-

70. Матвѣевъ, стр. 161.
71. Relation der traurig. Tragedie.
72. Relation.
73. Relation. Тутъ же сказано, что стрѣльцы предлагали престолъ Іоанну; но это не вѣрно

ники убитыхъ могутъ похоронить трупы ихъ, лежавшіе на площади. Трудно было различить страдальцевъ, изсѣченныхъ въ куски.[74] Арапъ Матвѣева собралъ бренные останки своего господина въ простыню и предалъ ихъ погребенію у церкви святителя Николая Чудотворца въ Столпахъ, на Покровкѣ.[75] 1682 май.

Убійства прекратились; но неистовое буйство еще долго приводило въ трепетъ и дворъ, и Москву. Нагло приходили стрѣльцы во дворецъ, требовали наградъ за вѣрность царскому дому, насчитывали заслуженнаго жалованья лѣтъ за 20, оскорбляли бояръ, грабили имѣнія убитыхъ, бражничали въ кабакахъ и, пьяные разгуливая по городу, пѣли съ своими стрѣльчихами безстыдныя пѣсни.[76] Никто не смѣлъ ихъ унимать; царица Наталія Кирилловна страшилась показаться имъ на глаза, чтобы они не увели ея въ монастырь и не разлучили съ сыномъ; бояре трепетали за собственную жизнь; люди приказные скрылись. Въ Москвѣ царствовало безначаліе.

Одна только Софія бодро и смѣло являлась предъ буйными скопищами, нерѣдко наполнявшими дворецъ, обращалась къ стрѣльцамъ съ разумными рѣчами, уговаривала ихъ жить въ слободахъ смирно по прежнему, посулила имъ въ награду по 10 рублей на человѣка, раздала огромныя суммы, какія только можно было найти,[77] и наименовала стрѣлецкіе полки *Надворною пѣхотою;* а въ начальники ихъ назначила одного изъ главныхъ сообщниковъ своихъ, любимаго стрѣльцами боярина, князя Ивана Андреевича Хованскаго.[78] Они слушались только ее, и правительницею государства, хотя безъ имени, но уже на самомъ дѣлѣ, была Софія.

74. Relation и Медвѣдевъ, листъ 79 на оборотѣ.

75. Матвѣевъ, 164—165.

76. Медвѣдевъ, листъ 77 на оборотѣ.

77. Медвѣдевъ, листъ 78 на оборотѣ, и окружная грамота въ сентябрѣ 1682. Акты Арх. Эксп. IV. стр. 374.

78. Названіе Надворной пѣхоты, по свидѣтельству Медвѣдева, листъ 77 на оборотѣ, стрѣльцы приняли сами вскорѣ послѣ бунта.

Исполняя все, чего ни требовала она чрезъ своихъ тайныхъ клевретовъ, стрѣльцы, 23 мая, прислали во дворецъ выборныхъ, которые чрезъ князя Хованскаго объявили царевнамъ, что всѣ стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ видѣть на престолѣ обоихъ братьевъ единокровныхъ: «Если же кто воспротивится тому, они придутъ опять съ оружіемъ и будетъ мятежъ немалый». Царевны велѣли боярамъ, окольничимъ и людямъ думнымъ собраться въ Грановитой палатѣ, для разсмотрѣнія требованія стрѣльцовъ. Никто изъ думныхъ прекословить имъ не смѣлъ: всѣ они изъявили согласіе. Тогда послали за патріархомъ, за властями, призвали также выборныхъ чиновъ отъ всѣхъ сословій, и образовали соборъ. Нѣкоторые члены рѣшились сказать, что двумъ царямъ быть трудно; но другіе возразили, что государство получитъ отъ того великую пользу, особенно въ случаѣ войны: одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, другой останется въ Москвѣ, для управленія государствомъ; люди грамотные приводили и примѣры изъ древнихъ лѣтъ: ссылались на Фараона и Іосифа, на Аркадія и Гонорія, на Василія и Константина, царствовавшихъ совокупно. Соборъ опредѣлилъ: быть обоимъ братьямъ на престолѣ. Патріархъ, давъ знать о томъ царскому семейству, велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ и со всѣмъ соборомъ отправился въ храмъ Успенія, гдѣ, по пришествіи царскаго семейства, совершено благодарственное молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія благочестивымъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу.[79] Оба они стояли на царскомъ мѣстѣ рядомъ.[80]

Софія достигла своей цѣли, но не вполнѣ: объ участіи ея въ правительствѣ не было ни слова. Ей хотѣлось, чтобы ее призвали къ правленію торжественно и положительно. Неистощимая въ коварствѣ, она безъ труда и въ томъ успѣла. Чрезъ два дня по нареченіи Іоанна на царство, дѣ-

79. См. Примѣчаніе 34.
80. Всѣ сіи подробности въ рукописномъ созерцаніи Медвѣдева, 79—81.

ятельная наперсница ея, Өедора Сёменова, извѣстила стрѣльцовъ, стоявшихъ у Никольскихъ воротъ, что царь Іоаннъ Алексѣевичъ *болѣзнуетъ* о своемъ государствѣ, да и царевны сѣтуютъ, давая тѣмъ знать, что между царями происходятъ мнимыя распри. Стрѣльцы взяли постельницу подъ стражу, и послали въ Кремль по одному человѣку отъ каждаго полка, «прекратить смятенія въ государскихъ палатахъ». Выборные, переговоривъ сначала наединѣ съ княземъ Хованскимъ, объявили, что хотятъ видѣть царскія очи государя Іоанна Алексѣевича и государынь царевенъ. Іоаннъ допустилъ ихъ къ рукѣ; а царевны похвалили за вѣрную службу и спрашивали о причинѣ прихода. Они сказали о томъ, что слышали отъ постельницы. Царевны увѣряли ихъ, что ни къ кому, ни съ какими словами онѣ постельницы не посылали, а отпросилась она въ Вознесенскій монастырь и къ Василію Блаженному помолиться. «Чтобы не было въ государскихъ палатахъ смятенія», сказали стрѣльцы «да будетъ государь Іоаннъ Алексѣевичъ на своемъ отеческомъ престолѣ первымъ царемъ и учинитъ себѣ честь первенства, а Государь Петръ Алексѣевичъ вторымъ. Мы же, всѣхъ полковъ стрѣльцы и всѣхъ чиновъ люди, равно станемъ служить и прямить имъ». «Быть тому мочно», радостно воскликнули сестры Іоанновы «когда пріѣдутъ иноземные послы, выходить къ нимъ и принимать ихъ будетъ Царь Петръ Алексѣевичъ; онъ же поведетъ и войско противъ непріятеля; а Московскимъ государствомъ будетъ править царь Іоаннъ Алексѣевичъ». Но Іоаннъ, неволею возведенный на престолъ, сказалъ, что первенства онъ не желаетъ; впрочемъ да будетъ воля Божія. «Въ томъ то и воля Божія»; возразили сестры «выборные не собою говорятъ, но Богомъ наставляемы».[81]

1682 25 мая.

На другой день, 26 мая, велѣно собраться за преградою стрѣльцамъ, гостиной, суконной и чернымъ сотнямъ, и ожидать царскаго указа. Патріархъ, власти, бояре и

Софія правительница.

81. Медвѣдевъ, листъ 82 на оборотѣ.

1682 26 мая. люди думные по прежнему собрались въ Грановитую палату, и тамъ, послѣ краткаго совѣщанія, опредѣлили: быть Іоанну Алексѣевичу первымъ царемъ, Петру Алексѣевичу вторымъ. Это рѣшеніе объявлено было стрѣльцамъ и всему народу; потомъ совершено молебствіе въ Успенскомъ храмѣ о «усмиреніи и всякомъ благоденствіи въ «Россійскомъ государствѣ». Цари, принявъ поздравленіе духовенства, двора и всѣхъ чиновъ, изъявили стрѣльцамъ особую милость, жаловали ихъ къ рукѣ, и угощали по два полка ежедневно въ своихъ палатахъ.[82]

Между тѣмъ, какъ необузданное войско пировало въ царскихъ чертогахъ, клевреты Софіи неутомимо дѣйствовали въ слободахъ, внушая стрѣльцамъ, что Іоаннъ,
29 мая. болѣзненный и хилый, не можетъ понести всей тягости правленія, что ему необходимъ помощникъ и что нѣтъ никого способнѣе къ тому царевны Софіи. Стрѣльцы, 29 мая, изъявили боярамъ желаніе, чтобы «правительство, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручить сестрѣ ихъ». Воля стрѣльцовъ была закономъ. Цари, царицы, патріархъ и бояре обратились къ царевнѣ съ просьбами принять на себя бремя правленія. Она долго отказывалась, разумѣется притворно; наконецъ склонилась на общее желаніе, вынужденное страхомъ: дозволила людямъ думнымъ видѣть свои пресвѣтлыя очи и докладывать себѣ о всѣхъ дѣлахъ государственныхъ; «для совершеннаго же во всемъ утвержденія и постоянной крѣпости», повелѣла во всѣхъ указахъ имя свое писать съ именами царей, не требуя впрочемъ на этотъ разъ другаго титула, кромѣ «великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны».[83]

Царевна спѣшила изъявить своимъ сообщникамъ торжественную признательность и оправдать себя въ гла-

82. Созерцаніе Медвѣдева, листъ 83 на оборотѣ.

83. Созерцаніе Медвѣдева, листъ 84 на оборотѣ. Доказательствомъ, что Софія объявлена Правительницею не вмѣстѣ съ возведеніемъ Іоанна на царство, служатъ грамота 26 мая въ Полн. Собр Зак. II, № 921, и актъ о совокупномъ возшествіи обоихъ царей 29 мая (а не 26), тамъ же № 920.

захъ Россіи. Жалованною грамотою, за красною печатью, отъ имени обоихъ царей, 6 іюня, злодѣйства стрѣльцовъ объявлены побіеніемъ *за домъ Пресвятыя Богородицы*, и въ честь полкамъ Надворной пѣхоты велѣно на Красной площади, близъ Лобнаго мѣста, воздвигнуть каменный столпъ, съ прописаніемъ мнимыхъ преступленій несчастныхъ жертвъ трехдневнаго бунта, при строжайшемъ воспрещеніи попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками (что̀ вѣроятно отъ многихъ они уже и слышали). Кромѣ того, дарованы имъ разныя льготы: прибавлено жалованье, ограничена служба въ городахъ однимъ годомъ, назначены особые пушкари въ полкахъ къ огнестрѣльному снаряду, прощены разныя недоимки, запрещено полковникамъ употреблять стрѣльцовъ въ свои работы или наказывать ихъ тѣлесно безъ царскаго разрѣшенія.[84] Такъ достигла Софія своей цѣли! 1682 6 іюня.

Съ какими чувствами смотрѣлъ Петръ на страшное зрѣлище, на гибель дядей, на слезы и отчаяніе матери, на преступныя дѣйствія сестры, готовой все принести въ жертву своему властолюбію? Ужасъ ли наполнялъ его сердце, или данная ему Богомъ сила души подкрѣпляла десятилѣтняго отрока? мы достовѣрно не знаемъ. Современники ни слова не говорятъ о Петрѣ во все время бунта, съ тѣхъ поръ, какъ по убіеніи Матвѣева онъ удалился съ матерью въ Грановитую палату. Уже послѣ, лѣтъ черезъ 15, разсказывали Русскіе послы въ Голландіи одному миссіонеру, что среди убійствъ Петръ не обнаруживалъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ, и своимъ безстрашіемъ изумилъ стрѣльцовъ.[85]

84. Жалованная грамота въ созерцаніи Медвѣдева, напеч. въ Акт. Арх. Эксп. IV. стр. 361.
85. См. Примѣчаніе. 33.

ГЛАВА III.

МЯТЕЖЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

СЛѢДСТВІЯ СТРѢЛЕЦКАГО БУНТА.—ИСТОРІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ ЦЕРКОВНЫХЪ КНИГЪ.—НАЧАЛО РАСКОЛА.—РАСКОЛЬНИЧЬЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.—ТАЙНЫЯ СОВѢЩАНІЯ РАСКОЛЬНИКОВЪ СЪ ХОВАНСКИМЪ.—НИКИТА ПУСТОСВЯТЪ.—РАСКОЛЬНИКИ ВЪ ОТВѢТНОЙ ПАЛАТѢ.—КОРОНАЦІЯ ЦАРЕЙ.—РАСПРИ ВЪ СТРѢЛЕЦКИХЪ СЛОБОДАХЪ ПО ДѢЛАМЪ ВѢРЫ.—ПРЕНІЯ ВЪ КРЕСТОВОЙ ПАЛАТѢ.—ОТКРЫТОЕ УЧЕНІЕ РАСКОЛА.—МЯТЕЖЪ НИКИТЫ ПУСТОСВЯТА.—ПРЕНІЯ ВЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТѢ.—ПРЕКРАЩЕНІЕ МЯТЕЖА.

1682.

Слѣдствія стрѣлецкаго бунта.

Безъ всякаго права, мимо царицъ, тетокъ и старшихъ сестръ, кровавымъ бунтомъ достигнувъ кормила правленія, Софія предавала государство произволу необузданнаго войска, въ жертву новыхъ крамолъ, и собственнымъ опытомъ извѣдала, какъ опасно распалять страсти толпы, какъ трудно полагаться на сообщниковъ преступленія. Не прошло мѣсяца послѣ майскаго кровопролитія, когда вспыхнулъ въ Москвѣ новый мятежъ, вызванный удачею стрѣлецкаго бунта, и несравненно его опаснѣе: то былъ мятежъ раскольниковъ, угрожавшій и Церкви, и престолу.[1]

Лѣтъ за 20 предъ тѣмъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, завелся въ Россіи расколъ, который, при всей нелѣпости началъ, согласуясь съ закоснѣлымъ расположеніемъ умовъ, быстро и далеко пустилъ корни во всѣ концы Русской земли, соблазнилъ даже дворъ и св. обители.

1. См. Примѣчаніе 56.

Исправленіе церковныхъ книгъ.

Со времени учрежденія въ Россіи патріаршаго престола, болѣе чѣмъ когда либо благочестивые пастыри церкви заботились объ искорененіи изъ нѣдръ ея разныхъ неустройствъ, порожденныхъ невѣжествомъ или суевѣріемъ, и уже первые іерархи, Іовъ и Ермогенъ, не взирая на смутныя обстоятельства времени, устранили многіе безпорядки. Одною изъ главныхъ заботъ ихъ было исправное изданіе богослужебныхъ книгъ. Переведенныя съ Греческаго языка Славянскими апостолами, за сто лѣтъ слишкомъ до основанія Русской церкви, онѣ съ теченіемъ времени, частію по невѣжеству писцовъ, частію по суемудрію толкователей, уклонились отъ подлинниковъ, и многочисленные списки ихъ заключали въ себѣ не мало разнословій.[2] Необходимость исправленія ихъ сличеніемъ лучшихъ старинныхъ рукописей признавали оба первые патріарха. Въ рѣдкой изъ напечатанныхъ, съ ихъ благословенія, церковныхъ книгъ не находимъ послѣсловія, гдѣ издатели ясно выражаютъ мысль о необходимости очистить текстъ отъ ошибокъ, сознаваясь откровенно въ недостаткѣ средствъ къ тому и способностей.[3]

Съ особенною ревностію принялись за это дѣло въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, когда славному сподвижнику Минина и Пожарскаго, архимандриту Троицко-Сергіевской лавры, Діонисію, поручено было, при содѣйствіи другихъ ученыхъ мужей, исправить изданный прежде требникъ. Тутъ наиболѣе обнаружилось, какими ошибками наполнялись богослужебныя книги и какъ мало еще приготовлены были умы къ самымъ необходимымъ перемѣнамъ. По сличеніи печатнаго требника съ рукописями Греческими и старинными Славянскими, архимандритъ Діонисій, между многими другими погрѣшностями, нашелъ, что въ правилѣ освященія воды Богоявленской, послѣ словъ: «и освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ» прибавлено *и огнемъ*.

2. См. Примѣчаніе 37.
3. См. Примѣчаніе 38.

Онъ исключилъ это прибавленіе, какъ неумѣстную новизну. Въ Москвѣ суевѣрные невѣжды подняли ропотъ: говорили, что Діонисій хочетъ вывесть огонь изъ міра. Къ несчастію его, патріаршимъ мѣстоблюстителемъ былъ митрополитъ Іона, который разрѣшалъ къ изданію богослужебныя книги съ подобными же ошибками. Діонисій, вмѣстѣ съ сотрудниками своими, былъ судимъ соборомъ, признанъ виновнымъ въ самовольныхъ перемѣнахъ, отлученъ отъ церкви, преданъ поруганію черни и, окованный цѣпями, вверженъ въ душную темницу.[4] Патріархъ Филаретъ, по внимательномъ изслѣдованіи всего дѣла, убѣдился въ невинности преподобнаго страдальца и освободилъ его изъ заточенія; а слово *и огнемъ* рѣшительно приказалъ исключить изъ требника.[5] Волненіе умовъ затихло.

Но какъ Филаретъ, такъ и преемникъ его Іоасафъ 1, при всемъ убѣжденіи въ необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ, ограничивались, при изданіи ихъ, легкими поправками, посредствомъ сличенія однѣхъ Славянскихъ рукописей, безъ пособія Греческихъ подлинниковъ. Такъ былъ напечатанъ, около половины XVII вѣка, весь кругъ служебныхъ книгъ; оставалось издать поучительныя. Къ сожалѣнію, для столь важнаго дѣла, патріархъ Іосифъ избралъ людей малосвѣдущихъ, нисколько незнакомыхъ съ необходимымъ языкомъ Греческимъ, притомъ же упорныхъ въ суемудріи и вѣрованіяхъ невѣжества. Въ числѣ ихъ наиболѣе замѣчательны протопопы Аввакумъ и Иванъ Нероновъ, попы Лазарь и Никита, діаконъ Ѳедоръ Ивановъ. Не справляясь ни съ Греческимъ текстомъ, для нихъ недоступнымъ, ни съ древними Славянскими рукописями, они избирали только тѣ списки, которые согласовались съ ихъ суемудріемъ, и, для распространенія своихъ умствованій, перепечатали служебныя книги, изданныя при первыхъ патріархахъ, со многими перемѣнами и прибавле-

4. Житіе архим. Діонисія, описанное въ 1652 г. ученикомъ его, келаремъ Симономъ. М. 1824.

5. Патріаршая грамота 9 дек. 1625 г. игумену Сійскаго монастыря, въ актахъ Археогр. Экспед. III. № 166

ніями. Такъ внесено ими ложное ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи, а въ членѣ символа вѣры о Святомъ Духѣ прибавлено слово *истиннаго*. Они овладѣли умомъ патріарха, пользовались милостію двора, имѣли входъ въ домы вельможъ, склонили на свою сторону начальника типографіи, князя Львова, и дѣлали все что хотѣли. [6]

Искаженіе церковныхъ книгъ опечалило людей благомыслящихъ; особенно поразило оно Новгородскаго митрополита Никона, святителя умнаго, строгаго ко всякому непорядку и ревностнаго о благоустройствѣ церкви. Сильныя представленія его тѣмъ болѣе поколебали довѣренность патріарха Іосифа къ лжеучителямъ, что и бывшій въ Москвѣ, въ 1649 году, Іерусалимскій патріархъ Паисій нашелъ въ Россіи не мало отступленій отъ правилъ Церкви Восточной. Іосифъ устранилъ Аввакума и его сообщниковъ отъ печатанія церковныхъ книгъ, призвалъ для сего дѣла изъ Кіева мужей ученыхъ и православныхъ, велѣлъ пересмотрѣть и вновь напечатать нѣкоторые изъ прежде изданныхъ служебниковъ, остановилъ печатаніе Кормчей Книги, начатое по невѣрнымъ спискамъ, и отправилъ на востокъ келаря Арсенія Суханова, для обозрѣнія священныхъ обрядовъ. Вскорѣ отозвались и благочестивые иноки Аѳонскіе о новизнахъ Московскихъ: получивъ чрезъ одного монаха Славянскую книгу, содержавшую въ себѣ ученіе о двуперстномъ крестномъ знаменіи, они сожгли ее на соборѣ и дали знать о томъ въ Москву.

Въ такихъ обстоятельствахъ, по кончинѣ Іосифа,[7] управленіе церковью принялъ на себя Никонъ, съ твердымъ намѣреніемъ искоренить вкравшіеся безпорядки и исправить богослужебныя книги, перепорченныя въ святительство его предшественника. Съ этою цѣлію на соборѣ 1654 года,

6. Подробности см. въ *Исторіи Русской Церкви въ періодѣ патріаршества* (Филарета архіеп. Рижскаго). Рига. 1847 г. стр 161—170

7. Въ апрѣлѣ 1652 г.

въ присутствіи самого царя Алексѣя Михайловича, онъ предложилъ вопросъ: слѣдовать ли новымъ Московскимъ книгамъ, несогласнымъ съ древними Греческими и Славянскими, или предпочесть имъ книги древнія, по которымъ угодили Богу восточные учители и Московскіе святители? Соборъ единодушно опредѣлилъ исправить новыя книги по древнимъ Русскимъ и Греческимъ, и испросить на столь важное дѣло благословеніе восточныхъ іерарховъ. Они изъявили безусловное согласіе. «Радуюсь, живъ Господь «Богъ», писалъ къ Никону цареградскій патріархъ Паисій «благословляю тебя въ душѣ моей за достоинства и разумъ, дарованные тебѣ Богомъ. Да будемъ чадами единой матери, Церкви Восточной, и да не дерзнутъ нечистыя уста еретическія упрекать насъ въ какой либо разности!» Вмѣстѣ съ тѣмъ Паисій прислалъ вѣрный списокъ Никейскаго символа вѣры, для обличенія новизны, введенной Аввакумомъ въ членъ о Святомъ Духѣ.

Укрѣпленый волею государя, согласіемъ собора, благословеніемъ Вселенскихъ іерарховъ, Никонъ смѣло и рѣшительно приступилъ къ исправленію церковныхъ книгъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, при пособіи мужей ученыхъ и искусныхъ, съ огромнымъ запасомъ древнихъ рукописей, Славянскихъ и Греческихъ, собранныхъ въ Россіи и на востокѣ. Тщательная повѣрка прежнихъ изданій, въ особенности напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ, обнаружила, что издатели портили богослужебныя книги не только по невѣжеству, но и съ намѣреніемъ. Никонъ предалъ ихъ суду соборному, и обвиненные въ умышленномъ искаженіи священныхъ книгъ, они понесли заслуженное наказаніе: Аввакумъ сосланъ въ Сибирь на берега Байкала, князь Львовъ заточенъ въ Соловецкій монастырь, другіе заключены въ темницы. [8] Ученіе ихъ о двуперстномъ крестномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи, и т. п., признано

8. Соборное опредѣленіе въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, III. 399.

какъ въ Россіи, такъ и въ Греціи непростительнымъ заблужденіемъ. Патріархъ Макарій, посѣтившій Москву въ 1655 году, объявилъ, что двуперстное знаменіе выдумано Армянами, и предалъ двуперстниковъ анаѳемѣ.

Между тѣмъ, самая торжественность исправленія церковныхъ книгъ встревожила умы: люди простодушные, не понимая въ чемъ дѣло, съ ужасомъ услышали, что Никонъ отвергаетъ книги *старыя*, по которымъ молились святые угодники Божіи. Введеніе въ церквахъ новыхъ живописныхъ иконъ, въ замѣнъ старинныхъ, также освященныхъ временемъ, равнымъ образомъ возбуждало живѣйшій ропотъ; а строгое преслѣдованіе двуперстнаго знаменія и другихъ обрядовъ, къ которымъ уже привыкли, вызывало упорное противодѣйствіе. Суевѣрные невѣжды, наполнявшіе Россію, крѣпко стали сомнѣваться въ благочестіи Никона, когда послѣдовала несчастная распря его съ государемъ. Многочисленные враги его, которыхъ не мало было и при дворѣ, еще болѣе въ народѣ, частію по личной непріязни къ нему, частію по суевѣрному убѣжденію въ нечестіи его, смѣло и рѣшительно, на словахъ и на письмѣ, стали осуждать все что ни дѣлалъ онъ. Появилось нѣсколько сочиненій полемическихъ въ защиту такъ названной *старой* вѣры; царю подавали челобитныя ученики Аввакума: Аврамій, Никита, Лазарь; самъ Аввакумъ, освобожденный изъ ссылки, возвратился въ Москву и былъ честимъ даже вельможами. Тщетно соборъ Греческихъ и Русскихъ святителей, осудившій патріарха единственно за высокомѣріе и дерзкія распри съ царемъ, утвердилъ всѣ распоряженія его какъ по исправленію книгъ, такъ и по устройству церкви: невѣжды, коснѣвшіе въ суевѣріи, не слушали ни постановленій соборовъ, ни увѣщаній патріарховъ Вселенскихъ, ни царскихъ грамотъ, отпали отъ церкви и произвели бѣдственный расколъ, раздѣлившій Россію на двѣ, хотя и неравныя части, одна другой непріязненныя: люди здравомыслящіе приняли опредѣленія собо-

Начало раскола.

ровъ; суевѣры, фанатики отвергли ихъ и, раздробившись на многочисленныя секты, старались присвоить себѣ названіе *Староверовъ*.

Нелѣпыя заблужденія нашли поборниковъ вездѣ, въ селахъ, городахъ, въ столицѣ, при дворѣ, въ святыхъ обителяхъ: такъ въ числѣ самыхъ жаркихъ приверженцевъ раскола были знатнѣйшія боярыни при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, двѣ сестры, урожденныя Соковнины, Ѳеодосія Прокопьевна, вдова боярина Глѣба Ивановича Морозова (брата царскаго дядьки и свояка, Бориса), и Евдокія Прокопьевна, жена боярина князя Петра Семеновича Урусова. Обѣ онѣ, напитанныя ученіемъ Аввакума, удалились отъ двора, роздали несмѣтныя богатства раскольничьимъ скитамъ, проводили все время въ суемудрыхъ бесѣдахъ съ мнимыми старовѣрами, отдались подъ начало старицы Меланьи, приняли наконецъ схиму и при всякомъ случаѣ съ ожесточеніемъ возставали на патріарха и государя, именуя того и другаго нечестивцами. Благодушный Алексѣй старался сначала образумить ихъ увѣщаніями родныхъ и духовенства; но какъ онѣ не унимались и примѣръ ихъ служилъ опаснымъ соблазномъ, то царь прибѣгнулъ къ строгимъ мѣрамъ, которыя однакожъ довели несчастныхъ женщинъ до фанатизма: заключенныя въ одинъ изъ Московскихъ монастырей, онѣ предавались такому изступленію и такъ сильно дѣйствовали на людей простодушныхъ, что царь увидѣлъ необходимость удалить ихъ изъ Москвы; обѣ онѣ кончили жизнь въ тѣсномъ заключеніи въ Боровскѣ, заслуживъ отъ раскольниковъ славу преподобныхъ мученицъ.[9]

Еще разительнѣе является сила раскольничьей заразы въ неслыханномъ на Руси бунтѣ: казаки, бѣглецы изъ шайки Разина, отнявшіе всю власть у братіи Соловецкаго монастыря, не приняли исправленныхъ книгъ, или побросали ихъ въ море, отреклись въ повиновеніи не только

9. См Примѣчаніе 59

патріарху, но и государю, и цѣлые четыре года упорствовали въ мятежѣ. Царское оружіе смирило ихъ; но никакія мѣры не могли образумить ослѣпленныхъ: съ озлобленіемъ въ сердцѣ, они разсѣялись по всему поморью и завели многочисленные скиты въ глуши лѣсовъ, сдѣлавшіеся главнымъ гнѣздомъ раскола. Думая искоренить зло страхомъ казни, патріархъ Іоакимъ, по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, неохотно прибѣгавшаго къ мѣрамъ суровымъ, убѣдилъ правительство воздвигнуть рѣшительное гоненіе на раскольниковъ, и главные ересіархи, Аввакумъ и Лазарь, были сожжены всенародно.[10] Единомышленники ихъ ожесточились и скорѣе хотѣли погибнуть въ срубахъ, чѣмъ покориться патріарху. 1682.

Общая зараза, проникавшая даже въ св. обители, распространилась и въ слободахъ стрѣлецкихъ. Посады Москвы также были наполнены раскольниками, выжидавшими благопріятнаго случая, отмстить за неоднократное гоненіе ихъ братіи. Въ такихъ обстоятельствахъ, при явномъ раздраженіи умовъ, правительство должно было дѣйствовать съ величайшею осторожностію, чтобы предупредить въ самой Москвѣ повтореніе исторіи Соловецкаго монастыря. Софія распорядилась совершенно иначе. Зная безъ сомнѣнія о наклонности стрѣльцовъ къ расколу, она назначила имъ въ начальники закоренѣлаго старовѣра, князя Ивана Андреевича Хованскаго, и скоро увидѣла плоды своей неосторожности. Съ ограниченнымъ умомъ, князь Хованскій соединялъ безпредѣльное честолюбіе, хотѣлъ господствовать въ Москвѣ, и сколько для исполненія преступнаго замысла, столько и по убѣжденію суевѣрія, тайно подстрекалъ стрѣльцовъ къ явному возстанію на православную церковь. Они не замедлили приступить къ дѣлу. Май.

Раскольничья челобитная.

Дня черезъ три послѣ майскаго кровопролитія, стрѣльцы Титова полка, наиболѣе наклонные къ расколу, въ тайномъ

10 Въ 1681 г. «за великія на царскій домъ хулы» говоритъ Матвѣевъ. О жженіи раскольниковъ свидѣтельствуетъ самъ Іоакимъ въ Увѣтѣ. стр. 36 на обор.

совѣтѣ положили:[11] «взыскать старую вѣру, въ которой «Россійскіе чудотворцы, великіе князи и благовѣрные цари «Богу угодили, и потребовать отъ патріарха и властей «отвѣта, для чего они, власти, священныя книги, печатан-«ныя до Никона, при первыхъ благочестивыхъ патрі-«архахъ, возненавидѣли, вѣру старую, истинную, отвергли «и возлюбили новую Латино-Римскую?» Съ этою цѣлью, рѣшено было составить обличеніе на патріарха и на все православное духовенство, въ видѣ челобитной обоимъ государямъ, съ требованіемъ царскаго указа, чтобы власти вступили въ торжественное преніе о вѣрѣ съ учителями раскола. Въ полку однакожъ не нашлось никого, кто бы умѣлъ изложить на бумагѣ смутныя вѣрованія и толки старовѣрческіе.

Въ такомъ затрудненіи стрѣльцы обратились къ знакомому чернослободцу Гончарной слободы, Симеону Калашникову, съ просьбою, поискать, нѣтъ ли на посадѣ людей искусныхъ въ божественномъ писаніи, которые умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дать патріарху? Калашниковъ извѣстилъ о томъ братіи своей, такимъ же, какъ и самъ онъ, раскольникамъ, посадскимъ людямъ Никитѣ Борисову, Ивану Курбатову, Павлу Захарьеву, Саввѣ Романову, бывшему нѣкогда келейникомъ у архимандрита Макаріева Желтоводскаго монастыря. Они съ радостію взялись исполнить желаніе стрѣльцовъ и, призвавъ на помощь искуснаго книжника, Нижегородскаго чернеца Сергія,[12] въ домѣ Никиты Борисова написали *челобитную* «отъ имени всѣхъ «православныхъ христіанъ, кромѣ тѣхъ, которые послѣ-«дуютъ книгамъ Никоновымъ, чтобы великіе государи «взыскали старое благочестіе своего прадѣда и дѣда и не «допустили бы грѣшнымъ простолюдинамъ душами погиб-

11. Савва Романовъ.

12. По словамъ Медвѣдева (листъ 92), всѣ они принадлежали къ сектѣ Капитоновой «чернеца Костромскаго уѣзда, жившаго въ Колесниковой пустынѣ и самаго ревностнаго двуперстника» какъ свидѣтельствуетъ митрополитъ Игнатій въ 3-мъ посланіи.

«нуть, отступя отъ старо-преданной святыми апостолами «христіанской вѣры. [13] 1682 май.

Въ непреклонномъ упорствѣ раскольничьихъ бредней, съ наглою дерзостію вдаваясь въ суемудрыя толкованія о вещахъ отвлеченныхъ, вырывая изъ новоисправленныхъ книгъ отдѣльныя выраженія, лжеучители обвиняли православныхъ пастырей церкви въ томъ, что «они повелѣваютъ «христіанамъ ходить безъ крестовъ по-Татарски; при-«знаютъ Спасителя грѣшникомъ; не вѣруютъ въ пришествіе «Сына Божія; не проповѣдуютъ воскресенія Христова; до-«пускаютъ моленіе къ лицу лукаваго духа; умершихъ, «вмѣсто помазанія св. елеемъ, посыпаютъ пепломъ; отвер-«гаютъ животворящій крестъ Господень отъ певга, кедра и «кипариса сотворенный, замѣнивъ его крыжемъ Латин-«скимъ; заставляютъ креститься треми перстами, а не дву-«мя, вопреки преданію св. отецъ; отвергаютъ сугубую «аллилуію, издревле установленную; въ молитвѣ Господ-«ней не именуютъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ; иска-«жаютъ символъ вѣры, исключивъ изъ члена о Духѣ Свя-«томъ слово *истиннаго;* въ троицкой вечернѣ молятся по-«Римски, стоя на колѣняхъ и не преклоняя главы; допу-«скаютъ *истощеніе* Св. Духа; печатаютъ новые служебни-«ки несогласно съ древними харатейными; совершаютъ «службу не на седьми просфирахъ, съ истиннымъ кре-«стомъ, а на пяти, съ крыжемъ Латинскимъ; вмѣсто жезла «святителя Петра чудотворца, носятъ жезлы съ прокляты-«ми зміями; искажаютъ иноческій чинъ, надѣвая клобуки, «какъ бабы; наконецъ Греческими книгами истребивъ хри-«стіанскую вѣру до такой степени, что и слѣдовъ правосла-«вія не осталось, учатъ своей новой вѣрѣ всѣхъ христіанъ, «какъ будто Мордву или Черемису, невѣдующую Бога».

Во всякое другое время, подобныя нареканія столь же дерзкія, какъ и неосновательныя, остались бы безъ даль- Тайныя совѣщанія съ Хованскимъ.

13. См. Примѣчаніе 60.

нихъ послѣдствій, ограничившись тѣснымъ кругомъ немногихъ сумазбродовъ; но при тогдашнемъ фанатическомъ расположеніи умовъ, вышло противное. Стрѣльцы Титова полка, выслушавъ челобитную, которую читалъ имъ въ съѣзжей избѣ Савва Романовъ, горько заплакали о паденіи благочестія, и единодушно опредѣлили: постоять за старую православную вѣру, не щадя живота своего. «Мы едва и «за тлѣнное головъ своихъ не положили,» кричали стрѣльцы «а за Христа свѣта для чего не умереть?»[14] Выборные тотчасъ отправились къ князю Хованскому просить его содѣйствія. Онъ одобрилъ намѣреніе стрѣльцовъ; но сомнѣвался, найдутся ли между ними люди, способные дать отвѣтъ патріарху и властямъ въ замышляемомъ преніи о вѣрѣ. Стрѣльцы объявили ему, что есть у нихъ инокъ, весьма искусный божественному писанію, да и посадскіе многіе на сіе дѣло тщатся. Хованскій велѣлъ привести ихъ къ себѣ тайно въ домъ, на другой день, послѣ обѣда.

Въ назначенное время явился Сергій съ своими сообщниками и, проведенный въ особую палату, долго ждалъ князя, занятаго гостями. Наконецъ онъ вышелъ, поклонился лжеучителю до земли и спросилъ о причинѣ его прихода. «По приказу твоему, пришли мы», отвѣчалъ Сергій «возвѣстить тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ которой св. Россійскіе чудотворцы Богу угодили, и принесли мы челобитную на патріарха и властей, за что они насъ, не держащихъ новой ихъ вѣры Латино-Римской, проклинаютъ, отъ церкви отлучаютъ, еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги изъ церкви Божіей изринули? Пусть дадутъ намъ отвѣтъ на письмѣ; а мы ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». «Я и самъ, грѣшный», возразилъ Хованскій «весьма желаю, чтобы въ св. церкви по старому было единогласно и не мятежно; но хотя и грѣшенъ, а неизмѣнно держу старое благочестіе, чту по старымъ книгамъ, воображаю на лицѣ

14. Савва Романовъ

своемъ крестное знаменіе двумя перстами и вѣрую въ духа святаго животворящаго *истиннаго*». Послѣ того принялись за чтеніе челобитной; Хованскій, выслушавъ ее, дивился множеству ересей въ новыхъ книгахъ, хвалилъ искусство сочинителя; но, при всемъ ослѣпленіи изувѣрства, не надѣялся на знанія едва грамотнаго чернеца, такъ дерзко вызывавшаго къ пренію патріарха и святителей. «Ты, отче», говорилъ онъ Сергію «инокъ смиренный, тихій и немногословный. Не станетъ тебя на такое великое дѣло; надобно противъ *ихъ* ученому человѣку отвѣтъ держать». «Хоть я и немногословенъ,» отвѣчалъ Сергій съ наглостію фанатика, «и не знаю клюкамъ ихъ и высокорѣчію; но надѣюсь на Сына Божія, и вѣрую, что Онъ можетъ и не мудрыхъ умудрить въ спасеніе; самъ Онъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *предъ владыки и цари ведени будете мене ради, во свидѣтельство имъ и языкомъ; егда же предаютъ вы, не пецытеся како, или что возглаголите; не вы убо будете глаголющіе, но духъ отца вашего глаголяй съ вами*» «Истину рекъ еси», сказалъ Хованскій «невѣдомо, Духъ Святый кѣмъ подѣйствуетъ». Между тѣмъ все еще колебался. Тутъ напомнили ему о Никитѣ Пустосвятѣ, разстриженномъ священникѣ Суздальскомъ. 1682 май

Никита-Пустосвятъ.

Единомышленникъ Аввакума, равно лукавый и дерзкій, грамотѣй многорѣчивый, онъ много писалъ во времена Никона въ защиту раскола, и такой произвелъ соблазнъ, что, по волѣ царя, ученый богословъ Симеонъ Полоцкій, въ обличеніе его, составилъ цѣлую книгу *Жезлъ;* а соборъ 1667 опредѣлилъ: за упорный мятежъ и нераскаянное суевѣріе лишить его священническаго сана и сослать въ заточеніе. Онъ притворился убѣжденнымъ въ нелѣпости раскола, каялся въ своемъ заблужденіи и прислалъ къ патріарху Іоасафу смиренную челобитную, моля о помилованіи и о принятіи въ нѣдра православной Церкви. Обманутый притворнымъ раскаяніемъ, патріатрхъ, съ согласія государя, освободилъ его изъ заточенія, но сана іерейскаго не возвра-

1682 май. тилъ. Съ тѣхъ поръ Никита проживалъ большею частію въ Москвѣ, и тайно разсѣявалъ плевелы раскола, даже въ домахъ знатныхъ вельможъ.

Хованскій зналъ его лично, не разъ съ нимъ бесѣдовалъ, и едва произнесли его имя, съ радостію воскликнулъ: «Знаю я того священника гораздо; противъ того имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградитъ! И прежде никто изъ нихъ не могъ противъ него стоять; всѣ, яко листвіе, падоша. Я, братія, радъ вамъ помогать; только это дѣло мнѣ не заискусъ, божественнаго писанія въ конецъ не знаю и обличить ихъ умъ не осяжетъ: мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному. Но, вѣрьте мнѣ, не будутъ васъ по прежнему казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь. Бога призываю въ свидѣтели, что радъ за васъ стоять». Такъ подстрекалъ честолюбивый изувѣръ своихъ единомышленниковъ къ явному мятежу!

Видя его готовность, они требовали назначить соборъ, для всенароднаго пренія о вѣрѣ, на Лобномъ мѣстѣ, 23-го іюня въ пятницу, за день до коронаціи государей, чтобы не допустить вѣнчанія ихъ на царство по новымъ книгамъ. Хованскій, опасаясь смятенія въ народѣ такими торжественными минутами, совѣтовалъ отложить преніе до другаго времени, и обѣщалъ, что цари будутъ вѣнчаться царскими вѣнцами по старому, какъ вѣнчались Іоаннъ Васильевичъ и Ѳеодоръ Іоанновичъ. «Статочное ли то дѣло» говорилъ Сергій «Патріархъ будетъ служить литургію по новому требнику, а не по старому блаженныя памяти патріарха Филарета Никитича, таинство причастія совершитъ на пяти просфирахъ съ крыжемъ Латинскимъ, а не на семи съ крестомъ истиннымъ, и во время вѣнчанія скажетъ царямъ, чтобы они неизмѣнно стояли за вѣру новую «Да вѣдь онъ не кабалу возметъ съ царей государей, воскликнулъ Хованскій. «Но пусть будетъ, по вашему благому изволенію, соборъ въ пятницу».[15]

15. Всѣ подробности заимствованы изъ рукописи Саввы Романова.

Въ назначенный день, рано утромъ, Никита Пустосвятъ послалъ къ Хованскому выборныхъ стрѣльцовъ спросить его, когда прикажетъ отцамъ притти на соборъ, и получивъ въ отвѣтъ: «чрезъ два часа», со всѣми сообщниками отправился въ Кремль торжественною процессіею: самъ онъ несъ св. крестъ, Сергій св. Евангеліе, Савватій икону страшнаго суда. Народъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на ихъ шествіе, толпами сбѣгался со всѣхъ сторонъ и ждалъ что будетъ. Раскольники остановились у Краснаго крыльца и дали знать боярину Хованскому о своемъ прибытіи. Раскольники въ отвѣтной палатѣ. 25 іюня.

Онъ велѣлъ ввести ихъ въ отвѣтную палату, куда вскорѣ самъ пришелъ со многими сановниками, приложился ко кресту, и, какъ будто ничего не зная, спросилъ: «Зачѣмъ пришли честные отцы?» «Пришли мы», отвѣчалъ Никита побить челомъ великимъ государямъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властямъ служитъ по старымъ служебникамъ на 7 просфирахъ, а не на 5, съ крестомъ истиннымъ трисоставнымъ, а не съ крыжемъ двоечастнымъ, да расторгнется хула на Бога и святыхъ Его, и въ людяхъ не будетъ мятежа. Если же патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служить, пусть укажутъ государи, чтобы онъ вступилъ съ нами въ разсмотрѣніе, для чего онъ того не хочетъ и другимъ возбраняетъ. Онъ же, патріархъ, предаетъ проклятію и въ дальнія заточенія засылаетъ всѣхъ богочтителей, которые, ревнуя въ отеческихъ догматахъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтутъ и поютъ; а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ за ребра перевѣшать. Пусть дастъ намъ отвѣтъ на письмѣ, для чего онъ старыя книги изъ церкви Божіей выкинулъ? Какая въ нихъ хула на вышняго Бога, на пречистую Его Богоматерь и на всѣхъ святыхъ? Были же благочестивые люди, св. отцы, великие князи, премудріе патріархи, которые по тѣмъ книгамъ Богу угодили. А мы, богомольцы,

1682 іюнь въ новыхъ книгахъ всякія затѣйки и многія ереси въ конецъ обличимъ».

Хованскій, продолжая притворствовать, спросилъ: «есть ли у васъ о томъ челобитная?» «Есть, государь, и не одна, а двѣ», отвѣчали раскольники. Онъ взялъ уже извѣстную челобитную и понесъ ее въ Верхъ къ царямъ, гдѣ былъ и патріархъ; что говорилъ онъ и въ какомъ видѣ представилъ правительству все дѣло, не извѣстно; но возвратившись въ отвѣтную палату, объявилъ, что великіе государи челобитной слушали и, по прошенію патріарха, велѣли быть собору чрезъ три дня послѣ царскаго вѣнчанія, въ среду, потому что дѣло великое и надобно книги свидѣтельствовать. «А какъ же будутъ государей вѣнчать?» воскликнулъ Никита. «Я вамъ и прежде говорилъ», отвѣчалъ Хованскій «что государей станутъ вѣнчать по старому.». «Хорошо», возразилъ раскольникъ «если патріархъ будетъ литургію служить по старому на седьми просфирахъ, съ изображеніемъ креста истиннаго, а не крыжа Латинскаго». «Будетъ такъ», сказалъ Хованскій «вели испечь просфиры съ старымъ крестомъ; я самъ поднесу ихъ патріарху и велю служить по старому. Да и ты, отецъ Никита, тутъ же будь».

Неистовый пустосвятъ бросился къ раскольничьей просфирнѣ, напекъ просфиры по своему суемудрому толкованію, и въ день коронаціи отправился въ Успенскій соборъ; но за несмѣтнымъ множествомъ народа, покрывавшаго густыми толпами всю площадь, не могъ пробраться въ церковь, и съ досадою возвратился къ своей братіи.[16] Между тѣмъ вѣнчаніе юныхъ царей на царство совершилось по установленному чину, съ обычными обрядами и торжественнымъ величіемъ. Это было 25 іюня.[17]

Коронація обоихъ царей.

Среди Успенскаго собора, близъ заднихъ столповъ, устроили высокое чертожное мѣсто о 12 ступеняхъ, покры-

16. Савва Романовъ.
17. Церемоніалъ вѣнчанія на царство въ Полномъ Собраніи Законовъ, II № 591

тое багрецовымъ сукномъ; на немъ справа стояли рядомъ два царскія мѣста златыя, осыпанныя драгоцѣнными каменьями; слѣва находилось мѣсто патріаршее, съ бархатнымъ возглавіемъ; путь къ царскимъ вратамъ устланъ былъ алымъ сукномъ, и сверхъ его венецейскими бархатами, рудожелтымъ для шествія государей, и лазоревымъ для патріарха; по обѣимъ сторонамъ находились скамьи подъ персидскими коврами для митрополитовъ и властей; впереди, на амвонѣ, предъ царскими вратами стояли шесть налоевъ, съ драгоцѣнными покровами, для животворящаго креста, святыхъ бармъ, царскихъ вѣнцовъ и державъ. Наканунѣ было всенощное бдѣніе во всей Москвѣ. 1682 іюнь.

Рано утромъ раздался благовѣстъ въ Успенскомъ соборѣ; духовенство собралось въ Крестовой палатѣ, и вслѣдъ за патріархомъ, при звонѣ колоколовъ, отправилось въ соборъ. Тутъ были восемь митрополитовъ: Корнилій Новгородскій и Великолуцкій, Никифоръ Астраханскій и Терскій, Павелъ Сибирскій и Тобольскій, Іона Ростовскій и Ярославскій, Маркелъ Псковской и Изборскій, Варсонофій Сарскій и Подонскій, Филаретъ Нижегородскій и Алаторскій, Павелъ Рязанскій и Муромскій; четыре архіепископа: Сергій Тверской и Кашинскій, Никита Коломенскій и Коширскій, Аѳанасій Холмогорскій и Важскій, Геласія Устюжскій; два епископа: Леонтій Тамбовскій, Митрофанъ Воронежскій; восемь архимандритовъ и столько же игуменовъ. Когда облачился патріархъ въ греческій саккосъ Фотія митрополита, украшенный жемчугомъ, цари, въ кафтанахъ золотыхъ съ кружевами, въ шапкахъ съ запанами драгими, вышли изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь Нерукотвореннаго Спаса и, приложившись къ св. иконамъ, въ сопровожденіи ближнихъ бояръ, вступили въ Грановитую палату, наполненную царедворцами. Здѣсь они сѣли и послали князя Василія Васильевича Голицына, съ боярами и другими сановниками, на казенный дворъ за

животворящимъ крестомъ, святыми бармами, вѣнцами и державами; между тѣмъ объявили милости: старшій сынъ князя Хованскаго, Андрей, Михаилъ Плещеевъ и Матвѣй Милославскій пожалованы въ бояре; Ларіонъ Милославскій и Венедиктъ Змѣевъ въ окольничіе; Петръ Хитрово, Василій Пушечниковъ въ стольники.

Вскорѣ возратился князъ Голицынъ съ царскимъ чиномъ: животворящіе кресты, святыя бармы или діадимы и златыя цѣпи несли на головахъ, въ золотыхъ блюдахъ, подъ драгими пеленами, верховые протопопы Гавріилъ Воскресенскій и Іоаннъ Спасскій; царскіе вѣнцы бояре Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; скиптры окольничіе Матвѣй Степановичъ Пушкинъ и Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ; державы казначей Толочановъ и печатникъ Башмаковъ; стоянцы думные дьяки Семеновъ, Зыковъ, Гороховъ и Украинцевъ. Предъ царскимъ чиномъ, за святыми бармами, шелъ «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ «посольскихъ дѣлъ оберегатель, ближній бояринъ и на«мѣстникъ Новгородскій князь Василій Васильевичъ Го«лицынъ». Цари встали сь своихъ мѣстъ, приложились къ святымъ крестамъ и бармамъ, и велѣли отнести ихъ съ царскимъ чиномъ, прежнимъ порядкомъ, въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ патріархъ съ подобающею честію, и поставилъ на приготовленныхъ налояхъ, предъ царскими вратами.

Князь Голицынъ, возвратившись изъ собора, отъ имени патріарха объявилъ, что къ царскому вѣнчанію все готово. Цари, сопровождаемые боярами и думными людьми, бывшими въ золотныхъ одеждахъ, шествовали изъ Грановитой палаты черезъ Красное крыльцо, гдѣ стояли полковники стрѣлецкіе, на площадь, усѣянную народомъ, и между двумя рядами стрѣльцовъ вступили въ соборъ, оглашаемый пѣніемъ многолѣтія. Тамъ прежде всего они сотворили три поклона предъ царскими вратами; потомъ поклонились

патріарху, который, стоя на чертожномъ мѣстѣ, осѣнилъ ихъ обѣими руками; послѣ того цѣловали св. иконы мѣстныя, многоцѣлебную Спасову ризу, мощи чудотворцевъ, приложились ко кресту, поднесенному патріархомъ, и, окропленные святою водою, по взаимномъ лобзаніи съ первосвятителемъ, вступили на чертожное мѣсто, гдѣ на приготовленныхъ тронахъ сѣли рядомъ; дядьки поддерживали ихъ подъ руки: Іоанна Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій и Борисъ Гавриловичъ Юшковъ; Петра Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ и Тихонъ Никитичъ Стрешневъ. Святители и власти также сѣли: патріархъ на своемъ мѣстѣ влѣво отъ царей, митрополиты, архіепископы и епископы на скамьяхъ.[18] 1682 іюнь.

Пѣніе многолѣтія прекратилось; въ храмѣ настала глубокая тишина; среди всеобщаго молчанія, цари встали съ своихъ мѣстъ, и обратились къ патріарху съ рѣчью, чтобы онъ благословилъ ихъ на всѣ великія преславныя государства Всероссійскаго царствія, помазалъ св. мvромъ и вѣнчалъ царскими вѣнцами, по преданію св. Восточныя Церкви и по древнему царскому чину. Патріархъ спросилъ ихъ: какъ они вѣруютъ и исповѣдаютъ Отца и Сына и Святаго Духа? Цари прочитали вслухъ символъ вѣры. Тогда патріархъ приступилъ къ священнодѣйствію: въ многорѣчивомъ обращеніи къ царямъ, начавъ слово отъ родоначальника царскаго дома, Августа кесаря, объявилъ, что имъ достоитъ, какъ законнымъ преемникамъ царя Ѳеодора Алексѣевича, вѣнчаться по примѣру предковъ, и что отнынѣ, по данной ему, первосвятителю, благодати отъ Св. Духа, они поставляются на Великороссійское царство, помазуются св. мvромъ, вѣнчаются царскими вѣнцами и св. бармами, и именуются Богомъ вѣнчанные великіе государи, цари, и всея Россіи самодержцы; потомъ принявъ отъ протопоповъ Соборнаго и Архангельскаго царскія одежды, велѣлъ

18. Ни царицамъ, ни царевнамъ, самой Софьи по церемоніалу особаго мѣста не назначено, и были ли онѣ въ соборѣ во время царскаго вѣнчанія, неизвѣстно.

дядькамъ возложить ихъ на царей; послѣ того митрополиты Новгородскій, Сибирскій, Астраханскій и Ростовскій поднесли патріарху два животворящіе креста на златыхъ блюдахъ; онъ же, сотворивъ св. крестамъ по три поклона, снялъ ихъ съ блюдъ и, по благословеніи, возложилъ на выи обоихъ государей, съ приличною молитвою; такимъ же образомъ возложилъ на рамы ихъ святыя бармы, на главы царскіе вѣнцы, и вручилъ имъ скиптры и державы; напослѣдокъ велѣлъ ризничему возгласить боговѣнчаннымъ государямъ многолѣтіе *велегласно, высочайшимъ гласомъ*, и поздравивъ ихъ со всѣмъ духовенствомъ, сказалъ имъ назидательное поученіе о душеполезныхъ вещахъ.

«Имѣйте страхъ Божій въ сердцѣ», говорилъ онъ обоимъ государямъ «храните вѣру вашу истинную, православ«ную непоколебимо; блюдите царство свое чисто и не«порочно; любите правду и милость; святымъ церквамъ «воздавайте честь; къ честнымъ монастырямъ держите «вѣру крѣпкую; къ намъ же, богомольцамъ вашимъ, имѣй«те духовное повиновеніе по Христову словеси, сказан«ному ученикамъ и апостоламъ: «*слушаяй васъ, мене слу«шаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается»;* благо«вѣрныхъ царицъ, тетокъ и сестеръ своихъ любите и по«читайте; бояръ и вельможъ своихъ жалуйте и берегите «по ихъ отечеству, службѣ и правдѣ; къ князьямъ, княжа«тамъ, дѣтямъ боярскимъ и ко всему христолюбивому воин«ству будьте приступны, милостивы и привѣтны; всѣхъ «православныхъ христіанъ блюдите и жалуйте; за обиди«мыхъ стойте царски и мужески: ибо, о цари, вы приняли «отъ Бога скиптры, чтобы править хоругвями великаго «царства Россійскаго и судить люди ваши въ правду: хра«ните ихъ бодренно отъ дивіихъ волковъ, да не растлятъ «стада христовыхъ овецъ словесныхъ! Одна только добро«дѣтель безсмертна; не такъ красная міра вся, какъ добро«дѣтель краситъ царей. Здѣсь, на землѣ, вы не приступны; «но помните, что тамъ, въ горнихъ, и надъ вами есть

царь. Бойтесь серпа небеснаго!» Цари сошли съ чертожнаго мѣста, и стали на царскомъ мѣстѣ, искони устроенномъ. 1682 Іюнь.

Началась литургія. Во время чтенія евангелія, также при пѣніи херувимской пѣсни и при совершеніи таинства причастія, цари снимали съ себя вѣнцы. Когда же пропѣтъ былъ каноникъ, вышелъ изъ алтаря ризничій, и со всякимъ благочиніемъ объявилъ имъ, что патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ призываетъ ихъ къ помазанію святымъ мvромъ и къ причастію святыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ. Они, снявъ съ себя вѣнцы, приложились съ земными поклонами къ образу вседержителя Спаса, къ чудотворной иконѣ Богоматери Владимірской, къ Успенію Богородицы, и съ благоговѣніемъ приступили къ царскимъ вратамъ, гдѣ ожидалъ ихъ патріархъ съ св. мvромъ. По совершеніи мvропомазанія, ризничіе ввели царей подъ руки въ алтарь, и тамъ, предъ престоломъ Всевышняго, патріархъ пріобщилъ ихъ святыхъ таинъ. По окончаніи литургіи, они ходили въ Архангельскій соборъ, для поклоненія праху предковъ, и въ церковь Благовѣщенія Богородицы, гдѣ прикладывались къ св. иконамъ. Торжественный столъ для духовенства, бояръ и окольничихъ, въ Грановитой палатѣ, заключилъ обрядъ коронаціи.

На другой день пожалованы въ бояре: стольникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, окольничіе князь Михайла Ивановичъ Лыковъ и Борисъ Гавриловичъ Юшковъ; а думные дворяне Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и Василій Савичъ Нарбековъ въ окольничіе. На третій день былъ выходъ въ Грановитую палату: бояре, окольничіе, люди думные, гости, гостиная и суконная сотни, и дворцовыхъ слободъ торговые люди поднесли государямъ дары; они же угостили своихъ вѣрныхъ подданныхъ роскошнымъ пиромъ. При этомъ случаѣ стольники князь Андрей Ивановичъ Голицынъ и Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, да околь-

1682 іюнь. вичій Иванъ Тимофеевичъ Кондыревъ пожалованы въ бояре; думные же дворяне Андрей Васильевичъ Толстой и Богданъ Өедоровичъ Палибинъ въ окольничіе.[19]

Распри въ стрѣлецкихъ слободахъ.

Въ то время, когда всѣ люди благочестивые съ умиленіемъ привѣтствовали юныхъ Боговѣнчанныхъ царей, мрачные изувѣры, не принимая участія въ общей радости народной, скликали со всѣхъ сторонъ своихъ единомышленниковъ, для содѣйствія въ замышляемомъ преніи съ православнымъ духовенствомъ. По призыву ихъ, явились въ Москвѣ закоснѣлые ересіархи, *отцы* Великоламскихъ пустынь: Савватій, Дороѳей и Гавріилъ, за которыми нарочно ѣздилъ Савва Бѣлевскій. Между тѣмъ старые стрѣльцы Титова полка, наиболѣе рьяные въ расколѣ, ходили по всѣмъ стрѣлецкимъ слободамъ съ челобитною для рукоприкладства; въ девяти полкахъ и въ Пушкарскомъ приказѣ нашлись многіе единомышленники; въ остальныхъ десяти полкахъ не было ни одного. «Намъ что за дѣло?» говорили благоразумные стрѣльцы. «Мы противъ челобитной отвѣчать не умѣемъ; если руки приложить, то и отвѣтъ дать. Но съумѣютъ ли и старцы отвѣчать такому собору? Они только намутятъ, да прочь пойдутъ; а мы останемся виноваты. Это дѣло не наше, а патріаршее». Изувѣры настаивали; вѣрные долгу отказывались; съ той и другой стороны сыпались нареканія и угрозы. Жестокая распря водворилась въ стрѣлецкихъ слободахъ.[20]

Преніе въ Крестовой палатѣ.

Встревоженный разномысліемъ стрѣльцовъ, Хованскій созвалъ выборныхъ отъ всего войска въ отвѣтную палату,

5 іюля. и, будто по царскому указу, предложилъ имъ вопросъ: всѣ ли они хотятъ стоять за вѣру православную? «Не только стоять, но и умереть готовы», отвѣчали стрѣльцы, каждый понимая по-своему слова хитраго изувѣра. Троекратно повторивъ свой лукавый вопросъ и трижды получивъ тотъ же отзывъ, онъ повелъ выборныхъ въ Крестовую палату и

19. Древн. Рос. Вивл. VII. 477.
20. Савва Романовъ

далъ знать патріарху, что всѣ служивые люди, по царскому указу, требуютъ исправленія стараго благочестія. Вмѣстѣ съ выборными ворвались главные вожди раскола, со множествомъ посадскихъ, въ палату. Она наполнилась народомъ. 1682 іюль.

Патріархъ вышелъ, окруженный властями. «Чесо ради, братіе, пріидосте къ нашему смиренію и чего отъ насъ требуете?» спросилъ первосвятитель. «Пришли, государь, святѣйшій патріархъ», отвѣчалъ Хованскій «къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота всѣхъ полковъ, выборные солдатскаго строя, всѣ пушкари, чернослободцы, люди посадскіе, побить челомъ о исправленіи стараго благочестія православной христіанской вѣры, и какъ служили при великихъ князехъ и благовѣрныхъ царяхъ Россійскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи по старымъ книгамъ, такъ и нынѣ служить бы въ соборной церкви по тѣмъ же книгамъ, единогласно и немятежно, по апостолу: *единъ Господь и единa вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ отецъ всѣхъ*». «Пришли мы» вскричалъ стрѣлецъ Воробьина полка Алексѣй Юдинъ,[21] «спросить, за что старыя книги, печатанныя при великихъ государяхъ и святѣйшихъ патріархахъ, вами отринуты? какія въ нихъ обрѣтаются ереси? И намъ бы про то вѣдомо было». «Чада мои и братія», тихо возразилъ патріархъ, «не подобаетъ вамъ судить и простаго человѣка, кольми паче архіерея. Вы люди чина воинскаго, и вамъ это дѣло не за искусъ; нашею архіерейскою властію оно разрѣшается и вяжется: мы на себѣ Христовъ образъ носимъ. Я вамъ пастырь, а не наемникъ; я дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ на себя толь великую тяготу восхитилъ, или накупился на апостольскій престолъ, но избранъ повелѣніемъ благочестиваго государя царя Алексѣя Михайловича и благословеніемъ

21. Савва Романовъ. Юдинъ былъ главный сообщникъ Хованскаго. См. Акты Археогр. Экспед. IV. № 270—271.

1682 іюль.

всего освященнаго собора. Вамъ подобаетъ повиноваться священникамъ, наипаче архіереямъ, а не судить ихъ, по апостолу: *повинуйтеся,* рече, *наставникамъ вашимъ и покоряйтеся»*. Послѣ того, въ краткихъ словахъ, первосвятитель изложилъ все дѣло исправленія церковныхъ книгъ, съ согласія вселенскихъ патріарховъ, и убѣждалъ ослѣпленныхъ возвратиться въ нѣдра православной Церкви.

Тутъ выступили впередъ Павелъ Даниловецъ, Павелъ Захарьевъ, Савва Романовъ, опытные книжники, дерзкіе на языкъ, упорные въ зломысліи. Не слушая никакихъ доказательствъ, толкуя превратно св. писаніе, они клеветали на Никона, винили вселенскихъ святителей, издѣвались надъ патріархомъ, поносили окружавшихъ его митрополитовъ, и неотступно требовали торжественнаго пренія о вѣрѣ, на Лобномъ мѣстѣ, предъ всѣмъ народомъ, въ несомнѣнной надеждѣ буйною наглостію возмутить толпы, низринуть патріарха и утвердить свое лжеученіе. Проникая ихъ замыселъ, патріархъ объявилъ рѣшительно, что на Лобное мѣсто онъ не выйдетъ. Болѣе прежняго ожесточенные, раскольники удалились, съ твердымъ намѣреніемъ принудить патріарха къ торжественному пренію мятежемъ народнымъ. Никиты Пустосвята тутъ не было; но Павелъ Даниловецъ съ такимъ злорѣчіемъ нападалъ на православное духовенство, что Хованскій, по окончаніи пренія, расцѣловалъ его въ голову, сказавъ: «мало я зналъ тебя до «сей поры».[22]

Открытое ученіе раскола.

Явно покровительствуемые сильнымъ вельможею, не страшась болѣе ни законнаго преслѣдованія, ни заслуженной казни, раскольники вышли изъ своихъ берлогъ, и громогласно проповѣдывали свое лжеученіе, на площадяхъ и торжищахъ, толпамъ народнымъ. Тщетно ревнители благочестія старались защитить православную Церковь, и уче-

22. Савва Романовъ. Патріархъ Іоакимъ ни слова не говоритъ о приходѣ къ нему Хованскаго съ раскольниками въ Крестовую палату, опасаясь, безъ сомнѣнія, его мести; но Медвѣдевъ подтверждаетъ сказаніе Саввы, лист. 93.

1682 іюль.

ные священники уговаривали ослѣпленныхъ не поддаваться соблазну· изувѣры бросались на нихъ съ яростію и били каменьями. Въ числѣ приверженныхъ къ расколу было не мало и женщинъ. Съ каждымъ днемъ зло увеличивалось; Москва была въ великомъ смятеніи.[23]

Мятежъ Никиты Пустосвята.

Полагая, что настала минута къ рѣшительному дѣйствію, Никита Пустосвятъ, 5 іюля, собралъ главныхъ единомышленниковъ въ Титовомъ полку за Яузою, отслужилъ молебенъ по раскольничьему толку, и, окруженный многочисленною толпою, отправился въ Кремль, чтобы вызвать патріарха на Лобное мѣсто, для всенароднаго пренія. Самъ онъ шелъ съ крестомъ; сообщники его несли старинныя иконы, ветхія книги, налои, и наполняли воздухъ неистовыми воплями. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Скоро вся кремлевская площадь покрылась густыми толпами. Раскольники расположились за Архангельскимъ соборомъ близъ Краснаго крыльца, поставили налои, покрытые пеленами, съ старинными иконами и книгами, и зажгли свѣчи. Никита съ главными сообщниками взлѣзъ на подмостки, и оттуда громко поучалъ народъ, называя св. храмы анбарами и хлѣвами. Былъ полдень.

5 іюля.

Въ то самое время, патріархъ, предувѣдомленный о замыслахъ раскольниковъ, въ Успенскомъ соборѣ совершалъ молебствіе, со слезами умоляя небесную Заступницу о спасеніи Церкви и царства.[24] Когда же появились на площади раскольники и раздались неистовые вопли ихъ, онъ выслалъ Спасскаго протопопа Василія съ обличеніемъ на Пустосвята; тò была повинная, которою Никита, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, каялся предъ соборомъ въ своей ереси, просилъ прощенія и торжественно обѣщалъ не приставать къ расколу. Ее напечатали наканунѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для лучшаго убѣжденія народа.[25]

23. Увѣтъ Духовный, стр. 43. Савва Романовъ и Медвѣдевъ, 92—93.
24. Увѣтъ Духовный, стр. 43 на оборотѣ. Савва Романовъ говоритъ, что патріархъ служилъ обѣдню.
25. Увѣтъ Духовный, стр 57 на оборотѣ. По словамъ Саввы, напечатано ночью 100 тетрадей.

1682 іюль. Стрѣльцы схватили протопопа, привели его къ *отцамъ*, лжеучителямъ, и хотѣли убить, а обличеніе изорвать. Но чернецъ Сергій, изъявляя притворную кротость, взялъ его подъ свою защиту, поставилъ на скамью, и велѣлъ ему дочитать повинную Никитину предъ народомъ. Полумертвый отъ страха, протопопъ едва могъ произносить слова. Никто его не слушалъ; въ толпѣ раздавался неистовый крикъ; многіе брались уже за каменья. «Что всуе трудиться?» сказалъ Сергій «Видишь никто не внимаетъ, но паче молва бываетъ. Смотри! мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній», и ставъ на скамью рядомъ съ протопопомъ, началъ читать Соловецкія тетради «о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, «и о крыжѣ, и о жезлахъ, и о просфирахъ, и о всемъ пре«мѣненіи церковномъ». Въ толпѣ водворилось глубокое молчаніе; простаки слушали сумазбродные толки съ благоговѣніемъ, и только воздыхали изъ глубины сердецъ; многіе плакали.[26] Такъ протекло нѣсколько часовъ. Волненіе болѣе и болѣе увеличивалось; крамольники громко вызывали патріарха, который, по окончаніи молебствія, удалился въ Крестовую палату. Смущенный народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его выхода.

Преніе въ Грановитой палатѣ. Правительство, не имѣя никакихъ средствъ подавить мятежъ, готовый вспыхнуть, не знало что дѣлать. Хованскій твердилъ одно: пусть идетъ патріархъ на площадь и успокоитъ умы силою рѣчи и убѣжденія; но ни царямъ, ни царицамъ, ни царевнамъ не совѣтовалъ показываться народу, стращая бунтомъ, ужаснѣйшимъ прежняго. «Нѣтъ!» сказала Софія «не оставлю церкви и пастыря нашего. Если преніе необходимо, быть собору въ Грановитой палатѣ. Я иду туда, и кто хочетъ, до послѣдуетъ за мною!» Царица Наталія Кирилловна, царевны Татьяна Михайловна и Марія Алексѣевна изъявили готовность ей сопутствовать.[27]

26. Савва Романовъ.
27. Медвѣдевъ, листъ 97 на оборотѣ.

София извѣстила патріарха о принятомъ ею намѣреніи, 1682 іюль.
и приглашала его со всѣми святителями въ Грановитую палату, давъ знать, чтобы онъ шелъ не Краснымъ крыльцемъ, около котораго толпились раскольники, а лѣстницею церкви Ризъ-Положенія. Исполняя волю правительницы, патріархъ съ властями не замедлилъ явиться въ Грановитую палату, приказавъ архіепископу Холмогорскому Аѳанасію и епископамъ Леонтію Тамбовскому, Митрофану Воронежскому, съ многими архимандритами, игумнами и священниками, принести на соборъ древнія священныя книги и харатейныя рукописи, для обличенія раскольниковъ. Не безъ труда и опасности, но съ мужествомъ непоколебимымъ, прошли сквозь толпы неистовыхъ изувѣровъ доблестные святители. Люди благочестивые обрадовались, увидѣвъ старыя книги, въ несомнѣнной надеждѣ, что ими наконецъ обличится ересь враговъ Церкви.[28]

Хованскій между тѣмъ вышелъ изъ дворца на площадь и, объявивъ раскольникамъ, что царевны государыни сами хотятъ выслушать челобитную, а на площади быть имъ зазорно, приглашалъ *отцевъ* въ Грановитую палату. «Государь, царскій бояринъ! сказалъ Сергій «въ палату мы итти зѣло опасны; не было бы надъ нами какого вымысла и коварства. Лучше бы изволилъ патріархъ здѣсь, предъ всѣмъ народомъ, свидѣтельствовать священныя книги. Насъ пустятъ въ палату однихъ: народу тамъ не умѣститься; а безъ народа, что намъ дѣлать?» «Невозбранно будетъ никому итти», отвѣчалъ Хованскій «кто хочетъ, тотъ и ступай. Если вы, святые отцы, на мою грѣшную душу положились, то вѣрьте мнѣ, Бога призываю въ свидѣтели и пречистою кровію Христовою клянуся, никто васъ не тронетъ. Развѣ что мнѣ будетъ, то и вамъ». «Идемъ!» вскричалъ Никита, и съ многочисленною толпою сообщниковъ устремился на Красное крыльцо. Тутъ произошла страшная давка: съ одной стороны, по слѣдамъ Пу-

28. Медвѣдевъ.

1682 іюль. стосвята, ломился народъ, съ другой же изъ Грановитой палаты выходили священники, относившіе старыя книги; они столкнулись съ раскольниками; взаимная ненависть вспыхнула, и дѣло дошло до драки. Стрѣльцы, по приказу Хованскаго, кинулись на священниковъ, избили ихъ и разогнали.[29]

Съ шумомъ и яростнымъ воплемъ ворвались изувѣры въ Грановитую палату, не смущаясь зрѣлищемъ, которое имъ представилось: на царскихъ тронахъ сидѣли царевны Софія Алексѣевна и Татьяна Михайловна; ниже ихъ въ креслахъ царица Наталія Кирилловна, царевна Марія Алексѣевна и патріархъ;[30] справа отъ троновъ занимали мѣста, по степенямъ сана, митрополиты: Корнилій Новгородскій, Никифоръ Астраханскій, Павелъ Сибирскій, Іона Ростовскій, Маркелъ Псковской, Варсонофій Сарскій, Филаретъ Нижегородскій, Павелъ Рязанскій; архіепископы: Симеонъ Вологодскій, Сергій Тверской, Никита Коломенскій, Аѳанасій Холмогорскій, Герасимъ Устюжскій; епископы: Леонтій Тамбовскій и Митрофанъ Воронежскій; слѣва стояли государственные сановники, люди думные, дьяки, царедворцы и выборные стрѣльцы. Едва поклонившись царевнамъ и царицѣ, но не оказывая никакого уваженія патріарху и святителямъ, мятежники торопливо разставили налои предъ царскимъ трономъ, положили на нихъ иконы, книги, зажгли свѣчи, и какъ изступленные озирали все собраніе. Кромѣ Никиты, тутъ было еще пять ересіарховъ,· бродяги, растриженные чернецы: Сергій Нижегородецъ, Савватій Москвитинъ, другой Савватій Костромитинъ, и крестьяне Дороѳей и Гавріилъ.

«Для чего такъ дерзко и нагло» спросила Софія[31] «пришли вы къ царскому величеству, въ государскія палаты, будто къ иновѣрнымъ и Бога не знающимъ? И какъ смѣ-

29. Савва Романовъ говоритъ, что одинъ изъ священниковъ схватилъ Никиту за волосы и началъ бить.
30. См. Примѣчаніе 61.
31. См. Примѣчаніе 62.

ли вы по улицамъ, на площадяхъ, проповѣдывать свою 1682 іюль.
раскольничью ересь и возмущать простой народъ?» «Пришли мы», отвѣчалъ Никита «къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной христіанской вѣры, чтобы царское свое разсмотрѣніе дали намъ съ новыми законодавцами, чтобы церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежѣ и раздраніи, и чтобы служба Божія была, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, по старымъ служебникамъ». «Не ваше то дѣло» возразилъ патріархъ и не вамъ, простолюдинамъ, церковная исправлять. Судить о томъ архіереямъ. Мы на себѣ Христовъ образъ носимъ, и далъ намъ Богъ власть такову, его же свяжемъ на землѣ, связанъ будетъ и на небеси; его же разрѣшимъ на землѣ, будетъ разрѣшенъ и на небеси. Вы же должны повиноваться матери нашей, соборной, апостольской церкви, и потомъ всѣмъ архіереямъ, пекущимся о спасеніи вашемъ. А у насъ вѣра стараго православія Греческаго закона, исправленная съ Греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ; мы отъ себя ничего не внесли, но все отъ божественныхъ писаній заимствовали; вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую онъ въ себѣ силу содержитъ». «Мы пришли» вскричалъ Никита «не о грамматикѣ съ тобой толковать, а о церковномъ догматѣ; поговоримъ краткими словами; ты же отвѣчай на мои вопросы», и пустился въ суемудрыя толкованія, стараясь дерзостію злорѣчія, лукавствомъ софизмовъ, смутить престарѣлаго іерарха, непоколебимаго въ догматахъ вѣры.[32]

На помощь первосвятителю выступилъ Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій, святитель бодрый силами, опытный въ раскольничьихъ ухищреніяхъ и многоначитанный.[33] Увидѣвъ противника опаснаго, Никита заскрежеталъ зу-

32. Савва Романовъ приводитъ дерзкія бредни Никиты Пустосвята.

33. Увѣтъ Духовный и Медвѣдевъ. Савва: «Холмогорскій епископъ, пустобородъ, а имя ему не въ памяти учинилось».

бами. «Что ты нога выше главы ставишься? я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ», вскричалъ онъ на Аѳанасія и бросился къ нему съ неистовствомъ. Выборные стрѣльцы едва спасли архіепископа отъ яростнаго изувѣра.[34]

«Видите ли, что дѣлаетъ Никита?» воскликнула Софія, вставъ съ трона. «При насъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно убьетъ.» «Нѣтъ, государыня», заговорили въ толпѣ сообщники Пустосвята «онъ только рукою отвелъ его, чтобы не говорилъ прежде патріарха.» «Да какъ смѣешь ты», продолжала Царевна, обратившись къ Никитѣ «говорить съ патріархомъ? Не довелось тебѣ быть и на очахъ нашихъ! Развѣ забылъ ты, какъ отцу нашему, блаженныя памяти, и святѣйшему патріарху и освященному собору принесъ повинную, съ великою клятвою, впередъ не бить челомъ о вѣрѣ, предавая себя, въ противномъ случаѣ, проклятію св. отецъ седьми вселенскихъ соборовъ, а нынѣ опять за то дѣло принялся!» «Не запираюсь въ томъ, государыня», отвѣчалъ дерзкій раскольникъ «поднесъ я челобитную отцу вашему, за мечомъ и за срубомъ; подавалъ я челобитную, которую писалъ семь лѣтъ, и освященному собору: отвѣтомъ была тюрьма, не вѣдаю, за что. Да сложилъ на меня Симеонъ Полоцкій книгу *Жезлъ;* но въ ней и пятой доли моей челобитной не разобрано. А изволишь, государыня, я противъ Жезла того отвѣчать готовъ: я его *очищу*. Если же виноватъ буду, уже воля ваша, что хочете, то и дѣлайте.» «Молчи!» гнѣвно сказала царевна, и велѣла дьяку читать раскольничью челобитную.[35]

Святители, въ особенности архіепископъ Аѳанасій, сначала разбирали пунктъ за пунктомъ, и доказывали ихъ нелѣпость; но какъ изступленные изувѣры не хотѣли слушать никакихъ доводовъ и, упорствуя въ своемъ заблужденіи, съ неистовымъ крикомъ осыпали пастырей церкви наглыми упреками, то послѣдніе пункты оставлены безъ отвѣта. Не разъ, съ жаромъ и чувствомъ оскорбленнаго достоинства,

возвышала свой голосъ и царевна Софія. Когда старовѣры 1682 іюль. стали доказывать любимую мысль свою, что *еретикъ* Никонъ поколебалъ душею царя Алексѣя Михайловича, и съ тѣхъ поръ благочестіе погибло въ Россіи, царевна, обратившись къ боярамъ и стрѣльцамъ, съ огорченіемъ сказала: «Нѣтъ, мы не можемъ долѣе терпѣть такой хулы! Если Никонъ и отецъ нашъ были еретики, то и всѣ мы то же. Братья наши не цари, патріархъ не пастырь церкви. «Намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство!» и сошла съ трона.[36] Въ мятежной толпѣ заговорили: «Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно-да царствомъ мутить; намъ бы здорово цари государи были, а безъ васъ-да пусто не будетъ».[37] Но всѣ бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои головы за царскій домъ, и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто.[38]

По окончаніи чтенія челобитной, патріархъ, взявъ въ одну руку св. евангеліе, писанное св. Алексѣемъ митрополитомъ Московскимъ, а въ другую соборное дѣяніе объ учрежденіи въ Россіи патріаршаго престола, старался вразумить ослѣпленныхъ невѣждъ въ неосновательности ихъ толковъ; съ тою же цѣлью предложены были Греческія и старинныя Славянскія рукописи, также и печатанныя при прежнихъ патріархахъ книги, съ указаніемъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ, которыя необходимо было исправить.[39] Изувѣры ничего не слышали, ни видѣли, и сами себѣ грубо противорѣчили. Когда одинъ изъ ученыхъ священниковъ указалъ имъ въ книгѣ, изданной при патріархѣ Филаретѣ, явную несообразность о разрѣшеніи иноковъ на масло и сыръ, а мірянъ на мясо, въ великій четвертокъ и въ великую субботу, Никита воскликнулъ: «такіе же плуты печатали, какъ и вы».[40]

36. Савва Романовъ. Также Медвѣдевъ, листъ 101.
37. Савва Романовъ.
38. Медвѣдевъ, листъ 101 на оборотѣ.
39 Увѣтъ Духовный.
40. Свидѣтельство Саввы Романова.

Видя столь упорное зломысліе, царевна рѣшилась взять иныя мѣры къ водворенію тишины: раскольникамъ объявлено, что за позднимъ временемъ, ибо наступалъ уже вечеръ, некогда продолжать преніе, и что указъ имъ будетъ сказанъ послѣ. Царскія особы встали съ своихъ мѣстъ и удалились изъ Грановитой палаты; за ними послѣдовалъ и патріархъ. Изувѣры съ торжествующими лицами вышли къ народу и, поднявъ вверхъ два пальца, кричали что ни есть мочи: «Тако вѣруйте, тако творите; всѣхъ архіереевъ препрехомъ и посрамихомъ!»[11] Народъ въ недоумѣніи слѣдовалъ за ними на Лобное мѣсто. Тамъ они остановились и долго *поучали* толпы по Соловецкимъ тетрадямъ; оттуда съ пѣніемъ отправились чрезъ Таганскія вороты за Яузу: въ Титовомъ полку встрѣтили ихъ колокольнымъ звономъ; они вступили въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на Чигасахъ, отслужили молебенъ, и разбрелись по своимъ домамъ, сопровождаемые толпами народными.[12]

Между тѣмъ Софія велѣла быть къ себѣ въ Верхъ выборнымъ стрѣльцамъ отъ всѣхъ полковъ. Они не замедлили явиться, кромѣ Титова полка, не приславшаго ни одного человѣка. Правительница вышла къ нимъ, окруженная царицами, царевнами, и въ сильныхъ выраженіяхъ изобразила бѣдствія, которыми угрожали Церкви и государству безумные изувѣры. «Уже ли вы промѣняете насъ на шестерыхъ чернцовъ и предадите святѣйшаго патріарха поруганію?» говорила Софія со слезами; стыдила стрѣльцовъ равнодушіемъ; хвалила за прежнюю службу, ласкала, уговаривала, сулила щедрыя награды, и достигла своей цѣли. Выборные Стремяннаго полка сказали въ одинъ голосъ: «Мы, государыня царевна, за вѣру старую не стоимъ, и не наше то дѣло: то дѣло патріарха и всего освященнаго собора». Въ такомъ же смыслѣ отозвались и другіе стрѣльцы. Царевна тутъ же велѣла двухъ пятисотныхъ Стремяннаго полка по-

11. Медвѣдевъ, листъ 101.
12. Савва Романовъ.

мѣтить въ думные дьяки, и всѣхъ выборныхъ угостить царскимъ погребомъ; каждый изъ нихъ получилъ сверхъ того значительную сумму денегъ.[43] «Нѣтъ намъ дѣла до старой вѣры», сказали они, возвратившись въ слободы. 1682 іюль.

Но рядовые стрѣльцы, упорствуя въ заблужденіи, не хотѣли покинуть старцевъ, и осыпали выборныхъ упреками. Вы посланы о правдѣ говорить», кричали толпы «а дѣлаете неправду. Пропили вы насъ на водкахъ, да на красныхъ винахъ». Мало по малу, ропотъ въ слободахъ до такой степени усилился, что выборные не разъ приходили къ царевнѣ съ мольбою спасти ихъ отъ ярости стрѣльцовъ, которые грозили перебить ихъ каменьями. Патріархъ также былъ въ большомъ страхѣ: носилась молва, что стрѣльцы собираются итти въ Кремль съ барабанами, для убійствъ. Въ Титовомъ полку уже поговаривали: «добромъ съ *ними* не раздѣлаешься; пора опять за собачьи шкуры приниматься».[44] Смятеніе продолжалось съ недѣлю. Софія наконецъ восторжествовала; она успѣла склонить на свою сторону бо̀льшую часть и рядовыхъ стрѣльцовъ; по волѣ ея, предводители раскола были переловлены и приведены на Лыковъ дворъ, гдѣ разсадили ихъ порознь и предали суду городскому. По приговору его, Никитѣ Пустосвяту отсѣчена голова на Красной площади; Сергій сосланъ 11 іюля
въ Ярославль въ Спасскій монастырь; сообщники ихъ также заточены; а многочисленные послѣдователи разбѣжались въ разныя стороны.[45]

Несомнительное для потомства участіе князя Хованскаго въ мятежѣ Никиты Пустосвята не могло быть тайною и для современниковъ. При всемъ томъ, Софія не рѣшилась предать его въ руки правосудія: онъ приводилъ въ трепетъ самую правительницу.

43. Савва Романовъ.
44. Савва Романовъ.
45. См. Примѣчаніе 63.

ГЛАВА IV.

ВТОРОЙ БУНТЪ СТРѢЛЕЦКІЙ.

ВЛАСТОЛЮБІЕ КНЯЗЯ ХОВАНСКАГО. — НЕИСТОВСТВА СТРѢЛЬЦОВЪ. — УДАЛЕНІЕ ДВОРА ВЪ СЕЛО КОЛОМЕНСКОЕ. — ИЗВѢТЪ НА ХОВАНСКАГО. — ОТЪѢЗДЪ ЦАРЕЙ ВЪ САВВО-СТОРОЖЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ. — ВОЗЗВАНІЕ КЪ ДВОРЯНСТВУ. — ЦАРИ ВЪ СЕЛѢ ВОЗДВИЖЕНСКОМЪ. — ОБВИНЕНІЕ И КАЗНЬ ХОВАНСКИХЪ. — БУНТЪ СТРѢЛЬЦОВЪ ВЪ МОСКВѢ. — УДАЛЕНІЕ ДВОРА ВЪ ТРОИЦКУЮ ЛАВРУ. — ОПОЛЧЕНІЕ ВСЕЙ РОССІИ НА СТРѢЛЬЦОВЪ. — МАЛОДУШІЕ ИХЪ. — СТРѢЛЕЦКІЕ ВЫБОРНЫЕ ВЪ ЛАВРѢ. — ЧЕЛОБИТНАЯ. — ПРОЩЕНІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЕЙ ВЪ МОСКВУ. — НОВЫЯ ГРАММАТЫ СТРѢЛЬЦАМЪ. — ШАКЛОВИТЫЙ.

1682.

Послѣ майскаго кровопролитія, назначенный начальникомъ Стрѣлецкаго приказа, князь Иванъ Хованскій замыслилъ, при содѣйствіи стрѣльцовъ, захватить всю власть въ свои руки, и заботился не объ укрощеніи мятежнаго войска, а о пріобрѣтеніи его любви и преданности: не унималъ стрѣльцовъ, когда буйною толпою приходили они во дворецъ съ наглыми требованіями, докучали царямъ, грозили боярамъ, ссорились съ царедворцами; дозволялъ имъ по прежнему держать на правежѣ нелюбимыхъ полковниковъ; не щадилъ для нихъ ни царской казны, ни достоянія народнаго, и, вопреки повелѣніямъ правительства, не тревожилъ ихъ посылкою въ украйные города на службу. Признательные стрѣльцы называли его не иначе, какъ своимъ *отцемъ*, и дѣлали все, чего онъ ни требовалъ. [1]

Опираясь на стрѣльцовъ, Хованскій не зналъ мѣры властолюбію и гордости: оставлялъ безъ исполненія царскіе

1. Матвѣевъ, 173.

указы, все дѣлалъ по своей волѣ и прихоти, хотѣлъ первенствовать въ думѣ, и своею надменностію оскорблялъ вельможъ. «Никто изъ васъ такъ не служивалъ, какъ я», говорилъ онъ не разъ боярамъ въ присутствіи царей «гдѣ вы ни бывали, куда васъ ни посылали, вездѣ государство терпѣло только вредъ и поношеніе отъ вашей безумной гордости. Мною держится все царство; а когда меня не станетъ, въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови».[2] 1682.

Носилась даже молва, что онъ, выводя родъ свой отъ Гедимина, величался королевскимъ происхожденіемъ, и что сынъ его Андрей искалъ руки царевны Екатерины Алексѣевны.[3] Горько и досадно было боярамъ слышать и несправедливыя укоризны, и отважные замыслы дерзкаго честолюбца. Болѣе всѣхъ злобился на него Иванъ Михайловичъ Милославскій, равно жадный власти; но недолго могъ соперничествовать съ врагомъ сильнымъ привязанностію стрѣльцовъ, боялся потерять самую жизнь въ борьбѣ неравной, и удалился въ свои помѣстья, гдѣ, по выраженію современника, скрывался, какъ подземный кротъ.[4]

Неистовства стрѣльцовъ.

Непріязненное расположеніе Хованскаго къ боярамъ отозвалось и въ стрѣльцахъ: каковъ былъ отецъ, таковы были и дѣти. Стрѣлецкія слободы не разъ оглашались яростными угрозами, даже мятежными кликами. На другой день послѣ казни Никиты Пустосвята, буйное скопище явилось предъ дворцемъ, съ требованіемъ головы многихъ бояръ, замышлявшихъ, какъ носилась молва, *перевести* стрѣлецкое войско. Волненіе продолжалось двое сутокъ; бояре были въ ужасѣ; наконецъ удалось имъ открыть, что эту молву распустилъ одинъ изъ Татарскихъ князьковъ, Одышевскій царевичъ: досадуя на скудное содержаніе и на малую честь, которую оказывали ему въ Москвѣ, онъ наговорилъ на бояръ караульнымъ стрѣльцамъ, а тѣ дали знать своей

2. Приговоръ о казни Хованскихъ, въ сказаніи Медвѣдева, листъ 114.
3. Relation de la Neuville. 48.
4. Матвѣевъ, стр. 182.

1682. братіи. Бояре предали его пыткѣ; онъ повинился въ распространеніи ложнаго слуха, и былъ четвертованъ.[5]

Вслѣдъ за тѣмъ стрѣльцы снова взволновались по навѣтамъ другаго подобнаго крамольника, Ярославца, посадскаго человѣка, который также заплатилъ головою за свои затѣи. Не разъ и самъ Хованскій говаривалъ слова зловѣщія, какъ бы подстрекая стрѣльцовъ къ бунту. Такъ разгоряченный споромъ въ царской думѣ, гдѣ вельможи не одобряли допущеннаго имъ сбора съ дворцовыхъ волостей, въ пользу стрѣлецкаго войска, по 25 руб. на человѣка, что составило болѣе 100,000, онъ вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: «Дѣти, уже и мнѣ за васъ грозятъ бояре; и мнѣ болѣе дѣлать нечего; какъ хотите, такъ и промышляйте».[6] Мятежъ готовъ былъ вспыхнуть.

16 августа.

Удаленіе двора въ село Коломенское.

Въ праздникъ Донской Богоматери, царское семейство не рѣшилось итти по обычаю за св. крестами въ Донской монастырь, и чрезъ нѣсколько дней удалилось въ село Коломенское. Отсюда Софія потребовала къ себѣ Стремянный полкъ, доказавшій ей преданность въ мятежъ раскольниковъ. Хованскій не хотѣлъ отпустить его, отвѣчая, что онъ назначенъ къ походу въ Кіевъ, и только по настоятельному требованію, царскимъ именемъ, согласился наконецъ исполнить волю правительницы.[7] Бояре и царедворцы частію послѣдовали за царями, частію разъѣхались по своимъ помѣстьямъ. Кремлевскіе чертоги опустѣли; изъ знатныхъ лицъ остался въ Москвѣ одинъ Хованскій, и на торжествѣ новолѣтія, всегда совершаемомъ съ пышностію, въ присутствіи всего двора, никто изъ вельможъ не присутствовалъ, къ досадѣ патріарха и къ общему изумленію жителей столицы. Народъ ждалъ большихъ бѣдъ.

19 августа.

1 сентября.

Извѣтъ на Хованскаго.

Между тѣмъ въ селѣ Коломенскомъ произошла страшная тревога: 2-го сентября, у переднихъ дворцовыхъ воротъ явилось подметное письмо, съ надписью: «вручить госу-

5. Медвѣдевъ, листъ 103.
6. Медвѣдевъ, листъ 104 на обор.
7. Приговоръ о казни Хованскихъ, въ сказаніи Медвѣдева, листъ 115 на обор.

1682 сентябрь.

дарынѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ». То былъ извѣтъ на князя Хованскаго и сына его, Андрея, въ замышляемомъ ими цареубійствѣ.[8] Одинъ стрѣлецъ и два человѣка посадскихъ, скрывшіе свое имя, доносили царямъ-государямъ: «На сихъ дняхъ призывали насъ, девятерыхъ стрѣльцовъ, «да пятерыхъ посадскихъ, къ себѣ въ домъ князья Хован«скіе, и говорили намъ, чтобы мы научили свою братью «притти въ Кремль большимъ собраніемъ, объявить васъ, «государей, еретическими дѣтьми, и убить обоихъ, вмѣ«стѣ съ царицею Наталіею Кирилловною, царевною Со«фіею Алексѣевною и съ патріархомъ; на одной изъ царе«венъ жениться князю Андрею, а остальныхъ постричь и «сослать въ дальніе монастыри; тутъ же побить бояръ «Одоевскихъ, Черкасскихъ, Голицыныхъ, Шереметевыхъ, «Ивана Михайловича Милославскаго и многихъ другихъ, «за то, что они старой вѣры не любятъ и заводятъ новую; «послѣ того во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ воз«мутить народъ къ побіенію воеводъ, людей приказныхъ «и помѣщиковъ; а какъ все государство замутится, ца«ремъ провозгласить его, князя Ивана; въ патріархи же «избрать того, кто старыя книги любитъ. Въ награду, Хо«ванскіе обѣщали пожаловать насъ въ ближніе люди, а «стрѣльцамъ все имѣніе побитыхъ. Но мы трое, убоясь «Бога, не хотимъ на такое дѣло дерзнуть, и извѣщаемъ «вамъ, государямъ, для того, чтобы вы берегли свое здо«ровье. Когда же Богъ сохранитъ васъ, и все утишится, «мы вамъ объявимся.—Примѣты на насъ: у одного на пра«вомъ плечѣ бородавка черная, у другаго на правой ногѣ «рубецъ».

Отъѣздъ царей въ Савво-Сторожевскій монастырь.

Извѣтъ нелѣпый, вымышленный, какъ свидѣтельствуетъ современникъ,[9] бояриномъ Милославскимъ, въ безсильной злобѣ къ ненавистному сопернику; едва ли вѣрила ему и Софія: по крайней мѣрѣ не то говорили Хованскому въ по-

8. Сказаніе Медвѣдева, листъ 107.—Акты Археограф. Экспед. IV. № 258.
9. Матвѣевъ, стр. 186.

1682 сентябрь. слѣдствіи, подъ сѣкирою палача. Царевна притворилась однакожъ устрашенною открытіемъ заговора ужаснаго, и со всѣмъ царскимъ семействомъ поспѣшно удалилась

3 сентября. въ Савво-Сторожевскій монастырь, близъ Звенигорода.[10] Отсюда разослала она окружныя грамматы во Владиміръ, Суздаль и другіе города, призывая дворянъ и всякаго званія ратныхъ людей на защиту царей и царства.[11]

Воззваніе къ дворянству.

«Стрѣльцы», писала царевна именемъ обоихъ государей «тайно согласясь съ бояриномъ нашимъ, княземъ «Иваномъ Хованскимъ, измѣнили намъ при самомъ восшествіи на престолъ, оклеветали невинныхъ полковниковъ, «перебили въ нашихъ палатахъ бояръ, думныхъ и ближнихъ людей, изсѣкли трупы ихъ въ мелкіе куски, разграбили казну, соорудили себѣ похвальный столпъ и явно «возстали съ Никитою Пустосвятомъ на православную Церковь; нынѣ мыслятъ они, по совѣту съ Хованскими, на «насъ, государей, всякое зло, а бояръ и ближнихъ людей хотятъ побить до послѣдняго, чтобы завладѣть государствомъ. Для того назвали они князя Ивана своимъ «отцемъ, завели казачьи круги, учинили у себя воровскіе «ясаки, всѣмъ людямъ грозятъ копьями и разореніемъ. Хованскіе же во всемъ потакаютъ имъ и насъ не слушаютъ. «Враги иноземные радуются нашимъ неустройствамъ, и «Калмыки съ Башкирами уже наступили войною на Казанское царство; тщетно приказывали мы стрѣльцамъ «итти туда для обороны: Хованскій не отпустилъ ихъ, и «тамъ нынѣ разореніе великое. Спѣшите, всегда вѣрные «защитники престола, къ намъ на помощь: мы сами «поведемъ васъ къ Москвѣ, чтобы смирить бунтующее «войско и наказать мятежнаго подданнаго».

Цари въ селѣ Воздвиженскомъ.

Такъ, свидѣтельствомъ царей, оправдывая себя въ побіеніи Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, и припи-

10. Царская граммата, 25 октября 1682 г. въ сказаніи Медвѣдева и въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. №268.

11. Окружная граммата въ сказаніи Медвѣдева, листъ 108. Акты Археогр. Экспед. IV 268. Числа гранматы не означено.

сывая майское кровопролитіе исключительно Хованскому, 1682
Софія молчала однакожъ, какимъ образомъ досталось ей сентябрь.
въ руки кормило правленія. Тѣмъ не менѣе окружныя граммата произвели желаемое дѣйствіе. Дворяне поднялись съ своими ратными людьми, и спѣшили къ Савво-Сторожевскому монастырю. Но какъ ветхая ограда его не могла служить защитою отъ незапнаго нападенія, то немедленно, по разсылкѣ окружныхъ граммать, Софія со всѣмъ царскимъ семействомъ отправилась въ Троицко-Сергіеву Лавру, знаменитую своими твердынями. На пути, въ дворцовомъ селѣ Воздвиженскомъ, она встрѣтила первые полки дворянъ, и получила отъ князя Хованскаго письмо:[12] онъ увѣдомлялъ правительницу, что идетъ въ Москву сынъ Малороссійскаго гетмана, и спрашивалъ, какъ его принять. Царевна воспользовалась столь неожиданнымъ обстоятельствомъ, чтобы вымапить Хованскаго изъ столицы, и ласково похваливъ его за вѣрную службу, приглашала къ себѣ, для совѣщанія по дѣламъ Малороссійскимъ.

Со времени обнародованія окружныхъ граммать протекло болѣе недѣли; во всемъ государствѣ Хованскій былъ оглашенъ измѣнникомъ, цареубійцею, и нѣтъ сомнѣнія, что молва достигла и до него. При всемъ томъ, съ малочисленнымъ отрядомъ стрѣльцовъ, онъ не замедлилъ исполнить волю правительницы: ласковая ли граммата царевны разсѣяла его опасеніе, считалъ ли онъ себя невиннымъ въ взводимыхъ на него преступленіяхъ, и личнымъ присутствіемъ хотѣлъ уничтожить козни безсильныхъ враговъ, рѣшить трудно. Въ одно время съ нимъ, только другою 16 сентября.
дорогою, отправился и сынъ его, Андрей. Отъѣхавъ отъ Москвы верстъ 25, они остановились: старый князь велѣлъ раскинуть шатеръ близъ патріаршаго села Пушкина, въ сторонѣ отъ Троицкой дороги, подъ горою, за крестьянскими избами; молодой расположился не въ дальнемъ раз-

12. Сказаніе Медвѣдева, листъ 112 на обор.

стоянии, въ вотчинѣ своей, на берегу Клязьмы.[13] Софія выслала, на встрѣчу имъ, съ сильнымъ отрядомъ царедворцевъ, боярина князя Михаила Ивановича Лыкова. Осторожно развѣдавъ, какъ многочисленна свита обоихъ Хованскихъ, Лыковъ незапно окружилъ того и другаго ратными людьми, взялъ обоихъ безъ сопротивленія, и подъ крѣпкимъ карауломъ привезъ въ село Воздвиженское, па площадь, гдѣ уже готова была плаха.

Сюда вышли изъ дворца всѣ бояре, и въ присутствіи палатныхъ и воинскихъ людей, при многочисленномъ стеченіи народа, безъ всякаго розыска и суда, не спрашивая свидѣтелей, не слушая оправданій,[14] объявили обоимъ Хованскимъ смертный приговоръ.[15] «Князь Иванъ!» громогласно читалъ дьякъ «вѣдая Стрѣлецкій приказъ, ты все «дѣлалъ по своей прихоти, не докладывая государямъ: ты «роздалъ многую денежную казну кому не слѣдовало; «къ отягощенію государства и народа; ты дозволялъ стрѣль- «цамъ входить въ царскія палаты съ наглымъ невѣже- «ствомъ; ты пыталъ и мучилъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ «многихъ людей, которые суду его не подлежатъ; ты взы- «скивалъ беззаконно, жестокимъ правежемъ, съ разныхъ «лицъ огромныя суммы; ты допустилъ стрѣльцамъ безъ «всякаго права собрать съ дворцовыхъ волостей болѣе «100.000 рублей; ты предъ всѣми боярами, въ присутствіи «государей, съ великою гордостію и похвальбою высчиты- «валъ свою службу; ты многократно говаривалъ въ пала- «тѣ, что государство стоитъ только по твою кончину, а по- «слѣ тебя всѣ будутъ ходить въ крови по колѣна; ты съ ве- «ликимъ шумомъ и дерзостію оспаривалъ дѣла, вершен- «ныя по Уложенію, нагло понося и оскорбляя свою братью «бояръ, даже грозилъ имъ копьями; ты ратовалъ вмѣстѣ «съ раскольниками на св. церковь и защищалъ ихъ отъ «заслуженной казни; ты преслушалъ царскіе указы о по-

13. Матвѣевъ, стр. 187—188.
14. Матвѣевъ, стр. 189.
15. Сказаніе Медвѣдева, листы 115—116.

«сылкѣ стрѣльцовъ для обороны Казанскихъ мѣстъ, разо- 1682 сентябрь.
«ряемыхъ Калмыками и Башкирами; ты не хотѣлъ отпу-
«стить въ Коломенское село Стремянный полкъ для ангела,
«царя Іоанна Алексѣевича; ты не присутствовалъ въ Мо-
«сквѣ у дѣйства новаго лѣта, въ досаду и стыдъ патріар-
«ху; ты наговаривалъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ на дво-
«рянъ Новгородскихъ, будто они сбираются итти къ Мо-
«сквѣ, для побіенія всѣхъ безъ остатку; ты назначалъ
«въ города воеводъ самовольствомъ; ты обвинялъ предъ го-
«сударями Надворную пѣхоту въ мятежныхъ замыслахъ,
«которые и на умъ ей не приходили, а Надворной пѣхотѣ,
«выходя изъ царскихъ палатъ, говаривалъ смутныя рѣчи.
«Да на тебя же явилось въ Коломенскомъ селѣ обвинитель-
«ное письмо» (тутъ дьякъ прочиталъ извѣтное письмо отъ
начала до конца); «воровскія дѣла твои съ тѣмъ письмомъ
«*сходны*, злохитрый замыслъ твой на государское здо-
«ровье *обличился* явно, измѣна твоя несомнѣнна: государи
«повелѣли казнить тебя смертью».

Такой же приговоръ объявленъ и сыну, за многія преступленія, потомству впрочемъ неизвѣстныя. Тщетно обвиняемые старались оправдать себя, и требовали суда законнаго, обѣщая открыть истинныхъ виновниковъ перваго стрѣлецкаго бунта: ихъ не слушали; и стремянный стрѣлецъ, исправлявшій должность палача, за недостаткомъ заплечнаго мастера, отсѣкъ имъ головы, сперва отцу, потомъ сыну.[16] Казнь совершилась 17 сентября, въ день ангела царевны Софіи, и безъ сомнѣнія не къ славѣ ея имени.

Если бы даже не свидѣтельствовалъ современникъ, вовсе не расположенный къ Хованскимъ, что подметное письмо, служившее главнымъ основаніемъ смертнаго приговора, было безсовѣстною выдумкою Милославскаго: и въ такомъ случаѣ изъ самаго приговора очевидно, что все преступленіе Хованскихъ состояло въ надменномъ властолюбіи, оскорбительномъ для завистливыхъ бояръ, въ потворствѣ

16. Матвѣевъ, стр. 190, и Медвѣдевъ.

1682. сентябрь. стрѣльцамъ, и въ тайной привязанности къ расколу: заточеніе въ монастырь было бы справедливымъ для нихъ наказаніемъ; но цареубійцами они быть не думали. Лучшимъ оправданіемъ для нихъ служитъ возвышеніе въ послѣдствіи старшаго сына князя Ивана Андреевича, Петра: пораженный опалою вмѣстѣ съ отцемъ и братомъ, лишенный боярскаго сана, сосланный въ заточеніе, онъ, по низверженіи Софіи, вызванъ изъ ссылки и въ короткое время достигъ сана Астраханскаго намѣстника. Трудно повѣрить, чтобы злодѣйскій замыселъ отца и брата такъ скоро изгладился изъ памяти Царя, не щадившаго истинныхъ мятежниковъ въ самой могилѣ: не тѣла Хованскихъ, а трупъ Милославскаго онъ предалъ поруганію народному.

Бунтъ стрѣльцовъ въ Москвѣ. Въ толпѣ царедворцевъ, присутствовавшихъ при казни, находился младшій сынъ князя Ивана Андреевича, именемъ также Иванъ, комнатный стольникъ Царя Петра:[17] при видѣ обезглавленныхъ труповъ отца и брата, онъ закипѣлъ мщеніемъ, ночью ускакалъ въ Москву и возвѣстилъ стрѣльцамъ, что общаго отца их не стало. «Убили его бояре, безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго» говорилъ Хованскій.[18] «Переведутъ они и васъ» кричалъ въ полку Лопухина сынъ окольничаго Павла Языкова, Григорій, въ одно время съ Хованскимъ ушедшій изъ села Воздвиженскаго. «Одоевскіе и Голицыны хотятъ вырубить Надворную пѣхоту. Дорогою я видѣлъ несмѣтное множество вооруженныхъ людей: со всѣхъ сторонъ идутъ они къ Москвѣ боемъ, чтобы перебить въ слободахъ до послѣдняго младенца, а дворы пожечь». [19]

Первою мыслію стрѣльцовъ было *засѣсть* Москву для своей защиты: въ самую полночь они ударили въ набатъ по всѣмъ слободамъ, схватили ружья, копья, разставили при всѣхъ воротахъ крѣпкіе караулы, заняли Кремль,

17. Матвѣевъ, стр. 190.
18. Показаніе стрѣльцовъ, въ челобитной 1-го октабря. Медвѣдевъ, листъ 135.
19. Показаніе стрѣльцовъ, въ челобитной 1-го октабря.

разобрали съ пушечнаго двора по полкамъ орудія, порохъ, свинецъ, и приготовились къ отпору, ежеминутно ожидая незапнаго нападенія. Смѣлѣйшіе хотѣли сами немедленно выступить противъ бояръ, думали возмутить все государство, и, пришедши въ Крестовую палату, требовали отъ патріарха грамматъ въ Украинскіе города, чтобы служилые люди спѣшили къ нимъ на помощь.[20] 1682. сентябрь.

Патріархъ, еще ничего не зная, умолялъ ихъ слезно не смущаться прелестными словами, ожидать царскаго указа, и въ походъ къ государямъ самовольно не ходить, чтобъ не навлечь на себя гнѣва и жестокаго наказанія. «Вѣдай», говорили ему стрѣльцы «если ты съ боярами мыслишь за одно, убьемъ и тебя. Никого не пощадимъ». Патріархъ ежеминутно ожидалъ смерти; но не терялъ присутствія духа, и частію слезами, частію убѣжденіями, обуздывалъ неистовство стрѣльцовъ, которые всю ночь толпились въ Крестовой палатѣ, не зная что дѣлать; одни кричали: «пойдемъ на бояръ»; другіе говорили: «пождемъ еще».[21] Москва, встревоженная набатомъ и яростными криками, въ страхѣ и недоумѣніи ожидала разсвѣта.

Рано утромъ прискакалъ изъ села Воздвиженскаго стольникъ Петръ Зиновьевъ, съ царскою грамматою къ первосвятителю.[22] Стрѣльцы схватили посланнаго на первой заставѣ и, подъ крѣпкимъ карауломъ, привели въ Крестовую палату, требуя, чтобы патріархъ прочиталъ привезенную имъ граммату во всеуслышаніе.[23] Желаніе ихъ было исполнено. Государи, извѣстивъ первосвятителя о казни Хованскихъ за преслушаніе царскихъ указовъ, за оговоръ Надворной пѣхоты, за возмутительныя рѣчи, въ особенности за умыселъ на царскій домъ и державу, обнаруженный коломенскимъ извѣтомъ, съ котораго приложенъ былъ списокъ, повелѣвали объявить о томъ архіе- 18 сентября.

20. Сказаніе Медвѣдева, листъ 118.
21. Сказаніе Медвѣдева, листъ 119.
22. Сказаніе Медвѣдева, листъ 118, на обор.
23. Царская граммата отъ 17 сентября въ Иконѣ патріарха Іоакима. См. Истор. Акты, V. № 94.

1682 сентябрь.реямъ и всему духовному чину. Граммату такого же содержанія прислали цари съ стольникомъ Григорьемъ Бахметевымъ и въ полки Надворной пѣхоты,[24] убѣждая ихъ служить по своему обѣщанію, и никакимъ прелестнымъ словамъ или лукавымъ письмамъ не вѣрить; опалы же и царскаго гнѣва на себя не опасаться.

Царскія грамматы не успокоили стрѣльцовъ. Съ часу на часъ ожидали они прихода боярскихъ людей, укрѣпляли земляной городъ, устроивали на улицахъ надолбы, выводили свои семейства изъ слободъ въ Китай и Кремль, брали подъ караулъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Москву, съ утра до глубокой ночи толпились на улицахъ, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, и все еще порывались итти на бояръ; съ трудомъ люди благоразумные удерживали неистовыя толпы.[25] Не видя наконецъ, въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, ни малѣйшихъ признаковъ нападенія, они нѣсколько одумались, и на другой день объявивъ патріарху, что умысла у нихъ никакого нѣтъ, что служить они готовы по прежнему, но что ихъ смущаетъ, за чѣмъ цари-государи покинули Москву, просили о скорѣйшемъ возвращеніи ихъ въ столицу. «Не для чего вамъ смущаться», отвѣчалъ патріархъ, «цари-государи Москвы не покинули: сами вы знаете, что издревле есть обычай въ сіе время творить шествіе въ Троицкую лавру, къ памяти преподобнаго отца Сергія».[26] Впрочемъ согласился довести до царскаго свѣдѣнія о желаніи Надворной пѣхоты, и послалъ
19 сентября. въ Троицкую обитель архимандрита Чудова монастыря, Адріана (будущаго преемника своего), съ стольникомъ Зиновьевымъ,[27] наказавъ тайно тому и другому донести правительницѣ, чтобы она береглась стрѣльцовъ, все еще помышлявшихъ о походѣ, для избіенія бояръ.[28]

24. Отъ 18 сентября, см. граммату къ патріарху 20 сентября въ Истор. Акт. V, № 95.
25. Медвѣдевъ, листъ 118 на обор.
26. Медвѣдевъ, листъ 118 на обор.
27. Царская граммата въ Истор. Актахъ. V, № 93.
28. Медвѣдевъ, листъ 119.

1682 сентябрь.

Удаленіе двора въ Троицкую Лавру.

Софія предвидѣла, какое дѣйствіе въ стрѣлецкихъ слободахъ произведетъ казнь Хованскихъ, и взяла свои мѣры: на другой день, со всѣмъ царскимъ семействомъ и дворомъ, она поспѣшно удалилась изъ села Воздвиженскаго въ Троицкую Лавру, которая немедленно приняла видъ крѣпости, ежеминутно ожидавшей непріятельскаго прихода: съ раскатовъ выглянули заряженныя пушки, по стѣнамъ расположились вооруженные царедворцы и дворяне, крѣпкіе караулы заняли монастырскія ворота, сторожевые отряды разсыпались по оврагамъ, для наблюденія за Московскою дорогою. Оборону Лавры и всѣ распоряженія воинскія Софія ввѣрила ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну, давъ ему званіе двороваго воеводы, и назначивъ товарищами: боярина князя Михаила Ивановича Лыкова, думнаго дворянина Алексѣя Ивановича Ржевскаго и думнаго генерала Аггея Алексѣевича Шепелева.[29]

Ополченіе Россіи на стрѣльцовъ.

Между тѣмъ, еще до выѣзда изъ села Воздвиженскаго, царевна разослала во многіе города знатныхъ сановниковъ и царедворцевъ побуждать ратныхъ людей къ скорѣйшему походу, безъ всякихъ отговорокъ, въ полномъ вооруженіи, въ Троицкій монастырь, для великаго, нужнаго, царскаго дѣла.[30] Бояринъ князь Петръ Семеновичъ Урусовъ отправленъ во Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Лухъ и Шую; бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ въ Коломну, Каширу, Тулу, Кропивну и Солову; окольничій Матвѣй Петровичъ Измайловъ въ Переяславль - Рязанскій и въ Рязанскіе пригороды; казначей Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ въ Романовъ, Пошехонье, Кострому и Угличъ; думный дворянинъ Іовъ Демидовичъ Голохвастовъ въ Переяславль - Залѣсскій, Ростовъ и Ярославль. Тогда же послана царская граммата въ Новонѣмецкую слободу, съ повелѣніемъ всѣмъ полковникамъ и начальнымъ людямъ немедленно быть къ госуда-

29. Сказаніе Медвѣдева, листъ 119.
30. Сказаніе Медвѣдева, листы 120 и 121.

рямъ. Изъ Троицкаго монастыря отправлены съ тѣмъ же указомъ новые высыльщики: стольникъ князь Перфилій Ивановичъ Шаховской въ Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ и Бѣжецкой Верхъ; стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Волконскій въ Клинъ, Тверь, Торжокъ и Старицу; стольникъ Дмитрій Артемьевичъ Камынинъ въ Звенигородъ, Борисовъ, Можайскъ, Рузу, Верею и Волокъ-Ламскій; стольникъ Иванъ Богдановичъ Яковлевъ въ Боровскъ, Малоярославецъ, Калугу, Воротынскъ и Перемышль; стольникъ Михаилъ Денисьевичъ Тургеневъ въ Серпуховъ, Алексинъ и Одоевъ.

Охраняемая твердынями Лавры и вѣрностію дворянства, уже въ значительномъ числѣ собравшагося на защиту государей, Софія смѣло заговорила съ стрѣльцами, и въ отвѣтъ на дерзкое требованіе о немедленномъ возвращеніи царей въ Москву, какъ доносилъ архимандритъ Адріанъ, послала къ нимъ, съ думнымъ дворяниномъ Лукьяномъ Голосовымъ, строгое повелѣніе,[31] чтобы они «отъ смятенія «перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не произ«водили, за казнь Хованскихъ не вступались, потому что «измѣна ихъ обнаружена розыскомъ и подлиннымъ свидѣ«тельствомъ; судъ же о милости и казни врученъ отъ Бога «царямъ-государямъ; а стрѣльцамъ не только говорить, и «мыслить о томъ не довелось». Между тѣмъ правительница велѣла патріарху призвать къ себѣ стрѣльцовъ и объявить имъ, что за смятеніе, по наговору молодаго Хованскаго, царскаго гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ и не будетъ, только бы принесли они повинную, съ обязательствомъ служить неизмѣнно, и для того прислали бы въ Троицкій монастырь по 20 человѣкъ лучшей братіи своей отъ каждаго полка. То же объявилъ имъ и бояринъ Михаилъ Петровичъ Головинъ, присланный изъ похода, для начальства въ Москвѣ и для содѣйствія патріарху.[32]

31. Царская граммата отъ 20 сентября въ Историч. Актахъ. V, № 93.
32. Сказаніе Медвѣдева, листъ 122 на обор.

Нѣсколько дней стрѣльцы колебались исполнить волю правительницы, не столько уже по упорству въ зломысліи, сколько изъ опасенія потерять лучшихъ товарищей своихъ, призываемыхъ, какъ имъ казалось, на казнь неминуемую. По свидѣтельству очевидца,[33] въ слободахъ господствовалъ всеобщій ужасъ; стрѣльцы плакали какъ дѣти, слыша о многочисленномъ собраніи людей ратныхъ. Въ Москвѣ уже никто не боялся ихъ и многіе говорили имъ въ глаза: «куда вамъ, мужикамъ, владѣть разумными людьми и указывать великимъ государямъ!» Стрѣльцы день и ночь толпились въ Крестовой палатѣ, умоляя патріарха о заступленіи; успокоенные наконецъ его словами, рѣшились отправить въ Троицкій монастырь выборныхъ съ повинною, но не иначе, какъ въ сопровожденіи знатнаго архіерея, для защиты отъ боярскихъ людей. Патріархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита Иларіона.[34]

1682. сентябрь. Малодушіе стрѣльцовъ.

24 сентября

Выборные отправились въ великомъ страхѣ; приближаясь къ Мытищамъ, они вообразили, что тамъ ждетъ ихъ бояринъ Шеинъ съ войскомъ для поимки и казни, и едва не бѣжали назадъ въ Москву; съ тѣмъ же напраснымъ опасеніемъ подходили къ селу Пушкину; а въ виду Воздвиженскаго, такъ перепугались, что нѣкоторые дѣйствительно ушли въ Москву, разгласивъ, что товарищи ихъ переказнены, чѣмъ только увеличили всеобщій ужасъ въ слободахъ.[35] Въ самомъ дѣлѣ село Воздвиженское было наполнено людьми ратными; но никто не трогалъ полумертвыхъ отъ страха стрѣльцовъ, и вскорѣ присланъ къ нимъ отъ государей стольникъ Нармацкій, съ милостивымъ словомъ и обѣщаніемъ совершенной безопасности.[36]

Стрѣлецкіе выборные въ Лаврѣ.

25 сентября.

Рано утромъ 27 сентября выборные вступили въ Троицкую Лавру. Царевна приняла ихъ, одна, безъ царей, окруженная боярами, и частію съ гнѣвомъ, частію съ огорче-

27 сентября.

33. Медвѣдевъ: «Все убо сіе видѣся въ очію нашею». Листъ 122.
34. Посланіе патріарха отъ 23 сент. въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 260.
35. Сказаніе Медвѣдева, листъ 125.
36. Сказаніе Медвѣдева, листъ 126 на обор.

ніемъ сказала:[37] «Люди Божіи! какъ не боялись вы Бога, поднимая руку на благочестивыхъ государей, на ихъ царскій домъ и синклитъ? Развѣ забыли вы свое крестное цѣлованіе? Не помните и милостей дѣда, отца и братьевъ нашихъ? Для чего возмутились вы? Для чего безъ указа разобрали вы изъ казны порохъ, свинецъ, вывезли пушки, завели злосовѣтные круги, ходите по Москвѣ съ ружьями и копьями? Видите, къ чему привело своевольное неистовство: смотрите, сколько изъ дальнихъ странъ собралось воинства нашего, для наказанія вашего злодѣйства и для защиты нашей державы! Вы недостойны зрѣть лица царскаго величества! Вы именуетесь слугами нашими: а гдѣ ваша служба и покорность?»

Стрѣльцы пали ницъ, во всемъ винились, молили объ одной пощадѣ, и подали письменную сказку,[38] въ которой изъясняли, что, по примѣру отцевъ и дѣдовъ, служатъ они безъизмѣнно; на царей и бояръ умысла у нихъ нѣтъ; а кто станетъ говорить на государей или ближнихъ людей зломысленныя слова, тѣхъ будутъ приводить въ съѣзжія избы и держать до указу; побранныя пушки, порохъ и свинецъ у нихъ въ цѣлости; а которые полки назначены въ Кіевъ, тѣ на службу готовы. Царевна, похваливъ ихъ за раскаяніе, приказала имъ возвратиться въ Москву и объявить своей братіи, что милосердые цари готовы даровать пощаду, но только въ такомъ случаѣ, когда водворится въ Москвѣ совершенное спокойствіе, прекратятся безчинства и затѣйныя слова, умолкнетъ пальба на улицахъ, возвращены будутъ пушки со всѣми снарядами на казенный дворъ, и всѣ полки Надворной пѣхоты представятъ повинную челобитную за общею подписью. «Если же сего не исполните», заключила царевна «великіе государи пойдутъ на васъ съ безчисленнымъ воинствомъ, и тогда горе вамъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Софія уже ополчила почти всю Россію,

37 Сказаніе Медвѣдева, листъ 128 на обор.
38. Сказаніе Медвѣдева, листъ 129 на обор. Акты Археогр. Экспедиціи. IV. № 261.

1682 сентябрь

и взволнованныя массы, распредѣливъ на полки подъ начальствомъ воеводъ испытанной преданности, расположила на главныхъ путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ столицы, верстахъ въ 30 и въ 50, такъ, что все Русское дворянство многочисленными дружинами своими въ одно время съ четырехъ сторонъ могло ударить на бунтующихъ злодѣевъ:[39] бояринъ и воевода князь Андрей Ивановичъ Голицынъ съ полкомъ Сѣверскимъ[40] сталъ на Тверской дорогѣ, въ селѣ Черкизовѣ; бояринъ и воевода князь Петръ Семеновичъ Урусовъ съ полкомъ Владимірскимъ[41] на Владимірской дорогѣ, въ Рогожѣ; бояринъ и воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ съ Рязанскимъ полкомъ на Коломенской дорогѣ, у Боровскаго перевоза; бояринъ и воевода Иванъ Ѳедоровичъ Волынскій съ Заоцкимъ полкомъ[42] на Можайской дорогѣ, въ Вязьмѣ.

Стрѣлецкія челобитныя. 30 сентября.

Выборные возвратились въ Москву наканунѣ Покрова пресвятой Богородицы и произвели во всѣхъ слободахъ неописанную радость; полки немедленно принялись писать челобитныя въ такомъ смыслѣ, какъ требовала царевна, и всѣ стрѣльцы безпрекословно прикладывали къ нимъ руки; за безграмотныхъ подписывались духовные отцы. Въ праздникъ Покрова Богородицы, патріархъ, отслуживъ литургію, созвалъ стрѣльцовъ въ Крестовую палату, и прочиталъ имъ царскую граммату, въ которой царевна писала то же самое, что говорила выборнымъ. Стрѣльцы благодарили его за ходатайство и представили заготовленныя челобитныя, съ убѣдительною просьбою отпустить съ посылаемыми въ Троицкій монастырь кого либо изъ властей, для заступленія предъ государями. Патріархъ далъ имъ архимандрита Адріана.[43]

3 октября.

39. Сказаніе Медвѣдева, листъ 127.

40. Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ, Верхъ Бѣжецкій, Клинъ, Тверь, Торжокъ, Старица.

41. Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ, Лухъ, Шуя.

42. Звенигородъ, Борисовъ, Можайскъ, Руза, Верея, Волокъ-Ламскій, Боровскъ, Малоярославецъ, Калуга, Воротынскъ, Перемышль, Мядынь, Лихвинъ, Мещовскъ, Масальскъ, Серпейскъ, Козельскъ.

43. Граммата патріарха отъ 2-го октября. Стрѣлецкая челобитная въ Актахъ Археогр. Эксп. IV. № 264.

1682 октябрь.

Царевна приняла челобитчиковъ ласково, разумными рѣчами довела до слезъ [44] и, обнадеживъ царскою милостію, велѣла прочитать имъ статьи, на основаніи которыхъ даруется прощеніе.[45] Она требовала: 1) смятенія впредь не затѣвать, круговъ и ясаковъ не заводить, къ раскольникамъ не приставать; 2) о злыхъ умыслахъ, о непристойныхъ или смутныхъ словахъ, о прелестныхъ письмахъ, немедленно доносить въ приказъ Надворной пѣхоты; 3) къ боярамъ, думнымъ людямъ, воеводамъ и полковникамъ съ шумомъ и наглостію не приходить, ни къ кому не приметываться, никого не клепать и въ чужія дѣла не мѣшаться; 4) за караулъ никого безъ указа самовольствомъ не брать, и быть у своихъ полковниковъ въ послушаніи и подобострастіи, безъ всякаго прекословія; 5) пушки и всякіе снаряды, самовольствомъ взятые съ казеннаго двора, возвратить въ цѣлости; 6) на царскую службу, куда будетъ приказано, итти немедленно; 7) чужихъ дворовъ не отнимать, и въ пѣхотный строй, для свободы, никого не подговаривать; 8) безъ именнаго царскаго указа никого въ стрѣльцы не приверстовать; всѣхъ боярскихъ и гулящихъ людей, написанныхъ въ смутное время въ полки, выкинуть изъ строя и возвратить помѣщикамъ; 9) за казнь Хованскихъ не вступаться, ни подъ какимъ видомъ; 10) служить государямъ вѣрно, безъ измѣны и безъ шатости, съ покорностію и чистымъ намѣреніемъ; 11) если же кто прежнія дѣла станетъ хвалить, или затѣвать новую смуту, также, кто слыша о какихъ либо мятежныхъ замыслахъ, не донесетъ, тѣхъ казнить смертію безъ всякаго милосердія.

Прощеніе стрѣльцовъ. 5 октября.

Челобитчики на все согласились безпрекословно. Царевна сообщила статьи патріарху и велѣла, на основаніи ихъ, объявить всѣмъ полкамъ Надворной пѣхоты царское прощеніе, съ приличнымъ торжествомъ.[46] Патріархъ созвалъ

44. Сказаніе Медвѣдева, листъ 137.
45. Указныя статьи у Медвѣдева листъ 143 и въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 266.
46. Грамата патріарху 5 октября въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 266.

стрѣльцовъ въ Успенскій соборъ и, по окончаніи литургіи, ставъ на амвонѣ, предъ святымъ евангеліемъ, близъ коего лежала нетлѣнная рука апостола Андрея Первозваннаго, сказалъ назидательное слово о мирѣ и любви; потомъ прочиталъ царскую милостивую граммату и присланныя вмѣстѣ съ нею указныя статьи. Стрѣльцы выслушали ихъ безъ всякаго ропота, и единогласно изъявили безусловную покорность царской волѣ. Послѣ того архипастырь роздалъ по полкамъ отдѣльно указныя статьи, съ краткимъ наставленіемъ: каждый полкъ подходилъ къ налою, принималъ статьи, клялся въ исполненіи ихъ надъ св. евангеліемъ, и приложившись къ рукѣ первозваннаго благовѣстителя, удалялся въ слободы. Тамъ стрѣльцы еще разъ перечитали врученныя имъ статьи, на съѣзжихъ избахъ, и остались ими довольны. На другой день выборные отъ всѣхъ полковъ приходили благодарить патріарха за милостивое ходатайство предъ государями, и снова повторили обѣщаніе служить вѣрно безъ всякой шатости.[47] Молодой Хованскій былъ выданъ ими боярину Головину, который отправилъ его въ Лавру; тамъ на площади предъ монастыремъ сказана ему смертная казнь за возмущеніе Надворной пѣхоты; но казненъ онъ не былъ: его сняли съ плахи и сослали.[48]

1682 8 октября.

Москва успокоилась; въ слободахъ водворилась тишина. София не вполнѣ однакожъ довѣряла стрѣльцамъ, медлила возвращеніемъ въ столицу, и созванное ею городовое дворянство оставалось въ ратномъ ополченіи, на указныхъ мѣстахъ, до глубокой осени. Царевнѣ сверхъ того не хотѣлось, кажется, видѣть позорный столпъ на Красной площади, сооруженный, къ стыду ея, въ память майскаго кровопролитія. Слѣдуя безъ сомнѣнія тайному внушенію ея, и въ доказательство чистосердечнаго раскаянія, всѣ полки стрѣлецкіе били челомъ,[49] о дозволеніи разломать непри- 23 октября.

Возвращеніе государей въ Москву.

47. Посланіе патріарха 10 октября въ Истор. Актахъ. V. № 97.
48. Родословная книга. Москва. 1787. I, 35.
49. Челобитная стрѣльцовъ въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 270.

1682 ноябрь. личный столбъ; чтобы не было «отъ другихъ государствъ царствующему граду Москвѣ зазорно.» 2-го ноября стрѣльцы Ермолаева полка явились на Красную площадь, сорвали и предали огню жестяные листы, на которыхъ написаны были мнимыя преступленія несчастныхъ жертвъ Софіина властолюбія, а столпъ разломали до основанія, 6 ноября. разметавъ самый бутъ.[50] Чрезъ четыре дня послѣ того, царское семейство вступило въ Москву, окруженное всѣмъ дворомъ и многочисленнымъ дворянствомъ, избраннымъ правительницею для охраненія царскаго двора.[51] Вооруженное съ головы до ногъ, оно заняло всѣ караулы при Кремлевскихъ палатахъ.[52]

Новыя грамматы стрѣльцамъ. Требуя уничтоженія позорнаго столба, стрѣльцы отдавали на волю государей и жалованныя грамматы свои, въ которыхъ безчеловѣчное кровопролитіе названо было дѣломъ богоугоднымъ, *побіеніемъ за домъ пресвятыя Богородицы*. Софія спѣшила замѣнить ихъ новыми,[53] давъ иной видъ печальнымъ событіямъ. Не хваля, ни порицая первыхъ стрѣлецкихъ жалобъ и притязаній, изъясненныхъ въ челобитной царю Θеодору Алексѣевичу, на самоуправство и лихоимство полковниковъ, Софія съ огорченіемъ отзывалась о майскомъ кровопролитіи, и приписывала его исключительно злохитросному умышленію князя Ивана Хованскаго и сообщника его, раскольника Алексѣя Юдина. Такимъ образомъ, оправдывая и себя, и Надворную пѣхоту, она именемъ государей строго запретила называть стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками; впрочемъ особенныхъ милостей и льготъ имъ не оказала; повелѣла только производить годовые оклады сполна, безъ вычета на оковку пушечныхъ станковъ и колесъ; прибавила къ подъемныхъ деньгамъ, въ случаѣ дальнихъ походовъ, по рублю на человѣка, и подтвердила прежній указъ, воспрещавшій полковникамъ

50. Сказаніе Медвѣдева, листъ 152.
51. Сказаніе Медвѣдева, листъ 153.
52. См. Примѣчаніе 64.
53. Граммата стрѣльцамъ въ Акт. Арх. Эксп. IV. № 274.

обременять стрѣльцовъ работами. Самое названіе Надворной пѣхоты вслѣдъ за тѣмъ уничтожено.[54] 1682 ноябрь.

Управленіе Стрѣлецкимъ приказомъ царевна сначала поручила окольничему Змѣеву;[55] но чрезъ мѣсяцъ ввѣрила столь важный постъ человѣку болѣе твердому и рѣшительному, преданности уже испытанной, думному дьяку Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому,[56] и не ошиблась въ выборѣ. Шакловитый. 10 декабря.

Мятежный духъ, которымъ сама она заразила вѣрное дотолѣ войско, не разъ обнаруживался въ слободахъ и не давалъ ей покоя: такъ въ день Рождества Христова, нѣсколько стрѣльцовъ, изъ полка Павла Бохина, съ шумомъ пришли въ приказъ и нагло требовали перевода двухъ своихъ пятисотенныхъ; въ слѣдующій день весь полкъ возмутился, ставъ грудью за явнаго бунтовщика, Ивана Жаренаго. «Хотя всѣхъ насъ переказнятъ», кричали стрѣльцы «а Ивашки не отдадимъ».[57] Шакловитый умѣлъ подавить мятежъ въ самомъ началѣ, казнію пятерыхъ главныхъ зачинщиковъ,[58] и представилъ правительницѣ необходимость болѣе рѣшительныхъ мѣръ къ водворенію тишины: онъ совѣтовалъ перебрать всѣ полки, удалить изъ нихъ людей крамольныхъ и оставить въ Москвѣ только тѣхъ, на которыхъ можно положиться.[59]

Софія утвердила всѣ предложенныя имъ мѣры, исподоволь перевела стрѣльцовъ сомнительной вѣрности въ украинные города, замѣнила ихъ болѣе надежными, и окруженная преданнымъ войскомъ, подъ начальствомъ стража неусыпнаго, готоваго исполнять всѣ ея велѣнія, принялась за государственныя дѣла, отъ которыхъ доселѣ отвлекалъ ее непрерывный мятежъ.

54 Указъ 17 декабря 1682 г. въ Полном. Собр. Зак. II. № 975.
55. Сказаніе Медвѣдева, листъ 159 на обор.
56. Сказаніе Медвѣдева, листъ 165 на обор.
57. Царскій указъ въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 273.
58. Сказаніе Медвѣдева, листъ 166.
59. Докладная выписка 25 дек. 192 г. въ Сказан. Медвѣдева, листъ 171.

ГЛАВА V.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ МИРА СЪ ШВЕЦІЕЮ.

ОБЩЕЕ МНѢНІЕ О ЦАРЕВНѢ СОФІИ.—ДѢЛА ВНУТРЕННІЯ.—ПОЛИТИКА ВНѢШНЯЯ.—СОСѢДИ РОССІИ: ШВЕЦІЯ, ПОЛЬША, КРЫМЪ, ГРУЗІЯ, КАЛМЫКИ, БАШКИРЫ, КИТАЙ.—ПОСОЛЬСТВА ВЪ ШВЕЦІЮ И ПОЛЬШУ.—ПОДТВЕРЖДЕНІЕ КАРДИСКАГО ДОГОВОРА.—АУДІЕНЦІЯ ПОСЛОВЪ У ЦАРЕВНЫ.

1684.

ніе Со-

Въ понятіяхъ современниковъ, царевна Софія обладала необыкновеннымъ искусствомъ въ управленіи государствомъ: украшенная, по словамъ ея приверженцевъ, семью дарами духа, семью добродѣтелями: мудростью, цѣломудріемъ, правдолюбіемъ, благочестіемъ, щедростью, великодушіемъ и чуднымъ даромъ слова, она не уступала ни Семирамидѣ Вавилонской, ни Елисаветѣ Британской, ни Пульхеріи Греческой дѣлами славы, гремѣвшими во всѣ концы вселенной.[1] Не столь пышно изображаютъ ее историки позднѣйшіе; но почти всѣ единогласно повторяютъ мысль Карамзина, что «по уму и свойствамъ души своей, она достойна «была назваться сестрою Петра Великаго, и только без«предѣльное властолюбіе наложило на историка печальный «долгъ быть ея обвинителемъ».[2] Въ такомъ же смыслѣ отзываются современники и потомки о великомъ государственномъ умѣ перваго министра и наперсника царевны, друга сердца ея,[3] князя Василія Васильевича Голицына.

1. Отголоскомъ современниковъ былъ Медвѣдевъ во многихъ мѣстахъ его созерцанія. Семь добродѣтелей царевны онъ исчислилъ въ надписи къ современному ея портрету.
2. Сочиненія Карамзина, изд. Смирдинымъ, т. I. стран. 570.
3. См. письма царевны князю Голицыну, въ Приложеніяхъ, N° X.

Знаменитый родомъ, умный, образованный, искусный 1682.
въ дѣлахъ дипломатическихъ, привѣтливый къ иноземцамъ, онъ, по общему мнѣнію, возвысилъ достоинство Россіи въ глазахъ всей Европы, и рѣшительно утвердилъ перевѣсъ ея надъ Польшею.[4]

Дѣла и событія того времени далеко не соотвѣтствуютъ столь высокому понятію о талантахъ Софіи и ея совѣтниковъ въ искусствѣ государственнаго управленія. Въ актахъ, изданныхъ въ семилѣтнее господство ея, мы не находимъ ничего замѣчательнаго ни для общественнаго благоустройства, ни для развитія промышленныхъ силъ народа, или для его образованія, въ родѣ тѣхъ узаконеній, которыми ознаменовано царствованіе Алексѣя Михайловича и Өеодора Алексѣевича, не говоря уже о томъ, что въ нихъ нѣтъ и тѣни дальновидной мудрости Петровой. Законодательство царевны Софіи ограничивалось почти исключительно мѣрами къ искорененію разныхъ безпорядковъ, порожденныхъ въ Россіи цѣлымъ рядомъ смутъ, слѣдствіемъ ея властолюбія; таковы, напримѣръ, распоряженія о возобновленіи крѣпостныхъ актовъ, истребленныхъ въ майскій мятежъ въ Холопьемъ приказѣ;[5] объ исключеніи изъ стрѣлецкаго войска бѣглыхъ помѣщичьихъ людей, самовольно приверстанныхъ стрѣльцами въ ихъ сословіе;[6] о возвращеніи законнымъ владѣльцамъ холопей, взявшихъ отпускныя въ смутное время, *за страхованіемъ*, т. е. насиліемъ и угрозами;[7] о повсемѣстномъ сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, воспользовавшихся неустройствами;[8] о строжайшемъ воспрещеніи разсѣявать толки и похвальныя слова про бывшее смутное время;[9] о разборѣ и разсылкѣ стрѣльцовъ, опасныхъ мятежнымъ духомъ, въ дальніе города;[10] о возобновленіи писцовыхъ книгъ и всеобщемъ об-

4. См. Примѣчаніе 63.
5. Указъ 17 ноября 1682 г. въ Полн. Собр. Закон. II. № 965.
6. Указъ 8 февраля 1683 г. тамъ же, № 991.
7. Указъ 13 февраля 1683 г. тамъ же, № 992.
8. Сыщиковъ наказъ 2 марта 1683 г. тамъ же, № 998.
9. Указъ 21 мая 1683 г. тамъ же, № 1014.
10. Докладъ 30 декабря 1683 г. въ Актахъ Археогр. Экспед. IV. № 280.

1682. межеванiи государства по правиламъ, установленнымъ еще при царѣ Михаилѣ.[11]

Были и другiя распоряженiя, клонившiяся къ возстановленiю порядка, ниспровергнутаго мятежами, къ обезпеченiю безопасности личной и права собственности. Не всѣ однакожъ достигали они желаемой цѣли: многiя изъ такъ называемыхъ Новоуказныхъ статей признаны въ послѣдствiи несообразными съ Уложенiемъ и отмѣнены; а принятыя царевною мѣры къ искорененiю главнаго зла, раскола, только содѣйствовали къ его усиленiю. Послѣ мятежа Никиты Пустосвята, повелѣно было: раскольниковъ отыскивать во всемъ государствѣ, и, по мѣрѣ вины, однихъ предавать суду духовному, другихъ суду градскому, какъ преступниковъ государственныхъ.[12] Года черезъ два послѣ того состоялись и указныя статьи о расправѣ съ ними:[13] упорствующихъ въ заблужденiи предписано пытать жестокими муками, чтобы вывѣдать ихъ учителей, и, если не отстанутъ отъ раскола, жечь въ срубахъ, а пепелъ развѣять; жечь въ срубахъ велѣно и тѣхъ, которые перекрещиваютъ младенцевъ или людей взрослыхъ, именуя первое крещенiе неправымъ; наказанiе кнутомъ и ссылкою угрожало всякому, кто укрывалъ раскольниковъ, или, зная объ нихъ, не доносилъ. Такимъ образомъ воздвигнуто было гоненiе повсемѣстное. Оно принесло горькiе плоды: изувѣры ожесточились болѣе прежняго; многочисленными вооруженными толпами нападали на монастыри, цѣлые мѣсяцы отбивались отъ царскихъ войскъ; наконецъ, доведенные до крайности, гибли въ пламени зажженныхъ ими церквей.[14] Грустно читать подобныя событiя, и тѣмъ виновнѣе кажутся тогдашнiе законодатели, что, безъ всякаго милосердiя преслѣдуя несчастныя заблужденiя ума и совѣсти, сами они платили дань нелѣпымъ предразсудкамъ: главный изъ

11. Писцовый наказъ въ апрѣлѣ 1684 г. въ Полн. Собр. Зак. II. № 1074.
12. Царская граммата 14 ноября 1682 г. въ Историч. Актахъ. V. № 100.
13. Отъ 7 апрѣля 1685, въ Актахъ Археограф. Экспед. IV. № 284.
14. Дѣло о завладѣнiи поморскими раскольниками Палеостровскимъ монастыремъ. 1687—1689 г. въ Истор. Акт. V. № 151.

нихъ, первый совѣтникъ и наперсникъ царевны, князь Голицынъ, вѣрилъ въ волшебство и чародѣйство, и безумецъ Бунаковъ, вздумавшій собирать землю тамъ, гдѣ ступалъ князь, преданъ былъ истязаніямъ пытки за то, что онъ *вынималъ княжой слѣдъ*.[15] 1682.

Не блистательнѣе была и внѣшняя политика.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ оставилъ Россію своимъ преемникамъ въ мирѣ со всѣми сосѣдами, но далеко не въ дружбѣ, при старыхъ неудовольствіяхъ, при взаимныхъ притязаніяхъ, равно упорныхъ и непріязненныхъ. Сосѣды Россіи.

На сѣверѣ мы были въ разладѣ съ гордою, неуступчивою Швеціею, лѣтъ за 60 предъ тѣмъ ограбившею насъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Издревле, съ незапамятныхъ временъ, Русскія владѣнія прилегали къ Финскому заливу, огибая его отъ устья Наровы до устья Сестры, и страна, орошаемая Воксою, Невою, Ижорою, Тоспою, Лугою, искони была Русскою, одною изъ пятинъ Великаго Новгорода, столь часто упоминаемою въ актахъ и лѣтописяхъ, подъ именемъ пятины Водской и земли Ижорской. Въ ней находились старинные Русскіе города: Корела, Орѣшекъ, Ладога, Копорье, Ямы и построенный Іоанномъ III Ивангородъ.[16] Орѣховскій трактатъ, въ началѣ XIV столѣтія, разграничилъ ее съ Шведскими владѣніями въ Финляндіи, установивъ порубежною чертою рѣки Сестру и Воксу. Швеція.

Съ тѣхъ поръ, не взирая на многократныя войны съ Швеціею, этотъ рубежъ оставался неизмѣннымъ до начала XVII столѣтія, когда царь Василій Іоанновичъ (Шуйскій) рѣшился призвать на помощь противъ внутреннихъ мятежниковъ иноземныя войска, и правителю Швеціи, Карлу, за присылку пятитысячнаго корпуса, уступилъ Корелу или Кексгольмъ. Шведы помогли ему разсѣять скопища, приверженныя къ самозванцу; но въ пылу рѣшительной бит-

15. Записки Желябужскаго, изд. Языкова, стр. 21. См. еще въ Приложеніяхъ къ сему тому № VII, пилула 46.

16. Описаніе Новгородскихъ пятинъ въ XV вѣкѣ, въ Актахъ Археогр. Экспед. I. № 203.

вы съ Поляками, при Клушинѣ, безчестно измѣнили, и частію передались къ непріятелю, частію ушли въ Новгородъ. Здѣсь они утвердились, безъ труда овладѣли Водскою пятиною, и всѣ усилія царя Михаила исхитить древнее достояніе Россіи изъ рукъ иноземцевъ, остались тщетны. Окруженный со всѣхъ сторонъ хищными врагами, безъ всякихъ средствъ бороться съ преемникомъ Карла IX, Густавомъ Адольфомъ, грозившимъ отнять у Россіи самый Новгородъ, Михаилъ уступилъ необходимости, и на вѣчныя времена, за себя и потомковъ своихъ, отказался отъ Ивангорода, Ямъ, Копорья, Орѣшка и Корелы, предоставивъ Шведскимъ королямъ право именоваться государями земли Ижорской.

Такимъ образомъ отрѣзанные отъ Балтійскаго моря, мы тѣмъ болѣе чувствовали свою утрату, что видѣли въ ней наглое насиліе, и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился вознаградить столь важную и обидную потерю завоеваніемъ Риги, принадлежавшей Шведамъ, но не успѣлъ: озабоченный дѣлами Польскими, онъ принужденъ былъ подтвердить въ Кардисѣ трактатомъ на вѣчныя времена всѣ условія, заключенныя въ Столбовѣ.[17]

Съ тѣхъ поръ Шведское правительство такъ мало уважало Россію, что государю ея не хотѣло давать титула царскаго величества, именуя его только великимъ княземъ Московскимъ,[18] и, вопреки договору, тѣснило, въ уступленныхъ Россіею владѣніяхъ, послѣдователей православной вѣры. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича, взаимныя распри до того усилились, что преемникъ его, Θеодоръ, не хотѣлъ подтвердить Кардискаго трактата прежде, чѣмъ Швеція удовлетворитъ нашимъ неудовольствіямъ, и въ возмездіе за неоднократныя оскорбленія, чрезъ боярина Ивана Ивановича Бутурлина, требовалъ возвращенія Ижорской земли, неправедно присвоенной Шведами въ царство-

17. Кардискій договоръ въ Полн. Собр. Зак. I. № 331.
18. Дѣло о посольствѣ Густава Оксенштирна въ Москву въ 1672 году, въ Главномъ Архивѣ.

ваніе его дѣда.[19] Карлъ XI не хотѣлъ и слышать о томъ; Θеодоръ съ своей стороны остался непреклоненъ, и умеръ, не подтвердивъ Кардискаго договора. 1682.

Польша. Еще запутаннѣе и многосложнѣе было положеніе Россіи на западѣ: тамъ тянулись нескончаемые споры съ рѣчью посполитою Польскою. Царь Алексѣй Михайловичъ, за подданство Малороссіи, разсорившись съ Польшею, твердо рѣшился возвратить отъ нея и остальныя Русскія земли, вошедшія въ составъ Литовскаго княжества, быстро покорилъ ихъ однѣ за другими, торжественно возвѣстилъ о присоединеніи къ Россіи стародавней отчины ея, и принялъ титулъ великаго князя Бѣлыя Россіи, Литовскаго, Волынскаго и Подольскаго.[20] Для утвержденія столь драгоцѣннаго пріобрѣтенія, не щадя никакихъ усилій, онъ вступилъ съ Польшею въ упорную борьбу, которая съ перемѣннымъ счастіемъ тянулась цѣлыя 12 лѣтъ, и, при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ, вѣроятно продлилась бы гораздо долѣе, если бы не вмѣшалась въ нее Оттоманская Порта, задумавшая овладѣть Малороссіею.

Равно угрожаемые могуществомъ султана, страшнымъ для всей Европы, царь и король спѣшили прекратить свои распри, для дружнаго отпора общему врагу. Они такъ торопились примиреніемъ, что, при многосложности взаимныхъ притязаній, не успѣвъ согласиться окончательно въ разныхъ спорныхъ статьяхъ, рѣшились заключить на Андрусовскомъ съѣздѣ временное, тринадцатилѣтнее перемиріе, съ тѣмъ, чтобы, для постановленія прочнаго мира, выслать полномочныхъ коммиссаровъ на рубежъ чрезъ два года; если же миръ не состоится, назначить новый съѣздъ чрезъ пять лѣтъ; въ случаѣ неудачи сего втораго съѣзда, чрезъ четыре года пригласить союзныхъ христіанскихъ государей въ посредники; а если и эта мѣра не увѣнчается желаемымъ успѣхомъ, за два года до окон-

19. Дѣло о посольствѣ боярина Ив. Ив. Бутурлина и окольничаго Ив. Аѳан. Прончищева въ Швецію, въ Главномъ Архивѣ.

20. Объявленіе при дворѣ 3 сентября 1655 г., въ Полн. Собр. Зак. I. № 164.

чанія перемирія, назначить вновь съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ коммиссаровъ, для рѣшительнаго постановленія о вѣчномъ мирѣ, или, въ случаѣ особыхъ препятствій, для продолженія перемирія по взаимному условію; войны же ни подъ какимъ видомъ не возобновлять.

Царь отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній за Днѣпромъ, отъ Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи, удержавъ на правой сторонѣ Днѣпра одинъ только пунктъ, священный для Русскаго народа, Кіевъ, но не болѣе какъ на два года, единственно для спасенія святыни его отъ мусульманъ Русскими войсками, и по миновании срока обязался возвратить его Польшѣ. Король съ своей стороны уступилъ Россіи Смоленскъ съ его пригородами, страну Сѣверскую и Украйну на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Запорожье, служившее оплотомъ для обѣихъ державъ противъ Татаръ и Турокъ, объявлено владѣніемъ обоюднымъ.[21] Кромѣ того, подтверждая Андрусовскій договоръ въ Москвѣ, въ концѣ 1667 года, царь обѣщалъ послать королю на помощь 25.000 войска для защиты Польши отъ Турокъ, далъ слово воевать Крымъ Калмыками и Донскими казаками, и согласился, на удовлетвореніе шляхты за потерю маетностей въ уступленныхъ Россіи земляхъ, заплатить Польскому правительству 200.000 рублей. Наконецъ съ обѣихъ сторонъ условились, ни съ Турецкимъ султаномъ, ни съ Крымскимъ ханомъ отдѣльнаго мира не заключать.

Въ назначенный срокъ полномочные коммиссары съ обѣихъ сторонъ, съ Польской Янъ Гнинскій воевода Хельмскій, съ Русской бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, съѣхались въ Андрусовѣ, для утвержденія вѣчнаго мира; но никакъ не могли согласиться въ спорныхъ пунктахъ, и только подтвердили первый договоръ Андрусовскій, съ дополнительнымъ къ нему постановленіемъ, въ Москвѣ заключеннымъ,[22] во

21. Андрусовскій трактатъ 30 января 1667 г., въ Полн. Собр. Зак. I. № 398.
22. Московское постановленіе 14 дек. 1667, въ Полн. Собр. Зак. I. No 420.

всѣхъ статьяхъ безъ малѣйшей перемѣны, буква въ букву, со всѣми точками и запятыми.[23] Польскіе послы прибыли въ Москву требовать исполненія принятаго царемъ обязательства, о посылкѣ вспомогательнаго войска, о возвращеніи Кіева и объ уплатѣ 200.000 рублей, въ вознагражденіе Польской шляхты. Между тѣмъ новый любимецъ государя, думный дворянинъ Матвѣевъ, внушилъ ему, какъ тягостно для Россіи сіе обязательство и, для отклоненія его, совѣтовалъ объявить посламъ, что Московское правительство не прежде подтвердитъ Андрусовскій договоръ, какъ по удовлетвореніи вновь нанесенныхъ оскорбленій, въ числѣ коихъ важнѣйшимъ было изданная тогда въ Польшѣ на Славянскомъ языкѣ укоризненная книга, гдѣ авторъ, обнаруживая жестокую непріязнь къ Россіи, между прочимъ, говоритъ, что «пришло время ковать цѣпи на троянскаго коня».[24] Царь послѣдовалъ совѣту Матвѣева; послы не хотѣли входить ни въ какіе переговоры, до утвержденія Андрусовскаго трактата; но мы настояли на своемъ, и, послѣ жаркихъ споровъ, обѣ стороны согласились:[25] подтвердивъ прежніе трактаты, вновь возникшія недоразумѣнія отложить до коммиссіи 1674 года, гдѣ непремѣнно назначить срокъ возвращенію Кіева королю, безъ всякаго со стороны Польши возмездія за издержки, на оборону его употребленныя, и условиться о взаимной помощи противъ султана, съ обязательствомъ отдѣльнаго мира съ Портою не заключать. 1682.

Коммиссія 1674 года кончилась однакожъ ничѣмъ; равно безуспѣшна была и послѣдняя коммиссія, открывшаяся въ Москвѣ въ 1678 году, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича: полномочные коммиссары, съ Польской стороны князь Чарторыжскій, графъ Сапѣга, Комаръ, съ нашей князья Одоевскіе и Волынскій, согласились только продлить перемиріе по окончаніи срока, опредѣленнаго Андрусовскимъ

23. Посольская запись въ Андрусовѣ 7 марта 1670 г. въ Полн. Собр. Зак. I. № 463.
24. Первая челобитная Матвѣева изъ Пустозерска, въ Исторіи заточенія его. 1785, стр. 63.
25. Договоръ Московскій 30 марта 1672, въ Полн. Собр. Зак. I. № 513.

трактатомъ, еще на 13 лѣтъ, т. е. по іюнь мѣсяцъ 1693 года; царь, озабоченный тогда войною съ Турками, по настоятельному требованію Польскихъ пословъ, грозившихъ разрывомъ, возвратилъ королю Невль, Себежъ и Велижъ, оставленные за Россіею Андрусовскимъ трактатомъ, и заплатилъ 200.000 рублей. Рѣшеніе же вопросовъ о титулѣ, объ уступкѣ Кіева, который все еще оставался въ нашихъ рукахъ, о взаимной помощи ратными людьми въ войнѣ съ Турками, отложили до новой коммиссіи, назначенной чрезъ два года, при содѣйствіи посредниковъ.[26] Но эта коммиссія не состоялась. Дѣла еще болѣе запутались отъ того, что сперва Польша, потомъ Россія заключили съ Портою отдѣльные мирные трактаты, безъ обоюднаго согласія, вопреки договорамъ.

Какъ ни тягостно было наше положеніе на западѣ, но въ сравненіи съ тѣмъ, что терпѣла Россія на югѣ, оно могло казаться еще сноснымъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, мы имѣли дѣло съ правительствами, признававшими силу договоровъ и взаимныя обязательства; здѣсь никакіе трактаты и обязательства не спасали насъ отъ губительныхъ нашествій полудикихъ ордъ, сохранившихъ всю свирѣпость стараго татарскаго времени. Послѣ присоединенія Малороссіи, южная граница наша раздвинулась съ Бѣлогородской черты, устроенной при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, до Самары и верховьевъ Калміуса. Казаки Малороссійскіе, Слободскіе, Донскіе стали на стражѣ полуденнаго края Россіи. При всемъ томъ Татары Крымскіе, Бѣлгородскіе, Нагайскіе не разъ прорывались давно извѣстными имъ путями, Муравскимъ, Калміускимъ, Изюмскимъ шляками, въ Украйнные города наши, все предавали огню и мечу, и уводили тысячи плѣнныхъ. Мы такъ боялись ихъ, что даже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ не разъ трепетали за самую Москву, и правительство, для предупрежденія невапнаго набѣга, считало необходимымъ привести въ обо-

26. Московскій договоръ 3 августа 1678 г. въ Полн. Собр. Зак. II. № 730.

ронительное положеніе линіи засѣкъ, устроенныхъ царемъ Михаиломъ съ 1638 года.[27] 1682.

Отъ Брянска, мимо Козельска, Бѣлева и Лихвина, онѣ тянулись къ Тулѣ; отсюда, мимо Веневы и Коширы, къ Рязани; отъ Рязани къ Ряжску и Шацку. На пространствѣ 700 верстъ слишкомъ, сооружены были городки, острожки, проѣзжіе вороты, башни, прокопаны рвы, выведены валы, набиты надолбы, устроены частики и лѣсные завалы.[28] Беречь и хранить засѣки предписывалось строго царскими указами: кто прокладывалъ въ нихъ дорогу или стежку и ссѣкалъ дерево, съ тѣхъ правили пеню: за стежку 5 рублей, за дерево 10; въ случаѣ же значительной порубки заповѣднаго лѣса, виновныхъ ссылали въ Сибирь. Число засѣчныхъ головъ и сторожей простиралось до 1000. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ самомъ началѣ своего царствованія, повелѣлъ Пушкарскому приказу всѣ засѣки досмотрѣть и описать; оказалось, что многіе городки и башни погнили, валы обвалились, заповѣдной лѣсъ въ иныхъ мѣстахъ посѣченъ на версту и болѣе, такъ что пенныхъ денегъ доводилось взыскать за 37.000 рублей. Получивъ о томъ донесеніе Пушкарскаго приказа, царь повелѣлъ: всѣ порухи немедленно исправить, городки и башни перестроить, рвы углубить; а гдѣ лѣсъ посѣченъ, вывести земляной валъ съ острожками, надолбами, частиками, чтобы ратнымъ людямъ, въ случаѣ непріятельскаго прихода «сидѣть было надежно и безстрашно».[29]

Бахчисарайскій трактатъ, прекратившій опасную для насъ борьбу на югѣ, первую войну нашу съ Турціею, поставилъ Россію въ прежнія невыгодныя, даже унизительныя отношенія къ хану Крымскому. Заключая двадцатилѣтнее

27. Докладная выписка Пушкарскаго приказа 1678 г. о засѣкахъ. Въ портфеляхъ Миллера № XI.

28. Козельская засѣка была длиною 111 верстъ, Перемышльская 20, Лихвинская 88, Бѣлевская 22, Тульская 71, Веневская 25, Коширская 30, Рязанская 49, Ряжская 50, Шацкая 70. Проѣзжіе вороты въ засѣкахъ были: въ *Козельской:* Есенцкіе, Ксенцкіе, Дубенскіе, Токнинкіе; въ *Лихвинской:* Слободскіе, Боровенскіе, Улажскіе, Семеновскіе, Полошевскіе, Сіяцкіе; въ *Тульской:* Малиновскіе, Орловскіе, Щегловскіе, Потетины; сверхъ того земляной городъ Завитай; въ *Веневской:* Княжіе; въ *Коширской:* Оленковскіе, Поченскіе; въ *Рязанской:* Волчьи, Дураковскіе, Веденскіе и Глѣбовскій проломъ

29. Докладная выписка Пушкарскаго приказа, 1678 года.

перемиріе, Муратъ Гирей, «высокопменитый государь «великаго юрта Крымскаго, Кипчакскія степи, мно«гихъ Татаръ, безсчетныхъ Нагаевъ, Татовъ, Тевтесовъ «и Черкесовъ ханъ дерзновеннѣйшій», обѣщалъ сохранять съ Россіею миръ и дружбу, но не иначе, какъ по присылкѣ незаплаченнаго ему за три года херадша [дани], съ тѣмъ, что и въ послѣдствіи Московскій дворъ будетъ присылать казну, безъ убавки, ежегодно по росписи, ему, калгѣ-султану, нурадынъ-султану, ханскимъ женамъ, дочерямъ, скопцамъ, карачеямъ, агамъ и внутреннимъ отрочатамъ, какъ прежде бывало! Въ такомъ только случаѣ, ханъ изъявлялъ готовность быть другомъ царю, и недругомъ его недруговъ.[30] Султанъ Магометъ IV подтвердилъ трактатъ, заключенный *холопомъ* его, ханомъ Крымскимъ, съ государемъ Россіи, и съ обычнымъ высокомѣріемъ обѣщалъ охранять миръ ненарушимо, доколѣ не явится новаго повода къ разрыву.[31] Между тѣмъ, во время самыхъ переговоровъ, случилось происшествіе, которое могло вновь разсорить насъ съ султаномъ.

Уже болѣе ста лѣтъ искала нашего покровительства единовѣрная намъ Грузія, злосчастная жертва внутреннихъ раздоровъ и угнетенія властолюбивыхъ мусульманъ. Сильная и независимая при древней династіи Багратидовъ, въ послѣдствіи разоренная и ослабленная Монголами, съ половины XV вѣка она раздѣлилась между нѣсколькими владѣтелями, которые, въ своихъ непримиримыхъ распряхъ, призывали на помощь Турокъ и Персіянъ, а съ конца XVI столѣтія стали обращаться и къ Россіи. Цари Карталиніи держались шаха, владѣтели Гуріи и Мингреліи султана; цари Имеретіи и Кахетіи, спасая себя отъ Турокъ и Персіянъ, отдавались подъ защиту Россіи. Такъ Іоанну Грозному билъ челомъ Кахетинскій царь Леонтій о

30. Шертная запись 3 января 1681 г., въ Полн. Собр. Зак. II. № 854.
31. Ратификація султана, полученная уже по кончинѣ Ѳеодора, въ Полномъ Собраніи Законовъ II. № 916.

принятіи его подъ высокую царскую руку.[32] Съ тою же 1682.
просьбою прибѣгнулъ къ царю Θеодору Іоанповичу сынъ Леонтія, Александръ, присягнувшій Россіи на вѣчное подданство съ дѣтьми и народомъ.[33]

Еще дѣятельнѣе были наши сношенія съ Грузіею при внукѣ Александровомъ, Кахетинскомъ царѣ Теймуразѣ: изгнанный изъ своихъ владѣній Персидскимъ шахомъ Аббасомъ I, который замучилъ его мать и двухъ сыновей, онъ послѣ тщетныхъ усилій найти защиту у Турецкаго султана, присылалъ пословъ за послами къ царю Михаилу Θеодоровичу, предлагая себя и, весь народъ въ вѣчное подданство и умоляя спасти въ Грузіи православную церковь отъ жестокихъ изувѣровъ;[34] въ послѣдствіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ отправилъ въ Москву внука своего, Николая Давыдовича; наконецъ прибылъ и самъ.[35]

Россійскіе государи дѣлали все, что могли, въ защиту и въ подкрѣпленіе православной церкви въ Грузіи, снабжали ее богатыми иконами, священною утварью, книгами, посылали Русскихъ іереевъ для руководства тамошняго духовенства, искажавшаго своимъ невѣжествомъ догматы и обряды, не скупились на щедрые дары царямъ Кахетіи и Имеретіи, не отказывались принимать ихъ въ свое подданство, и не разъ съ успѣхомъ ходатайствовали за нихъ у Персидскихъ шаховъ; но именуя себя со времени царя Θеодора Іоанновича государями Иверскія земли, не вмѣшивались въ управленіе Грузіи, не требовали дани, не предписывали законовъ, не утверждали царей ея на престолахъ, тѣмъ менѣе рѣшались посылать имъ на помощь людей ратныхъ, во избѣжаніе ссоръ съ Персіею и Турціею. Теймуразъ былъ принятъ въ Москвѣ съ честію, но возвратился безъ войска и кончилъ пла-

32. Жалованная грамната Михаила Θедоровича царю Теймуразу 31 мая 1641 г.; въ Главномъ архивѣ, дѣла Грузинскія.

33. Посланіе патріарха Іова Грузинскому царю Александру, въ апрѣлѣ 1592 г., въ Историч. Акт. I. № 227.

34. Жалованная грамната Теймуразу 31 мая 1641 года.

35. Исторія Вахушта и Акты Археограф. Экспед. IV. № 103 Записка о пріемѣ его 20 іюля 1638 года въ Древн. Рос. Вивліоѳ. VIII. 109.

1682. чевную жизнь свою въ Астрабадѣ персидскимъ невольникомъ.

При всемъ томъ властители Грузіи не преставали искать нашего покровительства: Арчилъ, царь Имеретійскій, сынъ Вахтанга IV, свергнутый съ престола братомъ своимъ, Георгіемъ, котораго поддерживали Турки и Персіяне, въ 1681 году прислалъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу архимандрита Макарія, съ слезнымъ челобитьемъ спасти св. храмы и чудотворныя мощи отъ насилія бусурманскаго, а его самого принять подъ свою высокодержавную руку въ подданство. Царь изъявилъ согласіе, и Арчилъ съ семействомъ своимъ, женою, дочерью и тремя сыновьями, уже прибылъ въ Астрахань, когда не стало Ѳеодора Алексѣевича. Между тѣмъ Россія примирилась съ Турціею, и Московскій дворъ, во избѣжаніе распрей съ нею, не согласился на дозволеніе несчастному бѣглецу поселиться въ Москвѣ, разрѣшивъ ему жить въ пограничномъ городѣ Терки. Опасаясь не столько за себя, сколько за свое семейство, Арчилъ съ трудомъ убѣдилъ царевну принять по крайней мѣрѣ двухъ малолѣтныхъ сыновей его, съ тѣмъ, что если они ни въ какую службу не годятся, то записать ихъ хотя бы въ стрѣльцы.[36]

Калмыки. Кромѣ стародавнихъ враговъ Россіи, Татаръ Крымскихъ, тревожила ее на югѣ новая орда, видомъ и свирѣпостью напоминавшая Монголовъ: въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, около 1630 года, въ степяхъ Астраханскихъ, на лѣвомъ берегу Волги, утвердились Калмыки; они пришли изъ-за Урала, въ числѣ 50,000 кибитокъ, подъ предводительствомъ многихъ тайшей, главою коихъ былъ воинственный Урлюкъ, напали на подвластныхъ Россіи Татаръ Ногайскихъ и Едисанскихъ, кочевавшихъ по лѣвой сторонѣ Волги, и частію вытѣснили ихъ на правый берегъ, частію покорили своей власти, или переманили въ свои улусы.[37] Съ тѣхъ поръ Калмыки неоднократно приступали

36. Выписка о принятіи въ подданство царя Арчила, въ Древн. Рос. Вивл. XV стр. 306—325.
37. Дополненіе къ Истор. Акт. II № 63 и Дворцовые Разряды, II. стр. 699.

даже къ Астрахани и грозили городамъ приволжскимъ до самаго Саратова. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, для спасенія ихъ, выслалъ отборныя войска изъ Москвы; на Самарѣ былъ жестокій бой;[38] воевода Плещеевъ поразилъ Калмыковъ, и по смерти тайши Урлюка, кончившаго жизнь свою въ Астрахани,[39] сынъ его, тайша Дайчинъ, шертовалъ или присягалъ на вѣрность царю Михаилу, признавая себя подданнымъ Россійскаго государя.[40] 1682.

Не довѣряя лютымъ хищникамъ, наше правительство всѣми мѣрами старалось оттѣснить ихъ за Уралъ, но не успѣло. Калмыки остались въ степяхъ астраханскихъ. Нѣсколько разъ присягалъ Дайчинъ и царю Алексѣю Михайловичу, клялся богомъ своимъ, Бурханомъ, лизалъ ножъ, прикладывалъ его къ своему горлу, обѣщалъ не ходить войною на Русскіе города, не ссылаться съ Крымскими и Кубанскими Татарами, воевать тѣхъ и другихъ: вмѣсто того грабилъ и опустошалъ наши предѣлы отъ Астрахани до Уфы.[41] Столь же вѣроломно поступалъ внукъ его Аюка, сынъ Мончаковъ, управлявшій Калмыками въ царствованіе Алексѣя и Ѳеодора: не проходило почти года, когда бы онъ не грабилъ страны приволжской.

Сѣвернѣе Калмыковъ, за Волгою, въ сосѣдствѣ съ Казанскою страною, обиталъ не менѣе хищный народъ, Башкиры: со временъ Іоанна Грознаго, они признавали себя въ подданствѣ Россіи, и уже привыкли къ осѣдлой жизни, въ окрестностяхъ Уфы, построенной въ концѣ XVI вѣка, для защиты ихъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ; но сохранили весь характеръ степнаго народа, непрестанно тревожили набѣгами города закамскіе и не разъ поднимали общій бунтъ. Возстаніе Сеита, призвавшаго на помощь Киргизъ-Кайсаковъ, такъ озаботило царя Алексѣя Михайловича въ послѣдніе годы его царствованія, что онъ принужденъ былъ послать, Башкиры.

38. Дворцов. Разряды II. 713 и Истор. Акт. III. № 240.
39. Истор. Акты, IV, стр III.
40. Истор. Акты, IV. № 32.
41. Истор. Акты, IV. № 82, 131.

лями и военными снарядами, подъ начальствомъ письменнаго головы Еналея Бахтеярова, который однакожъ прямой дороги не зналъ и до Амура не дошелъ. 1682.

Тогда вызвался старый опытовщикъ или промышленикъ, родомъ изъ Соль-Вычегодска, Ерофей Хабаровъ, привести князя Левкая со всѣми захребетными народами въ Россійское подданство. Онъ не требовалъ отъ правительства ни казны, ни войска, ни оружія; просилъ только дозволенія набрать на собственный счетъ до 150 человѣкъ и отпустить его въ новую Даурскую землю. Воевода согласился.

Хабаровъ взялъ съ собою не болѣе 70 удалыхъ казаковъ и промышлениковъ, и наспѣхъ пошелъ кратчайшимъ путемъ, рѣкою Олекмою, въ Даурскую землю. Дорогою присоединилось къ нему еще нѣсколько десятковъ удальцевъ; на Тугарѣ онъ устроилъ острогъ, для склада запасовъ, и весною 1650 года появился тамъ, гдѣ Шилка сливается съ Аргунью. Спустившись отсюда внизъ по теченію Амура, онъ увидѣлъ крѣпкій городъ, съ пятью башнями, обнесенный глубокимъ рвомъ, и приготовился къ бою; но городъ былъ пустъ. Въ такомъ же положеніи нашелъ онъ и другіе четыре города, стоявшіе не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Въ одномъ изъ нихъ явился къ нему князь Левкай, отъ котораго онъ узналъ, что Тунгузы и Дауры, предувѣдомленные о скоромъ приходѣ Сибирскихъ казаковъ, для избіенія ихъ съ женами и дѣтьми, разбѣжались отъ страха въ разныя стороны. Тщетно Хабаровъ требовалъ отъ него ясака и подданства Россіи, предлагая ему защиту и покровительство Россійскаго государя: Левкай не далъ положительнаго отвѣта, и удалился. Казаки хотѣли захватить его въ аманаты; но онъ успѣлъ скрыться. Въ другомъ изъ пустыхъ городовъ нашли сестру Левкая: въ распросѣ, «съ пытки и съ огня», она подтвердила слова брата, присовокупивъ: что всѣ Даурскіе князья платятъ волею и неволею ясакъ сильнѣйшему князю, который живетъ

1682. въ Богдо, городѣ крѣпкомъ, многолюдномъ и богатомъ, на рѣкѣ Нонѣ, впадающей въ Амуръ; что войска у него много, съ огненнымъ боемъ, пушками, пищалями; что въ землѣ его родится золото, серебро и каменье дорогое, соболей же и всякихъ узорчатыхъ товаровъ несмѣтное множество.

Предвидя неизбѣжную борьбу съ Богдойскимъ владѣльцемъ, Хабаровъ оставилъ своихъ сподвижниковъ въ укрѣпленномъ острогѣ на берегахъ Шилки, а самъ поспѣшилъ въ Якуцкъ подговорить новыхъ витязей. Тамъ онъ объявилъ воеводѣ Францбекову, что Даурская земля по изобилію и богатству будетъ прибыльнѣе всей Сибири, но что для утвержденія въ ней Русскаго господства потребуется послать на Богдойскаго владѣльца по крайней мѣрѣ до 6000 ратныхъ людей.[43] Воевода не могъ дать ему болѣе 20 казаковъ, съ двумя пушками; охотниковъ нашлось 117 человѣкъ, и съ этою горстью людей пошелъ Хабаровъ «на государевыхъ непослушниковъ, на князя Левкая съ товарищами, для привода ихъ подъ высокую царскую руку, для государева ясачнаго сбора и для провѣдыванія серебряной руды».[44]

Весною, 1651 года, онъ снова появился на Амурѣ. Городки, прежде бывшіе пустыми, теперь большею частію наполнились ратными людьми. Даурскіе князья, въ надеждѣ на скорую помощь, обѣщанную Богдойскимъ владѣльцемъ, рѣшились обороняться до послѣдней крайности; всѣ усилія ихъ были однакожъ безполезны. Хабаровъ шелъ грознымъ завоевателемъ, какъ Ермакъ. Первая побѣда, подъ городомъ Албазиномъ, надъ сильнѣйшимъ княземъ Левкаемъ, привела въ трепетъ Даурскихъ владѣтелей: они стремглавъ бросились внизъ по теченію Амура; Хабаровъ не давалъ имъ времени опомниться отъ страха, преслѣдовалъ ихъ неутомимо, приступомъ бралъ укрѣпленные города,

43. Историч. акты, изд. Археогр. Коммис. IV. № 31.
44. Донесеніе Якуцкаго воеводы, въ Актахъ Истор. IV. стр. 74.

поражалъ враговъ въ открытомъ полѣ, загналъ ихъ въ низовья Амура, обложилъ ясакомъ подвластные имъ улусы, въ обезпеченіе подданства взялъ аманатовъ, и вся страна, омываемая Амуромъ, признала надъ собою владычество Россійскаго государя. 1682

Тщетно Богдойскій владѣлецъ Шамшаканъ, который, какъ оказалось, былъ намѣстникомъ Китайскаго императора Алака-Батуракана, старался остановить Хабарова на обратномъ походѣ изъ низовьевъ Амура: манчжурскія и китайскія войска разсѣялись предъ грознымъ воителемъ. Хабаровъ возвратился въ Албазинъ съ богатою добычею, и, отправивъ въ Москву собранный ясакъ съ аманатами изъ Даурскихъ князьковъ, извѣстилъ правительство, что никакія силы не въ состояніи выбить его изъ Албазина, откуда онъ надѣялся держать въ страхѣ к покорности всѣ улусы даурскіе.[45]

Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ на Амуръ дворянина Зиновьева, съ царскимъ милостивымъ словомъ Хабарову и его сподвижникамъ; для утвержденія же за Россіею покореннаго имъ края, указалъ отправить изъ Москвы 3000 стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ окольничаго князя Лобанова-Ростовскаго; а до прибытія ихъ, подкрѣпить Хабарова 150 Сибирскихъ казаковъ. Посылка стрѣльцовъ однакожъ не состоялась. Между тѣмъ Зиновьевъ, уполномоченный завѣдывать управленіемъ Дауріи и приготовленіемъ запасовъ для ожидаемаго войска, разсорился съ Хабаровымъ и отправилъ его въ Москву. Доблестный витязь получилъ въ награду званіе сына боярскаго, но на Амуръ не возвратился, и дѣла тамъ вскорѣ приняли печальный оборотъ.

Китайскій Богдыханъ горячо вступился за Даурію, посылалъ туда войско за войскомъ, для изгнанія Русскихъ, вытѣснилъ ихъ изъ заведенныхъ ими остроговъ и ясашныхъ зимовьевъ въ низовьяхъ Амура; разорилъ наконецъ

45. Историческіе Акты. IV. № 31.

1682. и Албазинъ. Предпріимчивые казаки и промышленики не хотѣли разстаться съ плодоносными берегами Амура, возобновили Албазинъ, вновь обложили Тунгузовъ и Дауровъ ясакомъ, а для удержанія ихъ въ покорности, построили на лѣвой сторонѣ Амура остроги Верхосейскій, Селимбинскій, Долонскій, на правой же, Аргунскій. Китайцы съ завистью и безпокойствомъ смотрѣли на распространеніе Русскаго владычества по берегамъ Амура, и какъ ни старался царь Алексѣй Михайловичъ прекратить съ ними всѣ распри миролюбиво, для чего отправилъ въ Китай посланникомъ переводчика Посольскаго приказа Николая Спафарія, а казакамъ запретилъ ходить на поиски, Богдыханъ ничего слышать не хотѣлъ и, при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ, на южномъ берегу Амура, велѣлъ заложить сильную крѣпость Сахалинъ, угрожая разрушеніемъ не только Албазину, но и построенному нами городу Нерчинску.

Политика Софіи.

При такомъ положеніи дѣлъ, по кончинѣ Өеодора, главными предметами политики нашего двора были издавна тянувшіяся распри съ Польшею и вновь возникшія несогласія съ Швеціею. Тѣ и другія проистекали изъ одного источника: изъ постоянной мысли, руководившей Московскимъ дворомъ, о необходимости исхитить изъ чужеземной власти старинныя Русскія владѣнія. Отъ того какъ Алексѣй, такъ и Өеодоръ уклонялись отъ вѣчнаго мира съ Польшею и заводили споры съ Швеціею: Софія не слѣдовала политикѣ отца и брата, и рѣшилась, во что бы то ни стало, прекратить всѣ несогласія съ обѣими державами.

Посольства въ Швецію и Польшу.

Договорами Андрусовскимъ и Кардискимъ Россія, Польша и Швеція взаимно обязались: въ случаѣ кончины одного изъ государей, обвѣстить о восшествіи преемника его на престолъ присылкою нарочнаго гонца, и потомъ, чрезъ особыя посольства, размѣняться подтвердительными грамматами на заключенные трактаты.[46] О воцареніи Петра мы не успѣли сообщить ни въ Варшаву, ни въ Столкгольмъ, за

46 Статьи 52 въ Андрусовскомъ и 26 въ Кардискомъ договорахъ.

1682.

смутами стрѣлецкими;[47] но Поляки скоро узнали о смерти Ѳеодора, и тщательно развѣдывали о возникшихъ въ Москвѣ неустройствахъ,[48] вѣроятно въ намѣреніи воспользоваться ими.

Какъ скоро Іоаннъ провозглашенъ былъ царемъ, правительство наше спѣшило разсѣять надежды коварныхъ сосѣдей: подъячій посольскаго приказа Никифоръ Венюковъ поскакалъ въ Варшаву, подъячій Никита Алексѣевъ въ Стокгольмъ, съ извѣстіемъ о кончинѣ Ѳеодора, о совокупномъ восшествіи на престолъ братьевъ его, Іоанна и Петра, и о скоромъ пріѣздѣ великихъ пословъ съ подтвердительными грамматами;[49] первому велѣно проѣхать въ Вѣну, второму въ Копенгагенъ, для сообщенія о кончинѣ Ѳеодора; съ тѣми же вѣстями посланы гонцы Дмитрій Симановскій въ Гагу и Лондонъ, Михайло Тарасовъ въ Константинополь.[50] Во всѣхъ царскихъ грамматахъ говорилось только о воцареніи Іоанна и Петра; объ участіи же Софіи въ правленіи не было ни слова. Въ отвѣтъ на нихъ цесарь, короли и султанъ изъявили, въ обычныхъ формахъ, сожалѣніе о кончинѣ многоуважаемаго ими Ѳеодора, и привѣтствовали его преемниковъ.[51]

25 мая.

9 іюня

Вслѣдъ за тѣмъ царевна снарядила два великія посольства: одно въ Швецію, другое въ Польшу, для подтвержденія заключенныхъ прежде съ обѣими державами трактатовъ; въ Стокгольмъ отправила полномочными послами окольничнаго и намѣстника Чебоксарскаго Ивана Аѳанасьевича Прончищева, стольника и намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Прончищева и дьяка Василія Бобинина; въ Варшаву окольничаго и намѣстника Муромскаго

Въ октябрѣ.

47. По крайней мѣрѣ въ архивѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Заготовленъ былъ наказъ 9 мая Никифору Венюкову, назначенному въ Варшаву и Вѣну; но онъ отправился не прежде 25 мая, по воцареніи Іоанна.

48. Отписки въ Посольскій приказъ Смоленскаго дворянина Назарья Краевскаго; онъ сообщалъ вѣсти о Польскихъ дѣлахъ до 1687. Въ Главномъ Архивѣ, св. 127.

49. Польскія дѣла, св. 127, Шведскія, св. 78, въ Главномъ Архивѣ.

50. Дѣла Голландскія и Турецкія, въ Главномъ Архивѣ.

51. Отвѣтныя грамматы королей: Польскаго Яна III отъ 8 сент., Шведскаго Карла XI отъ 28 сент., Датскаго Христіана V отъ 28 окт., Голландскихъ Штатовъ отъ 27 окт., принца Оранскаго Вильгельма отъ 1 ноября, цесаря Леопольда I отъ 3 ноября, султана Могамеда IV отъ 15 ноябр., Англійскаго короля Карла II отъ 24 ноября 1682 года,—въ Главн. Архивѣ.

Ивана Ивановича Чаадаева, думнаго дворянина и намѣстника Болховскаго Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и дьяка Петра Иванова. Тому и другому посольству наказано: вручить королямъ царскія подтвердительныя грамматы и принять отъ нихъ присягу въ ненарушимомъ соблюденіи трактатовъ.

Съ Швеціею согласиться было не трудно: Софія не требовала отъ нея ничего, кромѣ подтвержденія Кардискаго вѣчнаго мира, то есть, вопреки намѣреніямъ царя Ѳеодора Алексѣевича, отказывалась навеегда отъ всѣхъ притязаній на старинныя области Россіи при Финскомъ заливѣ. Радостно принялъ въ Стокгольмѣ Шведскій король наше посольство, представившее ему царскую подтвердительную граммату на прежніе трактаты, безъ всякаго прекословія, торжественною присягою надъ св. евангеліемъ, обязался въ точномъ исполненіи ихъ, вручилъ посламъ докончальную граммату, и отпустилъ ихъ съ честію, объявивъ, что не замедлитъ отправить въ Москву и своихъ полномочныхъ, для обновленія вѣчнаго мира царскою присягою, по древнему чину, надъ св. евангеліемъ.[52]

Послы наши возвратились въ Москву въ январѣ 1684 года; мѣсяца чрезъ три прибыли и Шведскіе: президентъ государственной коммиссіи Кондратій Гильденстернъ, совѣтникъ королевской канцеляріи Іонасъ Клингстетъ и Лифляндскій дворянинъ Отто Стакельбергъ.[53] Для встрѣчи ихъ, царевна приказала собрать дворянъ изъ окрестностей Москвы на пространствѣ 250 верстъ въ окружности;[54] а для переговоровъ назначила: ближняго боярина князя Василія Васильевича Голицына, ближняго боярина Ивана Васильевича Бутурлина, окольничаго Семена Ѳедоровича Толочанова, думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, и дьяковъ Василія Бобинина, Прокофья Возницына и Ивана Волкова.[55]

52. Королевск. граммата отъ 30 окт. 1683 г. въ Главн. Архивѣ.
53. Пріемъ ихъ, переговоры и отпускъ въ Шведскихъ дѣлахъ. Главн. Арх. св. 80.
54. Царскій указъ 17 февр. 1684 въ Полн. Собр. Зак. II. № 1061.
55. Договоръ 22 мая 1684 въ Полн. Собр. Зак. II. № 1076 и Шведскія дѣла, въ Главн. Архивѣ связка 80.

Совѣстно было нашимъ боярамъ такъ легко отказаться отъ старинныхъ областей Россіи, за которыя горячо вступался царь Ѳеодоръ, и въ первую конференцію они предъявили вовсе неожиданныя для Шведовъ жалобы и притязанія. Князь Голицынъ сказалъ: «Вопреки Кардискому договору, Шведскій король въ граммате къ государю Польскому Яну Казимиру въ 1669 году именовалъ его царское величество великимъ княземъ Московскимъ, а не царскимъ величествомъ Всероссійскимъ; каковую прописку повторили въ 1674 году Шведскіе послы, изъяснивъ письменно, что въ Вестфальскомъ договорѣ царское величество названъ великимъ княземъ Московскимъ, для того будто, что такъ изстари обыкли именовать Россійскихъ государей и на Шведскомъ языкѣ, и на Латинскомъ. Но подобная оговорка мимо всякой правды: въ прежнихъ трактатахъ нигдѣ не упомянуто, чтобы на Шведскомъ языкѣ нельзя было сказать царское величество; да и сами послы во всѣхъ случаяхъ говорятъ: *царше майстетъ;* а въ Кардискомъ трактатѣ именно постановлено: на какомъ бы языкѣ ни случилось, писать великихъ государей царскимъ величествомъ Всероссійскимъ. Ясно, что прописка учинена съ умыслу; для каковой обиды, въ вознагражденіе, довлѣетъ уступить въ сторону ихъ царскихъ величествъ бывшіе изстари Русскіе города Иваньгородъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ, Корелу и иные, отторгнутые Швецію во время московскаго разоренія». Послы отвѣчали, что то дѣло давнее и что они входить въ разсужденіе о семъ наказа не имѣютъ, бывъ присланы только для подтвержденія прежнихъ трактатовъ.

1684. Подтвержденіе вѣчнаго мира съ Швеціею.

2 июня.

Впрочемъ притязанія наши предъявлены были, кажется, только для сохраненія приличія, потому что цари уже изъявили согласіе подтвердить Кардискій трактакъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Столбовскій; слѣдовательно дѣло было конченное, и на второй конференціи наши полномочные объ этомъ предметѣ болѣе не говорили ни слова.

Были съ нашей стороны и другія неудовольствія: 1) воп-

реки, Кардискому договору и прежнимъ обычаямъ, король, принимая нашихъ пословъ, подъ разными предлогами не самъ спрашиваетъ о царскомъ здравіи, а чрезъ своего секретаря; 2) во время бунта Стенки Разина, напечатаны въ Ригѣ лживыя куранты или вѣдомости, которыя разгласили по всей Европѣ неосновательные слухи, къ умаленію чести царскаго величества; 3) въ Колывани (въ Ревелѣ) въ 1665 году, также вопреки трактату, напечатанъ пасквиль, оскорбительный для царя Алексѣя Михайловича и его предковъ, природнымъ Лифляндцемъ Иваномъ Швабою, о чемъ на прежнихъ посольскихъ съѣздахъ говорено пространно, но до сихъ поръ удовлетворенія не получено;[56] 4) и не только отцу и предкамъ, но и брату ихъ царскихъ величествъ нанесено великое безчестіе: въ Іюнѣ 1676 года прислалъ во Псковъ, къ воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву, Рижскій генералъ фонъ-Ферзенъ листъ, въ которомъ имя великаго государя, вмѣсто Θеодора Алексѣевича, написано Θеодоромъ Михайловичемъ. «Столь великое и нестерпимое досадительство» говорилъ Голицынъ «не есть ли явное нарушеніе Кардискому договору, когда не только король, но и генералы его такъ писать дерзаютъ?» Послы обѣщали донести о семъ королю. Кромѣ того наше правительство жаловалось на притѣсненіе вѣроисповѣданія въ уступленныхъ Россіею земляхъ, въ особенности на явное гоненіе православныхъ въ Колывани или Ревелѣ, на порубежныя ссоры, на затрудненія въ торговлѣ и т. п. Рѣшено всѣ сіи статьи внести въ трактатъ.

На второй конференціи, Шведскіе послы предложили нашимъ боярамъ желаніе Карла XI, чтобы Россійскіе государи помогли цесарю и королю Польскому въ войнѣ ихъ съ Турками, къ чему и Шведское правительство склонно; кромѣ того просили: имя государя ихъ въ царскихъ грам-

56. Рѣчь о Ревельскомъ пасторѣ Ioh. Schwabe, который издалъ вздорное сочиненіе: De religione Moscovitica tanquam erronea, dequeritibus Moscoviticis ecclesiasticis. Годъ сочиненія неизвѣстенъ. Сочинитель учился въ Іенѣ, гдѣ получилъ степень магистра въ 1658 году, и умеръ послѣ 1676.

матахъ писать не Карлусъ, а Каролусъ, потому что король именуетъ себя въ началѣ своихъ граммать Шведскимъ языкомъ *Карлъ*, а подписывается по-латыни *Каролусъ;* 2) опредѣлить точнѣе границы, и вмѣсто старыхъ, сгнившихъ столповъ, устроить новые; 3) назначить постоянное мѣсто для съѣздовъ о пограничныхъ несогласіяхъ; 4) учредить, для добрыхъ пересылокъ, резидентовъ въ Москвѣ и Стокгольмѣ; 5) вмѣсто корма, посламъ давать деньги; 6) облегчить налоги Шведовъ, подвластныхъ Россіи. 1684.

На сіи предложенія бояре отозвались, что изъясненіе короля о союзѣ противъ Турокъ великіе государи принимаютъ за любовь, и какъ цесарю, такъ и королю Польскому желаютъ всякихъ успѣховъ; если же вступятъ съ ними въ какое либо обязательство, то не оставятъ увѣдомить Шведское правительство. Имя короля писано согласно съ Кардискимъ трактатомъ и никакихъ споровъ о томъ доселѣ не бывало; отнынѣ же, для сосѣдственной дружбы, государи будутъ именовать его *Каролусъ*. Въ прочихъ статьяхъ бояре не спорили, и при заключеніи конференціи объявили, что ихъ царскія величества изволяютъ подтвердить вѣковѣчный Кардискій трактатъ крестнымъ цѣлованіемъ надъ св. евангеліемъ, а докончальную граммату запечатать царственною печатью.[57]

Въ такомъ смыслѣ заключенъ и подписанъ полномочными съ обѣихъ сторонъ договоръ, въ подтвержденіе Кардискаго трактата, который былъ не что иное, какъ повтореніе бѣдственнаго для Россіи трактата Столбовскаго.[58] 22 мая.

Когда изготовлена была докончальная граммата, пословъ пригласили во дворецъ быть свидѣтелями торжественнаго подтвержденія ея присягою обоихъ государей. Они пріѣхали въ царской каретѣ на Посольскій дворъ, гдѣ, въ Отвѣтной палатѣ, принялъ ихъ князь Голицынъ. Между тѣмъ оба Царя пришли въ Грановитую палату, въ царскомъ 28 мая.

57. Дѣло о Шведскомъ посольствѣ въ 1684 въ Шведск. дѣлахъ. Главн. Архива св. 80.
58. Самый договоръ напеч. въ Полн. Соб. Зак. II. № 1076.

одѣяніи, въ діадимахъ, съ скипетрами, и сѣли на своемъ мѣстѣ. Всѣ бояре, окольничіе и думные люди были въ золотныхъ кафтанахъ. Протопопы Воскресенскій и Спасскій, оба въ патрахиляхъ, въ поручахъ обнизныхъ и въ ризахъ, принесли св. евангеліе съ утварью на мисѣ, покрытой обнизною пеленою, и поставили по правую сторону отъ царскаго мѣста на налоѣ. Пословъ звалъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ.

Они пришли изъ Отвѣтной палаты, между рядами стрѣльцовъ, Краснымъ крыльцомъ, въ грановитыя сѣни, гдѣ стояли терлишники (т. е. жильцы въ терликахъ) съ протазанами; явилъ ихъ и челомъ ударилъ тотъ же Украинцевъ. Государи велѣли спросить ихъ о здоровьѣ; они благодарили и сѣли на скамейкѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ Цари спросили о здоровьѣ короля, и приказали говорить рѣчь о непоколебимомъ намѣреніи своемъ исполнять всѣ условія трактата После рѣчи, они велѣли посламъ и боярамъ подступить къ себѣ близко, протопопамъ поднести евангеліе, а князю Голицыну положить подъ него на налоѣ докончальную граммату, сами же встали съ своего мѣста, сняли царскіе вѣнцы, отдавъ ихъ князю Прозоровскому и Стрешневу, подступили къ налою и сказали, что предъ св. евангеліемъ обѣщаютъ свято соблюдать всѣ условія договора, согласно съ докончальною грамматою. Въ заключеніе приложились къ евангелію; а князь Голицынъ вручилъ посламъ граммату и объявилъ отпускъ.

Въ тотъ же день послы были на отпускѣ и у царевны Софіи, которая приняла ихъ въ своей золотой палатѣ, «что прежде бывала государыни царицы, подъ Спасскою церковью». По выходѣ изъ Грановитой палаты, ихъ повели чрезъ постельное крыльцо на площадь, бывшую подлѣ шатерныхъ палатъ, оттуда чрезъ красныя двери за преграду, на золотое крыльцо. На пути ихъ стояли стрѣльцы Стремяннаго полка, въ числѣ ста человѣкъ съ золочеными пищалями; а за преградою терлишники съ протазанами, пе-

реведенные туда проходными сѣнями, во время шествія 1684.
пословъ, изъ сѣней Грановитой палаты. Свиту посольскую остановили у рундука золотаго крыльца. Къ царевнѣ пошли только послы съ переводчикомъ. Въ сѣняхъ, предъ золотою палатою, по обѣимъ сторонамъ стояли 10 полковниковъ стрѣлецкихъ, 4 съ большими палашами, 2 съ золочеными топорами и 4 съ золочеными протазанами; здѣсь стольникъ Степанъ Нарбековъ и дьякъ Тимоѳей Литвиновъ объявили посламъ, что «великая государыня, благородная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи ея государское величество, повелѣла ихъ встрѣтить». Послы раскланялись, и вступили въ палату.

Царевна сидѣла въ своемъ государскомъ мѣстѣ, въ креслахъ оправныхъ, съ запанами алмазными. Она была въ вѣнцѣ, низанномъ изъ жемчуга, съ запанами, и въ шубѣ оксамитной, золотной, собольей, опушенной соболями, обложенной большимъ кружевомъ. При ней стояли по обѣимъ сторонамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, по двѣ боярыни, вдовы, въ убрусахъ и въ тѣлогрѣяхъ, да по двѣ карлицы дѣвицы; перевязки на нихъ были низанныя, шубы золотныя на соболяхъ. Тутъ же сидѣли комнатные, ближніе, немногіе бояре. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Михайловичъ Милославскій стояли близъ царевны.

Когда вошли послы, явилъ ихъ и ударилъ челомъ думный дьякъ Украинцевъ съ такою же рѣчью, какъ и на царской аудіенціи. Послы правили поклонъ отъ короля и отъ обѣихъ королевъ (матери и супруги). Царевна, привставъ, спрашивала о здоровьѣ слѣдующими словами: «Велеможнѣйшій государь Каролусъ король Свейскій, и его королевскаго величества мать, государыня Эдвига-Элеонора, и супруга его, государыня Улрихъ-Элеонора, по здорову-ль?» Выслушавъ обычный отвѣтъ, она позвала пословъ чрезъ Украинцева къ своей рукѣ, а послѣ цѣло-

1684. ванія руки, велѣла спросить объ ихъ здоровьѣ. Послы благодарили и сѣли поодаль на скамейкѣ. Тогда позваны дворяне посольской свиты, которые также были у руки. Въ заключеніе, царевна сказала посламъ, чтобы они короля и королеву поздравили, и отпустила ихъ, объявивъ чрезъ думнаго дьяка яству и питье съ своего стола.[59]

59. Дѣло о Шведскомъ посольствѣ, въ Главн. Арх. св. 80.

ГЛАВА VI.

ПЕРЕГОВОРЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

СПОРЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ.—ПИСЬМО ЯНА III О ПОБѢДѢ ПОДЪ ВѢНОЮ.—ЦЕСАРСКІЕ ПОСЛЫ ВЪ МОСКВѢ.—СОВѢЩАНІЯ О ВОЙНѢ СЪ КРЫМОМЪ.—АНДРУСОВСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ.—НАЗНАЧЕНІЕ ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ МОСКВУ.

1682—1685.

Несравненно труднѣе было сладить съ Польшею, равно неуступчивою въ своихъ притязаніяхъ, какъ и мы въ своихъ. Софія наконецъ побѣдила ея упорство, и принудила ее согласиться на вѣчный миръ, съ немаловажными однакожъ пожертвованіями и со стороны Россіи. Въ дѣлахъ польскихъ царевна и министры ея обнаружили болѣе твердости и искусства, чѣмъ въ сношеніяхъ съ Швеціею; но далеко не заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыя они сами себѣ приписывали, и которыми осыпаютъ ихъ позднѣйшіе историки: они дѣйствовали нерѣшительно, упустили благопріятное время къ разрыву съ Турціею, и едва не вовлекли Россіи въ раздоръ со вселенскою церковью, который, безъ благоразумной снисходительности Цареградскаго патріарха, могъ имѣть пагубныя послѣдствія. Споры съ Польшею.

Король Польскій Янъ III, предувѣдомленный объ отправленіи изъ Москвы Русскихъ пословъ, для подтвержденія прежнихъ перемирныхъ постановленій, просилъ наше правительство[1] снабдить ихъ полномочіемъ, для разрѣшенія

1. Королевская граммата отъ 3 декабря 1682 года.

прежде всего спорныхъ пунктовъ, отложенныхъ послѣднею коммиссiею 1678 года до посольскаго съѣзда, назначеннаго чрезъ два года, но не состоявшагося въ теченiе четырехъ лѣтъ. Послы прибыли однакожъ въ Варшаву безъ ожидаемыхъ королемъ полномочiй. Янъ III принялъ ихъ съ честiю, но отказался отъ присяги, отозвавшись, что, прежде подтвержденiя взаимной дружбы, необходимо согласиться о неисполненныхъ статьяхъ, въ особенности о возвращенiи Польшѣ Кiева и о присылкѣ Россiею воспомогательнаго войска, въ числѣ 25.000 человѣкъ, противъ Турокъ. Для этой цѣли онъ отправилъ въ Москву нарочнаго гонца Яна Зембоцкаго, ловчаго Витебскаго, съ настоятельнымъ требованiемъ прислать къ Русскимъ посламъ полномочiе.[2] Князь Голицынъ отказалъ въ томъ рѣшительно, объявивъ, что послы ни въ какiе переговоры вступать не будутъ, пока не примутъ королевской присяги.[3] Зембоцкiй возвратился въ Варшаву въ то самое время, когда дошли до короля страшныя вѣсти съ береговъ Дуная о грозномъ движенiи многочисленной армiи турецкой къ стѣнамъ Вѣны: паденiе ея могло быть гибельно и для Польши.

Отъ того, болѣе чѣмъ когда либо онъ дорожилъ союзомъ съ Россiею, не терялъ надежды вовлечь ее въ войну съ врагами всего христiанства, и предложилъ нашему двору назначить новую коммиссiю, безъ посредниковъ, въ порубежномъ мѣстѣ Андрусовѣ, къ 18 ноября 1683 года, для окончательнаго рѣшенiя всѣхъ споровъ и для заключенiя прочнаго союза.[4] Полномочными коммиссарами съ своей стороны онъ назначилъ: Криштофа Гримультовскаго воеводу Познаньскаго, Марцiана Огинскаго воеводу Троцкаго, Кипрiана Бржестовскаго каштеляна Троцкаго, и Яна Храповицкаго воеводу Витебскаго, со множествомъ пановъ изъ великой и малой Польши и княжества Литовскаго. Испол-

2. Королевская граммата отъ 21 апр. 1683 г. Прiѣздъ въ Москву Яна Зембоцкаго 6 мая. въ Польскихъ дѣлахъ Главн. Арх. св. 128.

3. Отправленiе Зембоцкаго, въ Польск. дѣлахъ Главн. Арх. св. 128.

4. Королевская граммата отъ 15 iюля 1683 г., въ Польскихъ дѣлахъ Главн. Арх. св. 129.

няя желаніе короля, царевна отправила въ Андрусово полномочными послами бояръ: князя Якова Никитича Одоевскаго, Ивана Васильевича Бутурлина и князя Михаила Григорьевича Рамодановскаго, также съ многочисленною свитою, наказавъ имъ ни подъ какимъ видомъ не уступать Кіева и всѣми мѣрами уклоняться отъ присылки неоднократно обѣщаннаго вспомогательнаго войска противъ Турокъ.[5] 1683. Въ сентябрѣ.

Послѣднее условіе едва было не измѣнилось по случаю неожиданнаго событія, исполнившаго радостію всю Европу. Не успѣли вступить въ переговоры полномочные коммиссары въ Андрусовѣ, когда къ Московскому двору прискакалъ съ береговъ Дуная Польскій гонецъ Янъ Окраса, съ королевскою грамматою о совершенномъ пораженіи Турокъ подъ стѣнами Вѣны.[6] «Всемогущій Господь Богъ, въ Его же десницѣ счастіе монарховъ и народовъ» писалъ доблестный Собѣскій изъ ставки визиря «вчера на поляхъ вѣнскихъ такъ благословилъ христіанское войско, нами предводимое, что несмѣтныя полчища турецкія и татарскія, приведенныя самимъ визиремъ и ханомъ Крымскимъ, на пагубу и разореніе христіанства и уже тяжкою осадою Вѣну утѣснявшія, послѣ жестокаго сраженія, въ конецъ сломленныя, со стыдомъ бѣгутъ изъ-подъ стѣнъ Вѣны, куда только глаза глядятъ и страхъ путь указываетъ, покинувъ весь свой обозъ, на пространствѣ пяти верстъ, болѣе 100 пушекъ и множество плѣнныхъ янычаръ. Думаю, что вѣчный врагъ креста Господня потерялъ бы все свое войско, если бы остатки его, подъ защитою темной ночи, не спаслись бѣгствомъ въ Венгрію. Мы идемъ за ними въ погоню, и передовые отряды наши, налегая на тылъ враговъ, рубятъ ихъ цѣлыми толпами, или живьемъ въ плѣнъ берутъ. Радуйтесь, великіе Государи! и помыслите о пособіи дѣлу христіанскому». Вслѣдъ за тѣмъ, король увѣдомилъ о второй побѣдѣ своей въ Венгріи при Паркапѣ, противъ

Письмо короля о побѣдѣ подъ Вѣною.

5 ноября.

30 ноября.

5. Польскія дѣла Главн. Арх. св. 129.
6. Граммата отъ 31 сентября 1683 г. въ Польск. дѣлахъ Главн. Архив. св. 129.

Грана, на Дунаѣ, гдѣ въ первый день сраженія онъ самъ едва не погибъ отъ малодушнаго бѣгства Поляковъ,[7] но въ третій день восторжествовалъ, при помощи благороднаго сподвижника своего, Карла, герцога Лотарингскаго, пришедшаго для спасенія его съ войсками Людвига Баденскаго, герцога де-Круи и графа Старемберга, храбраго защитника Вѣны. «Дунай на треть версты плыветъ кровью враговъ», писалъ Собѣскій[8] «визирь Будинскій ранѳнъ, паши и беи или побиты, или взяты въ плѣнъ. Все свидѣтельствуетъ, что пришло время изгнать изъ Европы враговъ св. вѣры. Богу дастъ отчетъ, кто это время упуститъ. Всѣ христіанскіе государи обѣщаютъ прислать помощь въ началѣ весны; вамъ же, наши братія, вашимъ царскимъ величествамъ, и зимою удобно было бы начать военныя дѣйствія разореніемъ городковъ на Тавани и близъ Запорожья. Вспомните, какъ принимаютъ вашихъ пословъ у султана! Я съ своей стороны не дамъ отвѣта Богу въ лѣности и нерадѣніи о благѣ христіанства: я оставилъ домъ, престолъ и всѣ умильныя потѣхи забавъ для святаго дѣла!»

Извѣстія короля Польскаго о пораженіи Турокъ подтверждалъ и цесарь, который съ своей стороны склонялъ Россійскихъ государей поднять оружіе на общаго врага.[9] Съ этою цѣлью, въ январѣ 1684 года, онъ отправилъ въ Москву полномочныхъ пословъ, барона Жирова-Жировскаго и барона Блумберга,[10] для заключенія наступательнаго союза противъ Турокъ. Нельзя, казалось, найти лучшаго, удобнѣйшаго времени къ войнѣ съ врагомъ непримиримымъ, который, не уважая святости договоровъ, уже неоднократно, по заключеніи Бахчисарайскаго трактата, дѣлалъ набѣги изъ Азова и изъ Крыма на нашу Украйну. Голицынъ колебался между миромъ и войною, и желалъ знать мнѣніе людей опытныхъ: въ числѣ ихъ былъ генералъ Гордонъ.

7. Письмо его къ королевѣ Маріи изъ Грана отъ 8 октября 1683 г.
8. Королевская граммата отъ 10 октября 1683 г. въ Польск. дѣл. Главн. Арх. св. 129.
9. Граммата Леопольда I отъ 24 сент. 1683 г. изъ Линца, въ цесарск. дѣлахъ Главн. Арх.
10. Кредитивная граммата 27 янв. 1684 г.; пріѣздъ и переговоры въ Москвѣ, въ цесарскихъ дѣлахъ Главн. Арх.

1683.

Болѣе двадцати лѣтъ, не взирая на многія огорченія, вѣрою и правдою служа Россіи,[11] Гордонъ весьма хорошо зналъ Татаръ и Турокъ на боевомъ полѣ: съ первыми онъ познакомился въ степяхъ украинскихъ, куда нерѣдко ходилъ съ царскими войсками во времена Алексѣя и Θеодора; со вторыми въ Чигиринѣ, гдѣ мужествомъ и распорядительностію много содѣйствовалъ къ отраженію турецкой арміи, за что царь Θеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ его въ 1678 году въ генералъ-маіоры. Уважаемый и любимый всѣми иностранцами, жившими въ Москвѣ, онъ умѣлъ заслужить умомъ, честностью, благородствомъ характера, довѣренность и Русскихъ вельможъ, такъ что лучше многихъ могъ понимать силы и средства Россіи; а постоянная обширная переписка заграничная доставила ему основательныя свѣдѣнія о политическомъ положеніи всей Европы.[12] Князь Голицынъ отличалъ его предъ всѣми иностранцами и за чигиринскую службу, въ 1683 году, исходатайствовалъ ему чинъ генералъ-поручика.[13]

Совѣщанія о войнѣ съ Крымомъ.

Съ часу на часъ ожидая пословъ цесарскихъ, съ предложеніемъ наступательнаго союза противъ Турокъ,[14] Голицынъ пригласилъ къ себѣ Гордона, долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ о предполагаемомъ союзѣ съ Польшею и цесаремъ, о средствахъ къ вторженію въ Крымъ, о непостоянствѣ Поляковъ, о затруднительномъ положеніи Россіи, и послѣ многихъ совѣщаній потребовалъ отъ Гордона мнѣнія письменнаго. Воля князя была исполнена на другой день.

1684 16 января.

«При настоящемъ состояніи Россіи», писалъ Гордонъ[15] «трудно сказать положительно, что для нее полезнѣе: миръ или война. Съ одной стороны многія обстоятельства заставляютъ желать мира: 1) малолѣтство государей; если вой-

11. Съ сентября 1661 г. См. выше, обозрѣніе источниковъ.

12. Дневникъ его наполненъ необъятнымъ множествомъ замѣтокъ о полученныхъ письмахъ изъ-за границы.

13. Записка о службѣ его въ V части Дневника.

14. О пріѣздѣ ихъ дворъ нашъ былъ предувѣдомленъ 13 янв. 1684 г. чрезъ архіепископа Себастіана, посланнаго цесаремъ въ Арменію. Рукописный Дневникъ Гордона подъ 13 января 1684. Оффиціальное извѣстіе получено съ секретаремъ Гевелемъ 28 Янв. См Цесар. дѣла.

15. Собственноручный Дневникъ его, часть IV.

1684. на будетъ неудачна, они, достигнувъ совершеннолѣтія, могутъ потребовать отчета отъ того, кто ее началъ; а правители пылкіе и браннолюбивые почти всегда проигрывали; 2) раздоръ и мятежи въ государствѣ, питаемые несогласіемъ, подозрительностію и завистью дворянства, и нерѣшительностію думы, которая не можетъ не вредить успѣху воинскихъ предпріятій; 3) недостатокъ денегъ: онѣ служатъ, такъ сказать, нервами войны, а ихъ мало въ обращеніи и въ казнѣ; 4) ропотъ, непослушаніе, строптивость войска и народа, увлекаемаго разными корыстными видами; 5) слабая наклонность къ войнѣ въ народѣ, въ особенности въ совѣтникахъ и вельможахъ; 6) надежда ваша на точное соблюденіе Турками и Татарами перемирія, заключеннаго съ ними на двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ цари достигнутъ зрѣлаго возраста и пріобрѣтутъ опытность въ дѣлахъ; да и казна ваша умножится; 7) мнѣніе ваше, что несправедливо и беззаконно нарушать недавно постановленное перемиріе и быть зачинщикомъ войны; 8) недовѣрчивость ваша къ союзникамъ, въ особенности къ Полякамъ, которые, склонивъ васъ къ разрыву съ Турціею, будутъ стараться, вопреки всей святости союза, объ исполненіи только своихъ намѣреній, и при первомъ удобномъ случаѣ помирятся съ непріятелемъ, а васъ оставятъ; если же и включатъ васъ въ договоръ, то, пользуясь своимъ преимуществомъ, принудятъ васъ согласиться на все, что нынѣ они отъ васъ требуютъ. Отговорки ихъ отъ заключенія вѣчнаго мира и безразсудныя условія, которыя они предлагаютъ въ основаніе его, даютъ вамъ полное право не довѣрять ихъ искренности и доброжелательству; 9) выгоды мира, который приноситъ изобиліе, богатство, спокойствіе, утѣхи, чего не доставитъ никакой отважный замыселъ.

«Съ другой стороны, многія соображенія ослабляютъ силу вышеприведенныхъ доводовъ. 1) Я согласенъ, что малолѣтство государей служитъ всегда великимъ препятстві-

емъ къ предпріятіямъ отважнымъ, какъ напримѣръ къ войнѣ; но одно опасеніе порицанія, въ случаѣ неудачи, не можетъ имѣть большаго вѣса: война есть дѣло не одного, или нѣсколькихъ лицъ, но всего государства, которое на нее согласилось. Много есть примѣровъ, что войны начинались въ малолѣтство государей, и оканчивались удачно. Такъ было при Англійскомъ королѣ Генрихѣ V и при Шведской королевѣ Христинѣ. 2) Я согласенъ также, что многочисленность верховныхъ правителей вредитъ успѣшному исполненію великихъ намѣреній; но это случается болѣе при совершеннолѣтнихъ государяхъ, чѣмъ при малолѣтныхъ. Когда государство согласится принять участіе въ войнѣ и предоставитъ всѣ распоряженія правительствующимъ особамъ, тогда уже ваша вина, если въ дѣйствіяхъ не будетъ единодушія, благовременности, предусмотрительности, постоянства и мужества. 3) Денегъ сыщется довольно; въ нуждахъ государственныхъ можно ихъ брать вездѣ, гдѣ найдутся, по примѣру вашихъ сосѣдей, Поляковъ, какъ они распорядились на сеймѣ 1658 года. 4) Ропотъ, непослушаніе и строптивость войска и народа не должны внушать опасеній, при строгомъ воинскомъ порядкѣ. 5) Награда и наказанія,—пружины войны: надежда чести, славы, богатства ведетъ однихъ; страхъ наказанія, безчестія, убытка увлекаетъ другихъ. Пусть только отличныя награды будутъ удѣломъ людей военныхъ: тогда каждый будетъ искать ихъ въ рядахъ воиновъ. Сколь свято Турки и Татары соблюдаютъ мирные договоры, тому много печальныхъ примѣровъ въ прошедшемъ и настоящемъ времени. Миръ для нихъ кончился, какъ скоро представился удобный случай къ разрыву. Вы думаете, что безъ законныхъ причинъ Турки мира не нарушатъ; но если они пока и не прекословятъ вашему запрещенію переселяться казакамъ за Днѣпръ въ ихъ сторону, то навѣрное переходъ вашихъ казаковъ на Польскую сторону, для содѣйствія королю въ войнѣ съ султаномъ, будетъ признанъ Портою потачкою, если

1684. не явнымъ нарушеніемъ мира. Турки и другое многое оставляютъ безъ вниманія, пока не пришло время; а тогда они все припомнятъ. Въ манифестахъ своихъ о войнѣ султанъ обыкновенно довольствуется общими выраженіями, и объявляетъ притязанія на такіе города и земли, какіе присвоить ему вздумается. 7) Нарушеніемъ мира не вы начнете войну: сколько разъ, послѣ мирнаго договора, Татары нападали на вашу землю, и какое множество народа увели съ собою въ плѣнъ! Всѣ ваши требованія удовлетворенія остались тщетны. Съ каждымъ изъ вашихъ посланниковъ Турки заводятъ споры о смыслѣ и содержаніи трактатовъ, дѣлаютъ вамъ угрозы, безчестятъ вашихъ гонцевъ и воспрещаютъ присылать ихъ. Вы легко догадаетесь, чего ожидать вамъ отъ султана, когда онъ раздѣлается съ своими врагами. Главное правило Турецкаго двора неизмѣнно: войско не должно быть праздно. 8) Подозрительная недовѣрчивость между сосѣдними государствами всегда была, есть и будетъ; никакіе союзы не отвратятъ ея. Я убѣжденъ, что Поляки навсегда останутся вашими недоброжелателями; злоба питается воспоминаніемъ минувшихъ споровъ, неудачъ и утратъ. Но подумайте, что услуга и помощь, оказанныя вами кстати, если не истребятъ, по крайней мѣрѣ ослабятъ ненависть, порожденную прежними ссорами. Въ случаѣ же неблагодарности ихъ, вы будете имѣть на своей сторонѣ справедливость, преимущество важное при начатіи войны. Кромѣ того, вы можете обезпечить себя ручательствомъ другихъ державъ. 9) Правда, миръ есть главное благо; но какъ ошибетесь вы, если считаете возможнымъ жить въ мирѣ всегда, по крайней мѣрѣ долгое время, среди столь воинственныхъ народовъ!

«Въ заключеніе, предлагаю нѣсколько соображеній въ пользу войны, равносильныхъ первымъ доводамъ. Настоящая война Поляковъ съ Турками должна кончиться миромъ, и притомъ продолжительнымъ. Сами вы можете разсудить, какихъ плодовъ должны вы ожидать отъ сего мира: если

Поляки заключатъ выгодныя для себя условія и притомъ обяжутъ Турокъ дѣйствовать съ ними заодно противъ васъ, или преклонятъ на свою сторону Татаръ, или даже убѣдятъ ихъ къ бездѣйствію: то, злобствуя за отказъ въ помощи, они не уступятъ въ своихъ требованіяхъ, объявятъ вамъ войну, и, располагая побѣдоноснымъ, хорошо обученнымъ войскомъ, при помощи союзниковъ, благодарныхъ за содѣйствіе въ настоящее время, поставятъ васъ въ самое затруднительное положеніе, котораго вы избѣгнете и пріобрѣтете тѣ же выгоды, начавъ войну теперь. Если же Поляки заключатъ невыгодный и безчестный для себя миръ, откажутся отъ всей Украйны и казаковъ, въ такомъ случаѣ берегитесь, чтобы Турки не предпочли своихъ правъ вашимъ: они потребуютъ отъ васъ столько казацкой земли, сколько и Поляки ея не имѣли. Если же Турки покорятъ Польшу, то безъ сомнѣнія вступятся за ея притязанія и будутъ помогать ей къ возвращенію всего, чего она ни потребуетъ. По моему мнѣнію, чѣмъ невыгоднѣе будетъ миръ для Поляковъ, тѣмъ хуже для васъ. Вы опасаетесь, что союзъ съ Польшею заставитъ казаковъ передаться къ прежнимъ ихъ покровителямъ. Я того не думаю. Поляки ничего болѣе не желаютъ, какъ только отвлечь Татаръ въ другую сторону, равно и Турокъ усиленіемъ вашихъ войскъ въ Кіевѣ. Не надобно притомъ забывать, что казаки народъ мятежный, воинственный и грабежу преданный: слѣдовательно Полякамъ не трудно, какъ уже и случалось, переманить на свою сторону лучшихъ, наиболѣе склонныхъ къ войнѣ; за ними послѣдуютъ и другіе. 1684.

«Считаю почти излишнимъ говорить о необходимости вторженія въ Крымъ и разоренія его (въ успѣхѣ я нимало не сомнѣваюсь). Во первыхъ, вы совершите богоугодное дѣло, разоривъ гнѣздо, столько вѣковъ пагубное христіанству, и освободивъ многія тысячи христіанъ отъ бѣдственнаго плѣна. Во вторыхъ, вы заслужите величайшую славу, какую только когда либо издревле пріобрѣталъ

1664. другой народъ, избавивъ христіанство отъ этого страшнаго, проклятаго и смертоноснаго племени; притомъ же вы освободите себя отъ тягостнаго налога (признаваемаго всѣми неизбѣжнымъ), отъ этой дани, которую вы платите Татарамъ ежегодно; такимъ образомъ вы отмстите за прежнее безчестіе и обиды. Въ третьихъ, обогатится ваше государство: всѣ христіане, бывшіе въ Крыму, удостовѣряютъ, что тамъ, въ землѣ, скрыты несмѣтныя сокровища. Иначе и быть не можетъ. Данью, грабежемъ, продажею и выкупомъ плѣнныхъ, развѣ не истощили Татары богатствъ Россіи, Польши, Венгріи и другихъ земель? Въ четвертыхъ, самое дѣло не представляетъ большихъ затрудненій: съ 40.000 пѣхоты и 20.000 конницы вы легко можете разорить Крымъ въ одинъ годъ, много, что въ два года. Да и путь туда не труденъ: только двое сутокъ безводныхъ. Мѣстность же весьма удобна: нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, ни пропастей болотистыхъ. Войско можетъ итти строемъ. Прибавлю и то, что весьма опасно оставлять вашъ народъ въ бездѣйствіи, безъ воинскихъ упражненій, когда всѣ сосѣды ваши такъ дѣятельны на ратномъ полѣ».

Ничто не могло быть основательнѣе мнѣнія Гордона при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Голицынъ, кажется, выслушалъ его равнодушно:[16] по крайней мѣрѣ не отмѣнилъ даннаго полномочнымъ коммиссарамъ въ Андрусовѣ наказа объ уклоненіи отъ наступательнаго союза съ Польшею противъ Турціи, и, чрезъ мѣсяцъ послѣ совѣщаній съ Гордономъ, получено въ Москвѣ извѣстіе, что переговоры въ Андрусовѣ разорвались.

[Андр]усовскіе [перег]оворы. Тридцать девять разъ съѣзжались полномочные коммиссары, то въ нашемъ порубежномъ селѣ Андрусовѣ, то въ близлежащемъ Польскомъ мѣстечкѣ Кадзинѣ (Кадинѣ), и никакъ не могли согласиться въ спорныхъ пунктахъ. Поляки неотступно требовали Кіева и вспомогательнаго войска, на основаніи прежнихъ трактатовъ;

[...] январѣ.

16. Что отвѣчалъ онъ Гордону, въ Дневникѣ не записано.

мы равно упорно не соглашались ни на то, ни на другое.[17] 1684.
Кіевъ удерживали за неоднократное нарушеніе Польскимъ правительствомъ перемирныхъ постановленій описками въ царскомъ титулѣ и дозволеніемъ печатать оскорбительныя для Россіи книги;[18] войскомъ не хотѣли помогать потому, что трактатами опредѣлено дѣйствовать совокупными силами только въ случаѣ нападенія Турокъ и Татаръ на Россію и Польшу; король же самъ началъ войну съ султаномъ; пусть одинъ и воюетъ: Россіи дѣла до того нѣтъ. Тщетно доказывали Польскіе коммиссары, что король воюетъ для блага всего христіанства, для безопасности Польши и самой Россіи; что султанъ, овладѣвъ Вѣною, разгромилъ бы Польшу и безъ сомнѣнія не пощадилъ бы и Россіи. Наши полномочные остались непреклонны, и выговаривали Полякамъ за бездѣйствіе ихъ во время Чигиринскаго похода, когда вся тяжесть войны пала на одну Россію, также за примиреніе съ Турціею въ Буджановѣ, безъ вѣдома нашего правительства. Обѣ стороны горячились, упреки сыпались градомъ, и дѣло союза не подвигалось впередъ.

Еще жарче спорили за Кіевъ: Польскіе коммиссары съ огорченіемъ говорили, что Москва удерживаетъ его вопреки всѣмъ обязательствамъ, неоднократно повтореннымъ, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, потому что описки въ царскомъ титулѣ происходили отъ невѣдѣнія писцовъ, а книги печатались частными людьми, и все это до рѣчи посполитой не относится; да и дѣло-то само по себѣ неважное. «Пишите и называйте нашего короля какъ хотите», сказали съ улыбкою Польскіе паны «мы спорить не будемъ». «Какъ смѣете вы говорить подобныя рѣчи»? вскричали съ сердцемъ Русскіе бояре. «За честь нашего го-

17. Отписки Одоевскаго съ товарищи въ Посольскій приказъ, въ Польск. дѣлахъ. Главн. Арх. св. 130. Любопытное донесеніе Польскихъ коммиссаровъ Сенату о безуспѣшности переговоровъ напечатано во 2 части I тома Andr. Chrysostomi Zaluski epistolarum historico-familiarum, Brunsbergae 1710, на стр. 925—930, отъ 12 февр. Только годъ (1686) выставленъ издателемъ неправильно, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ этого драгоцѣннаго собранія.

18 Подробности сихъ притязаній повторятся въ Москвѣ, при заключеніи вѣчнаго мира 1686. Тамъ найдетъ ихъ читатель.

сударя мы готовы головы свои положить», и такъ разгнѣвались, что едва тутъ же не объявили войны.[19] Кончилось тѣмъ, что на послѣднемъ съѣздѣ положили разъѣхаться восвояси, а дальнѣйшіе переговоры, въ разрѣшеніе спорныхъ пунктовъ, производить письменными сношеніями между обоими дворами.

Мѣсяца черезъ три по закрытіи андрусовской коммиссіи, пріѣхали въ Москву цесарскіе бароны Жировскій и Блюмбергъ, съ предложеніемъ оборонительнаго союза противъ Турокъ.[20] Убѣждая царей поднять оружіе на враговъ христіанства, цесарь писалъ о томъ ласковую граммату и къ наперснику Софіи. Князь Голицынъ благодарилъ его письмомъ, «за премногое поисканіе и благодѣяніе», и обѣщалъ всѣми силами радѣть о покоѣ христіанскомъ;[21] но посламъ объявилъ, что Россія ни въ какія обязательства вступить не можетъ, до заключенія вѣчнаго мира съ Польшею.

Горько было слышать Яну III о безуспѣшности андрусовскихъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что спасенная имъ отъ грознаго нашествія мусульманъ священная Римская имперія не обѣщала ему дѣятельной помощи, а цесарь даже спорилъ съ нимъ за трофеи вѣнской побѣды, и все бремя войны пало на него. Единственная надежда оставалась на могущественную Россію: король рѣшился испытать еще разъ, не удастся ли вовлечь ее въ войну турецкую, и съ этою цѣлью назначилъ въ Москву великое посольство, главою котораго были полномочные коммиссары, трактовавшіе въ Андрусовѣ и уже знакомые съ русскою политикою, панъ Гримультовскій и князь Огинскій. Увѣдомляя о томъ царей, онъ писалъ къ нимъ:[22] «Всему свѣту удивительно, какъ до сихъ поръ, послѣ всѣхъ бывшихъ ком-

19. Relatio conferentiae cum Moschis, въ письмѣ Залускаго, т. 1, ч. II, стр. 930.

20. Пріѣздъ ихъ и отпускъ въ дѣлахъ цесарскихъ, въ Главн. Архивѣ.

21. Письмо это хранится въ Тайномъ Госуд. Архивѣ въ Вѣнѣ, съ собственноручною подписью Голицына: «Есмь нижайшій и покорный до услуги ближней бояринъ и намѣстникъ Новгородскій Князь Василій Васильевичъ Голицынъ».

22. Королевская граммата отъ 20 января 1683.

миссій, мы не можемъ согласиться о вѣчномъ покоѣ и о 1684.
соединеніи своихъ силъ противъ общаго врага. Время ли теперь откладывать столь великое и святое дѣло, и ограничиваться пересылкою грамматъ другъ къ другу?» Польскіе послы прибыли однакожъ не прежде, какъ чрезъ годъ послѣ королевской грамматы; между тѣмъ Московское правительство, благодаря содѣйствію гетмана Самойловича и снисходительности Цареградскаго патріарха, не взирая на всю неосмотрительность въ своихъ дѣйствіяхъ, успѣло уладить важное дѣло церковное, подчинивъ Кіевскую митрополію, со всѣмъ православнымъ духовенствомъ, какъ въ Малороссіи, такъ и въ Польшѣ, патріарху Московскому и всея Россіи.

ГЛАВА VII.

КІЕВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

ЗАВИСИМОСТЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ ОТЪ ВИЗАНТІЙСКАГО ПАТРІАРХА.—СНОШЕНІЕ МОСКОВСКАГО ДВОРА СЪ ЦАРЕГРАДОМЪ.—ИЗБРАНІЕ ГЕДЕОНА ВЪ КІЕВСКІЕ МИТРОПОЛИТЫ.—ПОСВЯЩЕНІЕ ЕГО ВЪ МОСКВѢ.—ОТЗЫВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ПАТРІАРХОВЪ.

1685.

Издавна Кіевская митрополія находилась въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, и ни въ какомъ случаѣ не подчинялась Московскому. Во время подданства Богдана Хмѣльницкаго царю Алексѣю Михайловичу, договоромъ, опредѣлившимъ отношенія Малой Россіи къ Великой, было постановлено, чтобы Кіевскому митрополиту состоять въ вѣдѣніи патріарха Московскаго, который съ своей стороны обязывался не вступаться въ духовныя права и владѣнія Малороссіи.[1] Но тогдашній митрополитъ Кіевскій, Сильвестръ Косовъ, не рѣшился, безъ сонзволенія Константинопольскаго патріарха, признать надъ собою власть патріарха Московскаго, не принялъ царской грамматы, подтверждавшей ему всѣ маетности и права его, и по прежнему именовался «митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Россіи, экзархомъ Константинопольскаго престола». Избранный по смерти его, въ 1657 году, съ благословенія Константинопольскаго патріарха, епископъ Луцкій и Острожскій Діонисій Болобанъ, равнымъ образомъ

1. Статьи 13 и 12. См. договоръ 8 января 1654 г. въ Румянцовскомъ Собраніи государств. грамотъ и договоровъ. III. 462.

не хотѣлъ принять посвященія отъ патріарха Никона, какъ предлагалъ ему, по волѣ царя, окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, отозвавшись, что Кіевскихъ митрополитовъ, отъ начала крещенія Руси, посвящалъ Константинопольскій патріархъ, и что онъ за отступленіе сего правила боится навлечь проклятіе восточныхъ іерарховъ на всю Малороссію. Разгнѣванный царь, въ 1661 году, назначилъ блюстителемъ митрополіи Мстиславскаго епископа Меѳодія, который не имѣлъ однакожъ никакого значенія. 1683.

По смерти Діонисія въ 1663 году, духовенство и казаки раздѣлились при избраніи митрополита, какъ раздѣлялись при избраніи гетмановъ: на лѣвой сторонѣ нарекли Іосифа Нелюбовича Тукальскаго, на правой Антонія. Поляки схватили Іосифа и заключили въ Маріенбургъ; два года томился онъ въ темницѣ; наконецъ освобожденный гетманомъ Дорошенкомъ и въ 1668 утвержденный въ санѣ митрополита патріархомъ Царяградскимъ, онъ вытѣснилъ Антонія и снялъ епископскій санъ съ Меѳодія. Вскорѣ явился новый совмѣстникъ, тайный уніатъ, Іосифъ Шумлянскій, объявленный отъ Польскаго короля администраторомъ митрополіи. Но Тукальскій остался любимымъ пастыремъ народа до самой кончины, въ 1676 году.

Съ тѣхъ поръ Малороссія не имѣла своего митрополита; дѣлами церкви завѣдывалъ престарѣлый архіепископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ, признававшій власть патріарха Московскаго. Православные епископы въ Польскихъ владѣніяхъ не знали, къ кому обращаться. Неминуемымъ слѣдствіемъ всѣхъ сихъ неустройствъ были важные безпорядки въ церковномъ управленіи, которыхъ не въ силахъ были прекратить Вселенскіе патріархи, вообще мало занимавшіеся дѣлами Южной Россіи.[2] Недовольный слабостію ихъ доблестный гетманъ Малороссіи, Иванъ Самой-

2. Всѣ акты о присоединеніи Кіевской митрополіи къ Россійской іерархіи собраны въ рукописи Академіи Наукъ No 83, подъ заглавіемъ: «Книга Икона или изображеніе великія соборныя церкви приключившихся дѣлъ въ разныя времена и лѣта, писанныя при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ .....свершися лѣта 7208 (1700) мѣсяца марта.

1683. ловичъ, ревностный поборникъ благочестія, рѣшился обратиться къ православной Москвѣ.

Въ сентября 1683 года, гетманъ чрезъ посланца своего, Василія Кочубея, изъявилъ патріарху Іоакиму желаніе возвести на Кіевскую митрополію достойнаго святителя подъ защитою Россійскихъ государей. Патріархъ съ жаромъ взялся помогать ему. «Съ сокрушеннымъ сердцемъ слышу я», писалъ онъ къ гетману[3] «что въ такомъ многолюдномъ краю церковь вдовствуетъ, и Кіевская митрополія всякаго благочестія лишилась. Хотя издавна она состоитъ въ духовномъ управленіи у Царяградскаго патріарха; но по единовѣрію, я не могу не болѣзновать, и долгъ мой заботиться, чтобы столь многонародная паства, безъ пастыря, отъ иностранныхъ правильниковъ не расторглась. Пріѣзжаютъ туда, и таинства архіерейскаго служенія совершаютъ Греческіе и другіе чужестранные епископы, никѣмъ не свидѣтельствованные, даже безъ благословенія Царяградскаго патріарха, а возбранить имъ некому. Архіепископъ Черниговскій уже старъ, немощенъ и не въ состояніи исправлять всѣхъ требъ архіерейскихъ въ краю столь многолюдномъ: по правиламъ церкви, на литургіи слѣдуетъ посвящать не болѣе одного іерея и одного діакона, а онъ творитъ по 10 и по 15!» Въ заключеніе патріархъ убѣждалъ гетмана приложить все тщаніе къ церковному устройству въ Малороссіи, изъявляя съ своей стороны готовность исходатайствовать у великихъ государей согласіе къ назначенію начальнаго архіерея граду Кіеву. Само собою разумѣется, что прежде всего надлежало бы обратиться къ Царяградскому патріарху и испросить его согласіе; но мало ли надѣялись на его уступчивость, или были другіе разсчеты, только приступили къ дѣлу безъ предварительнаго сношенія съ Царемградомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ скончался архимандритъ Кіевопечерской Лавры Иннокентій Гизель, «мужъ мудрый и благого-

3. Граммата патріарха отъ 4 сентября 1683, въ *Иконѣ*.

вѣйный», ученикъ знаменитаго митрополита Петра Моги- 1684.
лы. Кіевопечерская Лавра издревле была ставропигіею Ца-
рягралскаго патріарха, и отъ него непосредственно зависѣ-
ла. Гетманъ не счелъ нужнымъ просить въ Константинопо-
лѣ о назначеніи Лаврѣ архимандрита, и обратился въ Мо-
скву. Патріархъ благословилъ его на избраніе Малороссій-
скимъ духовенствомъ достойнаго преемника Иннокентію Ги- 3 іюня.
зелю,[4] и когда выборъ палъ на игумна Пустынно-Николь-
скаго Кіевскаго монастыря, Варлаама Ясинскаго, Іоакимъ утвердилъ его своею властію въ санѣ архимандрита.[5] Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Но къ избранію митрополита приступить не рѣшались, безъ благословенія Царяградскаго патріарха; а къ нему все еще не относились.

Между тѣмъ, уніатъ Іосифъ Шумлянскій, именуя себя Кіевскимъ митрополитомъ, разными происками производилъ смуты въ подвластной намъ Малороссіи; а сообщники его преслѣдовали православіе на Волыни, съ такимъ ожесточеніемъ, что епископъ Луцкій и Острожскій Гедеонъ князь Святополкъ-Четвертинскій, спасая себя отъ гонителей, посягавшихъ на самую жизнь его, рѣшился оставить свою епархію и удалился въ Малороссію, подъ защиту Самойловича, намѣреваясь провести остатокъ дней своихъ въ Крупицкомъ монастырѣ, близъ гетманской резиденціи, Батурина.

«Двадцать три года», писалъ онъ къ патріарху Іоакиму[6] «папежники всѣми средствами старались отторгнуть меня отъ благочестія; чернили навѣтами предъ Польскими «королями, не разъ покушались уморить отравою, наконецъ вознамѣрились заточить въ Малборку (въ Маріенбургѣ). По немощи человѣческой, не стерпѣвъ такого гоненія, я рѣшился оставить свою паству, покинуть все, что

4. Граммата патріарха отъ 7 декабря 1683 г. въ *Иконѣ*.
5. Благодарственная граммата Варлаама патріарху отъ 16 декабря 1684, въ *Иконѣ*.
6. Граммата его отъ 24 ноября 1684 г. — Гордонъ говоритъ, что онъ вывезъ съ собою все свое серебро. Дневникъ его, подъ 8 іюля 1685 г.

1684. «имѣлъ, и прибѣгнуть подъ защиту богохранимой держа«вы великихъ государей Россіи». Патріархъ благодарилъ его [7] за непоколебимую твердость въ благочестіи. «Отеческихъ преданій хранитель и вѣры боронитель явился ты крѣпкій», писалъ онъ къ Гедеону, и обѣщалъ ему милость государей; на первый случай, для домашнихъ нуждъ, послалъ 10 рублей.

Время наконецъ было положить предѣлы наглымъ притязаніямъ уніатовъ и неустройствамъ въ югозападной церкви: патріархъ далъ знать гетману Самойловичу, что онъ, съ согласія государей, благословляетъ Малороссійское духовенство и народъ на избраніе Кіевскаго митрополита. Радостно принялъ гетманъ эту граммату, «цѣлуючи святую печать ея, вмѣсто благословляющей десницы патріаршей», разослалъ универсалы по всей Малороссіи, съ призывомъ духовныхъ и мірскихъ чиновъ на елекцію, и отправилъ въ Москву, съ изъявленіемъ благодарности, Василія Кочубея.[8]

Сношеніе съ Цареградомъ.

Тогда только, чтобы устранить противорѣчіе патріарха Цареградскаго, которое въ столь щекотливомъ дѣлѣ могло имѣть важныя слѣдствія, правительство наше обратилось къ нему съ предложеніемъ отказаться отъ права на утвержденіе Кіевскихъ митрополитовъ и предоставить его патріарху Московскому и всея Россіи. «Довольно вашему архи«пастырству извѣстно», писали цари къ Константинопольскому патріарху Іакову[9] «какъ при предкѣ нашемъ, бла«женныя памяти великомъ государѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, «по его изволенію, съ согласія Вселенскихъ іерарховъ и «всего освященнаго собора, святѣйшій Іеремія патріархъ «Константинопольскій учредилъ въ Москвѣ престолъ па«тріаршій. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1590 году, Все«ленскіе іерархи соборною грамматою утвердили, чтобы «патріархи Московскіе поставлялись отъ митрополитовъ,

7. Граммата патріаршая 11 декабря 1684.

8. Граммата гетмана патріарху изъ Батурина въ январѣ 1685; получена въ Москвѣ 25 января.

9. Царская граммата отъ 31 декабря 7193 (1684).

«архіепископовъ и епископовъ: такъ и до сего времени бы- 1684.
«ваетъ; а митрополиты и архіепископы, во всемъ простран-
«ствѣ нашего самодержавнаго царства, рукоположеніе и
«благословеніе пріемлютъ отъ святѣйшаго патріарха Мо-
«сковскаго и всея Россіи. Между тѣмъ, при отцѣ нашемъ,
«блаженныя памяти великомъ государѣ царѣ Алексѣѣ Ми-
«хайловичѣ, богоспасаемый градъ Кіевъ со всѣмъ Мало-
«россійскимъ краемъ возвращенъ подъ нашу державу, чѣмъ
«святая церковь отъ гоненія уніатовъ освободилась, и пра-
«вославный народъ нашелъ защиту подъ нашею самодер-
«жавною, высокою рукою; но уже многія лѣта святая цер-
«ковь и митрополичій престолъ во градѣ Кіевѣ пребываетъ
«безъ пастыря. Пользуясь симъ, отступникъ православнаго
«закона, приставшій къ римскому костелу, Польскій епи-
«скопъ Шумлянскій, пишется непристойно блюстителемъ
«Кіевской митрополіи, всѣхъ тамошнихъ жителей прель-
«щаетъ и призываетъ къ своей ереси, въ Унію, и къ пови-
«новенію папежскому.

«Для того мы, великіе государи, совѣтовавъ во святомъ
«духѣ съ отцемъ нашимъ, патріархомъ Іоакимомъ, со всѣмъ
«освященнымъ соборомъ и нашимъ сингклитомъ, въ слѣд-
«ствіе челобитья подданнаго нашего, гетмана Запорожскаго
«обѣихъ странъ Днѣпра и всего Малороссійскаго народа,
«просимъ у вашего архипастырства согласія, чтобы впредь
«на Кіевскій митрополій престолъ избирать и поставлять
«пастыря въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, пото-
«му что Малороссійскому народу, за дальнимъ путемъ,
«за бусурманскимъ гоненіемъ и за военными случаями,
«принимать постановленіе и благословеніе вашего архи-
«пастырства трудно и часто не возможно. Просимъ васъ о
«семъ Божіемъ дѣлѣ наиболѣе для того, чтобы отступники
«православной вѣры, пребывающіе въ послушаніи папеж-
«скомъ, не дерзали называть себя блюстителями Кіевской
«митрополіи, чѣмъ прельщаютъ народъ и отъ вѣры истин-
«ной отводятъ. Что же Кіевской митрополіи, для близкаго

1685. «пути и для удобнѣйшаго исправленія всякихъ требъ, мы «соизволяемъ быть подъ благословеніемъ патріарха Московскаго и всея Россіи, того къ умаленію своей епархіи «ваше архипастырство не причитайте: мы соизволяемъ на «то великое дѣло единственно для восточныя святыя апостольскія церкви; а что прежде сего было посылано «къ вамъ отъ нашего царскаго величества казны, то и «впредь доходить къ вамъ не престанетъ, въ чемъ будьте надежны, и съ сею грамматою посылаемъ вамъ «сорокъ соболей въ 200 рублей. Просимъ ихъ принять «и о нашемъ государскомъ здравіи Бога молить, а свое «архипастырское отпустительное благословеніе на Кіевскую митрополію къ намъ прислать; мы же никогда «въ забвеніи васъ имѣть не будемъ».

Избраніе Кіевскаго митрополита.

Патріархъ Іаковъ оставилъ царскую граммату безъ отвѣта;[10] между тѣмъ неизвѣстность, будетъ ли онъ согласенъ признать митрополита, избраннаго безъ его воли, смущала Малороссійское духовенство, такъ, что архіепископъ Черниговскій не только самъ не поѣхалъ въ Кіевъ, но и не прислалъ ни одного архимандрита, ни протопопа изъ своей епархіи.[11] Югозападное духовенство также колебалось, частію изъ опасенія гнѣва Царяградскаго патріарха, частію по разнымъ мірскимъ разсчетамъ, и не прежде, какъ чрезъ полгода, послѣ универсаловъ гетмана, въ слѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій его, открылась элекція въ Кіевскомъ Софійскомъ храмѣ. Съѣхалось много протопоповъ и священниковъ, но мало лицъ почетныхъ; не было ни одного епископа; архимандритъ Кіевопечерской Лавры Варлаамъ Ясинскій занималъ первую степень въ чредѣ собравшагося духовенства.[12] Гетманъ въ это время оплакивалъ въ Батуринѣ смерть любимой дочери своей, боярыни Пелагѣи Ивановны Шереметевой, и стар-

10. Это видно изъ второй царской грамматы къ нему отъ 11 ноября 1685.
11. Письмо гетмана къ царямъ 25 іюля 1685.
12. Дневникъ Гордона 8 мая 1685 г.

шаго сына Симеона, полковника Стародубовскаго;[13] но не 1685.
ослабѣвалъ въ благочестивой ревности къ устройству дѣлъ церковныхъ въ Малороссіи, согласно съ видами Московскаго двора, и отправилъ въ Кіевъ на элекцію людей надежныхъ: Черниговскаго полковника Василія Борковскаго, войсковаго есаула Ивана Мазепу, Переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, Кіевскаго полковника Григорія Карпова и Нѣжинскаго полковника Якова Жураковскаго. Они разсѣяли опасенія робкихъ избирателей,[14] согласили голоса, и 8 іюля единодушный выборъ палъ «на странствующаго, благочестія ради, епископа Луцкаго и Острожскаго, мужа благонарочитаго и благоискуснаго, Гедеона князя Святополка-Четвертинскаго».[15]

Поздравляя царей, царевну и патріарха съ симъ счастливымъ событіемъ, гетманъ именемъ всего Малороссійскаго духовенства, въ слѣдствіе слезнаго моленія его, просилъ великихъ государей: «1) всѣ древнія права и вольности духовнаго причта оставить неприкосновенными; 2) Кіевской митрополіи занимать первую степень между митрополіями Россійскими; 3) патріарха Константинопольскаго убѣдить поступиться ею изъ-подъ своего начала, дабы, безъ всякаго сумнительства, Малороссійское духовенство могло быть въ послушаніи патріарху Московскому и всея Россіи; 4) Кіевскому митрополиту сохранить званіе экзарха Константинопольскаго патріаршества, для того, чтобы православные епископы, подвластные Польшѣ, не вздумали избрать особаго митрополита съ титуломъ экзарха Константинопольскаго, который можетъ преклонить на свою сторону и весь народъ, привыкшій повиноваться ему въ этомъ санѣ; 5) патріарху Московскому, какъ было при патріархахъ Цареградскихъ, поставлять и благословлять митрополита Кіев-

13. Дочь; бывшая за бояриномъ Өедоромъ Петровичомъ Шереметевымъ, скончалась въ Кіевѣ 19 марта, сынъ въ Батуринѣ въ началѣ іюня 1685. Дневникъ Гордона и утѣшительная граммата патріарха гетману въ іюлѣ того же года.

14. Дневникъ Гордона и письмо гетмана 23 іюля 1685.

15. См. Примѣчаніе 66.

скаго; но въ судъ его митрополіи не вступаться, потому что никто изъ Кіевскихъ митрополитовъ за судомъ въ Константинополь не ходилъ; 6) по древнему Малороссійской церкви обычаю, предоставить митрополиту ея митру, съ крестомъ, на верху ея водруженнымъ, и ношеніе креста предъ нимъ въ его епархіи; 7) дозволить печатаніе книгъ въ Кіевопечерской лаврѣ и ученіе свободныхъ наукъ на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ въ монастырѣ Братскомъ, какъ издавна ведется; 8) всѣ другіе чины и обыкновенія, равно какъ и зависимость епископій, архимандрій, игуменствъ отъ Кіевскаго митрополита, оставить неприкосновенно; а по смерти его, избранію преемника его быть вольнымъ».

Ходатайствуя на всѣ сіи статьи царскаго и царевнина, равно и патріаршаго согласія, гетманъ съ своей стороны «покорственно и всепокорственно» просилъ, во избѣжаніе нареканія и жалобъ на себя, при жизни и по смерти, прежде всего исходатайствовать согласіе Константинопольскаго патріарха на зависимость Кіевской митрополіи отъ Московскаго патріарха, чтобы проклятіе изъ Константинополя не поразило всей Малороссіи, отъ чего ревнители православія, подъ властію Польскою обрѣтающіеся, отпадутъ отъ благочестія, а униаты и папежники распустятъ молву о разрывѣ церкви Русской съ Греческою. Въ устраненіе сего, гетманъ убѣждалъ испросить у Константинопольскаго патріарха и саккосъ Кіевскому митрополиту. А какъ, сверхъ того, новоизбранный митрополитъ, при своемъ возведеніи въ епископы, далъ присягу, никогда не отступать отъ послушанія Цареградскому престолу, то гетманъ, отъ имени его, просилъ царей и царевну, чтобы объ немъ попеченіе было особое.

Въ царской думѣ, при полученіи извѣстій отъ гетмана, возникли споры и несогласія: нѣкоторые изъ членовъ ея говорили, что Кіевская митрополія никогда Московскому патріарху подсудственна не бывала.[16] Іоакимъ, выписками

16. Слова составителя Иконы.

изъ каталоговъ митрополитовъ, изъ Польскихъ лѣтописей, 1685.
и соборною грамматою Вселенскихъ святителей 1602 года, разсѣялъ сомнѣнія. Рѣшено признать Гедеона митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Малороссіи, и посвятить его въ Москвѣ; а въ разрѣшеніе статей, представленныхъ гетманомъ, отвѣчать, что на всѣ желанія Малороссійскаго народа государи согласны; но писаться Кіевскому митрополиту экзархомъ Константинопольскаго патріарха неприлично, потому что весь Малороссійскій народъ обрѣтается подъ державою великихъ государей, и Кіевская митрополія отнынѣ будетъ подъ благословеніемъ патріарха Московскаго и всея Россіи, а не Константинопольскаго.[17]

Гедеонъ, по призыву патріарха,[18] съ многочисленною свитою прибылъ въ Москву, для хиротонисанія, а отвѣта 24 октября
изъ Царяграда все еще не было. Софія рѣшилась на дѣло отважное: по волѣ ея, съ согласія освященнаго собора и царскаго синклита, патріархъ Іоакимъ посвятилъ Гедеона 8 ноября.
въ Кіевскіе митрополиты, во храмѣ Успенія Богородицы, съ обычными обрядами; а чрезъ два дня отправился въ Константинополь подъячій посольскаго приказа Никита Алексѣевъ съ царскою извѣстительною грамматою[19] къ патріарху Іакову, о совершившемся въ Москвѣ рукоположеніи Гедеона. Цари, вмѣстѣ съ сестрою своею, великою государынею, благовѣрною царевною,[20] повторяли прежнее ходатайство, чтобы Вселенскій іерархъ отступился навсегда отъ Кіевской митрополіи и благословилъ на управленіе ею патріарха Московскаго. Кромѣ того просили изъявить архипастырское согласіе на возведеніе Гедеона въ санъ Кіевскаго митрополита, прислать ему отпустительное благословеніе и особою грамматою извѣстить о томъ весь народъ православный, какъ въ Малороссіи, такъ и въ Поль-

17. Царская жалованная утверждающая граммата, 8 сентября 1685 г.

18. Граммата его Гедеону отъ 8 сентября 1685 г.

19. Въ спискѣ царской грамматы, помѣщенномъ въ Иконѣ, сказано, что она отправлена въ октябрѣ 7184; но это безъ сомнѣнія описка: цари извѣщали о бывшемъ уже рукоположеніи Гедеона. Патріаршая граммата, въ то же время посланная, помѣчена 11 числомъ ноября 7184 г.

20. Имени ея въ грамматѣ къ Іакову отъ 31 дек. 1684 г. упомянуто не было.

шѣ, чтобы отступники соборныя апостольскія церкви, предавшіеся папѣ, не дерзали называться блюстителями Кіевскаго престола и тѣмъ соблазнять людей благочестивыхъ. «Вамъ же», сказано въ царской грамматѣ «вашему архипастырству согласиться на сіе можно безъ всякой трудности, потому что еще въ недавнія лѣта святѣйшій Парѳеній патріархъ Константинопольскій благословлялъ Малороссійское духовенство соборною грамматою[21] на избраніе въ Кіевскіе митрополиты Кіевопечерскія Лавры архимандрита Иннокентія Гизеля, предоставляя посвятить его патріарху Московскому». «Вѣдаю», писалъ съ своей стороны Іоакимъ[22] къ первосвятителю Цареградскому «что вашему блаженству отъ Кіевской епархіи никакого пріобрѣтенія нѣтъ, а отстоитъ она отъ васъ далеко, и варвары шествіе къ вамъ возбраняютъ; для сего молю тя, не восхищенія желая, но любовнаго во христѣ братскаго союза прося, для пользы всѣхъ православныхъ христіанъ, въ томъ краю обитающихъ, благоволи согласиться, чтобы Кіевская епархія въ духовномъ правленіи была подъ Московскимъ патріаршимъ престоломъ».

Вмѣстѣ съ грамматами, посланы съ гонцемъ дары для Цареградскаго патріарха: три сорока соболей и 200 червонныхъ.

Гедеонъ отправился въ Кіевъ и, вскорѣ получивъ изъ Москвы настольную граммату, вступилъ въ управленіе своею митрополіею; но ни Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, ни Кіевопечерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій, не хотѣли быть подъ его вѣдѣніемъ, ссылаясь на прежнія грамматы, которыми утверждалась зависимость ихъ непосредственно отъ патріарха; требованіе ихъ признано справедливымъ, и оба они, исключенные изъ вѣдомства Гедеонова, подчинены непосредственно Московскому патріаршему престолу, съ правомъ именовать-

21. Списка съ этой грамматы въ Иконѣ нѣтъ.
22. Граммата его отъ 11 ноября 1685.

1685.

ся: Черниговской архіепископіи первою между всѣми Россійскими, а Лаврѣ первою въ Россіи архимандріею.[23] Между тѣмъ въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Царяграда, и не прежде какъ чрезъ годъ возвратился нашъ гонецъ съ отвѣтами Вселенскихъ патріарховъ: захваченный на обратномъ пути Крымскимъ ханомъ, онъ цѣлое лѣто оставался въ плѣну и обмѣненъ на посланнаго изъ Москвы Татарина.

Отзывы восточныхъ патріарховъ.

Собиравшій милостыню въ Македоніи, патріархъ Іерусалимскій Досиѳей, котораго встрѣтилъ нашъ гонецъ на пути къ Царюграду, въ Адріанополѣ, и далъ знать ему о посвященіи Гедеона въ Москвѣ, хотя патріаршимъ наказомъ[24] къ тому уполномоченъ и не былъ, отозвался Іоакиму весьма жестко.[25] Въ томъ же смыслѣ, но въ выраженіяхъ болѣе умѣренныхъ, писалъ Досиѳей и къ царямъ,[26] негодуя въ особенности за то, что Московское правительство испрашивало разрѣшеніе на Кіевскую митрополію у одного Константинопольскаго патріарха. Вотъ истинная причина его гнѣва! Впрочемъ онъ одобрялъ намѣреніе благочестивыхъ государей, «лѣтораслей мудраго Алексѣя Михайловича», и не похваляя поступка своего собрата, изъявлялъ согласіе признать Гедеона митрополитомъ Кіевскимъ, въ зависимости отъ патріарха Московскаго; о чемъ увѣдомилъ особою грамматою и весь православный народъ, въ Польшѣ обитавшій.[27]

Иначе отозвался патріархъ Царяградскій, главный судія въ этомъ дѣлѣ, Діонисій, преемникъ Іакова: въ грамматахъ къ царямъ и къ патріарху Іоакиму,[28] онъ вполнѣ одобрялъ, въ слѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, распоряженіе Московскихъ государей о Кіевской митрополіи,

23. Царскія и патріаршія грамматы 1688 г. отъ 24 іюня Лазарю и отъ 31 мая Лаврѣ.
24. Списокъ съ наказа также помѣщенъ въ Иконѣ.
25. См. Примѣчаніе 67.
26. Граммата его изъ Адріанополя въ апрѣлѣ 1686 года.
27. Граммата его къ епископамъ и ко всѣмъ благочестивымъ, живущимъ въ Польшѣ, изъ Адріанополя въ апрѣлѣ 1686 года.
28. Обѣ грамматы отъ 9 мая 1686 г. изъ Константинополя.

1686. признавалъ его благословнымъ, благолѣпнымъ, всякой хвалы заслуживающимъ, прислалъ Гедеону и всей паствѣ его соборное благословеніе, и полное изъявилъ согласіе на подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патріарху, предоставляя ему всѣ свои права, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы на литургіи Кіевскій митрополитъ поминалъ: «во первыхъ, имя святѣйшаго патріарха Вселенскаго, яко верховнаго всѣхъ правителя и всякаго блага виновника, а потомъ имя патріарха Московскаго, яко старца своего».

Вмѣстѣ съ тѣмъ оба патріарха прислали особыя грамматы царевнѣ:[29] Досиѳей, называя ее «образцемъ добродѣтелей, отеческаго благородія пребываніемъ, царской державы строительницею, апостольскія вѣры защитницею и поборницею», признавалъ Кіевскую митрополію правдивою и истинною, но по прежнему видѣлъ въ ней отступленіе отъ праотеческихъ уставовъ и осуждалъ патріарховъ Царяградскихъ, которые «сами по себѣ не крѣпкіе, даютъ грамматы не отъ сердца, а для денегъ». Пріятнѣе было царевнѣ читать посланіе Діонисія.

«Тишайшая, православнѣйшая, Богомъ вѣнчанная, защитительница христіанскаго народа, милостію Божіею царевна, великая княжна Московская, госпожа Софія Алексіевна, самодержица всея великія, малыя и бѣлыя Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчична, дѣдична, наслѣдница, государыня и облаадательница, дщерь о христѣ Іисусѣ возлюбленная, отъ глубины сердца возжелаемая», писалъ патріархъ Царяградскій «рѣдко самаго благаго мужа украшаютъ четыре главныя добродѣтели: теплая вѣра, разумъ, мудрость, цѣломудріе; ты обладаешь ими всѣми: теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязаніи приснопамятномъ (въ преніи съ раскольниками), мудростью ты предсѣдательствуешь и именемъ, и самымъ дѣломъ, какъ вторая Марѳа, а дѣвство сохраняешь по примѣру

29. Іерусалимскій въ апрѣлѣ 1686 г. Царяградскій 9 мая.

пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха. Успѣвай и царствуй съ своими державными братьями, и да будетъ ваше царствіе благословенно отъ Всевышняго». Въ заключеніе благодарилъ за присылку даровъ и просилъ не оставить царскими щедротами на будущее время. «Люто мы утѣсняемся отъ владѣющихъ нами» приписалъ патріархъ своеручно «и страшно истязуемся; не можемъ иначе дѣйствовать ради благочестія, какъ чрезъ даяніе, о чемъ мудрость ваша разумѣть можетъ». При этой грамматѣ прислана записка вещамъ, въ которыхъ нуждался патріаршій престолъ. Требованіе было впрочемъ весьма умѣренное: четыре мѣстныя иконы въ окладахъ, серебряное паникадило, нѣсколько подсвѣчниковъ, кадильница и кіота краснаго дерева, вотъ все, чего желалъ Вселенскій патріархъ.[30] 1686.

Іоакимъ не совсѣмъ былъ однакожъ доволенъ отвѣтомъ Діонисія, оскорбляясь тѣмъ, что Вселенскій іерархъ считалъ его своимъ экзархомъ: «ты писалъ къ намъ неприлично, неправедно и неподобно», возражалъ Іоакимъ[31] «какъ тебѣ отъ святаго собора данъ титулъ Вселенскаго, Александрійскому судіи вселенныя, Антіохійскому всего востока, Іерусалимскому всея Палестины, такъ и намъ, соборомъ Вселенскихъ патріарховъ, въ присутствіи благочестиваго царя, дано право именоваться патріархомъ Московскимъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ». Впрочемъ эта размолвка не имѣла никакихъ послѣдствій, и важное дѣло о подчиненіи Кіевской митрополіи Московскому патріарху кончилось благополучно.

Въ то самое время, когда Греція отказалась отъ религіознаго господства въ Кіевѣ, Польша уступила намъ и свое право политическое.

30. См. Примѣчаніе 68.
31. Граммата его въ 1687 году.

ГЛАВА VIII.

ВѢЧНЫЙ МИРЪ СЪ ПОЛЬШЕЮ.

ПРИБЫТІЕ ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ МОСКВУ.—ВЗАИМНЫЯ ПРИТЯЗАНІЯ.—ПРЕКРАЩЕНІЕ ПЕРЕГОВОРОВЪ.—ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ИХЪ. — ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ СОГЛАШЕНІЕ.—ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВѢЧНАГО МИРА.—НАДМЕННОСТЬ СОФІИ.—РАТИФИКАЦІЯ ТРАКТАТА.

1686.

---

ie ихъ въ Великіе полномочные послы, за годъ предъ тѣмъ назначенные королемъ Польскимъ, наконецъ прибыли: никогда Москва не видала въ своихъ стѣнахъ столь пышнаго и блестящаго посольства.[1] Оно состояло изъ 4 знатныхъ сановниковъ рѣчи посполитой: первымъ былъ ясневельможный панъ Криштофъ на Гримультовицахъ Гримультовскій, воевода Познаньскій, маршалокъ кролевина величества, старо́ста Костянскій; вторымъ ясневельможный панъ Марціанъ Александръ съ Козельска князь Огинскій, графъ на Дубровнѣ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, старо́ста Мсциборскій, Радошковскій, Дорсунскій, Немонойскій, Сидричинскій и иныхъ; оба назначены изъ сената; третьимъ посломъ изъ кола посольскаго, т. е. изъ великой Польши, былъ ясневельможный панъ Александръ Пріемскій, коронный подстолій Остринскій; четвертымъ изъ малой Польши, вельможный панъ Александръ Янъ съ Потока Потоцкій, каштелянъ Каменецкій, его королевскаго величества полковникъ.[2] При посольствѣ было до

1. «Пріѣздъ и отправленіе Польскихъ пословъ Гримультовскаго съ товарищами», въ Польскихъ дѣлахъ Главнаго Архива, св. 152. Отсюда заимствуемъ всѣ подробности.
2. Былъ еще пятый посолъ, князь Николай Огинскій, мечникъ великаго княжества Литовскаго: онъ не доѣхалъ за болѣзнію.

тысячи человѣкъ дворянъ, пахоликовъ, коморниковъ, покоевыхъ, драгунъ, трубачей, поваровъ и разной челяди, и болѣе 1500 лошадей; въ особенности многочисленна была свита и прислуга втораго посла, князя Огинскаго.[3] Для помѣщенія такого огромнаго числа людей, въ Москвѣ заблаговременно приняты мѣры:[4] посламъ отведены три двора,—боярина князя Михаила Григорьевича Рамодановскаго (14 палатъ каменныхъ, съ 3 сѣньми, 2 крыльцами, 9 избъ и 3 горницы деревянныя), боярина князя Михаила Андреевича Голицына и боярина Бориса Васильевича Бутурлина. Сверхъ того, для посольскихъ лошадей очищены конюшни въ монастыряхъ Симоновомъ, Спасо-Андроніевскомъ и Новаго Спаса. На съѣстные припасы и на конскій кормъ отпускалось изъ нашей казны по 500 рублей въ недѣлю. 1686.

Для встрѣчи пословъ и для привѣтствія ихъ отъ имени князя Голицына съ благополучнымъ прибытіемъ, высланы были на подхожій станъ въ село Всесвятское, что̀ за Ходынкою, подъячіе посольскаго приказа Кондратъ Никитинъ и Алексѣй Васильевъ: имъ поручено проводить пословъ до пріемнаго мѣста и въ то же время наблюдать, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ въѣздъ въ Москву. На пути разставлены были тысячи дворянъ и стрѣльцовъ. Подъячіе доносили: послы благодарны князю за привѣтствіе и вмѣстѣ съ ними пили много Венгерскаго за его здоровье въ селѣ Всесвятскомъ. Всѣ четыре посла сидѣли въ одной каретѣ перваго посла; съ ними былъ и дорожный приставъ ихъ, стольникъ и полковникъ Мильгуновъ. Впереди ѣхали королевскіе дворяне и наши начальные люди, 15 маіоровъ (въ числѣ ихъ Степанъ Борисовъ Келенъ), 10 ротмистровъ и 21 капитанъ, все иноземцы; сзади тянулся необозримый обозъ. Подъячіе ѣхали верхомъ подлѣ посольской кареты и отвѣчали на распросы пословъ. Когда поѣздъ вступилъ въ роты боярскихъ дворовъ, ударили въ литавры и затру- 8 февраля.

3. При немъ было 309 человѣкъ и 824 лошади.
4. Въ слѣдствіе отношенія Гримультовскаго изъ Дорогобужа 30 января 1686 г.

били въ трубы; на вопросъ пословъ, «что это за люди?» сказано: «дворяне; они всегда бываютъ въ такомъ строю на службѣ великихъ государей, и служатъ при дворахъ царскаго величества бояръ; а начальные люди у нихъ иноземцы, которые живутъ въ Россіи съ давнихъ лѣтъ». Поровнявшись съ дворомъ князя Василія Васильевича Голицына, при которомъ стоялъ караулъ, подъ начальствомъ головы, отдавшій честь, послы остановились и, минутъ десять съ любопытствомъ слушая трубачей, спрашивали: «это что за люди?» сказано: «полковникъ служитъ ихъ царскому величеству, человѣкъ ученый и ратный; въ ротѣ у него знатные люди, дворяне честные; а служатъ при дворѣ боярина и оберегателя князя Василія Васильевича Голицына». «Видно по всему», отвѣчали послы «что тотъ полковникъ человѣкъ политичный, и въ сотнѣ его знатно къ воинскому дѣлу ученые люди». У сотень Конюшеннаго чину на вопросы пословъ, отвѣтствовано: «то люди выборные и къ ратному дѣлу навычные, а устроенъ ихъ цѣлый полкъ; только нынѣ не всѣ они въ пріѣздѣ: живутъ въ помѣстьяхъ своихъ, въ дальнихъ отъ Москвы городахъ». Когда подъѣхали послы къ сотнѣ Крылатой[5] и спрашивали объ ней, сказано: «то люди честные и храбрые, къ воинскому дѣлу зѣло навычные, и служатъ всегда при дворѣ царскомъ; ихъ также цѣлый полкъ, здѣсь только четвертая часть: а три четверти при дворѣ». Послы смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ и говорили: «знатно, что на войнѣ тѣ крылатые люди непріятелю страшны».

Но особенное вниманіе ихъ обратили на себя полки стрѣлецкіе, предъ которыми красовался на конѣ Шакловитый, съ булавою: они спрашивали, какой онъ чинъ имѣетъ, что объѣзжаетъ пѣхотные полки съ булавою? сказано: «царскаго величества думный человѣкъ, и тѣ пѣхотные полки, со всѣми начальными людьми, вѣдаетъ онъ». Шакловитый прислалъ подполковника спросить пословъ о

5 Описаніе и изображеніе ихъ въ Tanneri Legatio Polono-Lithuanica 1689. p. 46.

здоровьѣ; а когда они переѣзжали рѣчку Пресню, самъ подскакалъ къ ихъ каретѣ и кланялся имъ. Послы отвѣчали также поклономъ; но уже утомленные слишкомъ медленнымъ шествіемъ, спрашивали подъячихъ: «для чего они везутъ ихъ мешкотно и останавливаютъ?» сказано: «никоими мѣрами скорѣе невозможно, потому что многіе царскаго величества ратные люди конные и пѣшіе изъ города въ поле выбираются, а иные съ поля въ городъ идутъ, и отъ того многолюдства проѣздъ впереди зѣло труденъ». Разумѣется, ничего не было; Софія хотѣла изумить пословъ могуществомъ Россіи. 1686.

Пріемная аудіенція, съ обычными обрядами, была въ Грановитой палатѣ. Присутствовали оба царя, въ царскихъ вѣнцахъ, въ діадимахъ, съ скипетрами. Царевны не было. Гримультовскій говорилъ пышную рѣчь о доблестяхъ своего короля. Въ заключеніе сказалъ, что не довольствуясь своими побѣдами надъ Турками, онъ желаетъ склонить всѣхъ государей къ общему дѣлу, и какъ великій царь Іоаннъ Васильевичъ покорилъ Сибирь, Астрахань, Калмыковъ и Казань, такъ и ихъ царскія величества привели бы подъ свое владѣніе Крымъ, Черкасы и Ногаи. Послѣ того представлены дары; отъ имени короля: древо серебряное съ шандалами, росольниками и солонками; два кувшина серебряные съ лоханью, рукомойникъ и двѣ фляги золоченые; отъ пословъ: отъ воеводы Познаньскаго (Гримультовскаго) два шандала и два кувшина серебряные золоченые; отъ канцлера (князя Огинскаго) два коня, одинъ сѣрый въ яблокахъ, другой бурый, съ нарядомъ; отъ подстолія коронная карета съ шестернею; отъ каштеляна Каменецкаго два коня, одинъ въ турецкомъ, другой въ гусарскомъ уборѣ. Дворяне также дарили: старроста Минскій лохань и шандалы серебряные, каштелянъ Калишскій коня съ уборомъ, каштеляничъ Хельминскій тоже, воеводичъ Мстиславскій шкатулку серебряную, Рачинскій ящикъ серебряный съ верхомъ, каштеляничъ Рогозинскій лохань 11 февраля.

1686. серебряную, и тому подобное. По окончаніи аудіенціи, посланъ на посольскій дворъ стольникъ князь Яковъ Өедоровичъ Долгорукій, съ царскимъ жалованьемъ, со сто-

12 февраля. ломъ. На другой день приступили къ дѣлу.

Для переговоровъ съ Польскими послами, царевна назначила ближнихъ бояръ: яснеосвяченаго князя Василія Василіевича Голицына, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя и намѣстника Новгородскаго; Бориса Петровича Шереметева, намѣстника Вятскаго; Ивана Васильевича Бутурлина, намѣстника Суздальскаго; ближнихъ окольничихъ: Петра Дмитріевича Скуратова, намѣстника Шатскаго; Ивана Ивановича Чаадаева, намѣстника Муромскаго; думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, и дьяковъ: Василія Бобинина, Василія Посникова, Прокофія Возницына, Ивана Волкова. Въ руководство имъ, задолго до прибытія пословъ, составленъ при Посольскомъ приказѣ огромный наказъ, подъ заглавіемъ: «Способъ о вѣчномъ мирѣ»[6] гдѣ всѣ вѣроятныя притязанія, доводы и возраженія Польскихъ полномочныхъ предусмотрѣны, разобраны и опровергнуты.

Вѣроятныя притязанія. Болѣе всего мы боялись за Кіевъ. Ждали, что послы скажутъ: «Седьмою статьею перваго Андрусовскаго трактата постановлено: «городъ Кіевъ съ монастырями Печерскими «и иными околицами въ сторону его королевскаго вели«чества имѣетъ быть отданъ и очищенъ до первой о вѣч«номъ мирѣ коммиссіи, т. е. въ два года»; въ назначенное время однакожъ Кіевъ отданъ не былъ. Послѣ того Московскимъ договоромъ 1672 года опредѣлено: «Кіевъ, по «желанію царскаго величества, остается въ его владѣніи «до первой будущей коммиссіи, когда уже непремѣнно на«значенъ будетъ срокъ къ возвращенію его королю». Эта коммиссія кончила свое дѣло въ 1674 году, а Кіевъ остался по прежнему въ рукахъ Московскихъ. Послѣднимъ пере-

6 Онъ хранится въ польскихъ дѣлахъ Главнаго Архива, св. 132.

мирнымъ договоромъ 1678 года окончательное рѣшеніе объ 1686
уступкѣ Кіева отложено до коммиссіи 1684 года, которая также свое совершеніе воспріяла, а Кіевъ все не отданъ».

Наши бояре должны были отвѣчать: «Кіевъ задержанъ правдою. Отцу ихъ царскихъ величествъ, блаженной памяти, вскорѣ по заключеніи перемирія съ королемъ Польскимъ, дошли вѣдомости, что Дорошенко тайно пересылается съ Турецкимъ султаномъ и предлагаетъ ему Кіевъ. Вслѣдъ за тѣмъ Силистрійскій паша извѣстилъ Дорошенко листомъ, что султанъ, согласно съ его желаніемъ, принимаетъ его въ подданство со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и со всѣми обоихъ береговъ Днѣпра низовыми городами; причемъ прислалъ ему булаву, бунчукъ и знамя. Еслибъ Кіевъ уступленъ былъ королю Польскому, а Дорошенко отдалъ бы его султану, то какъ Польшѣ, такъ и Россіи вредъ былъ бы немалый. Вотъ причина, почему Кіевъ задержанъ по сіе время въ сторонѣ царскаго величества войскомъ и хлѣбными запасами, съ великимъ убыткомъ: иначе онъ достался бы бусурманамъ. Да не только на Кіевъ, но и на Бѣлую Церковь истрачено не малое число царской казны золотыми червонными, для покупки хлѣбныхъ запасовъ, безъ чего Бѣлоцерковскій комендантъ той крѣпости одержать не могъ бы. Король же Польскій не только не въ силахъ былъ защищать того края, но и всю Украйну уступилъ султану».[7]

Если же послы упорно будутъ стоять объ отдачѣ Кіева и задержаніе его станутъ причитать къ нарушенію договоровъ, объявить имъ, что сами Поляки уже нѣсколько разъ явно нарушали мирныя постановленія какъ письмами, такъ и печатными книгами.

«Во первыхъ, какія несносныя описки дѣлали они въ царскомъ титулѣ! Въ 1670 году, къ воеводѣ Великолуцкому Сопцеву-Засѣкину подстароста Усвятскій Юрій Скопъ прислалъ листъ, гдѣ въ царскомъ титулѣ опущены слова:

7. Такъ было дѣйствительно по договору въ Буждановѣ, 1672 года.

«и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и облаадатель». Въ томъ же году въ двухъ листахъ изъ Польши къ Торопецкому воеводѣ, стольнику князю Щербатому, царь Алексѣй Михайловичъ наименованъ «Александромъ Михайловичемъ», а титло и вовсе не писано. Въ 1671 году, въ проѣзжихъ семи листахъ, за рукою и печатью королевскою, король названъ, вопреки договорамъ, «Кіевскимъ, Смоленскимъ, Сѣверскимъ и Черниговскимъ».

«Во вторыхъ: съ королевскаго дозволенія Станиславъ Стенбергъ Стенбургскій въ 1669 году напечаталъ въ Краковѣ книгу, подъ заглавіемъ: «Лѣторасль Корибутская»;[8] на первомъ листѣ ея изображенъ королевскій гербъ, съ латами, мушкетами, шишаками, колчанами, налучами; а надъ ними надписано: *у Москвы и у Татаръ взятое;* на 13-мъ листѣ напечатано: *тѣмъ мечемъ змій Татарскій и керастъ Московскій,*[9] *крѣпко вооруженный, позналъ себя безоружнымъ десницею Казиміра короля на Руси и въ Литвѣ.* Кромѣ того, подканцлеръ корунный Андрей Ольшевскій издалъ въ Польшѣ пашквиль или подсмѣяніе: «*цензура кандидаторумъ сцептри Полоницы.*[10] Здѣсь напечатаны нестерпимыя досадительства государямъ царямъ Алексѣю Михайловичу, Ѳеодору Алексѣевичу и предкамъ ихъ. Царь Алексѣй Михайловичъ названъ просто Москвитиномъ въ 14-ти мѣстахъ. Да на листѣ 7-мъ сказано: «какія достоинства можетъ имѣть царь, незнакомый съ на«уками, не воспитанный въ истинномъ ученіи св. отцевъ и «церкви, не вспомоществуемый совѣтами людей ученыхъ «и отвсюду мракомъ окруженный». На листѣ 11-мъ: «мил«ліоны обѣщаны рѣчи посполитой, а не даны; напрасно «мы мечтаемъ о златыхъ горахъ или безконечныхъ злато«копаніяхъ Московскихъ; едва нашелся у нихъ одинъ мил-

8. Palmes Corybutaea. Авторъ впрочемъ мало извѣстенъ.
9. Cerastes Moschicus—«змій же ядовитый четверорогій», какъ переводили наши дьяки.
10. Censura candidatorum sceptri Polonici.

«ліонъ для уплаты за Смоленскъ и другіе города; а чтобы 1686.
«вдругъ заплатить, и того въ царской казнѣ не достало». На листѣ 17-мъ: «одинъ изъ мудрыхъ королей сказалъ: «король долженъ быть человѣкъ образованный.[11] А Поляки «народъ ученый; желаютъ себѣ государя, украшеннаго бо-«гословіемъ, учтиваго, просвѣщеннаго, въ совѣтахъ, су-«дахъ и всякихъ дѣлахъ искуснаго: станетъ ли на столько «Москвитина?» Послѣ столь нестерпимаго досадительства, никогда Кіевъ отдать не возможно, потому что съ Польской стороны при всякомъ случаѣ обнаруживалась не дружба и не сосѣдственная любовь, а всегдашняя злоба, въ чемъ свидѣтельствуютъ книги, по указамъ короля и рѣчи посполитой, на безчестье предкамъ ихъ царскихъ величествъ и на укоризну всему Россійскому народу напечатанныя.

«О такомъ нарушеніи договоровъ, въ 1672 году, предъявлено было королевскимъ полномочнымъ посламъ и показаны подлинныя книги и листы; они признали справедливость нашихъ жалобъ и, для устраненія впредь подобнаго нарушенія трактатовъ, въ 18-й статьѣ договора именно постановили, чтобы какъ можно беречься описокъ въ царскомъ и королевскомъ титулахъ. Что же вышло? Даже порубежные старосты и воеводы не знали царскаго имени: писали вмѣсто «Алексѣя Михайловича» *Михайло Михайловичъ;* а въ королевскихъ къ государямъ грамматахъ печати прикладывались, не по достоинству, вверхъ подножіемъ. О чемъ въ 1674 году великому и полномочному послу Польскому Марціану Огинскому наши бояре выговаривали; но все напрасно: самъ посолъ въ своихъ грамматахъ, въ одной пропустилъ дважды слово *царя*, въ другой *сѣверныхъ*. Да и послѣ того было безпрестанно нарушеніе; въ королевской грамматѣ 1675 года къ государю написано: вмѣсто «восточныхъ» *осточныхъ*, а въ надписи, вмѣсто «Алексѣю Михайловичу», съ великимъ неуваженіемъ, *Ми-*

11. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе.

1686. *хайлу Алексѣевичу*; потомъ въ другой грамматѣ, вмѣсто «государя и облаадателя», *облаадѣля*; въ третьей (1681 года), вмѣсто «Ѳеодора» *Ѳедора;* вмѣсто «облаадателя» *обладателя*; въ четвертой (1683 г.) вмѣсто «Іоанну» *Ивану;* чѣмъ учинено великимъ государямъ явное безчестіе, а договору Андрусовскому явное нарушеніе.

«Сверхъ того, опять въ укоризну государямъ, напечатаны пасквильныя книги, особенно въ Гданскѣ въ 1670 г. Павломъ Потоцкимъ, на коронацію Яна III, *Муза*, гдѣ помѣщены такія рѣчи, что не только говорить, но и вспомянуть страшно, напримѣръ: *невѣрная Русь*, *дурная Москва;* а въ Краковѣ напечатана въ стихахъ *Лирика*, посвященная королевичу Іакову; тамъ на кончину короля Владислава сказано:

Сице орелъ бѣлый,
Надъ птицами смѣлый,
Вчера свои крыльи въ народъ пространися,
Нынѣ смертью короля злѣ перья лишися,
Шеи Турскія попираетъ,
Крымъ и Шведовъ побиваетъ,
Упрямую Москву такъ когтями согнетъ,
Въ которыхъ уловленное нимало не дохнетъ.

«Въ той же Лирикѣ, пѣснь первая или побѣда надъ Шереметевымъ:

Слава Богу! Москаль жидоголовый
Тяжкими брящаетъ на ногахъ оковы.
А что недавно Польшѣ путами грозили,
Самижъ себя въ неволю тяжку посадили:
Слили кровью своею Чюдновское поле. [12]

«Да и потому нельзя отдать Кіева: Дорошенко, признанный отъ короля гетманомъ на правой сторонѣ Днѣпра, соединясь съ Брюховецкимъ, разорилъ многіе царскіе города, отъ чего Россія потеряла 860.000 руб. деньгами, болѣе

12. Бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ разбитъ княземъ Любомирскимъ подъ Чюдновымъ въ 1660 году и выданъ Крымскимъ Татарамъ, которые держали его въ плѣну 20 лѣтъ.

140.000 четвертей хлѣбомъ, 350 пушекъ, и проч.[13] Кромѣ того, посольскимъ постановленіемъ 1668 года опредѣлено: «Если султанъ Турецкій будетъ искать мира у одного изъ великихъ государей, Россійскаго или Польскаго, то одному безъ другаго ни въ какіе договоры не вступать, а производить ихъ съ общаго согласія». Вопреки сему, король въ 1672 году заключилъ съ Турціею миръ, безъ всякой обсылки съ царскимъ величествомъ, и уже послѣ, спустя много времени, присылалъ въ Москву посланника своего, Іеронима Комара, и то единственно для совѣта, держать ли покой съ султаномъ? а списка съ договора не сообщилъ. Нашъ дворъ неотступно домогался договорныхъ статей, но до сихъ поръ получить ихъ не могъ; и только иною дорогою узналъ содержаніе ихъ, изъ котораго явно, что король и рѣчь посполитая уступали султану не только украйные города, около Кіева лежащіе, но и самый Кіевъ. Притомъ же и безъ того уже много возвращено Польшѣ изъ завоеваній царя Алексѣя Михайловича, а на обдержаніе Кіева употреблена большая казна; и потому объ отдачѣ его говорить не годится.» 1686.

Съ такою же подробностію разобраны и другія притязанія рѣчи посполитой Польской. Вооруженные своимъ наказомъ, наши бояре, послѣ жаркихъ, семинедѣльныхъ споровъ съ Польскими послами, успѣли склонить ихъ къ уступкѣ Кіева, обязуясь съ своей стороны поднять оружіе на Татаръ и Турокъ.[14] Такимъ образомъ обѣ стороны согласились въ главномъ. Дѣло мира однакожъ далеко было отъ конца: возникли жестокія пренія о подробностяхъ трактата, а болѣе всего о денежномъ вознагражденіи рѣчи посполитой за Кіевъ: послы требовали милліонъ злотыхъ, или 200.000 рублей; мы сначала ничего платить не хотѣли и долго отказывались, наконецъ предложили 100.000 руб- Прекращеніе переговоровъ.

13. См. Примѣчаніе 69.
14. Къ величайшему сожалѣнію, въ дѣлѣ Главн. Арх. о Московскомъ мирѣ, не достаетъ многихъ столбцевъ; нѣтъ ни одного статейнаго списка или протокола конференцій до 28 марта.

1686. лей, послѣ прибавили еще 40.000, и на томъ упорно остановились. Польскіе паны равнымъ образомъ были неуступчивы, не хотѣли убавить ни гроша изъ назначенной ими суммы, и, думая побѣдить непреклонность бояръ угрозою разрыва переговоровъ, 27 марта объявили, что они считаютъ безполезнымъ продолжать конференціи и требуютъ отпуска. Бояре однакожъ не испугались. На другой день пословъ пригласили во дворецъ: цари, окруженные всѣмъ дворомъ, приняли ихъ съ обычными обрядами, жаловали къ рукѣ и, велѣвъ кланяться брату своему королю Польскому, отпустили. На посольскомъ дворѣ уже стояли подводы, готовыя къ отъѣзду; послы однакожъ не поѣхали.

Возобновленіе переговоровъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ отпускной аудіенціи, пришли къ боярамъ дворяне посольской свиты и сказали, что «ясневельможные послы его королевскаго величества, не желая покинуть столь великаго и полезнаго всему христіанству дѣла, изъ запроса своего денежной казны, въ удовлетвореніе рѣчи посполитой, уступаютъ 50.000 рублей и предлагаютъ ближнимъ боярамъ съѣхаться въ отвѣтную палату, для постановленія вѣчнаго покоя». Тотчасъ доложили о томъ царевнѣ; она именемъ царей указала: «ближнимъ отвѣтнымъ боярамъ возобновить переговоры о мирѣ и союзѣ чрезъ обсылки; а доколѣ то дѣло не совершится и запись вѣчнаго мира не напишется, самимъ боярамъ съ послами въ отвѣтѣ не быть и не видѣться. На какихъ же условіяхъ хотятъ послы заключить миръ и союзъ, о томъ пусть они прежде напишутъ образцовую запись,[15] по полученіи которой дать имъ изъ Посольскаго приказа свое образцовое письмо, и потомъ уже договариваться чрезъ обсылки, посредствомъ назначенныхъ съ обѣихъ сторонъ лицъ».

29 марта. На другой же день, послы доставили въ приказъ написанный ими проектъ трактата, но въ общихъ выраженi-

15. Проектъ трактата.

яхъ, краткими статьями, далеко несогласный съ нашими видами; бояре отправили къ нимъ свой проектъ, разумѣется, столько же несходный съ желаніями Польскими. 1-го апрѣля послы прислали къ князю Голицыну дворянина своей свиты, Казимира Рачинскаго съ товарищами, объявить, что они боярское письмо перевели, выразумѣли и нашли въ немъ многія статьи, противныя бывшимъ въ отвѣтѣ (или въ конференціяхъ) разговорамъ, именно: въ 3 пунктѣ приписаны къ Кіеву, во владѣніе царскаго величества, многіе города и земли, о которыхъ прежде и рѣчи не было, Чигиринъ, Каневъ, Черкасы; послы ни подъ какимъ видомъ не согласны на уступку ихъ, и Кіевская окружность должна быть не болѣе одной мили, какъ означено въ Андрусовской перемирной записи. Равнымъ образомъ статья о наступательномъ союзѣ противъ Турокъ изложена невыгодно для короля и рѣчи посполитой. Голицынъ отвѣчалъ на отрѣзъ: «Записи вѣчнаго мира мы не измѣнимъ; быть ей такъ, какъ она въ Посольскомъ приказѣ написана, и мимо ея уступки въ городахъ и земляхъ не будетъ; если же послы не согласны тѣхъ городовъ написать въ крѣпость ихъ царскихъ величествъ, то великіе государи въ договоръ съ ними вступать не указали, и они бы ѣхали съ Москвы, не мѣшкая и времени не продалживая». Послы не согласились, спорили два дни, нѣсколько разъ присылали къ боярамъ своихъ дворянъ, объяснялись съ нашими дьяками и настаивали на своемъ. 1686.

Въ третій день посланы къ нимъ изъ Посольскаго приказа переводчикъ Семенъ Лаврецкій и подъячій Козьма Нефимоновъ объявить царскій указъ, чтобы они ѣхали съ Москвы тотчасъ. Послы отвѣчали: «мы готовы». Въ тотъ же день приведены ямскія подводы на посольскій дворъ въ указномъ числѣ, и посламъ сказано вторично, чтобы они убирались безъ мотчанія. Прислуга начала укладывать вещи; но прошло трое сутокъ, а послы все еще оставались въ Москвѣ. 3 апрѣля.

1686. 7-го апрѣля прислали они вновь къ боярамъ дворянина Казимира Рачинскаго сказать имъ, что, «не желая столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять, они объявляютъ свое послѣднее намѣреніе: для союза съ врагами креста Господня, уступаютъ къ Кіеву на вѣчныя времена: сверхъ прежнихъ пяти верстъ, опредѣленныхъ перемирными трактатами, вверхъ по Днѣпру до устья рѣки Ирпени 15 верстъ; а рѣкою Ирпенемъ вверхъ до мѣстечка Василькова, 20 верстъ; Василькову быть за Кіевомъ; земли же къ нему по Стугну, на которой онъ стоитъ; также быть за Кіевомъ городкамъ Треполью и Стайкамъ. Но чтобы отъ Стаекъ раздвинуть рубежъ внизъ по Днѣпру до Тясмы, а вверхъ въ поле на 20 верстъ, на то указа они не имѣютъ и позволить не смѣютъ, а могутъ донести королю, только бы союза за тѣмъ не разрывать; за Тясмою, Запорожью и Кадаку быть во владѣніи ихъ царскихъ величествъ. То ихъ послѣднее намѣреніе, а изъ Москвы ѣхать они тотчасъ готовы».

По докладу сего предложенія, царевна приказала: «возобновить прерванные переговоры по прежнему чрезъ обсылки; для чего опредѣлить дьяковъ: Прокофья Возницына, Ивана Волкова, переводчика Семена Лаврецкаго и подъячаго Козьму Нефимонова, съ тѣмъ, чтобы они, согласно съ посольскимъ предложеніемъ, написали вновь образцовую запись; о спорныхъ же пунктахъ докладывали бы князю Голицыну и товарищамъ его. А самимъ боярамъ и ближнимъ людямъ съ послами не видѣться, пока чрезъ обсылки запись на мѣрѣ не станетъ».

Окончательное соглашеніе.

Съ 8 по 21 апрѣля Возницынъ и товарищи его бывали у пословъ ежедневно, по два и по три раза въ день, для чтенія и исправленія проекта мирнаго трактата. Конференціи происходили у перваго посла, воеводы Познаньскаго, къ которому съѣзжались его товарищи. Около большаго стола, съ одной стороны сидѣли послы на стульяхъ; съ другой, противъ ихъ, наши дьяки и подъячіе, на лав-

кахъ; переводчики толковали статьи. Послы слушали 1686.
пунктъ за пунктомъ, взвѣшивали каждое слово, во многомъ соглашались, еще болѣе противорѣчили; вообще съ обѣихъ сторонъ спорили жарко и упорно.

Нѣсколько разъ первыя 16 статей проекта были передѣланы. На первую статью, о преданіи забвенію всѣхъ прежнихъ ссоръ и о заключеніи вѣчнаго мира, съ обѣихъ сторонъ согласились безъ труда, исправивъ только нѣкоторыя выраженія, съ разрѣшенія князя Голицына, который руководилъ всѣмъ дѣломъ. Вторую статью, о титулахъ, послы оспаривали крѣпко, отказывая нашимъ государямъ въ *пресвѣтлѣйшествѣ* и *державнѣйшествѣ*, потому что такъ никогда ихъ не писывали, и такихъ титлъ имъ въ договорахъ не бывало.[16] На третью статью, объ отдаваемыхъ Россіи городахъ, также не вполнѣ соглашались, не уступая требуемой къ Триполью, Стайкамъ и Василькову земли, иначе отошла бы къ Кіеву и Бѣлая Церковь. На четвертую и пятую, объ освобожденіи жителей въ укрѣпляемыхъ за Россіею областяхъ отъ присяги королю и о выдачѣ перебѣжчиковъ, «сгодились», только бы написать покороче. Шестую, гдѣ наше правительство давало Польшѣ въ вознагражденіе 140.000 рублей, вмѣсто 150.000, рѣшительно отвергли.

Но самые сильные споры возбудила седьмая статья, о разоренныхъ городахъ внизъ по Днѣпру отъ Стаекъ до Тясмы, Ржищевѣ, Трехтемировѣ, Каневѣ, Люшнахъ, Сокольнѣ, Черкасахъ, Боровицѣ, Бужинѣ, Воронковѣ, Крыловѣ и Чигиринѣ, которые мы домогались удержать за собою. Послы «упирались накрѣпко»; вставали изъ-за стола, шептались другъ съ другомъ въ сторонѣ, наконецъ рѣшительно отказали, согласившись только взять на доношеніе королю, съ тѣмъ однакожъ, что, если онъ не позво-

16. Въ послѣднемъ договорѣ съ Польшею 5 августа 1678, король наименованъ: наияснѣйшій великій государь, Божіею милостію король Польскій и проч.; царь: Божіею милостію великій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ и проч. Полн. Собр. Зак. II. 730.

лить, быть симъ городамъ подъ властію королевскою; но отказа его нарушеніемъ союза не считать. На восьмую, о прекращеніи со стороны Россіи всякихъ притязаній на Полоцкъ, Витебскъ и другіе города, завоеванные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и потомъ возвращенные Польшѣ, *сгодились*. На девятую, о свободѣ православнаго вѣроисповѣданія во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, о прекращеніи всякихъ насильствъ со стороны уніатовъ, *поволили*, только бы предоставить такую же свободу и Римскому вѣроисповѣданію въ Россіи, и дать мѣсто на посадахъ въ Москвѣ, Смоленскѣ и Кіевѣ, для строенія костеловъ. Десятую, о заключеніи союза противъ Турокъ, всю оспорили, говоря, что въ ней написаны только церемоніи, а не прямое дѣло, что пышныхъ обнадеживаній много и прежде бывало, только на дѣлѣ ничего не исполнилось. Требовали именно сказать, что великіе государи, для вѣчнаго мира, нынѣ же повелѣли миръ съ Турскимъ султаномъ и ханомъ Крымскимъ разорвать, войну съ ними начать, войска на Крымъ послать и Крымскихъ Татаръ отъ нападеній на Польшу удерживать. Послы говорили объ этомъ много; напослѣдокъ сказали: «Пусть бояре крѣпятъ насъ вѣчнымъ миромъ: то ихъ дѣло; а союзныя статьи напишемъ мы сами: то наше дѣло; вамъ дорогъ миръ, намъ союзъ». Одиннадцатую, о взаимной помощи во время войны, приняли; двѣнадцатую, о немедленномъ извѣщеніи нашему двору, если король вздумаетъ послать къ султану или хану съ просьбою о мирѣ, отринули съ негодованіемъ, говоря, что никогда король мира просить не станетъ, а добудетъ его оружіемъ, и самихъ мусульманъ заставитъ молить о пощадѣ. Остальныя три статьи, о заключеніи оборонительнаго союза съ цесаремъ, о приглашеніи короля Французскаго, и о взаимномъ обязательствѣ оборонять другъ друга отъ Турокъ, приняли съ малыми перемѣнами; прочія статьи остались, какъ были написаны въ Посольскомъ приказѣ.

1686. Заключеніе вѣчнаго мира съ Польшею.

Выслушавъ докладъ ближнихъ бояръ о такомъ положеніи дѣла вѣчнаго мира и союза, царевна разрѣшила уступить въ нѣкоторыхъ статьяхъ Польскимъ посламъ, и поручила Возницыну окончательно съ ними согласиться. Наконецъ, 21 апрѣля, послѣ взаимныхъ уступокъ, обѣ стороны во всѣхъ спорныхъ статьяхъ условились, и положили переписать трактатъ набѣло. О титулахъ рѣшено: писать короля наияснѣйшимъ и державнѣйшимъ, Русскихъ царей пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими. Къ Триполью, Стайкамъ и Василькову прибавлено земли верстъ по пяти. Денежное вознагражденіе опредѣлено въ 146.000 рублей; изъ нихъ 100.000 вручить посламъ при отпускѣ, а остальные отдать въ Смоленскѣ королевскимъ дворянамъ, въ январѣ 1687 года. Чигиринъ и другіе разоренные города внизъ по Днѣпру, рѣшено оставить впустѣ и не возобновлять; слѣдовательно не владѣть ими ни Польшѣ, ни Россіи. Свободное отправленіе православнаго вѣроисповѣданія въ Польскихъ областяхъ подтверждено во всей обширности, безъ всякаго утѣсненія со стороны католиковъ и уніатовъ. Въ Россіи же дозволено отправлять Римское католическое богослуженіе только въ домахъ; о строеніи костеловъ не сказано ни слова. Статья о союзѣ противъ Турокъ изложена согласно съ желаніемъ пословъ: «Великіе государи, за многія неправды салтана и хана Крымскаго, изволили покой съ ними разорвать, и тотчасъ по заключеніи трактата, пошлютъ войска свои въ Сѣчу и на обыклыя крымскія переправы, для обороны Польши отъ нападенія Татаръ; казакамъ же Донскимъ прикажутъ чинить воинскій промыселъ на Черномъ морѣ; а въ будущемъ 1687 году двинутъ всѣ свои силы на самый Крымъ. Между тѣмъ король Польскій будетъ дѣйствовать противъ Турокъ и Бѣлгородскихъ Татаръ, отвлекая силы ихъ отъ Россіи». Статья, возбудившая негодованіе пословъ, на случай домагательства королемъ мира, совершенно передѣлана: сказано, что обѣ державы объявятъ султану о за-

1686. ключенномъ союзѣ и потребуютъ отъ него возвращенія Польшѣ Каменца, съ другими завоеванными городами, чѣмъ король долженъ довольствоваться; если же султанъ будетъ искать отдѣльнаго мира съ которою либо державою, то одной безъ другой ни въ какіе переговоры съ ними не входить, и стараться постановить общій миръ, равно прибыльный для Россіи и Польши, безъ продолжительной войны.

Исправленный такимъ образомъ проектъ мирнаго трак-
24 апрѣля. тата слушали цари и царевна вмѣстѣ съ патріархомъ, ближними боярами и думными людьми. Всѣ статьи одобрены. Велѣно написать его на пергаментѣ, переплесть въ доски, оболочь золотою объярью, и потомъ призвать пословъ въ отвѣтную палату, для размѣна записей вѣчнаго мира съ ближними боярами. Трактатъ подписанъ и размѣненъ 26 апрѣля.[17] Въ тотъ же день цари подтвердили его, въ присутствіи всего двора, торжественною присягою въ Грановитой палатѣ, предъ послами, и объявили имъ отпускъ.

27 апрѣля. На другой день, по царскому указу, пригласили ихъ во дворецъ въ *комнату*, приватнымъ обычаемъ, безъ чиновъ, проститься съ государями и царевною. Они пріѣхали въ царскихъ каретахъ. Въ Крестовой палатѣ встрѣтили ихъ ближній стольникъ князь Алексѣй Васильевичъ Голицынъ (сынъ оберегателя), и думный дьякъ Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый; у комнатныхъ дверей самъ оберегатель. Государи сидѣли въ своихъ государскихъ мѣстахъ, въ золотыхъ кафтанахъ и въ шапкахъ съ запанами. Явилъ пословъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ короткими словами, безъ рѣчи. Цари пожаловали ихъ къ рукѣ, и думному дьяку Украинцову велѣли спросить о здоровьи; потомъ, принявъ кубки, пили про здоровье королевское, и жаловали кубками изъ своихъ рукъ пословъ и бояръ: тѣ и другіе пили за здравіе царское. Подчивали пословъ мно-

17. Впервые напечатанъ онъ вполнѣ и исправно въ Полн. Собр. Закон. II. № 1186. Бывшія до тѣхъ поръ изданія Мартенса и др. невѣрны.

1686.

го и притомъ разными винами. Кубки и кувшины разносили спальники. Наконецъ, послы, вторично поцѣловавъ руки у царей, отступили въ Крестовую палату; государи удалились въ свои хоромы; а въ комнату пришла царевна Софія и сѣла въ креслахъ, въ шубѣ собольей, осиновой, да въ треухѣ. Пословъ снова пригласилъ князь Василій Васильевичъ; царевна пожаловала ихъ къ рукѣ, и, спросивъ чрезъ Украинцова о здоровьи, сказала: «Великіе государи постановленный вѣчный миръ изволятъ содержать крѣпко, безъ нарушенія, и надѣются, что его королевское величество будетъ также поступать съ своей стороны». Послѣ того сама жаловала пословъ кубками съ виномъ; между тѣмъ королевскихъ дворянъ подчивали въ Крестовой; въ заключеніе всего, послы были у руки царевны вторично, и откланялись.

Манифестъ Софіи.

«Никогда еще, при нашихъ предкахъ, Россія не заключала столь прибыльнаго и славнаго мира, какъ нынѣ», возвѣстила Софія Русскому народу. «Отецъ и братъ нашъ владѣли Смоленскомъ, Черниговомъ и Малороссійскимъ краемъ только временно, до окончанія перемирія, а богоспасаемый градъ Кіевъ трижды клялись предъ святымъ евангеліемъ возвратить Польшѣ. Отнынѣ все наше, и навѣки. Мы же не уступили Польшѣ ни одного города, ни мѣста, ни мѣстечка. Кромѣ того, имени царскаго величества учинено повышеніе: государи наши будутъ писаться пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими; а благочестивой и православной вѣрѣ нашей въ Польской странѣ обезпечена полная свобода богослуженія и дарована защита отъ католиковъ и уніатовъ. Преименитая держава Россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра».[18]

Такъ, не щадя ни отца, ни брата, тщеславная царевна превозносила свои заслуги предъ народомъ, и смѣло присвоила себѣ титулъ Самодержицы, который съ сего време-

18. Царскія милостивыя грамоты по случаю вѣчнаго мира: 26 апрѣля (Полн. Собр. Зак. II. № 1187), 10 іюня (Акты Археогр Экспед. IV. № 290), 29 іюня (Полн. Собр. Зак. II. № 1197).

1686. ни приказала писать во всѣхъ актахъ, внутри государства, на ряду съ именемъ державныхъ братьевъ.[19] Чтобы еще болѣе убѣдить народъ въ необъятныхъ выгодахъ вѣчнаго мира съ Польшею, она повелѣла совершить молебствіе во всемъ государствѣ, и всѣ сословія осыпала наградами: боярамъ, царедворцамъ, людямъ служилымъ прибавлены денежные оклады, и помѣстья обращены въ вотчины; людямъ торговымъ и посадскимъ дарованы разныя облегченія. Бояринъ и оберегатель, разумѣется, награжденъ болѣе всѣхъ:[20] онъ получилъ золотую чашу, вѣсомъ въ $1\frac{1}{2}$ фунта, кафтанъ атласный золотной на соболяхъ въ 400 рублей, въ прибавку къ прежнему окладу 250 рублей, да въ вотчину въ Нижегородскомъ уѣздѣ богатую волость Бѣлгородскую, принадлежавшую прежде царскому тестю Ильѣ Даниловичу, а потомъ боярину Ивану Михайловичу Милославскому, не дожившему до заключенія вѣчнаго мира.[21] Соразмѣрныя награды пожалованы и другимъ лицамъ.

Софія однакожъ не сказала народу, что вѣчный миръ съ Польшею купленъ войною съ Турціею, съ непремѣннымъ обязательствомъ не покидать оружія, доколѣ король не возвратитъ Каменца и другихъ городовъ, отданныхъ имъ султану. Тягость войны съ народомъ могущественнымъ, страшнымъ всей Европѣ, едва ли не перевѣшивала выгоды мира съ державою слабою и разстроенною, которая, при всѣхъ усиліяхъ, не могла отнять у насъ того, чѣмъ гордилась царевна.

тификація трата. Янъ III, получивъ отъ пословъ своихъ извѣстіе о заключеніи вѣчнаго съ Россіею мира и союза, и о согласіи Московскаго двора немедленно двинуть въ Запорожье сильный отрядъ, для охраненія Польши отъ Крымскихъ Татаръ, предпринялъ походъ въ Молдавію, и едва не погибъ со всѣмъ

19. Имя Самодержицы впервые встрѣчается въ объявленіи наградъ 26 апрѣля 1686 г.

20. Указъ о наградахъ лицамъ, трактовавшимъ съ Польскими послами, въ Полн. Собр. Зак. II. № 1197 отъ 29 іюня 1686.

21. Онъ умеръ 2 іюля 1685 г. какъ свидѣтельствуетъ Гордонъ подъ 19 ч. августа. Изъ Устава Московскихъ патріарховъ, напечат. въ X томѣ Древн. Россійск. Вивл. стр. 392, видно, что погребеніе Милославскаго было 28 Іюля.

войскомъ своимъ на берегахъ Прута, тамъ, гдѣ нѣкогда 1686.
палъ славный предокъ его, гетманъ Жолкѣвскій.[22] Мы съ своей стороны, еще не готовые къ войнѣ, ограничились посылкою незначительнаго отряда въ Запорожскую Сѣчь, подъ начальствомъ генерала Касагова, болѣе для усмиренія бунтовавшихъ тамъ казаковъ, не хотѣвшихъ признавать нашего господства, чѣмъ для защиты Польши.[23]

Грустно возвратился король изъ Молдавіи во Львовъ, гдѣ уже два мѣсяца ожидали его наши великіе и полномочные послы, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, пріѣхавшіе за подтвердительною королевскою грамматою на договоръ Московскій.[24] Янъ III принялъ ихъ съ честію, и торжественною присягою предъ св. евангеліемъ подтвердилъ трактатъ; но 12 декабря.
слезы навернулись у него на глазахъ, когда произносилъ онъ клятву предъ нашими послами: жаль было Собѣскому отказаться навѣки отъ столь многихъ городовъ и земель, за которые такъ спорили его предшественники, и никогда не могъ онъ вспомнить о томъ безъ огорченія, приписывая всю вину Гримультовскому и Огинскому.[25] Досады своей не скрылъ онъ и въ грамматѣ къ государямъ Россіи, жалуясь на ихъ бездѣйствіе.[26] Впрочемъ ласкалъ нашихъ пословъ какъ нельзя болѣе: на королевскихъ пирахъ они занимали первыя мѣста, выше Польскихъ сенаторовъ, и неоднократно играли въ карты съ королевою.[27] Отпустивъ ихъ съ честію въ Вѣну, куда отправились они для заключенія союза съ цесаремъ Леопольдомъ I,[28] король прислалъ въ Москву гонца своего, Александра Скопа, чтобы ускорить войною съ общимъ непріятелемъ и условиться о

22. Salvandy, Histoire de Jean Sobiesky t. 2.
23. Польскія дѣла въ Главн. Арх. св. 147.
24. Они выѣхали изъ Москвы 25 іюня, прибыли во Львовъ 26 сент. Король возвратился изъ Молдавскаго похода въ исходѣ ноября 1686. Польск. дѣла въ Главн. Арх. св. 135.
25. Свидѣтельство Залускаго, который самъ видѣлъ королевскія слезы и слышалъ въ послѣдствіи его жалобы. См. его Epistolae Historico—familiares t. 1. pars II. p. 989, 1135.
26. Королевская граммата отъ 11 декабря 1686 въ Главн. Архивѣ.
27. Zaluski epistolae t. 1. pars II. p. 1008.
28. Все дѣло ограничилось спорами о титулахъ. Цесарь уклонился отъ союза. Статейный списокъ посольства Шереметева въ Польск. дѣлахъ, св. 135.

планѣ военныхъ дѣйствій.[29] Мы, между тѣмъ, объявили разрывъ пока одному Татарскому хану, не трогая Турокъ, и начали готовиться къ походу, медленно, по старому обычаю.

29. Скопъ пріѣхалъ въ Москву въ январѣ 1687 г. Польскія дѣла въ Главн. Арх. св. 133.

ГЛАВА IX.

РУССКОЕ ВОЙСКО ДО ПЕТРА.

РУССКОЕ ВОЙСКО ДО ПЕТРА.—СТРОЙ РУССКІЙ: СТРѢЛЬЦЫ.—КАЗАКИ.—ЛЮДИ ДАТОЧНЫЕ.—ПОМѢСТНЫЕ ВЛАДѢЛЬЦЫ.—СТРОЙ ИНОЗЕМНЫЙ: ПЕРВАЯ ДРУЖИНА.—НАЕМЪ ИНОЗЕМНЫХЪ ПОЛКОВЪ.—НАЧАЛО ВОЙСКЪ ИНОЗЕМНАГО СТРОЯ.—ВЫѢЗДЫ ИНОЗЕМЦЕВЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.—РЕЙТАРЫ —ДРАГУНЫ.—СОЛДАТЫ.—ИДЕЯ РУССКАГО ВОЙСКА ДО ПЕТРА.

1687.

«У нашего великаго государя, противъ его государскихъ недруговъ, рать собирается многая и несчетная, а строенья бываетъ разнаго: многія тысячи копейныхъ ротъ устроены *гусарскимъ* строемъ; другія многія тысячи, конныя, съ огненнымъ боемъ, *рейтарскимъ* строемъ; многія же тысячи съ большими мушкетами, *драгунскимъ* строемъ; а иныя многія тысячи *солдатскимъ* строемъ. Надъ всѣми ими поставлены начальные люди: генералы, полковники, подполковники, маіоры, капитаны, поручики, прапорщики. Сила Низовая, Казанская, Астраханская, Сибирская, тоже рать несмѣтная; а вся она конная, и бьется *лучнымъ* боемъ. Татары Большаго и Малаго Ногаю, Башкирцы, Калмыки бьются *лучнымъ* же боемъ. Стрѣльцовъ въ одной Москвѣ, не считая городовыхъ, 40.000; а бой у нихъ *солдатскаго* строя. Казаки Донскіе, Терскіе, Яицкіе бьются *огненнымъ* боемъ; а Запорожскіе Черкасы и *огненнымъ* и *лучнымъ*. Дворяне же государевыхъ городовъ бьются *разнымъ обычаемъ*, и лучнымъ и огненнымъ боемъ, кто какъ умѣетъ. Въ государевомъ полку, у столь- Русское войско до Петра.

никовъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ, *свой обычай:* только у нихъ и бою, что аргамаки рѣзвы, да сабли остры; куда ни придутъ, никакіе полки противъ ихъ не стоятъ.—Тò у нашего великаго государя ратное строенье».

Такъ говорилъ во Флоренціи, лѣтъ за 30 до описываемыхъ нами событій, Русскій посланникъ, стольникъ Иванъ Ивановичъ Чемодановъ, юному Козьмѣ Медичи, будущему герцогу, который съ любопытствомъ распрашивалъ его о царскомъ войскѣ.[1] То же повторяли за границею и другіе наши послы, посланники, гонцы. Слушая ихъ, можно подумать, что Россія задолго до Петра имѣла не только силу несмѣтную, но и войско хорошо, устроенное, *регулярное*; по крайней мѣрѣ такого мнѣнія многіе изъ новыхъ изслѣдователей отечественной старины.[2] На дѣлѣ было однакожъ иное.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ болѣе 200.000 войска, готоваго къ бою; въ томъ числѣ *строя Русскаго* до 60.000, *строя иноземнаго* до 90.000; Черкасъ (казаковъ) Украинскихъ до 15.000; Черкасъ гетманскаго полку до 50.000;[3] кромѣ того, нѣсколько тысячъ казаковъ Донскихъ, Терскихъ, Яицкихъ, Сибирскихъ, и цѣлую орду Калмыковъ.

Войскá Русскаго и иноземнаго строя раздѣлялись на пѣхотные и конные.

Войска Русскаго строя.

Пѣхота Русскаго строя состояла *преимущественно* изъ *стрѣльцовъ* Московскихъ и городовыхъ, въ числѣ 22 полковъ, подъ начальствомъ исключительно Русскихъ полковниковъ, которые обыкновенно имѣли званіе стольниковъ.[4] Каждый полкъ заключалъ въ себѣ до 1000 человѣкъ, и

1. Статейный списокъ посольства Чемоданова въ Венецію въ 1637 году, въ Древ. Россійск. Вивліоѳ. IV. стран. 192.

2. Между прочимъ П. М. Строевъ въ примѣчаніи къ Выходнымъ книгамъ, подъ словомъ *Стрѣльцы*.

3. Перечневая роспись ратнымъ людямъ, расписаннымъ въ 7189 (1681) году въ полки по Разрядамъ, въ Арх. Старыхъ дѣлъ; напечатана Ивановымъ въ описаніи Разряднаго Архива. М. 1842. стр. 71.

4. См. Примѣчаніе 70.

раздѣлялся на сотни, подъ вѣдѣніемъ капитановъ. Какъ въ столицѣ, такъ и въ городахъ стрѣльцы жили особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, могли имѣть торговыя лавки, мельницы,[5] освобождались отъ всѣхъ городскихъ повинностей, равнымъ образомъ и отъ торговыхъ пошлинъ, если торговали на сумму не свыше 50 рублей,-капиталъ значительный при тогдашней цѣнности монеты. Званіе стрѣльцовъ было наслѣдственное, и переходило отъ отца къ сыну. Въ мирное время они исправляли въ своихъ городахъ обязанности гарнизонной службы и разныя полицейскія должности высыльщиковъ, приставовъ, таможенныхъ, караульныхъ и тому подобныя; въ случаѣ войны выступали въ походъ, по наряду Стрѣлецкаго приказа, въ большемъ или меньшемъ числѣ полковъ, вооруженные мушкетами, саблями, бердышами; у первыхъ ротъ были сверхъ того копья, отъ того назывались онѣ копейными. Каждый полкъ имѣлъ свою артиллерію, отъ 7 до 8 пищалей на станкахъ, съ извѣстнымъ числомъ *пушкарей*, которые выбирались однакожъ не изъ стрѣльцовъ, считавшихъ званіе пушкарское для себя унизительнымъ; пушкарямъ также отводилась земля или производилось денежное жалованье.[6]

Стрѣльцы

Къ пѣхотѣ Русскаго строя принадлежали *городовые казаки,* служившіе съ данной имъ земли,[7] и *люди даточные*, собираемые съ тяглыхъ и нетяглыхъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, смотря по надобности, иногда съ 50, иногда съ 20, даже съ 3 дворовъ по человѣку, съ исправнымъ оружіемъ и достаточнымъ запасомъ продовольствія на счетъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли латы, шишаки, мушкеты, сабли; другіе только луки, топоры и рогатины. По окончаніи войны, всѣ они распускались по домамъ и поступали въ прежнее состояніе. Городовые казаки и даточные люди во время походовъ оберега-

Казаки и люди даточные.

5. См. Примѣчаніе 71.
6. См. Примѣчаніе 72.
7. См. Примѣчаніе 73.

ли обозы, строили мосты, сооружали окопы; тѣ и другіе бывали и конные: на долю сихъ послѣднихъ доставалась сторожевая и станичная служба.

Помѣстные владѣльцы.

Боевою конницею Русскаго строя было дворянство, многочисленный классъ людей родословныхъ, стародавнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изъ которыхъ многіе вели родъ свой отъ Владиміра св. Въ одномъ разрядѣ съ нимъ находились новокрещеные, князья и мурзы Татарскіе, получившіе помѣстья. Каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, *дворянъ и дѣтей боярскихъ*: они обыкновенно назывались по имени города, къ которому были приписаны, Владимірцами, Рязанцами, Кашинцами, Ярославцами, и раздѣлялись на три *статьи:* на служащихъ по *выбору*, по *дворовому* списку, и съ *городомъ*. Послѣдніе занимали низшую степень, и только за особенное отличіе или достоинство перемѣщались въ дворовой списокъ и въ выборной, то есть, получали высшіе помѣстные оклады. Царскій указъ «служить съ городомъ» для знатнаго сановника выражалъ тяжкую опалу. Изъ выборнаго списка лучшіе помѣщики и вотчинники поступали ко двору, съ званіемъ *жильцовъ*, въ царскіе тѣлохранители, и хотя смѣнялись обыкновенно чрезъ полгода, но уже оставались въ спискѣ *Московскаго чина;* если же получали помѣстные оклады въ Московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали званіе *дворянъ Московскихъ*; отсюда могли перейти въ *стряпчіе* и *стольники*, то есть, въ высшій классъ царедворцевъ.

Право помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія непремѣнно обязывало къ *полковой* службѣ лично самихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые не могли служить по своему званію,[8] полу, за старостію, болѣзнію, увѣчьемъ, или находились *у дѣлъ*—изъ Московскаго чина, въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствѣ, въ посольствѣ; изъ городоваго чина, по выборамъ, въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ, и тому подобныхъ. Городовые

8. Духовенство.

воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ *разборныя книги*, подробные списки, въ которыхъ означались прежнія службы каждаго изъ нихъ, помѣстные оклады, временныя денежныя выдачи, также сыновья взрослые и малолѣтные, еще не отдѣленные отъ отца, и другіе свойственники, состоявшіе въ семействѣ; сверхъ того, «кто какъ люденъ, коненъ и оруженъ», т. е. съ какимъ боемъ или оружіемъ и съ какимъ числомъ людей явится на службу каждый помѣщикъ и вотчинникъ. Разборныя книги ежегодно сообщались въ Москву, въ главное вѣдомство служилыхъ людей, *Розрядъ*, который, основываясь на нихъ, время отъ времени, большею частію предъ началомъ войны, нерѣдко и по объявленіи уже разрыва, посылалъ въ уѣздъ *разборщиковъ* и *окладчиковъ:* первыхъ, для пересмотра служилыхъ людей, кто изъ нихъ годенъ къ службѣ или не годенъ; вторыхъ, для *верстанья новиковъ*, то есть для записки въ государеву службу всѣхъ недорослей, достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, и для назначенія имъ помѣстныхъ окладовъ.[9]

Въ мирное время помѣщики и вотчинники, бывшіе не *у дѣлъ*, слѣдовательно состоявшіе въ полковой службѣ, спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, тяжбами, торгомъ, охотою, и менѣе всего думая о ратномъ дѣлѣ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ, съ царскимъ указомъ: «строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить». Тутъ брались они за дѣдовскіе, заржавленные доспѣхи, устроивали походный *кошъ*, нагружали нѣсколько возовъ, по мѣрѣ своихъ способовъ, провіантомъ: вяленымъ и соленымъ мясомъ, рыбою, толокномъ, гречею, масломъ, хлѣбомъ; снаряжали въ походъ съ собою своихъ людей, назначая однихъ къ бою, другихъ въ обозъ, и поджидали новаго царскаго указа, который кликнетъ ихъ въ дальній путь, съ Вологды на Украйну, съ Казани на Литву. Многіе, не взирая на

9. См. Примѣчаніе 74.

преклонныя лѣта, на сорокалѣтнюю службу, помолившись всеблагому Спасу, пресвятой Богородицѣ и святымъ угодникамъ, и простившись съ милыми сердцу, бодро и смѣло, на ретивыхъ коняхъ, спѣшили въ указное мѣсто, къ назначенному сроку; другіе медленно и лѣниво подвигались съ своимъ кошемъ, и нерѣдко приходили къ сборнымъ пунктамъ въ концѣ военныхъ дѣйствій; не мало было и такихъ, которые, подъ разными благовидными предлогами, уклонялись отъ службы, чаще всего прикидываясь больными, чтобы, за неудачный *нѣтъ* на смотру, не попасть подъ батоги и не потерять помѣстья; а иные отважно и упорно сказывались въ *нѣтѣхъ*, укрываясь отъ всѣхъ поисковъ городовыхъ высыльщиковъ.

Пріѣзды помѣщиковъ на сборные пункты представляли живописную, хотя мало утѣшительную картину, по разнообразію вооруженія, доспѣховъ, прислуги и обозовъ. Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ блестящихъ панцыряхъ и въ зерцалахъ, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, съ исправною, боевою прислугою, и съ обильнымъ запасомъ всякаго продовольствія. Бѣднякъ пріѣзжалъ на плохой лошадкѣ, безъ латъ и шлема, безъ мушкета и карабина, съ одною саблею въ рукѣ или съ парою пистолей, да съ мѣшкомъ сухарей, который несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиною. Явившіеся во-время на сборныя мѣста, дворяне городовые распредѣлялись по корпусамъ между другими ратными людьми, имѣя своихъ головъ и есауловъ. Дворяне Московскаго чина именовались *полкомъ государевымъ;* одна половина оставалась въ Москвѣ, другая отправлялась въ походъ и всегда находилась при Большомъ полку или при главномъ войскѣ, въ видѣ отдѣльнаго отряда. По росписанію полковъ, составленному въ послѣдній годъ царствованія Θеодора Алексѣевича, было въ Большомъ полку Московскаго чина 3761 человѣкъ, да въ Московскомъ разрядѣ или корпусѣ 2366, людей за ними 11.830;

городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ полковой службы по другимъ корпусамъ 9.712 человѣкъ.

Войска иноземнаго строя.

Первоначальное войско иноземнаго строя учреждено въ Россіи умомъ Бориса Годунова, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича: сознавая превосходство западныхъ народовъ въ военномъ искусствѣ, Борисъ охотно принималъ въ царскую службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ; многіе изъ нихъ сами предлагали свои услуги Русскому правительству, въ надеждѣ пріобрѣсть сокровища въ богатой Московіи; другихъ *приговаривали* наши послы и торговые агенты за границею; остальные взяты изъ плѣнниковъ прежнихъ войнъ, преимущественно изъ Ливонцевъ и Поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI вѣка иноземная дружина, въ 2500 человѣкъ, наиболѣе изъ Поляковъ и Ливонцевъ, съ частію Шотландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Цесарцевъ, Французовъ и Грековъ. Она получала отъ казны значительное содержаніе, денежными и помѣстными окладами, и состояла въ вѣдѣніи своихъ капитановъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе извѣстны Французъ Маржеретъ и Ливонецъ Валтеръ фонъ Розенъ.[10] Димитрій Самозванецъ избралъ изъ нее 300 лучшихъ Нѣмецкихъ воиновъ въ свои тѣлохранители и далъ имъ такое жалованье, что они могли носить бархатную одежду. Капитаномъ первой сотни былъ Маржеретъ, второй Ливонецъ Кнутсенъ, третьей Шотландецъ Вандеманъ.[11] По воцареніи Шуйскаго, иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны; а во время кровавой брани Русскихъ за свободу отечества, вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, давая знать, что они болѣе не надобны, что Русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья, и спасутъ свою отчизну и безъ наемныхъ людей.[12]

Первая дружина иноземная.

10. Маржеретъ и Мартинъ Беръ, въ Сказан. совр. о Дим. Самозв. I. 48. III. 60. Денежный окладъ Маржерета былъ 80 р. въ годъ, какъ видно изъ собственноручной росписки его въ полученіи жалованья на 112 годъ (1604).

11. Мартинъ Беръ въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозв. I. 66.

12. Отвѣтъ князя Пожарскаго Эстону, Гилю и другимъ иностранцамъ, въ августѣ 1612 года. Сказан. совр. о Димит. Самозв. III. 171.

Этому же правилу слѣдовалъ и царь Михаилъ Θеодоровичъ въ первые годы своего царствованія. При нашествіи королевича Владислава на Россію въ 1618 году, когда правительство, для спасенія царства, вооружило всѣхъ жителей Москвы, нашлось въ ней иноземцевъ *стараго выѣзда, Нѣмецъ* и *Литвы*, не болѣе 137 человѣкъ.[13] Царь Михаилъ видѣлъ однакожъ необходимость, для успѣха неизбѣжной борьбы съ врагомъ злобнымъ, окружить себя войсками искусными въ ратномъ дѣлѣ: съ этою цѣлію онъ собралъ всѣхъ иноземцевъ *стараго выѣзда*, разсѣянныхъ по Россіи, и образовалъ изъ нихъ нѣсколько ротъ, наиболѣе изъ Грековъ, Сербовъ и Волоховъ, подъ начальствомъ ротмистровъ съ Славянскими прозваніями.[14]

Наемъ иноземныхъ полковъ.

Когда же пришло время отмстить Польшѣ за разореніе Россіи въ смутное время и возвратить города, отданные ей *за саблею*, государь прибѣгнулъ къ двумъ важнымъ мѣрамъ, которыя едва ли приходили на мысль и Годунову: съ одной стороны, онъ отправилъ двухъ полковниковъ, Лесли и фанъ Дама, въ западныя государства, въ Швецію, Данію, Голландію, Англію, нанять до 7000 *охочихъ Нѣмцевъ*, въ полномъ вооруженіи, на все время замышляемой войны съ Польшею; съ другой же стороны, велѣлъ набрать въ своемъ государствѣ нѣсколько полковъ конныхъ и пѣшихъ, изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей, и ввѣрилъ ихъ Нѣмецкимъ офицерамъ, для ратнаго обученія иноземнымъ обычаемъ.[15] Лесли и фанъ Дамъ привели изъ-за границы пять полковъ,[16] которые однакожъ не принесли ожидаемой пользы въ войнѣ съ Польшею, и послѣ печальнаго опыта подъ Смоленскомъ, правительство болѣе не вызывало иноземныхъ солдатъ въ такомъ огромномъ числѣ; но тѣмъ ревностнѣе, чрезъ пословъ и торговыхъ агентовъ, пригова-

13. Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ III. 169—172.
14. См. Примѣчаніе 75.
15. См. Примѣчаніе 76.
16. См. Примѣчаніе 77.

ривало за границею въ Русскую службу способныхъ *начальныхъ* людей, то есть полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ, прапорщиковъ, также и капраловъ, для ратнаго обученія Русскихъ войскъ иноземному строю. Въ войскахъ Шеина подъ Смоленскомъ было уже шесть полковъ солдатскихъ, одинъ полкъ рейтарскій и одинъ драгунскій: всѣ они составлены были преимущественно изъ Русскихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ Нѣмецкихъ офицеровъ.[17]

Выѣзды иноземцевъ въ XVII столѣтіи.

Мысль царя Михаила, о введеніи въ Русскія войска иноземнаго строя, развилась въ обширныхъ размѣрахъ при его преемникѣ. Отъ начала до конца своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ постоянно вызывалъ въ Россію иноземныхъ офицеровъ, для обученія своихъ войскъ, и находилъ ихъ безъ труда: въ западной Европѣ, послѣ Тридцатилѣтней войны, скитались безъ дѣла и безъ денегъ тысячи отважныхъ бойцовъ, которые готовы были итти на край свѣта за честью и корыстью. Русскій государь предлагалъ имъ щедрое жалованье, обширныя помѣстья, свободу вѣроисповѣданія, съ правомъ безпрепятственнаго выѣзда изъ Россіи по окончаніи условнаго срока, и цѣлыя толпы Нѣмецкихъ начальныхъ людей, моремъ и сушею, стремились въ Московію; въ особенности много появилось ихъ во время войны за Малороссію; въ одинъ годъ, въ 1661, выѣхали въ Россію: изъ Польши полковникъ Кравфурдъ съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ были маіоръ Патрикъ Гордонъ и капитанъ Павелъ Менезіусъ;[18] изъ цесарской земли полковникъ Шейнъ, подполковникъ Крейцъ, маіоръ Венстендорфъ, съ 39 капралами и рейтарами; изъ Шотландіи капитанъ Смитъ; изъ Любека ротмистръ Шульцъ съ 17 рейтарами; изъ Даніи полковникъ Эгератъ и подполковникъ Стробель съ 136 ч. начальныхъ людей и рейтаръ; изъ Англіи подполковникъ Дикенсенъ съ нѣ-

17. Розрядная книга Шеинова похода, въ Акт. Археогр. Экспед. III. стр. 295. 350. 377.
18. Дневникъ П. Гордона, ч. II. Августъ 1661 года.

сколькими товарищами; изъ Аугсбурга полковникъ фонъ Падбергъ, подполковники Гольмъ, Вильдъ, Ясманъ, съ 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лекарями, гранатчиками, съ сотнею капраловъ и рейтаръ.[19]

Были охотники въ царскую службу и изъ высшихъ чиновъ: такъ въ 1659 году лордъ Шарль Ергартъ, *губернаторъ Оксфордскій и начальникъ всей Англійской кавалеріи*, предлагалъ себя въ главнокомандующіе Русскою арміею, требуя званія генералиссимуса и неограниченной власти въ судѣ, расправѣ и въ производствѣ чиновъ. Царь Алексѣй Михайловичъ соглашался принять его и предоставлялъ ему вѣдать всякія расправныя дѣла въ своемъ войскѣ, кромѣ государственныхъ и убійственныхъ, съ правомъ производить въ чины до подполковника.[20] Договоръ однакожъ не состоялся.

Выѣзжіе Нѣмцы нерѣдко ошибались въ своихъ корыстныхъ расчетахъ: полковникъ Падбергъ и многочисленные спутники его, до 137 человѣкъ, на пути изъ Архангельска въ Москву, въ Великомъ Устюгѣ, едва не погибли съ голода, и только угрозою грабежа принудили тамошняго воеводу дать имъ нѣсколько денегъ на кормъ;[21] а славный въ послѣдствіи сподвижникъ Петра, маіоръ Гордонъ, въ первый годъ по пріѣздѣ въ Москву, думалъ уйти въ Персію: жалованье производилось мѣдными деньгами, быстро упадавшими въ цѣнѣ, и чрезъ нѣсколько времени уменьшено было цѣлою третью.[22] Той же участи подвергались и другіе иноземцы. При всемъ томъ, они не переставали, толпа за толпою, приходить въ Россію. Многіе выѣзжали съ женами и дѣтьми;[23] другіе поже-

19. Дѣла о выѣздѣ ихъ хранятся въ Военномъ Министерствѣ, куда поступили они въ 1833 году изъ Московскаго Главнаго архива.

20. Письмо его изъ Брюсселя 1659 года въ 20 статьяхъ съ царскими резолюціями, въ Московск. Главн. архивѣ. Почему онъ не пріѣхалъ, изъ дѣлъ архива не видно.

21. Дѣло о выѣздѣ его.

22. Дневникъ Гордона ч. II. Апрѣль 1662.

23. Подполковники, маіоръ, нѣсколько ротмистровъ, капитановъ и прапорщиковъ изъ свиты Падберга, были женаты.

нились въ Россіи, большею частію на дочеряхъ и вдовахъ своихъ единоземцевъ;[24] а нѣкоторые приняли и православную вѣру: въ числѣ ихъ были полковникъ Лесли[25] и генералъ маіоръ Филиппъ фонъ Букговенъ, тесть Гордона.[26] Впрочемъ благоразумная вѣротерпимость руководствовала нашимъ правительствомъ: оно только запрещало иноземцамъ имѣть крѣпостныхъ людей православнаго исповѣданія.[27] Это распоряженіе состоялось при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, въ слѣдствіе жалобъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ на жену полковника Лесли, которая обременяла ихъ нестерпимою работою, и въ великій постъ заставляла ѣсть мясо и «всякой скоромъ» неволею.[28]

До выѣзда въ Россію, всѣ вообще иноземцы, вступавшіе въ Русскую службу, заключали съ нашимъ правительствомъ, при посредствѣ пословъ или агентовъ, условія на извѣстный срокъ, съ жалованіемъ смотря по чину; по окончаніи условнаго срока, одни изъ нихъ возвращались во свояси, другіе возобновляли контракты на опредѣленное время, или и навсегда оставались въ Россіи, тѣмъ болѣе, что наше правительство весьма неохотно отпускало людей способныхъ, и частію обѣщаніемъ наградъ, частію угрозою ссылки въ Сибирь, удерживало ихъ въ своей службѣ. Такъ Гордонъ, не взирая на ходатайство своего короля, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ вырваться изъ Россіи, и за слишкомъ настойчивое требованіе отставки, при царевнѣ Софіи, на нѣкоторое время разжалованъ былъ изъ генералъ-поручиковъ въ прапорщики.[29]

Главною, исключительною цѣлью нашего правительства, при вызовѣ иностранныхъ офицеровъ, было обученіе войскъ иноземному строю; въ составѣ 9 корпусовъ, опредѣлен-

24. Примѣры многочисленны въ Дневникѣ Гордона.

25. Свидѣтельство Олеарія, который зналъ его лично. Reisebeschreibung, 167, pag. 287.

26. Челобитная его 17 іюля 1676 о вознагражденіи за службу и полонное терпѣніе въ Польшѣ. Дѣло Главнаго архива.

27. Уложеніе глава XX, ст. 70.

28. Въ 7139 году, какъ видно изъ Уложенія. Объ этомъ, безъ сомнѣнія, случаѣ упоминаетъ Олеарій (изд. 1671, стр. 286).

29. Рукописный Дневникъ его, ч. IV, годъ 1686. Онъ подалъ просьбу объ увольненіи 11 сентября. Лишенъ чина 22 ноября, прощенъ 11 декабря.

ныхъ росписаніемъ царя Θеодора Алексѣевича въ послѣдній годъ его жизни, находилось уже 63 полка иноземнаго строя; въ томъ числѣ 25 полковъ конныхъ рейтарскихъ и копейныхъ и 38 пѣшихъ солдатскихъ; столько же наберетъ ихъ и Софія, для похода на Крымъ.

Рейтары.

Въ рейтарскую и копейную службу, кромѣ значительнаго числа иноземцевъ, набирались малопомѣстные дворяне, дѣти боярскіе и всякіе вольные охочіе люди, не бывшіе ни въ тяглѣ, ни въ холопствѣ; имъ производилось во время похода жалованье отъ 15 до 20 рублей,[30] за исключеніемъ однакожъ тѣхъ, которые могли содержать себя сами съ своихъ помѣстьевъ, и выдавались отъ казны мушкеты или карабины, сабли, пистолеты, порохъ, свинецъ, шишаки и латы; иногда одежда и лошадь; а въ копейные полки, копья;[31] сверхъ того всѣ лица, владѣвшія помѣстьями, но не могшія служить лично, духовенство, сановники, бывшіе не у дѣлъ, престарѣлые и больные помѣщики, вдовы, дѣвицы, выставляли въ случаѣ надобности со ста дворовъ по рейтару, въ полномъ вооруженіи, съ лошадью и съ запасомъ продовольствія. Рейтары и копейщики раздѣлялись на полки, не равные числомъ людей: въ иныхъ было отъ 1500 до 1700 человѣкъ, въ другихъ менѣе 1000; полки раздѣлялись на роты; каждый имѣлъ по 10 знаменъ, по 10 трубъ и по три пары литавръ; знамена хранились у полковника; прочіе полковые припасы въ вѣдѣніи маіора.[32] Полковники были наиболѣе иноземцы, равно какъ и начальные люди, то есть маіоры, ротмистры, поручики, прапорщики, числомъ до 33 въ каждомъ полку.[33]

Когда не было войны, рейтары, какъ начальные, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ, и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ, по особому предписанію правительства. Полковникъ, получивъ о томъ *на-*

30. Докладъ 20 сентября 1686, въ Полн. Собр. Закон. II. № 1210.
31. См. Примѣчаніе 78.
32. См. Примѣчаніе 79.
33. См. Примѣчаніе 80.

мять изъ Рейтарскаго приказа, пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго расположенъ былъ его полкъ, разсѣянный по волостямъ и станамъ, собиралъ начальныхъ людей и рейтаръ, записывалъ пріѣзды ихъ, досматривалъ оружіе, доспѣхи, лошадей, и раздавъ порохъ по фунту на человѣка, училъ ихъ ратному строю и полковому ополченію; послѣ чего, сказавъ имъ въ слухъ царскій указъ, чтобы они впредь на государеву службу были готовы съ полнымъ ружьемъ и на добрыхъ лошадяхъ, съ вѣдома воеводы распускалъ ихъ по домамъ до будущей осени.[34]

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ учреждены были еще драгуны, частію изъ иноземцевъ, частію изъ Русскихъ охочихъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеныхъ и Татаръ, также изъ дѣтей стрѣлецкихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ, безпомѣстныхъ людей, которые не въ службѣ, не въ тяглѣ и не въ холопствѣ. Имъ производилось жалованье по 3 рубли въ годъ, съ поденнымъ кормомъ: дѣтямъ боярскимъ и иноземцамъ по 8 денегъ, прочимъ по 7. Лошади и доспѣхи давались казенныя.[35] Драгуны имѣли латы и пансыри; вооружены были мушкетами, пиками, шпагами и бердышами; службу несли конную и пѣшую; по окончаніи похода распускались по домамъ; лошади же съ сѣдлами и военною сбруею отсылались по разнымъ областямъ, гдѣ лошадей отдавали на кормъ сельскимъ обывателямъ, по одной на 4 двора; а оружіе хранилось у воеводъ или въ монастыряхъ.[36] Драгуны.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ устройствѣ драгунъ произведена важная перемѣна: они были въ правахъ своихъ сравнены съ городовыми стрѣльцами и получили осѣдлость, преимущественно на Украйнѣ; каждому драгуну отведено было по 25 четвертей земли, которую онъ воздѣлывалъ и съ нее несъ свою службу.[37] Въ полковыхъ росписяхъ, со временъ Ѳеодора Алексѣевича до 1700 года, дра-

34. См. Примѣчаніе 81.
35. Акты Археогр. Эксп. III. № 287.
36. Акты Археогр. Эксп. IV. № 15.
37. См. Примѣчаніе 82.

гунскіе полки, въ отдѣльномъ составѣ, упоминаются не въ значительномъ числѣ,[38] вѣроятно потому, что, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, они входили въ составъ рейтарскихъ.[39]

Гусары, кажется, переименованы копейщиками, впрочемъ не всѣ: въ росписаніи 1681 года, они показаны въ Новгородскомъ разрядѣ въ числѣ 5 ротъ, въ которыхъ было помѣщиковъ разныхъ городовъ 465 человѣкъ.[40] О вооруженіи ихъ никакихъ свѣдѣній не найдено.

Солдаты. Пѣхотные полки солдатскіе набирались изъ того же класса вольныхъ людей, какъ и драгунскіе, изъ безпомѣстныхъ, малопомѣстныхъ и изъ крестьянъ, отъ трехъ братьевъ по одному, отъ четырехъ по два; они были поселены при городахъ особыми слободами, сохранившими, подобно стрѣлецкимъ, до сихъ поръ названіе солдатскихъ; во время войны получали жалованье и кормовыя деньги наравнѣ съ драгунами; въ мирное время кормились съ отведенной имъ земли.[41] Оружіе было казенное: оно состояло изъ мушкетовъ, пикъ долгихъ и короткихъ, шпагъ и бердышей. Солдаты раздѣлялись на полки, отъ 1000 до 2000 человѣкъ, и назывались иногда по имени полковниковъ, напримѣръ Ловизовъ, иногда по имени городовъ, Рыльскій, Елецкій. Полковники были почти исключительно иноземцы, какъ и въ рейтарскихъ полкахъ.[42] При каждомъ изъ нихъ находилось 33 человѣка начальныхъ людей, также большею частію иноземцевъ, подполковникъ, маіоръ, капитаны, поручики, прапорщики. Полки имѣли по 10 знаменъ тафтяныхъ разноцвѣтныхъ и отъ 6 до 8 пушекъ, съ особыми пушкарями.[43] Вообще устройствомъ своимъ солдаты много сходствовали съ стрѣльцами, отличаясь только тѣмъ, что не имѣли ихъ преимуществъ, состояли въ вѣдѣніи бо-

38. Въ Чигиринскомъ походѣ было всего 4300 ч. между тѣмъ, какъ рейтаръ болѣе 22.000.
39. Котошихинъ о Россіи, стр. 106.
40. Въ Чигиринскомъ походѣ они вовсе не упоминаются.
41. См. Примѣчаніе 83.
42. См. Примѣчаніе 84.
43. См. Примѣчаніе 85.

лѣе опытныхъ начальниковъ, чаще упражнялись въ ратномъ дѣлѣ, слѣдовательно лучше могли знать воинскіе пріемы.

Въ руководство, при обученіи войскъ иноземнаго строя, составленъ былъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ уставъ, изданный въ 1647 году, повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*. Впрочемъ каждый полковникъ слѣдовалъ своей методѣ.

Истинная идея войска до Петра.

Не взирая однакожъ на всю заботливость царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора, объ учрежденіи въ Россіи полковъ иноземнаго строя, и на тысячи иноземцевъ, находившихся въ Русской службѣ, мы не имѣли войска *регулярнаго*, т. е. правильно устроеннаго, хорошо вооруженнаго и привычнаго къ дѣлу ратному, въ той степени, какъ военное искусство развилось въ западной Европѣ. Въ сущности Русское войско при царевнѣ Софіи не многимъ отличалось отъ ратныхъ ополченій временъ Годунова и Іоанна Грознаго: названіе рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, солдатъ, также нѣкоторая перемѣна оружія по иностраннымъ образцамъ, самое раздѣленіе на полки и роты, подъ начальствомъ иностранныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ, ничто не могло переродить старыхъ воиновъ Руси: по прежнему они оставались тѣми же дворянами, боярскими дѣтьми, городовыми казаками, вообще землевладѣльцами разныхъ названій, болѣе или менѣе обширныхъ помѣстьевъ, отъ 800 дворовъ до 5 четвертей земли, какими были за сто лѣтъ предъ симъ; по прежнему бóльшую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ: карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку, или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ чѣмъ могъ. Собрать

нихъ въ походъ было столь же трудно, какъ и прежде: не взирая на самые строгіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ оказывались въ *нѣтѣхъ;* самые иноземцы, бездомные капитаны, голодною и жадною толпою приходившіе въ Россію, заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и до того облѣнивались, что нерѣдко досиживались въ своей деревнѣ до третьяго *нѣта,* поплачиваясь за каждый *нѣтъ* своею спиною подъ батожьемъ; послѣ третьяго нѣта, ихъ обыкновенно выгоняли за границу.[44]

Вооруженіе воиновъ-помѣщиковъ какъ Русскаго, такъ и иноземнаго строя, было равно неисправно и недостаточно: часто являлись рейтары на сборныя мѣста, съ однимъ пистолетомъ въ рукѣ, объяснивъ въ своей сказкѣ, что другой пистолетъ потерянъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ бою, карабинъ разорвало, а латъ не дано. Лошади, не привычныя къ огню боевому, пугались отъ выстрѣловъ и часто сбивали съ себя всадниковъ прежде, чѣмъ начнется сраженіе. Менѣе всего удовлетворительно было состояніе артиллеріи: въ каждомъ полку солдатскомъ и стрѣлецкомъ было отъ 6 до 8 пищалей, въ вѣдѣніи особыхъ пушкарей, назначаемыхъ Пушкарскимъ приказомъ; кромѣ полковыхъ орудій, при розрядномъ шатрѣ или при начальникѣ корпуса, находился большой полковой нарядъ, не болѣе впрочемъ 10 орудій 8, 6 и 4-фунтовыхъ, также подъ управленіемъ особыхъ пушкарей, столь же несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, какъ и полковые.[45]

Всѣ исчисленныя нами войска, въ послѣдній годъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, распредѣлены на 9 разрядовъ или корпусовъ, которые именовались по мѣстамъ, гдѣ были расположены полки: 1) разрядъ Московскій въ Москвѣ и въ окрестностяхъ ея, до 30.000; 2) разрядъ Сѣверскій въ Путивлѣ, Мценскѣ и Курскѣ, до 34.000; 3) разрядъ Владимірскій въ Ярославлѣ и Костромѣ, 12.000 слиш-

44. Сотни примѣровъ можно найти въ разборныхъ книгахъ съ 1671 года по 1700.
45. См. Примѣчаніе 83.

комъ; 4) разрядъ Новгородскій въ Новгородѣ и Торопцѣ, до 12.000; 5) разрядъ Казанскій въ Симбирскѣ и Керенскѣ, до 14.500; 6) разрядъ Смоленскій въ Смоленскѣ и Калугѣ, до 7.900; 7) разрядъ Рязанскій въ Переяславлѣ-Рязанскомъ и Ряжскомъ, до 15,500; 8) разрядъ Бѣлгородскій въ Бѣлгородѣ, на Усердѣ и въ Чугуевѣ, до 25.000; 9) разрядъ Тамбовскій въ Козловѣ и на Усманѣ, 14,500.

По всей вѣроятности, это росписаніе было примѣрное: въ полномъ составѣ могли находиться только два разряда, Сѣверскій и Бѣлгородскій; прочіе назначались къ сбору въ случаѣ надобности, если бы продлилась война съ Турціею; а по заключеніи Бахчисарайскаго мира, всѣ ратные люди распущены были по домамъ, исключая войска на Бѣлгородской чертѣ, и Русское правительство, приступая къ исполненію даннаго Польшѣ обязательства воевать Крымскихъ Татаръ, должно было собирать новыя войска.

Представимъ, съ нѣкоторою подробностію, какъ распоряженія его въ этомъ многосложномъ дѣлѣ, такъ и самыя дѣйствія полководцевъ въ обоихъ Крымскихъ походахъ, послѣднемъ проявленіи стариннаго военнаго искусства нашего, чтобы тѣмъ яснѣе понять въ послѣдствіи истинное значеніе преобразованій Петровыхъ.

ГЛАВА X.

ПЕРВЫЙ КРЫМСКІЙ ПОХОДЪ.

Разрывъ мира съ Крымскимъ ханомъ. — Приготовленія къ войнѣ. — Назначеніе воеводъ. — Число войскъ въ первомъ походѣ. — Указные сроки и сборныя мѣста. — Выступленіе воеводъ. — Нѣтчики. — Ропотъ царедворцевъ. — Походъ на Крымъ. — Степные пожары. — Обратный походъ. — Донесенія князя Голицына. — Молва объ измѣнѣ гетмана. — Мазепа. — Доносъ на Самойловича. — Низложеніе его. — Милости воеводамъ. — Совѣщанія объ избраніи новаго гетмана. — Мазепа гетманъ. — Награды войску. — Дѣйствія Польскаго короля.

1687.

Разрывъ мира съ Крымскимъ ханомъ.

Мѣсяца черезъ три по заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, Московскій дворъ далъ знать Крымскому хану Селимъ Гирею, что Россійскіе государи вступили въ тѣсный союзъ съ королемъ Польскимъ. «Кто будетъ ему другъ», сказано въ царской грамматѣ «тотъ и намъ другъ; а кто ему недругъ, тотъ недругъ и намъ». «Воля ваша», отвѣчалъ ханъ[1] «отъ насъ задоровъ вамъ не было; миръ нарушили вы, и на васъ взыщетъ Богъ; а мы къ дружбѣ и недружбѣ готовы». Вслѣдъ за тѣмъ на предѣлахъ Малороссіи появились Татары. Получивъ о томъ извѣстіе отъ гетмана Самойловича, царевна приказала готовиться къ походу.

Приготовленія къ войнѣ. 3 сентября.

Прежде всего, на постельномъ крыльцѣ сказано ратнымъ людямъ Московскаго чина, что «великіе государи, по вѣстямъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ Крымскаго хана, повелѣли, для обороны Украйныхъ городовъ, собрать полки; а въ полкахъ быть стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ,

1. Ханская граммата отъ 27 августа 1686 года изъ Перекопа, въ Турецкихъ дѣлахъ Главнаго архива.

жильцамъ и всякаго чина ратнымъ людямъ; когда же и гдѣ имъ стать, указъ о томъ будетъ впредь; а они бы къ службѣ готовились со всякимъ усерднымъ желательствомъ».[2] 1686 октябрь.

Указы такого же содержанія объявлены были во всѣхъ городахъ и уѣздахъ Замосковныхъ, Заоцкихъ и Украйныхъ: въ городахъ воеводы читали ихъ вслухъ, въ приказной избѣ, и кликали бирючемъ въ торговые дни; а по уѣздамъ, во всѣ волости и станы, ближніе и дальніе, разсылали стрѣльцовъ объявить ратнымъ людямъ, «чтобы они къ государевой службѣ строились, запасы готовили полные, лошадей кормили, никуда отнюдь не разъѣзжались и ожидали царскаго указа, гдѣ кому быть, въ какомъ полку, и гдѣ стать, къ какому сроку; по полученіи же указа, ѣхали бы въ назначенныя мѣста тотчасъ, не отговариваясь ничѣмъ, безъ всякаго перевода».

Чрезъ нѣсколько времени потомъ, возвѣщено всему государству, что правительство намѣрено дѣйствовать не только оборонительно, но и наступательно. «Нигдѣ, ни въ какой странѣ» сказано въ царской грамматѣ[3] «злочестивые бусурмане не берутъ въ полонъ столько народа, какъ въ нашемъ царствѣ, въ Украйнѣ и Малороссіи; православныхъ христіанъ продаютъ какъ скотъ, въ вѣчную, злую неволю; храмы Божіи разрушаютъ; святую вѣру поносятъ, а проклятаго и богомерзкаго лжепророка Маамефа величаютъ своимъ заступникомъ и помощникомъ. Мало того, они еще требуютъ съ насъ казны! Стыдятъ и укоряютъ насъ сосѣдніе государи, что мы, имѣя многочисленное войско, ежегодно платимъ бусурманамъ дань, чего ни одно царство не дѣлаетъ; къ довершенію безчестія, гонцовъ нашихъ, которыхъ посылаемъ мы въ Крымъ съ деньгами и дорогими мѣхами, чтобы унять Татаръ отъ разоренія Украйныхъ го-

2. Выписка изъ Розряднаго архива въ Древн. Россійск. Вивл. XVI. 372.

3. Эта граммата въ Полн. Собр. Законовъ II, № 1224 неправильно отнесена къ ноябрю: она состоялась прежде назначенія воеводъ, которое послѣдовало 22 октября.

1686 Октябрь. родовъ, они грабятъ, мучатъ и держатъ въ тяжкой неволѣ, гдѣ многіе уже и померли. Сколько разъ ханъ Крымскій заключалъ съ нами договоры, обѣщался и клялся не ходить войною на Украйну, и никогда не держалъ своего слова: казну нашу бралъ, а города разорялъ по прежнему. Жаловались мы и Турскому солтану: ханъ не слушаетъ и его. Ничего болѣе намъ не остается, какъ, прося у Бога помощи, послать на Крымъ своихъ бояръ и воеводъ съ полками».

Между тѣмъ въ Розрядѣ, главномъ вѣдомствѣ всѣхъ служилыхъ людей, по разборнымъ книгамъ, ежегодно присылаемымъ отъ городовыхъ воеводъ, и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ изъ приказовъ Стрѣлецкаго, Иноземнаго, Рейтарскаго, изготовлялись списки, какіе именно ратные люди должны будутъ явиться на службу. Въ царской же думѣ разсуждали, въ какомъ числѣ быть полкамъ, гдѣ имъ собраться, къ какому сроку, когда выступить въ походъ, кому ими предводительствовать, и откуда взять деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Въ сихъ предварительныхъ распоряженіяхъ протекло семь недѣль со времени объявленія войны.

Назначеніе воеводъ. 22 октября рѣшено: быть на Украйнѣ, для береженья и для поиску, тремъ разрядамъ: въ Ахтыркѣ, Большому полку, подъ начальствомъ ближняго боярина и оберегателя, князя Василія Васильевича Голицына съ товарищами, бояриномъ княземъ Константиномъ Осиповичемъ Щербатовымъ и окольничимъ Венедиктомъ Андреевичемъ Змѣевымъ; въ Сумахъ, Новгородскому разряду съ бояриномъ Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ и окольничимъ княземъ Даніиломъ Аѳанасьевичемъ Борятинскимъ; въ Хотмыжскомъ, Рязанскому разряду съ бояриномъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Долгорукимъ и окольничимъ Петромъ Дмитріевичемъ Скуратовымъ; сверхъ того въ Красномъ Куту, Сѣвскому полку съ окольничимъ Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ. Назначеніе князя Голицына воеводою Боль-

1686 декабрь.

шаго полка, или главнымъ предводителемъ, объявили ему государи сами; прочимъ воеводамъ сказанъ царскій указъ думнымъ дьякомъ Василіемъ Григорьевичемъ Семеновымъ, который завѣдывалъ Розрядомъ.[4]

Число войскъ въ 1-мъ походѣ.

Въ составъ трехъ корпусовъ и одного полка, кромѣ помѣщиковъ и вотчинниковъ Московскаго чина и городовыхъ дворянъ полковой службы, съ ихъ людьми, назначено 20.000 копейщиковъ и рейтаръ, 40.000 солдатъ и стрѣльцовъ, всего съ казаками и другими служилыми людьми до 100.000 человѣкъ. На жалованье начальнымъ людямъ и на другіе расходы опредѣлено 100.000 рублей, да рейтарамъ по 20 рублей, солдатамъ и стрѣльцамъ по 5 рублей, всего 700.000. Половину этой суммы велѣно собрать со всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣльцевъ, не участвовавшихъ въ походѣ, большею частію по рублю съ каждаго двора, въ три срока: 1 и 15 декабря и 6 января.[5]

Указные сроки и сборныя мѣста.

О всѣхъ сихъ распоряженіяхъ повѣщено царскими окружными грамматами; къ какому же сроку должны были собраться ратные люди въ указныхъ мѣстахъ и въ какомъ именно розрядѣ или полку, объявлено не было: велѣно только по прежнему быть наготовѣ; такъ прошло еще нѣсколько недѣль. Наконецъ, 1 декабря разосланы изъ Розряда городовымъ воеводамъ списки ратнымъ людямъ, наряженнымъ въ государеву службу, съ строгимъ повелѣніемъ выслать ихъ въ указныя мѣста къ 25 февраля и никакъ не позже 1 марта 1687 года. Воеводы повѣстили о томъ въ городахъ и уѣздахъ, кликали бирючемъ на торговыхъ площадяхъ, посылали наказныя памяти въ волости и станы, отправляли высыльщиковъ, и на всѣхъ путяхъ по направленію къ Украйнѣ появились ратные люди съ своими обозами. Иные поспѣли во-время, другіе пришли послѣ срока, а многіе вовсе не бывали.

4. Выписка изъ Розряднаго Архива. въ Древн Россійск. Вивл. XVI. 378. Повелѣніе послѣдовало 22 октября 1686 года.

5. Докладъ 20 сентября 1686 г. въ Полн. Собр. Закон. II. № 1210.

1687. Выступленіе воеводъ.

Полковые воеводы выступили изъ Москвы 22 февраля. Предъ отправленіемъ ихъ въ походъ, патріархъ Іоакимъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ, въ присутствіи царей и царевны, совершилъ молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, сказалъ поученіе на текстъ евангелиста: «Егда же услышите брани и нестроенія, не убойтеся», окропилъ св. водою полковыя знамена, и вручилъ князю Голицыну образъ всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго, животворящій Крестъ Господень и икону пресвятыя Богородицы Курской. Цари и царевна проводили св. образа и полковыя знамена до Казанскаго собора, въ Китаѣ.[6] Извѣстивъ короля Польскаго и цесаря Римскаго о готовности Русскихъ войскъ итти на Крымъ, правительство наше требовало содѣйствія съ ихъ стороны, и въ то же время отправило стольника

27 февраля.

князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго во Францію и Испанію, пригласить Людовика XIV и Карла II къ общему вооруженію противъ враговъ святаго Креста.

Нѣтчики.

Первою заботою воеводъ, по прибытіи къ полкамъ, была поименная перекличка ратныхъ людей, назначенныхъ въ походъ, по спискамъ, составленнымъ въ Розрядѣ. Послѣдній срокъ, 1 марта, давно миновалъ, а многія тысячи еще не бывали. Тщетно ждалъ ихъ Голицынъ цѣлыя двѣ недѣли; наконецъ далъ знать въ Москву. Немедленно по всѣмъ городамъ разосланы строгіе указы, чтобы городовые воеводы сами ѣхали въ ближніе и дальніе станы, отыскивали нѣтчиковъ и высылали ихъ, по наказаніи батожьемъ, съ приставами на службу, подъ опасеніемъ, въ случаѣ понаровки, царскаго гнѣва.[7] Не взирая на всѣ понудительныя мѣры, при окончательной повѣркѣ послѣ похода, однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не считая рейтаръ, солдатъ и стрѣльцовъ, оказалось въ нѣтѣхъ болѣе 1300 человѣкъ. Лѣнивѣе всѣхъ были Костромичи: ихъ не

6. Рукопись Академіи Наукъ: Книга Икона или изображеніе св. соборныя церкви, см. выше стран. 139.

7. Царскій указъ 19 апрѣля 7195 года въ архивѣ Старыхъ дѣлъ.

1687 мартъ.

явилось 239.[8] О числѣ нѣтчиковъ изъ другихъ служилыхъ людей можно судить по выборному солдатскому полку генерала Гордона: на смотру въ Бутыркахъ было въ немъ 894 человѣка, а въ Ахтырку пришло только 789.[9]

Ропотъ царедворцевъ.

Кромѣ недочета ратныхъ людей, князь Голицынъ встревоженъ былъ непослушаніемъ царедворцевъ, которыхъ было въ Большомъ полку около 3500. По старому обыкновенію, ратные люди Московскаго чина, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, расписывались на сотни и состояли въ вѣдѣніи головъ, избираемыхъ изъ среды ихъ. Такъ велѣно было сначала распорядиться и Голицыну, даннымъ ему наказомъ, при отправленіи къ войску. Онъ призналъ однакожъ за лучшее, по прибытіи въ Ахтырку, расписать ратныхъ людей Московскаго чина, согласно съ предположеніемъ царя Өеодора Алексѣевича,[10] не на сотни, а на *роты*, и въ каждую роту назначить изъ среды ихъ ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ. Мысль его одобрена царевною,[11] и такимъ образомъ назначено было 19 ротъ стольничихъ, 11 стряпческихъ, 12 дворянскихъ и 12 жилецкихъ, человѣкъ по 60 въ каждой.[12] Въ сущности это распоряженіе не измѣняло ни правъ, ни обязанностей Московскаго чина, и могло содѣйствовать къ бо̀льшему порядку службы, «къ лучшему устроенью и крѣпкому противъ непріятелей стоянью».

Но въ слѣдствіе ли закоренѣлой привязанности къ старинѣ, или по неудовольствію оскорбленнаго самолюбія, (потому что многимъ стольникамъ пришлось быть рядовыми въ стряпческихъ и жилецкихъ ротахъ), всѣ царедворцы обнаружили явный ропотъ; главою недовольныхъ были стольники князь Борисъ Долгорукій (родной братъ зна-

8. Докладъ Розряда и царскій указъ 5 марта 1688 года. Древн. Росс. Вивл. XVI. 405. и Полн. Собр. Зак. II. 1280.

9. Рукописный Дневникъ П. Гордона ч. IV подъ 10 числ. января 1687 года, и перечневая вѣдомость Большому полку, присланная Голицынымъ 15 апрѣля, въ архивѣ Старыхъ дѣлъ.

10. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи Мѣстничества, 12 янв. 1682.

11. Докладъ Розряда 29 марта 7195 въ архивѣ Старыхъ дѣлъ.

12. См. Примѣчаніе 87.

1687 май. меннтаго въ послѣдствіи князя Якова Θедоровича), князь Юрій Щербатый, Дмитріевъ и Масальскій. Они явились на смотръ въ траурныхъ одеждахъ, на коняхъ подъ черными попонами. Прочіе царедворцы готовились слѣдовать ихъ примѣру. Горько жаловался Голицынъ другу своему, Шакловитому, уже наперснику Софіи,[13] на столь дерзкую выходку, видя въ ней не только противность лицу государеву, но и зловѣщее *пророчество*. Суевѣріе было одною изъ главныхъ слабостей его. Онъ требовалъ такого указа, чтобы всѣ *задрожали*, и предлагалъ главныхъ зачинщиковъ заключить въ монастырь вѣчно, а деревни раздать другимъ. Были недовольны его распоряженіемъ и въ царской думѣ какъ увѣдомлялъ Шакловитый. «У дураковъ нечего хотѣть, кромѣ дурости», отвѣчалъ Голицынъ: «слишкомъ много дано имъ воли. Поговорятъ, да перестанутъ. Поступай только покрѣпче, какъ я тебя просилъ». Желаніе его было исполнено: въ Москвѣ заготовили такія статьи для недовольныхъ, что они, провѣдавъ о грозившей бѣдѣ, пришли къ Голицыну съ слезнымъ раскаяніемъ и покорностью.[14] Тѣмъ дѣло и кончилось.

Походъ на Крымъ.

Въ разборѣ войскъ, въ поджиданіи нѣтовъ, въ распредѣленіи ратныхъ людей по полкамъ, наконецъ въ передвиженіи полковыхъ разрядовъ изъ Сумъ, Хотмыжска и Краснаго Кута къ общему сборному мѣсту, на обширныя равнины, омываемыя водами рѣки Мерло, протекло два мѣсяца. Въ началѣ мая всѣ войска сосредоточились, изготовились къ походу, и въ числѣ 100.000 человѣкъ, или немногимъ менѣе, поднялись съ береговъ Мерло.[15] Они двинулись прямо на югъ, мимо Полтавы, чрезъ Коломакъ, Орель и Самару къ Конскимъ Водамъ.[16] Армія шла медленно, съ величайшими предосторожностями, опасаясь нечаяннаго нападенія, хотя о Татарахъ не было и слуха. Всѣ войска, даже

13. Schoklovite, a great favourite of Princesses, говоритъ Гордонъ подъ 12 числомъ Іюля 1687.
14. См. Примѣчаніе 88.
15. См. Примѣчаніе 89.
16. См. Примѣчаніе 90.

во время похода, сосредоточивались въ одну необъятную массу, представлявшую видъ четыреугольника, болѣе версты въ ширину и на двѣ версты длиною: средину его занимали пѣхотные полки; по обѣимъ сторонамъ тянулся обозъ, состоявшій изъ 20.000 повозокъ; рядомъ съ нимъ двигалась артиллерія, прикрытая конницею, которая шла частію въ массахъ, частію въ отдѣльныхъ отрядахъ, наблюдавшихъ всѣ окрестности. Авангардъ состоялъ изъ пяти полковъ стрѣлецкихъ и двухъ полковъ выборныхъ солдатскихъ генераловъ Гордона и Шепелева. Стрѣльцы были въ центрѣ; Гордонъ начальствовалъ лѣвымъ флангомъ, Шепелевъ правымъ.[17] На Самарѣ присоединились Малороссійскіе казаки, до 50.000 ч., подъ начальствомъ самого гетмана.[18] Князь Голицынъ доносилъ двору, «что онъ идетъ на Крымъ съ великимъ поспѣшеніемъ», и едва въ 7 недѣль добрался до Конскихъ Водъ, т. е. перешелъ не болѣе 300 верстъ. 13 іюня армія переправилась чрезъ Конскія Воды и расположилась лагеремъ въ урочищѣ *Большой Лугъ*, въ недальнемъ разстояніи отъ Днѣпра.

1687 Іюнь. 30 мая. 12 іюня.

Здѣсь неожиданное обстоятельство привело воеводъ въ недоумѣніе: съ юга неслись густыя облака дыма, наполняя воздухъ нестерпимымъ смрадомъ: очевидно было, что въ степи свирѣпствовалъ пожаръ на обширное пространство. Князь Голицынъ собралъ своихъ товарищей для совѣта; разсуждали долго: съ одной стороны опасались погубить армію среди степей, опустошенныхъ пожаромъ; съ другой боялись стыда безславнаго отступленія; наконецъ рѣшились продолжать походъ. Въ слѣдующій день войско выступило изъ Большаго Луга, и въ двое сутокъ могло перейти не болѣе 12 верстъ; степь дымилась во многихъ мѣстахъ; травы во все не было; воды также. Люди и лошади, изнуренные жаждою и зноемъ, съ трудомъ передвигали ноги; въ арміи появилось много больныхъ. Такъ добралась она до пересох-

Степные пожары. 14 Іюня.

17. См. Примѣчаніе 91.
18. Донесеніе Голицына отъ 30 мая.

1687 16 іюня. шей рѣчки Янчокрака, впадающей въ Конскія Воды. Къ великой радости войска, въ третій день утомительнаго похода, проливной дождь освѣжилъ воздухъ; дымъ и пыль опустились на землю; Янчокракъ наполнился водою, выступилъ изъ береговъ и разлился на обширное пространство; по обѣимъ сторонамъ его образовались топкія болота. Воеводы приказали построить мосты и перевели войско, въ надеждѣ, что благодатный дождь оживитъ пересохшую степь и для конницы найдется довольно корму. Надежда ихъ не оправдалась. Выжженная степь покрыта была грудами золы. 17 іюня. Совершивъ еще одинъ дневной переходъ, Голицынъ созвалъ вновь военный совѣтъ, на берегахъ Карачакрака,[19] изъ всѣхъ своихъ товарищей съ гетманомъ, также изъ иноземныхъ генераловъ и офицеровъ.

Обратный походъ. До сихъ поръ наши войска видѣли только стада кабановъ, искавшихъ спасенія отъ степныхъ пажаровъ, и не встрѣчали ни одного Татарина; но изнуренныя безкормицею лошади уже не въ силахъ были везти пушки; люди же опасались погибнуть съ голода отъ недостатка провіанта: взятые ими изъ домовъ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, запасы продовольствія приходили къ концу, а до Крыма оставалось не менѣе 200 верстъ пути, безводною и обгорѣлою степью. Послѣ продолжительнаго совѣщанія, воеводы опредѣлили: возвратить армію въ предѣлы Россіи и ожидать тамъ царскаго указа; для безопасности же ея при отступленіи отъ нечаяннаго нападенія Татаръ, отрядить къ низовьямъ Днѣпра 20.000 войскъ Московскихъ и столько же Малороссійскихъ, чтобы отвлечь силы непріятеля. Съ этою цѣлью, по окончаніи военнаго совѣта, отправился къ Запорожской Сѣчи окольничій Неплюевъ съ полкомъ Сѣвскимъ, съ двумя полками графа фонъ Грагама, съ полкомъ Вестгофера и съ отрядомъ генерала Касагова; вмѣстѣ съ нимъ пошелъ сынъ Малороссійскаго гетмана, полковникъ

19. У Гордона Karaczakrak. Такъ названа эта рѣчка и въ донесеніяхъ Голицына; подъ симъ же именемъ показана и на Шубертовой специальной картѣ.

Григорій Самойловичъ, съ полками Переяславскимъ, Черниговскимъ, Прилуцкимъ, съ двумя Сердюкскими и съ частію Компанейщиковъ. Главная же армія съ береговъ Карачакрака обратилась назадъ прежнимъ путемъ и отступила такъ поспѣшно, что далеко оставила за собою свои обозы.[20] 1687 іюнь. 18 іюня.

На другой день воеводы послали двору донесеніе о возвратномъ походѣ. «Когда перешли мы Конскія Воды», писалъ князь Голицынъ[21] «и двинулись къ рѣкѣ Янчокраку, ханъ Крымскій, свѣдавъ о многолюдномъ и стройномъ приходѣ царскихъ войскъ и о ратномъ на него наступленіи, пришелъ въ ужасъ и боязнь, и не только самъ, отложивъ свою обыклую дерзость, нигдѣ въ полѣ не явился, но и Татары юртовъ его въ крайнемъ отчаяніи всѣ скрылись въ самыя дальнія поселенія за Перекопомъ; а степи запалили, чтобы затруднить намъ походъ. Ратные люди нѣсколько дней шли выжженными степями, съ великою нуждою отъ зноя, пыли, степныхъ пожаровъ, недостатка конскихъ кормовъ, переправились рѣчку Карачакракъ и доходили до Днѣпровскихъ заливовъ, въ самыя ближнія мѣста къ Крымскимъ юртамъ, не далѣе 90 верстъ отъ Перекопа.[22] Тщетно ждали мы непріятеля *не малое время* на рѣкѣ Карачакракѣ, для воинскаго надъ нимъ поиску: онъ нигдѣ не показывался; между тѣмъ скудость въ конскихъ кормахъ сдѣлалась всеконечною; стоять долѣе въ выжженной степи было невозможно, и мы возвратились къ Конскимъ Водамъ; а для промысла надъ Крымскими юртами, отправили къ Днѣпровскимъ городкамъ окольничаго Неплюева съ Великороссійскими и Малороссійскими войсками, чтобы удержать Татаръ отъ впаденій въ Украйну и Польшу, и тѣмъ исполнить договоръ вѣчнаго мира». Донесеніе Голицына.

У Конскихъ Водъ армія нашла довольно травы и лѣсу и расположилась лагеремъ, для возстановленія изнуренныхъ 20 іюня

20. Всѣ подробности заимствованы изъ IV части Дневника Гордона. Къ сожалѣнію, въ подлинникѣ не достаетъ листовъ съ 20 мая по 12 іюня.
21. Донесеніе его отъ 19 іюня.
22. По несомнительному свидѣтельству Гордона, далѣе Карачакрака не ходили.

1687 Іюнь. силъ. Здѣсь простояла она около двухъ недѣль, но мало поправилась: много пало лошадей, много погибло и народа, отъ нездоровой воды.[23]

Молва объ измѣнѣ гетмана. Между тѣмъ, съ первыхъ дней вступленія въ лагерь, распространился слухъ, что степь выжгли не Татары, а казаки съ вѣдома, если не по приказанію, самого гетмана,[24] чтобы не допустить Русскихъ до разоренія Крыма. Говорили, что казаки, опасаясь за свои права отъ властолюбія Московскаго, смотрѣли на Татаръ, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ, къ которымъ въ случаѣ надобности могли прибѣгнуть; а гетманъ всегда оказывалъ (20 іюня.) къ нимъ явное расположеніе, радовался успѣхамъ опустошительныхъ набѣговъ ихъ на Волынь, досадовалъ на побѣды христіанъ, и при размѣнѣ плѣнныхъ, велъ съ ханомъ Крымскимъ переговоры о взаимной оборонѣ.[25] Виновникомъ этой молвы былъ человѣкъ облагодѣтельствованный Самойловичемъ, спасенный имъ отъ Сибири, осыпанный почестями и богатствомъ, но недовольный ни знатнымъ саномъ, ни довѣренностью гетмана, жадный власти и корысти, равно лукавый и неблагодарный.

Мазепа. Лѣтъ за 25 предъ симъ, служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ Яна-Казимира молодой казакъ изъ Бѣлоцерковскаго повѣта, воспитанный езуитами. Король жаловалъ его, но товарищи не терпѣли, какъ ябедника и клеветника. Одною изъ многихъ страстей его пылкихъ, необузданныхъ, была страсть къ женщинамъ. Онъ завелъ любовную связь съ женою сосѣда своего по имѣнію, пана Фалибовскаго, и дорого поплатился за успѣхъ: перехвативъ переписку любовниковъ, раздраженный мужъ поймалъ соблазнителя, ѣхавшаго верхомъ на свиданіе, заставилъ его во всемъ признаться, велѣлъ раздѣть до-нага и привязать ничкомъ къ его собственной лошади, обративъ лицемъ къ хвосту и скрутивъ его ноги и руки подъ конскимъ брюхомъ такъ,

23. Дневникъ Гордона, 20 іюня 1687 года.
24. By the Hetmans connivence if not order. Гордонъ.
25. Дневникъ Гордона.

что онъ не могъ шевельнуться. Послѣ того, долго билъ лошадь кнутомъ и, выстрѣливъ изъ пистолета надъ самою головою, пустилъ ее въ лѣсъ. И безъ того дикая нравомъ, теперь взбѣшенная ударами, перепуганная крикомъ, выстрѣломъ, она кинулась стрѣлою чрезъ кусты и рытвины, и едва проходимыми тропинками, между колючимъ терновникомъ, прискакала съ полумертвымъ, израненнымъ, окровавленнымъ всадникомъ къ своему дому, къ ужасу всѣхъ домашнихъ, которые встрѣтили его какъ привидѣніе. Этотъ всадникъ былъ Мазепа.[26] Послѣ такого срама, онъ не смѣлъ показаться при дворѣ Варшавскомъ, и исчезъ.

Лѣтъ черезъ 12, онъ появился въ Заднѣпровской Украйнѣ, подъ знаменами непріязненнаго и Польшѣ и Россіи гетмана Чигиринскаго. Дорошенко, извѣдавъ его расторопность, давалъ ему важныя порученія, наконецъ отправилъ въ Крымъ и Константинополь, съ письмами и съ словеснымъ наказомъ къ хану и визирю о скорѣйшей присылкѣ вспомогательнаго войска. На пути въ Крымъ, Мазепа былъ схваченъ кошевымъ атаманомъ Сѣрко и вмѣстѣ съ письмами отосланъ къ гетману Самойловичу.[27] Наперсникъ непримиримаго врага Россіи, призывавшій Турокъ и Татаръ для опустошенія ея предѣловъ, онъ зналъ, какая ждетъ его участь: ссылка въ Сибирь была еще завидною долею. Мазепа выпутался изъ бѣды измѣною Дорошенкѣ, не скрывавшему отъ него ни замысловъ, ни средствъ, ни связей; прикинулся готовымъ служить Россіи, и до такой степени обворожилъ простодушнаго Самойловича, что гетманъ, отправляя его въ Москву, для раскрытія всѣхъ сношеній Дорошенка съ Польскимъ королемъ, просилъ государя во всемъ вѣрить ему и дозволить возвратиться въ Малороссію.[28] Мало того: принялъ его въ свой домъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, вывелъ его въ знатные войсковые товарищи, а въ 1682 году далъ почетное званіе ге-

26. См. Примѣчаніе 92.
27. Малороссійскія дѣла 1674 г. въ Главн. Архивѣ св. 28. Сѣрко поймалъ Мазепу 11 іюня 1674 г.
28. Малороссійскія дѣла 1674 г. въ Главномъ Архивѣ, св. 32.

1687 іюнь. неральнаго есаула. Съ тѣхъ поръ рѣдкій годъ Мазепа не пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ малороссійскимъ, съ важными порученіями. Такъ онъ хлопоталъ о выгодахъ казаковъ во время переговоровъ въ Бахчисараѣ, привѣтствовалъ царя Ѳеодора Алексѣевича со вторымъ бракосочетаніемъ, изъяснялъ Московскому двору мысли гетмана о предположенномъ союзѣ съ Польшею.

Плѣняя бояръ своимъ умомъ, хитрою лестію, притворнымъ усердіемъ къ выгодамъ Россіи, съ каждымъ пріѣздомъ болѣе и болѣе вкрадываясь въ довѣренность тщеславнаго временщика, Мазепа въ то же время до такой степени успѣлъ очернить своего благодѣтеля, что Московское правительство поручило Сѣвскому воеводѣ Неплюеву бдительно наблюдать за поступками гетмана и вести тайную переписку съ Мазепою. За одно дѣйствовалъ съ нимъ и войсковой писарь, Василій Кочубей, который также неоднократно пріѣзжалъ въ Москву по дѣламъ Кіевской митрополіи, и служилъ орудіемъ Неплюева.[29] Голицынъ тѣмъ охотнѣе слушалъ навѣты ихъ, что уже со времени Чигиринскаго похода злобился на Самойловича за то, что гетманъ оскорбилъ его самолюбіе, принявъ, при одномъ жаркомъ спорѣ, сторону соперника его, князя Ромодановскаго.[30]

Молва объ измѣнѣ гетмана казалась тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ дѣйствительно не одобрялъ тѣснаго союза съ Польшею и съ Крымскими Татарами: когда спрашивали его мнѣнія о предлагаемомъ со стороны короля Польскаго наступательномъ союзѣ, Самойловичъ не прекословилъ постановленію вѣчнаго мира, но совѣтовалъ удовлетворить притязанія Польши за Кіевъ денежною суммою и не принимать на себя обязательства содѣйствовать ей въ войнѣ съ Турціею, представляя, что Россія безъ пользы погубитъ свои войска въ безводныхъ и дикихъ степяхъ, что самое разореніе

29. См. Примѣчаніе 93.
30. Дневникъ Гордона, 20 іюня 1687. Вражда началась съ 1677 года.

Крыма не искоренитъ Татаръ, которые всегда для себя найдутъ новыя жилища, и что нельзя ручаться въ постоянствѣ Поляковъ: по обычному легкомыслію, они могутъ заключить отдѣльный миръ и тогда вся тяжесть войны падетъ на одну Россію.[31] Такой отзывъ казался теперь въ глазахъ Голицына явною уликою противъ гетмана. Казаки съ своей стороны не любили Самойловича за высокомѣріе, спесь, недоступность, а болѣе всего за введеніе въ Малороссіи монополій на вино, медъ, пиво,[32] и готовы были обвинить своего вождя во всякой измѣнѣ. 1687 Іюль.

Доносъ на гетмана.

Пользуясь такимъ расположеніемъ умовъ, Мазепа составилъ на гетмана доносъ, который подписали главные старшины съ нѣсколькими полковниками, и вручилъ его Голицыну, съ просьбою исходатайствовать царское соизволеніе на избраніе другаго гетмана. Главные обвинительные пункты были слѣдующіе:[33] 1) До заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, Самойловичъ настаивалъ въ Москвѣ чрезъ своихъ посланцевъ не мириться съ Поляками и не воевать Крыма; когда же договоръ былъ заключенъ, не велѣлъ молебствовать въ церквахъ, и съ досадою говорилъ старшинамъ: «Купила Москва себѣ лиха за свои гроши, что̀ дала Польшѣ». 2) Побѣды христіанъ надъ врагами Креста Господня наводятъ на него тоску, а пораженіе ихъ радуетъ его, и сколько разъ, во время перемирія, ни являлись мурзы Татарскіе, всегда имъ наказывалъ, что бы ханъ не давалъ покоя Польшѣ. 3) «Сердитъ мой Иванъ на Москву и едва ль не сдѣлаетъ того, что сдѣлалъ Брюховецкій», говорила гетмано̀ва женамъ войсковыхъ старшинъ. 4) На пагубу Россійскому войску, присовѣтовалъ двинуть его весною, между тѣмъ какъ войну удобнѣе вести осенью, и съ тою же цѣлью спѣшилъ походомъ за Самару, не давъ отдохнуть войску, утружденному дальнимъ

7 Іюля.

31. Наказныя статьи гетмана сыну его и Мазепѣ въ январѣ 1686 года, въ Малороссійскихъ дѣлахъ Главнаго Архива, св. 6.
32. Дневникъ Гордона, 20 іюня 1687 года.
33. См. Примѣчаніе 94.

путемъ. 5) Не далъ знать боярину о выжженныхъ степяхъ за Конскими Водами, даже запретилъ гасить пылающія поля, сколько старшины ни докучали ему, и не развѣдавъ, какъ далеко выгорѣла степь, двинулся впередъ съ казацкими полками, чѣмъ увлекъ за собою и Великороссійскія войска, на явную пагубу. 6) Многіе говорятъ, и совершенно справедливо, что самъ гетманъ былъ виновникомъ степныхъ пажаровъ: во время похода, когда солнечный зной докучалъ его больнымъ глазамъ, онъ говорилъ: «Неразсудная война Московская! Лишила меня послѣдняго здоровья! Не лучше ль было дома сидѣть, и свои рубежи беречь, чѣмъ вести безполезную войну съ Крымомъ». 7) Когда войскамъ не возможно было итти по обгорѣлому степу, гетманъ вмѣсто того, чтобы придумать, какъ бы нанести Крыму вредъ посылкою отдѣльнаго отряда, упорно настаивалъ, къ стыду и безславію войскъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ, о возвратномъ походѣ, и когда бояре пошли назадъ, со смѣхомъ говорилъ: «Не сказывалъ ли я, что Москва Крыму ничего не сдѣлаетъ»? 8) Теперь болѣе ни о чемъ не думаетъ, въ чемъ признавался духовной особѣ, какъ только о возращеніи сына изъ Запорожья: «Пусть только придетъ мой Григорій въ Батуринъ, тогда я буду знать что дѣлать». 9) Малороссіею управляетъ самовластно, города именуетъ своими, а не царскими, отнимаетъ уряды, беретъ взятки, захватываетъ мельницы, суда не творитъ, и ничѣмъ не управляетъ».

Очень вѣроятно, что гетманъ, не одобряя войны, предпринятой вопреки его мнѣнію, отзывался объ ней рѣзко, по казацкому обычаю, въ кругу довѣренныхъ старшинъ; вѣроятно также и то, что его правленіе, твердое и строгое, не нравилось своевольному казачеству. Но смѣшно приписывать ему неудачу похода и поспѣшное, безславное отступленіе: Голицынъ распоряжался полновластно, могъ ускорить или замедлить движеніемъ войскъ по своей волѣ, от-

ступить или итти впередъ по своему усмотрѣнію. Обвиненіе 1687 іюль.
же Самойловича въ измѣнѣ было явною клеветою: мнимое согласіе его съ ханомъ Крымскимъ ничѣмъ не доказано, такъ же точно, какъ и участіе его въ степныхъ пожарахъ. Между тѣмъ всѣ прежнія дѣла свидѣтельствовали въ искренней преданности его царскому престолу: онъ удержалъ Малороссію за Москвою въ самое бурное и опасное время, когда возсталъ Дорошенко; онъ болѣе самого Голицына содѣйствовалъ къ отраженію Турецкой арміи отъ Чигирина; онъ былъ постояннымъ стражемъ Украйны отъ Татаръ; онъ устроилъ важное и трудное дѣло присоединенія Кіевской митрополіи къ Россійской іерархіи, и по его наконецъ настоятельному требованію, внесено въ Московскій договоръ достопамятное, самое главное, условіе о свободѣ православнаго вѣроисповѣданія въ областяхъ Польскихъ. Голицынъ все забылъ; не произвелъ никакого слѣдствія о взводимыхъ на Самойловича преступленіяхъ, и немедленно отправилъ доносъ въ Москву. 8 іюля.

Армія была въ то время на походѣ, съ трудомъ пробираясь къ своимъ предѣламъ. Въ ней свирѣпствовали болѣзни, и дорогою умерло много офицеровъ и рядовыхъ. За Орелью встрѣтилъ ее Шакловитый, присланный царевною съ милостивымъ царскимъ словомъ къ воеводамъ, за сохраненіе войска и за благовременное отступленіе; онъ же привезъ утѣшительную грамоту ко всѣмъ ратнымъ людямъ отъ патріарха, который убѣждалъ ихъ не скорбѣть о неудачѣ. «Если не успѣли вы нынѣшняго лѣта» писалъ архипастырь «въ военномъ дѣлѣ противъ разорителей христіанскихъ, проклятыхъ Агарянъ и Магометанъ, за позженіемъ степей бесурменами, Татарами, препоною враговъ Божіихъ, да будетъ въ томъ Его святая воля. Укоризны же и печали не имѣйте. Много на свѣтѣ таковыхъ дѣлъ и случаевъ бывало, какъ свидѣтельствуютъ исторіографы: славные побѣдители, великіе монархи не разъ терпѣли неудачи, но ни на кого не гнѣвались и не

Милости воеводамъ. 12 іюля.

1687 іюль. печалились, приписывая все волѣ всезрителя и дѣлотворца, Господа».[34]

Благодаря патріарха отъ лица воеводъ и всего войска за архипастырское благословеніе и отеческое увѣщаніе, князь Голицынъ снова повторялъ,[35] что «Крымскій ханъ, увѣдавъ приходъ царской рати и познавъ свое безсиліе, всѣ степи Крымскихъ юртовъ выжегъ, а самъ скрылся, и что воеводы, не видя никакой возможности вести войско по обгорѣлымъ степямъ, съ общаго совѣта, по единогласному опредѣленію всѣхъ ратныхъ людей положили отступить къ своимъ предѣламъ, и возвратились въ цѣлости». Тѣмъ не менѣе Самойловича винили по прежнему. «Зачѣмъ жегъ ты степи»? грубо спросилъ его Шакловитый. Гетманъ отвѣчалъ, что онъ и не думалъ о томъ.[36]

Голицынъ, давъ необходимыя наставленія своему другу и единомышленнику, спѣшилъ отправить его въ Москву, потому что «въ хоромахъ никого не осталось, на кого бы можно положиться».[37] По отъѣздѣ Шакловитаго, армія продолжала отступленіе, и 21 іюля переправясь Коломакъ, не далеко отъ Полтавы, на обширныхъ равнинахъ стала лагеремъ. Въ слѣдующій день полученъ изъ Москвы от-
22 іюля. вѣтъ на доносъ Мазепы и его сообщниковъ: царскимъ указомъ велѣно Голицыну взять Самойловича со всѣмъ семействомъ подъ стражу и отправить въ Россію; вмѣсто его, избрать другаго гетмана.[38]

Низложеніе Самойловича. Клеветники до такой степени успѣли раздражить умы казаковъ, что Самойловичъ, опасаясь быть изрубленнымъ неистовою толпою, за нѣсколько дней предъ тѣмъ удалился изъ своего табора въ лагерь великороссійскій и раскинулъ свой шатеръ въ станѣ князя Щербатаго для охраненія, а еще болѣе для надзора, отрядили къ нему нѣсколько сотъ стрѣльцовъ. Вечеромъ Голицынъ призвалъ къ себѣ

34. Письмо патріарха отъ 3 іюля 1687 года въ *Книгѣ Икон*.
35. Изъ обоза отъ рѣки Орчика 13 іюля. Тамъ же.
36. Дневникъ Гордона, 14 іюля 1687 года.
37. См. Приложенія № VII, статья 32.
38. Дневникъ Гордона, 22 іюля 1687 года.

полковника, начальствовавшаго охраннымъ отрядомъ, и 1687 велѣлъ ему тайно сдѣлать всѣ нужныя приготовленія, для іюль. арестованія гетмана, наказавъ около стана князя Щербатаго учредить конные разъѣзды, чтобы преступникъ не ушелъ, или не далъ знать въ Запорожье сыну своему, Григорью, котораго схватить велѣно Неплюеву. Самойловичъ догадывался о грозившей ему участи и послалъ къ Голицыну письмо, съ убѣдительною просьбою не приступать къ насильственнымъ мѣрамъ, не выслушавъ его оправданій: онъ клялся въ своей невинности и напоминалъ оказанныя имъ Россіи заслуги; отвѣта однакожъ не получилъ. Около полуночи явился къ князю писарь Кочубей,[39] съ донесеніемъ, что все готово.

Скорбя душею, гетманъ еще до разсвѣта вышелъ въ полковую церковь, чтобы подкрѣпить себя молитвою; за нимъ послѣдовалъ офицеръ съ нѣсколькими солдатами и, дождавшись окончанія молитвы, объявилъ ему, что его требуетъ къ себѣ полковникъ. Онъ не обнаружилъ никакого смущенія, пришелъ къ полковнику и былъ взятъ подъ стражу. Его посадили въ телѣгу, и отвезли въ главную квартиру, вмѣстѣ съ сыномъ Яковомъ. Въ розрядномъ шатрѣ, между тѣмъ, собрались всѣ воеводы; вскорѣ явились казацкіе старшины, подписавшіе доносъ, съ требованіемъ немедленной казни измѣннику. Голицынъ только теперь вздумалъ спросить ихъ: не по личной ли злобѣ обвиняютъ они гетмана, и нельзя ли примирить ихъ съ нимъ дружелюбнымъ образомъ?[40] Они отвѣчали, что, оставляя всѣ свои жалобы на нестерпимыя притѣсненія, за которыя давно хотѣли изрубить его, по долгу присяги свидѣтельствуютъ объ измѣнѣ его царскому величеству.

Ввели гетмана. Онъ вошелъ, опираясь на серебряную 23 іюля. булаву, съ обвязанною бѣлымъ платкомъ головою, и спокойно выслушавъ доносъ, объявилъ, что взводимыя на не-

39. The writer Kutshebey. Гордонъ.
40. Свидѣтельство Гордона, изъ котораго заимствованы всѣ подробности.

1687. іюль. го преступленія есть ничто иное, какъ гнусная клевета. Старшины закипѣли яростію и вступили съ нимъ въ жаркій споръ; болѣе другихъ горячились полковники Гамалея, Дмитрашко и Солонина. Гетмана наконецъ вывели изъ шатра, взявъ у него булаву; старшины неотступно требовали казни его. Но воеводы не согласились и приказали отвезти Самойловича со всѣмъ семействомъ въ Великороссійскіе города, подъ крѣпкою стражею; а казакамъ велѣли избрать на его мѣсто другаго, по войсковымъ обычаямъ, назначивъ войсковую раду 25 іюля; о чемъ повѣщено и всему войску Малороссійскому.

Совѣщаніе объ избраніи гетмана.

Накапунѣ выбора, казацкіе старшины пришли къ князю Голицыну, для предварительныхъ совѣщаній о статьяхъ, которыя новый гетманъ обязанъ будетъ подтвердить присягою. Съ обѣихъ сторонъ согласились принять въ основаніе прежнія статьи Глуховскія и Конотопскія, постановленныя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ незначительными перемѣнами и дополненіями.[41] Въ слѣдствіе сего условились: всѣ права и вольности, обѣщанныя Россійскимъ государемъ при Богданѣ Хмельницкомъ, подтвердить; Московскимъ воеводамъ съ полками быть только въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Острѣ, единственно для охраненія сихъ городовъ отъ непріятелей, безъ всякаго вмѣшательства въ права, вольности и суды казацкіе; реестровому войску состоять изъ 30.000 человѣкъ, и жалованье производить изъ малороссійскихъ сборовъ: гетману по 1000 золотыхъ червонныхъ въ годъ, писарю войсковому и обозному по 1000 золотыхъ польскихъ, судьямъ войсковымъ по 300, полковникамъ по 100, полковымъ ясауламъ по 200, войсковымъ ясауламъ по 400, сотникамъ по 100, реестровымъ казакамъ по 30 золотыхъ Польскихъ; жалуемымъ отъ государей дворянскою честію, а отъ гетмана и старшины деревнями и разными угодья-

41. Гордонъ. Слова его подтверждаются сличеніемъ актовъ объ избраніи Многогрѣшнаго, Самойловича и Мазепы, напечатанныхъ въ Полн. Собр. Закон. I. № 447. 579. II. № 1254.

ми, дать царскія подтвердительныя грамматы; царскимъ 1687
посламъ и посланцамъ въ казацкихъ дворахъ не ставиться и насильствомъ подводъ не брать, а отводить имъ дворы и давать подводы по распоряженію городовой старшины; въ случаѣ смерти гетмана, избирать на его мѣсто другаго, по прежнимъ правамъ, старшинѣ и всему войску Запорожскому, но не иначе, какъ съ царскаго соизволенія; бѣглыхъ изъ Россіи не принимать ни подъ какимъ видомъ; плѣннымъ казакамъ прежнихъ войнъ не возбранять возвращенія на родину; о мятежахъ по городамъ доносить государямъ, и виновныхъ карать смертью; для усмиренія озорниковъ и своевольниковъ, производящихъ смуту и междоусобіе, учредить полкъ въ 1000 человѣкъ, которому ихъ ловить и унимать; изъ Малороссіи не ввозить въ Московское государство вина и табаку ни подъ какимъ видомъ; праву наслѣдства казацкихъ имуществъ оставаться по прежнему; гетману имѣть резиденцію въ Батуринѣ, подъ охраненіемъ Московскаго стрѣлецкаго полка; тамъ же быть и войсковой арматѣ.

Іюль.

Въ дополненіе сихъ статей, утвержденныхъ въ Глуховѣ и Конотопѣ, постановлено: ложнымъ навѣтамъ на гетмана не вѣрить; ему же безъ царскаго указа не отрѣшать старшинъ отъ урядовъ; старшинамъ всѣми средствами содѣйствовать сближенію Малороссійскаго народа съ Великороссійскимъ, преимущественно брачными узами; переселенію изъ Малороссій въ Великую Россію не возбранять; никому не разглашать, будто Малороссійскій край гетманскаго регимента, а всѣмъ отзываться, что онъ въ державной власти пресвѣтлаго царскаго величества; для охраненія Украйны и для удержанія Татаръ въ Крыму, построить шанцы противъ Кадака; а на Самарѣ, Орели, при устьяхъ Берестовой и Орчика, завести города, которые населить Малороссійскими жителями.[12]

Старшины домогались, сверхъ того, о производствѣ

12. Актъ избранія гетмана Мазепы въ Полномъ Собр. Закон. II. № 1254.

1687 іюль. жалованья войсковымъ чинамъ и всему реестровому войску, которое постоянно находится на государевой службѣ, изъ царской казны; о дозволеніи гетману принимать грамматы отъ чужеземныхъ государей и на нихъ отвѣчать, отсылая самыя грамматы въ Москву; въ особенности же о немедленной присылкѣ царскихъ войскъ, въ случаѣ нашествія непріятеля, чтобы не случалось того, что̀ прежде бывало: никогда вспомогательныя войска не являлись во̀-время; отъ чего весь Малороссійскій край доведенъ до послѣдней пагубы.[43] Голицынъ въ первомъ и второмъ требованіи рѣшительно отказалъ, назначивъ жалованье войсковымъ чинамъ по прежнему изъ малороссійскихъ доходовъ и воспретивъ гетману всякую переписку съ иноземными государями; на послѣднее предложеніе отвѣчалъ, что «великіе государи всегда будутъ держать Запорожское войско въ оборонѣ; бояре же и воеводы ходятъ съ полками противъ непріятелей въ ратномъ устройствѣ, съ осторожною разсмотрительностью, а ходить скоро и дерзостно не обыкли». Старшины требовали еще, чтобы все имѣніе Самойловича отдано было въ войсковой скарбъ: Голицынъ согласился уступить только половину, а другую велѣлъ отправить въ Москву.[44]

Избраніе Мазепы. Когда согласились такимъ образомъ во всѣхъ статьяхъ, старшины спрашивали Голицына, кто по его мнѣнію достойнѣе всѣхъ быть гетманомъ? Онъ указалъ на Мазепу.[45]

25 іюля. Въ день, назначенный для избранія гетмана, нѣсколько полковъ стрѣлецкихъ и выборныхъ солдатскихъ вступили въ казацкій таборъ, гдѣ господствовало волненіе;[46] за полками отправились бояре и воеводы съ многочисленною свитою; принесли гетманскіе клейноды и поставили въ походной церкви, окруженной конными и пѣшими казаками. По совершеніи молебствія, Голицынъ вышелъ изъ церкви и

43. Актъ избранія гетмана Мазепы въ Полн. Собр. Закон. статьи 3, 7, и 16.

44. Гордонъ, 24 іюля 1687. Тоже въ актѣ избранія.

45. Гордонъ По всей вѣроятности, Голицынъ былъ подкупленъ Мазепою, который обѣщалъ ему (и въ послѣдствіи прислалъ) 10.000 рубл. См. Приложеніе, № VIII.

46. По словамъ Гордона, Галячскій полкъ еще наканунѣ провозгласилъ гетманомъ полковника своего Кяску, (Кіяска).

объявилъ собравшейся войсковой радѣ царское соизволеніе на избраніе новаго гетмана вольными голосами. Сначала всѣ молчали; потомъ на одной сторонѣ послышалось имя обознаго Борковскаго, на другой раздались голоса въ пользу Мазепы. Приверженцы послѣдняго были многочисленнѣе, заставили умолкнуть друзей Борковскаго, и бояре поздравили Мазепу гетманомъ. Тутъ же, со всею старшиною, онъ подписалъ постановленные наканунѣ пункты и присягнулъ на вѣрность подданства Россійскимъ государямъ. Новый вождь Малороссіи угостилъ бояръ и воеводъ роскошнымъ пиромъ; послѣ чего армія снялась съ береговъ Коломака и потянулась къ берегамъ Мерло. На пути получено извѣстіе, что старшій сынъ Самойловича, Григорій, укрѣпился было близъ Кадака въ старой Сѣчи; но вскорѣ добровольно сдался Неплюеву, объявивъ, что онъ искалъ тамъ убѣжища отъ неистовыхъ казаковъ, изрубившихъ Прилуцкаго полковника.

1687 августъ.

На берегахъ Мерло встрѣтилъ армію бояринъ Владиміръ Петровичъ Шереметевъ, съ царскимъ милостивымъ словомъ за успѣшный походъ, и съ указомъ распустить ратныхъ людей по домамъ. Онъ привезъ награды воеводамъ и всему войску. Князь Голицынъ получилъ золотую медаль, осыпанную драгоцѣнными каменьями, на золотой цѣпи, въ 300 червонныхъ; товарищамъ его розданы медали въ 9 червонныхъ; прочимъ генераламъ еще менѣе. Генералъ-поручику Гордону досталась медаль въ 5 червонцевъ. Солдаты выборныхъ полковъ получили по золотому, прочихъ полковъ по серебряной копѣйкѣ.[47] Артиллерію отправили въ Калугу; войска распущены во свояси. Самойловича отвезли съ меньшимъ сыномъ его Яковомъ въ Сибирь, гдѣ онъ кончилъ дни свои въ Тобольскѣ.[48] Такимъ образомъ, плодомъ перваго Крымскаго похода было низложеніе добродѣтель-

Награды воеводамъ и войску.

14 августа.

16 августа.

47. Дневникъ Гордона, 14 августа 1687.

48. Царскій указъ 1695 года 30 сентября о дозволеніи невѣсткѣ Самойловича, по случаю смерти свекра и мужа ея въ Тобольскѣ, возвратиться въ Москву. Собраніе разныхъ Записокъ Туманскаго, II. 82.

1687. наго мужа, преданнаго Россіи, и избраніе новаго гетмана, готоваго измѣнить ей при первомъ удобномъ случаѣ, какъ вскорѣ мы увидимъ.

5 сентября. Но пышно и велерѣчиво возвѣстила Софія, именемъ государей, Русскому народу о необычайныхъ подвигахъ воеводъ и всего воинства, о поспѣшномъ сборѣ ратныхъ людей на указныхъ мѣстахъ, о быстромъ наступленіи на Крымскіе юрты до самыхъ дальнихъ мѣстъ, о паническомъ ужасѣ хана и Татаръ, о страшномъ шествіи среди обгорѣлыхъ степей, о благополучномъ возвратѣ въ предѣлы отечества и объ избраніи гетманомъ человѣка, надежнаго и преданнаго Россіи, Ивана Степановича Мазепы. За столь великіе труды и подвиги, царевна наградила воеводъ и все войско съ такою щедростію, что подобныхъ наградъ еще не бывало въ Россіи: послѣдній рейтаръ получилъ 120 четвертей земли и немалую сумму деньгами; не остались безъ награды даже явившіеся на службу послѣ срока.[49]

Дѣйствія Польскаго короля. Не блистательнѣе были подвиги и Польскаго короля. Предъ началомъ похода, мы условились съ нимъ, чрезъ гонца его Александра Скопа, двинуть войска въ одно время, раннею весною, для дружнаго наступленія на враговъ, и когда ратные люди наши потянулись на Украйну къ сборнымъ мѣстамъ, мы дали знать королю, что царскія войска уже готовы къ походу, и требовали отъ него чрезъ нарочнаго, гонца, подъячаго Раткова, совокупныхъ и одновременныхъ дѣйствій по ту сторону Днѣпра; изъ урочища Великій Лугъ, при видѣ обгорѣлыхъ степей, князь Голицынъ послалъ въ Варшаву другаго гонца, подъячаго Чередѣева, съ настоятельною просьбою, какъ можно поспѣшнѣе выслать Польскую армію на Бѣлгородскихъ Татаръ, для развлеченія силъ Крымскаго хана.[50] Король радъ былъ всею

(Поля: Январь. — Февраль. — 18 іюня.)

49. Царскій указъ о наградахъ за Крымскій походъ 5 сентября 1687 года, въ Полномъ Собр. Зак. II. № 1258.

50. Польскія дѣла въ Главн. Архивѣ. св. 135.

душею итти противъ ненавистныхъ непріятелей; но сеймъ не давалъ ему средствъ, и онъ, съ великимъ трудомъ собравъ малочисленное войско, уже лѣтомъ послалъ его съ коронным гетманомъ Яблоновскимъ къ Каменцу. Поляки только посмотрѣли на крѣпость, и возратились восвояси.[51] 1688.

Бездѣйствіе въъ 1688 году.

Не довѣряя королю, Московскій дворъ отправилъ въ Варшаву резидентомъ одного изъ лучшихъ дѣльцовъ своихъ, заслужившаго особенную довѣренность при заключеніи Вѣчнаго мира, дьяка Прокофія Возницына, для тайнаго наблюденія за поступками Варшавскаго двора, и съ настоятельнымъ требованіемъ дѣятельнаго участія въ войнѣ съ общимъ врагомъ; иначе мы не соглашались предпринимать втораго похода.[52] Король убѣдительно просилъ не покидать святаго дѣла и, напоминая обязанность, принятую нашимъ дворомъ при заключеніи Вѣчнаго мира, изъявлялъ съ своей стороны готовность содѣйствовать всѣми способами.[53] Въ перепискахъ съ нимъ о планѣ новаго похода, въ совѣщаніяхъ съ гетманомъ Мазепою, въ разныхъ предположеніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ, миновали весна и лѣто 1688 года: ни съ той, ни съ другой стороны не предпринимали ничего рѣшительнаго. Мы ограничились сооруженіемъ земляной крѣпости, версты 4 въ окружности, при впаденіи Самары въ Днѣпръ, для защиты Малороссіи отъ Татаръ, и для опоры при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. О постройкѣ ея была рѣчь во время обратнаго шествія арміи изъ перваго Крымскаго похода; въ февралѣ мѣсяцѣ 1688 года, приступили къ дѣлу; чрезъ полгода крѣпость была готова, снабжена Русскимъ гарнизономъ и названа Новобогородскою.[54]

Январь.

Король все лѣто, за недостаткомъ войскъ, провелъ въ лагерѣ, въ 6 миляхъ отъ Львова при Злочевѣ; а гетманъ коронный ходилъ къ Каменцу, но не дошелъ до него, и,

51. Докладная выписка о дѣлахъ Польско-Турецкихъ 1686-1696 г. въ Польск. дѣлахъ Главн. Арх. св. 147.
52. Отправленіе Возницына на резиденцію въ январѣ 1688. Польскія дѣла въ Главн. Арх. св. 133.
53. Королевская граммата въ мартѣ 1688.
54. Гордонъ, 13 сентября 1688. Комендантомъ ея назначенъ Ив. Ѳед. Волынскій.

1688. мѣсяца два простоявъ въ Язловицахъ, возвратился назадъ.[55] Между тѣмъ, съ самаго начала весны до глубокой осени, ханъ кидался то на Волынь, то на Украйну, неоднократно угрожая самому Кіеву: изъ Волыни онъ вывелъ до 60.000 плѣнныхъ; а на Украйнѣ доходилъ до крѣпости Новобогородской, прорывался до самой Полтавы, уводилъ тысячи плѣнныхъ, отгонялъ табуны; остальное жегъ и разорялъ.[56] Отряды наши, бывшіе съ Неплюевымъ и Касаговымъ въ Запорожьи, сочли за лучшее уклониться въ предѣлы Россіи и расположились въ Сѣвскѣ. Мазепа не трогался изъ Батурина. Время было наконецъ положить предѣлы наглой дерзости Татаръ. 18 Сентября объявленъ вновь походъ на Крымъ.

55. Докладная выписка о Польско-Турецкихъ дѣлахъ 1686—1696 въ Главномъ Арх. св. 147.
56. Дневникъ Гордона, въ сентябрѣ 1688 года.

ГЛАВА XI.

ВТОРОЙ КРЫМСКІЙ ПОХОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ПОХОДА. — НАЗНАЧЕНІЕ ВОЕВОДЪ. — МИРНЫЙ ПРОЕКТЪ. — СОСТАВЪ ВОЙСКА. — МНѢНІЕ ГОРДОНА. — ПОХОДЪ НА КРЫМЪ. — СРАЖЕНІЕ ВЪ ЧЕРНОЙ ДОЛИНѢ. — ПИСЬМО ЦАРЕВНЫ КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ. — ПЕРЕКОПЪ. — МАЛОДУШІЕ ГОЛИЦЫНА. — ПЕРЕПИСКА СЪ ХАНОМЪ. — МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ. — СВИДАНІЕ СЪ КЕЙМАНОМЪ. — ОТСТУПЛЕНІЕ ОТЪ КРЫМА. — ОБЪЯСНЕНІЕ ГОЛИЦЫНА. — ОБРАТНЫЙ ПОХОДЪ. — ВТОРОЕ ПИСЬМО ЦАРЕВНЫ. — НАГРАДЫ. — ПЕРЕГОВОРЫ ВЪ ПОЛЬШѢ. — КОНЕЦЪ ПОХОДА. — НЕРЧИНСКІЙ ТРАКТАТЪ.

1689.

Объявленіе втораго похода 18 сентября.

«Вселенскіе патріархи, цесарь Римскій, король Польскій, рѣчь посполитая Венецейская», говорила царевна царскимъ именемъ ратнымъ людямъ:[1] «всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что Богъ явно караетъ Турецкое государство, и бусурманское владычество никогда не было въ такомъ безсиліи и смятеніи, какъ нынѣ. Сами Турки сознаются, что пришла имъ конечная гибель: только на Крымъ они имѣютъ нѣкоторую надежду; но Крымскому хану султанъ помогать не въ силахъ: цесарь и Венеціяне бьютъ его войско на морѣ и на сушѣ, отбираютъ города, уже взяли Бѣлградъ, Селунь, овладѣли Кандіею, и султану теперь не до Крыма. Въ злобномъ отчаяніи бусурмане рѣжутъ всѣхъ христіанъ, и уже болѣе 300.000 погибло отъ ихъ варварскихъ рукъ. Мало того: они грозятъ разрушить въ своихъ областяхъ всѣ христіанскія церкви, не щадя и св. обители Аѳонской. Вселенскіе патріархи слезно молятъ о спасеніи, и мы», заключали цари «прося у Бога

1. Объявленіе на Постельномъ крыльцѣ, въ Полн. Собр. Зак. II. № 1313.

1688. помощи, опредѣлили послать бояръ и воеводъ съ полками, для поиска и промысла надъ Крымскими юртами».

значеніе водъ. октября. Ратнымъ людямъ велѣно изготовиться къ походу раннею весною и собраться не позже февраля 1689 года.[2] Большому полку въ Сумахъ, подъ главнымъ начальствомъ боярина князя Василія Васильевича Голицына, съ товарищами: стольникомъ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ и окольничимъ Венедиктомъ Андреевичемъ Змѣовымъ; Новгородскому розряду въ Рыльскѣ, съ бояриномъ Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ и стольникомъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Барятинскимъ; Рязанскому розряду на Обояни, съ бояриномъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Долгорукимъ и думнымъ дворяниномъ Авраамомъ Ивановичемъ Хитрово; Сѣвскому полку въ Межерѣчахъ, съ окольничимъ Леонтьемъ Романовичемъ Неплюевымъ; Казанскому въ Чугуевѣ, съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ.[3] На жалованье войскамъ повелѣно собрать по прежнему, большею частію, по рублю съ двора.[4] Ратные люди со всѣхъ концевъ Россіи потянулись на сборныя мѣста по первому зимнему пути; между тѣмъ до Московскаго двора дошли неблагопріятные слухи.

рный оектъ. Думный дворянинъ Шакловитый, отправленный въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ гетману Малороссіи, подъ предлогомъ совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ самомъ дѣлѣ для тайнаго развѣдыванія, въ какой степени можно полагаться на казаковъ и на вѣрность самого Мазепы, оября. возвратился съ добрыми вѣстями насчетъ казаковъ, но не безъ подозрѣнія на гетмана, который велъ съ Польскимъ правительствомъ тайную переписку.[5] Съ другой стороны Московскому двору дано знать, что цесарь и король Польскій вступили въ мирные переговоры съ Турецкимъ султаномъ, ни сколько не думая о Россіи. Этотъ слухъ под-

2. Книга Московскаго стола № 143, въ Архивѣ Старыхъ дѣлъ.
3. Изъ Архива Старыхъ дѣлъ.
4. Полн. Собр. Зак. II. № 1319.
5. Гордонъ подъ числомъ 8 ноября 1688 года.

твердилъ и Возницынъ самымъ положительнымъ образомъ: 1689.
цесарскій посланникъ при Варшавскомъ дворѣ, баронъ Жировскій, объявилъ ему, что если царскіе полномочные къ половинѣ марта не пріѣдутъ въ Вѣну, то миръ состоится и безъ нихъ. Съ цесаремъ положительнаго союза мы не заключали; но король Польскій ручался, что, безъ согласія Россіи, мира съ Турціею не будетъ.

Возницыну велѣно[6] объявить барону Жировскому, что 22 марта.
Московскій дворъ съ удивленіемъ услышалъ такія вѣсти, что послѣ всѣхъ обнадеживаній и ручательствъ, цесарю и королю было бы неприлично и на весь свѣтъ не славно склоняться па отдѣльный миръ съ Турціею; если же цесарь и король твердо рѣшились прекратить войну, то, при заключеніи договора, Россія требуетъ отъ султана: 1) «всѣхъ «Татаръ вывести изъ Крыма за Черное море въ Анатолію, «а Крымъ уступить Россіи; иначе никогда покоя ей не бу«детъ; 2) Татаръ и Турокъ при Азовскомъ морѣ также «выселить, а Азовъ отдать Россіи; 3) Казикермень, Оча«ковъ и другіе города въ низовьяхъ Днѣпровскихъ также «уступить Россіи, или по крайней мѣрѣ разорить; 4) всѣхъ «Русскихъ и Малороссійскихъ плѣнныхъ освободить, безъ «всякаго выкупа и розмѣна; 5) за убытки, причиненные «набѣгами Татаръ въ прежнее время, вознаградить двумя «милліонами червонныхъ».

Подобныхъ условій не предлагала и Екатерина II, предписывая Турціи миръ въ Кайнарджи; безъ сомнѣнія, едва ли ожидала и Софія такихъ пожертвованій отъ султана: она хотѣла, кажется, только увѣрить своихъ и чужихъ, что Россія пріобрѣла въ ея правленіе необычайныя силы, когда могла требовать изгнанія цѣлаго народа изъ Европы въ Азію. Надобно было однакожъ подкрѣпить эту мысль какимъ нибудь блистательнымъ дѣломъ, и Голицынъ поспѣшно двинулся на Крымъ.

Войска, назначенныя къ походу, собрались въ указныхъ

6. Царская граммата въ Польск. дѣлахъ Глави. Архива.

1689 февраль. мѣстахъ, къ февралю мѣсяцу 1689 года, въ числѣ 112.000 человѣкъ, не считая Малороссійскихъ казаковъ, которые присоединились къ арміи на Самарѣ.[7] Въ Болшомъ полку, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Голицына, было до 40.000; у четырехъ товарищей его болѣе 33.000. У сходныхъ товарищей: въ Новгородскомъ розрядѣ боярина Шеина 16.000 слишкомъ; въ Рязанскомъ боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукаго болѣе 14.000; въ Казанскомъ боярина Бориса Петровича Шереметева по меньшей мѣрѣ до 8.500,[8] не считая особаго полка Низовыхъ дворянъ съ стольникомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Составъ войска. Въ составѣ всѣхъ четырехъ розрядовъ находилось: ратныхъ людей Московскаго чина 3.366; полковой службы городовыхъ дворянъ болѣе 4.500; стрѣлецкихъ полковъ 11, въ числѣ 9.270 ч.; рейтарскихъ 28, съ двумя эскадронами копейщиковъ и гусаръ, всего до 30.000; солдатскихъ 35 полковъ, до 50.000 ч.; Украинскихъ черкасъ, казаковъ Донскихъ, Терскихъ, Гребенскихъ, Яицкихъ, Ногайскихъ мурзъ, Уфимцевъ, Саратовцевъ, Астраханцевъ, Калмыковъ, болѣе 16.000. Какъ сильна была артиллерія, опредѣлить трудно: по словамъ Французскаго агента Нёвиля, собравшаго многія подробности о Крымскихъ походахъ отъ Польскихъ въ Москвѣ резидентовъ, въ ней было до 700 пушекъ, съ значительнымъ количествомъ мортиръ.[9] Показаніе, кажется, не совсѣмъ вѣрное. «Большой полковой нарядъ, бывавшій въ походахъ съ боярами и воеводами Бѣлгородскаго розряда, при розрядномъ шатрѣ», состоялъ изъ 10 пищалей мѣдныхъ, длиною отъ 4 до 5 аршинъ, вѣсомъ отъ 40 до 66 пудъ, съ 2.400 ядеръ; сверхъ того каждый полкъ солдатскій и стрѣлецкій имѣлъ отъ 6 до 8 орудій, вѣсомъ въ 20 и въ 30 пудъ, съ 1.000 и 1.200 ядеръ:[10] слѣдо-

7. См. въ Приложеніяхъ, подъ № XI, вѣдомость, составленную изъ «*Перечневой росписи служилымъ ратнымъ людямъ, бывшимъ въ Крымскомъ походѣ 7197 года*». Книга Московскаго стола № 143 въ Архивѣ Старыхъ дѣлъ.

8. Полки этого розряда извѣстны; но свѣдѣній о числѣ людей не найдено.

9. Relation curieuse de Moscovie. A la Haye. 1699, p. 90. 109.

10. См. Примѣчанія 85 и 86.

вательно въ Большомъ полковомъ нарядѣ всѣхъ розрядовъ, как у главныхъ воеводъ, такъ и у товарищей ихъ, могло быть до 100 орудій, въ полкахъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ никакъ не болѣе 250, всего до 350 орудій, достаточно впрочемъ для того, чтобы разгромить и не перекопскія укрѣпленія. Полками солдатскими и рейтарскими начальствовали почти исключительно иноземцы; въ числѣ ихъ были четыре генерала: Гордонъ, Цей, Трауернихтъ и графъ фонъ Грагамъ; изъ нихъ же многіе явятся въ послѣдствіи сподвижниками Петра, Гулицъ, фонъ Верденъ, Ливестонъ, Шарфъ, фонъ Менгденъ; а замѣчательнѣе всѣхъ полковникъ солдатскаго Елецкаго полка, Лефортъ. 1689 мартъ.

Мнѣніе Гордона.

Въ первыхъ числахъ марта, князь Голицынъ прибылъ къ Большому полку, расположенному въ Сумахъ. Генералъ Гордонъ, вѣроятно по желанію князя, представилъ ему свои соображенія насчетъ похода.[11] Между прочимъ онъ совѣтовалъ: отъ Самары держаться по возможности ближе къ Днѣпру, и чрезъ каждые четыре перехода, въ особенности на переправахъ, устроивать небольшія крѣпости на нѣсколько сотъ человѣкъ, съ однимъ или двумя орудіями. Эту мѣру признавалъ Гордонъ весьма полезною потому, что разнесется молва о занятіи всего берега Днѣпровскаго царскими войсками; Татары придутъ въ ужасъ, когда услышатъ о сооруженіи цѣлаго ряда крѣпостей, наполненныхъ войскомъ, а Польша съ благодарностію увидитъ въ нихъ оплотъ противъ татарскихъ набѣговъ, согласно съ договоромъ Вѣчнаго мира; царскія же войска тѣмъ съ большею увѣренностію пойдутъ на Крымъ, когда имъ извѣстно будетъ, что тылъ ихъ обезпеченъ; притомъ въ крѣпостяхъ можно оставить больныхъ и излишніе обозы, которые до сихъ поръ предавались огню. Кромѣ того, Гордонъ предлагалъ взять съ собою стѣнобитныя орудія, для осады непріятельскихъ крѣпостей, и штурмовыя лѣстницы, на случай приступа; на Днѣпрѣ построить лодки, воо-

11. The Embrio of a Memorandum conserning considerations on our present expedition.

1689 апрѣль. руженныя легкими орудіями, для содѣйствія арміи при взятіи Казикерменя, которымъ необходимо овладѣть; приготовить понтоны, для переправы чрезъ рѣки; при каждомъ полку учредить роту гренадеръ, для метанія ручныхъ гранатъ, и испробовать, нельзя ли бросать гранаты изъ дробовиковъ.

Походъ на Крымъ. Голицынъ оставилъ безъ вниманія бо́льшую часть предположеній Гордона, и спѣшилъ выступить въ походъ ранѣе обыкновеннаго, чтобы избѣжать степныхъ пожаровъ; (17 марта.) но изъ одной бѣды попалъ въ другую: сначала была жестокая стужа,[12] потомъ вдругъ наступила оттепель: степныя рѣки разлились на обширное пространство, и войска съ неимовѣрнымъ трудомъ переправились чрезъ Ворсклу, Мерло и въ особенности чрезъ Орель: здѣсь надобно было построить мосты и гати версты на двѣ и болѣе.[13] (17 апрѣля.) На Орели присоединились къ Голицыну сходные товарищи его съ своими розрядами: прежде всѣхъ Шереметевъ съ Казанскимъ, потомъ Шеинъ съ Новгородскимъ, наконецъ князь Долгорукій съ Рязанскимъ и Дмитріевъ-Мамоновъ съ Низовымъ полкомъ; а на Самарѣ гетманъ Мазепа съ своимъ региментомъ.[14] (20 апрѣля.) Сосредоточенныя такимъ образомъ, войска запаслись провіантомъ въ городѣ Новобогородскомъ на *два* мѣсяца;[15] (24 апрѣля.) отсюда они потянулись лѣвымъ берегомъ Днѣпра чрезъ Конскія Воды, Янчокракъ, Карачакракъ, Московку и Бѣлозерку къ Коиркѣ; для охраненія же Украйны отъ нечаяннаго прихода непріятельскихъ людей, велѣно стать около Самарскихъ вершинъ боярину Ивану Ѳедоровичу Волынскому съ Новгородцами, Псковичами и нѣтчиками, не явившимися въ срокъ на сборные пункты.[16] Отъ Самары воеводы шли съ большою осторожностію, высылая конные отряды впередъ для развѣдыванія,

12. Донесеніе Голицына изъ Ахтырки отъ 20 марта. См. Приложеніе № IX, ст. 1.
13. Донесеніе Голицына. См. въ Приложеніяхъ № IX, ст. 9.
14. Донесеніе Голицына. См. въ Приложеніяхъ № IX, ст. 9, и Гордонъ въ письмѣ къ Лорду Еролю отъ 26 января 1690. См. Примѣчаніе 95.
15. Донесеніе Голицына отъ 24 апрѣля. См въ Приложеніяхъ № IX, ст. 12
16. Донесеніе Голицына, въ Приложеніяхъ No IX, ст. 14.

нѣтъ ли въ степи *сакмы*, или слѣда непріятельскаго; до 1689 май. Бѣлозерки не встрѣтили ни одного Татарина; здѣсь же разъѣзды наши схватили трехъ Крымцевъ, отъ которыхъ 7 мая. впрочемъ, кажется, ничего не узнали.[17] Съ Бѣлозерки Голицынъ писалъ въ Москву, что по совѣщаніи съ своими товарищами и съ гетманомъ, отрядилъ онъ боярина и воеводу Неплюева съ думнымъ дворяниномъ Касаговымъ къ рѣкѣ Молочной и къ Топкимъ Водамъ, для промысла подъ Керчью и Чунгаромъ;[18] но Неплюевъ, какъ видно изъ собственнаго донесенія его,[19] отъ главной арміи не отдѣлялся, да и пройти къ Керчи иначе не могъ, какъ чрезъ Крымъ.

Достигнувъ рѣчки Коирки, Голицынъ послалъ до 2.000 человѣкъ къ Асланъ-Кирменю; а самъ со всею арміею дви- 13 мая. нулся прямо на востокъ въ степь, по направленію къ Перекопу. На другой день разнесся слухъ, что Татары близко; все войско пришло въ смятеніе; тревога была однакожъ напрасна.[20] Чрезъ нѣсколько часовъ армія вступила на Зеленую Долину, обширное поле, верстъ на 10 покрытое ро- 14 мая. скошною травою, съ обильнымъ количествомъ воды,[21] и остановилась здѣсь лагеремъ. Отрядъ, посланный къ Асланъ-Кирменю, возвратился, ничего не сдѣлавъ, даже не дошедши до крѣпости версты за полторы. Плѣнный Татаринъ объявилъ, что за день предъ тѣмъ Крымскій ханъ пришелъ изъ-за Днѣпра съ 4.000 Бѣлгородскихъ Татаръ и стоитъ на Колончакѣ; а главныя силы его находятся въ Черной Долинѣ, верстахъ въ 20 отъ Зеленой.[22]

Въ слѣдующій день, во время перехода Русской арміи изъ 15 мая. Зеленой Долины въ Черную, отъ Днѣпра по Казикерменской дорогѣ, показались Татары, впервые въ значительномъ чи-

17. Донесеніе Голицына, въ Приложеніяхъ No IX, ст. 18.
18 Донесеніе его, въ Приложеніяхъ N° IX, ст. 18.
19. Донесеніе Неплюева отъ 1 іюня, въ Приложеніяхъ N° IX, ст. 23.
20. Гордонъ въ Дневникѣ: 14 Мая. Wee had a false Alarum (alarm) of the Tartars and the nearnes of the armyes brought us in great confusion.
21. Гордонъ тамъ же: Wee came to an extraordinary green even valley about 5 or 6 English miles broad, where extraordinary plenty of good grasse and water; here wee encamped.
22. Дневникъ Гордона.

1689 мая. слѣ, не болѣе впрочемъ 10.000 человѣкъ; предъ полками боярина Шеина завязалась перестрѣлка, которая продолжалась часа 3 или 4, и кончилась незначительнымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ того Татары удалились. Слѣдуя за ними по Казикерменской дорогѣ, войска наши вступили въ Черную Долину, и нашли бы тамъ довольно хорошей травы и воды, если бы въ нихъ было болѣе порядка и повиновенія.[23]

16 мая. Здѣсь встрѣтились мы наконецъ съ самимъ ханомъ: со всѣми силами своими онъ появился на правомъ флангѣ нашихъ войскъ, и около полудня, въ проливной дождь, съ изумительною быстротою и храбростью ударилъ въ тылъ нашей арміи: задніе полки замялись; конные и пѣшіе бросились въ вагенбургъ, но пушечные выстрѣлы остановили непріятеля. Потерпѣвъ здѣсь значительный уронъ, ханъ кинулся на лѣвый флангъ и нанесъ жестокое пораженіе двумъ полкамъ Украинскихъ казаковъ, Сумскому и Ахтырскому. Артиллерія снова отразила его. Послѣ того Татары не возобновляли нападеній и только издали густыми массами являлись впереди и сзади нашихъ войскъ. При наступленіи ночи, они скрылись изъ вида.

Воеводы, убѣдившись, что конница не въ силахъ выдерживать стремительнаго натиска степныхъ наѣздниковъ, помѣстилиее за пѣхотою въ вагенбургѣ. Когда поднялись мы
17 мая. изъ Черной Долины, утромъ Татары показались снова со всѣхъ сторонъ; но видя вездѣ пѣхотные полки, не рѣшались напасть на нихъ и скрылись. Русская армія безъ всякаго препятствія добралась до рѣчки Колончака[24] и раскинула лагерь на зеленыхъ берегахъ ея. Воды и травы было вдоволь; только лѣсу недостаточно.

Такъ повѣствуетъ безпристрастный свидѣтель и уча-

23. Гордонъ въ Дневникѣ 15 мая: Wee following them came to the Czarna Dolina, where wee had plenty of good grasse and had had water enough, if it had not been our multitudes disorder, irregularity and confusion with disobedience.

24. Такъ названа она въ донесеніяхъ князя Голицына; у Гордона Kalentzack; у Манштейна (въ 1736 году) Kalantschi; въ первомъ атласѣ Россіи 1745, Каланча, въ Спеціальной картѣ Шуберта *Чаплина*.

стникъ похода, генералъ Гордонъ, о первомъ столкновеніи съ Татарами между Зеленою и Черною Долинами, о битвѣ съ самимъ ханомъ въ семъ послѣднемъ урочищѣ и о прибытіи арміи на берега Колончака.[25] Очевидно, Татары не могли устоять противъ Русской пѣхоты, тѣмъ болѣе противъ артиллеріи, перестрѣливались издали и успѣли только воспользоваться оплошностью воеводъ при нападеніи на Украинскихъ казаковъ. Вообще же дѣло въ Черной Долинѣ было незначительно; а Колончакомъ мы овладѣли безъ бою. Всегда правдивый и точный разсказъ Гордона въ настоящемъ случаѣ подтверждается офиціальнымъ донесеніемъ о числѣ убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ, вообще выбывшихъ изъ строя Русской арміи, въ продолженіе трехдневнаго, безпрерывнаго, по словамъ Голицына, боя отъ Зеленой Долины до Колончака:[26] убито и отъ ранъ померло 61 человѣкъ, въ плѣнъ взято непріятелемъ 29, безъ вѣсти пропало 23, ранено 441, за исключеніемъ Сумскаго и Ахтырскаго полковъ, потерявшихъ убитыми 142, плѣнными 12 и ранеными 563. 1689 маѣ.

Иначе описывалъ свои подвиги князь Голицынъ: «На «походѣ отъ рѣки Коирки къ Крымскимъ юртамъ», доносилъ онъ въ Москву:[27] «15 мая на урочищѣ Зеленой «Долины пришелъ на наши полки Крымскій ханъ, съ калгою, нурадиномъ, ширинбеемъ, со всѣми Крымскими «и Бѣлгородскими ордами, также изъ городковъ, на Днѣ«прѣ стоящихъ, съ Турецкими войсками, съ Горскими «Черкесами, которые имъ голдуютъ, и съ джеманъ-саа«даками, и былъ у насъ съ ними бой со втораго часа дни «до десятаго.[28] И милостію Всесильнаго, во святой Троицѣ «славимаго Бога, предстательствомъ надежды христіанскія «пресвятыя Богородицы, нашей Владычицы и Приснодѣвы

25. См. Примѣчаніе 93.
26. См. Перечневую вѣдомость, приложенную къ донесенію его отъ 18 мая, въ Приложеніяхъ № IX, отписка 24.
27 См. въ Приложеніяхъ № IX, отписка 20.
28. Въ этомъ сраженіи между Зеленою и Черною Долинами, было не болѣе 10.000 Татаръ, безъ хана. См. выше и Примѣчаніе 95.

1689 май. «Маріи, при молитвахъ Московскихъ и Кіевопечерскихъ «чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, притомъ же вашими, ве«ликихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алек«сѣевича, Петра Алексѣевича, и великія государыни, «благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны «всея Россіи самодержцевъ, молитвами же, и счастіемъ все«го вашего государскаго дома, ваши великихъ государей «ратные люди, полковъ нашихъ, вашего великихъ госу«дарей двора ротмистры, стольники, стряпчіе, дворяне и «жильцы съ своимъ товарствомъ, генералы и полковники «копейныхъ и рейтарскихъ полковъ, Смоленская шляхта, «Низовыхъ городовъ дворяне, пѣхотныхъ выборныхъ сол«датскихъ полковъ генералы и полковники, Московскихъ «стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ стольники и полков«ники, притомъ же и подданнаго вашего, великихъ го«сударей, гетмана Ивана Степановича Мазепы, вѣрною «его къ вамъ, великіе государи, службою, старшина и «полковники, конные и пѣшіе бились съ тѣмъ поганствомъ «мужественно и храбро, побили многихъ знатныхъ мурзъ «и добрыхъ приводцевъ, многихъ и живыхъ поймали, «знамена, лошади и рухлядь всякую побрали, и сказываютъ «плѣнные, что побито у нихъ и переранено многое число, «а раненъ самъ Нурадинъ салданъ, да убитъ сынъ кая«бея Мансурова Кантемиръ. И такъ-то поганство билось «съ нами жестоко, что не только на мушкетныя дула, но «и на пушечныя, къ самымъ рогаткамъ, напусками пріѣз«жали; но, милостію Божіею, никакой себѣ утѣхи, кромѣ «упадку, не отнесли».

Такими же точно выраженіями описываетъ Голицынъ битву въ слѣдующій день:[29] «Когда двинулись мы изъ уро«чища Черной Долины, въ 5 часу дни 16 мая пришелъ на «наши полки ханъ Крымскій, со всѣми вышеупомянутыми «ордами, и имѣлъ съ нами бои великіе и жестокіе на пути «во весь день; ратные люди наши бились съ тѣмъ поган-

29. Донесеніе его съ ротмистромъ Лызловымъ, въ Приложеніяхъ № IX, отписка 21.

1689 май.

«ствомъ мужественно и храбро, и жестокимъ, кровавымъ «боемъ сбивъ его съ боеваго поля, стали въ степи, не дохо«дя Колончака». «Въ слѣдующій день», продолжаетъ князь Голицынъ,[30] когда, по словамъ Гордона, Татары, не смѣя напасть на пѣхоту, показывались только издали: «ханъ Крымскій, не хотя нашихъ полковъ допустить до «Колончака, имѣлъ съ нами бои великіе и напуски жесто«кіе, непрестанные во весь день: наши ратные люди бились «съ тѣмъ поганствомъ мужественно и храбро, много поби«ли, много живыхъ взяли, и кровавымъ боемъ прогнанные «до Колончака, непріятели, оставя свои боевые жестокіе «напуски, побѣжали за самый Колончакъ къ Перекопу». 17 мая.

Письмо царевны къ князю Голицыну.

Доносяя офиціально въ Розрядъ о трехдневномъ боѣ, о жестокихъ напускахъ непріятелей, и о блистательныхъ побѣдахъ, Голицынъ писалъ къ царевнѣ, чтобы она молилась о благополучномъ возвращеніи его. «Свѣтъ мой, братецъ «Васенька!» отвѣчала Софія[31] «здравствуй, батюшка мой, «на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и пресвятыя «Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ «побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги «побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты «къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объя«тіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, «пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна «предъ Богомъ и недостойна; однакожъ, хотя и грѣшная, «дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда про«шу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. Посемъ «здравствуй, свѣтъ мой, навѣки неисчетные!».

Струями Колончака освѣживъ свои силы и приготовившись къ рѣшительному бою, Русская армія совершила еще два дневные перехода, и въ полдень 20 мая увидѣла знаменитыя укрѣпленія Перекопскія.

Перекопъ.

«На перешейкѣ, соединяющемъ Крымскій полуостровъ

30. Донесеніе его съ стольникомъ Андреемъ Зиѣовымъ, въ Прилож. № IX, отписка 22.
31. См. первое письмо ея въ Приложеніяхъ № X, ст. 1 и Снимки № I.

мы двое сутокъ безъ воды же; люди еще болѣе утрудились. У Перекопа стали въ безводной степи; съ одной стороны Черное море, съ другой Гнилое; вездѣ вода соленая, а колодцевъ нѣтъ. Былъ только одинъ, да и тотъ поросъ татарскимъ просомъ. Притомъ же во всѣхъ полкахъ обнаружился недостатокъ хлѣба: солдаты ходили по міру.[37] Лошади подъ нарядомъ пали, люди обезсилѣли. Бояре и воеводы совѣтовались со всѣми генералами, полковниками, ротмистрами, стрѣлецкими урядниками и пятидесятниками, о безводицѣ, и о промыслѣ надъ Перекопомъ, и о приступѣ, для чего уже туры и мѣшки съ землею были готовы: всѣ чины единогласно отвѣчали, что служить и кровь свою пролить готовы; только отъ безводья и отъ безхлѣбья изнужились, промышлять подъ Перекопомъ нельзя, и отступить бы прочь. Если бы со всѣми полками перестояли мы два дня, то же бы съ нами случилось, что и съ бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ:[38] наряда и припасовъ везти было бы не на чѣмъ, а отходъ дальній. Какіе и остались припасы, тѣ везли стольники, стряпчіе и рейтары до Богородицкаго на своихъ лошадяхъ. Между тѣмъ, кругомъ обоза Татары начали пожигать траву: для того и отступили». 1689 май.

То же писалъ Голицынъ и къ царевнѣ изъ похода:[39] «Ставъ обозомъ подъ Перекопомъ, объѣзжали мы всѣ мѣста, гдѣ бы найти конскіе кормы и несоленую воду; кормовъ не нашли: отъ самаго Колончака все потравлено; а рѣкъ и колодезей прѣсныхъ на сей сторонѣ Перекопа нѣтъ: съ правой стороны облило Черное море, съ лѣвой Гнилое; въ томъ и другомъ воды соленыя. Ханъ же съ своими поганскими ордами къ намъ не вышелъ и, предавъ Перекопскія посады и близъ лежащія села и деревни огню, неоднократно присылалъ кемана-мурзу Сулешеза просить миру,

37. За три недѣли до прихода подъ Перекопъ, Голицынъ доносилъ, что ратные люди въ Новобогородскомъ запаслись провіантомъ на *два* мѣсяца. См. въ Приложеніяхъ № IX, отписка 12.
38. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ подъ Чудновымъ.
39. См. донесеніе его въ Приложеніяхъ № IX, отписка 23.

1689 май.

на прежней шерти, постановленной при думномъ дворянинѣ Васильѣ Тяпкинѣ.[40] По тѣмъ препятіямъ, мы отъ Перекопа отступили, а въ мирныхъ договорахъ хану отказали, потому что тотъ миръ противенъ будетъ Польскому союзу. При обратномъ отходѣ, до Коирки терпѣли мы великую нужду отъ безводья: въ Зеленой и Черной Долинахъ воды нѣтъ; въ самомъ Колончакѣ вода самая скудная. И если бы простояли мы подъ Перекопомъ еще одинъ день, то ратныхъ людей не возможно было бы отвесть, безъ великаго и страшнаго упадку».

Переписка съ ханомъ.

Однимъ словомъ, малодушный воевода, при видѣ ничтожной крѣпости, не взирая на свою многочисленную армію, жаждавшую не столько воды, сколько битвы, на очевидный ужасъ Татаръ, бѣжавшихъ изъ Черной Долины, потерялъ присутствіе духа, думалъ только о томъ, какъ бы отвести свое войско въ цѣлости и, для безопасности отступленія, рѣшился предложить хану миръ! Мысль о возможности мира внушилъ ему Астраханскій Татаринъ Караманъ, которому, на бою въ Черной Долинѣ, одинъ изъ Крымцевъ говорилъ, что ханъ охотно согласится на миръ.[41] Слова сіи тогда же были переданы князю Голицыну; онъ простодушно повѣрилъ имъ, и какъ скоро войска стали лагеремъ въ виду Перекопа, вздумалъ завести переговоры, безъ вѣдома товарищей, по тайному наказу царевны, разрѣшавшему его и биться и мириться.[42]

Посредникомъ Голицынъ употребилъ Карамана: со словъ его, по приказанію князя, переводчикъ Посольскаго приказа, Сулейманъ Тонкачеевъ, написалъ слѣдующее письмо:[43] «Вѣдомо буди отъ меня, Карамана: кто сіе письмо въ руки «возьметъ, ханову бъ величеству доложилъ. Мая 17 дня, «какъ я съѣзжался на бою съ Крымскими Татарами, въ то

40. То есть на основаніи Бахчисарайскаго договора.

41. Подлинное показаніе Карамана въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ, свитокъ 1, столбцы 18—50.

42 Показаніе Голицына при допросѣ въ Яренскѣ.

43. Хранится въ подлинникѣ на Татарскомъ языкѣ съ Русскимъ переводомъ, въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ, сл. 1.

«время говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ на бою, что *хано-* 1689 май.
«*во величество желаетъ мира; а если ты боярину своему*
«*не скажешь нынѣ, будь надъ тобою христіанская и бу-*
«*сурманская кровь; а я подлинно свою должность объя-*
«*вляю, что ханово величество желаетъ съ Московскими*
«*великими государи въ крѣпкомъ мирѣ быть*. И я тому Та-
«тарину говорилъ: для чего ханъ къ боярину не присы-
«лаетъ? Татаринъ отвѣчалъ: *для того, что и стыдится и*
«*боится: какъ въ прошломъ походѣ присыланъ былъ отъ*
«*боярина съ письмомъ толмачъ, ему никакой чести не*
«*учинено; ограбя его отпущено.*[44] *И ханскому посланни-*
«*ку не было бы тогожъ*. Съ сими словами мы другъ отъ
«друга отошли. Я о томъ ближнему боярину объявилъ, и
«бояринъ мнѣ говорилъ: Я, по указу великихъ государей,
«биться и мириться могу и готовъ; а если ханъ кого при-
«шлетъ, тому присланному никакого безчестья не учинимъ
«и съ нимъ къ ханову величеству прикажемъ».

Передать сіе письмо Голицынъ поручилъ Караману, съ переводчикомъ Татариновымъ и толмачемъ Кучумовымъ. Они привязали его къ стрѣлѣ, и выѣхавъ изъ обоза, пустили въ непріятельскій станъ изъ лука. Предложеніе мира самимъ Татарамъ показалось до такой степени страннымъ, что они сначала не повѣрили ему, и чрезъ нѣсколько часовъ перебросили, также на стрѣлѣ, посланное къ нимъ письмо, съ слѣдующимъ отвѣтомъ на оборотѣ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ханову величеству говорилъ «ближній бояринъ: *биться и мириться онъ можетъ*. Пись-«мо сіе объявлено ближнему человѣку; онъ сказалъ: *мы* «*съ Московскими государями были въ мирѣ и о томъ у* «*насъ былъ шерть; они пріѣхали на насъ съ великими* «*войсками; мы стоимъ на своихъ коняхъ. Кто шерть и* «*миръ нарушилъ, тому Богъ воздастъ*». «Знатно, миру не будетъ» сказалъ огорченный князь, когда Сулейманъ перевелъ ему отвѣтъ Татарскій.

44. О посылкѣ толмача въ первый походъ свидѣтельствуетъ и Гордонъ 12 іюля 1687 года.

и по указу великихъ государей, вашу бусурманскую землю 1689
въ одинъ день пройдемъ сквозь». Татары дали ему письмо, май.
съ которымъ онъ поскакалъ къ Голицыну. Ханъ писалъ кратко: «На зачинающаго Богъ; биться такъ биться, мириться такъ мириться». При чтеніи столь лаконическаго отвѣта, были окольничіи Неплюевъ, Змѣовъ, и стольникъ кн. Я. Ѳ. Долгорукій. «Это письмо не въ письмо», сказалъ Голицынъ Караману. «Ступай назадъ, не мѣшкавъ; пусть пріѣдетъ ко мнѣ отъ хана другой, третій знатный человѣкъ, для договору о мирѣ». Когда Караманъ объявилъ о томъ Татарамъ, они отвѣчали: «Затѣмъ у хана не станетъ; онъ «только посовѣтуетъ съ батырь-агою и пришлетъ къ ва«шему боярину, кого изволитъ».

Предъ вечеромъ возвратились они отъ хана съ извѣстіемъ, что ѣдетъ въ русскій станъ кейманъ-мурза Сулешевъ, и требовали въ аманаты какого нибудь знатнаго сановника. Голицынъ назначилъ стольника Илью Змѣова; между тѣмъ, приказалъ готовиться къ обратному шествію и поворачивать обозы назадъ. Когда смерклось, Русская армія тыломъ стала къ Перекопу, лицемъ къ Россіи. 20 мая.
Но не она была виновна въ безславномъ отступленіи.

Ложно писалъ Голицынъ ко двору и въ послѣдствіи говорилъ при розыскѣ, что *предложеніе хана* о примиреніи принято съ согласія бояръ, воеводъ, гетмана и всѣхъ чиновъ арміи: опираясь на свой наказъ, еще болѣе на свое безотчетное могущество, онъ распоряжался безъ вѣдома своихъ товарищей, какъ очевидно изъ показанія наперсника его, Венедикта Змѣова: когда Татарскій полномочный стоялъ уже между Перекопомъ и нашимъ обозомъ, ожидая почетнаго пріема и аманатовъ, безъ которыхъ онъ не хотѣлъ къ намъ ѣхать, Змѣовъ посланъ былъ въ станъ Малороссійскихъ казаковъ, сказать гетману, что мыслятъ бояре и воеводы, по причинѣ безкормицы и безводицы, отъ Перекопа отступить и поворотиться назадъ, и притомъ спросить: нѣтъ ли у казаковъ отъ безводицы какихъ словъ, или ропота? Не

1689 май. безводица была на умѣ Голицына при этой посылкѣ: онъ хотѣлъ знать, какъ примутъ Запорожцы вѣсть объ отступленіи и страшился ихъ справедливаго негодованія. Мазепа успокоилъ его, давъ знать, что «казаки скучаютъ (безъ сомнѣнія, отъ бездѣйствія), а впрочемъ измѣны отъ нихъ не чаетъ». Слѣдовательно гетманъ не участвовалъ въ мнимомъ совѣщаніи всѣхъ чиновъ объ отступленіи; не участвовалъ въ немъ и знатнѣйшій изъ воеводъ, начальникъ Новгородскаго розряда, бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ: онъ съ изумленіемъ услышалъ, что товарищъ его князь Барятинскій получилъ повелѣніе главнокомандующаго встрѣтить и принять ханскаго полномочнаго. «Говорить бы князю, чтобы кеймана въ обозъ не имать» сказалъ Шеинъ и отправился къ Голицыну; но всѣ представленія его были напрасны; мало того: самъ онъ долженъ былъ ѣхать въ слѣдъ за Барятинскимъ на встрѣчу Татарскому мурзѣ.[46]

Свиданіе съ кейманомъ. Уже наступила ночь, когда Барятинскій, сопрождаемый царедворцами, съѣхался съ кейманомъ-мурзою Сулешевымъ близъ того кургана, гдѣ стоялъ князь Борисъ Долгорукій. «Вы ль пишете тѣ письма, которыя до насъ дошли, или Татаринъ Карамашка собою затѣваетъ»? спросилъ мурза. Барятинскій отвѣчалъ, что письма велѣлъ писать бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, по словамъ Карамана. «Такъ дайте намъ сроку до утра» сказалъ Сулешевъ. «Не льзя», возразилъ Барятинскій «поди къ боярину, самъ и говори». «Надобно прежде спросить ближняго человѣка, а безъ вѣдома его ѣхать я не смѣю», отвѣчалъ мурза, и ускакалъ въ Перекопъ. Наши ждали его часа два или три; наконецъ онъ возвратился и потребовалъ за себя въ аманаты знатнаго сановника. Мы отдали Татарамъ стольника Илью Змѣова; Сулешевъ подарилъ ему гнѣздо стрѣлъ, и отправился въ Русскій станъ.[47]

46. Подлинное показаніе окольничаго Венедикта Змѣова, при допросѣ думнымъ дворяниномъ Извольскимъ и дьякомъ Оловенниковымъ въ Костромѣ 11 ноября 1689 года. Въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ, св. 1.

47. Подлинныя показанія: Венедикта Змѣова, Сулейнана Тонкачеева и Тинбаева. въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ, св. 1.

Въ шатрѣ князя Голицына, между тѣмъ, давно уже собрались всѣ главные воеводы съ ихъ товарищами; былъ тутъ и Мазепа. «Когда придетъ ханскій посолъ», говорилъ князь боярамъ и воеводамъ «вы не вставайте и шапокъ не снимайте. Я знаю Татарскій обычай: они и въ Москвѣ, въ царскихъ хоромахъ, шапокъ не снимаютъ».[48] Впрочемъ, когда вступилъ мурза въ наметъ, бояре и воеводы съ нимъ витались. Онъ сѣлъ на скамьѣ подлѣ окольничаго Неплюева[49] и повторилъ прежній вопросъ о письмахъ, по приказу ль князя они писаны, или Карамашка затѣваетъ? Голицынъ отвѣчалъ: «писаны по нашему велѣнію; я мириться и биться готовъ».[50] Потомъ приступили къ переговорамъ о мирѣ; бесѣдовали часа три за полночь.[51] Бояре и воеводы долго выговаривали послу о всѣхъ неправдахъ татарскихъ; наконецъ, въ основаніе мирнаго договора, потребовали отъ хана трехъ условій: 1) на Украйные города и на Польшу войною не ходить; 2) дани не брать; 3) всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ освободить безъ размѣна.[52] Кейманъ-мурза съ своей стороны укорялъ бояръ Польскимъ союзомъ, бывшимъ, по его мнѣнію, истинною виною войны, и предлагалъ миръ на условіяхъ Бахчисарайскаго трактата. Но какъ бояре настаивали въ своихъ требованіяхъ и рѣшительно отказывали въ казнѣ, то онъ объявилъ, что доложитъ хану, и утромъ за часъ до разсвѣта привезетъ отвѣтъ. Откланиваясь воеводамъ, онъ особенно витался съ окольничимъ Неплюевымъ, называя его кардашемъ или братомъ.[53] Совѣщаніе продолжалось часа три. 1689 май.

Князь съ нетерпѣніемъ ожидалъ ханскаго отвѣта; солнце взошло, а Кеймана не было; обозы наши двинулись назадъ, и войско отступило версты двѣ,[54] когда часа черезъ три Отступленіе отъ Крыма 21 мая.

48. Показаніе Тинбаева.
49. Показаніе Зиѳова.
50. Показаніе Тонкачеева.
51. Показаніе Тинбаева.
52. Показаніе Зиѳова.
53. Показаніе Тинбаева.
54. Показаніе Тонкачеева.

1689 Май.

по восхожденіи солнца, дано знать, что ханскій посолъ показался въ степи и требуетъ за себя аманатовъ. Изъ русскаго лагеря немедленно посланъ на обмѣнъ полковникъ Рыльскаго солдатскаго полка, Стремоуховъ. Мурза объявилъ, что ханъ согласенъ примириться, но не иначе, какъ на прежнихъ условіяхъ, *а казна давать;* плѣнниковъ же освободить не можетъ, потому что многіе изъ нихъ обусурманились, и отъ того имъ сытно.[55] Голицынъ, заботясь единственно о безопасномъ отступленіи, не настаивалъ уже на освобожденіе плѣнныхъ и объявилъ, что объ нихъ условиться можно послѣ; желалъ только, чтобы Татары не требовали казны и не впадали въ Россію и Польшу.[56] «Да изъ чего вы хлопочете за Польшу?» возразилъ коварный Татаринъ. «Король уже помирился съ ханомъ, и посланникъ его здѣсь, въ Перекопѣ».[57] Изумленный столь неожиданною новостью, князь смутился. Кейманъ не могъ не замѣтить его замѣшательства и съ лукавою улыбкою спросилъ: «Кудажъ ты идешъ? Аль назадъ поворотился»? «Поворотился» отвѣчалъ Голицынъ «для конскихъ кормовъ»;[58] и какъ скоро уѣхалъ мурза, велѣлъ поспѣшно отступать.

Обвиненіе Голицына въ подкупѣ.

Радостно услышали Татары объ удаленіи Русскихъ войскъ; страхъ ихъ миновалъ, и они осыпали Голицына насмѣшками. «Побѣжалъ онъ въ Кіевъ», говорили мурзы Русскимъ плѣннымъ «чтобы тамъ постричься, для спасенія себя отъ царскаго гнѣва».[59] Всѣ дѣйствія его подъ Перекопомъ были такъ странны и непостижимы, что въ Москвѣ разнесся слухъ, будто онъ подкупленъ былъ Ханомъ. «Взялъ онъ съ Татаръ», пишетъ современникъ, окольничій Желябужскій[60] «стоя у Перекопа, двѣ бочки золотыхъ, которые потомъ явились на Москвѣ въ продажѣ мѣдными, только слегка позолоченными».

55. Показаніе Тинбаева, Тонкачеева, Змѣева и самого Голицына.
56. Показаніе Тонкачеева.
57. Донесеніе Голицына къ королю изъ Новобогородицкой 12 Іюня 1689 г.
58. Тинбаевъ.
59. Показаніе подьячего Шошина, бывшаго въ то время въ плѣну въ Перекопѣ.
60. Записки его, изд. Языковымъ. Спб. 1840, стр. 21.

Молву о подкупѣ распространилъ житель Коротояка, бѣжавшій на Донъ, потомъ схваченный Азовцами и сосланный въ Крымъ, Иванъ Глистинъ, успѣвшій въ послѣдствіи избавиться изъ неволи бѣгствомъ. «Когда я былъ въ Перекопѣ, въ кандалахъ», пишетъ онъ въ своемъ извѣтѣ[61] «прибѣжалъ къ хану Татаринъ съ вѣстью, что Московскія войска въ степи означились. Ханъ перепугался. Перекопскимъ жителямъ велѣно женъ и дѣтей съ пожитками отсылать за море, скотъ метать, дворы и всякое строеніе жечь. Всѣ они вывезлись, а городъ сожгли. Въ ханскомъ войскѣ было нѣсколько нашихъ измѣнниковъ, Донскихъ казаковъ, которые за годъ предъ тѣмъ бѣжали изъ Черкаска и обусурманились. Они сказывали мнѣ, что, не задолго до прихода царскихъ ратныхъ людей къ Перекопу, присланы отъ Турскаго салтана князю Василію Голицыну двѣ большія куфы или бочки съ золотыми червонными, для того, чтобы онъ не разорялъ Крыма. Въ куфахъ было 15 боченковъ, ведръ по 10. Ханъ, вынувъ золото, приказалъ боченки залить смолою, и только сверху и снизу близъ дна посыпать понемногу червонными. Въ такомъ видѣ принялъ ихъ ночью окольничій Венедиктъ Змѣовъ и передалъ Голицыну; въ ту же ночь бояринъ и воевода поворотился съ полками назадъ, а щиты, изготовленные для приступа, велѣлъ пожечь. По отступленіи его, я былъ посланъ въ Азовъ. Тамъ видѣлъ я, какъ Азовскій бей, сбираясь на помощь Крыму, за день до похода, на дворѣ своемъ въ чуланѣ съ тремя агами заливалъ смолою три боченка, ведръ по 5, посыпая сверху золотомъ, и говоря агамъ, что тѣми боченками они выкупятъ свои головы. То же видѣли и слышали со мною три другіе невольника, моловшіе въ чуланѣ муку». 1689 май.

Сколь ни мало заслуживалъ вѣроятія доносъ бѣглаго, по собственному сознанію его, давшаго Туркамъ слово обусурманиться, чтобы избавиться отъ оковъ, Голицынъ и

61 Показаніе Глистина 11 октября 1689 г. въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ.

1689 май. Змѣовъ въ послѣдствіи были допрашиваемы по царскому указу, какое взяли они золото подъ Перекопомъ и для чего пріѣзжалъ самъ ханъ въ русскій обозъ ночью? Голицынъ отозвался, что «о золотѣ и мысли не было; да «и утаить бы нельзя. А если бы ханъ пришелъ въ обозъ, «я бъ его принялъ и къ великимъ государямъ привезъ».[62] То же показалъ и Змѣовъ.[63]

Обратный походъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не крымское золото, не безводица и не безкормица, а малодушіе главнаго предводителя, столь же неспособнаго, какъ и самовластнаго, принудило войско

21 мая. къ постыдному отступленію.[64] Татары погнались за нимъ и живо преслѣдовали его цѣлые 8 сутокъ, не давая покоя ни днемъ, ни ночью.[65] «Армія наша находилась въ большой опасности», говоритъ Гордонъ, командовавшій арьергардомъ въ числѣ 7 пѣхотныхъ полковъ съ отрядомъ конницы: «положеніе ея было бы еще затруднительнѣе, если бы ханъ вздумалъ преслѣдовать насъ всѣми силами. Къ счастію, у него было менѣе войска, нежели мы воображали. Болѣе чѣмъ непріятель, безпокоила насъ мучительная жажда; правда, мы запаслись большими бочками съ водою, но ихъ было слишкомъ недостаточно для такого многолюдства, и среди безводныхъ степей, въ нестерпимый зной, гибель наша была бы неизбѣжна, если бы милосердый Богъ не низпослалъ обильнаго дождя».[66]

Въ четверо сутокъ армія перешла степь отъ Перекопа до Днѣпра; на берегахъ его, ниже острова Тавана, она освѣжила свои силы и двинулась далѣе на сѣверъ, по направленію къ Самарѣ; до Коирки шла частію сыпучими песками, частію обожженною степью, которая постоянно дымилась справа и впереди: Татары зажигали сухой ковыль и производили степные пожары. Въ глубокомъ уныніи,

62. Допросъ Голицына въ Яренскѣ окольничимъ Чаадаевымъ 25 февраля 1691 года.
63. Допросъ его въ Костромѣ думнымъ дворяниномъ Извольскимъ 11 ноября 1689 года.
64. См. Примѣчаніе 96.
65. Wee were hotly and eagerly persued by the Tartars 8 dayes together, пишетъ Гордонъ къ графуЕрролю.
66. Письмо его къ графу Ерролю. См. Примѣчаніе 95. Съ 25 мая опять идутъ замѣтки до 30 мая; потомъ снова перерывъ до 15 іюня отъ вырванныхъ листовъ.

впрочемъ безъ большаго разстройства, отступало войско; 1689 Іюнь.
но лошади и волы, измученные песками и безводицею, *истаявали* подъ тяжелыми пушками и едва могли поспѣвать за арміей.[67]

До сихъ поръ мы, кажется, взяли мало плѣнныхъ; надобно же было съ чѣмъ нибудь явиться въ Москву, хотя съ десяткомъ Татаръ. Голицынъ отрядилъ въ засаду 400 человѣкъ конницы, чтобы схватить нѣсколько Крымскихъ наѣздниковъ. Мѣсто для засады выбрали однакожъ неудобное: въ виду Казикерменя, сильной турецкой крѣпости на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ было до 1200 янычаръ. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и принудилъ нашъ отрядъ удалиться. Онъ присоединился къ арміи, успѣвъ схватить только дикую кошку, которая впрочемъ такъ же была зла, какъ Татаринъ, говоритъ Гордонъ.[68] За Коиркою непріятель 29 мая.
ересталъ тревожить насъ. Армія расположилась лагеремъ на Бѣлозеркѣ, въ виду Запорожской Сѣчи, и воеводы отправили донесенія ко двору съ извѣстіемъ о благополуч- 1 іюня.
номъ возвращеніи войска изъ-подъ Перекопа въ предѣлы Россіи.[69]

Второе письмо царевны къ князю Голицыну.

Приведемъ слово въ слово, что писала царевна Софія, въ отвѣтъ на особое письмо къ ней князя Голицына, присланное вмѣстѣ съ официальными донесеніями:[70]

«Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ «прославилъ имя свое святое, также и Матери Своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка «не слыхано, ни отцы наши новѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже Израильскихъ людей васъ Богъ «извелъ изъ земли Египетскія: тогда чрезъ Моисея, угодника «Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, «помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка мой, чѣмъ

67. Дневникъ Гордона 25 и 26 мая.
68. Дневникъ его 27 мая.
69. Донесеніе Голицына въ Приложеніяхъ № IX отписка 23 и Неплюева 26.
70. См. Приложенія № X. 2. Письма Голицына къ Софіи въ Архивѣ не отысканы.

1689 іюнь. «платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, «свѣтъ очей моихъ! мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобы «тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, «когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возмож«но было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ со«бою. Письма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли «въ цѣлости, изъ-подъ Перекопу, изъ Коирки, чрезъ сеун«щиковъ, и съ Московки; всѣ приходили въ примѣтныя «времена. Изъ-подъ Перекопу пришли отписки въ пятокъ «11 числа. Я брела пѣша, изъ Воздвиженскаго:[71] только «подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ «святымъ воротамъ, а отъ васъ отписки о бояхъ. Я не «помню, какъ взошла; чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, «Свѣта, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, «пресвятую Богородицу, и преподобнаго Сергія, чудотворца «милостиваго!

«Сеунщикъ Змѣовъ[72] къ намъ еще не бывалъ. Что ты, ба«тюшка мой, пишешь о посылкѣ[73] въ монастыри, все то ис«полнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша. А «съ отпускомъ пошлю къ вамъ вскорѣ Василія Нарбекова.[74] «А золотые не поспѣли; не покручиньтеся. За тѣмъ васъ дер«жать жаль. Тотчасъ поспѣютъ, тотчасъ пришлю.[75] А день«ги сбираю; стрѣльцамъ готовы; тотчасъ сберу, тотчасъ при«шлю. Скажи имъ, будутъ присланы. А радѣнье твое, душа «моя, дѣломъ оказуется. Почты отъ насъ, свѣтъ мой, посланы «три, четвертый Шошинъ. Порадѣй, батюшка мой, чтобъ «его окупить или на размѣну отдать. Что пишешь, батюш«ка мой, чтобъ я помолилась: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, «какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на мило-

71. Село Воздвиженское въ 10 верстахъ отъ Троицко-Сергіевой Лавры.

72. Онъ посланъ съ донесеніемъ 18 мая съ Коломчака. См. въ Приложеніяхъ № IX, отписка 22.

73. То есть вкладовъ.

74. То есть съ указомъ объ отпускѣ ратныхъ людей по домамъ. Нарбековъ прибылъ къ арміи 27 іюня. Гордонъ.

75. Въ цидулкахъ Голицына къ Шакловитому находимъ слѣдующее: «О томъ милости твоей прошу, чтобъ ратные люди по милости государской повеселены были; и буде милость государская будетъ посылка золотыми, чтобы мнѣ по милости ихъ отдѣлъ хотя малый былъ такой золотой, каковъ изволять, и чтобъ привѣшена къ нему, хотя худа, была чепь, для славы государскаго имени». Приложеніе VII, ст. 53.

«сердіе Божіе: велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ «самъ пишешь о ратныхъ людяхъ, такъ и учини; а Борису[76] не побыть ли въ Бѣлгородѣ? также и Овраму?[77] «Сверхъ того, какъ ты, радость моя, изволишь. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и всѣ мы здоровы. «Когда дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ «житьѣ скажу. А вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу: «и такъ вы утрудились. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды? «Еслибъ ты такъ не трудился, никто бъ такъ не сдѣлалъ». 1689 іюнь.

Вмѣстѣ съ симъ царевна, именемъ обоихъ государей, возвѣстила пароду о неимовѣрныхъ побѣдахъ надъ Татарами, съ повелѣніемъ совершить во всѣхъ церквахъ благодарственное молебствіе. Въ Троицкую Сергіеву Лавру отправился съ богатыми дарами самъ Шакловитый, уже ближній окольничій и намѣстникъ Вяземскій, едва ли не тогда, по случаю радостныхъ вѣстей, возведенный въ это почетное званіе.[78] Вслѣдъ за тѣмъ къ воеводамъ и всему войску посланъ окольничій Василій Савичъ Нарбековъ, съ милостивымъ царскимъ словомъ. «Твоею службою» писала царевна именемъ обоихъ государей князю Голицыну[79] «свирѣпые и исконные враги святаго креста и всего христіанства такъ поражены, побѣждены и прогнаны, что пришедъ въ отчаяніе и ужасъ, сами разорили свои поганскія жилища, въ Перекопи всѣ села и деревни пожгли, изъ-за Перекопи тебѣ не показались и на возвратномъ походѣ тебѣ не явились; ты же съ своими товарищами, съ сходными воеводами, со всѣми ратными людьми, возвратился въ цѣлости; за столь славныя во всемъ свѣтѣ побѣды, мы тебя жалуемъ милостиво и премилостиво и паки премилостиво похваляемъ». Шакловитый съ своей стороны увѣдомлялъ Голицына, что велѣно готовить золо-

Награды 15 іюня.

19 іюня.

76. Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
77. Аврамъ Ивановичъ Хитрово, товарищъ Вл. Дм. Долгорукаго.
78. Акты Археограф. Эксп. IV, № 301. Въ концѣ 1688 года, какъ свидѣтельствуетъ Гордонъ, Шакловитый былъ еще думнымъ дворяниномъ.
79. Царская похвальная грамата, въ Полн. Собр. Закон. III. № 1340.

1689 Іюнь. тые въ награду воеводамъ и войскамъ, ему, по-прежнему, золотую медаль, осыпанную драгоцѣнными каменьями, на золотой цѣпи, въ 300 червонныхъ, Шеину въ 15, Шереметеву въ 10, Долгорукому въ 8; прочимъ съ убавкою.[80] Голицынъ такъ обрадовался этому извѣстію, что половину назначенной ему награды предлагалъ Шакловитому; тотъ не согласился. «Зѣло мнѣ досаденъ твой отказъ» писалъ Голицынъ.[81] «Развѣ ты сердце на меня имѣешь? Я готовъ за пріятное твое жалованье и половиною пожитковъ своихъ челомъ ударить и о томъ бы не скучалъ, а не токмо такимъ малымъ, за государское жалованье».

Посылка къ Польскому королю. Обманывая государей и Россію мнимыми побѣдами, Голицынъ хотѣлъ и по всей Европѣ распустить молву о блистательныхъ успѣхахъ Крымскаго похода. Съ этою цѣлью, съ береговъ Самары, онъ послалъ въ Яворовъ къ Польскому королю полковника Костромскаго солдатскаго полка, Матвѣя Фливерка, съ извѣстіемъ о пораженіи всѣхъ Татарскихъ ордъ до *полутораста тысячъ* на поляхъ Колопчацкихъ, о бѣгствѣ хана за Перекопъ и о всеобщемъ ужасѣ Татаръ. Списки съ донесенія его королю резидентъ нашъ въ Варшавѣ, Волковъ, долженъ былъ сообщить въ Вѣну, Венецію, Римъ, и принять мѣры, чтобы печатныя авизы со всѣхъ сторонъ дошли въ *Москву*. Общею молвою думалъ Голицынъ заглушить истину, и безславное осмидневное бѣгство предъ горстью Татаръ, ознаменованное взятіемъ одной дикой кошки, съ несмѣтною потерею людей, лошадей, обозовъ, хотѣлъ выставить такимъ *побѣдительствомъ, какого издавна не бывало*. Кромѣ того, онъ недоволенъ былъ бездѣйствіемъ Поляковъ и тревожился мыслію, не заключилъ ли король, въ самомъ дѣлѣ, тайнаго мира съ ханомъ Крымскимъ, какъ увѣрялъ его кейманъ-мурза. Волкову поручено было войти по сему предмету въ объясненіе съ самимъ королемъ, или его министрами.

80. См. Приложенія № VII, ст. 60.
81. См. Приложенія № VII, ст. 50.

Коронный гетманъ Яблоновскій, назначенный для переговоровъ съ нашимъ резидентомъ и съ полковникомъ Фливеркомъ, отозвался,[82] что о побѣдахъ царскаго войска король уже извѣстенъ; мира же съ ханомъ не заключалъ и посланника своего въ Крымъ не посылалъ: то явная ложь, выдуманная Татарами. Съ своей стороны гетманъ спрашивалъ: для чего царскія войска, не взявъ Перекопа, отступили? Резидентъ отвѣчалъ, что «царскія войска долины и поля погаными трупами уклали и такія побѣдительства надъ Татарами получили, какихъ издавна не бывало; съ Польской же стороны, вопреки договору вѣчнаго мира и недавнымъ обѣщаніямъ, ничего не сдѣлано: еще задолго до похода, король обнадеживалъ, что по первой травѣ, какъ скоро снѣгъ сойдетъ, онъ выведетъ въ поле войска коронныя и Литовскія; но они до сихъ поръ не только не выведены, даже и не собраны; видя такую неготовность, всѣ Бѣлгородскія, Буджакскія, Ногайскія и иныя поганскія орды перешли за Днѣпръ и навалились на царскія войска». Яблоновскій оправдывалъ короля тѣмъ, что въ Польшѣ и Литвѣ шляхта не иначе идетъ на войну, какъ по опредѣленію сейма; съ этою цѣлью созваны были два сейма, и оба они разорвались. «Разорваніе сеймовъ» возразилъ резидентъ «не должно служить препоною войнѣ, которая рѣшена договоромъ, взаимными клятвами утвержденнымъ. Да и для чего было разрывать сеймы, когда король такъ охотно желаетъ воевать общихъ непріятелей?» «Не я ихъ рвалъ», отвѣчалъ Яблоновскій «а рвали иные; у насъ такое обыкновеніе, что и одинъ шляхтичъ сеймъ разорвать можетъ; сенаторы никому воспретить не въ силахъ». Въ заключеніе положили: если будетъ отъ хана какая присылка съ мирными предложеніями, сообщить ихъ безъ всякой утайки двору Московскому. 1689 іюнь.

По окончаніи конференціи, слѣдуя приказанію Голицына, резидентъ спѣшилъ сообщить списки съ донесенія его авиз-

82. Донесеніе Волкова въ іюнѣ 1689, въ Польск. дѣлахъ Главнаго Архива.

1689 іюнь. нымъ обычаемъ, или въ видѣ реляціи: папскому нунцію, Львовскому епископу Іосифу Шумлянскому, резиденту Венеціанскому, посланнику цесарскому, нашему посланнику въ Вѣнѣ подьячему Алексѣю Васильеву, съ тѣмъ, чтобы онъ роздалъ списки канцлеру Кенигсеку, сенаторамъ и другимъ лицамъ; сверхъ того Сербскому епископу, цесарскому секретарю фонъ Коху, стряпчему венецейскаго князя Петру Латинусу, наконецъ почтмейстерамъ Варшавскому коронному, Литовскому, Краковскому, Вѣнскому, которые всякія вѣсти сообщаютъ во всѣ концы свѣта, съ просьбою напечатать о побѣдахъ царскихъ войскъ и разослать печатныя авизы не только въ иныя государства, въ ближнія и дальнія, но и въ царствующій градъ Москву.

Конецъ похода. Между тѣмъ, на берега рѣки Мерло, прибылъ къ войску окольничій Нарбековъ съ царскимъ милостивымъ словомъ и съ повелѣніемъ распустить ратныхъ людей по домамъ.[83] 27 іюня. Прощаясь со стрѣльцами, Голицынъ велѣлъ имъ говорить въ Москвѣ про свои нужды, что идучи къ Перекопу и обратно, цѣлые 12 сутокъ въ сытость и коней не напаивали.[84] Войска разошлись восвояси; а бояре, воеводы и начальные люди спѣшили въ Москву за наградами. Тамъ ожидала ихъ похвальная граммата, съ огромными дарами, «за храбрые и мужественные поиски, за прилежные и многотрудные промыслы, за явную и славную надъ поганствомъ побѣду, за крѣпкое противъ жестокихъ бусурманскихъ напусковъ ополченіе, и за всякое государскихъ многочисленныхъ ратей оберегательство и охраненіе».

Въ награду назначено: князю Голицыну кубокъ золоченый съ кровлею, кафтанъ золотной на соболяхъ, денежной придачи 300 рублей, въ вотчину село Рѣшма въ Суздальскомъ уѣздѣ; боярамъ сходнымъ воеводамъ, товарищамъ и другимъ начальнымъ людямъ также кубки, кафтаны, денежныя придачи, вотчины; полковникамъ и ротмистрамъ

83. Дневникъ Гордона, 27 іюня 1869 года.
84. Показаніе капитана В. Сапогова, подтвержденное окольничимъ Змѣевымъ.

1689.

серебряные ковши, помѣстья, деньги; нижнимъ чинамъ помѣстныя и денежныя придачи; не забыты были и падшіе въ битвахъ: имена ихъ велѣно вписать въ синодики.

Истина скоро однакожъ открылась. Справедливо раздраженный позоромъ Русскаго оружія, Петръ вступился за свои державныя права и положилъ предѣлъ беззаконному господству.

Нерчинскій трактатъ.

Послѣднее время владычества Софіи ознаменовано невознаградимою утратою страны обширной, плодородной, чрезвычайно важной по своему положенію въ политическомъ и торговомъ смыслѣ, необходимой для безопасности и благосостоянія Восточной Сибири, однимъ словомъ утратою Дауріи и другихъ земель, покоренныхъ мужествомъ Хабарова.[83] Съ 1684 года начались рѣшительныя непріязненныя дѣйствія Китайцевъ на берегахъ Амура; не взирая однакожъ на всѣ усилія ихъ, наши удальцы держались въ Албазинѣ, отстаивая честь русскаго оружія и право господства, пріобрѣтенное тридцатилѣтними трудами и побѣдами. Въ то самое время, когда князь Голицынъ съ стотысячною арміею и многочисленною артиллеріею безплодно блуждалъ по украинскимъ степямъ, Албазинскій воевода Толбузинъ, имѣя подъ ружьемъ не болѣе 700 человѣкъ, да три пушки, ратоборствовалъ противъ Китайскихъ войскъ, неоднократно въ огромномъ числѣ приступавшихъ къ Албазину, не разъ отбивалъ ихъ съ значительною потерею, и запечатлѣлъ свой подвигъ смертью героя: онъ палъ на стѣнахъ Албазина, сраженный пушечнымъ ядромъ. Мѣсто его заступилъ не менѣе доблестный полковникъ Бейтонъ. Китайцы не могли поколебать его ни лестью, ни оружіемъ, и принуждены были снять осаду.

Въ сентябрѣ 1686 года.

Тридцатилѣтняя война, веденная на берегахъ Амура, большею частію одними охочими людьми, горстью удальцевъ промышленниковъ и казаковъ, при слабомъ содѣй-

83. Подробности см. въ Müller's Sammlung Russischer Geschichte. 1758. II 5—6.

ствіи правительства, свидѣтельствовала, какъ легко было бы сладить съ Китайцами и принудить ихъ отказаться отъ всякихъ притязаній на Даурію, на которую они и права не имѣли; стоило только подкрѣпить Албазинскихъ витязей двумя, тремя полками солдатскими или стрѣлецкими, чтобы навсегда утвердить Русское господство на берегахъ Амура, и какую огромную выгоду извлекъ бы весь Сибирскій край изъ этого завоеванія! Мало того, что естественная грань отдѣлила бы наши владѣнія отъ кочевыхъ народовъ средней Азіи: мы пріобрѣли бы страну богатѣйшую въ богатой Сибири всѣми произведеніями природы; а что̀ всего важнѣе, для тамошняго края открылся бы самый удобный путь торговыхъ сношеній величественною рѣкою, судоходною отъ истоковъ до устья, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ.

1686 26 января. Вмѣсто войска, Софія отправила посольство, съ наказомъ кончить всѣ распри съ Китайскимъ правительствомъ, во что бы то ни стало. Главою посольства былъ знаменитый въ послѣдствіи сподвижникъ Петра, но тогда еще неопытный въ дѣлахъ царедворецъ, стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, возведенный, при назначеніи великимъ посломъ, въ санъ окольничаго съ титломъ намѣстника Брянскаго. Въ свитѣ его, кромѣ многихъ дворянъ, было 500 Московскихъ стрѣльцовъ и до 1.400 человѣкъ служилыхъ людей, собранныхъ на пути по Сибирскимъ городамъ. Наше правительство хотѣло открыть переговоры въ Албазинѣ; но Китайскій императоръ прислалъ своихъ пословъ 1689 18 іюля. въ Нерчинскъ, съ 15.000 войска и 50 пушками; въ свитѣ ихъ находились два хитрые езуита: Испанецъ Перейра и Французъ Жербиллонъ, любимцы богдыхана.

12 августа. При открытіи переговоровъ, Головинъ предложилъ назначить границею между обоими государствами рѣку Амуръ, съ тѣмъ, чтобы сѣверный берегъ ея принадлежалъ Россіи, южный Китаю. Китайскіе послы не хотѣли и слышать о томъ: требовали не только Албазина, но и Нерчинска, Селен-

гинска и другихъ мѣстъ до самаго озера Байкала; на второмъ съѣздѣ они были нѣсколько уступчивѣе и отказались отъ своихъ притязаній на Нерчинскъ и Селенгинскъ; но упорно настаивали на обладаніе обоими берегами Амура, ни подъ какимъ видомъ не соглашались дозволить Русскимъ имѣть по ней судоходство, грозили разрывомъ, даже непріязненными дѣйствіями.

Испуганный угрозами, обманутый езуитами, которые весьма искусно вкрались въ довѣренность Русскихъ, Головинъ заключилъ въ Нерчинскѣ трактатъ, постановившій границею Россіи каменный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Яблоннаго, отъ рѣчки Горбицы до Охотскаго моря, и рѣку Аргунь отъ истоковъ ея до соединенія съ Шилкою. Полковникъ Бейтонъ получилъ повелѣніе разорить Албазинъ до основанія и со всѣми жителями перейти въ Нерчинскъ. Такимъ образомъ Софія отказалась отъ всякихъ притязаній на берега Амура, находившіеся во власти Россіи болѣе 30 лѣтъ; мы лишились судоходной рѣки, которая, по своему впаденію въ Восточный океанъ, могла бы дать иной видъ и другое значеніе всему Сибирскому краю.

1689 27 августа.

Нерчинскій трактатъ былъ послѣднимъ дѣломъ Софіи; въ то время, когда Головинъ подписывалъ его съ Китайскими полномочными, владычество ея приближалось къ концу.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

По желанію великой княгини Екатерины Павловны, въ 1811 году, Карамзинъ написалъ любопытное сочиненіе *о древней и новой Россіи*, въ которомъ, кратко обозрѣвъ ходъ событій и состояніе Россіи отъ начала ея до конца XVII вѣка, съ большею подробностію разсматриваетъ дѣла Петра Великаго, рѣзкими, хотя немногими, чертами обрисовываетъ Его преемниковъ, и съ изумительною откровенностію судитъ о первомъ десятилѣтіи царствованія самого Александра. Карамзинъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ въ полномъ смыслѣ слова; но, слишкомъ увлеченный своею идеею, онъ былъ равно несправедливъ и къ Петру Великому и къ Александру I. Это сочиненіе, во все неизвѣстное до 1837 года, когда Пушкинъ напечаталъ въ *Современникѣ* небольшой отрывокъ изъ него, остается до сихъ поръ въ рукописи. Мнѣніе незабвеннаго исторіографа о Петрѣ Великомъ выпишу вполнѣ въ своемъ мѣстѣ, изъ вѣрнаго списка. 1—2.

2.

Котошихинъ въ сочиненіи *о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича*, стр. 100, говоритъ: «Какъ прежніе цари, послѣ «царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были «иманы писма, чтобъ имъ быть не жестокимъ и не опалчивымъ, «безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мысли«ти о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а «безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. «А нынѣшняго царя (Алексѣя) обрали на царство, а писма онъ «на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не «спрашивали, потому, что разумѣли его гораздо тихимъ..... «А отецъ его царь Михайло Ѳеодоровичъ хотя Самодержцемъ пи«сался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего». Котошихинъ, остроумный и опытный наблюдатель современна-

2—3. го состоянія Россіи, вовсе незнакомъ былъ съ минувшими событіями и вѣрилъ баснямъ: такъ на стр. 4, онъ говоритъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ сына Димитрія, котораго бояре отравили во младенчествѣ, замѣтивъ въ немъ сходство съ царемъ Іоанномъ Грознымъ жестокостью нрава. Достовѣрно, что у Михаила Ѳеодоровича не было сына *Димитрія*. Ошибка столь грубая удостовѣряетъ, что дѣла прежнихъ лѣтъ были ему мало извѣстны. Мысль объ ограниченіи царя Михаила, при избраніи его на престолъ, выразилась въ послѣдствіи въ любопытномъ актѣ, мало кому извѣстномъ, найденномъ въ бумагахъ историка Татищева, подъ заглавіемъ: *Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства Россійскаго о правленіи государственномъ въ 1730 году*. Этотъ актъ подписанъ 4 февраля 1730 года 288 лицами, въ томъ числѣ и Татищевымъ; цѣлью его было устранить отъ Россіи бѣдствія олигархіи, которыми угрожалъ ей Верховный Тайный Совѣтъ, при избраніи императрицы Анны. Тамъ сказано: «По изверженіи Лже«димитрія, коварное избраніе Шуйскаго, и зависть въ томъ «Голицына, привело на новое безпутство взять съ государя за«пись, которою всю власть, у государя отнявъ, себѣ похитили, «подобно какъ и нынѣ. Избраніе царя Михаила Ѳеодоровича «хотя было порядочно всенародное, но съ такою же записью, «чрезъ что онъ ничего не могъ учинить и возстановить спокой«ствіе народа. Царь Алексѣй Михайловичъ, получа случай са«мому въ Польшѣ управлять, и чрезъ то усилясь, паче часть «самодержавія возвратя, многіе предѣлы отъ Польши отобралъ». Ничего не бывало. Въ нашихъ архивахъ хранятся несомнѣнные документы, удостовѣряющіе каждаго безпристрастнаго изыскателя, что при избраніи Михаила на царство не было и рѣчи о какомъ либо ограниченіи его власти. Сіи документы напечатаны въ Румянцовскомъ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ* ч. I и III, и въ *Описаніи Разряднаго Архива* Иванова, М. 1842.

3.

Вотъ что пишетъ царю Ѳеодору Алексѣевичу Крымскій ханъ Муратъ Гирей въ январѣ 1681 года, извѣщая о заключеніи послами его мира между Россіею и Крымомъ на 20 лѣтъ; договорились: границею быть рѣкѣ Днѣпру, «да за прошлые за три «года казна наша безъ убавки къ намъ прислать, и впредь отъ «нынѣшняго году, казну нашу противъ росписей на размѣнномъ «мѣстѣ отдавать; да братіямъ нашимъ калгѣ салтану и нура-

«дыну салтану, и дѣтямъ нашимъ салтанамъ, и дочерямъ, и 3—4.
«женамъ, и скопцамъ, и карачеямъ, и ближнимъ людямъ, и «агамъ нашимъ, и внутреннимъ отрочатомъ нашимъ, и всѣмъ, «которымъ прежде сего что бывало, посылати, какъ въ роспи-«си написано, всѣ тѣ присылки, и впредь посылать же безъ «убавки. И какъ то все прислано будетъ, мы недругу вашему «недруги будемъ, а другу вашему други будемъ». *Полное Собран. Закон. II. № 854*. Послушаемъ еще Котошихина, такъ хорошо описавшаго Россію временъ царя Алексѣя Михайловича, стр. 45: «Къ Крымскому хану, и къ его царицѣ, и къ царе-«вичамъ, и къ ихъ женамъ, и къ дѣтемъ ихъ, и къ пашамъ, и «къ князьямъ, и къ мурзамъ, и къ ближнимъ людямъ посы-«лаютъ шубы собольи, куньи, бѣльи, покрыты золотомъ, да «шубы жъ лисьи, песцовыя, заечьи, покрыты камкою цвѣт-«ною, однорядки суконныя, кафтаны камчатые, шапки, сапо-«ги, соболи, куницы, лисицы, ежегодъ; а что годъ предъ го-«домъ, съ прибавкою, для того: которые имъ дары не полюбятся, «и они перемѣниваютъ, или къ тому прибавливаютъ; а чего «кому не достанетъ по росписи, и они тѣхъ посланниковъ му-«чатъ, и бьютъ, и въ тюрьмѣ держатъ. А посылаютъ къ нимъ тѣ «поминки для того, чтобъ они на украинные городы войною не «ходили и городовъ и мѣстъ не разоряли; однако они, такіе да-«ры беручи, на то не смотрятъ: чинятъ, что хотятъ. А будетъ «тѣхъ поминковъ на годъ больше 20,000 рублевъ». Сумма не малая по тогдашнему времени, когда весь царскій доходъ простирался до 1,500,000. Въ народѣ было даже повѣрье, что св. Алексѣй митрополитъ заклиналъ не воевать Крымское ханство (которое при немъ впрочемъ еще не существовало), и утѣшать нечестиваго только дарами. Такъ страшны были для насъ Крымскіе хищники!

4.

Изъ *Описи царскаго архива* (временъ Іоанна Грознаго), напечатанной въ *Актахъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею*, I. 354, видно, что по смерти Адашева въ Дерптѣ найдена въ бумагахъ его: *память, что писать въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ*. Значитъ, составленіемъ лѣтописей при Іоаннѣ завѣдывалъ онъ. Такъ называемая *Царственная книга* (изд. Щербатовымъ въ 1769) есть очень подробная и связная исторія осады и покоренія Казани: тутъ много обстоятельствъ, которыя могли быть извѣстны только ближнему совѣтнику Іоанна, приводятся разные акты, недоступные для обыкновеннаго лѣтописца. Все

5—6. это даетъ поводъ думать, что она сочинена подъ надзоромъ Адашева.

5.

Originalanekdoten von Peter dem Großen. Leipzig. 1785. Штелинъ нашелъ предсказаніе Симеона Полоцкаго въ рукописи, которой заглавіе онъ перевелъ такъ: Von der Empfängniß und Geburt des Kaysers Peter des Ersten. Чрезъ два года (1787) эта рукопись была напечатана въ С.-Петербургѣ Ѳ. Туманскимъ, въ его *Собраніи записокъ о Петрѣ Великомъ* (I. 233), подъ заглавіемъ: *О зачатіи и о рожденіи великаго Государя Императора Петра Перваго*, и въ томъ же году издана въ Москвѣ В. Вороблевскимъ со списка, принадлежавшаго библіотекѣ графа Шереметева. Послѣднее изданіе было перепечатано нѣсколько разъ. Ни Туманскій, ни Вороблевскій не знали, кто написалъ сказаніе «о зачатіи и рожденіи Петра Великаго». Оно есть не что иное, какъ отрывокъ изъ перваго тома Исторіи Петра, сочиненной Крекшинымъ. Кромѣ пророчества Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго, Крекшинъ приводитъ еще древнѣйшее предсказаніе о Петрѣ Кирилла Бѣлозерскаго, истолкованное, по его словамъ, въ 7198 Игнатіемъ архимандритомъ Новоспасскимъ. Тотъ же Игнатій находилъ указанія и въ апокалипсисѣ. Всѣ сіи предвѣщанія и толкованія наполняютъ 8 огромныхъ листовъ въ экземплярѣ, поднесенномъ Крекшинымъ императрицѣ Елисаветѣ въ 1742 году. Онъ же разсказываетъ, что св. апостолъ Андрей, водрузивъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ Кіевъ, поставилъ жезлъ тамъ, гдѣ основанъ С.-Петербургъ.

6.

Штелинъ (Originalanekdoten, 368 и 373) говоритъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное письмо Гревія отъ 9 апрѣля 1673. До сихъ поръ думаютъ, что оно хранится въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ. Тамъ есть многія письма Гревія, большею частію филологическаго содержанія; но этого письма, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Любопытные могутъ прочесть его въ Анекдотахъ Штелина.—Въ *Москвитянинѣ на 1842 годъ № 1*, помѣщенъ и гороскопъ Петра Великаго, найденный въ портфеляхъ Миллера. Справедливо замѣтилъ Перевощиковъ (тамъ же, стр. 76), что «какъ сей гороскопъ, такъ и всякій другой унижаетъ тѣхъ людей, которые, занимаясь такимъ вздоромъ, забываютъ, что судьбы человѣчества не въ звѣздахъ, но въ рукѣ Вседержителя».

7. 7—8.

Николай Гейнзій (Heinsius), знаменитый въ свое время знатокъ древностей и нумизматики, родомъ изъ Лейдена, съ 1654 года по 1671 былъ резидентомъ Генеральныхъ Штатовъ въ Стокгольмѣ; отсюда онъ ѣздилъ въ Москву съ особеннымъ порученіемъ своего правительства, въ качествѣ чрезвычайнаго депутата. О посольствѣ его въ Россію есть акты въ Главномъ Московскомъ Архивѣ *(Дѣла Голландскія, связка 13)*. Онъ присланъ былъ съ предложеніемъ посредничества Голландскихъ Штатовъ, для прекращенія порубежныхъ споровъ между Россіею и Швеціею, и съ требованіемъ титулованія Нидерландскаго правительства въ царскихъ грамматахъ «высокомочные господа Штаты». Вступивъ въ Москву 1 октября 1669 года, Гейнзій допущенъ былъ къ аудіенціи не прежде 7 марта 1670 года, въ слѣдствіе споровъ объ этикетѣ: онъ не хотѣлъ ѣхать во дворецъ верхомъ, кажется, по болѣзни ногъ, и требовалъ себѣ кареты. Помирились на саняхъ. Изъ Москвы онъ отправился обратно въ августѣ 1670 года. Доказательствомъ же, что послѣ того, ни въ 1671, ни въ 1672 годахъ, онъ не пріѣзжалъ въ Россію, служатъ письма его, напечатанныя въ *Kohlii Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum. Altonavïae, 1729. p. 29—37*. Въ первомъ, изъ Стокгольма 8 марта 1671, уже по возвращеніи изъ Москвы, онъ увѣдомляетъ Пасторія, что въ Москвѣ онъ жилъ 10 мѣсяцевъ, все время страдалъ недугами, въ особенности жестокою болѣзнію ногъ, познакомился съ ученымъ митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ, и узналъ отъ него, что слово *Царь* есть Славянское. Въ другомъ письмѣ, къ Тицію, изъ Гаги отъ 3 декабря 1671, онъ пишетъ о возвращеніи своемъ подъ кровъ родимый, жалуется на разстроенное здоровье, наиболѣе пострадавшее въ Россіи, и съ ужасомъ вспоминаетъ о Московскомъ путешествіи своемъ. Въ 1672 году, когда наши историки находятъ его въ Москвѣ въ перепискѣ съ Гревіемъ, онъ *былъ въ Бременѣ*, членомъ учрежденной тамъ коммиссіи (Jocher's Allgemeines Gelehrten-Lexicon, подъ словомъ Heinsius). Письмо Гревія есть безъ сомнѣнія выдумка Штелина, котораго мы уличимъ въ послѣдствіи въ другомъ важнѣйшемъ подлогѣ.

8.

Царь Алексѣй Михайловичъ родился 17 марта 1629 года, воцарился 12 іюля 1645, сочетался бракомъ съ Маріею Ильиничною 16 января 1648 года. Отъ сего брака родились: *Ди-*

8—9. *митрій* 23 октября 1648, *Евдокія* 18 февраля 1650, *Мароа* 26 августа 1652, *Алексѣй* 5 февраля 1654, *Анна* 23 января 1655, *Софія* 17 сентября 1657, *Екатерина* 27 ноября 1658, *Марія* 18 января 1660, *Θеодоръ* 30 мая 1661, *Θеодосія* 28 мая 1662, *Симеонъ* 3 апрѣля 1665, *Іоаннъ* 27 августа 1666, *Евдокія* 26 февраля 1669.

9.

Нарышкины не принадлежали къ числу людей родословныхъ и до втораго брака царя Алексѣя Михайловича не занимали мѣстъ почетныхъ. Имя ихъ не встрѣчается до 1670 года въ напечатанныхъ доселѣ актахъ государственныхъ, и общественное положеніе предковъ царицы Наталіи Кирилловны осталось загадкою для историковъ. Единственное указаніе помѣщено въ *Родословной книгѣ*, изданной Миллеромъ въ 1787 году, гдѣ сказано (II. 350): «Нарышкины выѣхали изъ Крыма; названіе при«няли отъ предка, прозывавшагося Нарышко». Это указаніе заимствовано изъ родословной, представленной фамиліею Нарышкиныхъ въ Розрядъ. Въ какой степени оно достовѣрно, рѣшить трудно; впрочемъ дѣло все остается темнымъ. Новѣйшіе писатели еще болѣе затемнили его выдумками нелѣпыми. Въ *историческомъ, географическомъ и статистическомъ журналѣ на 1827 годъ* (мѣсяцъ іюнь, стр. 217), въ статьѣ «Исторія и археологическія достопамятности Рязанской губерніи» напечатано слѣдующее: «Въ 25 верстахъ отъ «города Михайлова (Рязанской губерніи) стоитъ селеніе Кир«кино; жители большею частію дворяне (однодворцы?). «Тамъ сохранился изустный разсказъ, что царица Наталія «родилась въ Киркинѣ, и что Матвѣевъ, проѣзжая случайно «то селеніе, увидѣлъ плачущую дѣвицу и полюбопытствовалъ «спросить о причинѣ ея слезъ. Услышавъ, что причиною «печали была насильственная смерть ея дѣвки, самовольно «удавившейся, добрый бояринъ взялъ ее къ себѣ на воспи«таніе. Въ этомъ селеніи и понынѣ говорятъ: если бы не «удавилась дѣвка въ Киркинѣ, не быть бы на свѣтѣ Петру». Основываясь на этомъ вздорѣ, извѣстный подъ именемъ графа Алмагро, авторъ сочиненія *Notice sur les principales familles de la Russie (Paris*, 1843*)* придумалъ другую басню. На стр. 80 онъ говоритъ о Нарышкиныхъ: Leur vrai nom est *Yarichkine*, et leur noblesse date de l'an 1670. Ils étaient des laboureurs du village de Staro-Kirkino, situé à vingt verstes de la ville de Mikhailow.... Cyrille Yarychkine, trouvant son nom ignoble (le

nom prête à une sale équivoque) obtint, pour lui et ses cousins, 9.
l'autorisation de s'appeler *Naryschkine*». Полевой, вѣря и не вѣря разсказу о Киркинскомъ происшествіи, сообщаетъ другую новость: «Наталія Кирилловна до замужества такъ была бѣдна, что сама хаживала въ лѣсъ за грибами». *(Обозрѣніе Русск. истор. примѣч. 8)*. Это извѣстіе онъ нашелъ въ сочиненіи Коллинса, бывшаго 9 лѣтъ докторомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, *The present state of Russia*. Но Коллинсъ во всемъ сочиненіи своемъ говоритъ о царицѣ Маріи Ильиничнѣ, а не о Наталіи Кирилловнѣ, которой онъ не зналъ и не могъ знать: первое изданіе его книги напечатано въ 1667 году, когда еще жива была царица Марія Ильинична. Коллинсъ ясно говоритъ объ ней; вотъ слова его (стр. 57): Eliah the present Emperours Father in law was of so mean account, that within this twenty years he drew wine to some English men, and his daugther gather'd Mushrooms, and sold them in the Market. (Илія, тесть нынѣ царствующаго императора, произошелъ изъ такого незнатнаго состоянія, что за 20 лѣтъ предъ симъ онъ подносилъ вино нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ Англичанъ, а дочь его ходила по грибы и продавала ихъ на рынкѣ). Баснословитъ и Коллинсъ, потому что еще въ 1643 году, слѣдовательно за 24 года до изданія его сочиненія, Илія Милославскій былъ *отправленъ посланникомъ къ Турецкому султану;* а отецъ его Данило Ивановичъ Милославскій былъ въ 1621 году Туринскимъ воеводою, то есть областнымъ правителемъ. *(Собраніе Госуд. грам. и догов. III. № 54)*. При всемъ томъ ошибка иноземца извинительнѣе смѣшнаго недосмотра нашего историка.

Всѣ сіи толки о Киркинѣ, о ярыжкѣ, о грибахъ, уничтожаются сами собою слѣдующими *оффиціальными* извѣстіями, извлеченными мною въ Москвѣ изъ *Боярскихъ книгъ*, хранящихся въ Сенатскомъ Розрядномъ архивѣ, о службахъ и помѣстьяхъ дѣда и отца Наталіи Кирилловны. Боярскія книги составлялись ежегодно изъ списковъ бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и городовыхъ, жильцевъ, дѣтей боярскихъ, головъ и полуголовъ стрѣлецкихъ и другихъ начальныхъ людей, съ означеніемъ при нѣкоторыхъ лицахъ количества помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Самыя древнія изъ боярскихъ книгъ истреблены во время Самозванцевъ; спаслись было 7081 и 7119 годовъ (1573 и 1611); но и тѣ погибли во время нашествія Наполеона. Уцѣлѣли книги только съ 7135 (1627), и о службѣ Нарышкиныхъ прежде сего времени никакихъ извѣстій не осталось.

9. Въ Боярской книгѣ 7135 года (1627) на 414 листѣ, въ числѣ дворянъ по городу Тарусѣ, показанъ: «*Полуехтъ Ивановъ* «*сынъ Нарышкинъ*. Помѣстный окладъ ему 600 чети; служитъ «по выбору».

Въ книгѣ 7137 года (1629): «*Полуехтъ Ивановъ сынъ На*«*рышкинъ*» также значится въ числѣ дворянъ, служащихъ по выбору. На полѣ противъ имени ето отмѣчено: «убитъ подъ «Смоленскомъ въ 7141 году» (1633).

Въ книгѣ 7166 года (1658) на 182 листѣ сказано: «Кирилло «да Ѳедоръ Полуехтовы дѣти Нарышкины по жилецкому спис«ку. Въ боярской книгѣ 155 года (1647) оклады имъ съ при«дачами: Кириллу помѣстный 850 чети, денегъ 38 рублевъ; «Ѳедору 820 чети, денегъ 40 рублевъ». На полѣ противъ нихъ отмѣчено: «Да Ѳедоружъ, что онъ раненъ подъ Коното«помъ на приступѣ въ 167 году (1659), придано 100 чети, «денегъ 5 рублевъ за Конотопскую службу. Тогожъ году, что «онъ былъ у стрѣльцевъ полуголова, 150 чети, денегъ 10 руб«левъ. Кириллужъ 174 года (1666) мая въ 11 день, по памяти «изъ Стрѣлецкаго приказу за приписью дьяка Патрекѣева, для «новства, что велѣно быть у стрѣльцовъ въ головахъ, велѣно «придачи учинить помѣстной 100 чети, денегъ 12 рублевъ».

Въ книгѣ 7176 (1668) оба братья записаны такъ:

«Стряпчіе
«Рейтарскаго строю:
«Кирилло Полуехтовъ Нарышкинъ.
«Ѳедоръ Полуехтовъ Нарышкинъ».

Въ книгѣ 7179 сказано: «Въ нынѣшнемъ 179 году великій «государь пожаловалъ въ думные дворяне изъ стольниковъ: «ноября въ 27 день (1670) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; «февраля въ 7 день (1671) Кирилло Полуехтовичъ Нарыш«кинъ».

Въ книгѣ 7180: «Въ нынѣшнемъ 180 году мая въ 30 день «(1672) великій государь пожаловалъ въ окольничіе изъ дум«ныхъ дворянъ:

«Кирилло Полуехтовичъ Нарышкинъ.
«Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ».

Въ той же книгѣ: «Въ 180 году великій государь пожаловалъ «въ думные дворяне: мая въ 30 день (1672) Ѳедоръ Полуехто«вичъ Нарышкинъ».

Въ книгѣ 7181: «Въ нынѣшнемъ въ 181 году великій госу«дарь пожаловалъ въ бояре: ноября въ 27 день (1673) изъ «окольничихъ Кирилло Полуехтовичъ Нарышкинъ». На полѣ

отмѣчено: «И 182 года мая въ 9 день (1674) великаго государя 9—10.
«жалованья учиненъ ему денежный окладъ вновь пять сотъ «рублевъ».

Такимъ образомъ, несомнительные акты свидѣтельствуютъ, что еще въ началѣ XVII вѣка Нарышкины занимали не послѣднюю степень въ сословіи Русскаго дворянства, и первый достовѣрный представитель ихъ дома, дѣдъ царицы Наталіи Кирилловны, *Полуехтъ Ивановичъ*, принадлежалъ и по окладу помѣстному, и по службѣ, къ числу значительнѣйшихъ помѣщиковъ Тарусскихъ: владѣя 600 четей, онъ служилъ по *выбору*, т. е. въ первой статьѣ дворянъ (вторую составляли помѣщики, служившіе по дворовому списку, третью по городовому, или, какъ тогда говорили, *съ городомъ*); къ сожалѣнію, не знаемъ объ немъ никакихъ подробностей; но смерть его подъ стѣнами Смоленска, на полѣ чести, удостовѣряетъ, что онъ не жалѣлъ себя для отечества. Дѣти его стали выше отца и по службѣ и по окладамъ: въ 1647 году Кириллъ Полуехтовичъ имѣлъ уже 850 четей помѣстнаго оклада, а Ѳедоръ Полуехтовичъ 820 четей; кромѣ того, изъ городовыхъ дворянъ въ 1658 году были переведены въ разрядъ *жильцовъ*, составлявшій первую степень царедворцевъ, и меньшой братъ вскорѣ отличился мужествомъ на приступѣ Конотопскомъ. Кириллъ Полуехтовичъ, отецъ царицы, уже въ 1666 году былъ стрѣлецкимъ головою, или полковникомъ, и прежде, чѣмъ дочь его вступила въ бракъ съ государемъ, имѣлъ значительное при дворѣ званіе *стольника*. По всей вѣроятности, онъ подружился съ Матвѣевымъ во время воинскихъ походовъ, когда оба они были стрѣлецкими полковниками. Дочь его была не бѣдною сиротою: отецъ ея владѣлъ до 1.000 четей; да и мать, Анна Леонтьевна (которую такъ уважалъ великій внукъ за твердость душевную), происходила не изъ послѣдняго дома Раевскихъ. Слова Шакловитаго, который, какъ увидимъ въ послѣдствіи, отзывался о Наталіи Кирилловнѣ предъ царевною Софіею: «вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила», если бъ были и справедливы, по какому либо неизвѣстному обстоятельству, не уничтожаютъ благороднаго происхожденія и заслугъ Нарышкиныхъ.

10.

Штелину (Originalanekdoten, стр. 3) и Голикову (*Допол. къ Дѣян. III. 137*). Сегюръ, знавшій лично графиню Румянцову въ восмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, говоритъ объ

10—13. ней слѣдующее: «Je ne passerai pas sous silence la vieille com«tesse Romanzoff mère du maréchal, et alors presque centenaire. «Son corps paralysé marquait seul sa vieillesse; sa tête était plei«ne de vie; son esprit, de gaîté; son imagination, de jeunesse; «comme elle avait beaucoup de mémoire, sa conversation était «aussi attrayante et instructive qu'une histoire bien ecrite. 'Elle «avait vu poser la première pierre de Pétersbourg: ainsi ces «mots, *vieille comme les rues*, n'auraient point été pour elle une «locution exagérée *(Mémoires, II. 251)*.

11.

См. его сочиненіе: *De rebus Moschoviticis ad Ser. Magnum Hetruriae Ducem Cosmum III. Patavii, 1680, pag. 97*. Рейтенфельсъ, сынъ секретаря Польскаго короля Яна Казимира, былъ въ Россіи въ 1671—1673 годахъ, потомъ долго жилъ при дворѣ Тосканскаго герцога Козьмы III. Онъ писалъ свое любопытное посланіе къ герцогу въ 1676 году.

12.

О Милославскомъ и Стрешневѣ свидѣтельствуетъ Матвѣевъ въ челобитной къ царю Ѳеодору Алексѣевичу изъ Пустозерска *(Исторія невиннаго заточенія его*, изд. Новиковымъ, 1785, стр. 162); о дочери Всеволожскаго или Всеволодскаго есть акты въ *Собр. Госуд. Грам.*, изд. Румянцовымъ, III. 479, и въ *Актахъ Археогр. Экспед. IV. 31*.

13.

Накапунѣ свадьбы царь былъ въ Крестовой палатѣ у патріарха Іосафа, для благословенія на законный бракъ. Патріархъ поднесъ ему икону Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ чеканномъ окладѣ. Въ день брака, утромъ, царь снова ходилъ къ патріарху за благословеніемъ и, принявъ другой образъ, подобный первому, отправился въ Успенскій соборъ. Послѣ литургіи совершенъ обрядъ вѣнчанія царскимъ духовникомъ, Благовѣщенскимъ протопопомъ Андреемъ *(Древн. Росс. Вивл. VI. 308)*. На царственномъ женихѣ было слѣдующее платье: *ферезея*, сукно скорлатъ бѣлъ, исподъ пластины собольи, кружево нѣмецкое плетеное золотное съ городы, образцы низаны жемчюгомъ съ запаны по алому бархату; *ферези*, атласъ кизылбаскій по рудожелтой землѣ, травы серебряны, листье шелкъ разныхъ цвѣтовъ, исподъ пупки собольи съ пухомъ, завязки и столпцы и кисти золотныя, тканы съ зеленымъ шел-

комъ; *зипунъ,* атласъ бѣлъ, безъ обнизи; *шапка,* бархатъ алъ двоеморхъ, съ большими запаны; *ожерелье* пристяжное перваго наряду; *посохъ* индѣйскій съ каменьи перваго наряду; *ичетоги* и *башмаки,* сафьянъ желтъ (*Выходы царей,* изд. Строевымъ 1844, стр. 541). Нарядъ невѣсты неизвѣстенъ. Въ чинахъ свадебныхъ были: *въ отцево мѣсто* бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій (составившій съ княземъ Волконскимъ Уложеніе); *тысяцкимъ* Грузинскій царевичъ Никула Давыдовичъ; *дружками*: у жениха бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, у невѣсты Голохвастовъ; *свахами* княгиня Анна Михайловна Одоевская, княг. Троекурова, княг. Хилкова и Голохвастова; въ *сидячихъ:* у жениха царевичи Василій Аросланова Касимовскій и Петръ Алексѣевичъ Сибирскій; у невѣсты царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ Сибирскій и окольничій кн. Борисъ Ивановичъ Троекуровъ; у *государевой свѣчи* стольники князь Хилковъ и П. Волынскій; *поѣздъ наряжалъ* окольничій Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ съ думнымъ дьякомъ Титовымъ; *конюшимъ* бояринъ князь Григорій Сунгалѣевичъ Черкаскій; у *саней* невѣсты окольничій кн. Д. А. Долгорукій съ дворянами по списку; у *сѣнника* (опочивальни) бояринъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій и думный дворянинъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ *(Древн. Рос. Вив. XIII. 233).* На другой день послѣ бракосочетанія, царица присылала патріарху *овощи* съ спальникомъ Голохвастовымъ. *Радостный* столъ былъ въ Грановитой палатѣ 7 февраля *(Древн. Рос. Вив. VI. 309).* 13—14.

14.

О рожденіи Петра сохранилась розрядная записка, напечатанная Туманскимъ въ изданномъ имъ *Собраніи записокъ о Петрѣ Великомъ, V. 118*: Тамъ сказано, что Петръ родился 30 мая въ четвертокъ *за полтретья часа до дня.* Полевой *(Обозр. Русской Истор. 6)* вообразилъ, что это значитъ *утромъ.* Но часы дня въ старину считались съ солнечнаго восхожденія (см. *Баронъ Мейербергъ,* изд. Аделунгомъ, стр. 269); полтретья часа составляютъ $2^1/_2$ часа; а какъ солнце въ Москвѣ 30 мая всходитъ въ 3 ч. 18 мин., то Петръ родился не утромъ, а ночью, минутъ чрезъ 50 по полуночи.—По словамъ Крекшина *(Зап. Рус. людей, 10),* царица разрѣшилась отъ бремени не въ Москвѣ, а въ селѣ Измайловѣ; по словамъ же стихотворца Сумарокова, въ селѣ Коломенскомъ. Оба мнѣнія равно неосновательны, какъ доказалъ уже Миллеръ *(Туман. Собр. Запис. V. 117).* Странно, что послѣ доводовъ Миллера, Калайдовичъ

14—16. счелъ нужнымъ предложить вопросъ *о мѣстѣ рожденія Петра* (*Русск. Зрит. № 1, стр. 6*): въ Розрядѣ записывались всѣ выѣзды царя, даже въ подгородное село Преображенское; о поѣздкѣ же его въ Измайлово или въ Коломенское предъ разрѣшеніемъ царицы не сказано ни слова. Въ дворцовой запискѣ о рожденіи Петра (*Туман. Собр. Запис. V. 182.*) именно замѣчено, что государь велѣлъ послать съ вѣстью о рожденіи царевича къ ближнимъ людямъ *съ Верху отъ тайныхъ, дѣлъ*, т. е. изъ Кремлевскаго дворца, *во 2 часу дни* (Розрядн. записка); слѣдовательно, чрезъ часъ по восхожденіи солнца, былъ уже въ *Успенскомъ соборѣ*, а не въ церкви Коломенскаго дворца или Измайловскаго. И тѣмъ менѣе можно сомнѣваться о рожденіи Петра во дворцѣ Кремлевскомъ, что объ Измайловѣ упоминаетъ только баснословецъ Крекшинъ, а о Коломенскомъ стихотворецъ Сумароковъ.

15.

Несправедливо пишутъ Голиковъ и Бергманъ, слѣдуя Крекшину, что Петра крестилъ патріархъ: патріаршій престолъ былъ праздeнъ отъ 17. февраля 1672 г., когда умеръ Іоасафъ, до 5 іюля, когда избранъ Питиримъ. Полевой днемъ крещенія Петра считаетъ 28 іюня (*Обозр. Рус. ист.* 6 и прим. 12), основываясь на *объявленіи*, напечатаномъ въ *Полн. Собр. Закон.* (I. стр. 905), гдѣ число не означено а сказано только: «въ субботу на праздникъ св. апостолъ Петра и Павла». Онъ думалъ, что выраженіе *на* праздникъ, значитъ *наканунѣ* праздника; но ему слѣдовало заглянуть въ Розрядную записку (*Тум. V. 118*), гдѣ также сказано, что Петръ родился въ четвертокъ *на память* Исаакія Далмацкаго. Если 30 мая было въ четвертокъ, то суббота въ концѣ іюня могла быть не иначе, какъ 29 числа. Да и въ самой запискѣ именно означено, что Петръ родился 30 мая, а крещенъ 29 іюня.

16.

За столомъ были: митрополиты Новгородскій Питиримъ (чрезъ два дня возведенный въ санъ патріарха), Астраханскій Парееній, Крутицкій Павелъ, Рязанскій Иларіонъ, Нижегородскій Филаретъ; архіепископы Смоленскій, Суздальскій, Коломенскій, епископъ Архангельскій, 11 архимандритовъ, 2 келаря Троицкій и Чудовскій, 2 старца (въ числѣ ихъ *учитель* Симеонъ Полоцкій), 6 игумновъ, до 50 человѣкъ низшаго духовенства бѣлаго и чернаго, болѣе 80 пѣвчихъ, царевичи Грузин-

скій, Касимовскій и Сибирскій, 11 бояръ, 9 окольничихъ, 10 думныхъ дворянъ, 6 думныхъ дьяковъ, 1 дьякъ тайныхъ дѣлъ, 16 комнатныхъ стольниковъ, 12 Московскихъ дворянъ, 1 ясельничій, именитый человѣкъ Строгановъ, 46 полковниковъ, головъ и полуголовъ стрѣлецкихъ, 6 бояръ и дворянъ Грузинскаго царевича, 2 посланника Черкасскіе, 16 гостей, 76 человѣкъ выборныхъ изъ гостиной, суконной, черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ. Въ то же время былъ столъ у царицы въ ея деревянныхъ хоромахъ: тутъ, между прочими, находились отецъ ея и окольничій Матвѣевъ *(Двор. запис. у Туман. V. 181—202.)*

17.

Онъ пишетъ, что когда Петру исполнилось три года, и въ день тезоименитства его гости и купцы принесли разныя игрушки, царевичу особенно понравились сабля и ружье, съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ не разставался; часто засыпалъ съ своею саблею, а ружье ставилъ близъ постели, «якобы къ оборонѣ и защищенію здравія»; что отецъ, видя въ немъ воинскую охоту, велѣлъ набрать полкъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ, наименовалъ его *Петровымъ*, а полковникомъ назначилъ трехлѣтняго царевича, приказавъ рапортовать ему обо всемъ, по обычаю военному; что младенецъ Петръ, побуждаемый врожденною храбростію, единственное удовольствіе находилъ въ ученіи военномъ; другихъ же забавъ не терпѣлъ. Вѣримъ, что Петру могли полюбиться сабля и ружье: какому дитяти не нравятся подобныя игрушки? Но *Петровъ полкъ*, выдумка Крекшина. Вѣроятно, онъ прочиталъ въ запискахъ графа Матвѣева *(Собр. Тум. I. 134)*, «что отецъ его, Артемонъ Сергѣевичъ, по «кончинѣ царя Михаила Ѳеодоровича, произведенъ въ полков«ники къ третьему полку, который тогда назывался Петров«скимъ, былъ въ зеленыхъ мундирахъ, стоялъ за Петровскими «воротами за Бѣлымъ городомъ», и вообразилъ, что этотъ полкъ, бывшій еще при царѣ Михаилѣ, сформированъ для Петра!

18.

Этотъ случай разсказываетъ очевидецъ, секретарь цесарскаго посольства Адольфъ Лизекъ, бывшій въ Москвѣ въ 1675 году. См. *Relatio eorum, quae circa Sac. Caes Maiest. ad magnum Moscorum Czarum Ablegatos A. F. de Bottoni et J. C. Terlingerenum de Guzmann, anno* 1675 *gesta sunt, strictim recensita per Adolphum Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.*

19—22.

19.

Изъ *Выходовъ царей,* изд. Строевымъ, видно, что царица всю осень 1672 года провела въ Преображенскомъ съ царевичами и царевнами; можетъ быть, и лѣто (начало выходной книги 1672 года утрачено); 2 ноября была тамъ комедія; дѣйствовали Нѣмцы. Царское семейство возвратилось въ Москву 14 ноября. Осенніе мѣсяцы 1673 утрачены. Въ 1674 году государь переѣхалъ въ Преображенское со *всѣмъ домомъ* своимъ, 25 октября. Царица возвратилась въ Москву съ семействомъ 13 декабря. Въ 1675 царь также со всѣмъ домомъ своимъ переѣхалъ въ село Преображенское 9 ноября и пробылъ тамъ до 15 декабря. Всѣ выѣзды царя Өеодора записаны въ *Выходныхъ книгахъ:* онъ посѣтилъ Преображенское въ первый разъ, проѣздомъ изъ Троицкой лавры, 1 октября 1680 года; слѣдовательно чрезъ 4 года и 8 мѣсяцевъ по кончинѣ отца.

20.

Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за Сокольничимъ полемъ, въ 7-ми верстахъ отъ Кремля; нынѣ находится въ чертѣ города и составляетъ 2-й кварталъ Покровской части; заселено большею частію фабричными; царскихъ хоромъ нѣтъ и слѣда.

21.

Какою именно болѣзнію умеръ царь Алексѣй, мы не знаемъ. 6 января въ полномъ царскомъ облаченіи онъ ходилъ на іордань; 12 января, въ день тезоименитства сестры своей, царевны Татьяны Михайловны, слушалъ литургію въ церкви препод. мученицы Евдокіи и жаловалъ бояръ именинными пирогами *(Царскіе выходы,* изд. Строевымъ, 631); 19 января была во дворцѣ комедія съ музыкою; царь чувствовалъ себя уже нездоровымъ, какъ свидѣтельствуетъ фанъ Кленкъ; а чрезъ 10 дней скончался. — Любопытные могутъ прочесть въ *Запискахъ Русскихъ людей* (изд. Сахаровымъ) выдуманныя Крекшинымъ прощальныя рѣчи умирающаго царя къ царицѣ и дѣтямъ.

22.

Өеодоръ родился 30 мая 1661 года; слѣдовательно при воцареніи, 29 января 1676 года, ему было 14 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Въ грамматѣ о восшествіи его на престолъ отъ 2 февраля 1676

(*Акты Археогр. Эксп. IV, 281)* сказано: что царь Алексѣй Ми- 23.
хайловичъ скончался въ 4 часу ночи на 30 января; «а отходя
«сего свѣта державу всея Россіи пожаловалъ приказалъ намъ и
«на свой престолъ благословилъ насъ, сына своего». Въ *Theatrum Europaeum* (XI. 928) замѣчено, что царь Алексѣй наименовалъ преемникомъ себѣ Ѳеодора за три часа до кончины.

23.

Такъ говорятъ Андрей Хризостомъ *Залускій*, епископъ Вармійскій, въ письмѣ отъ 1 іюня 1676 года къ Галеасу Марескоти, папскому нунцію въ Испаніи, описывая коронацію Яна III (*Andr. Chrysos. Zaluski, episcopi Varmiensis, Epistolarum historicofamiliarium tomus primus, pag.* 600. *Brunsbergae* 1709), и бывшій въ Москвѣ въ 1678 году при Польскомъ посольствѣ казначеемъ Богемецъ *Таннеръ* (*Legatio polonolithuanica in Moscoviam anno* 1678 *suscepta, nunc breviter descripta a teste occulato Bernh. Tannero. Norimbergae*, 1689. *pag.* 126). Залускій пишетъ: «По кончинѣ царя Алексѣя, оста-
«лись три сына: старшій Ѳеодоръ, отъ перваго брака, былъ
«почти 16 лѣтъ, и принялъ кормило правленія. Вельможи ста-
«рались уничтожить замыслы мачихи, желавшей возвести на
«престолъ младшаго сына. Она склонила на свою сторону срод-
«ника своего, главнаго министра Артемона, который охотно
«взялся помогать возвышенію кровнаго родственника. Предви-
«дя, что умирающаго царя будутъ отклонять всѣми способами,
«если мать явно станетъ искать короны своему младенцу, Ар-
«темонъ не совѣтывалъ показывать его въ послѣднія минуты
«жизни отца, считая достаточнымъ одно объявленіе наслѣдни-
«комъ престола. До совершеннолѣтія царя онъ самъ думалъ
«управлять государствомъ. Такимъ образомъ онъ дѣйствовалъ
«въ пользу матери, еще болѣе въ свою собственную. Не всегда
«однакожъ сбываются надежды, какъ разсказываетъ поэтъ о
«воронѣ, разинувшей ротъ. Случилось, что когда царь испу-
«скалъ духъ, не было при немъ ни царицы, ни Артемона; на-
«ходилась только толпа вельможъ, благопріятствовавшихъ Ѳео-
«дору. Окружая смертный одръ, они умоляютъ царя, если уже
«вѣчность съ завистью хочетъ отнять его отъ земли, назна-
«чить себѣ преемникомъ старшаго сына, Ѳеодора, предопре-
«дѣленнаго самымъ рожденіемъ, и вмѣстѣ съ молокомъ напоен-
«наго надеждою на корону. Некогда было думать. Царь былъ
«нареченъ, когда вбѣжала въ спальню царица, чтобы просить
«за своего сына; ее допустили къ царю не прежде, какъ онъ

—21 «уже скончался. Легко уступилъ бы царь просьбамъ царицы: «Θеодоръ былъ слабаго здравія, и, по несправедливому внушенію нѣкоторыхъ вельможъ, казался отцу неспособнымъ «къ правленію. Средняго сына сама природа удалила отъ престола, лишивъ его зрѣнія. Съ перемѣною правительства погибло счастіе Артемона. Новый царь вызвалъ изъ заточенія «своего дѣда, сосланнаго Артемономъ, а его самого осудилъ на «изгнаніе. Плачевный примѣръ непостоянства фортуны!»

По словамъ Таннера, Матвѣеву воспрепятствовалъ возвести Петра на престолъ князь Долгорукій: «Вышеупомянутый Артемонъ», говоритъ онъ «превосходя всѣхъ вельможъ умомъ, хотѣлъ съ своими единомышленниками доставить корону младшему царевичу, котораго считали способнѣе Θеодора. Долгорукій съ своими сообщниками желалъ видѣть на престолѣ старшаго. Они долго спорили и боролись. Народъ присталъ къ Долгорукому и царемъ провозглашенъ Θеодоръ». Залускій и Таннеръ не были въ Москвѣ при кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, писали очевидно по слухамъ, и противорѣчащіе разсказы ихъ въ дѣлѣ столь важномъ, безъ другихъ свидѣтельствъ, болѣе положительныхъ и достовѣрныхъ, вѣса имѣть не могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поводомъ къ этимъ толкамъ послужила ссылка Матвѣева, погибшаго отъ зависти бояръ.

21.

Матвѣевъ, достовѣрно, управлялъ Посольскимъ приказомъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1676 года, слѣдовательно около полугода по воцареніи Θеодора: 15 іюня онъ объявилъ царскую волю на просьбу полковника Фанъ-Фростена; воеводою же на Верхотурье назначенъ 4 іюля 1676 года *(Древн. Вивл. XX. 370)*, и отправился туда водою. Остановили его на пути въ Лаишевѣ въ ноябрѣ 1676 года. Залускій говоритъ о ссылкѣ его въ письмѣ отъ *1 іюня 1676* (см. выше, примѣч. 23): по всей вѣроятности число этого письма не вѣрно, какъ и во многихъ другихъ письмахъ его; наприм. на стр. 988, подъ годомъ 1686, помѣщено письмо Залускаго къ Малаховскому отъ *24 февраля* о прибытіи во Львовъ Русскихъ пословъ Шеремета и Никанора, и о подтвержденіи королемъ заключеннаго въ Москвѣ Польскими послами трактата: этотъ трактатъ подписанъ *26 апрѣля 1686 года*; Шереметевъ прибылъ во Львовъ 26 сентября, трактатъ ратификованъ королемъ 12 декабря. Слѣдовательно Залускій могъ писать отъ 24 февраля не 1686, а 1687 года. Такая же, вѣроятно, ошибка издателя въ годѣ и въ письмѣ его о Матвѣевѣ.

25. 25—27.

О воспитаніи сына свидѣтельствуетъ самъ Матвѣевъ въ первой челобитной къ царю изъ Пустозерска *(Истор. о невин. заточ. 39)*. Тамъ же упоминаетъ онъ о своихъ собственныхъ *историческихъ* трудахъ; имъ составлены слѣдующія книги: «1) Всѣхъ великихъ князей Московскихъ и всея Россіи само«держцевъ персоны, титла и печати, какъ они, великіе госуда«ри, сами себя описывали. 2) Избраніе и посылка на Костро«му, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на «царство царя Михаила Ѳеодоровича. 3) Исторія въ лицахъ «государей Московскихъ».

26.

Такъ описываетъ Петра извѣстный путешественникъ Кемферъ, видѣвшій его на другой годъ по воцареніи, слѣдовательно на 11 году возраста, и думалъ, что ему не менѣ 16-ти лѣтъ, (см. отрывки изъ Дневника его въ сочиненіи Аделунга: *Баронъ Мейербергъ, стр. 338*).

27.

О фамиліи Грушецкихъ почти ничего неизвѣстно. Въ *Theatrum Europaeum* (XII. 178) сказано, что царь Ѳеодоръ избралъ Агаѳію Семеновну (*Ophimia Rontefsky*) изъ числа многихъ дѣвицъ, что родители ея были не знатные, но благородные люди, и что родной дядя царицы съ матерней стороны Семенъ Ивановичъ Заборовскій, по совершеніи брака, пожалованъ въ *бояре*. Боярина Заборовскаго по спискамъ сановниковъ того времени не было, а упоминается думный дворянинъ Семенъ Заборовскій. — Въ кабинетныхъ бумагахъ Петра, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ *(Отдѣленіе II, книга 39)*, есть просьба въ Тайную канцелярію жильца Ивана Грушецкаго о возвращеніи ему деревни Турыкиной, отписанной у Сибирскаго царевича Василія, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Изъ этой просьбы видно, что за царевичемъ Василіемъ въ первомъ бракѣ была тетка просителя, *Анна Семеновна дочь Грушецкаго*, которая предъ смертью своею въ 1711 году поступила означенную деревню (данную за нею въ приданое) сестрѣ своей боярынѣ *Ѳеклѣ Семеновнѣ*, вдовѣ князя Ѳедора Урусова. Вѣроятно, обѣ онѣ были родныя сестры царицы Агаѳіи Семеновны. Странно, что племянникъ ея остался *жильцомъ*, т. е. на первой низшей степени царедворцевъ, между тѣмъ, какъ родственники другихъ царицъ, Стрешневы, Милославскіе,

28—30. Нарышкины, Апраксины, Салтыковы, Лопухины, выходили большею частію въ знатные люди.

28.

Берхъ пишетъ *(Царств. Ѳеод. Алекс.)*, что царица скончалась чрезъ десять дней по рожденіи сына, вопреки свидѣтельству современныхъ актовъ *(Полн. Собр. Закон. II. 331)*: царица разрѣшилась отъ бремени 11 іюля 1681 года, а 14 іюля преставилась. Царевичъ умеръ 21 іюля *(тамъ же, 341)*.

29.

Ѳеодоръ скончался 20 лѣтъ 11 мѣсяцевъ (род. 30 мая 1661, ум. 27 апрѣля 1682). О родѣ Апраксиныхъ сохранились слѣдующія извѣстія въ бумагахъ адмирала Ѳ. М. Апраксина: «Къ великому князю Олегу Рязанскому, сопернику Димитрія Донскаго, выѣхалъ изъ Золотой орды потомокъ ордынскихъ владѣтелей Солохмиръ, принявшій св. крещеніе съ именемъ Іоанна и получившій руку родной сестры Олеговой, Анастасіи, за которою великій князь далъ ему въ удѣлъ Веневу, Михайловъ Верхъ, Деревнъ и Безпуцкій станъ. У Солохмира были дѣти Григорій, Іоаннъ Кончепъ и Михайло, служившіе князьямъ Рязанскимъ въ боярахъ. Сынъ Іоанна Кончена Андрей, прозваніемъ *Апракса*, былъ родоначальникомъ фамиліи Апраксиныхъ. Внуки его, Ерофей Ярецъ и Прокофій Апраксины, перешли въ службу государю Московскому Іоанну Васильевичу (Великому) и получили отъ него отчины въ Муромѣ, Владимірѣ, Запольѣ, Стародубѣ; а преемникъ Іоанна далъ Прокофію Апраксину городъ Гороховецъ. Внукъ Ерофея Ярца Петръ Никитичъ служилъ воеводою въ Московское разореніе (въ смутное время). Сынъ Петра Никитича Василій, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ воеводою въ Сѣвскѣ. Сынъ Василія Петровича, Матвѣй Васильевичъ, также служилъ государю и убитъ Калмыками въ 7176 (1668) году. Послѣ Матвѣя Васильевича остались сыновья Петръ, Ѳедоръ и Андрей, бывшіе комнатными стольниками при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и дочь Марѳа Матвѣевна, вторая супруга царя Ѳеодора».

30.

При избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство, всѣ чины государственные присягали ему «*по записи*, какова по совѣту всей земли уложена» (*Актъ избранія его* въ *Собр. Госуд. Грам. и Догов. III. 4)*. Въ записи этой сказано *(тамъ же, стр. 14)*: «Цѣлую сей святой животворящій крестъ Господень государю

«своему царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея 31.
«Русіи, и его царицѣ и великой княгинѣ, и ихъ *царскимъ дѣ-*
«*тямъ*, которыхъ имъ, государямъ, Богъ дастъ, на томъ: слу-
«жити мнѣ ему государю своему и прямить и добра хотѣть во
«всемъ безъ всякія хитрости, и проч».

31.

Старшій сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, былъ торжественно *объявленъ* народу 1 сентября 1667 года, 13 лѣтъ 8 мѣсяцевъ; по смерти его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ также торжественно былъ объявленъ отцемъ 1 сентября 1674 года, 13 лѣтъ 3 мѣсяцевъ *(Полн. Собр. Закон. I. стр. 719 и 987)*. Въ оба раза обрядъ объявленія заключался въ слѣдующемъ: 1 сентября, въ день Новаго года, рано утромъ, бояре, окольничіе и думные люди собирались во дворецъ, въ передней палатѣ. Государь выходилъ къ нимъ изъ внутреннихъ покоевъ, садился на свое царское мѣсто, и приказывалъ боярамъ и людямъ думнымъ также сѣсть. Посидѣвъ немного, государь молился и, послѣ молитвы подозвавъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ, говорилъ имъ: «Приспѣлъ часъ сына нашего, благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича (или Ѳеодора Алексѣевича) всемогущему Господу Богу дать въ послуженіе, ввести его въ святую, соборную и апостольскую церковь и объявить богомольцамъ нашимъ, святѣйшему патріарху, всему освященному собору, вамъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ Московскаго государства». Послѣ того, государь молился въ церкви нерукотвореннаго Спаса, возвращался во внутренніе покои и снова выходилъ къ думнымъ людямъ въ переднюю палату, уже сопровождаемый царевичемъ, котораго вели дядьки. Бояре и думные люди здравствовали государю и сыну его, кланяясь въ землю. Изъ передней палаты былъ торжественный выходъ, сперва въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, за образомъ Спасителя, потомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ ожидалъ патріархъ съ знатнымъ духовенствомъ. Пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Государь и царевичъ становились на царскомъ мѣстѣ, патріархъ на своемъ патріаршемъ. Митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумны, протопопы творили троекратное поклоненіе сперва государю и царевичу, потомъ патріарху, подходя по два въ рядъ. Послѣ того патріархъ, сошедши съ своего мѣста, кадилъ святыя иконы, потомъ государя и царевича, которые также сходили съ своего мѣста, въ заключеніе государскую

31—32. стряпню: шапку, колпакъ и посохъ. Также кадили, за патріархомъ, митрополиты, архіепископы и епископы; между тѣмъ пѣвчіе пѣли избранные псалмы, а по псалмопѣніи читали пареміи Исаина пророчества. За тѣмъ слѣдовало водоосвященіе. По окончаніи службы, патріархъ привѣтствовалъ государя и царевича, послѣ чего было многолѣтіе всему царскому дому. Царевичъ также говорилъ краткую рѣчь отцу; государь цѣловалъ его въ голову. Въ заключеніе здравствовали имъ сигклиты и гости; государь и царевичъ съ своей стороны здравствовали освященному собору, царскому сигклиту и всѣмъ православнымъ христіанамъ, и осѣненные св. крестомъ, отправлялись за Спасовымъ образомъ Благовѣщенскою папертью въ свои хоромы, гдѣ объявлялись милости: придача денежныхъ окладовъ царедворцамъ и людямъ служилымъ. По совершеніи же литургіи, во дворцѣ былъ столъ для патріарха, властей и царскаго сигклита.

Въ обоихъ случаяхъ *объявленіе* царевичей Алексѣя и Ѳеодора было только торжественнымъ признаніемъ ихъ совершеннолѣтія, и точнаго выраженія царской воли о назначеніи объявленнаго царевича наслѣдникомъ престола еще не было; тѣмъ не менѣе на него смотрѣли, какъ на будущаго преемника, и по свидѣтельству Лизека, послѣ аудіенціи цесарскаго посольства въ селѣ Коломенскомъ, бояре требовали отъ него даровъ царевичу Ѳеодору, какъ *наслѣднику престола*.

32.

Слѣдую офиціальному объявленію 27 апрѣля, записанному въ Розрядѣ *(Полн. Собр. Закон. Рос. Импер. II. 884)*. Въ актѣ о совокупномъ восшествіи на престолъ Іоанна и Петра, и о врученіи правленія царевнѣ Софіи, 26 мая, уже послѣ стрѣлецкаго бунта, первое воцареніе Петра изложено иначе: нѣтъ ни слова о совѣщаніи патріарха съ боярами, о собраніи народа предъ церковью Нерукотвореннаго Спаса и о провозглашеніи царемъ Петра волею и согласіемъ чиновъ государственныхъ. Тамъ напротивъ сказано, что по кончинѣ Ѳеодора, *всѣ* чины, отъ патріарха и бояръ до людей торговыхъ и чернослободцевъ, били челомъ обоимъ царевичамъ и спрашивали, кто изъ нихъ изволитъ быть на прародительскомъ престолѣ? Іоаннъ отвѣчалъ: «Пристойно быть брату моему Петру, потому что у него здравствуетъ мать его; а я царствомъ брату моему *поступаюсь*». Если бы дѣйствительно спрашивали царевичей, и Іоаннъ отказался отъ престола, то объ этомъ непремѣнно было бы упо-

мянуто въ *объявленіи отъ Розряда.* Никакъ не льзя допустить, чтобы въ манифестѣ забыли столь важное обстоятельство, предупреждавшее въ народѣ всякое недоразумѣніе о законномъ восшествіи Петра на престолъ. Очевидно, царевичей не спрашивали; это выдумка Софіи. Возводя Іоанна на престолъ бунтомъ стрѣльцовъ, чтобы именемъ его самой властвовать, она старалась выставить все дѣло такъ: по кончинѣ Ѳеодора, Іоаннъ, старшій царевичъ, имѣлъ неотъемлемое право на престолъ; онъ отказался добровольно. Но какъ отреченіе его породило смуту въ народѣ, то, по просьбѣ всѣхъ чиновъ, для прекращенія неустройствъ, онъ рѣшился быть государемъ. 32—34.

33.

Безъименный товарищъ ссылки Матвѣева говоритъ, что царь Ѳеодоръ удостовѣрился въ невинности его, съ тѣхъ поръ, какъ женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, которая вмѣстѣ съ братьями своими, бояриномъ Языковымъ и царедворцами Лихачевыми, раскрыла предъ государемъ всѣ козни противъ Матвѣева и Нарышкиныхъ, *(Истор. о невин. заточ. 407).* Царица могла ходатайствовать за нихъ, бывши невѣстою, но не послѣ бракосочетанія. Самъ біографъ пишетъ, что уже въ первыхъ числахъ января 1682 года прибылъ въ Мезень Стремяннаго полку капитанъ Лишуковъ съ царскимъ указомъ, освободить его изъ ссылки; а царь сочетался бракомъ съ Марѳою Матвѣевною послѣ, именно 14 февраля. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодоръ предъ концемъ жизни убѣжденъ былъ въ невинности Матвѣева: сынъ его Андрей Артемоновичъ въ челобитной Петру 4 апрѣля 1719 года свидѣтельствуетъ о томъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ, присовокупляя: «у отца моего безвинно взято въ казну государеву деньгами и вещами на 85,238 руб., кромѣ другихъ пожитковъ, розданныхъ въ разные приказы. Отцу же моему, какъ онъ возвращался изъ ссылки въ городъ Лухъ, по указу царя Ѳеодора Алексѣевича, кромѣ старыхъ деревень, дано село Ландехъ въ 700 дворовъ, которое въ смутное время въ 190 (1682) году князь Иванъ Хованскій роздалъ разночинцамъ: они владѣютъ ими и доселѣ безъ жалованныхъ грамотъ». *(Кабин. бум. въ Госуд. Арх. Отдѣленіе II. книга 40).*

34.

У Живоначальной Троицы въ Вешняковѣ построенъ придѣлъ Иліи пророка стрѣльцами Вешнякова полку, по возвращеніи изъ Чигиринскаго похода; у Петра и Павла придѣлъ

 Алексѣя человѣка Божія въ 1649 г., у Казанской Богородицы Николая Чудотворца въ 1660 г.

35.

Свидѣтельство очевидца Таннера, которой все Замоскворѣчье называетъ Strzelecka Slobода, locus a militibus Ducis inhabitatus, in vicos octo ob armatorum copiam (quibus solis ibi aedium est facultas) divisus. Таннеръ былъ въ Москвѣ въ 1678 году (см. его *Legatio Polono-Lithuanica, 68)*.

36.

О заслугѣ стрѣльцовъ при Добрыничахъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ, очевидецъ сраженія *(Сказ. совр. о Димитріи Самозв. III. 79 и 81)*. Марину и Заруцкаго схватили на Яикѣ, послѣ жестокаго боя, стрѣлецкіе головы Пальчиковъ и Опучинъ (донесенія ихъ Астрахан. воеводѣ въ *Актахъ Историч. собр. Археографическою Коммиссіею, III. 32*). На приступъ къ Смоленску водилъ ихъ храбрый голова Матвѣевъ *(Истор. о нев. заточ. 49)*. Другія дѣйствія ихъ съ Матвѣевымъ въ Польскую войну см. въ *Исторіи* его 49—56. При оборонѣ Чигирина, гарнизонъ состоялъ наиболѣе изъ стрѣльцовъ, по свидѣтельствамъ Гордона.

37.

О содѣйствіи стрѣльцовъ государю къ укрощенію мятежа въ Коломенскомъ свидѣтельствуютъ Котошихинъ (81) и Гордонъ, который именно говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ велъ стрѣльцовъ изъ Москвы въ Коломенское Матвѣевъ и что солдатскій полкъ, въ которомъ служилъ Гордонъ, не *поспѣлъ* отъ оплошности полковника Кравфурда. О мятежѣ ратныхъ людей на Сейми, укрощенномъ стрѣльцами, узнаемъ отъ Матвѣева *(Истор. о нев. заточ. 55)*. Стрѣльцы, погибшіе въ Астрахани, были подъ начальствомъ головъ Дмитрія Полуектова и Алексѣя Соловцова, которые также положили свои головы за государя. *Акты Археогр. Экспедиціи IV. 228—238.*

38.

При описаніи перваго стрѣлецкаго бунта у меня слѣдующіе матеріалы:

а) *Медвѣдева:* «Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся въ гражданствѣ». См. выше обзрѣніе

источниковъ. Въ примѣчаніяхъ я ссылаюсь на страницы по рукописи Академіи Наукъ. 38—39.

b) Графа *Матвѣева:* «Описаніе съ совершеннымъ испытаніемъ и подлиннымъ извѣстіемъ о смутномъ времени и проч.» См. обозрѣніе источниковъ. Въ примѣчаніяхъ ссылки на изданіе Туманскаго въ *Собр. Запис. 1787 ч. I.*

c) *Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau,* въ *Theatrum Europaeum t. XII* (напечатано 1691 года), стр. 441 — 448. Разсказъ очевидца о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, по всей вѣроятности Датскаго резидента (Бутенанта фонъ Розенбуша), который сообщилъ издателямъ любопытное извѣстіе о своей собственной опасности, напечатанное въ слѣдъ за описаніемъ бунта 448—450. Имена исковерканы, быть можетъ издателями, какъ это часто случается; но повѣствованіе въ подробностяхъ вообще имѣетъ несомнѣнные признаки истины, за исключеніемъ немногихъ ошибокъ, нами указанныхъ. (Въ послѣдствіи я пріобрѣлъ лучшій списокъ этого донесенія: оно напечатано вполнѣ въ Приложеніи № VI).

Немногіе акты о первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ приводитъ Медвѣдевъ. Сверхъ того нѣсколько напечатано Археографическою Коммиссіею.

39.

Медвѣдевъ (по рукописи кн. Оболенскаго): «Того же 7190 «лѣта во время зимнее начаша люди зѣло, ради неправдъ и не«стерпимыхъ обидъ себѣ, стужати и другъ на друга глаголати, «яко той неправду дѣетъ, иный на того, наипаче же на вре«менниковъ и великихъ судей и на начальныхъ людей, яко «мздоимательствомъ очи себѣ послѣпили, якоже пишется: «мзда ослѣпляетъ очи премудрыхъ. Тако и тогда всюду не то«чію въ мужахъ, но и въ женахъ словеса отъ обидъ и въ непо«лученіи правныхъ дѣлъ всюду происходили. Иніи же ближ«ніе предстатели точію вымышляли ими мнимое разумно «сами, а не многихъ людей совѣтомъ, и призирая искусныхъ, «мудрыхъ и въ старости сущихъ людей, всякія новыя дѣла «въ государствѣ и чины въ даяніи чести, и суды иночиновны «въ гражданствѣ покусишася вводити, иноземскимъ обычаемъ «подражающе». Далѣе: «предсказаніе царю Алексѣю Михайловичу въ 173 (1665) отъ нѣкоего мудра мужа о грозящихъ смутахъ и волненіяхъ народныхъ, по наблюденію небесныхъ свѣтилъ Сатурна и Іовиша. На вопросъ царя, отъ чего смута и мятежъ въ государствѣ происходятъ, мудрецъ отвѣчалъ: отъ

39—40. удаленія заслуженныхъ и честныхъ людей, и отъ возвышенія мелкихъ. Совѣты Аристотеля и Ликурга объ исключеніи иноземцевъ отъ правительства. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ заботился о правосудіи; но скорбь ему претила. Вездѣ неправда. Пророчество Исаіи о волненіяхъ, въ слѣдствіе неправосудія.» Согласно съ Медвѣдевымъ, и Relation der traur. Tragedie приписываетъ начало волненія стрѣльцовъ жестокимъ притѣсненіямъ полковниковъ *(См. Приложен. VI.)*. Матвѣевъ говоритъ, что жалобы ихъ на полковниковъ были выдумкою *(Тум. I. 124)* и что виною зла было отсутствіе всякой дисциплины, въ слѣдствіе дозволеннаго стрѣльцамъ купечества и любостяжанія, въ чемъ потворствовали имъ и алчные командиры. О несправедливости жалобъ стрѣльцовъ на полковниковъ говорила и царевна Софія, извѣщая Россію о замыслахъ Хованскаго. *(Окружная грамота царей* въ сентябрѣ 1682, въ *Акт. Арх. Экспед. IV, 373)*. Тѣмъ не менѣе въ послѣдствіи, когда все успокоилось, правительство убѣдилось въ необходимости отмѣнить разныя злоупотребленія, вкравшіяся въ управленіе стрѣлецкимъ войскомъ. Изъ грамматы въ концѣ 1682 года *(Акты Археогр. Экспед. VI. 394—395)* очевидно, что жалованье стрѣльцамъ производилось не сполна, что приказные люди дѣлали у нихъ разные вычеты, что на ихъ счетъ покупались подъемныя лошади, оковывались станки и колеса подъ пушками, и проч. Свидѣтельство Матвѣева о разслабленіи дисциплины и притомъ наиболѣе отъ купечества стрѣльцовъ, также очень вѣроятно: уже при Котошихинѣ были въ стрѣлецкихъ полкахъ «люди торговые и ремесленные всякіе богатые многіе (71)». Богатство ихъ влекло за собою два зла: ослабляло дисциплину и подстрекало корыстолюбіе командировъ.

40.

О заведенныхъ по стрѣлецкимъ слободамъ кругахъ, о самовольной расправѣ и о дерзкой наглости стрѣльцовъ говоритъ Матвѣевъ *(Тум. I. 124—125)*, не указывая однакожъ причинъ тому. Дѣло поясняется актами: въ докладной выпискѣ о мѣрахъ къ предохраненію Москвы на будущее время отъ мятежей, 30 декабря 1683 *(Акты Арх. Экспедиціи IV. 415)*, въ заключеніи сказано: «если не учинить по предложеннымъ мѣрамъ, и воровъ, а *наипаче Астраханцевъ*, не вывесть, то Москвѣ отъ преждебывшаго стрѣлецкаго воровства не безопасно». Астраханцы же завелись въ Москвѣ, какъ можно догадываться изъ донесенія князя Одоевскаго, послѣ 1672 года, когда въ Астра-

хани сформированы пять приказовъ конныхъ и пѣшихъ по 300 человѣкъ въ каждомъ, изъ людей «самыхъ добрыхъ и семьянистыхъ»; тѣмъ же, которымъ быть тамъ не пристойно, т. е. на которыхъ надѣяться было нельзя, велѣно служить въ верховыхъ городахъ, и отпустить ихъ съ Московскими стрѣльцами *(Акты Историч. IV. 495)*. 40—44.

41.

Медвѣдевъ и Relation der traur. Trag. согласно говорятъ о жалобѣ стрѣльцовъ на полковника Грибоѣдова царю Θеодору, незадолго до его кончины (первый 23 апрѣля, второй 25). Разность въ томъ, что по словамъ Медвѣдева, бояринъ Языковъ, опасаясь мятежа, приказалъ посадить Грибоѣдова въ тюрьму на одинъ день; по словамъ же Relation, дѣло происходило такъ, какъ у насъ описано. Матвѣевъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ случаѣ.

42.

Отставленные полковники были: Семенъ Грибоѣдовъ, Иванъ Полтевъ, Никифоръ Колобовъ, Алексѣй Карандѣевъ, Владиміръ Воробинъ, Григорій Титовъ, Андрей Дохтуровъ, Павелъ Хлѣбовъ, Никита Борисовъ, Матвѣй Вешняковъ, Иванъ Нелидовъ, Иванъ Щепинъ, Василій Перхуровъ, Александръ Танѣевъ, Иванъ Конищевъ, Кондратій Кроме, и генералъ-маіоръ Бутырскаго полка Матвѣй Кравковъ. См. Медвѣдева и царскій указъ, напечатанный изъ его *Созерцанія* въ *Акт. Арх. Экспед. IV. 358*.

43.

Евдокіи было около 32 лѣтъ, Марѳѣ за 30, Софіи 25 лѣтъ 5 мѣсяцевъ, Екатеринѣ 24 года съ половиною, Маріи около 22, Θеодосіи 20. Родная сестра Петра, Наталія 9 лѣтъ 4 мѣсяцевъ.

44.

Наши историки (Полевой и другіе) привыкли воображать себѣ царевну Софію какимъ-то юнымъ и прелестнымъ созданіемъ, вопреки свидѣтельству современниковъ-очевидцевъ. Вотъ что говоритъ объ ней Де-ла-Нёвиль, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году: Les revoutions qui sont survenues dans cet Etat, et pourront arriver dans la suite, viennent de toutes les intrigues de la Princesse Sophie, dont l'esprit et le merite ne tiennent rien de la difformité de son corps, étant d'une grosseur monstrueuse, avec

44—46. une tête large comme un boisseau, du poil au visage, des loups aux jambes et au moins 40 ans (*Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye. 1699*, стр. 151). Шлейзингъ, также современникъ-очевидецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1684—1685 годахъ, въ сочиненіи своемъ *Neuentdecktes Sibyrien, Jena 1690*, стр. 11, подтверждаетъ въ главномъ слова Де-ла-Нёвиля, говоря о Софіи: ob sie gleich von Gestalt des Leibes nicht gar schön, jedennoch von Hochmüthig-Fürstl. Gemüth-Gaben eine sehr kluge Princeßin. Замѣчательно, самый жаркій приверженецъ Софіи, Сильвестръ Медвѣдевъ, сочинявшій ей похвальные стихи, въ надписи къ ея портрету, исчисляя всѣ добродѣтели и дары душевные, *ни слова* не говоритъ о красотѣ ея. Красавицею впервые, кажется, назвали ее капитанъ Перри (*The state of Russia, London, 1716*) и извѣстный Штраленбергъ (Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730). Первый (143) говоритъ: The Princess Sophia a handsom young Lady; второй (222): Was ihre Person betrifft, so war sie von Statur wohl gewachsen und von Angesicht sehr wohl gestaltet. Ни тотъ, ни другой однакожъ не видалъ царевны, и оба писали по слуху.

45.

Кромѣ Матвѣева, самъ Петръ засвидѣтельствовалъ въ послѣдствіи при открытіи заговора Цыклера и Соковнина, что бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій былъ главнымъ виновникомъ мятежа стрѣлецкаго.

46.

Сообщники Софіи означены у Матвѣева. Медвѣдевъ ни слова не говоритъ ни объ нихъ, ни о самомъ Милославскомъ. Relation также молчитъ. Цыклеръ, Озеровъ, Одинцовъ, Петровъ, Чермной явятся и въ послѣдствіи злодѣями Петра. Толстые же займутъ много страницъ въ его исторіи, какъ вѣрные и знаменитые сподвижники, въ особенности Петръ Андреевичъ, возведенный въ 1724 году, при коронаціи Екатерины I, за особенныя заслуги въ графское достоинство. Довѣренность Петра къ нему и къ его брату, Ивану Андреевичу, умершему Азовскимъ губернаторомъ, могла бы дать поводъ къ сомнѣнію въ справедливости извѣстій Матвѣева, даже къ подозрѣнію, не оклеветалъ ли ихъ историкъ по личной враждѣ, если бы участіе графа Петра Андреевича въ замыслахъ Милославскаго не было дѣломъ въ свое время всему свѣту извѣстнымъ, и очень памятнымъ самому Петру. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ,

разсуждая съ питомцемъ своимъ, наслѣдникомъ престола, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ о бунтахъ стрѣлецкихъ и объ участіи въ нихъ П. А. Толстаго, бывшаго орудіемъ Милославскаго, разсказывалъ слѣдующій анекдотъ (см. *Записки Порошина, стр. 20*): «Случалось, когда государь Петръ Великій въ компаніи подвеселится, то снявши съ Толстаго парикъ и колотя его по плѣши, говаривалъ: «*Голова, голова, какъ бы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ*». Впрочемъ Матвѣевъ весьма не жаловалъ Толстыхъ и не скрывалъ своей ненависти. Вотъ что писалъ онъ къ Кабинетъ-секретарю Макарову 28 мая 1722 года, хлопоча о повышеніи своего ранга: «По отшествіи ихъ величествъ (въ Персидскій походъ), пребываніе мое въ Правительствующемъ Сенатѣ хотя повседневно, но тѣмъ спокойно, что, смотря на причины прочихъ, цѣлимся къ надлежащей своей во всемъ предосторожности, избывъ той власти, откуду бываетъ много напасти. (Онъ былъ уволенъ отъ должности президента юстицъ-коллегіи и вмѣсто его назначенъ Иванъ Андреевичъ Толстой.) Ближній бояринъ, сенаторъ и государственной коллегіи-юстиціи президентъ, какъ онъ самъ себя живописуетъ въ извѣстной коллегіи, въ пригородѣхъ и въ указѣхъ, противно весьма генеральному регламенту, отъ чего уже и отъ площади несетъ молву, яко сенаторъ съ крестцà, который главное и славное свое дѣло уже началъ: двери въ той коллегіи всѣмъ отворены, но дѣла всякому затворены, по древней пословицѣ: «познается птица по перью». То же пословица поселянская женѣ мужика: «Мужинко! Хоть ты меня прибей, притепи; а мнѣ таки поселки плясать». *(Кабинет. дѣла, Отдѣл. II, т. 60).* 46—48.

47.

Медвѣдевъ. Онъ также ни слова не говоритъ объ Ал. Милославскомъ и Петрѣ Толстомъ. Въ Relation сказано, что съ стрѣльцами шли и полковники ихъ, которые не участвовали въ мятежѣ и сдѣлались преступниками отъ страха.

48.

Матвѣевъ и Медвѣдевъ согласно свидѣтельствуютъ, что царя и царевича вывела на красное крыльцо царица Наталія Кирилловна. Relation приписываетъ это царевнѣ Софіи и царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ, присовокупляя, что по требованію стрѣльцовъ, Царь Петръ тутъ же передалъ скипетръ старшему брату. Послѣднее не вѣроятно: Іоаннъ объявленъ царемъ гораздо послѣ.

49.

Матвѣевъ и Медвѣдевъ говорятъ, что въ этотъ же день убитъ и полковникъ Докторовъ; но казнь его въ слѣдующій день видѣлъ Датскій резидентъ. См. ниже, примѣч. 53.

50.

Матвѣевъ говоритъ, что съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ убитъ и сынъ его, Андрей. Relation напротивъ того свидѣтельствуетъ именно, что стрѣльцы пощадили его за долговременную неволю у Татаръ Крымскихъ. О смерти князя Андрея Григорьевича молчитъ Медвѣдевъ. Имени его нѣтъ и въ числѣ убитыхъ, означенныхъ на Каменномъ столбѣ.

51.

Stephan von Gaden, Польскій жидъ, присланъ въ Москву изъ Кіева бояриномъ Вас. Вас. Бутурлинымъ въ 1651 году. Онъ нѣсколько разъ перемѣнялъ свою вѣру: былъ сперва католикомъ, потомъ лютераниномъ, наконецъ православнымъ. Отъ того самое имя его пишется различно: иногда Стефанъ фонъ Гаденъ, нерѣдко докторъ Данило Жидовиновъ, также Данило Іевлевичъ и Данило Ильинъ. Онъ былъ въ связяхъ съ бояриномъ Матвѣевымъ, который въ первой челобитной своей изъ Пустозерска называетъ его докторомъ Стефаномъ (стр. 7). Царскую службу онъ началъ цирюльникомъ въ 1659, потомъ былъ лекаремъ, въ 1667 поддокторомъ, а въ 1672 году царскимъ указомъ пожалованъ докторомъ медицины, хотя не имѣлъ никакого диплома. Въ грамматѣ сказано, что онъ «въ доктурскомъ и во всякомъ лекарственномъ ученіи достаточно навыченъ и доктурской чести достоинъ и во всемъ человѣкъ потребный». Richter's Geschichte der Medicin in Russland. 1815. II. 322. Онъ рядомъ жилъ съ лекаремъ Гутменшемъ на Поганомъ пруду.

52.

Имени его нѣтъ ни у Матвѣева, ни у Медвѣдева. Relation называетъ его Vetter der mehr gemelten Narüschken Wasiley Filimonoff. Братъ его, стольникъ Григорій Филимоновичъ, упоминается воеводою на Верхотурьи въ 1684—1686 годахъ.

53.

«Когда нашли докторова сына», разсказываетъ Датскій резидентъ (см. Приложеніе № VI) «стрѣльцы, обыскивавшіе мой

домъ, удалились. Но чрезъ часъ явился ко мнѣ капитанъ съ полсотнею стрѣльцовъ и объявилъ повелѣніе взять меня во дворецъ, для очной ставки съ сыномъ доктора Даніила, показавшимъ, что отецъ его спрятанъ въ моемъ домѣ. Стрѣльцы тотчасъ схватили меня и хотѣли вести во дворецъ въ одномъ исподнемъ платьѣ, даже безъ чулокъ. Я убѣдительно просилъ ихъ дать мнѣ время одѣться прилично; жена бросилась предъ ними на колѣни. Смягченные ея слезами, они дозволили мнѣ нарядиться, только не въ комнатѣ, а на дворѣ, и не спускали съ меня глазъ. Простившись съ женою, я хотѣлъ сѣсть на подведенную мнѣ лошадь; стрѣльцы воспротивились было, требуя, чтобы я шелъ съ ними пѣшкомъ, потомъ согласились. Дорогою пришла мнѣ счастливая мысль: остановивъ лошадь, я подозвалъ капитана и стрѣльцовъ и сказалъ имъ: «Послушайте, господа! Благодаря Бога, я ни въ чемъ не виноватъ, совѣсть моя чиста, и нѣтъ сомнѣнія, что меня освободятъ немедленно. Проводите меня тогда домой; я васъ угощу пивомъ и виномъ, сколько душѣ будетъ угодно. Ваша братья разсѣяна по всѣмъ улицамъ; другимъ дѣло мое неизвѣстно, и меня могутъ оскорбить: окружите меня и сказывайте, что провожаете посланника, приглашеннаго во дворецъ». Стрѣльцы обѣщали и честно сдержали свое слово. Какъ скоро попадались на пути другія толпы, они кричали: «дайте дорогу, ѣдетъ посланникъ во дворецъ, говорить съ его царскимъ величествомъ». Тѣ тотчасъ разступались. Подъѣзжая къ Кремлю (beym Schloß), на базарѣ я съ ужасомъ увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ дороги множество изуродованныхъ труповъ. Подлѣ меня убитъ стрѣльцами полковникъ Докторовъ (Doktoroff). Караульные у Кремлевскихъ воротъ, увидѣвъ меня, закричали: «вотъ и докторъ Даніилъ! Давай сюда волшебника!» Провожатымъ моимъ не малаго стоило труда удержать ихъ. Они безпрестанно кричали: «подите прочь. Это посланникъ; онъ хочетъ говорить съ Царемъ». Ворота отворили и тотчасъ за мною заперли. Въѣхавъ въ Кремль, я встрѣтилъ толпу стрѣльцовъ, тащившихъ обнаженный трупъ молодаго Гадена. «Вотъ и докторовъ сынъ!» сказалъ шедшій подлѣ меня капитанъ. «Съ кѣмъ же дадутъ тебѣ очную ставку?» Я молчалъ. Между тѣмъ мы приблизились къ большой площади, покрытой вооруженными стрѣльцами. Увидѣвъ меня, они ударили въ барабаны и зазвонили въ колокола, что было сигналомъ къ убійству. Всемогущій Богъ далъ мнѣ бодрость; стрѣльцы мои кричали постоянно: «Не трогайте. Это посланникъ; онъ долженъ говорить съ Царемъ». Толпы разступились; я

33. подъѣхалъ къ каменному крыльцу, слѣзъ съ лошади и вошелъ во дворецъ, прямо въ ту палату, гдѣ находилась царица Марѳа Матвѣевна (die jüngst Verwitbe Käyserinne) и царевна Софія Алексѣевна (die Princesse Sophia Alexejewna) съ нѣкоторыми боярами. Я хотѣлъ итти далѣе, но не могъ пробраться: комната такъ была полна, что хотя по головамъ ходи. Въ это время вошелъ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спросилъ стрѣльцовъ: «любо ли вамъ, чтобы царица Наталія Кирилловна Нарышкина не оставалась во дворцѣ?» «Любо!» было отвѣтомъ. Хованскій обернулся и увидѣвъ меня, спросилъ съ удивленіемъ: «ты за чѣмъ здѣсь, Андрей Ивановичъ?» Такъ звали меня по-Русски. Я указалъ на стрѣльцовъ и объявилъ, что они меня привели. Хованскій сталъ говорить съ царицею и царевною, о чемъ не знаю, только вѣрно въ мою пользу, потому что царевна дала знакъ рукою, чтобы я удалился. Послѣ того Хованскій подозвалъ стрѣльцовъ и сказалъ: «проводите этого господина въ домъ и берегите, какъ ваше око». Причемъ говорилъ обо мнѣ съ похвалою. Когда я удалился отъ высокихъ особъ, стрѣльцы сказали мнѣ: «Андрей Ивановичъ! Надѣнь шляпу, ты не виноватъ и ничего не бойся». Я вышелъ на большое крыльцо; стоявшіе внизу стрѣльцы ждали, что меня сбросятъ, какъ и другихъ; но видя, что стрѣльцы сводятъ меня съ крыльца, подступили съ вопросами: «за чѣмъ отпускаютъ доктора Даніила?» Провожатые мои безпрестанно кричали: «Это посланникъ. Онъ говорилъ съ царевною (mit der Princessin); дайте дорогу». Лошадь моя однакожъ не могла пробраться сквозь толпу прежнимъ путемъ, и я выѣхалъ уже другими воротами. Встрѣчавшіеся стрѣльцы присоединялись къ моему конвою; многіе бросились ко мнѣ въ домъ объявить женѣ, что я оказался невиннымъ и освобожденъ. Я долженъ былъ ѣхать тихо, чтобы не возбудить подозрѣнія. Домашніе встрѣтили меня, какъ освободившагося изъ когтей смерти. Число стрѣльцовъ возрасло до 200. Я велѣлъ подать имъ вина и пива, сколько хотятъ. Но трое главныхъ пришли ко мнѣ и требовали еще денегъ. Я не прекословилъ и думалъ отдѣлаться 20 рублями. Они засмѣялись и спросили 1000 рублей. Я пришелъ въ ужасъ. «Заплати добромъ», говорили стрѣльцы «не то ни одной души не оставимъ живой въ твоемъ домѣ. Теперь наша воля; все теперь предъ нами дрожитъ. Да и тебя мы спасли». Я отвѣчалъ: «Господа! вамъ велѣно проводить меня домой, и вы же хотите меня убить. Дѣлайте что̀ угодно; а у меня нѣтъ такой суммы». Они потребовали половину. Наконецъ условился я съ тремя переговорщиками дать

каждому стрѣльцу по полтинѣ. Бывшіе на дворѣ не соглашались и требовали по рублю. Но договорившіеся со мною сказали имъ: «мы условились съ нимъ взять по полтинѣ, и не измѣнимъ своему слову». Прочіе замолчали. Я отсчиталъ деньги и для каждаго завернулъ въ особую бумажку; число стрѣльцовъ между тѣмъ возрасло до 287. Они сѣли въ кружокъ на моемъ дворѣ, пересчитали деньги; выпили еще вина и, учтиво поблагодаривъ, удалились». 53—55.

54.

Актъ совокупнаго восшествія на престолъ царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, въ *Полномъ Собраніи Законовъ, II. № 920*. Матвѣевъ говоритъ, что стрѣльцы нарекли Іоанна царемъ еще 18 мая, а Relation свидѣтельствуетъ, что и прежде во все время бунта они дѣйствовали его именемъ. При всемъ томъ торжественное нареченіе его на царство послѣдовало 26 мая, какъ очевидно, кромѣ вышеприведеннаго акта, изъ окружной грамматы, напечат. въ *Актахъ Историч. V. № 86*. Эти документы подтверждаютъ сказаніе Медвѣдева.

55.

The present condition of the Moscovite Empire till the year 1699. By Father I. Bouvet, myssionary. London 1699. Буве, одинъ изъ числа езуитовъ, основавшихъ въ концѣ XVII столѣтія католическую миссію въ Пекинѣ, возвратился изъ Китая во Францію въ началѣ 1694 года; въ 1699 опять уѣхалъ въ Китай и умеръ тамъ въ 1732 году. Сообщаемыя имъ подробности о Россіи вообще, не взирая на краткость ихъ, любопытны и правдивы, за исключеніемъ неизбѣжныхъ для иностранца ошибокъ. Вѣроятно, онъ зналъ кого нибудь изъ свиты великаго посольства въ 1698 году. Штелинъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, послужившій, кажется, темою для прекраснаго произведенія кисти Штейбена: «Въ первый бунтъ стрѣлецкій, Петръ съ матерью, сопровождаемый небольшимъ числомъ вѣрныхъ слугъ, искалъ спасенія въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Неистовая толпа стрѣльцовъ, посягавшая на жизнь его, бросилась въ Лавру. Долго искали и не могли найти. Нѣсколько злодѣевъ ворвались въ церковь и увидѣли отрока Царя въ объятіяхъ матери въ алтарѣ. Святость мѣста не остановила изверговъ. Одинъ изъ нихъ съ сверкающимъ ножемъ кинулся на Петра, схватилъ его одною рукою за плечо, а другою хотѣлъ вонзить ножъ ему въ грудь. Цѣпенѣя отъ ужаса, Петръ пристально смотрѣлъ

55. въ глаза своему убійцѣ. Провидѣніе спасло его. Товарищъ злодѣя закричалъ: «остановись, братъ, не убивай въ алтарѣ; выведемъ его изъ церкви. Онъ отъ насъ не уйдетъ». Въ ту самую минуту, стоявшіе на паперти стрѣльцы услышали конскій топотъ: то былъ сильный отрядъ царскихъ всадниковъ. Они закричали бывшимъ въ церкви: «спасайтесь». Тѣ ударились въ бѣгство; и юный царь остался невредимъ. Лѣтъ чрезъ 20 послѣ того, когда не было уже ни одного стрѣльца, Петръ училъ въ С.-Петербургѣ на адмиралтейскомъ лугу нѣсколько сотъ вновь набранныхъ матросовъ. Обходя ряды, при видѣ одного матроса, онъ такъ испугался, что отскочилъ назадъ и велѣлъ тотчасъ его схватить. Матросъ, которому совѣсть сказала его вину, палъ ницъ и закричалъ: «я достоинъ смерти. Помилуй, государь, помилуй». Никто, ни офицеры, ни другіе матросы не могли понять что̀ это значитъ, ибо всѣ знали виновнаго за исправнаго солдата. Но съ ужасомъ услышали, когда Царь спросилъ его: «не ты ли въ моей юности, въ Троицкомъ монастырѣ, приставлялъ ножъ къ моему горлу?» «Я», отвѣчалъ матросъ. На дальнѣйшіе распросы, онъ разсказалъ, что въ молодости участвовалъ въ мятежѣ стрѣлецкомъ, вскорѣ однакожъ раскаялся, спасся бѣгствомъ во время казни его товарищей, нѣсколько лѣтъ скитался по дальнимъ пустынямъ, наконецъ, подъ видомъ выходца изъ Сибири, поступилъ въ матросы при Архангельскомъ адмиралтействѣ и до сихъ поръ служилъ вѣрно. Смягченный откровенностію, Царь даровалъ ему жизнь, но подъ страхомъ жестокой казни, если когда либо явится ему на глаза. Матросъ сосланъ въ дальнюю провинцію». Разсказывая этотъ анекдотъ, Штелинъ ссылается на фельдмаршала князя Трубецкаго и адмиралтейскаго экипажмейстера Брюинса. Original-anekdoten von Peter dem Großen, 1785, p. 74. Не взирая на приведенныхъ свидѣтелей, мы не вѣримъ Штелину: 1) Достовѣрно, что, во время перваго мятежа, стрѣльцы на жизнь Петра не посягали; напротивъ того, какъ удостовѣряютъ современники, они возмутились противъ Нарышкиныхъ, именно потому, что считали ихъ цареубійцами. 2) Если бы царица Наталія Кирилловна удалилась въ Троицкій монастырь во время мятежа, современники, Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Датскій резидентъ, непремѣнно о томъ упомянули бы; но они не только молчатъ, но положительно свидѣтельствуютъ, что царица находилась безотлучно во дворцѣ до самаго прекращенія бунта и сама вывела къ стрѣльцамъ брата; послѣ чего убійства прекратились. 3) Относить разсказываемый Штелинымъ случай къ другой, близ-

кой впрочемъ, эпохѣ, когда въ слѣдствіе замысловъ Хованскаго 56.
все царское семейство удалилось въ Лавру, также не возможно: стрѣльцы не могли тогда ворваться въ монастырь, наполненный вѣрными защитниками обоихъ государей.

56.

При описаніи мятежа раскольниковъ, были у меня слѣдующіе матеріалы: *a) Увѣтъ духовный, во утвержденіе благочестивыхъ людей, во увѣреніе же и обращеніе къ покаянію отъ прелести раскольниковъ святыя церкви*. Сочиненіе патріарха Іоакима, очевидца и главнаго дѣйствователя при защитѣ православія, изданное въ Москвѣ 6 сентября 1682 года, слѣдовательно чрезъ два мѣсяца послѣ мятежа Никиты Пустосвята. (Я ссылаюсь на 3 изданіе 1791 года, согласное съ первымъ.) Авторъ сначала разсказываетъ исторію исправленія церковныхъ книгъ, потомъ описываетъ торжественное преніе о вѣрѣ въ Грановитой палатѣ, впрочемъ кратко въ общихъ словахъ; далѣе подробно разбираетъ по пунктамъ, приводя ихъ слово въ слово, раскольничью челобитную; въ заключеніе приглашаетъ всѣхъ сомнѣвающихся въ царскую и патріаршую книгохранильныя палаты, для свидѣтельствованія старинныхъ книгъ. *b) Созерцаніе краткое лѣтъ 7190—7192*, по рукописямъ князя Оболенскаго и Академіи Наукъ. Авторъ сего повѣствованія, Сильвестръ Медвѣдевъ, выписывая всѣ главныя подробности изъ Увѣта духовнаго, явно говоритъ объ участіи князя Хованскаго въ мятежѣ раскольниковъ, о чемъ патріархъ Іоакимъ не смѣлъ сказать ни слова, потому, безъ сомнѣнія, что Хованскій былъ тогда еще во всей силѣ своей. *c) Третье посланіе Сибирскаго митрополита Игнатія*, писанное въ 1696 году, въ обличеніе Сибирскихъ раскольниковъ, съ любопытнымъ изложеніемъ бывшихъ въ Россіи ересей и расколовъ. Игнатій былъ также очевидецъ мятежа Никиты Пустосвята. *d) Исторія о стрѣльцахъ и челомбитная*. Сочиненіе раскольника, участвовавшаго въ составленіи раскольничьей челобитной и въ мятежѣ, *Саввы Романова*, бывшаго прежде келейникомъ у архимандрита Макаріева Желтоводскаго монастыря. Въ заключеніе авторъ говоритъ о себѣ: «Что видѣлъ своима очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ братіи, сія написахомъ». Разсказъ въ высшей степени любопытный, изъ котораго узнаемъ, какъ началось все дѣло, кто были главные дѣйствователи и въ какой степени князь Хованскій участвовалъ въ мятежѣ. Само собою разумѣется, что все изложено въ духѣ раскольника, и всѣ дѣйствія па-

56—57. тріарха и защитниковъ церкви представлены въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, большею частію въ смѣшномъ видѣ: лукавый врагъ православнаго духовенства зналъ, чѣмъ уронить его въ глазахъ своихъ приверженцевъ. Но откинувъ всѣ умствованія и очевидно ложныя показанія, мы получимъ цѣлый рядъ подробностей неоцѣненныхъ. Въ особенности я прибѣгалъ къ Саввѣ Романову въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ о замыслахъ и дѣйствіяхъ своей партіи: тутъ онъ раскрываетъ многое. Я имѣлъ два списка: одинъ, писанный поморскимъ почеркомъ въ малую осьмушку па 104 страницахъ, принадлежитъ М. П. Погодину; другой находится между рукописями купца Царскаго подъ № 474. Первый списокъ впрочемъ исправнѣе.

57.

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, въ *Розыскѣ о раскольнической Брынской вѣрѣ* (часть I, глава 9) приводитъ слѣдующіе два примѣра разнословій и описокъ въ старинныхъ рукописныхъ книгахъ: а) въ службѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, въ однѣхъ книгахъ сказано: «Твой пречестный омофоръ, паче *електора* просвѣщаяся», въ другихъ: «паче *алектора* просвѣщаяся»; а Максимъ Грекъ въ печатныхъ исправилъ «паче *илектра* просвѣщаяся». «И возропташа на Максима», говоритъ св. Димитрій «глупые невѣжды, еретикомъ того зовуще: почто (глаголаху) ты, еретиче! дерзаеши перемѣняти рѣчи, по нимъ же святіи наши отцы спаслися?» Електоръ значитъ изборщикъ, алекторъ—пѣтухъ, илектръ—блистаніе чистаго злата. «Чему же» говоритъ св. Димитрій «приличнѣе уподобить омофоръ Пречистыя Дѣвы Богородицы—изборщику ли, пѣтуху ли или блистанію злата? Конечно послѣднему. Такъ», восклицаетъ онъ «если спасеніе въ старыхъ книжныхъ реченіяхъ, то святые отцы спасались по изборщику и по пѣтуху!» Другой примѣръ: въ великой рукописной Четьи минеи, находящейся въ Успенскомъ соборѣ, въ житіи преподобнаго Паисія, сказано: «св. пророкъ Іеремія преподобному Паисію часто являшеся и *скверными* мысльми подвизаше того умъ на вожделѣніе обѣщанныхъ благъ». Описка очевидная: вмѣсто сокровенными мысльми, писѐцъ написалъ «скверными». «Лгутъ убо глаголющіе», заключаетъ краснорѣчивый пастырь «яко святые отцы по книгамъ старымъ спаслися: ни по старымъ бо рѣченіямъ книжнымъ, ни по новымъ кто спасется, но по своимъ добрымъ дѣламъ и вѣрѣ непорочной».

58.

Напримѣръ: Въ послѣсловіи къ постной тріоди, изд. 1589 г.: «Аще что кому въ ней помнится *непотребно* (т. е. невѣрно, или неисправно), и вы Бога ради сами *исправляйте* съ совѣтомъ освященнаго собора». Въ послѣсловіи къ цвѣтной тріоди, изд. 1591 г. «Благое желаніе мысли своея возвѣщаютъ отцу своему, святителю Іову патріарху, и всему освященному собору, дабы.... святыя книги свидѣтельствованы и *исправлены* были и печатнаго дѣла письмены исправлены». Въ послѣсловіи къ Уставу 1610 г.: «Милостивы намъ будете и не зазоривы ума нашего немощи и *недоразумѣнію*. Сами же, сподобившеся отъ богатодавца большихъ дарованій духовныхъ, *исправляйте*». Подобные примѣры можно еще видѣть въ описаніи книгъ графа Толстаго 117. 119. 127 и проч.

59.

Жизнеописаніе сихъ замѣчательныхъ раскольницъ, составленное также раскольникомъ и во многихъ отношеніяхъ весьма любопытное, хранится между прочимъ въ рукописяхъ Царскаго, въ сборникѣ подъ № 474, съ такимъ заглавіемъ: «Мѣсяца ноемврія во 2 день сказаніе о доблственномъ мужествѣ и изящномъ свидѣтельствѣ и терпѣливодушномъ страданіи новоявленныхъ преподобныхъ мученицъ боярони Ѳеодосіи Прокопьевны, нареченныя во инокиняхъ Ѳеодоры, по тезоименитству земныя славы Морозовы, и единородныя ея благовѣрныя княгини Евдокеи и третія союзницы ихъ Маріи». По словамъ жизнеописателя, онѣ заточены около 1674 года въ Боровскомъ острогѣ, и тамъ кончили свою жизнь. П. М. Строевъ, посѣтившій Боровскъ въ 1820 году, видѣлъ на городищѣ у острога камень, къ которому Боровскіе жители имѣютъ особенное почтеніе, даже кланяются ему до земли, разсказывая, что подъ нимъ погребены двѣ княжны, сожженныя Татарами. Строевъ прочелъ на немъ слѣдующую надпись, почти изгладившуюся: «Лѣта 7 . . . погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 день бояриня князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокея Прокофьевна, да ноября во 2 день бояриня .... жена .... Морозова бояроня Ѳедосья Прокофьевна, а въ инокахъ инокасхимница Ѳеодора; а дщери окольничаго Прокофья Ѳедоровича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Ѳедоръ Прокофьевичъ, да окольничей Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины».

60. 60.

Раскольничья челобитная въ отдѣльномъ видѣ до насъ не дошла. Мы знаемъ о содержаніи ея по выпискамъ, напечатаннымъ въ *Увѣтѣ духовномъ* въ 24 статьяхъ, съ опроверженіемъ на каждую изъ нихъ. Савва Романовъ говоритъ, что челобитная была въ двухъ экземплярахъ: одинъ, съ рукоприкладствомъ девяти стрѣлецкихъ полковъ и пушкарскаго приказа, положенъ на сохраненіе въ Титовомъ полку; другой на 20 страницахъ представленъ раскольниками собору въ Грановитой палатѣ. Онъ приводитъ изъ челобитной два пункта: одинъ мы находимъ и въ Увѣтѣ въ тѣхъ же словахъ, (см. ниже статья 2); другаго тамъ нѣтъ: вѣроятно этотъ пунктъ былъ заключеніемъ челобитной; у Саввы онъ изложенъ такъ: «Да они же новой вѣры учители, бывшій патріархъ Никонъ, да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ, православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ Латино-Римскаго новаго и самосмышленаго преданія и незнаменающихся въ три перста, по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предаютъ; и посему знатно, аще мы отъ нихъ прокляти, то и вси наши Россійскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичъ, и сынъ его Өедоръ Ивановичъ, и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ, и отецъ вашъ государевъ блаженныя памяти великій царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ до апостатія Никонова въ томъ же благочестіи пребыхъ, и они по тому же проклятію подлежатъ, якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властьми по тѣмъ же старымъ святымъ книгамъ отъ святыя купѣли крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вмѣстѣ съ нами проклинаютъ. По истинѣ писано въ правилѣхъ св. Апостолъ: аще святитель не по волѣ Божіей проклинаетъ, не послѣдуетъ ему судъ Божій». Предлагаю раскольничью челобитную такъ, какъ она изложена въ *Увѣтѣ* патріархомъ Іоакимомъ; опроверженіе на каждый пунктъ читатель найдетъ въ самомъ Увѣтѣ. Впрочемъ каждый здравомыслящій и безъ пособія патріарха увидитъ всю ея нелѣпость.

«Бьютъ челомъ святыя восточныя церкви Христовы, царскіе «богомольцы, священническій и иноческій чинъ, и вси право«славніи христіане, опричпо тѣхъ, которые новымъ Никоно«вымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ, чтобъ великіе «государи взыскали старое прадѣда и дѣда ихъ государева бла«гочестіе, чтобъ намъ грѣшнымъ простолюдинамъ душами не

«погибнути, отступя отъ старопреданныя святыми апостолы 60.
«христіанскія вѣры».

1) «Въ новой книгѣ, глаголемѣй Скрижали, Дамаскинъ ипо-«діаконъ въ словѣ своемъ въ недѣлю третію святаго поста по-«велѣваетъ намъ православнымъ христіаномъ ходити по-татар-«ски безъ крестовъ, и пишетъ сице: Кая польза, рече, или кая «добродѣтель носити кому крестъ на рамѣ своемъ?

2) «Да онъ же иподіаконъ Дамаскинъ въ томъ же словѣ име-«новалъ безгрѣшнаго сына Божія Господа нашего Іисуса Хри-«ста грѣшнымъ, будто спаситель нашъ распялся за нѣкое по-«грѣшеніе, а не за мірское спасеніе, и пишетъ въ той скрижа-«ли сице (листъ тойже): Тако да имате, рече, предъ собою «смерть вашу, яко же и Онъ, иже имать распинатися за нѣкое «погрѣшеніе, носитъ крестъ на рамѣ своемъ и ходитъ трепеща, «ожидая смерти.

3) «Да въ книгѣ Іоанна Дамаскина четвертой, глаголемѣй «*Небеса*, новаго же выходу Епифаніева переводу Кіевленина, «въ главѣ 27, листъ 56, положено сице: «всякъ убо не испо-«вѣдуя сына Божіяго и Бога во плоти пришествовати, антри-«христъ есть». И тѣмъ сына Божія впреди пришествовати ска-зуютъ, а не пришедша.

4) «Да въ новыхъ же книгахъ во многихъ мѣстахъ, воскре-«сенія сына Божія не проповѣдаютъ: въ служебникахъ на ли-«тургіи, въ тріодѣхъ въ великую субботу, въ тропарѣ, «еже «благообразный Іосифъ»; а въ тропарѣ муроносицамъ женамъ, «и въ кондакѣ «Иже бездну затворивый» безъ окончанія.

5) «Да они же, государи, напечатали въ новомъ потребникѣ, «листъ 42, въ молитвѣ на крещеніе человѣкомъ, моленіе къ ли-«цу лукаваго духа.

6) «Да надъ умершимъ, вмѣсто помазанія святаго масла, ве-«лятъ сыпати пепломъ, его же срамно есть не токмо тако тво-«рити, но и глаголати.

7) «Да они же животворящій крестъ Христовъ, отъ певга и «кедра и кипариса сотворенный, отставили, и возненавидѣ на «его и непотребна сотворили, и возлюбили крыжъ Латинскій и «во всемъ почитаютъ его паче истиннаго отъ трехъ древъ со-«твореннаго.

8) «Да въ тѣхъ же, государи, новыхъ книгахъ напечатано, «по того же Иподіаконову и Малаксову преданію, велѣно намъ «креститися тремя персты, не по преданію святыхъ отецъ «(Скрижаль листъ 773 и 816), а не двѣма.

9) «А нынѣшніе, на конецъ послѣдняго вѣка, новыя вѣры

60. «проповѣдницы зѣло горды и немилосердны и отнюдь не тер-«пѣливы; аще и едино слово явится имъ о вѣрѣ неугодно, и «они за то мучатъ и смерти предати хотятъ.

10) «Да въ тѣхъ же, государи, новыхъ книгахъ напечатано, «велѣно говорити *аллилуіа* трижды, а въ четвертые *слава* »*Тебѣ, Боже*. То есть Латинская ересь. А подобаетъ говорити «дважды *аллилуіа*, а въ третіе *слава Тебѣ, Боже*, якоже «предаде патріархъ Іосифъ Цареградскій, иже былъ на Флорен-«скомъ соборѣ, Еѵфросиму преподобному Псковскому.

11) «Да они же, государи, въ молитвѣ Ісусовѣ сына Божія «именовати намъ не велятъ, невѣдомо для чего, глагоюлще: *Гос-«поди Ісусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ;* а святіи отцы «въ молитвѣ Ісусовѣ сына Божія глаголати повелѣваютъ.

12) «Да въ новыхъ же книгахъ, въ сѵмволѣ вѣры, вмѣсто: «*нѣсть конца* положили *не будетъ конца*, якоже Уніаты въ своемъ сѵмволѣ положили *не будетъ конца*, егда къ Риму «приступили.

13) «Да въ новыхъ же книгахъ напечатано: *И въ духа свя-«таго Гопода животворящаго*, а «*истиннаго*» отставили. «А въ нашихъ Русскихъ книгахъ во всѣхъ нигдѣ *истиннаго* «не отставлено.

14) Да въ новыхъ же книгахъ сѵмволъ православныя вѣры «измѣнили, говорятъ: *И во единаго Господа Іисуса Христа*, и «тою прилагательною литерою *и* отдѣляютъ Сына Божія во инъ «составъ отъ божества.

15) «Да въ новыхъ же книгахъ на Троицкой вечернѣ, екте-«ніа большая и молитва святому духу отставлена, и молятся «стоя по-Римски на колѣнкахъ и главъ не преклоняютъ.

16) «Да въ новыхъ же книгахъ напечатано зѣло худо на «отпустѣ Троицкой вечерни духа святаго истощаніе, сице: «*иже отъ отчіихъ и божественныхъ нѣдръ истощивый себе*, а «въ старыхъ нашихъ книгахъ написано: *изліявъ себе;* то убо «въ лѣпоту, понеже благодать Божія никогда же не истоща-«вается, ниже оскудѣваетъ.

17) «Да въ литургіи, государи, въ дѣйствѣ, и въ молитвахъ, «и въ ектеніахъ, въ новыхъ служебникахъ напечатано не «по преданію святыхъ отецъ, и молитвы предъ литургіею «архіерейскія отставлены; а у насъ въ Россійскомъ царствіи «въ Соловецкой обители писаны служебники харатейные и бу-«мажные лѣтъ по пяти и по шести сотъ и больше, и вѣ нихъ «молитвы архіерейскія есть и съ Никоновыми служебники «не сходятся.

18) «Въ старыхъ служебникахъ указано служити надъ сед- 60—61.
«мію просфирами совершенными кресты; а нынѣ они, новыя
«вѣры учители, истинный трисоставный крестъ Христовъ отъ
«агнца Божія разлучили вонъ и аки изверженна и непотребна
«его сотворили и дѣйствуютъ божественныя службы на кры-
«жахъ Латинскихъ.

19) «Да въ новыхъ же книгахъ напечатано въ тропарѣ во «гробѣ плотски *и на престолѣ былъ еси;* а въ старыхъ кни«гахъ написано во всѣхъ *бѣяше*, а не былъ еси.

20) «Да Никонъ, бывшій патріархъ, завелъ въ вашемъ вели«кихъ государей царствѣ Россійскомъ самое худое, небогоугод«ное дѣло: вмѣсто жезла святителя Петра чудотворца, доспѣлъ «святительскіе жезлы съ проклятыми зміями, не по преданію «святыхъ отецъ, своимъ злоумышленіемъ взялъ отъ жидовства.

21) «Да они же новые учители иноческій чинъ до конца «исказили, ходятъ въ церковь Божію и по торгамъ безъ мантій, «безобразно аки иноземцы, и клобуки перемѣнили, и носятъ «подклейки, аки жены, поверхъ лба, не по преданію святыхъ «отецъ.

22) «Да въ постриженіи иноческомъ въ новомъ потребникѣ «печатанномъ, мантіи на постриженниковъ класть не указано от«нюдь и стиховъ не положено.

23) «Да въ Московскомъ государствѣ новые учители Грече«скими книгами православную нашу христіанскую вѣру истре«били до толика, яко и слѣдъ православія не обрѣтается, и «учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ, яко Мордву и Черемису, аки «отнюдь не вѣдущихъ Бога, истинныя православныя вѣры.

24) «Архіереи обѣма рукама осѣняюще, народъ благослов«ляютъ по-Римски, и то учинилъ Никонъ патріархъ».

61.

Единогласное свидѣтельство очевидцевъ, патріарха Іоакима, Саввы Романова и Сильвестра Медвѣдева, удостовѣряетъ, что цари на соборѣ *не были*. Іоакимъ пишетъ: «Тамо (въ Грановитой палатѣ) предсѣдоша ихъ царское величество: благовѣрная государыня царица и великая княгиня Наталія Кирилловна, и благородная государыня царевна и великая княжна Татіана Михайловна, и благородная государыня и великая княжна Софія Алексѣевна, и благородная государыня царевна и великая княжна Марія Алексѣевна. Сѣдѣ же имъ и наша мѣрность» (т. е. патріархъ сидѣлъ рядомъ съ ними). Савва: «На царскомъ же мѣстѣ сѣдяше царевна Софія Алексѣевна, а на другомъ

61—63. царьскомъ мѣстѣ Татьяна Михаиловна, а по правую сторону Наталья Кирилловна, а подлѣ царицы царевна Марѳа Алексѣевна, а промежь царскихъ мѣстъ царевна Анна Михаиловна (ни Патріархъ, ни Медвѣдевъ объ ней ни упоминаютъ), а подлѣ царевны Софіи одоль въ углу патріархъ сидитъ». Медвѣдевъ: «Пришедше же (царица и царевны) съ святѣйшимъ патріархомъ въ Грановитую палату, сѣдоша сице: на двухъ государскихъ мѣстахъ, на единомъ тетка ихъ, государыня царевна Татьяна Михаиловна, на второмъ сестра ихъ Софія Алексѣевна, подъ ними же на креслахъ государыня царица Наталія Кирилловна и государыня царевна Марія Алексѣевна, на креслахъ же вравнѣ святѣйшій Іоакимъ Патріархъ». Вопреки симъ неоспоримымъ свидѣтельствамъ, Матвѣевъ, описавшій мятежъ Никиты Пустосвята весьма кратко, по слухамъ, говоритъ: «Мѣсяца іюля въ 5 день собралися въ Грановитую палату *благочестивые государи цари* и благовѣрныя царицы, благородныя царевны, святѣйшій патріархъ и проч.». Когда же Никита бросился на архіепископа Аѳанасія «благочестивые цари, увидѣвъ таковой не укротимый раскольниковъ на людей, паче же на церковь святую, мятежъ, встали и со гнѣвомъ изъ палаты вышли». Основываясь, вѣроятно, на словахъ Матвѣева, Крекшинъ придумалъ отъ себя слѣдующее: «Царь Петръ Алексѣевичъ, по возстаніи отъ престола своего, снемъ вѣнецъ съ главы, рекъ со слезами: «пока сей вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ «моемъ, не дамъ матери моей церкви воевати и правую вѣру не «правою нарицати, и всѣмъ повелѣваю вамъ и самъ юже содержу «церковь нарицаю матерью и вѣру, въ ней же пребываю, пра«вою и истинною». Рекій сингклиту своему: «что стоите и не дер«заете противъ враговъ!» И повелѣ изгнати еретиковъ вонъ». Голиковъ слѣпо повѣрилъ выдумкѣ Крекшина.

62.

Патріархъ Іоакимъ говоритъ глухо, что раскольниковъ спросили царскія величества «за чѣмъ они пришли»? Медвѣдевъ же именно свидѣтельствуетъ, что первое слово заговорила Софія, вопреки Саввѣ, который говоритъ, будто вошедшихъ раскольниковъ «началъ вопрошать патріархъ: какова ради дѣла пріидосте въ царскія палаты и что требуете отъ насъ?»

63.

Вообще думаютъ, что Никита Пустосвятъ казненъ на другой день послѣ пренія въ Грановитой палатѣ (*Исторія Русской*

церкви въ періодъ патріаршества. Рига, 1847, *стр. 211*; также и Полевой въ своемъ *Обозрѣніи, 72)*. Но патріархъ Іоакимъ говоритъ, что «Никита и сообщники его, по выходѣ изъ Грановитой палаты, какъ тогда на Лобномъ мѣстѣ, такъ и во *иные* дни лукавымъ духомъ томими бѣху, обмирающе, падаху,точаще пѣны». Медвѣдевъ записалъ число, когда отсѣчена Пустосвяту голова на Красной площади; къ сожалѣнію, въ спискахъ, которыми я пользовался, число не вписано; въ изданіи же Сахарова ошибка очевидна (20 іюня). Все дѣло разрѣшаетъ Савва, сказавъ, что «во вторникъ на первомъ часу (т. е. при восхожденіи солнца), отцу Никитѣ главу отсѣкли». Преніе происходило въ среду 5 іюля; слѣдовательно первый вторникъ будетъ 11 іюля. 63—65.

64.

Любопытные могутъ прочесть въ Исторіи Крекшина (по изданію Сахарова, стр. 56—59), выдуманную имъ басню, будто 1 ноября цари требовали указомъ прислать въ Троицкій монастырь главныхъ зачинщиковъ мятежа; оказалось ихъ 2.700 человѣкъ; сами они, желая смыть имя бунтовщиковъ, положили себѣ петли на шеи и, взявъ плахи съ топорами, отправились въ Лавру и проч. Ничего подобнаго не было, какъ свидѣтельствуютъ всѣ акты, сохраненные Медвѣдевымъ.

65.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ сынъ Василія Андреевича, упоминаемаго неоднократно въ числѣ стольниковъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича (см. *Дворцовые разряды, изд. 1852 года*, III. 150.281.291, подъ годами 1650, 1651, 1652). Въ родословной князей Голицыныхъ, напечатанной въ *Древн. Росс. Вив. XVII. 204*, князь Василій Андреевичъ названъ бояриномъ; то же повторяютъ и новѣйшіе историки (Бантышъ-Каменскій и др.), но не справедливо: имени его нѣтъ въ числѣ бояръ ни въ послужномъ спискѣ старинныхъ чиновниковъ Россіи *(Древн. Росс. Вив. XX)*, ни въ Дворцовыхъ разрядахъ, ни въ Родословной наконецъ книгѣ: послѣднее обстоятельство очень важно. Изданная Новиковымъ въ 1787 году, Родословная книга составлена повелѣніемъ царевны Софіи, въ то время, когда любимецъ ея былъ въ полной силѣ; но тамъ именно сказано (1.37), что изъ 4 сыновей боярина князя Андрея Андреевича (дѣда князя Василія Васильевича) только три

65. младшіе были въ боярахъ; объ отцѣ же его не упомянуто. *) Столь же несправедливо показано въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ (XVII. 204), что у временщика былъ старшій братъ, князь Иванъ Васильевичъ, упоминаемый въ числѣ стольниковъ подъ 1603 годомъ и потомъ бояриномъ: въ такомъ случаѣ онъ будетъ старѣе своего отца, котораго находимъ подъ годомъ 1644 *(Дворц. Разряды II. 727)* въ числѣ чашниковъ; извѣстно, что въ этомъ званіи были обыкновенно люди еще молодые; какимъ же образомъ чашникъ 1644 года могъ имѣть сыномъ стольника 1603? Это обстоятельство возбуждаетъ сомнѣніе, вдова ли князя Ивана Васильевича была мамою Петра Великаго? Кн. Василій Васильевичъ родился, если вѣрить сочинителю его родословной, впрочемъ весьма неисправной, въ 1643 году; слѣдовательно въ 1682 году ему было около 40 лѣтъ. По актамъ Розряда *(Древн. Вив. XVII, 289)*, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ его въ 1675 году, еще въ чинѣ *стольника*, на Украйну, *для* береженія городовъ отъ прихода Турскаго султана, давъ ему въ товарищи *окольничаго* князя Константина Осиповича Щербатова; значитъ, онъ пользовался особенною довѣренностію царя Алексѣя. Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ его прямо въ бояре, въ первый годъ своего царствованія, и, по усмиреніи Дорошенка, далъ ему изъ своихъ рукъ булаву сего знаменитаго вождя казаковъ. Во время войны съ Турками, Голицынъ былъ главнокомандующимъ Русскою арміею на Украйнѣ и до заключенія мира не сходилъ съ ратнаго поля; впрочемъ при оборонѣ Чигирина не былъ и въ сраженія не вступалъ. Важнѣйшимъ дѣломъ его при Ѳеодорѣ было уничтоженіе мѣстничества (Собор. дѣяніе въ *Полн. Собр. Зак. II. 905*): оно тѣмъ болѣе достопамятно, что Голицынъ обнаружилъ при этомъ случаѣ столько же ума, сколько и безкорыстія: съ отмѣною родословныхъ расчетовъ онъ терялъ едва ли не болѣе другихъ, потому что родъ его принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ по службѣ. Царевна Софія поручила ему Посольскій приказъ, тотчасъ по убіеніи стрѣльцами завѣдывавшаго имъ думнаго дьяка Ларіона Иванова, и вѣроятно тогда же, или по крайней мѣрѣ вскорѣ, украсила его титуломъ, который имѣлъ славный Ордынъ-Нащокинъ, «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя». О времени назначенія его на-

*) Дѣло разрѣшается изданнымъ въ 1852 году третьимъ томомъ *Дворцовыхъ разрядовъ:* тамъ на стр. 297 подъ годомъ 1652 сказано: «Рында былъ у саадака стольникъ князь Алексѣй княжъ Андреевъ сынъ Голицынъ; а какъ князь Алексѣй Голицынъ отпущенъ къ Москвѣ *для смерти* брата своего князя *Василья Голицына»*.... (Онъ умеръ въ январѣ 1652 года).

чальникомъ Посольскаго приказа, именно 16 Мая 1682, свидѣтельствуютъ дѣла приказа *(Древн. Рос. Вив. XX. 372)*, и слова Датскаго резидента, бывшаго тогда въ Москвѣ *(Theatrum Europ. XII. 448)*; былъ ли присвоенъ ему тогда же титулъ *оберегателя*, какъ пишетъ Малиновскій *(Труды Общ. Ист. VII. 71)*, мы не знаемъ; но вопреки Полевому *(Обозрѣніе, 89)*, Голицынъ имѣлъ это званіе гораздо прежде казни Хованскаго, именно во время коронаціи Іоанна и Петра. Нёвиль отзывается съ большою похвалою объ его умѣ, образованіи и трезвости, свидѣтельствуя, что онъ зналъ языкъ Латинскій и имѣлъ прекрасный домъ въ Москвѣ, напоминавшій Италіянскія палаты *(Relation, 16 и 55)*. 65—67.

66.

По словамъ Бобровича, издавшаго *Herbarz Polski Нѣсецкаго* въ 1839 году (т. III. 264), князья Четвертинскіе были потомки Святополка - Михаила Изяславича, великаго князя Кіевскаго (ум. въ 1112 году), въ родѣ внука его, Александра Андреевича, получившаго прозваніе Четвертинскаго, отъ города Четвертни (Czetwertni) въ Волыни надъ Стыремъ, гдѣ онъ основалъ монастырь св. Василія въ 1437 году. Всѣ потомки его назывались князьями Святополками-Четвертинскими. Они были въ прямой линіи: Ѳеодоръ, Василій, Ѳеодоръ, Евстафій, Григорій, Захарііі; у послѣдняго три сына: Іеронимъ князь Святополкъ-Четвертинскій, Андрей князь Святополкъ-Четвертинскій, ротмистръ Польскаго войска, и Гедеонъ князь Святополкъ-Четвертинскій, съ 1632 года (должно быть съ 1661) епископъ Луцкій и Острожскій. Не знаемъ, въ какой степени вѣрна эта генеалогія; но первый князь Святополкъ-Чётвертинскій Александръ не могъ быть *внукомъ* Святополка-Михаила: иначе онъ и отецъ жили по 200 лѣтъ.

67.

Въ грамматѣ Досиѳея изъ Адріанополя въ апрѣлѣ 1686 года сказано слѣдующее: «Мало вамъ, что Московская митрополія «стала патріаршимъ престоломъ, что избираетъ васъ свой со«боръ и признаютъ васъ всѣ патріархи: вамъ понадобилась еще «чужая епархія! Чѣмъ оправдаетесь предъ Богомъ и предъ «людьми? Вы думаете, что если въ Москвѣ посвятится митропо«литъ Кіеву, то казаки будутъ стоять добрѣ; а если въ Кон«стантинополѣ, то недобрѣ. Но не болѣе ли будетъ зла, когда «христіане, подвластные Польшѣ, изберутъ другаго митрополи-

67—69. «та, мимо вашего? Не будетъ ли вамъ грѣшно предъ Богомъ, «стыдно предъ людьми? Къ тому же посолъ вашъ объявилъ «намъ, что посланія къ намъ не привезъ, а только милостыню; «но и той не отдаетъ, пока не вручимъ ему требуемой вами «грамматы. Пожалуй, вы захотите самый Іерусалимъ обратить «въ вашу епископію, чтобы мы ноги ваши мыли! Довольно бы«ло бы тебѣ, братъ, оставаться намѣстникомъ Цареградскаго «патріарха и управлять отъ имени его Кіевскою митрополіею. «Честь ваша были бы невредима, преданія церковныя остались «бы неприкосновенны, да и христіане жили бы мирно. Впро«чемъ, дѣлайте что хотите; а нашего благословенія нѣтъ. Мо«жетъ быть, вы скажете, что мы вступаемся въ чужую епар«хію, подобно тому, какъ говорилъ Артемонъ, когда взялъ чет«вертую жену, и мы претили ему, а онъ отвѣчалъ: «Іеруса«лимскій де ищетъ въ чужой епархіи». Но мы господственная «часть соборной церкви и глаголемъ объ ней во всякомъ мѣстѣ, «во всемъ мірѣ; внимайте убо, епископы: духъ святый поста«вилъ васъ пасти Церковь Божію, а не смущать ее».

68.

Діонисій просилъ прислать: a) 4 иконы, украшенныя, по данной мѣрѣ, одну пресв. Богородицы, другую св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, третью св. богоносныхъ отецъ, трехъ Святителей, четвертую препод. Николая чудотворца; b) паникадило большое, въ которомъ было бы 42 мѣста; c) большой палилей, въ которомъ было бы 36 мѣстъ, такой величины, какъ присланъ былъ прежде отъ приснопамятныхъ отцевъ царскихъ величествъ; d) кладезь сребряный олтарный; e) крестъ сребряный великій; f) двѣ репиды сребряныя великія; g) кадильницу сребряную великую; h) кіотъ единый красный. «Все сіе», присовокупляетъ патріархъ «было даровано прародителями вашихъ царскихъ величествъ: «но во время губительное, овое отъ пожара сокрушено, овая восхищена суть».

69.

Въ какой степени справедливо это исчисленіе убытковъ, понесенныхъ Россіею въ слѣдствіе измѣны Брюховецкаго, можно видѣть изъ *смѣтной росписи*, составленной по требованію полномочнаго посла нашего на второмъ Андрусовскомъ съѣздѣ, боярина Аѳан. Лав. Ордына-Нащокина. Въ ней сказано:

«Въ 176 и 177 на государевѣ службѣ были бояре и воеводы, по измѣнѣ Брюховецкаго, противъ Дорошенка.

Съ *Сѣвскими* полками бояринъ и воевода кн. Григорій Семеновичъ Куракинъ; у него: 69.

Стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ	2,918	чел.
Городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ	9,753	—
Рейтарскаго, драгунскаго и солдатскаго строевъ полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей	525	—
Рейтаръ, драгунъ и солдатъ	9,545	—
Полковниковъ, головъ и сотниковъ Московскихъ стрѣльцовъ	138	—
Стрѣльцовъ	19,000	—
	41,879	чел.
Въ Сѣвскѣ для береженія съ стольникомъ кн. Сем. Андр. Хованскимъ: Дворянъ и дѣтей боярскихъ	6,354	чел.
	48,233	чел.

Съ *Бѣлгородскимъ* полкомъ кн. Григорій Григорьевичъ Рамодановскій; у него:

Полковниковъ и начальныхъ людей	413	—
Дворянъ полковой службы	307	—
Копейщиковъ	1,093	—
Рейтаръ	8,838	—
Драгунъ	427	—
Солдатъ	4,600	—
Стрѣльцовъ	653	—
Черкасъ	6,497	—
Въ Бѣлгородѣ для береженья съ Замятнею Тяпкинымъ разныхъ ратныхъ людей	38,534	чел.
	61,362	чел.
Съ *Смоленскимъ* полкомъ стольникъ к. К. Щербатой	2,467	чел.
всего въ 176 и 177 г.	112,062	чел.

Для той службы на подъемъ и кормовыхъ денегъ

дано въ Москвѣ	149,768	руб.
Еще послано съ Москвы	265,037	—
Ружья и карабиновъ на	35,694	—
	450,499	руб.

стрѣлецкой пустоши, а на той де мельницѣ всякій хлѣбъ мелютъ». *Изъ Московск. Архива Старыхъ дѣлъ.* 71—74.

72.

Въ Бѣлевской разборной книгѣ: «*Пушкари.* 1) Обрамка Тимоѳеевъ сынъ Шумилинъ въ сказкѣ его написалъ: служитъ де онъ пушкарскую службу лѣтъ съ 30 и больше, съ земли; а земли де за нимъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ порозжихъ мѣстахъ двѣ десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ. 2) Ивашко Ивановъ сынъ Бѣлобородовъ у разбору не былъ, а у смотру про него сказано: въ прошломъ де въ 206 году, по указу великаго государя и по грамотѣ изъ приказа Малыя Россіи, вышелъ въ посадъ въ тягло; а нынѣ де тою пашенною землею владѣетъ Бѣлевскій пушкарь Ивашко Фроловъ и пушкарскую службу служитъ. *Кузнецы.* Аѳонька Константиновъ сынъ Евстратовъ въ сказкѣ своей написалъ: служитъ де онъ полковую службу въ казенныхъ кузнецахъ съ 187 году съ денежнаго жалованья, а денежнаго де жалованья идетъ ему по два рубли на годъ; угодій и промысловъ за нимъ нѣтъ». *Изъ Московск. Архива Старыхъ дѣлъ.*

73.

Въ Бѣлевской разборной книгѣ: «*Бѣлевскіе козаки.* Евсейка Сидоровъ сынъ Челцовъ, въ сказкѣ его написано: служитъ де онъ въ козакѣхъ лѣтъ съ шесть съ земли; а земли за нимъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ Погорѣльскомъ стану, въ селѣ Княгининѣ, 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; у него братъ Тишка Кондратьевъ, сынъ Челцовъ, 15 лѣтъ; а иныхъ недорослей и угодій никакихъ за нимъ нѣтъ». *Изъ Московск. Архива Старыхъ дѣлъ.*

74.

Разборная книга 189 (1681) года: «*Стольники.* 1) Левъ Ивановъ сынъ Салтыковъ служитъ съ 157 году, былъ на трехъ службахъ и въ двухъ посылкахъ, въ походѣхъ за великимъ княземъ ѣздилъ 20 лѣтъ; крестьянъ за нимъ 393 двора; на государевѣ службѣ будетъ онъ на конѣ, съ ружьемъ; людей за нимъ съ боемъ 8 человѣкъ, 2 лошади простыхъ, да въ кошу (въ обозѣ) пять человѣкъ съ пищальми и съ бердыши. 2) Князь Андрей княжъ Ивановъ сынъ Хованскій служитъ съ 167 году 22 года, и былъ на четырехъ службахъ; крестьянъ за нимъ 257 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ онъ на аргамакѣ, съ саб-

74. лею, въ саадакѣ, двѣ лошади простыхъ; людей съ боемъ 9 человѣкъ, 2 конюха, въ кошу 10 человѣкъ съ винтованными пищальми. 3) Князь Андрей Канбулатовъ сынъ Черкаскій служитъ съ 179 году десять лѣтъ; въ походѣхъ за великимъ княземъ ѣздитъ 9 лѣтъ; крестьянъ за нимъ 618 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ, въ пансырѣ, въ саадакѣ, да 4 лошади простыхъ; съ боемъ людей 12 человѣкъ, въ кошу 12 человѣкъ, съ пищалями, да съ бердыши. 4) Михайло Львовъ сынъ Плещеевъ служитъ съ 140 году 49 лѣтъ и былъ на 5 службахъ, да въ одной посылкѣ, на воеводствѣ въ Казани въ Симбирску; крестьянъ за нимъ 764 двора; на государевѣ службѣ будетъ онъ на аргамакѣ, въ бронѣ и въ саадакѣ, 5 лошадей простыхъ, а на нихъ кончеры и палаши; людей съ боемъ 25 человѣкъ. 5) Князь Лука княжъ Ѳедоровъ сынъ Долгоруковъ служитъ съ 178 году 11 лѣтъ, въ походѣхъ за великимъ государемъ ѣздитъ 7-й годъ; крестьянъ за нимъ 91 дворъ; на государевѣ службѣ будетъ онъ на аргамакѣ, въ пансырѣ и въ зерцалахъ, въ саадакѣ, съ саблею, 4 лошади простыхъ съ кончеры и съ пистолеты; людей съ боемъ 6 человѣкъ, въ кошу съ пищальми и съ бердыши 4 человѣка.

«*Стряпчіе*. 1) Михайло Петровъ сынъ Бестужевъ служитъ съ 145 году, былъ на 11 службахъ, да на воеводствѣ въ Черновскомъ 2 года; крестьянъ за нимъ 101 дворъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ съ пистольми, лошадь проста; людей за нимъ съ боемъ 5 человѣкъ, въ кошу 2 человѣка. 2) Михайло Яковлевъ сынъ Коробинъ служитъ съ 159 году 29 годъ, былъ на 5 службахъ, да въ посылкѣ; крестьянъ за нимъ 48 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ, съ саблею, лошадь проста; людей за нимъ съ боемъ 2 человѣка; да въ кошу 2 человѣка съ пищальми и съ бердыши. 3) Данило Ивановъ сынъ Хрущовъ служитъ съ 156 года 33 годъ, былъ на 8 службахъ и раненъ; онъ же былъ на воеводствѣ въ Сибири въ Кетцкомъ; крестьянъ за нимъ 26 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ, въ саадакѣ, съ саблею, лошадь проста; людей за нимъ съ боемъ 1 человѣкъ; въ кошу 2 человѣка съ бердыши.

«*Дворяне*. 1) Князь Иванъ княжъ Дмитріевъ сынъ Барятинскій служитъ съ 151 года 38 годъ и былъ на 9 службахъ, да на воеводствѣ въ Торопцѣ два года, да на Самарѣ два года; крестьянъ за нимъ 133 двора; на государевѣ службѣ будетъ онъ на конѣ, въ саблѣ, пара пистолей, двѣ лошади простыхъ, людей съ боемъ 5 человѣкъ, въ кошу 4 человѣка съ долгими

пищальми и съ бердыши. 2) Петръ Васильевъ сынъ Коновницынъ служитъ съ 151 году 37 лѣтъ, былъ на 5 службахъ, да на двухъ за него сынъ, крестьянъ за нимъ 6 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ за него сынъ на конѣ, пара пистолей, человѣкъ въ кошу. 3) Князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Щетининъ служитъ съ 162 года 27 лѣтъ и былъ на службахъ и раненъ, крестьянъ за нимъ 7 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ, съ саблею, пара пистолей; людей съ боемъ 1 человѣкъ, въ кошу 1 человѣкъ. 74.

«*Жильцы.* 1) Семенъ Аѳанасьевъ сынъ Захаровъ служитъ съ 147 году 42 года, былъ на 12 службахъ и раненъ; крестьянъ за нимъ 87 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ, съ саблею, пара пистолей, лошадь проста; съ боемъ 2 человѣка съ карабины, въ кошу 2 человѣка съ пищальми и съ бердыши. 2) Андрей Яковлевъ сынъ Нелединскій служитъ съ 169 года 19 лѣтъ, и былъ на пяти службахъ; крестьянъ за нимъ 13 дворовъ; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ съ саблею, пара пистолей, въ кошу 2 человѣка. 3) Михайло Елизарьевъ сынъ Похвисневъ служитъ съ 148 году 42 годъ, крестьянъ за нимъ 34 двора; на государевѣ службѣ будетъ на конѣ съ саблею, да пара пистолей; людей за нимъ съ простымъ конемъ 1, съ боемъ 2, въ кошу 4 человѣка.

Разборная книга по Воронежу 137 года: «*Городовые дворяне, статья первая.* Васька Леонтіевъ сынъ Небольсинъ. Окладчики сказали: отцу его помѣстный окладъ былъ 350 четя, денегъ съ городомъ 10 рублевъ, въ дачахъ было что помѣстья, того не упомнитъ; служитъ 12 лѣтъ; а помѣстья за нимъ нѣтъ, братьи у него нѣтъ.

Разборная книга Орловскаго уѣзда: «*Дворяне сотенныя полковыя службы.* Степанъ Макаровъ сынъ Телѣгинъ; по сказкѣ брата его Ивана, братъ его Степанъ умре, а онъ Иванъ въ службу не поспѣлъ; помѣстья за нимъ въ Орловскомъ уѣздѣ 100 четвертей, да два двора задворныхъ, да дворовой одинъ человѣкъ. А опричь того у него, Ивана, дѣтей и племянниковъ, и никакихъ свойственниковъ, и крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и никакихъ пожиточныхъ угодій и оброчныхъ статей нѣтъ. Сергѣй Леонтьевъ сынъ Завалишинъ по сказкѣ, какову подалъ, дѣти у него: Ѳедоръ 14 лѣтъ, Ермола 7 лѣтъ, Илья 5 лѣтъ, Федотъ 3 лѣтъ; помѣстья за нимъ въ Орловскомъ уѣздѣ 150 четвертей, да во дворѣ дѣловыхъ людей 5 человѣкъ; а опричь того никакихъ угодій за нимъ нѣтъ». *Изъ Московск. Архива Старыхъ дѣлъ.*

75—77.

75.

Девять ротъ иноземцевъ стараго выѣзда упоминаются въ числѣ войскъ, посланныхъ съ боярами кн. Черкаскимъ и кн. Пожарскимъ подъ Смоленскъ въ декабрѣ 1633 года. Сверхъ того, вышло ихъ изъ-подъ Смоленска съ Шеиномъ 274 человѣка Гречанъ, Сербьянъ и Волошанъ. Ротмистрами 9 ротъ были: Николай Мустофинъ, Прокофій Мышевскій, Юрій Кулаковскій, Григорій Врасловскій, Михайло Желиборскій, Лаврентій Красовскій, Елизаръ Журовскій. Изъ нихъ одинъ, именно Мышевскій, во время похода, измѣнилъ и отъѣхалъ къ королю. *Акты Арх. Экспед. III. стр. 356. 377* и *378.*

76.

Первое извѣстіе о намѣреніи царя Михаила Өеодоровича ввести иноземный строй въ Русскія войска, находимъ въ предложеніи подполковника Индрика фанъ-Дама, объ отправленіи его за границу для найма одного полка вольныхъ Нѣмцевъ, 18 января 1631 года, въ слѣдующей статьѣ: «Индрикъ же Фан«дамъ говорилъ: здѣсь-де указалъ государь служилымъ Рус«скимъ людямъ быти въ ученьи ратнаго дѣла, а начальныхъ де «Нѣмецкихъ людей добрыхъ здѣсь нынѣ мало и пишутъ «къ нимъ въ начальники новыхъ людей, которымъ то не гораз«до въ обычай». *Собр. Госуд. Грам. и Догов. III. стр. 315.*

77.

Дѣло Московск. Главн. Архива (безъ конца), переданное въ Военное министерство, о выѣздѣ въ Россію нанятыхъ полковникомъ Лесли иноземцевъ. Лесли приговорилъ пѣхотныхъ солдатъ 7.539; со вскрытіемъ водъ, по первому весеннему пути въ 1632 году, прибыли къ Ругодеву (Нарвѣ) 2.500 человѣкъ. Лесли писалъ, что нанялъ въ Англіи еще 2.000 человѣкъ, приговаривалъ и болѣе, чтобы, если иные не явятся, не было недостатка къ полному числу 7.000, назначенному въ государевомъ указѣ. Англійскіе солдаты прибыли къ Архангельску. Для пріема тѣхъ и другихъ посланы знатные сановники. На Новгородскомъ рубежѣ принято 1.418 человѣкъ, въ Архангельскѣ 676, итого 2.094. Всего же приведено Лесліемъ 4.633 человѣкъ; изъ того числа въ 1632 и 1633 годахъ померло 214 человѣкъ. Сколько привелъ фанъ-Дамъ, неизвѣстно. Ему поручено было нанять до 2.000 человѣкъ. Въ Шеиновомъ походѣ упоминаются слѣдующіе иноземные полковники (*Акты Археог. Экспед. III. стр. 377*): старшій полковникъ Александръ Лесли, рейтарскій пол-

ковникъ Самойло Шарло Делбертъ, Анцъ Фредрикъ Фуксъ, Якубъ Шарло, Индрикъ Фалдамъ, Фалентинъ Росформъ, Вилимъ Китъ, Юрій Маитесонъ. 77—78.

78.

Разборныя книги по городу Галичу 187 года (1679):

«*Копейщики.* a) Дементій Юрьевъ сынъ Травинъ. А въ сказкѣ его написано: служитъ де онъ великому государю въ копейщикахъ съ 166 году; а помѣстье за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Корежской волости, четвертныя пашни 23 чети, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и доходу ему съ той пашни нѣтъ; а дѣтей у него сынъ Петръ полугоду; а въ прошлыхъ въ 184, и въ 185 и въ 186 годѣхъ былъ онъ на службѣ великаго государя съ пріѣзду и до отпуску; а нынѣ онъ будетъ на службѣ великаго государя на меринѣ, съ саблею, да съ копьемъ; а пару пистолей у него отбили, какъ пошли отходомъ изъ-подъ Чигирина. b) Тимоѳей Сергѣевъ сынъ Сипягинъ. А въ сказкѣ его написано: служитъ де онъ великому государю въ рейтарехъ съ 162 года; а помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 24 чети; а дѣтей у него сынъ Тимоѳей 10 лѣтъ, Алексѣй 7; а въ копейщики написанъ въ 184 году; а на службѣ великаго государя будетъ онъ на меринѣ, съ саблею; да человѣкъ въ кошу съ бердышемъ; а пара пистолей и копье подъ Чигириномъ на рѣкѣ Тесмѣ потонуло.

«*Рейтары.* a) Ѳадей Семеновъ сынъ Апушкинъ. А въ сказкѣ его написано: служитъ де онъ великому государю съ 162 году въ рейтарехъ, а помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 81 четверть, а крестьянскихъ и бобыльскихъ 7 дворовъ; а дѣтей у него сынъ Семенъ 9 лѣтъ; а въ 183 году пожалованъ онъ по дворовому (т. е. списку); а будетъ онъ великаго государя на службѣ на меринѣ, съ саблею, да пара пистолей; а карабинъ у него разорвало на большомъ бою на Бужинской горѣ; а латъ ему не дано; а въ 184, 185 и 186 годахъ на службѣ великаго государя былъ съ пріѣзду и до отпуску. b) Яковъ Ѳедоровъ сынъ Шигоринъ. А въ сказкѣ его написано: служитъ де онъ великому государю съ городомъ по Галичу съ 161 году, а въ 185 году пожалованъ въ рейтары; а помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 12 чети; дѣтей и свойственниковъ въ домѣ его нѣтъ; а на службѣ великаго государя въ 184, 185 и 186 и въ нынѣшнемъ 187 годѣхъ былъ съ пріѣзду и до отпуску; и нынѣ на службѣ великаго государя будетъ на меринѣ, съ саблею, да съ карабиномъ. c) Моисей Богдановъ: служитъ де онъ вели-

78—80. кому государю съ 186 году, а помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 11 чети; а дѣтей и родственниковъ въ домѣ нѣтъ; а въ прошломъ въ 186 году на службѣ великаго государя былъ съ пріѣзду и до отпуску; и нынѣ будетъ онъ на службѣ великаго государя на меринѣ, съ саблею; а что дано было изъ казны великаго государя пара пистолей да карабинъ, и латы, и шишакъ, и то ружье отбили, какъ шли отходомъ отъ Чигирина къ Днѣпру.

.«Да у смотружъ и у розбору били челомъ великому государю, а стольнику князю Ѳедору Семеновичу Шаховскому подали челобитныя и сказки за руками *недоросли*, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и рейтарскія дѣти, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ велѣлъ написать въ полковую рейтарскую службу. И они противъ ихъ челобитья и сказокъ подъ сею статьею писаны: a) Филиппъ Григорьевъ сынъ Гортаковъ; а въ сказкѣ его написано: помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 40 четвертей; а дѣтей у него сынъ Михайло 10 лѣтъ, да сынъ Иванъ 6 лѣтъ; а на службѣ великаго государя будетъ онъ на меринѣ, съ саблею. b) Иванъ Максимовъ сынъ Перфильевъ; а въ сказкѣ его написано: помѣстья за нимъ нѣтъ ни одной четверти; а на службѣ великаго государя будетъ онъ на меринѣ, съ саблею. c) Григорій Михайловъ сынъ Перфильевъ; а въ сказкѣ его написано: помѣстья за нимъ въ Галицкомъ уѣздѣ 10 четвертей; а дѣтей и сродниковъ въ домѣ его никого нѣтъ; а на службѣ великаго государя будетъ онъ на меринѣ, съ саблею. *Книга Московскаго стола № 106, въ Архивѣ Старыхъ дѣлъ.*

79.

Въ *Счетной книгѣ 196 года:* «Копейнаго строю Тобіанова полку Калбрехта 10 знаменъ копейныхъ, 10 трубъ съ муштуки. Рейтарскаго строю въ Ивановѣ полку Барова: 10 знаменъ, изъ нихъ одно полковничье и девять ротныхъ, 10 трубъ съ муштуки, и съ шнуры и съ олстры безъ завѣсокъ; 3 пары литавръ съ подушки и съ ремни. Зелья 25 пудъ, свинцу 11 пудъ, 18 заступовъ, 1 обрѣзъ. Знамена у полковника, а полковые припасы у маіора.

80.

Вотъ имена полковниковъ копейнаго и рейтарскаго строя по росписанію 1681 года (нѣкоторыя изъ нихъ очевидно исковерканы): Францъ Ульфъ (генералъ-поручикъ), Яганъ Гулицъ, Андрей Гулицъ, Михайло Гоптъ, Григорій *Тарбѣевъ* (стольникъ и

полковникъ), Ѳедоръ Кохъ, Петръ Скоржинскій, Томасъ Юнгеръ, Афанасій Траурнихтъ (генералъ-поручикъ), Христофоръ Ригиманъ, Михайло *Челищевъ*, Петръ Фрелихъ, Данило Пульстъ, Михайло Лицкинъ, Яковъ Фанговенъ, Моисей *Беклемишевъ*, Михайло *Зыковъ*, Григорій *Шишковъ*, Петръ Рыдеръ, Вилимъ Рейтаръ, Яковъ Билсъ (генералъ-маіоръ), Никита Дромонтъ, Петръ Стремичевскій, Яганъ Фанфеникъ-Биръ, Андрей Цей. Слѣдовательно 20 иноземцевъ и 5 Русскихъ. 80—82.

81.

Приведемъ одинъ примѣръ изъ числа тысячи подобныхъ: «Лѣта 7188, августа въ 15 день, по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея Россіи самодержца указу и по наказной изъ рейтарскаго приказа, за приписью дьяка Артемья Волкова, велѣно рейтарскаго строю полковнику Ѳедору Петровичу Коху и начальнымъ людемъ Ярославцевъ, Романовцевъ, Углечанъ, копейщиковъ и рейтаръ, сентября съ 1 числа октября по 1 число 189 года учить ратному строю и полковому ополченью въ Ярославлѣ, на какихъ мѣстахъ пристойно, чтобъ тѣ копейщики и рейтары ратному строю были навычны. И по указу великаго государя.... рейтарскаго строю полковникъ Ѳедоръ Петровичъ Кохъ, пріѣхавъ въ Ярославль августа въ 17 день, тѣхъ городовъ начальныхъ людей и копейщиковъ и рейтаръ дождався изъ уѣздовъ, и записавъ пріѣзды у себя для вѣдома по числамъ, и пересмотря ихъ на лицо и переписавъ у нихъ, что у кого и какого ружья, и на добрыхъ ли лошадяхъ, ратному строю и полковому ополченію сентября съ 1 числа октября по 1 число 189 году училъ безпрестанно. А пересмотря ихъ и переписавъ у нихъ на лицо ружье и лошади, и роздавъ имъ пороховыя казны на всякаго человѣка по фунту, и уча ихъ тому ратному строю и полковому ополченію, великаго государя указъ сказалъ имъ всѣмъ въ слухъ, чтобы они впредь на его государеву службу были готовы съ полнымъ ружьемъ и на добрыхъ лошадяхъ; и съ вѣдома думнаго дворянина и воеводы Ивана Ивановича Баклановскаго, тѣхъ служилыхъ людей сентября въ 30 день 189 году распустилъ». *Книга Московскаго стола № 115, въ Архивѣ Старыхъ дѣлъ.*

82.

Въ разборной книгѣ по городу Орлу конца XVII вѣка: «*Драгуны 1-й половины*. Еремка Ивановъ сынъ Брыловъ, по сказкѣ его, какову подалъ, пашенной земли за нимъ 25 четн; а дѣтей

82—83. и братьевъ и никакихъ свойственниковъ, денежнаго и хлѣбнаго жалованья и никакихъ пожиточныхъ угодій нѣтъ». Подобныя же сказки поданы и другими драгунами Орловскаго уѣзда. *Архивъ Старыхъ дѣлъ.*

83.

Въ Сѣвской разборной книгѣ конца XVII вѣка: *Солдаты.* a) Панька Аввакумовъ сынъ Морщанской, а въ сказкѣ, какову подалъ, написано: служитъ де онъ солдатскую службу съ 205 года съ земли, а земли де за нимъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ Погорѣльскомъ стану, въ деревнѣ Песковатой 15 четвертей въ полѣ, а въ дву по томужъ. b) Азарко Карповъ у разбору не былъ; а у смотру сказали: онъ де Азарко и сынъ его Тараско умре; а послѣ де его остался внукъ Еремка Тарасовъ сынъ въ малыхъ лѣтѣхъ; а служилъ де онъ Азарко съ земли; а земли де за нимъ было въ Бѣлевскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Петровой 6 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ, и тою де землею владѣетъ внукъ его Еремка, и написанъ онъ въ недоросляхъ». *Архивъ Старыхъ дѣлъ.*

84.

Имена полковниковъ солдатскаго строю, по росписанію 1681 года: Агей Алексѣевичъ *Шепелевъ* (генералъ-маіоръ), Матвѣй Осиповичъ *Кровковъ* (генералъ-маіоръ), Михайло Вѣстовъ, Николай Фливеркъ, Тимоѳей фонъ-дер-Виднинъ, Яковъ Ронортъ, Яковъ Фанфростенъ, Самойло Вѣстовъ, Яковъ Фанголстенъ, Иванъ *Дубасовъ,* Олферей Выбергъ, Артемій Росформъ, Яковъ Ловзинъ, Варѳоломей Ронортъ, Владиславъ Сербинъ, Юрій Литензонъ, Иванъ Гостъ, Иванъ Кегелкинъ, Анцъ Олофгранъ, Матвѣй Бердовикъ, Иванъ Юнкманъ, Яганъ Куперъ, Петръ Голстъ, Иванъ Минстерманъ, Гаврило Фантурнеръ, Яковъ Билсъ, Вилимъ Шарфъ, Карлусъ Ригиманъ, Андрей Борнетъ, Кашпиръ Гулицъ, Юрій Франкъ, Андрей Шниттеръ, Тобіасъ Калбрехтъ, Мартынъ Болдвинъ, Маркъ Траурнихтъ, Елизарій Кро, Яганъ Баровъ. Итого изъ 37 полковниковъ-иноземцевъ 34, Русскихъ 3.

85.

Въ книгѣ Бѣлгородскаго стана № 131: «Лѣта 194 (1686) въ Бѣлгородѣ рейтарскаго и солдатскаго строю генералъ маіора графа Давыдова полку Вильгельма Граамъ барона Морфинскаго: въ солдатскомъ полку Карлуса Ригимона: 10 знаменъ тафтяныхъ разныхъ цвѣтовъ, 8 пищалей полковыхъ мѣдныхъ

на вертлюгахъ и станкахъ, вѣсомъ въ 19 и 20 пудъ пищаль; къ нимъ 1200 ядеръ, зелья 70 пудъ, свинцу 35 пудъ; въ солдатскомъ полку Христофора Кро: 10 знаменъ тафтяныхъ разныхъ цвѣтовъ, 8 пищалей мѣдныхъ на вертлюгахъ и станкахъ, вѣсомъ въ 30 и 20 пудъ пищаль; къ нимъ 1124 ядра, зелья 71 пудъ; въ солдатскомъ полку Якова Готфрида, Эрнста: 10 знаменъ тафтяныхъ, 6 пищалей мѣдныхъ на вертлюгахъ и станкахъ, вѣсомъ по 30 и по 20 пудъ пищаль, къ нимъ ядеръ 1056, зелья 59 пудъ.» Тоже самое говорится и о другихъ солдатскихъ полкахъ. *Архивъ Старыхъ дѣлъ.* 85—87.

86

Въ книгѣ Бѣлгородскаго стана №131: «Большой полковой нарядъ, который бываетъ въ походѣ съ бояры и воеводы у разряднаго шатра. При разрядномъ шатрѣ мѣдный нарядъ 10 пищалей на станкахъ и на вертлюгахъ; станки и колеса и дышла окованы желѣзомъ; у тѣхъ пищалей въ походѣхъ бываютъ Бѣлгородскіе пушкари. 1-я пищаль, прозваніемъ Малый Кашпуръ, мѣрою въ длину 5 арш. безъ вершка, въ ней вѣсу 66 пудъ 10 гривенокъ; станокъ и колеса и дышла и шоры и сѣдла вѣсомъ 50 пудъ 10 грив.; у той пищали 6 пушкарей. 2-я пищаль, мѣрою въ длину 4 арш. 2 вершка, вѣсу 47 пудъ 20 гривенки, прозваніе той пищали Дѣвица; станокъ, колеса, и дышла, и шоры, и сѣдла вѣсомъ 56 пудъ 20 грив.» Также описаны остальные 8 пищалей вѣсомъ отъ 40 до 30 пудъ. «Ко всѣмъ пищалямъ ядеръ 2400; въ томъ числѣ къ первой 200 ядеръ по 8 гривенокъ (фунтовъ) ядро, ко второй 200 ядеръ по 7 грив. къ третьей 200 по 6 грив. къ остальнымъ семи 1800 яд. по 4 гривенки ядро. Къ пищалямъ 20 шоръ коренныхъ, 40 пристяжныхъ, 20 бичей, 20 сѣделъ, да 10 войлоковъ, 60 уздъ ременныхъ на пушечныя лошади, 10 вожжи ременныя». *Архивъ Старыхъ дѣлъ.*

87.

Въ архивѣ Старыхъ дѣлъ сохранился подробный *росписной списокъ* вновь учрежденнымъ ротамъ царедворцевъ. Для примѣра привожу начало:

Роты стольничьи.

Въ 1-й

стольники:

Ротмистръ князь Ѳедоръ княжъ Никитинъ сынъ Пріимковъ-Ростовскій.

87—89. *Поручикъ* князь Аврамъ княжъ Никитинъ сынъ Пріимковъ-Ростовскій.

Хорунжій Жилецъ Аѳанасій Моисеевъ сынъ Ладыженскій.

У нихъ въ ротѣ:

Стольникижъ:

Василій Ивановъ сынъ Мотовиловъ, Иванъ Неѳедьевъ сынъ Карандѣевъ, князь Левъ княжъ Осиповъ сынъ Касаткинъ-Ростовскій». Далѣе слѣдуютъ исчисленія другихъ стольниковъ, числомъ 42 человѣка. Въ той же ротѣ помѣщено нѣсколько стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, всего въ ротѣ 60 человѣкъ. Подобнымъ образомъ составлены были и остальныя 18 ротъ, наиболѣе изъ стольниковъ, съ частію стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, отъ 50 до 60 человѣкъ въ каждой. Въ стряпческихъ ротахъ пишутся сначала стряпчіе, потомъ стольники, дворяне и жильцы; въ ротахъ дворянскихъ: въ 1-й статьѣ дворяне, во 2-й стольники, въ 3-й стряпчіе, въ 4-й жильцы. Въ ротахъ жилецкихъ: жильцы, стольники, стряпчіе, дворяне. *Росписная книга Московскаго стола № 132.*

88.

Въ розыскномъ дѣлѣ о заговорѣ Шакловитаго 1689 года хранятся копіи съ писемъ князя Василія Васильевича Голицына къ Шакловитому безъ годовъ и чиселъ, но по содержанію очевидно большею частію изъ Крымскихъ походовъ. Нѣкоторыя писаны крюками или цыфирью. Ихъ болѣе 50; въ томъ числѣ много неважныхъ записокъ; другія любопытны, свидѣтельствуя въ особенности о тѣсной дружбѣ Голицына съ Шакловитымъ. Всѣ они списаны слово въ слово въ нашихъ Приложеніяхъ № VII. Къ дѣлу о ротмистрахъ относятся статьи: 9, 15, 17, 22, 29.

89.

Изъ войскъ участвовавшихъ въ первомъ Крымскомъ походѣ, намъ извѣстенъ составъ только Большаго полка по перечневой росписи, присланной княземъ Голицынымъ въ Москву 15 апрѣля *(Архивъ Старыхъ дѣлъ)*.

Въ Большомъ полку было:

а) Стольниковъ	1,010 чел.
Стряпчихъ	656 —
Дворянъ	771 —
Жильцовъ	1,034 —
	3,471 чел.

b) Кормовщиковъ Московскихъ чиновъ . . . 66 чел. 89.
Романовскихъ и Ярославскихъ Мурзъ и Татаръ
и новокрещеновъ . . . . 257 —
323 чел.

c) Городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Замосковныхъ, Заоцкихъ и Украйныхъ городовъ 305 чел.
d) Московскихъ полковъ копейнаго и рейтарнаго строя:
Генераловъ, полковниковъ и начальныхъ людей . . . . 427 —
Копейщиковъ . . . . 1,221 —
Рейтаръ . . . . 2,926 —
5,575 чел.

e) Бѣлгородскаго полку:
Завоеводчиковъ, ясауловъ и сотенныхъ . . 288 чел.
Генералъ-маіоръ графъ Грагамъ . . . . . 1 —
Полковниковъ и начальныхъ людей . . . . 282 —
Копейщиковъ и рейтаръ . . . . 2,771 —
Солдатъ . . . . 8,602 —
Жилаго приказу (то есть поселеннаго въ Бѣлгородѣ полка):
Полковникъ и 7 капитановъ . . . . 8 —
Стрѣльцовъ . . . . 743 —
752 чел.

Итого въ Бѣлгородскомъ полку. . . 12,696 чел.
f) Въ солдатскихъ выборныхъ полкахъ:
Генерала думнаго А. А. Шепелева:
Полковниковъ и начальныхъ людей. . . . 142 —
Урядниковъ и рядовыхъ солдатъ . . . . 1,882 —
2,024 чел.

Генералъ-поручика Гордона:
Начальныхъ людей . . . . 75 —
Урядниковъ и рядовыхъ солдатъ . . . . 714 —
789 чел.

g) Въ 4-хъ Московскихъ стрѣлецкихъ полкахъ и одномъ выборномъ:
Полковниковъ и капитановъ . . . . 52 —
Стрѣльцовъ . . . . 4,144 —

историкъ Малой Россіи, генералъ Ригельманъ внесъ въ свое лѣтописное повѣствованіе извѣстія Гордона со всѣми ошибками Байера и Тауберта. А еще удивительнѣе, что издавшій трудъ Ригельмана, въ Чтеніяхъ Историческаго Московскаго общества, не пояснилъ очевидныхъ погрѣшностей.

91.

Гордонъ пишетъ: Wee marched with a square waggenburg which took up in the front 557 fathome et in the longh a thowsand, wherein were about 20,000 waggons. I guarding the left wing et a part of the front, Ag. Al. (Аггей Алексѣевичъ Шепелевъ) the right et a part of the front, and 5 Reg. of Streltsees in the midle. Для поясненія этого устройства, Гордонъ сообщилъ въ послѣдствіи извѣстному Корбу рисунокъ. См. его *Diarium itineris in Moscoviam, p. 242.*

92.

Такъ разсказываетъ современникъ, лично знавшій Мазепу, Пассекъ, Польскій шляхтичъ изъ Равскаго округа, служившій въ царствованіе Яна Казимира, подъ знаменами Чарнецкаго, противъ Шведовъ и Русскихъ, не измѣнившій королю въ бурное время междоусобной войны, воспламененной Георгомъ Любомирскимъ; Пассекъ оставилъ любопытныя записки своихъ походовъ съ 1656 года по 1688, изданныя въ 1836 въ Познани Эдуардомъ Рачинскимъ, подъ заглавіемъ *Pamiętniki Iana Chryzostoma Paska* (Нѣмецкій переводъ Штенцеля, 1838 въ Бреславлѣ). Онъ познакомился съ Мазепою въ 1661 году, когда, отдѣлившись отъ конфедератовъ, отправился въ Бѣлоруссію къ Чарнецкому и на пути встрѣтился съ Мазепою, который успѣлъ оклеветать его предъ королемъ, какъ рьянаго конфедерата. Король велѣлъ сначала арестовать Пассека; вскорѣ однакожъ убѣдился въ его преданности и удостоилъ своей довѣренности. Пассекъ, вскорѣ послѣ того, отплатилъ Мазепѣ за клевету, давъ ему во дворцѣ пощечину. Король велѣлъ имъ примириться. Бѣгство Мазепы изъ Варшавы, въ слѣдствіе позорнаго наказанія Фалибовскимъ, Пассекъ относитъ къ 1663 году. По словамъ его, имѣніе Фалибовскаго находилось на Волыни: Нѣсѣцкій свидѣтельствуетъ, что тамъ дѣйствительно были Фалибовскіе, и одинъ изъ нихъ, Станиславъ, подписался при избраніи Собѣскаго королемъ *(Herbarz Polski, tom. IV, p. 13. Изд. Бобровича).*

93—94.

93.

Мазепу и Кочубея безъ всякаго сомнѣнія, разумѣетъ Гордонъ, говоря подъ числомъ 20 іюня: The Russes perceived this well enough and used all meanes to have knowledge of what should posse among them, to which purpose they thought it the best way to corrupt somes of the trustees about the Hetman which was done by the meanes of the Governour of Shewsky L. R. N. (Леонтія Романовича Неплюева) who with faire promises only and assurances of their Maties protection et favour quickly engaged two of his pp-ll. trustees one of the G-adi (то есть General-adjutant или войсковой есаулъ): and another whom he made use of as secretary, these two being most of all others employed et trusted by him, nothing could be done or said whereof notice was not given.

94.

Подлинный доносъ хранится въ Главномъ Московскомъ Архивѣ, въ дѣлахъ Малороссійскихъ 1687, св. 11; его подписали такъ:

Василей Борковскій обозный войсковой Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества изъ генеральныхъ.

Михайло Воеховичъ судья.

Савва Прокоповъ, писарь войсковый В. Ц. П. В. изъ генеральныхъ.

Иванъ Мазепа, асаулъ войскъ Ихъ Ц. Пресв. Вел. изъ генеральныхъ.

Полковники:

Константинъ Солонина.
Яковъ Лизогубъ.
Григорей Гамалѣя.
Димитрашко Райца.
Степанъ Петровъ Забѣла.

Внизу:

Василей Кочубей.

Замѣчательна подпись полковника Гамалѣя; въ доносѣ онъ выставленъ клевретомъ Самойловича:

«Въ нѣкое время здѣ», пишутъ доносчики, «въ войскѣ былъ хетманъ съ полковниками Московскими и съ нами всѣми на обѣдѣ у обознаго, и послѣ обѣда Петръ Борисовъ полковникъ размолвилъ съ Гамалѣемъ; а Гамалѣй, знатно въ надежду его (т. е. гетмана) противъ полковника, сказалъ: что ты меня, полковникъ порекаешь? Не саблею де насъ взяли! И онъ, хетманъ, то слышавъ, ни единаго слова Гамалѣю не молвилъ, да и

разсмѣялся; а чаятельно, что похвалилъ». Не ясно ли, что нѣкоторые полковники подписывали доносъ, не читая его? 95.

95.

Въ дневникѣ Гордона замѣтки въ время втораго Крымскаго похода прерываются 15 числомъ мая и возобновляются 25 мая. Очевидно, что въ оригиналѣ листы отъ 15 до 25 мая вырваны. Къ счастію, въ замѣткахъ за 1690 годъ сохранилась копія съ письма его къ графу Ерролю отъ 28 января: въ немъ заключаются хотя краткія, за то достовѣрныя подробности о второмъ Крымскомъ походѣ. Выписываю это письмо вполнѣ.

Mosco 28 Ia-rii 1690.

I hope my last of the 18 Febrii 89 hath come fase to your L-p• hands. wee had last summer an early Campagne, made quick expedition et returmed soone to Mosco as usuall the particulars where of would be as tedious as perhaps impertinent, yet to be as good as my word I shall give yo-r L. a short et true relation. The 7-th Aprill wee marched from Ackterk the utmost inhabited place of the Tzaars dominions. most of our armyes being conveened. The 26-th ditto wee marched from the R. Samara, where a new Towne or Fort was built the last year: and so forward with our numerous armyes keeping still within sight of other through the wild desarts. where for the most part good convenience of grasse, but little et unwholesome water, et far less, wood which wee had only in some few places. The first sight wee had of any considerable number of the Tartars was the 15-th of May on our march betwixt the green et black valleyes (which are places distant from other 12 or 14 Englich miles, wherein extraordinary good grasse et in the last water) they came from the R. Dneper in the Kasakirmiens road. with these wee had skirmishing about 3 or 4 houres with some but no great loss on both sides. wee judged them not to have beeu 10.000 strong. The next day the Chan himself presented himself with all his forces befor us, and marched to the right hand of us, about midday they tooke the advantage of a suddaine great raine, and with wonderfull celerity and courage charged in our Reare the left wing, anb forced all our horse et foot in to the Waggenburgh from whence with Cannon et small shott they were repulsed with great loss. whence chargeing along the Reare of the armyes on our left hand, did fall on the least onsisting of two numerous Czirkass Regiments, whose rear not

95. being well guarded not fenced w-t waggons they break ;in killing many people et mere horses et Castell, but made no great stay. in their marching of they suffered great loss by the continuall thundring out of Cannon et musquets. after this had no stomack to attack us any more only diverse tymes they made show of chargeing us, but they wheeled of againe not seeing any advantage to wards night the marched of 2 or 3 Englisch miles from us et befor us. The day thereafter being the 17-th st. vet. wee being on our march in good order, and haveing brought all our horsemen within the waggenburg, because they were not able to with stand the assaults of the Tartars, the enemy againe appeared and at some distance rode round our armyes, but finding no horsmen without the waggenburg et not dareing to attact our Foot, towards evening they marched away towards Kalentzak whither wee followed et encamped by wished conveniency of grasse and water, but no wood. The 20-th wee came befor the Perecop et lodged as wee marched, where wee were to enter in to a treaty with the Tartars which tooke no effect, our demands being too high, and they not condiscending to any other thing as to establish a peace of the former conditions. so that not being able to subsist here for want of water, grass et wood for such numbers as wee had, and finding no advantage by takeing the Perecop, the next day wee returned, and from midday till night wee were hofly persued by the Tartars, the danger being great et fear greater if the Chan with all his forces should persue us, so that I was commanded from the left wing with 7 Regiments of Foot et some of horse (yet all on Foot) to guard the Rear. They persued us very eagerly 8 dayes together, yet gained but litle, haveing no such great numbers as wee suspected. nothing troubled us et our horses et draught beasts so much in this march as the want of water, for albeit wee had many great caskes with water along with yet was farr short of giveing relieffe to all, and had not God almighty send us rains more as ordinary in these places, wee had suffered great losses. On the 12-th of Iune wee came to the River Samara, where wee were past danger yet hold ou our march circumspectly untill wee came to the R. Merlo from whence the army was dismissed the 29 of Iune, et I come to Mosco the 17 of Iuly. I have nothing to say more but that since wee have had a change at Court: the Princess who gowerned hither to being put from the Government the chieffe favourite with some others exiled and their goods confiscated, the 2-e favourite with others of meane quality executed for a plott to murther the yongest Tzaar, et now the yon-

gest Tzaar with his eldest brother are seated in the Government. 95—96.
wee are not like to have any great expedition the next summer, being only to defend the borders. But now me thinks I have been too tedious, so that humbly desireing the continuance of yo[r] L[p] favour protection et assistance to my sonne et effaires these, I take leave et remaine

Yo[r] L. most humble et devoted
ser[t] P. G.

To the Earle of Erroll.

96.

Вотъ что говорилъ въ извѣтѣ на Шакловитаго капитанъ Московскихъ стрѣльцовъ Василій Сапоговъ, участвовавшій въ походѣ, объ отступленіи отъ Перекопа: «Въ 197 году (1689) съ службы великихъ государей, изъ подъ Перекопа, кн. Василій Голицынъ поворотился невѣдомо для чего; а подъ Перекопью промыслъ ему чинить было мочно, и нужды никакой ратнымъ людямъ съ перваго дня не было; и посылалъ онъ князь Василій отъ себя, изъ полку, Астраханскаго Татарина Кармашка, да человѣка своего Тинбаева, для переговору подъ Перекопь; а послѣ того ѣздилъ окольничій Венедиктъ Андреевичъ Змѣовъ, да стольники князь Яковъ и Борисъ Долгорукіе, и переговаривали съ Крымцы тайно, о чемъ никому неизвѣстно, * и оставили они въ аманатахъ Илью Змѣова; а отъ Перекопи пріѣхалъ ночью князь Сулешевъ, и поутру часу въ другомъ дни князь Василій съ товарищи отъ Перекопи отступилъ, и, отшедъ версты съ 4, прислалъ Сулешевъ спросить, гдѣ онъ князь Василей остановится? Князь Василей отвѣчалъ: станетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кормъ будетъ. Послѣ того Крымцы выходили и ратныхъ людей рубили. А славу князь Голицынъ такую учинилъ, будто съ Крымцы заключенъ мирный договоръ».

* Въ дѣлѣ о Шакловитомъ есть указъ (Свитокъ I, столбцы 164—182) о взятіи сказокъ съ бояръ Шеина и Шереметева, съ трехъ князей Долгорукихъ—Владиміра, Якова и Бориса, съ князя Ѳ. Барятинскаго, съ думныхъ дворянъ Хитрово и Касагова, съ думнаго дьяка Украинцова, съ стольниковъ Иліи Змѣова и Ѳед. Стремоухова; въ послѣдствіи допрашивали и окольничаго Венедикта Змѣова. Сказки Змѣовыхъ находятся при дѣлѣ; но другихъ сказокъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

УКАЗЪ ОБЪ ОТСЫЛКѢ ВѢДОМОСТЕЙ И ЮРНАЛОВЪ СВЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1.
ПЕРЕВОДЧИКУ ВЕНЕДИКТУ ШИЛИНГУ, 18 ОКТЯБРЯ 1711 ГОДА.[1]

Лѣта 1711 октября въ 18 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца государственному канцлеру тайному совѣтнику и кавалеру графу Гаврилѣ Ивановичу Головкину, да государственному подканцлеру барону Петру Павловичу Шафирову. Въ указѣ великаго государя въ приказъ книгъ Печатнаго дѣла къ тайному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину за приписью дьяка Михаила Родостамова писано: въ доношеніи государственнаго Посольскаго приказа переводчика Бенедикта Шилинга, каково онъ подалъ въ государственномъ Посольскомъ приказѣ, написано:[2] «По «указу великаго государя, присланному изъ походу, велѣно «ему [3] Исторію о поведеніи всея нынѣшнія войны, которая со«держится междо Россійскими, Польскими и Свейскими войски, «съ начала тоя войны до нынѣшняго времени сочинить,[4] и ко«торыя вѣдомости о томъ изъ государственнаго Посольскаго «приказу принялъ, и тѣхъ къ пространному описанію тояжъ «войны во исполненіе не будетъ, того ради довлѣетъ взять «съ печатнаго двора всѣ вѣдомости, какія тамъ печатаны «были съ вчатія самыя войны и до нынѣшняго времени, что̀ «при всякихъ приключившихся воинскихъ случаяхъ чинилося, «а именно съ 700 году до нынѣшняго году и мѣсяца вѣдомости «о бояхъ городовыхъ, осадахъ и о взятіяхъ, о побѣдахъ, о подъ-

1. Изъ Главнаго Московскаго архива, отдѣл. Историческихъ дѣлъ картонъ № 10.
2. Подлинное доношеніе при дѣлѣ, съ помѣтою: 1711 года 18 сентября. Здѣсь оно прописано вполнѣ.
3. Въ подлинномъ доношеніи слова *ему* нѣтъ.
4. Въ подлинномъ доношеніи: *составить*.

Чтобъ вписать въ Исторію, что въ сію войну сдѣлано, какихъ когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ обѣихъ путей регламентовъ и духовныхъ. Также строенія фортецъ, гавановъ, флотовъ, корабельнаго и галернаго и манифактуръ всякихъ и строенія въ Питербурхѣ и на Котлинѣ и въ прочихъ мѣстахъ. II.

3) *Собственноручная записка Государя 1724 года:*

Вписать въ Гисторію, въ которое время какія вещи для войны и прочихъ художествъ и по какой причинѣ или принужденія зачаты, напримѣръ, ружье, для того, что не стали пропускать; такожъ и о прочихъ.

4) *Иванъ Юрьевъ (секретарь коллегіи Иностранныхъ дѣлъ) въ іюнѣ 1722 года увѣдомляетъ Кабинетъ-секретаря Макарова,* что присланная имъ изъ Казани часть Гисторіи съ 1711 по 1716 годъ отдана для пересмотрѣнія барону Петру Павловичу (Шафирову); «какъ скоро онъ высмотритъ, я перебѣлю тетради и къ вашему благородію пришлю. О собираніи къ той Гисторіи приложеній буду по всякой возможности трудиться». *Онъ же, по письму Макарова, требовалъ у оберъ-секретаря Позднякова* вѣдомости Сенатской о дѣлахъ внутреннихъ во время Шведской войны, о гавенахъ, адмиралтействѣ и проч. для внесенія въ Гисторію; но Поздняковъ этой вѣдомости еще не присылалъ.

5) *Письмо князя Рамодановскаго къ Макарову.*[8]

Господинъ Кабинетъ-секретарь! Указомъ царскаго величества требовано, дабы прислать въ Кабинетъ его величества къ сочиненію Гисторіи о настоящей Шведской войнѣ, о Астраханскомъ бунтѣ, отъ чего онъ зачался, и какъ имя стрѣлецкому сыну, который возмущалъ и по розыску кажненъ,—и о томъ Астраханскомъ бунтѣ, и о стрѣлецкомъ сынѣ, и отъ кого, и за что тотъ бунтъ учинился, и что по розыску учинено, такожъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, что учинили пришедъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, выписки посланы при семъ, и о пріемѣ онѣхъ письмомъ насъ увѣдомить.

Рамадановскій.

Генваря   дня 1722 года.

При этомъ письмѣ приложена подробная выписка: о бунтѣ 4 полковъ стрѣлецкихъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. *Подобныя же свѣдѣнія Макаровъ получилъ отъ многихъ другихъ лицъ; они будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.*

6) *Докладная записка Кабинетъ-секретаря Макарова, съ по-*

8. Кабинет. дѣла, отдѣл. I, книга 18, о бунтахъ.

II. *мътою на поль:* По сему реестру его величество слушалъ и, что надлежало, правилъ въ 28 день генваря 1723 года въ Преображенскомъ. [9]

Въ Гисторіи ко апробаціи.

На 2 листу о первомъ свиданіи съ королемъ Польскимъ въ Равѣ.
На 4 листу о новомъ году, какъ начали праздновать, и о платьѣ старинномъ.
На 7 листу о войскѣ Шведскомъ, въ какомъ числѣ первый походъ король подъ Нарву учинилъ.
На 10 листу о полкахъ гвардіи.
На 13 листу сколько нашего войска, послѣ побитія подъ Нарвою, пришло въ Новгородъ и сколько побито Шведовъ.
На томъ же, о 10 полкахъ драгунскихъ новонаборныхъ.
На 18 листу о гвардіи, что оная была въ Новгородѣ.
На 48 листу о Канцахъ, что заведенъ былъ немалый городъ.
На 56 листу о послахъ Литовскихъ, какое съ ними согласіе учинено.
На 59 листу о стандартѣ.
На 112 листу о взятіи Крѣпости Бауска въ 1705 году.
На 122 листу о нашихъ воинскихъ людяхъ, что послѣ Фрауштатской баталіи Шведскій генералъ Мардефельдъ живыхъ кололъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ статей Государь исправилъ въ самомъ текстѣ; другія оставилъ безъ поправокъ, какъ онѣ были изложены; сверхъ того написалъ на 7 страницахъ слѣдующее изъясненіе:

а) *Къ статьѣ, о свиданіи съ королемъ Польскимъ въ Равѣ:* Гдѣ смотрѣли нѣсколько полковъ Саксонскихъ и была экзерциція; потомъ звалъ Ихъ В. генералъ-лейтенантъ Флемингъ къ себѣ на вечеръ, гдѣ между разговорами король Августъ Его В. говорилъ, что много Поляковъ противныхъ имѣетъ и примолвилъ, что ежели надъ нимъ что учинятъ, то не оставь меня. Противъ чего Его В. отвѣтствовалъ, что онъ готовъ то чинить, но не чаетъ отъ Поляковъ тому быть: ибо у нихъ такихъ примѣровъ не было; но просилъ его, дабы отъ своей стороны помогъ отмстить обиду, которую учинилъ ему Рижскій губернаторъ Далбергъ въ Ригѣ, что едва животъ спасся; что оный обѣщалъ. И такъ другъ другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ, безъ письмен-

9. Кабинет. дѣлъ отдѣл. I., кн. 63.

наго обязательства, и разъѣхались, и взялъ путь свой къ Москвѣ. п.

b) *Къ статьѣ о числѣ Шведскаго войска, пришедшаго съ королемъ подъ Нарву въ 1700 году:* Непріятельскихъ войскъ сколько было, подлинно неизвѣстно, понеже ихъ офицеры послѣ не равно сказывали, иные 12, иные болѣе, а иные только 8 тысячъ.

c) *Къ статьѣ, сколько нашего войска возвратилось въ 1700 году изъ подъ Нарвы въ Новгородъ и сколько побито Шведовъ:* При той осадѣ нашихъ отъ голода померло въ шанцахъ, и на бою побито и потонуло . . . . . . *(оставленъ пробѣлъ; послѣ внесено отъ 5000 до 6000)*. А непріятелей сколько побито, подлинно знать было за упадкомъ своимъ невозможно; а слухъ былъ, что около 3000.

На остальныхъ листахъ изложены, также собственноручно, причины несогласія съ Даніею въ 1716 году, которыя выписаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

7) Примѣры поправокъ Петра Великаго въ Гисторіи Свейской войны, составленной Кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, хранящейся въ Кабинетныхъ дѣлахъ, подъ № 2.

Редакція Макарова.	*Собственноручныя поправки Петра, въ замѣнъ редакціи Макарова:*
a.	a.
По окончаніи сего несчастія *(пораженія подъ Нарвою въ 1700 году)* и по возвращеніи полковъ изъ Нарвы въ Новгородъ и Псковъ, главная команда надъ войскомъ поручена фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, которому отъ Его Царскаго Величества данъ указъ: съ полками, бывшими у Нарвы въ дивизіи генерала Вейда, также и съ конницею, зимовать въ Псковѣ; а въ Новгородѣ оставленъ съ дивизіею своею князь Репнинъ.	Послѣ разбитія при Нарвѣ, полки въ конфузіи въ свои границы пошли, которыхъ велѣно пересмотрѣть и исправить генералу князю Репнину, который тогда съ дивизіею своею и съ однимъ старымъ полкомъ Бутырскимъ прибылъ съ Низу *(изъ низовыхъ областей)*, и пошелъ было къ Нарвѣ; но не дошедъ, услыша о ономъ нещастіи, по указу возвратился изъ Самры по прежнему, въ Новгородъ.

п.

Редакція Макарова.

b.

Октября 12 *(1706 года, во время осады Выборга)* отправлены были господинъ Щепотьевъ съ Автомономъ Дубасовымъ на малыхъ 5 лодкахъ съ 48 чел. командированныхъ солдатъ къ торговымъ Шведскимъ кораблямъ, которые стояли близко города *(Выборга)* въ проливѣ морскомъ, гдѣ былъ бой; на которомъ господинъ Щепотевъ вмѣстѣ и съ Дубасовымъ убитъ, также и солдаты многіе побиты, отъ которыхъ малое число живыхъ осталось, а именно и съ раненными осталось нашихъ 18 человѣкъ, которые на ономъ бою чрезвычайно за темнотою ночною наѣхали мимо торговыхъ кораблей на непріятельскую воинскую съ 4 пушками шкуту, зовомую Эсперпъ, и напередъ пушками ихъ на той шкутѣ овладѣли и стали наши изъ оныхъ по нихъ стрѣлять, и хотя на оной было довольное число, а именно нѣсколько персонъ офицеровъ и 103 чел. солдатъ, однакожъ отъ темноты пришли въ великую конфузію и чаяли, нашихъ было много, а отъ того стали бросаться внизъ подъ палубу; тогда наши какъ ихъ пушками, такъ и ручными гранатами зѣло мужественно ихъ побили. Изъ непріятелей поби-

Собственноручныя поправки Петра, въ замѣнъ редакціи Макарова.

b.

Октября 12 дня отправлены были Преображенскаго полка сержантъ Михайло Щепотьевъ, да бомбардиръ Автомонъ Дубасовъ, да два отъ флота унтеръ-офицера Скворцовъ, да Наумъ Синявинъ, на малыхъ пяти лодкахъ, съ 48 человѣкъ командированныхъ солдатъ и гранодеровъ, къ торговымъ Шведскимъ кораблямъ, которые тянулись отъ города въ море; но пока лодки сыскивали, тѣмъ временемъ оные корабли пооттянулись далѣ; потомъ сталъ быть туманъ и скоро ночь наступила; которые посланные ради темноты наѣхали на адмиралскій ботъ, зовомый Есперпъ, на которомъ было 5 офицеровъ, 103 человѣка солдатъ и 4 пушки, который ботъ оными лодками атаковали и взяли, побивъ большую часть людей, а достальные ушли подъ палубу, гдѣ наши ихъ заперли; потомъ пришелъ на ту стрѣльбу другой ботъ ихъ, на выручку, который наши изъ пушекъ со взятаго бота отбили, и взятый ботъ привели къ лагерю. На семъ бою нашихъ отъ 48 человѣкъ остались 18 живыхъ, и въ томъ числѣ только 4 нераненныхъ. *(Слѣдуетъ число убитыхъ и плѣнныхъ Шведовъ, показанное у Макарова).* И тако

II.

Редакція Макарова.

то офицеровъ: 2 капитана, 2 поручика, 1 прапорщикъ; да солдатъ, которыхъ перечтено тѣлами, 73 человѣка, да живыхъ взято въ полонъ 23 человѣка солдатъ и трое женскихъ персонъ. *(Число побитыхъ и плѣнныхъ Шведовъ оставлено Петромъ безъ измѣненія)*. И такъ оные наши оставшіе непріятеля сильнѣе себя людьми впятеро больше взяли и тѣмъ судномъ со всѣмъ овладѣли; что зѣло удивительно.

Собственноручныя поправки Петра, въ замѣнъ редакціи Макарова.

сія неслыханная акція съ великимъ мужествомъ учинена: ибо атаковали и взяли вдвое сильнѣе себя, и въ такихъ малыхъ лодкахъ, между которыми только одна была такая, что 15 человѣкъ умѣстилось, а въ прочихъ по 7 и по 5 человѣкъ; а привезли наши 18 человѣкъ непріятелей съ ружьемъ 23 человѣка. А изъ вышереченныхъ 18 человѣкъ 4 нераненныхъ, да 4 или 5, которые легче были ранены, такъ, что могли помогать; а прочіе поистинѣ такъ тяжело были ранены, что съ мертвыми лежали на палубѣ.

c.

Король Шведскій рѣку Березу подъ мѣстечкомъ Головчинымъ перебрался *(въ 1708 году)* и сильно напалъ на транжаментъ, гдѣ стоялъ съ дивизіею генералъ князь Репнинъ, и онаго генерала Репнина изъ транжамента его выбилъ для того, что фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ и генералъ Ренъ съ конницею на сикурсъ къ нему не поспѣли, гдѣ пропало тогда нашихъ 7 пушекъ и людей до 700 человѣкъ; однакожъ непріятель не меньше нашего людей потерялъ.

c.

Въ 14 день іюля въ 3 часу по полуночи, при случившемся туманѣ и дождѣ, непріятель съ пѣхотою на понтонахъ чрезъ рѣку, между дивизіи князя Репнина и корпуса фельдмаршала, гдѣ было болото, перешелъ, и чрезъ оное (гдѣ не чаяли) на дивизію князя Репнина (отъ которой дивизіи много было командированныхъ къ переправамъ и мостамъ для коммуникаціи чрезъ переправы съ прочими дивизіями), напалъ перво съ пѣхотою, потомъ и кавалеріею, и тщились онаго отрѣзать отъ главнаго войска, который до того ихъ не допустилъ, но по

Редакція Макарова.	*Собственноручныя поправки Петра, въ замѣнъ редакціи Макарова.*
	довольномъ сопротивленіи ретировались къ лѣсу, а кавалерія тогда напала на генерала фельдмаршала-лейтенанта Гольца, который также ретировался.
d.	d.
Государь въ томъ случаѣ *(въ Полтавскомъ сраженіи)* свою храбрость, великодушіе и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей высокой особѣ, въ высшемъ градусѣ показалъ. Подъ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ три лошади ранены.	Государь въ томъ нужномъ случаѣ, за людей и отечество не щадя своей особы, поступалъ какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена.

Подобныя поправки и перемѣны встрѣчаются почти на каждой страницѣ; всѣ онѣ будутъ выписаны вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

№ III.

ДѢЛО О ПОРУЧЕНІИ БАРОНУ ШАФИРОВУ СОЧИНЕНІЯ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

а) *Записка Шафирова безъ числа. Должна быть въ апрѣлѣ 1725.*[10]

Доношеніе, что къ повелѣнному мнѣ имяннымъ ея императорскаго величества указомъ сочиненію гисторіи о преславныхъ дѣйствахъ и житіи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго императора и самодержца Всероссійскаго, потребно:

1) Для вспоможенія въ выписываніи и переводѣ съ иностранныхъ языковъ изъ гисторій, прошу дабы опредѣленъ былъ сынъ мой Исай Шафировъ, который нынѣ до указу опредѣленъ въ Герольдмейстерскую контору.

10. Кабинетныя дѣла. Отдѣл. I. кн. 65.

2) Дабы повелѣно было барону Гезипу *(т. е. Гюйсену или Гизену)*, да Иностранной коллегіи описателю аббату Крусали, когда я временемъ требовать буду для совѣта или справки о какихъ принадлежащихъ къ той гисторіи дѣлѣхъ, оные бы то по требованію моему исполняли. III.

3) Дабы даны мнѣ были къ тому дѣлу Иностранной коллегіи студентъ Алексѣй Протасовъ, для письма Латинскаго, Нѣмецкаго и другихъ языковъ, да для Русскаго языка копіисты. И чтобы сыну моему и вышеписаннымъ тремъ человѣкамъ ея величества жалованье по опредѣленію давано было, откуда ея величества указъ будетъ; а о пропитаніи моемъ съ моею фамиліею предаю во всемилостивѣйшее изволеніе ея величества. Также прошу, дабы мнѣ со всѣми къ сочиненію той гисторіи потребными людьми опредѣлена была удобная квартира вмѣстѣ и опредѣлено было давать на то потребное число бумаги и чернилъ изъ опредѣленнаго мѣста.

4) Чтобъ повелѣно было изъ Кабинета и изъ Иностранной коллегіи и отъ барона Гизена тѣ гисторіи ко мнѣ прислать; и понеже къ сочиненію оной гисторіи потребны и другія книги, того ради прошу, чтобъ даны мнѣ были послѣдующія: поколѣнныя или родословныя книги Россійскихъ великихъ государей и прочихъ фамилій Россійскихъ и лѣтописцы письменные Россійскіе древніе, которые сбираны въ Кабинетъ, въ Иностранную коллегію, и въ Геролдмейстерскую контору и индѣ; книги на Россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, взятыя въ домѣхъ моихъ въ С. Питербургѣ и Москвѣ, которыя отданы здѣсь въ библіотекѣ, а на Москвѣ, чаю, обрѣтаются въ конторѣ Вышняго суда; такожъ, чтобъ повелѣно было изъ библіотеки Питербургской, ежели къ тому потребны будутъ какія книги, по письменному моему требованію, на время мнѣ давать.

5) Чтобъ изъ розрядныхъ и другихъ записокъ дано мнѣ было извѣстіе о избраніи на престолъ Россійскаго царства блаженныя памяти царя Михаила Ѳеодоровича, и о бракахъ его и о рожденіи дѣтей его величества; потомъ о наслѣдствованіи царскаго престола блаженныя памяти его величества царя Алексѣя Михайловича, и о бракахъ и о рожденіи дѣтей его величества; о наслѣдствованіи престола Россійскаго блаженныя памяти его величества царя Ѳеодора Алексѣевича и о бракахъ его и воспослѣдствующемъ предъ его кончиною стрѣлецкомъ бунтѣ, и какъ оный бунтъ, по изобраніи блаженныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго, умножился и какимъ образомъ потомъ его величество блаженныя памяти царь Іоаннъ Алексѣе-

III. вичъ на престолъ купно произведенъ, и о всѣхъ происшедшихъ дѣлахъ съ рожденія его императорскаго величества по начатіе гисторіи, которая въ Кабинетѣ сбирапа, чего въ оной не обрѣтается.

6) Дабы о семъ ея императорскаго величества имянномъ указѣ, что мнѣ повелѣно въ С. Питербургѣ жить и оную гисторію сочинят иь писаться по прежнему бароиомъ (какъ то повсюду обыкновенно), объявлено было письменно въ Правительствующемъ Сенатѣ и дабы изъ онаго по надлежащему въ коллегіи и канцеляріи указами объявлено было. Что же впредь усмотрю потребное къ тому дѣлу, о томъ впредь доносить буду.

b) *Другая записка Шафирова, собственноручная, безъ числа.* [11]

Надлежитъ имѣть ко извѣстной гисторіи о послѣдующемъ извѣстіе:

1) Какъ содержанъ царь Петръ Алексѣевичъ, яко царевичъ, съ царицею государынею матерью своею, по смерти царя Алексѣя Михайловича?

2) Какою болѣзнію болѣзновалъ царь Өеодоръ Алексѣевичъ предъ смертью и за долголь былъ боленъ до кончины? И по смерти его, какъ избраніе царя Петра Алексѣевича воспослѣдовало и что чинилось по избраніи мая по 15 число, когда главный бунтъ начался?

3) Что во время того трехдневнаго бунта ихъ величествамъ отъ бунтовщиковъ учинилось?

4) Какія внутренніа интриги въ томъ и отъ кого были?

5) Какимъ образомъ Хованскій казненъ и съ какого случая?

6) Какія интриги и главные умыслы на его величество до казни Шакловитаго и отъ него были, и какъ оныя и отъ кого открылись, и какимъ образомъ та перемѣна учинилась и царевна въ монастырь сослана и проч.?

7) Какимъ образомъ царское величество охоту къ воинскому дѣлу и экзерциціямъ получилъ и наборъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, сперва яко потѣшныхъ, а потомъ солдатъ, учинился, и кто въ томъ, также и въ воинственныхъ дѣлѣхъ, его величеству обучителемъ и помощникомъ былъ?

c) *Письмо князя Меншикова къ Кабинетъ-секретарю Макарову, отъ 26 апрѣля 1725 года.* [12]

По поданнымъ пунктамъ барона Шафирова, которому велѣно

11. Кабинет. дѣла. Отдѣлен. I. кн 65.
12. Кабинет. дѣла. Отдѣл. II. кн. 72.

сочинять гисторію, ея величество государыня императрица указала: надлежащія къ тому сочиненію извѣстія, гдѣ что онъ сыскать можетъ, изо всѣхъ мѣстъ требовать ему барону отъ себя письменнымъ предложеніемъ, и когда онъ къ тому сочиненію будетъ требовать изъ кабинета надлежащихъ всякихъ извѣстій, и ваша милость, по тому его требованію, да изволитъ приказать отдавать ему съ роспискою имянно. IV.

д) *Опредѣленіе Сената 5 мая 1725 года.* По письму Кабинетъ-секретаря Макарова, что ея величество государыня императрица указала Петру Шафирову сочинять гисторію отъ дней рожденія высокославныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества до 1700 года или до начала Шведской войны и писать его по прежнему барономъ, и при томъ письмѣ присланъ поданный ея величеству Шафировымъ проэктъ, о дачѣ ему людей и проч. *Опредѣлено*: 1) Доставить требуемыя имъ свѣдѣнія и книги и писать его барономъ; 2) для вспоможенія въ выписываніи и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ изъ гисторій, опредѣлить къ нему сына его Исаія Шафирова, который нынѣ въ Герольдмейстерской конторѣ; 3) барону Гизену, да Иностранной коллегіи гисторіи описателю аббату Крузале,[13] для совѣта или справки, по требованію его, у того дѣла съ нимъ быть; 4) Иностранной коллегіи студента Алексѣя Протасова, котораго онъ требуетъ для письма Латынскаго и Нѣмецкаго языковъ, также для Русскаго двухъ копіистовъ, давать; 5) квартиру ему для сочиненія той гисторіи отвести отъ Полицмейстерской канцеляріи.[14]

№ IV.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ СТРОКИ ПЕТРА, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ ШАФИРОВОМЪ РАЗСУЖДЕНІИ О ПРИЧИНАХЪ ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ.[15]

И тако, любезный читателю, уже довольно изъ сея книги выразумѣлъ, чего для сія война начата. Но понеже всякая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, но тягость, того ради многіе о сей тягости негодуютъ, одни для незнанія, другіе по прелестнымъ словамъ ненавистниковъ, зря отечество наше возвышаемо Богомъ, третіи, понеже тунеядцы, нынѣ не вышней степени суть; и того для противъ оныхъ отвѣтствую. Противъ вторыхъ: понеже зависть не вѣсть почитати полезное,

13. Въ дѣлахъ Архива нѣтъ болѣе никакихъ свѣдѣній о трудахъ сего аббата.
14. См. еще указъ Сенату 19 мая 1725 года, въ Полномъ Собраніи Законовъ, VII. № 4721.
15. Кабинет. дѣла. Отдѣл. I. кн. 19. См. *Разсужденіе* перваго изданія стр. 72—77, втораго 215—230.

IV. а злоба ни чимъ утолитися можетъ, по примѣру разбойниковъ въ злобѣ сущихъ, когда хозяинъ дому, хотя все сокровище свое отдастъ, но и тѣмъ никогда не удовольствуетъ, но, взявъ оное, и живота его лишатъ, хотя въ ономъ и ни коея имъ пользы суть. Третіимъ же, яко отвѣта недостойнымъ, имъ же святый апостолъ и ясти воспрещаетъ, и яко корень всѣмъ злымъ праздность есть, того ради, не умножая къ онымъ разсужденія, обращаюсь къ первымъ, иже доброй совѣсти суть, но точію невѣдѣнія ради негодуютъ: того ради сіе имъ объявляю. Перво надлежитъ намъ взять слово св. Никодима во евангеліи сущее, къ негодующимъ на Христа жидамъ реченное, егда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что творитъ; тако и намъ надлежитъ прежде вѣдать и разсуждать. И аще бы изъ сихъ негодователей желалъ со мною преніе имѣть, мню не вящшебъ двухъ словъ вопрошалъ: «1) для чего сія война начата? 2) для чего такъ долго продолжается? Лучше бы мириться, хотя и съ великою уступкою.» На что отвѣтствую.

О первомъ не надлежитъ вящше отвѣтствовать, ибо въ сей книгѣ уже довольно явно суть выше сего.

Но на второе пространно отвѣтствую. Продолженіе сея войны не отъ насъ, но отъ непріятеля, какъ явно является изъ посылокъ къ Шведамъ, не точію когда они въ силѣ были, но и по крайнемъ силы ихъ разрушеніи подъ Полтавою.

Отвѣщалъ бы негодующій, что непріятель для того не мирится, что много у него взято и не хочетъ уступить; а когдабъ отдали, тобъ былъ миръ, понеже и безъ того прежде жили, и съ нимижъ войны бывали, и, бравъ городы, отдавали; для чего нынѣ не такъ?

Отвѣтствую:

Прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ, ибо Шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуфендорфъ пишетъ въ книгѣ Введенія во исторіи (которая нынѣ переведена и напечатана на Славянскомъ языкѣ) о Русскомъ народѣ. *Вписать.*[16]

Такожъ послѣдуя ему, графъ Штейнбокъ писалъ къ королю своему по побѣдѣ у Нарвы, дабы не продолжалъ войны долго, и тѣмъ бы не обучилъ Россіянъ, отъ чего великую опасность являлъ. Изъ чего довольно мочно видѣть, что нынѣ такъ не возможно дѣлать, какъ прежде. Еще вящше объявляю, что при

16. Въ печатномъ изданіи Разсужденія слѣдуетъ выписка изъ Пуфендорфа и Локценія на 3 страницахъ.

Нарвѣ съ прочими взятъ былъ въ полонъ докторъ Григорей Корбонарій, который ясно сказывалъ, что Шведы давно имѣли намѣреніе къ войнѣ противъ Россіянъ и сдѣланъ былъ проэктъ *(спросить Брюса)*, чтобъ Новгородъ, Псковъ, Олонецъ, Каргополь и городъ Архангельской завладѣть, дабы съ иностранными областьми весьма купечество пресѣчь, которыя его слова тогда междо вѣры и недовѣрія приняты. Но потомъ, когда Рига и Ревель взяты, то отъ многихъ, изъ ихъ же подданныхъ и плѣнныхъ, о томъ подлинное свидѣтельство явилось, что конечно такое ихъ намѣреніе было давно, но ожидали способнаго времени. Но когда за бунтъ стрѣльцы переведены и начали регулярное войско заводить, тогда всеконечно взяли резолюцію о войнѣ вскорѣ, о чемъ явно резидентъ ихъ Книперъ въ жестокихъ словахъ предлагалъ, для чего регулярныя войска заводятъ, чего предъ тѣмъ не бывало, и что король ихъ не можетъ того терпѣть. Но смерть сего короля, а его молодые лѣта удержали. Однакожъ по двухъ или трехъ годахъ подлинно хотѣли начать войну, хотябъ и наша не предварила. Того ради разсуди, кая была всегдашняя злоба сихъ сосѣдей еще при начатіи рощенія Россійской славы и введенія добрыхъ порядковъ! Каковожъ нынѣ, когда Господь Богъ такъ прославилъ, что оные, отъ которыхъ почитай вся Европа опасалась, нынѣ отъ насъ побѣждены суть? И могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ; за что Господу силъ да будетъ вѣчну хвала; намъ же, помощію Его въ таковую высокую степень восшедшимъ, не негодовать или скучать подобаетъ, но терпѣливно понести и трудолюбно искати, съ Его же помощію, добраго и безопаснаго конца сея войны. Помысли, егда отдачею на семъ краѣ моря допустимъ такъ злобнаго сосѣда паки внутрь себя, то какова добра впредь ожидать имѣемъ? И не посмѣется ли весь свѣтъ, что претерпя уже 19 годъ и получа такія славы, паче же безопасства, паки подвержемъ себя всегдашнему бѣдству и вѣчному стыду, безъ всякой нужды? Ибо съ помощіею Божіею такую нынѣ войну имѣемъ, о которой едва слышимъ, гдѣ оная есть, и якобы во Индіи дѣлалась. Но хотябъ славу, честь и прибытокъ уничтожа, учинить миръ (по мнѣнію негодующихъ) и допустить паки такъ близко сего сосѣда, какъ предъ тѣмъ было, то какой покой обрящемъ? Воистину не покой, но бѣдство: ибо уже довольно видѣть изъ вышеписанныхъ мочно, что когда у насъ и на умѣ ничего не было, какіе промыслы и злохитрыя коварства оные имѣли. Нынѣ же, исполня то все, чего оные опасались, и такъ глубоко досадя, паки себя IV.

V. обнажимъ: то подумай, оставятъ ли они насъ въ покоѣ, дабы всегда могли насъ бояться? Воистину никако! Но будутъ искать того, чтобы такъ насъ разорить, чтобъ вѣкъ впредь не въ состояніи были какія знатныя дѣла чинить, и не только, чтобъ имъ насъ бояться, но всегдабъ такъ надъ нами быть, дабы никогда не смѣли ничего противъ ихъ учинить. И тако бы мы сами себѣ враги и разорители были!

№ V.

ДОКУМЕНТЫ О СОЧИНЕНІИ КОРБА: «ДНЕВНИКЪ МОСКОВСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ».

a) *Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ изъ Вѣны отъ 8 августа 1701 г. Ѳ. А. Головину:* Цесарь хочетъ послать въ Москву посольство, чего добивается Гваріентъ, бывшій предъ тѣмъ посланникомъ на Москвѣ; онъ выдалъ книгу о состояніи и порядкахъ Московскаго государства. Не изволишь ли, чтобъ его къ намъ не присылали: истинно, какъ я слышалъ, здѣсь такова поганца и ругателя на Московское государство не бывало; съ пріѣзду его сюда, насъ учинили барбарами *(т. е. считають за варваровъ)* и не ставятъ ни вочто. Если такой поганецъ будетъ впредь, и не такія пакости можетъ учинить.[17]

b) *Игнатій Гваріентъ Ѳ. А. Головину изъ Вѣны отъ 24 декабря 1701 года:* Прелукавый шпынь [18] наговоромъ своимъ учинилъ, что книга путешествія моего послана къ Москвѣ. Молю не винить меня въ чужомъ дѣлѣ. Я ни словомъ, ни дѣломъ въ томъ не участвовалъ. Это сочиненіе секретаря моего, которому нельзя было возбранить, безъ вѣдома моего, что-либо напечатать, потому что онъ не здѣшней стороны, а изъ другой цесарской области. Никогда перомъ своимъ не захотѣлъ бы я вредить тѣмъ, которыхъ уста мои многими похвалами, за оказанное человѣколюбіе, предъ моимъ государемъ восхваляли.

c) *Онъ же въ другомъ письмѣ отъ того же числа, вѣроятно къ Шафирову:* «По наущенію бездѣльнаго Петра (Линксвейлера), князь Голицынъ недавно послалъ въ Москву книгу, которую секретарь мой Яганъ Георгъ Корпъ о моемъ посольствѣ въ Москву въ печать издалъ. Какъ въ ней ни единой буквы пера моего не положено, но наипаче весьма иное его цесарскому величеству о царской милости я доносилъ, то не токмо цесарскіе министры иначе о томъ извѣщены, но надѣюсь, что и

17. Кабинет. дѣла. Отдѣл. II. кн. I.
18. Линксвейлеръ, служившій переводчикомъ князя П. А. Голицыну.

въ Москвѣ такое доношеніе осмѣяно будетъ, и въ вину мнѣ того v.
не поставятъ: ибо, какъ могу я отвѣчать за книгу, изданную не цесарскимъ подданнымъ, но подъ защищеніемъ другихъ князей живущимъ? Сверхъ того, по моему мнѣнію, въ ней болѣе похвальнаго, кромѣ нѣкоторыхъ смѣхотворныхъ и невѣрныхъ описаній. Надѣюсь, что вы оправдаете мою невинно-отягченную особу.

d) *Онъ же Царю отъ 8 апрѣля 1702 года изъ Вѣны, послѣ обычныхъ комплиментовъ:* Узналъ я, что вашему величеству донесено, будто я авторъ изданнаго посольства моего въ Москву. Свидѣтельствуюсь всѣмъ, что неправда; ссылаюсь на уши цесарскія, какъ я о вашемъ величествѣ говорилъ. Но это такъ меня встревожило, что я не рѣшился принять вновь предложенный мнѣ санъ посланника ко двору вашего величества, чтобы не встрѣтить недовольное ваше око и не повредить дѣламъ.[19]

e) *Цесарецъ Отто Плейеръ изъ Москвы въ секретномъ донесеніи къ цесарю отъ 25 мая 1702 года:*[20] Er ist derjenige (Линксвейлеръ) der dem Fürsten (Голицыну) in die Ohren blaset wegen des Buchs, so der Korb, so mit Herrn v. Quarient in der Ablegation naher Moscau sich als Secretarius gebrauchen ließe und hernach in Wien hat ausgegeben in Druck Diarium itineris in Moscoviam genandt, das der Fürst durch dieses Menschen Ohrenblasereyen und aufwicklung wider das hohe Kayserliche Ministerium offter davon hereinschreibet, und waß man allhier fast schon vergessen und ich durch alle ersinnliche guete explication manchen aus den sin rede solche durch nachdrueckliches exaggeriren wider erwecket, und weilen in denselben buch an einen orth von ungezimblichen leben einer oder der anderer Czarischer Prinzessinen meldung geschichet welches dieser Rathgeber und Ohrenblaser dem Fürsten vill ärger als es gesinnet ist expliciret, und sich um die dadurch (seinem fürgeben nach) angegriffenen ehr russischen hauß und familie . . . . . der fürst auch alles glaubet und herein schreibet, so will fast allhier ein Misträuen getreurer freundbruderlicher lieb Ewr. Kays. und königl. Matt. gegen den Czaren daraus verspuret werden, weilen man solches buch in wien offentlich hatte laßen in Truck ausgehen. Derowegen mir der hiesige Premier Minister Golovin schon offters gesaget, daß ich es hinaußschreiben möchte, wofern solches buch und darin beschriebene Statt des Czaren, der Prinzessinnen und der Ministern leben und siten culpirung nicht mit wohlgesahlen und guetheißung des kays. hoffs gedrucket were worden, man solches buch auß den buchladen weggenomen auch ferneres nachzudrucken und zu verkaufen verbiethen möchte, welches ich auch auf des Ministri befehl schon vergangenes Jahre Ewr. k. und königl. M. allerunterth. treugehorsambst berichtet habe.

19. Письма Гваріента въ подлинникѣ на Латинскомъ языкѣ хранятся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ въ дѣлахъ Цесарскихъ. Здѣсь они въ извлеченіи изъ Русскаго перевода.

20. Изъ Тайнаго Государственнаго Архива въ Вѣнѣ.

VI.

№ VI.

ДОНЕСЕНІЕ ДАТСКАГО РЕЗИДЕНТА БУТЕНАНТА ФОНЪ РОЗЕНБУША О БУНТѢ СТРѢЛЬЦОВЪ ВЪ МАѢ 1682 ГОДА.[21]

Warhaftige Relation der traurigen undt Schrecklichen Tragedy hier in der Stadt Moscau furgefallen auff Montag, Dienstag undt Mitwochen, den 15, 16 undt 17 May jetzigen 1682-ten Jahres.

Diese Blutige Tragedi ist meistentheils entstanden, aus großer unvergnüglichkeit, so die Strelizen ostermahls haben spuren laßen, wegen der Großen uberlast undt harte auflege der arbeit (womit auch auf Sonn- undt Fest-Tage nicht verschonet wurden) so für Ihre Obristen haben thuen mußen, undt wurden darzu mit unbarmherzigen Schlägen angetrieben, Absonderlich aber sindt zu klagen, dadurch bezwungen die Strelizen eines Regiments, deß Obristen, Nahmens Semen Griboiedoff, welche in verwichener Osterwoche, (so bey den Reußen hoch wirdt gefeyret) durch Ihren Obristen seindt gezwungen, umb Steine, Kalck undt andere *materialia* zu erbaueung eines neuen Hauses für Ihm etzliche Meilen vonaußerhalb der stadt einzuholen, undt auf seinem hofe zu bringen worüber denn die streltzen geresolvirt haben über diese auflage, wie auch über Abkürzung ihrer gagie (darvon Sie gemelten Obristen immer etwas haben abstehen mußen) ein Supplicq an Ihro Zaars. Maj. Hn. Feodor Alexejewitz (der damahls noch beym leben gewesen. Doch bereits sehr schwach) auf 25 aprill überzugeben, worzu Sie eine bequäme Persohn auß Ihrer Compagnie erwehleten, umb dieses Supplicq in der Strelizschen Canzley zu übergeben welches überreichet wurde, an dem Dumnoy Dworänin Paul Petrowitz Jasükoff der nebst dem Knäs Jurje Alexejewitz Dolgorockoy, die Strelizsche Canzley verwaltete, selbiger Paul Petrowitz hat daß Supplicq von Ihnen angenommen, undt zur Antwort gegäben, daß Er es dem Hr. Dolgoruckoy andienen wollte, undt wurde man Ihnen den folgenden Tag außschlag geben, gemelter Dumnoy verfüget sich hierauf zu dem Hr. Dolgoruckoy, unterlegt Ihm dieses ungebuhrender weise, Sagende mit diesem Suppliq ist ein trunckener Streliz gekommen, undt hat im überreichen, viel unnüze worte über den Hr. Dolgoruckoy undt andern gebraucht, welcher hierauf an den Dumnoy antwortete, wofern es ein trunckener Streliz ist, so laß Ihn morgen bey Ihrer Categarde bringen, undt Ihn mit der Knut wacker durchstreichen, auf daß andern ein Exempel daransehen mögen, deß anderentags Kömbt der Streliez, so daß Supplicq aufgegäben in die Canzeley, undt fraget dem Dumnoy, was doch auf Ihrer aller Ersuch erfolget wäre, welcher Ihm zur antwort gab, es wäre Ihro Zaar. Maj. befehl umb Ihn wegen dieser Rebellion zu straffen, undt für Ihrer contegarde anderen zum Exempel, mit der Knut zuschlagen, gab auch alsobaldt an einen Diak selbiger Canzley order umb

21. Напечатано съ рукописи, буква въ букву.

dieses werkstellig zu machen, undt wurde der streliz von zween gerichtsdie- VI.
nern, undt den buttel dahin begleitet, wie Ihm nun seine Kleider außge-
zogen wurden, wardt Ihm durch den Djak sein Urtheil fürgelesen, da
fieng der Streliz zu seinen Cammeraten den andern Strelizen anzuruffen
Brüder, Ich habe ja mit euer aller Zustimmen undt begehren, dieses Sup-
plicq übergeben, worumb laßet Ihr nun zu, daß Ich so affrontiret werde,
strax darauf Kamen ezliche Strelizen zugesprungen schmießen den büttel
undt die zweene Gerichtsdiener unter die fuße schlugen dieselbe jämmerlich,
undt erlöseten dadurch Ihren mitbruder, der Djak (welcher auß furcht nicht
vom pferde gestiegen gewesen) wie Er solches sahe, retirirte sich so baldt im-
mer muglich von dannen undt gab an dem Dumnoy daß gepassirte zu er-
kennen, darauf der abendt einfiel, die Strelizen aber nahmen diese execu-
tion am allerübelsten auff, versambleten sich die folgende Nacht, wie auch
deß anderen tages frühe bey einander, riefen auch ezliche comp. Strelizen
von anderen Obristen zu sich, undt informirten sich von Ihnen, welche Ob-
risten mit Ihren Strelizen auch auf solche weise verfahren, undt wurden
von 20 Obr. welche uber mehr als 22000 Strelizen commandirten.
Neun Obristen befunden, welche von gleichem laster Konten uberzeuget
werden, darauf verbunden sich die Strelizen unter einander, undt wollten
recht über Sie haben, oder es solte alle diese Obristen Ihre Hälse Kosten,
den Donnerstag darauf, war der 27 aprill, ist Ihro Zaar. Maj. Feodor
Alexejewitz Todes verblichen, umb 4 uhr nachmittag, darauf alle Stre-
lizen in daß Schloß musten kommen, umb an den Neuw Erwehlten Zaarn
Peter Alexejewitz Ihren Eydt abzulegen, weiln der Elteste Prinz Ivan
Alexejewitz meist blindt von Gesichte, undt auch schwer von sprache soll
sein, welches alles die Strelizen willig thaten undt darauf nach hause gin-
gen, deß Freitags den 28 aprill wurde der verblichene Cörper deß nunmeh-
ro in Gott ruhenden Zaarn Feodor Alexeiwitz zur erden bestättiget,
undt hielten sich die Strelizen dazumahl ganz still, am Sonnabendt den 29
aprill kamen die Strelizen in großer anzahl, in daß Schloß begehreten von
den neuwen Zaarn, daß die aufgezeichnete Obristen neun an der Zahl
möchten apprehendirt, undt zur bezahlung geconstringirt werden, denn sie
wollten Ihr abgezwungenes Geldt wieder haben, wie auch den Lohn, so sie
pretendirten für die Arbeit so für Ihre Obristen haben thuen müßen wovon
sie ein Ordentlichs Register gemacht hatten, undt wofern man Ihnen sol-
ches wurde wegern, wollten Sie Selbst Rath schaffen die Obristen todt
schlagen, undt durch plunderung Ihrer Häuser undt Mitteln Ihre bezah-
lung wohl wißen zu finden, dräueten auch, daß es alsdenn dabey nicht
wurde verbleiben, sondern mehr andere verräther (damit Sie etzliche der
Größesten Herren meineten) Ihr leben gelten, undt nenneten, ezliche deren
mit Nahmen, welche damahle noch daß meiste in der Regierung zu sagen
hatten, denn sie kunten die Tyranney Ihrer obristen, wie auch die ubele
Regierung der Verräther, welche Ihro Zaar. Maj. Verleiteten nicht län-
ger ertragen, dieses alles veruhrsachte bey hoffe eine sehr große alteration,
undt wurde darauf strax befohlen, daß die neun von den Streliezen ange-
klagte Obristen solten festgesetzet werden, welches auch innerhalb zwey ta-

VI. gen gechahe, undt wurden alle in der Reitanschenpricas unter der wacht gesetzt, die Strelitzen hielten hart an, daß man diese Obristen nur an Ihnen übergeben sollte, sie wollten alß denn Ihre Rechnuug mit Ihnen baldt schlichten, dieses aber wurde Ihnen abgeschlagen, hingegen zugesaget, daß Ihro Maj. Ihnen Gut Recht über Sie würde geben, damit waren sie gleichwohl nicht zufrieden sondern wollten mit Gewallt, die Obristen in Ihren händen haben, doch durch bemittelung etzlicher Großen Herren (so bey den Streliezen noch in ansehen waren) wie auch etzliche Bischoffe undt metropoliten (deren viele von den Streliezen sehr übel abgewiesen wurden) seindt sie endlich zu frieden gestellet mit dem versprechen, daß die obristen gecondemnirt sollten werden, der Streliezen forderung laut Ihren auffaz zu erlegen, Ihre chargie solte Ihnen entnommen, undt an Ihrer stelle andere obristen über sie gesezet werden, mit welchen sie content wurden sein, aber die Streliezen begehrten (weile sie oftermahls von Ihren Obristen mit schläge sehr hartt getractirt waren) daß Sie für ablegung der Gelder, auch erst mit der knut möchten geschlagen werden, welches endlich auf die battoggen bemittelt wurde, undt wurde solches auf folgenden Mon-undt Dienstag den 1 undt 2 May verrichtet, auf dem Plaz für der Reitarschen Canzley, allwo sich die obristen biß aufs Hembde musten außziehen, undt auf Ihren bauch niederlegen, undt wurden von Zwene Gerichts diener so lange geschlagen, biß daß die Strelizen rieffen, daß es gnug wäre, wordurch etzliche obristen, die daß meiste verwircket hätten, zu 2, 3 mahle musten niederliegen, undt wurden wohl 2 a 3 pahr stöcke auf Ihren Rucken gebrochen, andere Obristen, welche nicht so sehr verhaßt waren, wurden auch weniger geschlagen, alles nach dem es den Streliezen wohlgefiel, dargegen niemandt Keinwortt möchte reden, wie solches geschehen, bedanckten sie Ihro Zaar. Maj. für gut Recht, nach diesem brachten die obristen Ihr Geldt ein betrug wohl 2000 Rubl. bey etzlichen auch weniger, der am Ersten bezahlte, wurde am ersten frey gelaßen, welche aber in mancquement blieben, wurden täglich so lang mit einem stocke auf Ihre schienbeine geschlagen (nämlich alle tage 2 stunden lang) biß Sie bezahleten welches alles innerhalb 8 tagen verrichtet, undt die obristen erlaßen wurden, die von Ihrer chargie abgesezet, sich außerhalb moscou auf Ihre landgüter begaben, wohl fürher sehende weile man den Streliezen so viel willen gelaßen, noch mehr böses darauf folgen wurde denn die Streliezeu Sich continue verlauten daß die Erwehlung deß neuen Zaaren nicht recht wäre zugegangen, Sie kunten nicht gläuben, daß der älteste Prinz Ivan Alexejewitz durch sein schwaches Gesicht undt anderen accidenten unbequäm zu regieren wäre viel weniger, daß Er selbsten die Krohn solte geweigert haben anzunehmen, sondern gaben vor daß es ein durchstochen werck von Parthey verräther ware principal von die Naruschkens, Vatter, undt Brüder der ältesten Keyserinne witbe deß Sehl. Hr. Zaarn Alexey Michaylowitz undt Mutter, deß jetztregierenden Zaarn Hr. Peter Alexejewitz (welcher an verwichenen 1 May daß zehende Jahr seines alters erreichet) Ja ließen Sich dabey öffentlich verlauten daß Sie von kein Naruschkins noch von dem Bojar Artemon Sergejewitz (so ohngefähr Sechs Jahr

im Exilio gewesen, undt nun täglich zurück erwartet wurde) wolten regieret sein, sondern wollten eher Ihnen allen die Hälse brechen, dann dieß wurde damahle nur so geredet, doch blieb alles still, undt in altem Stande undt war nur allein der Bojar Ivan Maximowitz Jahnkoff (der größeste favorit deß lezt verstorbenen Sehl. Zaarn Feodor Alexejewitz, welchem auch die artollerie anvertrauet war) von seinem ampte abgesezet, nebst Alexey undt Michailo Lichatzoff so nechst Ivan Maximowitz die zwey größeste favoriten gewesen, der erste Groß Cammerherr, undt der andere Schazmeister, Ihnen wardt verbothen, sich nicht mehr in deß neuen Zaarn Priesentie zu laßen finden, doch wurde Ihnen vergünnet, daß bey der leztverwitben Keyserinne zutritt möchten haben, — zu einem Herrn über die artollerie wurde genominirt, der älteste Sohn von Narischkin nahmens Ivankirilowitz ohngefahr 23 Jahr alt, wurde zugleich auch Bojar gemacht, welches ezlichen, so die sachen weiter einsachen, viel zu fruhe bauchte zu sein, daß dieser Junge Herr in so kurzer Zeit zu so großen dignitäten erhoben worden, der andere Bruder, nahmens Ostonasey Kirilowitz ohngefähr 20 Jahr alt, wurde strax zu Vorschneider von Ihro Zaar. Maj. gemacht die Strelizen, auch der gemeine Mann, waren ganz nicht zufrieden daß die Narischkens in so kurzer Zeit so groß gemacht wurden ließen es aber noch dabey bleiben, doch gaben Ihr großes Unvergnügen hierüber mit Murmurieren ofter mahlen zu erkenuen, Wie nun der Herr Artemon Sergejewitz nahebey Moscou kam, undt von dieser disorder gnugsahm Verständiget war, betrauete Er sich nicht in die stadt zu kommen, ehe daß wäsen ein wenig fürüber wäre, alleine weil Er ein sehr Verständiger Herr war, wurde sehr nach Ihm Verlanget, undt Ihro Zaarsche Maj. Kutsche Ihm entgegen gesandt, darinne Er auf Donnerstag abendt den 11 May in die stadt einkam, undt in sein eigen Hauß einzoge, weil solches schon für seiner ankunft zum theil repariret war, folgenden Morgens begab Er sich gen Hoffe, alda Er von Ihro Zaar. Maj. undt dessen Frau Mutter der Eltesten Keyserinne wie auch von allen Herren mit großer Ehren wurde empfangen, Ihme wardt der Titul von Bojar strax gegeben, undt promittirt seine güter so in wehrendem Exilio Ihme abgenommen waren, wie auch alle seine landguter, undt alle seine Mitteln zu restituiren, auch wurden Ihm alle seine Knechte so sich in der zeit bey andern Herrn in dienst begeben hatten denselben tag wieder zu Hause gesandt, Er hatte selbigen tages, wie auch folgenden Sonnabendt undt Sontag, war der 12, 13 undt 14 May, sein Hoff so vollbesuch, von großen undt kleinen, daß es zu verwundern gewesen auch wardt Ihm von allen ohrten so viel Victualie zugesandt, daß Keller undt speisekammer überfüllet waren, die Streliezen selbst hatten ezliche auß Ihnen hingeschickt, umb Ihn mit Salz undt Brodt (nach reußischen gebrauch) zu verwillkommen, Es ist nicht außzusprechen, die mit thränen vermengte geneigtheit undt demuth damit er einen jeden empfienge, zu aller großem genügen, Ja diejenige, so Ihm nicht sehr geneigt waren erfreueten sich über seiner redreß dieweil man Verhofte, daß durch seinen Klugen Rath die unordnung der Streliezen, undt bevorstehende Unruhe, sollte können

VI. gestillet werden, — dieser Herr Erachtete alsobaldt nicht gut zu sein, daß die Söhne deß Narischkens, principal der Elteste so baldt zu so einem hohen officio erhoben wären, auch dachte Ihme nichts gutes darauf erfolgen könte, daß man die Streliezen über Ihre obristen so viel willen hatte gelaßen, dieweil Er dieser Leute Humores kennete, welche, wenn man Ihnen den Zaum ein wenig schießen läßet, zu größerer Raserey geneigt sein, wie es denn auch in kurzen erfolget ist.

In währender Zeit, wardt unter den Streliezen geredet, daß man in den Rath beschloßen hätte, die anfänger dieses guten wercks (also nenneten sie es) bey dem Kopf zu kriegen undt tödlich zu strafen, auch daß die meiste anzahl in weitabgelegene städte in guarnison sollte verschicket werden, darzu Kam auch daß Ivan Narischkin (welcher alle zeit ein Muthwilliger Jüngling gewesen) die Elteste Herren wenig respectirte auch ezliche deren bey dem Barte zoge, (der gröste schimpf so einem hier zu Lande wiederfahren kann) welches durch gemelte Herren Klagender weise, an die Streliezen wurde fürgehalten, auch sagten die Streliezen, deß Sontags nachmittag, wie auch den Montag Morgen war der 14 undt 15 May offentlich auf der straßen, daß gemelter Ivan Naruschkin Ihme selbst deß Zaarn über-Rock solte angezogen undt sich in den Keyserlichen thron gesezet haben, sprechende, daß niemandt als Ihme die Krohne beßer anstehen sollte, worüber die Jungstverwitbe Keyserinne, undt die Jungfr. Princeßin Sophia Alexejewna in priesentie deß Prinzen Ivan Alexejewitz, Ihn mit harten worten sollten bestraffet haben, darauf Er ergrimmet, von dem thron gesprungeu, den Prinzen solle angefallen sein, zu würgen aber weiln die Princeßinnen hart anfiengen zu schreyen, wäre Er von den thürwärtern in seinem Bösen fürnehmen gehindert aber dieses Leztere wirdt nur für plauderey gehalten, doch dienete man sich von diesem geschrey umb die Narischkens bey der gemeine desto verhaſter zu machen, Mittlerweil wurde auf Montag Mittag den 15 May (da die Herren noch meist in dem Rath beysammen) durch die Streliezen so oben bey deß Zaaren gemächer die wacht hielten, außgeruffen, daß Ivan Narischkin den Prinzen Ivan Alexejewitz hätte erwürgen wollen, Schreyende dabey, zu waffen, zu waffen, Ezliche auß Ihnen, liefen nach den thurn, umb die Sturmklocke zu leuten, der meiste Hause der Streliezen so sich im Schloße befanden, liefen hinauf in die Keyserliche gemächer andere besezeten die thoren deß schloßes, welche strar zugemacht wurden, auch wurden auf Ihrem befehl, alle stadt thore zugeriegelt, undt niemandt auß noch eingelaßen, die Herren, so Sich noch im schloße befanden, dachten alle umb ein gutes heimkommen undt wolltens entfliehen, ezliche Kamen noch außerhalb deß Schloß, andere (die Ihnen selbst nichts gutes bewust waren) verkrochen sich an heimliche öhrter, viele Kutschen derer Herren so es noch entgelten musten, wurden ganz entzwey geschlagen, undt den pferden die beine entzwey gehauen, die Streliezen aber noch näher andringende, schrien undt sprachen, wir wollen den Printz Ivan Alexejewitz sehen, welcher für sie gebracht wurde, undt fügete sich seine schwester eine sehr Kluge Dame die Princessinne Sophia Alexejewna an seine Seite, nebst der Jungst

verwitben Keyserinne worauf die Streliezen alle zugleich außriesen, Ihr VI.
seidt unser Zaar, undt sterben mußen alle verräther, begehreten darauf daß der Jungst Erwehlete Zaar, seine Regierung, an seinen Eltsten bruder sollte übergeben, welches auch in puncto muste geschehen da riesen die Streliezen ins gesambt, gebt uns nun herauß alle Verräther, undt für Erst die Naruschkens, umb dieses geschlecht biß an die wurzel ganz auß zu rotten, laßet auch die Alteste Keyserinne Natalja Kirilowna sich ins Kloster begäben, wier wollen unseren Zaarn Ivan Alexijewitz und den Prinzen Peter Alexejewitz mit unserm blute verthädigen undt beschirmen.

Hierauf Kömt der Bojar Artemon Sergejewitz gegangen gefolget von Knas Michailo Jurjewitz Dolgorukoyo, sprachen die Streliezen freundlich an: fragende, was Ihr begehren wäre, undt versicherten Ihnen auch Satisfaction zu geben, aber diese wutende Streliezen gaben keine Antwort hierauf, sondern griesen erst Artemon an hernach Dolgorukoyo (welchem leztern, wenn Er nicht herauß gekommen wäre, nichts wurde wiederfahren sein) riesen darbey Ihr seydt die ersten verräther, schleppeten sie fort, nahmen sie bey hände undt füße undt warfen sie über die treppe herunter (welche treppe Krasnoy Krelcts genant wirdt) alwo sie strax von den unterstehenden Sreliezen mit Ihren piecken undt bordischen oder halbe Mahnen in Kurzer Zeit Jammerlich getödtet wurden darauf wurden Ihnen alle Ihre Kleider außgezogen, undt in kleine stücke zerrißen, die todte leichnamb aber wurden ganz nackendt nach dem Bosar, oder auf den großen Marckt für dem schloße hingeschleppet, undt allda niedergeworffen, hernach riesen sie weiter, Gebt uns nun die andere Verräther herauß, auf daß wier Sie strafen mögen, deren Nahmen sie auf ein Register biß in 40 Persohnen aufgezeichnet hatten, worunter die Naruschkens undt Artemon die Principälsten waren, weile aber niemandt herauß Kame, drungen sie selbst hinauf unangesehen, deß gebührenden respects so an den Zaarn, die verwitbe Keyserinnen, undt Princessinnen zu leisten Schuldig, liesen alle inwendige Kammern undt Kirchen durch, alwo sie für Erst funden den zweiten Sohn von Narischkin genant Offonasey Kirilowitz welchen sie bey den Haren fortschleppeten, undt über dieselbe treppe hinunter den anderen Streliezen zuwarfen, die denselben auf Ihre picken undt hellebarden empfiengen, undt alsobaldt tödteten Ihn nackendt außzogen, undt außerhalb daß schloß hinschleppten darauf folgte der Dumnoy Larion Ivanowitz mit seinem Sohne Wasiley Larionowitz welche oben in der Kirche wurden gefunden dieselbige wurden auch strax abgethan, undt wie die vorige hingeschlept unterdeßen Schryen die Streliezen oben immer, lang lebe unser Zaar Ivan Alexejewitz undt der Prinz Peter Alexejewitz, hingegen mußen sterben alle verräther, Riesen weiter, daß man den Ivan Naruschkin sollte heraußgäben, worüber der Junge Herr Feodor Petrowitz Saltukooff (deßen Vatter Peter Michailowitz Saltukoff von den streliezen sehr beliebt ist) sein leben ellendiglich muste büßen, denn in dem die Streliezen droben, umb Ivan Kiriloff zu suchen, ein groß Rumor machten, undt hartt andrungen, sa-

VI. hen sie diesen Jungen Herrn Saltukoff sich sehr bemühen, umb in ein kirche zu kommen, wie sie Ihn nun von hinten ansichtig wurden, riefen sie, dieß ist Ivan Kiriloff, faßet Ihn an, undt weil er so sehr darüber erschrocken, daß Er nicht Ein wort zu seiner Verantwortung hat können außbringen, wardt Er alsobaldt von oben herab geworfen, von den Streliezen todt geschlagen, undt außerhalb daß Schloß geschleppt da nun die Streliezen sahen daß Sie den unrechten ermordet hätten, gaben sie strar order, daß Ezliche von Ihren Cammeraten den todten leichnamb, zu dem Vatter ins hauß sollten bringen, (welcher wegen seiner unpäßlichkeit nicht im schloße gewesen) undt sich Excusiren, welcher nichts anders darauff antwortete, als Bosgiä Wolä, Es ist Gottes Wille undt muste Sie noch dazu mit brandwein undt Bier Tractiren der gewesene Feldherr Knäs Grigory Grigorjewitz Romabanofsky wardt darnach gefunden undt alsobaldt abgethan, sein Sohn wurde verschonet (vielleicht weil Er nicht auf dem Register stunde) Sie aber gaben vor, wegen seiner mehr als 20 Jährigen gesangnuß in tartaryen hiemit fiel der abendt herein, doch muste es noch den allten Herrn Knäs Jurge Alexejewitz Dolgorukoy sein leben Kosten, dieser Herr wollte nach Hause fahren, undt wie Er in seine Karoße trat, wardt Er von den Streliezen umbringet, welche Sich presentirten Ihn nach Hause zu bringen, entschuldigten sich dabey daß Sie nicht willens wären gewesen, seinen Sohn umbzubringen sondern weil Er sie über Ihre rechtfertige sache alzu hart hätte angeredet, undt hierinne mit Artemon eines sinnes wäre gewesen, so wäre solches in der furie geschehen, undt baten umb verzeihung dieser Herr durfte auch nichts anders darauf sagen, als daß es Gottes wille wäre gewesen, die Streliezen begleiteten Ihn also mit allem respect biß nach Hause, undt wurden von dem Herrn mit brandwein undt Bier, nach belieben Tractiret, wie Sie nun genug hetten, schlagen Sie Ihre Häupter für dem Herrn, undt nehmen Abscheidt die frauw seines erschlagenen Sohnes Kam Ihm (wie Er zu hause kam) mit heulen undt wehklagen entgegen, zu der sprach Er weine nicht, meine tochter, ob mein Sohn schon todt ist, so leben seine zähne noch, welches Einer von den noch hinterbliebenen streliezen hörete undt darauf seine Cammeraten wieder zu rücke rieff sagende, höret brüder, Er dräuet, da flogen sie alle zu, faßeten den alten Herrn, undt schleppeten Ihn an händen undt füßen ab, undt ließen so auf der straße in den dreck liegen. — Daß war schon in der nacht, die helfte der Streliezen blieben im Schloße, die anderen giengen hinauß umb die Stadt Thore zu bewachen, ezliche aber suchten noch nach denjenigen so noch auf dem Register stunden, fielen in Ihre undt Ihrer Nachbaren Häuser dieselbige über all sehr scharff suchende, Ruhreten aber keine meubilien oder güter an, nahmen auch nichts mit Sich, Absonderlich aber wurde ein Doctor Nahmens Daniel von Gaden ein gebohrener Jude, welcher zu erst den Luterischen, hernach aber den Reußischen Glauben angenommen hatte, die ganze nacht durch sehr eyfrig gesucht, wie auch deßen Sohn, fürgebende, weil er Leib medicus von Ihro Zaar. Maj. Feodor Alexejewitz wäre gewesen, Er denselben hätte umbs Leben gebracht die Nachbahren musten dieses besu-

chens wegen, große molestie außstehen, doch fanden Ihn nirgends, dessen VI.
Collega, nahmens Johan Gutmensch weßen Hauß, nächst an deß Doctor Daniel seinem Hause gewäsen, wardt sehr starck Visitiret, doch wardt Ihme für dießmahl kein leidt zugefuget, aber wie die Streliezen ein wenig nach Mitternacht wiederkamen, wardt der gute Mann sehr erschrecket, undt vermeinete, daß Sie kämen Ihn abzuholen, darauf Er sich oben unter sein dach suchte zu verstecken, die Streliezen aber funden Ihn allda, undt nahmen Ihn mit Sich, sagende Er ist Doctor Daniel sein großer freundt gewesen, darumb muß Er Ihn verborgen oder weggebracht haben, wier wollen Ihn so lange mit nehmen biß der andere gefunden wirdt, Doctor Daniels fraue, wardt auch mitgenommen, Johan Gutmensch gaben sie im schloße in verwahrung an den streliezen auf der treppe, da die Execution undt abwerfunge geschahe, der frauen von Doctor Daniel aber, weil sie schwanger, wurde so viel vergönnet, daß an einem schlechten ohrte, in gute wacht gesezet wurde, mit bedräuunge, wofern der Doctor Daniel nicht gefunden wurde, Sie Ihr nebst Gutmensch wurden das leben nehmen, So baldt der tag anbrach, war dienstag den 16 May begaben Sich die Streliezen wiederumb fruh nach dem Schloße, ließen nur so viel außenbleiben, als zu verwahrung der stads Pforten nöthig erachtet wurde, Ezliche der stolzesten auß Ihnen, drungen mit gewalt hinauf in die geheimeste Gemächer, suchten allda die Narischkens fanden aber keinen drauf musten es für erst entgelten, der Bojar Ivan Maximowitz Jasükoff und der Dumnoy Awenky Stepanowitz Kiriloff wie auch ein gewesener obrister der Streliezen, genant Grigory Garuskin welche die Vergangene Nacht ein jeder in seinem Hause (allwo Sie Sich verstecket hatten) gefunden, undt ins schloß gebracht waren, wie nun die Streliezen meist bey einander waren, wardt mit diesen dreyen die Schlachtunge angefangen, ohne einigen proces oder Examinirung, auf eben dieselbe Manier als deß vorigen tages, sie wurden über die treppe, auf die untergesetzte spießen undt hellebarden geworfen, undt mit Bordischen zu todte gehauen, nackt außgezogen, bey Ihren füßen auß dem schloße geschleppet, undt bey die andere todten geworfen, zwey stunde auf den tag Kam Zeitung, daß der Sohn von D. Daniel genant Michailo ein Jungling von 22 Jahren gefunden war, Sie hatten Ihn verkleidet, auf der straße ertappet (weile niemandt selbige in seinem Hause dürfte herbergen, wofern Er nicht auf eben so eine maniere getractirt wollte sein) die Streliezen fragten Ihn, wo sein Vatter wäre, Er aber gab zur Antwort solches nicht zu wißen, darauf wurde Er strax gefaßet von oben herunter geworffen, undt zu tode geschlagen, nach diesem tasteten sie Johan Gutmensch an, Ruffende, ist D. Daniel nicht gefunden, so muß es dieser entgelten, weile Er dem Doctor geholfen hat, die medicamenten zu prepariren, damit der Zaar umbs leben gebracht ist, wieviel Er sich auch entschuldigte, möchte es dennoch nicht helfen, Er muste mit fort, wurde über die treppe geworfen, undt todt geschlagen, darnach wollten sie mit D. Daniel seiner frauen eben so verfahren, dann dieselbe wurde von der Jungstverwitben Keyserinne Erbeten, für welche die Streliezen sich noch etwas scheueten,

VI. doch wurden meist davon abgehalten, durch ein geschrey daß einer von den Narischkens angebracht wurde, daß war ein Vetter oder Cousin der mehrgemelten Naruschkens, Nahmens Wasiley Filimonoff, Ein wackerer Jungling von ohngefähr 20 Jahren, welcher auch strax wurde umbs leben gebracht, darauf hatten einige andere Streliezen einen Obristen darüber sie für diesem gebeten hatten, nahmens Andrei Doktoroff in der Kirche unter dem Altar gefunden, derselbe wurde auch (ohngeachtet sie schon von Ihme auf Ihr Suppliciren Contentirt waren) dahin gerichtet, darmit gieng die Zeit durch biß nach den Mittag, alß denn noch etzliche Canzler undt Schreibers umbgebracht wurden, undt auch nach dem Basaar oder großen Marckt geschleppet, undt so wardt dieser tag geendigt Mitlerweil wurde den ganzen tag über, undt die folgende Nacht darauf der Doctor Daniel undt Jvan Narischkin mit allem Eyfer gesuchet, für den alten Narischkin genant Kirilo Polujechtowitz wardt durch große fürbitte der Ältesten Keyserinne (so seine tochter ist) endlich erlanget, daß Er beym leben verblieben, aber Er muste ein Münch werden, undt in daß Kirilowo Kloster nach Beelosero verschickt werden, welches auch alsobaldt geschahe, undt wurde Er auf einen Kleinen sehr schlechten wagen auß Moscou dahin Versandt — seine drey Jungste Söhne von 14, 11 undt 6 Jahren, verkriegten auch bey den Streliezen, durch Vorbitte Ihrer Schwester der ältesten Keyserinne, daß beym leben verblieben, alleine Sie musten nach weit abgelegene Ohrter ein jeder besonder verschicket werden, welches auch in continento muste geschehen.

Deß folgenden Morgens war Mitwochen der 17 May ganz frühe mit dem tage, Kam Zeitung auß der teutschen Slobode, ohngefähr eine halbe Meile von der stadt gelegen, alwo meist teutsche officiren wohnen, daß Doctor Daniel aldar die vorige Nacht wäre fäst bekommen in bettlers Habit, hatte sich Zwey tage undt Zwey Nachte in Marien busch undt anderen nahe dabey gelegenen ohrten aufgehalten, Er vermeinte bey einen seiner bekandten auf der Schlobode ein Zukehren, umb etwas zu essen, weile Ihm sehr hungerte, aber Er wurde auf der Straße von Ezlichen die Ihn kenneten angehalten, dieß gab eine sehr große Freude unter den Streliezen, welche alsobaldt eine große Troupe Volcks nach der Schlobode schickten, die Ihm von dar gebunden in die Stadt brachten, in bettlers kleider, einen bettelsack auf der seite, undt baste schue an den Füßen, wurde gebracht biß für die Kammer deß Czaaren, die Princeßinnen kamen herauß nebst der Jungstverwitben Keyserinne, baten sämptlich für deß Docters Leben, erkenneten Ihn unschuldig an deß Czaaren tode, bezeugeten, Er alle träncklein undt medicamenten, so Er für Ihro Zaar. Maj. Componirt hätte, erst selbst gekostet, gleicherweise Sie die Keyserinne undt Princeßinne selbst gethan hätten solches aber alles vermochte nichts bey diesen verbitterten Gemüthern, sondern riefen, Er hätte nicht allein, Ihro Zaar. Maj. umbs leben gebracht, sondern Er wäre auch ein Zauberer, sie hätten getrucknete schlangen in seinem Hause gefunden (welches war eine art getrucknete Seekräbse, von Runden Leibe, undt mit vielen Füßen) damit er seine Zaubereyen gepfleget hätte, undt darumb muste Er sterben. Sie

riefen darauf weiter, mit großer ungestümigkeit, wier wissen daß Ivan Kiriloff Narischkin bey euch verwahret ist gebt uns denselselben auß, so seindt wir vergnügt undt werden uns von allen furdern Mordereyen enthalten, undt die Jenige, so noch auf unserm Regißter stehen, undt sich absentirt haben, wollen wier an Ihro Zaar. Maj. Recht übergeben, umb Sie durch büttels Hände, zu strafen, wier wollen uns hernach auch allen zur ruhe undt nach Hause begäben, wofern Ihr uns alles was jezo paßieret vollenkömlich vergebet, undt uns deßwegen für keine verräther haltet, welches Ihnen alles zugestanden wurde, mit nochmahliger bitte daß man dem Bojar Ivan Narischkin undt dem Doctor Daniel daß leben möchte schencken, aber Sie wolten ganz nicht darnach hören, sagende, wier wißen daß Ivan Kiriloff bey Euch verborgen gebt Ihn herauß mit guten, oder wier werden Ihn auf daß härteste süchen, so lange, biß wier Ihn funden, und denn möchte es vielleicht ärger ablaufen; wier schencken dem alten Narischkin undt seinen dreyen Jüngsten Söhnen daß leben, aber Ivan Narischkin soll undt muß, durch unsere hände sterben, die Alte Keyserinne bate, sie möchten ein wenig Gedult haben, gieng hinauf undt bewog die Jungste Keyserinne, undt Princeßinne mit sich hinauß zu gehen, undt für Ihren Bruder den Ivan Narischkin zu bitten, bewogen auch einen Metropolit umb mit ein Marien bildt herunter zu kommen, die alte Keyserinne, brachte drauf Ihren bruder herauß, der sich hinter Ihr hielte, wie auch bey dem Marienbilde, welches der metropolit auf seine brust hielte beyde Keyserinnen nebst der Princesse Sofia Alexejewna fielen auf Ihre Knie, baten für Ivan Narischkinns leben aber es möchte nicht helfen, Ein Streliez, welcher alle Scham undt Scheuw an die Seite gestellet, sprang mitten unter sie alle, ergriefe diesen Narischkin bey seinem langen Hare undt ruckete denselben mit Gewalt auß Ihren händen, schlepten Ihn nebst D. Daniel herunter, undt brachten sie beyde nach der Peinbanck (welche nicht weit von dannen ist, zwischen des schloßes Mauren) zu jetweders großer Verwunderung, also noch an keinem deren so hingerichtet seindt, so viel Zeit vergünnet ist, solches aber geschahe nur, umb sie mit gröster pein undt schmerzen den todt anzuthun, Ivan Naruschkin wurde erst aufgezogen, undt so hart Er auch gepeinigt wurde, sprach Er doch nicht ein wort, bieß nur seine Zähne Zusammen, darauf wardt er mit ezlichen Streliezen nach der Basar geschicket, undt in aller Eyl in kleine stücken zerhackt, sein Kopf, hände, undt füße auf spießen gestellet, doctor Daniel wurde auch hart gepeinigt, aber Er bekennete viel verwierrete dinge, so Ihm die pein auß zwangen Er ersüchte noch drey tage zeit, so wollte Er ezliche angäben, die den todt mehr als Er verdienet hätten, die Streliezen waren selbst die peinigere, einer von Ihnen protocollirte alles, was der Doctor auf der pein bekennet hatte, aber diese Menschen (vielleicht von Morden undt wüten ermüdet) rießen das protocoll ganz entzwey, sagten, dieß wurde alzu lange währen, brachten Ihn alsobaldt nach der Basar undt Ermordeten Ihn, gleich wie die andern, doch mit mehrer undt größerer grausamkeit, also Ihme in ganz kleine stücke zerhackten, daß därme undt Ein- VI.

VI. gewandt auf der straßen zerstreuet lagen, dieser Doctor beschloß für dießmahl die Tragoedie.

Die Jenige, so sie noch für verräther hielten, undt am leben wolten gestrafet haben, seindt Alexey undt Michailo Lichatzoff zwey gebrüder, Jvan Jasukoff sein Sohn, gewesener Kämmerling von Jhro Zaar. Maj. Owenky Stepanoff sein Sohn, der Obrister Semen Gribojedoff, mit noch 7 andere geflüchtete obristen, Feodor Janoff, auch ein gewesener obrister der Streliezen, (der nach einem ohrt auf ein gouvernementschaft ist verschicket) auf wen sie auch viel zu klagen haben, Es seindt schon ezliche streliezen mit einem dumnoy dworenin abgeschicket ihn zu holen, undt hierein zu bringen, undt den noch 2 djaken so in der Streliezschen Canzeley bedienung gehabt, undt sehr wiel von Jhnen abgezwungen haben, die Streliezen begehren auch absolut schriftliche verbündnuß oder promesse, daß diese Persohnen gerichtet werden sollen durch Order undt Recht von Jhro Zaar. Maj. undt durch büttels hände wo nicht, wolten sie es selber thuen, Es möchte dan lang oder kurz währen, alles wurde Jhnen zugestanden, damit diese Rasende leute sich möchten befriedigen lassen.

Jn währender Zeit dieses mordens ist solche strichte order unter die Streliezen gehalten, daß wer nur im geringsten an diebstahl oder plunderung schuldig befunden wurde, alsobaldt tödtlich gestrafet wurde welches ohngefähr 40 Persohnen, so arme Bürger wie auch ezliche Streliezen (welche mit wenig gestohlenen guets ertappet gewesen, ja daß keine 3 Copeken wehrt ware) wiederfahren, undt wurden dieselben auf stehendem fuße von den andern Streliezen, darnieder gemacht, man hat auch wenig oder gar nicht von Rauberey gehöret, noch auch von Mordbrennen undt dergleichen, wenn jemandt herfür gebracht wurde, der sterben muste, war im schloß dieses daß Zeichen, daß alle Trummeln so da bey einander stunden, undt mehr als 200 an der Zahl waren, geschlagen wurden, wie auch wurde die Sturmglocke geleutet, dieß warete so lange, biß der ermordete auß dem Schloß außgeschleppet war, undt auf dem Basar oder großen marckte niedergeworfen, wenn sie so einen patienten, oben auf die treppe brachten, hoben ihn die Streliezen so oben stunden, in die höhe, auf daß die Jenige so unten stunden, Jhn sehen kunten, denn rief einer von oben Bratzi luboli, daß heißt, Bruder, ist es Euch angenähm, undt stelleten Jhre piecken und hellebarden fertig, Jhn darauf zu empfangen, darauf fasten die von oben Jhn bey Hände undt füße, und wurde also über die treppe herunter geworffen, undt strax darniedergemachet. Auf dem Basar oder großen Marckt für dem Schloße, waren auch viele Streliezen, undt ander Canaile, undt wurden die todten Cörper, welche auß dem Schloße dahin geschleppet wurden, Jämmerlich von Jhnen mißhandelt, mit stechen, schneiden, undt zerhacken, absonderlich waren die beiden leichnamb der Dumnoy Djaken, Larion Jvanoff und Owenky Stepanoff ganz in kleine stücke zerhacket, wie Doctor Daniel hingerichtet war, war es ohngefähr ein wenig Nachmittag, da begaben sich die Streliezen, alle nach dem Schloß, riefen undt Schrien, wir seindt nun

vergnüget, Jhro Zaar. Maj. (den Gott lange gesundt spare) thun nun mit den restirenden verräthern nach seinem wohlgefallen, wier wollen für Jhro Zaar. Maj. die beyde Keyserinnen den Prinzen undt unsere Princeßinnen leben undt sterben,—darauf Ersuchte der Elteste Prinz Jvan Alexeiewitz Sie möchten Jhme von der Krohne entschlagen, weile Er wegen seines schwachen gesichtes undt ungesundheit halben, sich kein langes leben könte zuschreiben Er wolte an seinen jüngern bruder den Prinz Peter Alexejewitz die Regierung gewillig überlaßen, da dann die Streliezen alle mit einander schrien undt riefen, Godt spare gesundt unsern Zaare Peter Alexejewitz, undt den Prinz Jvan Alexejewitz durch Jhre fürbitte, wurde bey den Streliezen noch Erhalten, daß die Elteste Keyserinne Natalia Kirilowna, möchte oben bey Jhrem Sohne, dem jezigen Zaarn verbleiben, undt nicht in ein Kloster geschoren werden, wie sie zu Erst begehret hatten, die drey tage über, so lange dieser Tumult währete, haben sie alles gethan, im nahmen des Zaarn Jvan Alexejewitz, ob schon die Streliezen nach niemandt frageten undt gnugsam alles nach Jhrem wohlgefallen thaten. VI.

Die Streliezen gaben Vor, daß wofern sie hiemit länger hätten gesäumet, sie alle wurden umbgebracht worden sein, weile beschloßen war, alle Bojars Knechte zu armiren (deren Anzahl wohl viermahl so viel wurde sein, als der Streliezen) undt auf sie loß zu gehen, welches denn noch ein viel ellendiger blutbadt wurde veruhrsachet haben; und wäre diese ganze stadt durch brennen undt Morden geruinirt worden, die Streliezen waren ezlicher maßen befürchtet, für die Bojaren Knechte aber wie sie auf den Montag sahen, daß Sich dieselbe stille hielten, fielen Sie in die Canzeley, dar die Bojaren Knechte unter gehören, (so hier Cholopey pricas oder auf teutsch Schlaven Canzeley genennet wirdt) rießen alle schriften undt Papieren entzwey, darinnen die knechte sich in Jhrer Herren dienste schriftlich verbunden hatten, wordurch sie dieselben zu freunden gemacht, denselbigen Montag, war der 15 May gegen Mittag wie der Tumult angienge, zogen die Streliezen in voller order, mit fliegenden fähndeln, undt schlagenden trummeln, nach dem schloße zu, undt ließen zwey ziemlich große Metale stücken für sich hinziehen, zwungen auch Jhren Obristen sie anzuführen, welches Er auch thuen muste, woferne Er beym leben bleiben wolte

Die größeste Uhrsach, dieses Tumults, ist wohl gewesen, die große einbildung undt vermeßenheit der Söhne von Narischkin undt principal deß Eltesten Nahmens Jvan Kiriloff. Auf Mitwochen den 17 May gegen abendt, wurde außgerufen, daß ein jeder seine todten möchte kommen abholen, undt begraben, welches auch geschahe, undt blieben nur alleine biß dato liegen, die Körper von Jvan Kiriloff, Doctor Daniel undt deßen Sohne, wie auch Johan Gutmensch, worbey zu spüren, daß die verbitterte Gemüther, der Streliezen ezlicher maßen gestillet waren, denn deß für mittags hatten Sie sich noch verlauten laßen, daß Sie alle die todte leichnamb, außerhalb der Stadt in ein Murasch wollten werfen, umb alda von den Hunden gefressen zu werden, in währendem diesem Tumult, durfte man Keinem streliezen kein unfreundliches wortt

VI. Zureden, woferne man seines lebens wolte gesichert sein, wenn sie irgends in die Häuser wolten, muste man sie nur alsobaldt einlaßen, mit Bier undt brandtewein, so viel Ihnen gelustete Tractiren, undt ezliche, so es begehreten, mit gelde beschencken, die Guter undt Mittel der ermordeten Persohnen, wurden alle für Ihre Zaar. Maj. geconfiscirt. sie wolten dieselbige sonsten an den Streliezen frey gegeben haben zu plundern, aber Ihnen soll an deßen statt, was geldt gegeben werden.

Deß nachts wirdt auch in allen Gaßen gute undt starcke wacht gehalten, undt ist nun alles still, gleich als wenn nichts paßiert wäre, alleine es läst sich hier undt dar, bißweilen ein trunckener Streliez hören, der auf seine tapfere thaten hoch Rühmet von allen den todten ist niemandt durch buttels hände gerichtet denn ein jeder der Streliezen war dar zu willig undt bereit, ja niemandt durfte daß Contraire laßen spüren, die Vermordete undt umbgebrachte Persohnen, seindt die folgende, als

6 Bojaren, nahmens wie folget

Knas Jurje Alexejewitz Dolgoruckoy—Knas Michailo Jurjewitz Dolgorukoy—Knas Gregory Gregorjewitz Romadanoffsky—Artemon Sergejewitz Matfejeff—Ivan Maximowitz Jasukoff—undt Ivan Kirilowitz Narischkin.

2 Dumnoy Djaken nahmens als folgt,

Larion Ivanowitz Ivanoff—undt Owenky Stepanowitz Kiriloff.

5 Stolniken, als

Feudor Petrowitz Saltukoff—Offonasey Kirilowitz Naruschkin—Michailo Daniloff von Gaden—Waßiley Larionoff Ivanoff, undt Waßiley Feudoroff Naruschkin.

2 Obristen als

Andrey Doktoroff undt Grigorey Garuskin.

2 Doktoren als

Doctor Daniel von Gaden undt Johan Gutmensch.

Ein Munch, undt 48 Persohnen, schreiber, streliezen und gemeine Leute.

Gott bewahre uns ferner.

Moscou 19 May 1682.

Wahrhaftiger bericht, der unglückseligen Resconter, darin Mich der Allerhöchste Gott, auß augenscheinlicher Lebens Gefahr errettet hat, fürgefallen am verwichenen dienstag den 16 May anno 1682.

Nachdeme deß Nachts zwischen Montag undt dienstag, der Doctor nahmens Daniel von Gaden sehr scharff in seinem Hause gesuchet wurde, musten solches seine Nachbarn auch empfinden, Kam also mit anbrechendem tage bey mier auf dem Hofe, der okolnizey Kirilo Osepowitz Chlopoff mit mehr als hundert Streliezen, sagende, Nachricht zu haben, daß Doctor Daniel und sein Sohn bey mier verborgen wären, undt wo Er bey mier vorhanden, sollte Ich Ihn herausgeben, oder wo Ich Ihn wurde

verborgen halten, undt Er hernach bey mier gefunden wurde, sollte es mein undt meines ganzen Hauses leben kosten, undt wurden alle meine Mitteln confisquiret werden, Ich bezeugete darauf mit theuren Eide, von Ihnen nichts zu wißen, undt auch Sie in langer Zeit nicht gesehen Zu haben, darauf sagte Er order zu haben, umb mein hauß allenthalben durchzusuchen, welches Ich muste geschehen laßen, weile meine protestation daß Ich ein Königlicher Bediente wäre, undt daß nicht Ich sondern mein Gnadigster König dadurch affrontiret wurde, nicht geconsiderirt wardt, sondern giengen fort undt durchsuchten alles, Kisten, undt Kasten, muste Ich Ihnen eröffnen, undt durchliefen Sie alle winckel meines Hauses, Inmittelst Kam zeitung daß deß Doctors Sohn, selbige Nacht auf der Gaßen, in vermummeten Kleidern ertappet wäre, damit der okolnizey nicht mehr nach Ihm suchen möchte, alleine den Doctor sollte Er mit allem fleiße aufspüren, dieses verfängete so viel, (weile sie doch nichts bey mir gefunden) daß Sie mit suchen aufhielten, undt wiederumb von meinem hofe abzogen, Ohngefähr eine kleine stunde nach her, Kömt wieder zu mier auf den Hoff Ein Capiteyn mit ohngefähr 50 Streliezen, fürgebende, Order zu haben, Mich mit nach dem Schloß zu nehmen, damit Ich mich alda gegen Doctor Daniel seinem Sohne möchte verantworten, weile selbiger bekennet, daß sein Vatter sich bey mier verbergen wollen, fasten mich darauf gar hart an, und wollten Mich so ungekleidet ohne strumpfe in meinen unterkleidern fortschleppen Ich bate sie aufs allerdemüthigste, sie möchten doch zulaßen, daß Ich mich erst ankleidete, undt zu pferde in die stadt Ritte, meine haußfrau fiel auch für sie nieder auf Ihre Knie, selbiger mit thränen von Ihnen erbittende, wodurch sie sich endlich ließen bewegen Ich muste mich aber auf dem Hofe ankleiden, denn Sie wollten mich keinen Schritt weit von sich gehen laßen, wie Ich nun mein Pferdt ließ zu mier bringen, umb aufzusitzen, wolten sie solches durchauß nicht zulaßen, sagende Ich wohl mit Ihnen zu fueß Könte hingehen, welches Ich denn endlich nach vielem bitten auch noch erhielte, hierauf nam Ich von meiner haußfrauwen mit thränen meinen abscheidt, wie Ich nun auß meinem Hause auf die Straße war gekommen, Gab mier der Vielgutige Gott diese gute Gedancken ein, daß Ich ein wenig still hielte, undt den Capiteyn mit den Streliezen zu mier Rief, sagende, Ihr Herren Ich weiß mich Gott lob an nichts schuldig, habe ein freyes gemüthe undt zweifele auch nicht, so baldt Ich nur im Schloße gewesen, oder Sie werden mich baldt loß laßen, undt wenn Ihr mich denn wieder nach Hause begleiten wollet, will Ich Euch mit Brandtwein undt Bier nach belieben Tractiren, alleine, weile die Gaßen voll Euerer Mitbrüder, undt Ihnen meine sache unbewust; so bewahret Mich doch, daß mier kein leidt von Ihnen wiederfahre, Gehet, für, undt umb Mich her, undt saget, daß Ich ein Abgesandter bin, der gen Hoffe beruffen welches sie mir versprochen, undt auch wohl seindt nachgekommen, denn wenn uns eine Partei Streliezen begegnete, so riefen sie laut, gehet auß dem wege, der Abgesandter reitet nach Hofe, umb mit Ihro Zaar. Maj. zu reden, worauf die andern alsobaldt den weg räumeten, wie Ich nun

VI. ohngefähr beim Schloß auf dem großen Plaz, der Basaar genant, ankam, wardt. recht an meiner Seite, wie Ich vorbey ritte, ein Obrister Nahmens Andrey Doktoroff von den Streliezen umbs Leben gebracht, auch lagen an beiden seiten (da Ich durch passieren muste) viel todte leiche, Jammerlich Zugerichtet, worüber Ich mich sehr, alterirte, daß meiste aber, so mich erschrecken machte, war daß ezliche Streliezen von dem Schloße, wie Sie mich sahen ankommen außriefen, ist dieses der Doctor Daniel, gebet Ihn her, den Verräther undt Zauberer, meine Streliezen hatten genug zu thun, umb sie abzuhalten continue Ruffende, halt Euch zu Ruce, Er ist nicht Doctor Daniel, sondern ein Abgesandter, so mit den Zaarn sprechen muß, wie Ich für daß Schloßthor Kam, wardt daßelbige strar eröfnet, undt hinter mier alsobaldt wieder Zugemacht nach deme Ich ein wenig fortgeritten, begegneten mier ezliche Streliezen, welche den Doktor seinen Sohn ganz nacket undt todt fortschleppeten, da sagte mein Capiteyn zu mier, (welcher nicht von meiner seiten wiche) dieß ist deß Doctorn Sohn, mit weme solltu dich nun verantworten, Ich schwieg darauf stille, undt da Ich bey dem Großen Plaz kam, welcher voller gewapneter Streliezen stunde, selbige wie sie meiner nur ansiehtig wurden, schlugen die trummeln, und lauteten die Sturmklocke, welches Ihr zeichen war,! wenn sie einen solten abmachen, Gott der Allmächtige gab mier freudigen muht, undt meine Streliezen riefen immerfort haltet Euch still, Er ist ein poslalnik undt muß mit Ihro Maj. reden, mier wardt Raum gegeben, undt Ich ritte biß an die steinerne treppe, gieng hinauf, recht biß an eine abgelegene stuffe, woselbst die Jungstverwitbe Keyserinne, undt die Princesse Sophie Alexejewna mit ezlichen Herren bey einander waren, wolte gerne weiter hinauf gehen, aber meine streliezen Konten mier keinen platz machen, dann es war da so voller Leute, daß man auf Ihren Köpfen hätte gehen können—der Bojar Knes Jvan Andrejewitz Chowansky kam herunter undt fragte die Streliezen, ist es Euch auch angenähm, daß die Elteste Zaarinne Natalja Kirilowna Naruschkin nicht mehr bey Hofe verbleibe, sie riefen alle, ja es ist uns angenähm—Wie Sich nun gemelter Chowansky umbwandte, Kriegte Er mich ins Gesichte, Verwunderte sich, undt fragte mich Andrey Jvanowitz (welches auf Reußisch mein Nahme ist) wie bistu hieher Kommen Ich zeigete auf meine Streliezen, undt sagte, Sie haben mich hieher gebracht, drauf tratt Ich näher zu, biß auf 2 Stuffen von der Keyserinne, undt Princesse, mit welchen der Hr. Chowansky etwas redete, welches Ich nicht wohl hören Könte, muß aber nichts böses gewesen sein, denn die Princessinne winkte nach mier mit der Handt Ich solte nur weggehen, Knes Jvan Andrejewitz rieff darauf meine Streliezen, undt sagte zu Ihnen, bringet diesen Mann, wiederumb nach hause, undt bewahret Ihn gleich euere Augen, gab dabey viel ruhmende worte von meiner Persohn, wie Ich nun auß dem gesichte, dieser hohen persohnen, sagten die Streliezen so mich begleiteten zu mier, Andrey Jvanowitz decke dein Häupt, du hast nun deinen Vollenkommenen respect undt bist unschuldig befunden, wie Ich nun an die große treppe Kam, warteten die Streliezen so

darunter stunden, daß Ich gleich wie die andern nur solte abgeworfen werden, wie Sie aber sahen daß meine Streliezen mich an die Seite der treppe hinabfuhreten drungen sie alle dahin zu, undt fragten, warumb Ich droben gewesen, undt warumb Ich loß gelaßen wäre, ezliche noch bey der meinung bleibende, Ich wäre Doctor Daniel meine streliezen hingegen blieben bey Ihren worten undt schreien Ich wäre ein Abgesandter, undt hätte mit der Princeßin geredet sie solten mein Pferdt nur zu mier laßen, welches aber, durch großem gedränge deß volcks nicht Kunte zu mier kommen, endlich eine gute weile fortdringende, wardt ich meines Pferdes mächtig, undt ritte zu einem andern thore hinauß nach hause, meist alle Streliezen so mier begegneten, fugten sich bey die Ienigen so mich convoyirten, Ezliche liefen mit aller macht vorauß umb meiner frauen Zeitung zu bringen, daß Ich wäre unschuldig befunden, und frey gelaßen, denn Ich muste gar stille, undt langsam fortgehen, umb keine unruhige Gemuhter zu machen, wie Ich in mein Hauß Kommen, wurde Ich von den Meinigen, als einer der recht auß Todesklauwen, entkommen, empfangen, den Streliezen, welche nun biß über zwey hundert sich vermehret hatten, ließ Ich alsobaldt, so viel Bier undt Brandtwein geben, als sie wolten trincken, — drey der fürnämbsten auß Ihnen, Kamen in meine Kammer undt sagten, Gebt uns nun Geldt her, Ich antwortete Ja, undt meinete Sie mit ohngefähr zwanzig Rubel abzuweisen, darüber Sie gar schimpflich lachten, undt begehrten von Mir Tausendt Rubel, worüber Ich mich sehr entsezete, Sie sprachen weiter, Andrey Ivanowitz, contentire uns mit guten, oder wier laßen in deinem Hause Keine lebendige Seele überbleiben wißtu nicht, daß wier jetzundt macht haben, undt alles für uns muß zittern, uns wirdt drumb nichts böses wiederfahren, Ich sagte, Ihr Herren Euch ist anbefohlen, mich unverlezt nach hause zu bringen, undt jetzundt wollet Ihr mich selber ermorden, wollan thut was Ihr wollet, mir ist unmüglich, so viel Geldt aufzubringen, darauf schlugen sie die Helfte ab, endlich accordirte Ich mit diesen dreyen Persohnen, umb an einen jetweden unter Ihnen Einen halben Rubel zu geben, wie Sie hinauß giengen, wolten die andre Streliezen dazu nicht verstehen, undt sagten wier wollen jetweder Einen Rubel haben, die anderen hingegen sagten, wier seindt mit dem Haußwirth auf einen halben Rubel accordirt undt Können unser wort nicht zurücke ziehen, Ihr müßet damit friedlich sein, worauf sie sich alle stillen ließen, Ich ließ darauf daß Geldt abzehlen, jeden halben Rubel apart in ein papir thun, undt ließ die Streliezen überzehlen, welche sich 287 Persohnen starck befunden, Sie giengen alle auf meinem Hoff in einen runden Kring sizen, undt wurde Ihnen daß Geldt durch zwey Persohnen außgetheilet, wie sie nun alle empfangen, truncken sie noch einmahl herumb bedanckten mich aufs höchste, undt giengen davon, wie Sie nun auß dem Hofe waren, fiel ich mit den meinigen auf meine Knie, undt danckte Gott für diese gnädige Rettung undt Beystandt, denn allem Ansehen nach, wenn Sie mich so ungekleidet, undt zu fuß hätten mitgenommen, wäre Ich nicht lebendig auß Ihren Händen gekommen, undt wenn mich nur einer der Streliezen, da wier durch musten passiren,

VII. mit einem finger angerühret hätte, umb mich zu greifen, Ich wäre deß todes gewesen.

Deßelbigen tages nach Mittag, Kam abermahl eine andere Parthey Streliczen, den Doctor zu suchen, geschahe aber etwas civiler, alß daß erste mahl, deß Nachts gegen Mitwochen für tage Kam wieder eine Parthey Streliczen, umb mein Hauß durchzusuchen, welches auch gar gelinde geschahe, diese überlast, brachte uns alle Augenblick furcht undt schrecken an solte auch nicht ehe ein Ende genommen haben, biß der Doctor gefunden wäre, weile die Streliczen über die maßen sehr auf Ihn erbittert waren, wie nun auf den tag die Zeytung kam, daß der Doctor gefunden war, waren wier Nachbarn alle recht froh (wiewohl uns seine Unschuldt gnugsam bewust) doch konte Er den todt nicht entgehen, undt wir wurden von unsrer Angst errettet. — Selbigen tages bate Ich den Herrn Bojar Knäs Wasiley Wasiljewitz Gallitzin (welchem anstatt deß Dumnoy Larion Ivanowitz die Posolsche precas ist aufgetragen) daß Er mier ezliche Streliczen zur Sauvegarde möchte geben laßen, welches auch den Donnerstag darauf geschahe, undt wurden mier 5 Streliczen durch einen Schreiber in mein hauß gebracht, welche alle tage verwechselt werden, habe schon für diesem bey Larion Ivanowitz umb Streliczen angehalten, Er aber vermeinete von mier dafür ein großes zu genießen, weile Ich Ihm aber nicht viel davon geben wolte, ist es nachgeblieben.

№ VII.

ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ В. В. ГОЛИЦЫНА СЪ ШАКЛОВИТЫМЪ, ВО ВРЕМЯ КРЫМСКИХЪ ПОХОДОВЪ.[22]

Да въ грамотахъ князь Василья Голицына, каковы писалъ онъ къ Ѳедкѣ Шакловитому, которыя сысканы на дворѣ его Ѳедкинѣ у переписки животовъ его, также и къ нему князь Василью, которыя писалъ Ѳедка Шакловитый.

Въ князь Васильевыхъ:

1) Письмо принялъ[23] и письмо посылаю; пожалуй донеси; а я на твое жалованье наДеженъ.

2) Чтобъ изъ памяти твоей дѣла тѣ не выходили, такжебъ и я былъ не забвенъ; а кто въ сидѣнье радостенъ былъ, и тому не диви; ежели надобно было свыше, тобъ того и дѣлать не дерзалъ. Письмо посылаю, изволь донести.

3) За милостивое писаніе много, много челомъ бью впредь желаю... Изъ писма твоего выразумѣлъ и обо всемъ отпишу съ князь Алексѣемъ.[24]

22 Изъ розыскнаго дѣла о Шакловитомъ, 1689 года.

23. Т. е. отъ царевны; изъ писемъ ея сохранилась въ Государственномъ архивѣ только два, цифирью, во время втораго Крымскаго похода. См. ниже, Приложеніе № X.

24. Алексѣй Васильевичъ, сынъ оберегателя.

4) Письмо отъ милости твоей о вѣдомостяхъ обо всѣхъ принялъ, и паки челомъ бью и желаю впредь отъ тебя слышать всего добраго; у меня только надежи, что ты; а обо всемъ къ тебѣ писалъ съ князь Алексѣемъ. Письмо посылаю; изволь донести. VII.

5) Да и о томъ донеси государынѣ: на сей новой почтѣ писать о нужныхъ ли дѣлехъ, какъ прилучится для скорости, или всѣ дѣла или которыя не нужныя съ ямщиками посылать? Пожалуй, отпиши: нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ?

6) А что ты писалъ ко мнѣ о Плохомъ и о иныхъ, и я о томъ писалъ причиною; и что станетъ чиниться о томъ, пожалуй, отпиши ко мнѣ. Письмо донесено; свое посылаю; пожалуй донеси.[25] А о Башевѣ, какъ пріѣду, даромъ того не покину.

7) Что я тебѣ приказывалъ о Скобенцынѣ и о Дуниловѣ. Время въ Кіевъ на струги послать къ хлѣбу, также и на лодки, которыя идутъ въ Запороги.[26] Для Бога, отпиши о всемъ, какъ поводится вездѣ, и что мой пріятель о мнѣ глаголетъ; нѣтъ ли чего посторонняго?

8) Умилосердися о грамотѣ о Иванѣ Дуниловѣ и о Васильѣ Скобенцынѣ: время послать одного на струги Кіевскіе, а другого въ Запороги къ лодошному дѣлу. А нынѣ они въ Сумахъ. Вездѣ ходя, бунтуютъ Ч. держалники[27] и Борятинского К. Ѳ. Да отпиши, пожалуй, поѣхалъ-ли куды Бо. К. Ѳ? Для Бога на Москвѣ его не держите... Отпиши пожалуй, нѣтъ ли какихъ подметовъ? Для Бога отпиши правду. *А въ концѣ той грамоткѣ на оборотѣ написано:* азбуку[28] принялъ и учиться буду.

9) Цидулки твои челъ: у дураковъ нечего хотѣть, кромѣ дурости; естлибъ воли было не дано, и тогобъ не было. Для Бога, поступай покрѣпче, какъ я тебѣ билъ челомъ: чтобъ сказки были крѣпки, которые состоялись; надежда въ Бозѣ, что поговоря и покинутъ. А чтобъ та грамота объ ротмистрахъ была вѣдома бояромъ, потому что указъ при Ц. Ѳ. А.[29] состоялся.

10) Марта по 3, государь батюшко, вѣтры тихи у насъ; дай Богъ впредь такъ.

25. Т. е. царевнѣ.

26. Эта записка, также и слѣдующая, изъ втораго похода, когда сборнымъ мѣстомъ Большаго полка былъ городъ Сумы.

27. Буквою Ч. Голицынъ означалъ кн. Михаила Алегуковича Черкаскаго, какъ самъ онъ объяснялъ въ послѣдствіи при допросѣ въ Яренскѣ, гдѣ ему были предъявлены сіи записки. По словамъ его, кн. Черкаскій всѣ дѣла его порочилъ и была у нихъ ссора. «Пріятель мой» въ 7 запискѣ долженъ быть также Черкаскій. Къ партіи его очевидно принадлежалъ и Борятинскій. Держальники-приверженцы.

28. Т. е. цифирную, для секретной переписки.

29. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Рѣчь о новомъ устройствѣ и раздѣленіи на роты ратныхъ людей Московскаго чина.

VII. 11) Для Бога о Черкаскомъ, какъ тебя Богъ наставитъ, старайся. А мнится мнѣ Ѳ. Зы: онъ тамъ отходитъ; то также и Полибину, чтобъ крѣпилъ Родіона; и отпиши, таколь при помощи Божіи З. въ добромъ здоровьѣ. Письма посылаю, изволь донести; да при томъ объявляю: былъ у насъ столникъ съ наказомъ, и я обрадовался милости государской; его звалъ къ себѣ и полчанъ; ѣло 50 чел. слишкомъ, и всѣ ради, и пили про государское здоровье; а послѣ обѣда, чаша была государева и я говорилъ о здоровьѣ государыни Ц. С. А.[30] и сообщилъ имя ея вмѣстѣ съ государи. И ты, по пріѣздѣ его столника, провѣдай, что будетъ о томъ и объ иномъ словъ, и отпиши.

12) Для Бога, присылай грамоту о ротмистрахъ, время также изъ Приказу Черкаского; не перемѣняйте; тутъ умъ весь означится.

13) Изъ писемъ твоихъ выразумѣлъ; и писмо о Іосафкѣ чернцѣ посылаю къ тебѣ; а по сему письму знатно, что все воровство развѣ не-одного. Изволь донести великой государынѣ, чтобъ указала его сослать въ самыя дальнія мѣста: не годенъ онъ близко Москвы жить. А о столѣ, кто у патріарха съ царевичемъ Александромъ[31] ѣлъ, и о томъ по милости твоей мнѣ вѣдомо, и мнѣ о томъ досады мало; толко всегда намъ печаль, а радости мало, не какъ инымъ, что всегда въ радости и въ своевольствѣ пребываютъ, какъ и нынѣ: посидѣлъ въ Судномъ приказѣ недѣлю, да и опять вонъ.

14) А я во всѣхъ своихъ дѣлехъ надежду имѣю на тебя. Да о томъ прошу, хотябъ то совершилось, что въ ходъ Черкаскаго которого послать; а о томъ я государынѣ не писалъ, полагаю на ихъ волю. Писмо и посылку посылаю съ твоимъ писмомъ, изволь донести.

15) Ротмистромъ сказали; никто ничего; всѣ ради, только противниковъ Долгорукой князь Борисъ, да князь Юрья Щербатой, и по поступкамъ мню, что стоять имъ будетъ упорно; а я отпишу тотчасъ, чтобы милость показана была, учиненъ бы былъ такой образецъ, чтобъ всѣ задрожали. А о Бѣлогородскомъ пожалуй донеси, чтобъ посланъ былъ кто, и такой бы ему выговоръ и послѣднее домолвить: если впредь отзовется тѣ слова или иныя, безо всякаго розыска отсѣчь голова: такъ скоряе уймется. Чтобъ не отложно послать; хотя сіе мое письмо донеси государынѣ и ко мнѣ подробну отпиши, что учинено будетъ, и что отъ него было словъ, чтобъ мнѣ вѣдать.

30. Царевны Софіи Алексѣевны.
31. Александръ Арчиловичъ, царевичъ Имеретинскій.

16) Если какова нужная посылка отъ тебя ко мнѣ будетъ, и для такихъ посылокъ хорошобъ выбрать человѣкъ 3 такихъ, какъ Шошинъ подъячей;[52] онибъ съ нужными дѣлами ѣздили, хотябъ на почтовыхъ, хотябъ и на ямскихъ подводахъ. VII.

17) А о ротмистрахъ доношу милости твоей: слава Господу Богу, что такъ учинили; мню, что будетъ добро; а только противниковъ пущихъ Долгорукіе и Щербатые; и если не будетъ, я тотъ часъ отпишу и чтобъ не потакнуто было; такъ бы разорить, чтобъ вѣчно въ старцы, и деревни неимущимъ того часу роздать; такъ будетъ тогда твердо и постоянно. За милостивое посѣщеніе и пріѣздъ въ Богородицкое многократно и стократно милости твоей челомъ бью. Расказывалъ мнѣ про все Иванъ Головинъ.

18) А что ты изволилъ писать объ Волконскомъ держалникѣ, и то зѣло добро; мню, что про все они вѣдаютъ; и о томъ не забудь спросить, что рѣчей было при Борисѣ Бѣникѣ и про подметныя письма? А что посыланъ къ Бѣлогородскому розыскивать про Волконскаго, и то сыскано не будетъ: все будетъ закрыто.

19) Письма твои донесены до меня, за которыя благодарно челомъ бью и желаю дабы и впредь о твоемъ здоровьѣ и вѣдомостяхъ слышать такіяжъ радостныя, а вздорныябъ и воровскія кончились. Гдѣ не сумнѣваюсь, что за помазанцовъ Божіихъ тѣмъ ворамъ мѣста не будетъ и Богъ ихъ обезглавитъ.

20) Для Бога, поступай, какъ я тебѣ прежъ сего говорилъ, и ко мнѣ пиши. Для Бога, смотри недреманнымъ окомъ Ч.[53] и чтобъ его въ то не допустить, хотябъ патріархомъ или *цам.* или *цтм.*[54] отбивать. Да посылаю къ тебѣ двѣ грамотки Ивана Волынского: донеси великой государынѣ, какая ихъ служба Ч. также бы и надъ Волынскимъ милостиво учинила, чтобъ безъ розыску ничего было не учинено.

21) О патріаршей дурости подивляю: отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ и какимъ подобіемъ, также и про мои, что у церкви, что порокъ?[55] И не посылалъ ли ко мнѣ? То дѣлаетъ все воля; какъ бы менши имѣлъ входъ, тогда бъ лучше было. Отпиши пожалуй подлинно. А о тебѣ что про Дементья писалъ съ великимъ прошеніемъ, о чемъ можешъ увѣдомитися, чѣмъ будетъ тебѣ угодно.

22) Ротмистры два рода Долгорукой князь Борисъ, Щерба-

52. Захваченный Татарами во время втораго похода.
53. Князь Мих. Алегук. Черкаскій.
54. Царевны Анна Михайловна и Татьяна Михайловна.
55. Вѣроятно, патріархъ не одобрялъ новыхъ ризъ.

VII. той князь Юрья ѣхали у ротъ сами и люди въ черномъ платьѣ и лошади были прикрыты черными суками, на что глядя всѣмъ полкомъ дивилися и говорили: если имъ не будетъ указу, будутъ всѣ такъ дѣлать. Умилосердися, донеси добромъ: этимъ бунтовщикомъ учинить указъ доброй. Это пророчество и противность къ государеву лицу, а грамота объ указѣ прислать мочно: что вѣдомо государю учинилось, что они такъ ѣхали, то было не тайно, всѣми видимо; а если не будетъ указу, то дѣлать намъ съ ними нечего.

23) Цидулки о грамоткѣ ко мнѣ донесены, изъ которыхъ выразумѣлъ, и про то вѣдаю я давно.

24) А что ты писалъ про Жировового, что къ намъ посланъ и то . . . за тотъ походъ довелось похвалить грамотою. Изволь донесть, что въ той посылкѣ? Видиши, какая оттуду на меня досада? Чаю за то и болши гнѣваются, естьли какая милость Божія будетъ; какъ назадъ возвратимся, то уже въ то время достоитъ послати и всѣхъ повеселити. При томъ носится вѣсть, мню не подлинна, будто Арчила и иныхъ хотятъ посылать надъ нами въ Бѣлгородъ: куды имъ? И то за что такъ насъ тратятъ? Умилосердися, отпиши, и того не учините, то для чего дѣлать?

25) А о патріархѣ выразумѣлъ. *И отъ того писма писаны крюками строки съ двѣ.*[56]

26) Прошу твоего жалованья: отпиши, что у васъ поводится и нѣтъ-ли какова воровства отъ бунтовщиковъ.[57] Нынѣ ты ко мнѣ ничего не пишешь; мню, нѣтъ ли какого твоего сердца на меня, а я предъ тобою безвиненъ.

27) Да посылаю къ тебѣ записку почтамъ и присланнымъ ко мнѣ съ Москвы. Отпиши: къ Москвѣ, по свидѣтельству, всѣ ль тѣ письма противъ записки моей дошли? *А подъ тѣмъ написано 10 словъ крюками; а подлѣ того:* тебѣ извѣстно чиню, то ни отъ чего не учинилось, только отъ того: пріѣхали изъ Бѣлагорода ѣздоки, да съ Москвы князь Юрьи Щербатого человѣкъ, слышали де тамъ тотъ на Москвѣ бунтъ. То такъ на Москвѣ сказано; да и для того, что нѣсколько почтъ пришло отъ милости твоей, о вѣстяхъ ничего не написано; и въ томъ прошу прощенія и ожидаю отъ милости твоей радостныхъ вѣстей.

28) Изъ письма твоего писаннаго ко мнѣ маія 17 числа, ко-

56. Къ сожалѣнію, упоминаемыхъ крюковъ, или мѣстъ, писанныхъ цифирью, въ дѣлѣ не сохранилось. Голицынъ объяснялъ, въ Яренскѣ, что въ скрытномъ письмѣ онъ писалъ обыкновенною азбукою, присланною изъ Посольскаго приказа и употребляемою въ посольскихъ дѣлахъ.

57. Голицынъ объяснялъ, что подъ симъ словомъ онъ разумѣлъ стрѣльцовъ; но едва ли справедливо: скорѣе приверженцевъ противной партіи.

торое ко мнѣ донесено маія 23 дня, все выразумѣлъ и пастоящему чюдному дивился, для чего такіе поступки. VII.

29) А Засѣкинъ у насъ зѣло поступалъ спѣсиво и хотѣлъ дѣлать прихоти; только я ему мало чего спускалъ: либо станетъ у васъ какія гнилыя слова испускать, пожалуй, не выдай; а до времени сего ни съ кѣмъ не говори, будто до его пріѣзду ничего не вѣдаешь. А что съ нимъ присланы статьи о Долгорукомъ, и Щербатомъ, и Мосалскомъ, и Дмитріевѣ, и они увѣдали то прежъ по писму съ Москвы, и пришли ко мнѣ всѣ со слезами, что впредь того не дѣлать; а Дмитріевы кленутся, что ничего не говорили; и я на слезы ихъ то имъ уступилъ, надѣясь на милость государскую, сказывать не велѣлъ. Проси милости государской, чтобъ то мнѣ отпущено было; а се стало не къ тому время, ни близь къ дѣлу: чтобъ все то отдано было. И пожалуй отпиши ко мнѣ обо всемъ, не омедля; а у меня вся на тебя надежда; желательный твой пріятель.

30) О всемъ выразумѣешь изъ записки моей; чтобъ тое отписку изволила великая государыня слушать не со всѣми бояры, но съ самыми верхними, и указъ бы по ней былъ присланъ чрезъ нарочнаго гонца съ подъячимъ или стрѣлцомъ, а изъ иногобъ чину никого не посылать.

31) Послать къ королю грамота, что войски пришли подъ самой Крымъ, и за позженіемъ въ самое мѣсто войтить не возможно, а непріятель заперся и ни гдѣ не явится, а бою не дастъ. А тое грамоту послать бы чрезъ почту; а въ вѣру имъ причесть намъ нечего, какъ о томъ видѣлъ весь свѣтъ нашу правду предъ ними. *А подъ тѣмъ написано крюками 17 строкъ; а ниже того писано по-Русски, и то де писано все письмомъ Рускимъ обыкновеннымъ; а ниже того писано крюкамижъ полъ 6 строки; а подъ тѣми строками Рускимъ письмомъ; а ниже крюками; а ниже того по-Русски:* Іюля 1 дня пришла; *а подъ тѣмъ крюкамижъ 3 строки.*

32) Чрезъ почту отъ милости твоей письмо принялъ, изъ котораго увѣдомился, что милость твоя къ намъ ѣдетъ: за что Богу благодарствую и тебѣ челомъ бью. А притомъ о двухъ статьяхъ зѣло печалію болѣзную: первое, что съ твоимъ письмомъ нѣтъ письма изъ хоромъ;[38] а для чего нѣтъ, и то въ твоемъ письмѣ не написано; другое, что ты ѣдешъ; а вѣдаешъ самъ, кто тамъ остался и на кого въ чемъ положиться. Я къ тебѣ о томъ и писалъ, чтобъ ты самъ не ѣздилъ; велика Богу будетъ слава, что

38. Отъ царевны.

такого не учинили. Не мудробъ и намъ не перемѣнить, только посмотрѣлибъ, что изъ того родилось. VII.

38) И о томъ, пожалуй, донеси, гдѣ ему съ сыномъ пристойно быть?[41] А мнѣ мнится, пристойнѣе всѣхъ въ Переяславлѣ Резанскомъ, и чтобъ указъ о томъ и приставъ присланъ былъ къ намъ неомедля. А мнѣ изъ полку послать такого человѣка нѣтъ; и обо всемъ пожалуй отпиши, что̀ будетъ дѣлаться по пріѣзду Якова Днвова и гетманскимъ писмамъ; а тотъ гетманской посланной самъ за себя проговоритъ, и тѣмъ мочно увѣриться, и чтобъ по твоему жалованью о всемъ мнѣ было мочно вѣдать; и болши ничего не желаю, только о томъ вѣдать: пущай то̀ Богъ разсудитъ.

39) А о тѣхъ совершенно вѣдать не могу, о которыхъ ты мнѣ вѣдать далъ. *Подъ тѣмъ написано крюками четыре строки.*

40) А о Багеѣ и о Борисовѣ дивлюся: кто врагъ то слово вмѣстилъ? А о чемъ ты, пріятель мой, писалъ, и то слово вмѣщено все по письмамъ Левонтьевымъ; то вѣдаю, что хотѣли Татары быть въ подданствѣ, естлибъ не гетманъ старой воровалъ. Прошу милости, не забуди меня въ милости своей.

41) Письмо ко мнѣ отъ тебя прислано чрезъ Ивана Бехтѣева, изъ котораго выразумѣвъ, и за ту твою милость, много, много благодарствуя, челомъ бью.

42) Письма отъ милости твоей донесены и выразумѣлъ обо всемъ; а отповѣди не могу тебѣ учинити и ума на то собрать: гдѣ добро, тутъ зло; гдѣ невинно, тутъ винно.

43) Притомъ надеженъ на твою помощь и оборону, о чемъ вся вѣси ты. А многому подивляюся, что не могутъ лутчаго изыскать; а я, что ханъ Крымской, къ миру и брани готовъ: лишь бы онъ пересталъ отъ злаго своего начинанія.

44) Почта пришла на рѣку Мерлу августа въ 15 день,[42] которую принявъ отъ тебя благодарно, много, много челомъ бью, и изъ нее несобразимо выразумѣлъ... *и подъ тѣмъ написано 8 словъ крюками. А послѣ того:* всегда безстрашіе являетъ дерзость, отъ чего происходитъ и воровство. *А подъ тѣмъ написано 6 строкъ крюками; а по краю столбца 15 строчекъ; а подъ тѣмъ:* покорнѣ челомъ бью.

45) И о томъ прошу, чтобъ въ дорогу ко мнѣ присылки не было, потому: что дѣлается, самъ видишь. А се истинно, мнѣ и дарить, ей, ей, не чѣмъ; развѣ послѣднее платье или лошади отдать.

41. Т. е. куда сослать гетмана Самойловича.
42. Съ золотыми за первый походъ.

VII. 46) А о письмѣ, какое перестрѣляли Крымцы на бою, и то письмо такое: пишетъ нѣкакой человѣкъ безымянной къ Малороссійскимъ жителемъ, чтобъ пребывали съ ними въ миру, а Москва де вамъ не вѣритъ, и болшого вашего хотятъ убить. И то чаю, вѣдали они по чарованью нѣкоему.[43] Еще тебѣ чиню вѣдомо: отпустилъ я къ Москвѣ напередъ Ивана Леонтьева; хотѣлъ о всѣхъ тамошнихъ вѣдомостяхъ провѣдать и съ тобою переговорить; и ты съ нимъ увидься и ко мнѣ отпиши. Августа въ 24 съ Шошинымъ.

47) А Матюшка Шошинъ пріѣхалъ августа въ 17 день, и письма всѣ привезъ; изъ которыхъ выразумѣвъ, за милость твою много, много челомъ бью.

48) Да отпиши ко мнѣ: на прошлыхъ почтахъ или съ Бехтѣевымъ отпустилъ къ тебѣ письмо, на которомъ подписано по Нѣмецки, и тутъ же и моею рукою; велѣно отдать его Андрею Виніусу скоро, то для нужныхъ моихъ лекарствъ; и по се время отповѣди мнѣ по немъ нѣтъ. Пожалуй, прикажи, чтобъ мнѣ противъ того тотчасъ отписано было. Да отпиши ко мнѣ, каково будутъ поступать Москвичи, пріѣзжіе съ службы.

49) Письма и грамотки, посланныя отъ тебя августа въ 16 и въ 18 и въ 25, такъ же и лекарства мнѣ донесли, за что много, много челомъ бью. И изъ письма твоего выразумѣлъ, за что повторя и многократно челомъ бью.

50) А что пишешь про дары мои, которыми я тебѣ челомъ ударилъ, чтобъ половина взять,—и то мнѣ зѣло досадно: развѣ нѣкакое сердце имѣешь? Ябъ за пріятное твое жалованье, хотя и половиною пожитковъ своихъ тебѣ челомъ ударилъ, и о томъ бы не скучалъ; не толико, что такое малое за государскую высокую милость.

51) Что пишешъ о вѣдомостяхъ: естли Богъ благоволитъ, самъ съ тобою о томъ переговорю; письмо въ твоемъ письмѣ принялъ; и въ семъ письмѣ писано, послалъ; изволь донести.

52) Челомъ бью, что пишешь о вѣдомостяхъ. Для Бога, донеси государынѣ, чтобъ не печалилась; изволилабъ положить разсужденіе. А я о томъ доносилъ чрезъ письмо.

53) Челомъ бью, что пишешь о вѣдомостяхъ. Письмо верховое принялъ и къ тебѣ послалъ; пожалуй, донеси.

54) Челомъ бью, что пишешь о вѣдомостяхъ, чего и впредь отъ тебя желаю. Письмо послалъ съ симъ письмомъ; пожалуй, изволь донести.

55) За пріятство твое благодарствую, что увѣдомилъ меня

43. Ясное свидѣтельство, что Голицынъ вѣрилъ колдунамъ!

о вѣдомостяхъ Московскихъ, о которыхъ ни отъ кого по се письмо не увѣдомился. VII.

Письмо принялъ и посылаю письможъ; изволь, донести. Изъ письма твоего выразумѣлъ: зѣло изволилъ ты вымыслить то добро; только бы то приложить въ сказкѣ, что для подлинного увѣдомія посланы были тѣ подсланные стрѣлцы, о чемъ подлинно они видѣли и свидѣтельствуютъ, что такъ то учинилось; и имъ то надобно приказать, чтобъ они тожъ сказали согласно. Изъ Троицкого, декабря 20-го дня.[44]

Въ Ѳедкиныхъ:

56) Вѣстей, государь, никакихъ нѣтъ. Человѣкъ на Тверской взятъ; а что сказалъ, извѣстно тебѣ, государю моему, будетъ.

57) Великая государыня благовѣрная царевна изволила съ 15 числа поститься къ святымъ тайнамъ. Письмо, по ея государскому указу, послапо къ тебѣ съ Иваномъ Борисовымъ.

58) По указу великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, послапо къ тебѣ письмо съ Верху, запечатано сургучемъ, съ Обросимомъ Петровымъ.

59) Прошу милости твоей: пожалуй прикажи ко мнѣ отписать, какъ къ Москвѣ быть изволишь? А о семъ изволила и великая государыня меня спрашивать. Да по еяжъ государскому указу, послалъ я къ тебѣ письмо, съ Верху, запечатано сергучемъ, а положено въ семъ письмѣ, стремяннаго полку съ стрѣльцомъ съ Ѳнфиногеномъ Оболипымъ.

60) Золотые готовить велѣно: тебѣ противъ прежнихъ, Шеину 15, Шереметеву 10, Долгорукому 8, а досталнымъ съ убавкою. Прошу милости твоей, для Господа Бога и для спасенія праведной своей души, яви милость свою о свободѣ бѣдномъ Шошинѣ, какъ тебѣ о томъ государю моему Богъ извѣститъ.[45] И премилостивая государыня изволила на жену его призрить милостиво о пропитаніи.

61) По указу великіе государыни послано къ тебѣ, государю моему, въ семъ письмѣ письмо изъ хоромъ съ дворцовымъ челомъ съ Семеномъ Лужецкимъ.

62) Сегожъ числа, послѣ часовъ, были у государя у руки Новгородцы, которые ѣдутъ на службу; и какъ ихъ изволилъ

44. Вѣроятно по возвращеніи изъ перваго похода. Рѣчь о внушеніи стрѣльцамъ, чтобы согласно показывали о выжженныхъ поляхъ.

45. Взятый въ плѣнъ Татарами въ походъ 1689 года, подьячій Шошинъ былъ выкупленъ или размѣненъ: онъ является въ розыскѣ Шакловитаго.

великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, писалъ я, холопъ вашъ, что, по вашему великихъ государей указу и по согласію моему съ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепою, какъ я, такъ и товарищи мои на вашу великихъ государей службу въ Крымскій походъ изъ указныхъ мѣстъ съ вашими великихъ государей ратными людьми пошли; а какъ я холопъ вашъ приду въ Ахтырской и изъ Ахтырска пойду къ рѣкѣ Мерлу, и къ вамъ, великимъ государемъ, писать буду.—И марта въ 19-й день я, холопъ вашъ, съ товарищи моими, съ вашими великихъ государей ратными людьми въ Ахтырской пришолъ, и тогожъ дня писалъ ко мнѣ гетманъ Иванъ Степановичъ, что и онъ регименту своего съ полки 17-гожъ числа марта изъ Батурина вышелъ и случиться со мною, холопомъ вашимъ, будетъ у рѣки Коломка; а какъ я, холопъ вашъ, съ товарищи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми пойду изъ Ахтырска, и въ дорогѣ учнетъ дѣлаться и какъ случюсь съ гетманомъ, и о томъ къ вамъ великимъ государемъ писать буду; а походу нашему чинится мотчаніе за великою стужею и за снѣгомъ, да и денежная ваша великихъ государей казна марта по 20-е число въ полкъ ко мнѣ, холопу вашему, не пришла, и Бѣлогородского полку вашимъ великихъ государей ратнымъ людямъ рейтаромъ и городовыхъ полковъ солдатомъ дать нечего. А сю отписку къ вамъ, великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, послалъ я, холопъ вашъ, чрезъ уставленную почту изъ Ахтырска марта въ 20 день и велѣлъ подать въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи. [51]

2) Великимъ государемъ... холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарищи челомъ бьетъ. Нынѣшняго марта 27 дня прислана ваша великихъ государей...... грамота ко мнѣ, холопу вашему, за скорой нашъ въ Сумнъ приходъ съ милостивымъ словомъ, и я, холопъ вашъ, съ товарищи принявъ тое вашу великихъ государей милость, воздавъ хвалу Господу Богу, на вашей великихъ государей премногой и милосердой милости челомъ бьемъ, и ваше великихъ государей повелѣніе во всемъ исполнять со всякимъ тщательнымъ усердіемъ готовы, сколько

51. Въ такой формѣ писаны всѣ донесенія; во избѣжаніе повтореній, царскій титулъ означенъ въ слѣдующихъ донесеніяхъ точками; а имя разряднаго дьяка Семенова выпущено.

IX. всемилосердый Богъ Господь помочи дастъ, вразумитъ и наставитъ; а отписку послалъ я чрезъ уставленную почту и велѣлъ подать въ Розрядъ.

3) Великимъ государемъ . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Марта 26 числа къ вамъ великимъ государемъ . . . . . писалъ я, что пошолъ изъ Ахтырска, и марта въ 27 день пришелъ я, холопъ вашъ, въ Красной Кутъ къ рѣкѣ Мерлу; а перебираться черезъ рѣку Мерлъ не возможно, попеже разлилась зѣло велика, больши версты, и мосты рознесло; а изъ Ахтырска шли съ великимъ трудомъ, за великими грязьми и за располѣніемъ малыхъ рѣчекъ; да полкужъ моего и товарищей моихъ многіе ратные люди и рейтарскіе и солдатскіе полки остались за рѣкою Ворскломъ для того, что переправиться за великою водою не возможно и соединиться съ нами въ скорыхъ числехъ нельзя; однако же, при помощи Божіей, на рѣку Мерлу мосты и переправы станемъ дѣлать съ великимъ поспѣшеньемъ и станемъ рѣку Мерлу переправляться вскорѣ, сколько той же милосердый Господь Богъ помощи подастъ; а отписку, государи, послалъ я, холопъ вашъ, чрезъ уставленную почту и велѣлъ подать въ Розрядъ.

4) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Нынѣшняго 197 года апрѣля 2 дня къ вамъ великимъ государемъ царемъ . . . . . писалъ я, что изъ Краснокуцкаго съ товарыщи своими чрезъ рѣку Мерлъ переправляться буду, неомедля, и за рѣкою Мерломъ въ обозѣ съ вашими великихъ государей ратными полку моего конными и пѣшими людьми, которые остались за великими водами за рѣкою Ворскломъ и Мерломъ, стану сжидаться. И апрѣля 3 числа я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими за рѣку Мерлъ перешелъ и сталъ въ обозѣ и съ вашими великихъ государей ратными людьми сжидаюсь. А за рѣкою Ворскломъ остались генеральскихъ полковъ выборныхъ урядники и солдаты, также и копейные и рейтарскіе полки всѣ, и я, холопъ вашъ, сождався съ ними, на вашу великихъ государей службу въ намѣренной путь пойду неомедля; а къ товарыщемъ моимъ сходнымъ къ бояромъ и воеводамъ я писалъ, чтобъ они полковъ своихъ съ вашими великихъ государей ратными людьми на вашу великихъ государей службу шли потомужъ безо всякого мотчанія; а отписку велѣлъ я подать въ Розрядъ.

5) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Апрѣля 5 числа нынѣшняго 197 году къ вамъ великимъ государемъ . . . . . я писалъ, что

апрѣля 3 числа я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и полку IX.
моего съ вашими великихъ государей ратными людьми, рѣку Мерлъ перешелъ и сталъ въ обозѣ, съ вашими великихъ государей ратными людьми, которые остались за рѣкою Ворскломъ, ожидаючись. И апрѣля въ 7 день, по вашему великихъ государей указу, изъ обозу изъ-за рѣки Мерла, я, холопъ вашъ, съ товарыщи своими и съ вашими великихъ государей ратными полку моего конными и пѣшими людьми, при помощи Божіей, въ намѣренной путь пошелъ къ рѣкѣ Коломку; а что у насъ въ томъ походу учнетъ дѣлаться, и о томъ я, холопъ вашъ, къ вамъ великимъ государемъ . . . . . писать учну; а которые полки къ вашему походу изъ-за Ворскла не поспѣли, и тѣхъ мы ожидать будемъ въ дорогѣ; а къ товарищемъ моимъ сходнымъ къ бояромъ и воеводамъ я писалъ, чтобъ они полковъ своихъ съ вашими великихъ государей ратными людьми на вашу великихъ государей службу шли потомужъ безо всякаго мотчанья; а отписку велѣлъ подать въ Розрядъ.

6) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей указу на вашу великихъ государей службу я, холопъ вашъ, съ товарыщи своими и полку моего съ вашими великихъ государей ратными людьми пошелъ отъ рѣки Мерла апрѣля 8 числа, и о томъ къ вамъ великимъ государемъ писалъ; а къ рѣкѣ Коломку пришелъ апрѣля 9 числа и вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ коннымъ и пѣхотнымъ полковъ велѣлъ переправляться такъ же. И я, холопъ вашъ, съ товарыщи своими чрезъ рѣку Коломокъ переправясь, на вашу великихъ государей службу съ вашими великихъ государей ратными людьми къ рѣкѣ Арели пойду безъ мотчанья, а къ товарыщемъ моимъ сходнымъ бояромъ и воеводамъ я, холопъ вашъ, писалъ, чтобъ они на вашу великихъ государей службу съ вашими великихъ государей ратными людьми потомужъ шли безо всякаго мотчанья; а отписку послалъ я чрезъ уставленную почту и велѣлъ подать въ Розрядъ.

7) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей . . . указу на вашу великихъ государей службу я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми отъ рѣки Мерла пришелъ къ рѣкѣ Коломку апрѣля 9 числа, и о томъ къ вамъ великимъ государемъ писалъ; а съ Коломка апрѣля 10 дня пошелъ къ рѣкѣ Арели и пришелъ апрѣля 13 число, и переправясь Арель на вашу вели-

IX. кихъ государей службу съ товарыщи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми пойду къ рѣкѣ Самарѣ безъ мотчанья; да ко мнѣжъ, холопу вашему, къ рѣкѣ Арели съ вашими великихъ государей ратными людьми пришелъ сходной мой товарыщь Казанского розряду бояринъ и воевода Борисъ Петровичь Шереметевъ; а къ товарищемъ моимъ сходнымъ къ бояромъ воеводамъ: Новгородскаго розряду къ боярину и воеводѣ къ Алексѣю Семеновичу Шеину, Рязанскаго розряду къ боярину и воеводѣ къ Князю Володиміру Дмитріевичу Долгорукову, Низоваго полку къ стольнику и воеводѣ къ Василью Дмитріевичу Мамонову, я холопъ вашъ писалъ, чтобъ они на вашу великихъ государей службу съ вашими великихъ государей ратными людьми потомужъ шли безо всякого мотчанья; а отписку послалъ я чрезъ уставленную почту и велѣлъ подать въ Розрядъ.

8) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ *Васька* Голицынъ челомъ бьетъ. Нынѣшняго 197 году апрѣля 15 *дня*, по вашему великихъ государей . . . . . . указу съ вашимъ великихъ государей милостивымъ словомъ и съ грамотою присланъ ко мнѣ, холопу вашему, въ полкъ ближней стольникъ Иванъ Самойловъ сынъ Салтыковъ, а велѣно ему мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ и полку моего вашимъ великихъ государей ратнымъ всякихъ чиновъ людемъ сказать ваше великихъ государей милостивое слово, и объявить твою великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и супруги твоей благовѣрной государыни царицы и великой княгини Параскевіи Ѳеодоровны радость, о рожденіи дщери вашей, благовѣрной государыни царевны и великой княжны Маріи Іоанновны; и какъ онъ Иванъ вашихъ великихъ государей радость и милость мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ и вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ полку моего скажетъ, и его велѣно къ вамъ великимъ государемъ отпустить къ Москвѣ. И апрѣля въ 15 день нынѣшняго 197 году ближней столникъ Иванъ Самойловъ сынъ Салтыковъ въ обозѣ у рѣки Арели въ розрядномъ шатрѣ мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ и полку моего вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ вашу великихъ государей радость и милость сказалъ, и я холопъ вашъ и товарищи мои и ваши великихъ государей ратные всякихъ чиновъ люди, воздавъ хвалу Господу Богу и принявъ въ сердца свои ту вашу великихъ государей радость и милость, упадая къ вашему великихъ государей престолу и къ ногамъ вашимъ монаршескимъ, пре-

много челомъ бьемъ, и о вашемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи по чину церковному протопопу съ соборомъ молебное пѣніе совершить велѣли, а стольника Ивана Салтыкова къ вамъ великимъ государемъ изъ полку моего отъ рѣки Арели, я холопъ вашъ отпустилъ сего апрѣля 15 дня, а отписку велѣлъ подать, и ему про свой пріѣздъ сказать въ Розрядѣ; а на вашу великихъ государей службу мы холопи ваши и съ вашими великихъ государей ратными людьми перебираемся рѣку Арель. IX.

9) Великимъ государемъ......холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьютъ. По вашему великихъ государей...... указу на вашу великихъ государей службу я, холопъ вашъ, съ товарищи моими и полку моего съ вашими великихъ государей ратными людьми къ рѣкѣ Арели пришелъ апрѣля 15 дня, и о томъ къ вамъ великимъ государемъ съ ближнимъ стольникомъ съ Иваномъ Самойловымъ сыномъ Салтыковымъ писалъ, и рѣку Арель переправился 17 дня; а мотчанья на той переправѣ было, для того, что отъ той рѣки зашли саиги многіе, и дѣланы были мосты и гати, которыхъ было версты па двѣ мѣрныхъ и болши, и отъ рѣки Арели во днище переправились рѣку Кильчень; а на Самарѣ къ Новобогородицкому пришелъ я апрѣля 20 дня и перебираться я, холопъ вашъ, съ товарыщи и полку моего съ вашими великихъ государей ратными людьми учали, и перебрався пойдемъ неомедля; а вашего царскаго величества подданнымъ войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра съ гетманомъ съ Иваномъ Степановичемъ Мазепою случились у рѣкижъ Самары; а бояря и воеводы товарищи мои съ розряды: съ Новогородскимъ бояринъ и воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, съ Казанскимъ розрядомъ бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ, съ Рязанскимъ бояринъ и воевода князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, пришли ко мнѣ въ сходъ къ рѣкѣ Арели; а бояринъ и воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ съ Сѣвскимъ полкомъ изъ Краснокуцкаго шелъ со мною; а стольникъ и воевода Василей Дмитріевъ-Мамоновъ съ Низовымъ полкомъ пришелъ за рѣкою Арелью, а въ полку у него ратныхъ людей самое малое число, многіе по наряду не бывали; а что у меня впредь учнется дѣлать, и какія будутъ вѣдомости о непріятельскихъ поганскихъ замыслахъ, и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писать буду впредь; а отписку послалъ я съ Семеномъ Агдаплетевымъ и велѣлъ подать въ Розрядъ.

10) Великимъ государемъ......холопи ваши Бориско Шереметевъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ въ 197 го-

IX. ду апрѣля въ 19 день, по вашему великихъ государей... указу и по грамотѣ изъ Розряду къ намъ, холопемъ вашимъ, въ полкъ съ вашею великихъ государей милостію прислалъ стольникъ князь Петръ княжъ Тимофеевъ сынъ Козловской, и какъ онъ князь Петръ въ полкъ ко мнѣ придетъ, и намъ мнѣ, холопу вашему, и товарыщемъ моимъ и вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ вашу великихъ государей милость скажетъ, и мнѣбъ холопу вашему его князь Петра отпустить, и о томъ къ Вамъ великимъ государемъ, писать. И стольникъ князь Петръ княжъ Тимофеевъ сынъ Козловской къ намъ холопомъ вашимъ въ полкъ за рѣку Арель къ рѣчкѣ Кильченѣ пріѣхалъ и ваше великихъ государей... милостивое слово мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ и полку моего вашихъ великихъ государей ратнымъ коннымъ и пѣшимъ людемъ сказалъ, и о твоей, великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержеца, радости, что, по благодати Божіей, родилась отъ супруги твоей великаго государя великой государыни нашей благовѣрныя царицы и великіе княгини Параскевіи Ѳеодоровны дщерь великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Марія Іоанновна объявилъ, и мы, холопи ваши, и вашихъ великихъ государей ратные, конные и пѣшіе люди, видя къ себѣ вашу великихъ государей милость, зѣло обрадовались, и на вашей великихъ государей премногой милости челомъ бьемъ, и о такой радости воздали хвалу Господу Богу съ молебнымъ пѣніемъ, и къ вамъ великимъ государемъ...... стольника князя Петра княжъ Тимофеева сына Козловскаго изъ полку своего мы, холопи ваши, къ Москвѣ отпустили тогожъ числа, и съ вашими великихъ государей ратными и конными и пѣшими людьми въ намѣренной свой путь къ новопостроенному Богородицкому городу пошли при немъ, князь Петрѣ; а отписку велѣлъ подати и ему явиться въ Розрядѣ.

11) Великимъ государемъ...... холопъ вашъ Васька Голицынъ челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей... указу, идучи на вашу великихъ государей службу, я, холопъ вашъ, съ товарыщими и вашими великихъ государей ратными людьми перешелъ рѣку Самарь апрѣля 24 дня и о томъ вамъ, великимъ государемъ, писалъ; а къ рѣчкѣ Вольной [52] пришелъ апрѣля 30 числа, и пошелъ къ рѣчкѣ Московкѣ и къ Конскимъ Водамъ; а напередъ къ Крымскимъ юртамъ, къ Каиркамъ и къ инымъ мѣстамъ, для вѣдомостей и промыслу надъ непрія-

52. Должно быть: Волчьей.

телей, посылалъ я, холопъ вашъ, вашихъ великихъ государей ратныхъ людей и вашего царскаго величества подданной войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа регименту своего, и тѣ ваши великихъ государей ратные люди, возвратясь, сказали, что въ тѣхъ вышеписанныхъ мѣстахъ были и непріятельскихъ людей и сакмы ихъ нигдѣ не видали; а что у меня холопа впредь учнется дѣлать и какія о непріятельскихъ поганскихъ замыслѣхъ вѣдомости будутъ, и о томъ, холопъ вашъ, писать буду впредь; а отписку послалъ я чрезъ уставленную почту и велѣлъ подать въ Розрядѣ. IX.

12) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарищи челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей . . . указу на вашу великихъ государей службу я, холопъ вашъ, съ товарищи моими и полку моего съ вашими великихъ государей ратными людьми къ кѣкѣ Самарѣ пришелъ апрѣля 20 дня и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писалъ. И апрѣля 24 дня я, холопъ вашъ, съ товарищи и полку моего ваши великихъ государей ратные люди рѣку Самарь переправились; а мотчанье апрѣля съ 20 апрѣляжъ по 24 число было для того, что давали въ Новобогородицкомъ городѣ генеральскихъ выборныхъ и иныхъ пѣхотныхъ полковъ моего полку и всѣхъ розрядовъ солдатомъ и Московскихъ полковъ и городовымъ стрѣлцомъ и инымъ чиномъ ваше, великихъ государей, жалованье хлѣбные запасы на два мѣсяца. И тогожъ вышеписаннаго апрѣля 24 дня, переправясь рѣку Самарь, я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми въ намѣренной путь пошелъ; а что у меня въ походѣ учнется дѣлать и какія вѣдомости о непріятельскихъ замыслѣхъ будутъ, о томъ къ вамъ, великимъ государямъ, писать стану впредь; а отписку послалъ я съ ближнимъ стольникомъ съ Васильемъ Толочановымъ.

13) Великимъ государемъ. . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Нынѣшняго 197 году апрѣля 5 дня по вашему великихъ государей . . . . . . указу съ вашими великихъ государей милостивымъ словомъ и съ грамотою присланъ ко мнѣ, холопу вашему, въ полкъ ближней стольникъ Василій Семеновъ сынъ Толочановъ, а велѣно ему мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ и полку моего вашимъ великихъ государей ратнымъ всякихъ чинамъ людемъ сказать ваше великихъ государей милостивое слово; и какъ онъ Василей вашу великихъ государей милость мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ

IX. моимъ и вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ полку моего скажетъ, и его велѣно къ вамъ, великимъ государямъ, отпустить къ Москвѣ. И ближней стольникъ Василей Семеновъ сынъ Толочановъ въ обозѣ мнѣ, холопу вашему, и товарищемъ моимъ, такъ же и полку моего вашимъ великихъ государей ратнымъ всякихъ чиновъ людемъ вашу великихъ государей милость сказалъ, и я, холопъ вашъ, и товарыщи мои и ваши великихъ государей ратные всякихъ чиновъ люди, воздавъ хвалу Господу Богу, за вашу великихъ государей премногую милость челомъ бьемъ и служить вамъ, великимъ государямъ . . . . . . и ваше государево повелѣнье исполнять готовы радостными сердцами, а стольника Василья Толочанова, къ вамъ великимъ государямъ изъ полку моего изъ-за рѣки Самари отпустилъ я апрѣля 25 дня; а отписку велѣлъ подать и ему про свой пріѣздъ сказать въ Розрядѣ.

14) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей указу, на вашей великихъ государей службѣ, въ нынѣшнемъ настоящемъ Крымскомъ военномъ походѣ, велѣно со мною, холопомъ вашимъ, быть въ сходнѣхъ товарищамъ боярину и воеводѣ Ивану Ѳедоровичу Волынскому; и я, холопъ вашъ, пришедъ на рѣку Самарь и случась съ товарищи моими съ сходными бояры и воеводы, также вашего царскаго величества съ подданнымъ гетманомъ Иваномъ Степановичемъ Мазепою, совѣтовались: въ которыхъ мѣстахъ ему боярину и воеводѣ съ полкомъ своимъ стоять, и какихъ чиновъ и кому у него въ полку вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ быть, и совѣтовавъ постановили обще, что пристойно ему боярину и воеводѣ Ивану Ѳедоровичу съ полкомъ быть для береженья вашихъ великихъ государей Украйныхъ и Малороссійскихъ городовъ, отъ приходовъ непріятельскихъ воинскихъ людей, около Самарскихъ вершинъ и въ иныхъ тамъ обрѣтающихся пристойныхъ мѣстахъ, гдѣ воинскій случай употребляти будетъ; а въ полку у него вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ быть Новгородцомъ и Псковичамъ по наряду, да къ тому въ прибавку копейщикомъ и рейтаромъ и солдатомъ и иныхъ чиновъ коннымъ и пѣшимъ людемъ быть тѣмъ, которые на вашу великихъ государей службу по наряду въ полки къ намъ холопемъ вашимъ всѣхъ розрядовъ по рѣку Самарь не бывали; въ Новомъ Богородицкомъ городѣ быть товарищу его боярина и воеводы стольнику и воеводѣ Василью Петровичу сыну Вердеревскому, а ратнымъ вашимъ великихъ государей людямъ быть съ нимъ тѣмъ, которые

нынѣ въ Новомъ Богородицкомъ обрѣтаются; и о томъ я, холопъ вашъ, къ нему боярину и воеводѣ въ Новой Богородицкой городъ писалъ; а сію отписку къ вамъ великимъ государямъ . . . . . послалъ я изъ обозу съ рѣчки Татарки апрѣля въ 24 день и велѣлъ подать въ Розрядѣ. IX.

15) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Апрѣля въ 26 числѣ нынѣшняго 197 году, въ вашей великихъ государей . . . . . грамотѣ изъ розряду, какова мнѣ, холопу вашему, подана за Самарью въ обозѣ на рѣчкѣ Вороной, писано, что по вашему великихъ государей указу Сѣвскаго и Бѣлогородскаго полку во всѣ городы, для высылки вашихъ великихъ государей ратныхъ людей и подводчиковъ съ подводы, которые въ полкъ ко мнѣ холопу вашему и въ полки товарищей моихъ апрѣля по 4 число не бывали, посланы другіе высылщики, а велѣно имъ тѣхъ нѣтчиковъ по росписямъ изъ тѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ выслать къ намъ въ полки всѣхъ, а ослушниковъ, чинивъ наказанье, выслать къ намъ въ полки за поруками и съ приставы; а которые Сѣвскаго и Бѣлогородскаго полку ратные всякихъ чиновъ люди въ полки къ намъ идутъ медленно, и въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ въ селѣхъ и въ деревняхъ и въ дубровахъ на станѣхъ стоятъ многіе дни, и тѣхъ ратныхъ людей велѣно съ становъ ссылать, да о томъ ко мнѣ писать, и тѣмъ высылщикомъ велѣно быть въ тѣхъ городѣхъ, покамѣстъ я холопъ вашъ съ товарищи о приходѣ ко мнѣ въ полки изъ тѣхъ городовъ ратныхъ людей и подводчиковъ съ подводы писать учнемъ; да и вѣдомо вамъ великимъ государемъ учинилось, что полковъ нашихъ ваши великихъ государей ратные люди на рѣкахъ и на рѣчкахъ въ дорогѣ стоятъ за полою водою многіе, и по вашему великихъ государей указу отъ Москвы до полку моего посланъ розрядной подьячей Тимоѳей Красной, велѣно ему тѣмъ ратнымъ людемъ говорить съ подкрѣпленьемъ, чтобъ они вашу великихъ государей службу къ намъ въ полки, гдѣ кому по наряду быть велѣно, ѣхали съ поспѣшеньемъ. И о походѣ моемъ съ товарищи моими, съ сходными бояры и воеводы, и съ вашими великихъ государей ратными людьми за Самарью рѣкою съ рѣчки Татарки, въ предпріятый путь, къ вамъ великимъ государемъ . . . . . писалъ я, холопъ вашъ, съ ближнимъ стольникомъ съ Васильемъ Семеновымъ сыномъ Толочановымъ сегожъ апрѣля въ 25 день; а которые ваши великихъ государей ратные конные и пѣшіе всякихъ чиновъ людей полковъ нашихъ всѣхъ розрядовъ апрѣля по 29 число учнутъ приходить къ Новому

IX. Богородицкому городу на рѣчкѣ Самари къ мѣстомъ, въ которыхъ мѣстахъ я холопъ вашъ съ товарыщи моими переправливался, и о томъ писалъ я, холопъ вашъ, въ Новой Богородицкой къ товарышу моему къ боярину и воеводѣ къ Ивану Ѳедоровичу Волынскому, чтобъ онъ тѣхъ ратныхъ людей выслалъ ко мнѣ холопу вашему въ полкъ, такъ и къ товарыщамъ моимъ въ полки, гдѣ кому по наряду быть велѣно, съ великимъ поспѣшеньемъ; а которые ратные всякихъ чиновъ люди всѣхъ розрядовъ учнутъ приходить къ Новому Богородицкому и къ рѣкѣ Самари къ вышепомянутой переправѣ послѣ апрѣля 29 числа, и тѣмъ ратнымъ всякихъ чиновъ людемъ велѣлъ я, холопъ вашъ, быть въ полку у него вышепомянутаго товарыща моего, боярина и воеводы Ивана Ѳедоровича, потому, что послѣ моего холопа вашего, отъ рѣки Самари въ дикія степи походу итить имъ къ намъ въ полки отъ непріятелей опасно; а переправясь, я холопъ вашъ, рѣку Воропую съ вашими великихъ государей ратными людьми, пошелъ къ рѣчкѣ Осокоревкѣ апрѣля въ 27 день; а сю отписку къ вамъ великимъ государемъ . . . . . послалъ я тогожъ числа съ розряднымъ подъячимъ съ Тимоѳеемъ Краснымъ, и велѣлъ подать въ Розрядъ.

16) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Апрѣля 26 дня въ вашей великихъ государей . . . . . грамотѣ ко мнѣ, холопу вашему, писано: за радѣтельную нашу службу, что изъ обозу изъ-за рѣки Мерла пошли къ рѣкѣ Коломку апрѣля въ 7 числѣ, пожаловали вы, великіе государи, меня, холопа вашего, съ товарыщи велѣли похвалить милостивно. И я, холопъ вашъ, съ товарыщи, принявъ тое вашу великихъ государей милость за радость, и, воздавъ хвалу Господу Богу, на вашей великихъ государей премногой и милосердой милости челомъ бьемъ, и ваше великихъ государей повелѣніе во всемъ исполнять со всякимъ тщательнымъ и усерднымъ радѣніемъ готовы, сколько всемилосердый Господь Богъ помощи подастъ, и вразумитъ и наставитъ; а что у меня впредь учнется дѣлать, и какіе будутъ вѣдомости о непріятельскихъ поганскихъ замыслѣхъ, и о томъ къ вамъ великимъ государемъ писать буду впредь; а отписку послалъ я съ розряднымъ подъячимъ съ Тимоѳеемъ Краснымъ, и велѣлъ подать въ Розрядъ.

17) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей . . . . . указу, идучи на вашу великихъ государей службу, я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и съ вашими великихъ

государей ратными людьми перешелъ къ рѣчкѣ Волной апрѣля 30 дня, и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писалъ чрезъ уставленную почту; и маія 3 дня прошедъ Конскую и Янчакракъ, пришелъ къ рѣчкѣ Каранчакраку, и перебрався пошелъ къ Моячку и Бѣлозеркѣ, которая имѣется у Запорожской Сѣчи; а напередъ къ Крымскимъ юртамъ, къ Каиркамъ и къ инымъ мѣстамъ, для вѣдомостей и промыслу надъ непріятели послалъ я, холопъ вашъ, вашихъ великихъ государей ратныхъ людей, и вашего царскаго величества подданный войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа регименту своего; и тѣ ваши великихъ государей ратные люди какъ возвратятся и что въ тѣхъ мѣстѣхъ у нихъ учинится и какія вѣдомости о непріятельскихъ людѣхъ имѣть будутъ, и о томъ я, холопъ вашъ, къ вамъ великимъ государемъ писать буду впредь; а отписку послалъ я чрезъ уставленную почту, и велѣлъ подать въ Розрядъ. IX.

18) Великимъ государемъ . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарищи челомъ бьетъ. По вашему великихъ государей . . . . . указу, идучи я, холопъ вашъ, на вашу великихъ государей службу, перешедъ Конскую и Гапъ и Карачакракъ, маія 4 дня пошелъ къ Моячкѣ и Бѣлозеркѣ; а что къ Крымскимъ юртамъ, къ Каиркамъ и къ инымъ мѣстамъ послалъ я, холопъ вашъ, вашихъ великихъ государей ратныхъ людей, такъ же вашего царскаго величества подданной войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа регименту своего, о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писалъ я чрезъ уставленную почту. И маія 7 дня пришелъ я, холопъ вашъ, съ товарищи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми къ рѣчкѣ Бѣлозеркѣ, и того вышеписаннаго числа тѣ вышепомянутые ваши великихъ государей ратные люди наши посыланные возвратились въ цѣлости, и милостіею Божіею и вашимъ государскимъ счастьемъ пріѣхавъ ко мнѣ холопу вашему въ полкъ, привели съ собою взятыхъ Крымскихъ трехъ человѣкъ Татаръ, а сказали, что былъ у нихъ бой за Бѣлозеркою и на томъ ихъ бою взяли; а что они сказали, тѣ ихъ распросныя рѣчи къ вамъ великимъ государемъ . . . . . послалъ я въ приказъ Малыя Россіи; а я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми, возлагая надежду на всесильнаго Бога и на предстательство владычицы нашея пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, и за молитвами всѣхъ святыхъ, пошелъ къ Крымскимъ юртамъ; а изъ полку моего такъ же и подданной

дычицы и присноДѣвы Маріи, и при молитвахъ Московскихъ и Кіевопечерскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, притомъ же вашими великихъ государей . . . . . . молитвамижъ и счастіемъ и всего вашего государскаго дому, ваши великихъ государей ратные люди, полковъ нашихъ вашего великихъ государей двора ротмистры, стольники, и стряпчіе, и дворяне, и жильцы съ своимъ товарствомъ, и генералы, и полковники копѣйныхъ и рейтарскихъ полковъ, и Смоленская шляхта, и полку стольника и воеводы Василья Михайлова сына Дмитріева-Мамонова низовыхъ городовъ дворяне, и иныхъ чиновъ служивые люди, также и пѣхотныхъ выборныхъ солдатскихъ полковъ генералы и полковники, Московскихъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ стольники и полковники, притомъ же и подданнаго вашего великихъ государей гетмана Ивана Степановича Мазепы, вѣрною его къ вамъ великимъ государемъ службою, старшина и полковники, какъ конные, такъ и пѣшіе, бились съ тѣмъ погапствомъ мужественно и храбро, и побили многихъ знатныхъ мурзъ и добрыхъ приводцовъ, и посполитыхъ многихъ, и живыхъ поймали, и знамена, и лошади и многую рухлядь побрали, которые взятые люди предъ нами въ роспросѣхъ сказывали, что побито у нихъ и переранено многое число; а раненъ самъ нурадынъ солданъ, да убиты кае-абіевъ сынъ Мансурова Каптемирь и иные многіе; и такъ то поганство съ нами билося жестоко, не токмо на мушкетныя дула, но и на самыя пушечныя, къ самымъ къ рогаткамъ напусками пріѣзжали, и милостію Божіею никакой себѣ утѣхи, кромѣ упадку, не отнесли; и сбивъ ихъ съ поля, тогожъ числа пришли мы на Чорную Долину, и тѣ непріятели боевое мѣсто намъ уступили. А съ сею службою и съ сеунчемъ къ вамъ великимъ государемъ . . . . . . послалъ я, холопъ вашъ, стольника Петра Петровича сына Пушкина; да о сей же службѣ къ вамъ великимъ государемъ писалижъ и сеунщиковъ послали сходные мои товарыщи бояре и воеводы: Новгородскаго розряду Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, Казанскаго розряду Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Рязанского розряду князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, Сѣвскаго Леонтей Романовичъ Неплюевъ; а сее отписку велѣлъ я, холопъ вашъ, подать и ему Петру явиться въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи; да о той же вышеписанной службѣ къ великимъ государемъ писалъ подданный вашъ государевъ войска Запорожскаго гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, и послалъ съ тою службою и съ сеунчомъ знатную генеральную войсковую особу съ товарыщи.

IX. 21) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ великимъ государемъ . . . . . . писали мы холопи ваши маія въ 15 день: съ ханомъ, и съ калгою и нуродыномъ бои имѣли и что сбивъ ихъ помощію Божіею, пришли на Чорную Долину маія 15 дня. И тогожъ маія 16 дня съ урочища Чорной Долины пошли мы, холопи ваши, къ Крымскимъ юртамъ, и въ 5 часу дни пришелъ на ваши великихъ государей рати, на наши полки, ханъ же Крымскій со всѣми вышепомянутыми ордами и имѣлъ съ нами бои великіе и жестокіе, на пути, во весь день, и тоюжъ Божіею помощію, и предстательствомъ надежды христіянскіе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, и при молитвахъ Московскихъ и Кіевопечерскихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ, притомъ же вашими великихъ государей . . . . . . молитвамижъ и счастьемъ и всего вашего государскаго дому, ваши великихъ государей ратные люди, полковъ нашихъ конные и пѣшіе, притомъ же и подданнаго вашего великихъ государей гетмана Ивана Степановича Мазепы вѣрною его къ вамъ, великимъ государемъ, службою старшина и полковники, какъ конные, такъ и пѣшіе, бились съ тѣмъ поганствомъ мужественно и храбро, и побили многихъ и живыхъ поймали, и милостіею Божіею никакой себѣ утѣхи, кромѣ упадку, тѣ непріятели не отнесли; и отъ полковъ нашихъ ваши великихъ государей ратные люди мужествомъ и храбростію то поганство съ жестокимъ кровавымъ боемъ отогнали и съ поля сбили, и принуждены боевое мѣсто, на которомъ жестокими напусками стояли упорно, намъ оставить; и сбивъ ихъ съ того боеваго мѣста, стали мы, холопи ваши, не дошедъ до Колончака въ степи; а съ сею службою и съ сеунчомъ къ вамъ великимъ государемъ . . . послалъ я, холопъ вашъ, столника и Московскихъ ротъ ротмистра Андрея Иванова сына Лызлова; да о сей же службѣ къ вамъ, великимъ государемъ, писали и сеуншиковъ послали сходные мои товарыщи, бояре и воеводы: Новгородскаго розряду Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, Казанскаго розряду Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Рязанскаго розряду князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, Сѣвскаго Леонтей Романовичъ Неплюевъ; а сее отписку велѣлъ я холопъ вашъ подать и ему Андрею явиться въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи.

22) Великимъ государемъ...... холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ великимъ государемъ... писали мы, холопи ваши, маія 16 дня, что съ ханомъ и съ кал-

гою и нуродыномъ были бои и что помощію Божіею, тѣхъ непріятелей сбивъ съ поля, стали на боевомъ мѣстѣ, не дошедъ до Колончака въ степи. И тогожъ маія 17 дня пошли мы холопи ваши къ Крымскимъ юртамъ, и тогожъ дни ханъ Крымскій со всѣми ордами, не хотя вашихъ великихъ государей ратей полковъ нашихъ допустить до Колончаку, имѣлъ съ нами бои великіе и жестокіе, напуски непрестанные во весь же день, и тожъ Божіею помощію...... ваши великихъ государей ратные люди полковъ нашихъ конные и пѣшіе, при томъ же и подданнаго вашего великихъ государей гетмана Ивана Степановича Мазепы, вѣрною его къ вамъ великимъ государемъ службою, старшина и полковники какъ конные, такъ и пѣшіе, бились съ тѣмъ поганствомъ мужественно и храбро и побили многихъ и живыхъ поймали, и милостію Божіею никакой себѣ утѣхи, кромѣ упадку, тѣ непріятели не отнесли, и отъ полковъ нашихъ, вашихъ великихъ государей ратныхъ людей мужествомъ и храбростію то поганство съ жестокимъ кровавымъ боемъ прогнано, и до Колончака мужественно и храбро съ тѣмъ поганствомъ какъ въ напускахъ ихъ, такъ и въ прогнаніи, имѣли во весь день кровавые бои, и принужденіемъ тѣ непріятели, оставя свои боевые жестокіе напуски, побѣжали за Колончакъ къ Перекопи; и тогожъ числа пришли мы на Колончакъ; а съ сею службою и съ сеунчомъ къ вамъ, великимъ государемъ... послалъ я, холопъ вашъ, стольника Андрея Борисова сына Змѣева; да о сей же службѣ къ вамъ, великимъ государемъ, писали и сеунщиковъ послали сходные мои товарыщи, бояре и воеводы: Новгородскаго розряду Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, Казанскаго розряду Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Резанскаго розряду князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, Сѣвскаго Леонтей Романовичъ Неплюевъ; а сее отписку велѣлъ я, холопъ вашъ, подать и ему Андрею явиться въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи.

23) Великимъ государемъ...... холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ великимъ государемъ... писали мы съ сеунщики маія въ 15 день, да въ 16, да въ 17 числѣхъ, что Божіею помощію, и предстательствомъ Пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присnодѣвы Маріи, и молитвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ, непріятеля креста святаго, Крымскаго хана со всѣми его ордами, побивъ, мужественно и храбро прогнали, и пришли на Колончакъ. И маія 20 числа съ Колончака пришли мы, холопи ваши, съ вашими великихъ государей ратными людь-

IX. ми вашихъ полковъ къ Перекопу, и хотѣли чинить надъ городомъ промыслъ, и розъѣзжали, гдѣбъ ошанцоваться, такъ же и откуды имать вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ воду и кормы; и по осмотру нашему, такъ же и подданнаго вашего войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетмана Ивана Степановича Мазепы, конскихъ кормовъ взять негдѣ, отъ самаго Колончака все потравлено и выбито, а наипаче воды достать невозможно, ни рѣчекъ, ни колодезей нѣтъ по сей сторонѣ Перекопи; а съ правую сторону подлѣ самыя стѣны Перекопской близко Черное море, а съ лѣвую Гнилое море, въ которыхъ обрѣтаются воды соляныя, межъ которыхъ морь наши холопей вашихъ стояли обозы; а ханъ Крымскій изъ Перекопу съ своими поганскими ордами къ намъ не вышелъ и бою не далъ, и въ Перекопу посады и ближніе села и деревни всѣ пожегъ безъ остатку; и многажды присылалъ кемана-мурзу Сулешева просить миру, чтобъ учинить съ нимъ миръ на прежней шерти, какова учинена при думномъ дворянинѣ Васильѣ Тяпкинѣ; и мы, холопи ваши, мысля о томъ съ вашими великихъ государей ратными людьми, съ столники, и съ генералы, и полковники, кому о томъ вѣдати належитъ, какъ въ томъ поступить, и вашихъ великихъ государей рати сохранить безвредно,—и тѣ помянутые чины намъ объявили, что служитъ вамъ, великимъ государемъ, всеусердно и кровь свою проливать готовы, только за безводьемъ и за конскими кормами того промыслу чинить невозможно; и маія 21 дня, по тѣмъ всѣмъ вышепомянутымъ препятіямъ, отъ Перекопя отступили къ Колончаку и въ мирныхъ договорѣхъ хану отказали, потому, что противенъ тотъ миръ будетъ Польскому союзу; а какъ мы холопи ваши шли къ Перекопи, и съ самой Каирки и назадъ до Каиркиж было безводья восмь дней, и люди и лошади въ тѣ дни мало что пили, потому, что на Зеленой и на Черной Долинахъ водъ нѣтъ, а и въ Колончакѣ самая нужная вода, копаны колодязи, что невозможно такимъ ратемъ водою изъ тѣхъ колодезей удовольствоваться ни единаго дня; а если бы перестоять подъ Перекопью еще одинъ день, и вашихъ бы великихъ государей ратныхъ людей невозможнобъ вывесть, отъ чего Боже сохрани, безъ великагобъ страшнаго упадку; и предавъ мы себя и полковъ своихъ ратныхъ людей милости Божіей въ сохраненіе, пошли съ Колончака къ Каиркѣ, и пришли на урочище рѣчки Бѣлозерки іюня въ 1 день въ цѣлости. А ханъ со всѣми ордами за нами итить не смѣлъ и бою не далъ и заперся въ Перекопь; а въ томъ отходѣ Бѣлогородскія орды и изъ городовъ Ту-

рецкія силы и Черкесы, которые оставались въ поляхъ, имѣли IX.
съ нами бои непрестанные и окрестъ нашихъ обозовъ въ степяхъ травы жгли мая по 30 число; и на тѣхъ бояхъ храбростію и мужествомъ вашихъ великихъ государей ратныхъ людей ихъ поганства много побили и знатныхъ мурзъ, какъ свидѣтельствуютъ взятые Татаровя, и отъ обозовъ нашихъ всегда ихъ прогоняли съ великимъ прибыткомъ и лошади и служивую сбрую поймали. А съ сею службою и съ сеунчомъ къ вамъ, великимъ Государемъ...... послалъ я, холопъ вашъ, стольника Ивана Самсонова сына Бутурлина; да о сей же службѣ къ вамъ, великимъ государемъ, писалижъ и сеунщиковъ послали сходные мои товарыщи, бояре и воеводы: Новгородскаго розряду Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Резанскаго розряду князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, Сѣвскаго Леонтей Романовичъ Неплюевъ. А сее отписку велѣлъ я, холопъ вашъ, подать и ему Ивану явиться въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи; а какъ я, холопъ вашъ, и сходные товарыщи мои бояря и воеводы съ вашими великихъ государей ратными людьми полковъ нашихъ придемъ на Самарь рѣку къ Новому Богородицкому городу, и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писать учну.

24) Великимъ Государемъ...... холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ, великимъ государемъ... писалъ я, холопъ вашъ, съ сеунщики маія въ 15 и въ 16 и въ 17 числѣхъ, что съ ханомъ Крымскимъ и съ калгою и съ нуродыномъ и съ ширинбеемъ и со всѣми Крымскими и Бѣлогородскими орды имѣли полковъ нашихъ вашихъ великихъ государей ратные люди многіе бои, и милостію Божіею...... вашихъ великихъ государей ратные люди тѣхъ непріятелей мужественно и храбро побили и загнали въ самую Крымскую Перекопь; а что на тѣхъ бояхъ вашихъ великихъ государей полку моего, такожъ полковъ сходныхъ товарищей моихъ бояръ и воеводъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей побито и ранено и въ полонъ поймано, и тому перечьневу роспись послалъ я къ вамъ, великимъ государемъ..... подъ сею отпискою, а велѣлъ подать въ Розрядѣ.

Роспись, что ранено и побито и въ полонъ взято.

Ранено:

Стольниковъ 18, стряпчихъ 6, дворянъ 3, жильцовъ 3, начальныхъ людей 22, Смоленской шляхты 4, гусаръ и копейщиковъ и рейтаръ и городовыхъ 256, солдатъ и стрѣльцовъ и казаковъ 130. И того 441.

къ вамъ, великимъ государемъ . . . послалъ я, холопъ вашъ, іюня въ 1 день дворянскаго ротмистра столника Никифора Никитина сына Дурова, и велѣлъ ему Никифору явиться и отписку подать въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи. IX.

26) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Левка Неплюевъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ великимъ государемъ . . . писалъ вашея великихъ государей царственныя большія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ ближней бояринъ и оберегатель и большаго полку дворовой воевода и намѣстникъ Новгородцкой, князь Василій Васильевичь Голицынъ съ товарыщи, и мы холопи ваши съ сеунщики маія въ 15 да въ 16, да въ 17 числѣхъ, что Божіею помощію . . . . . . непріятеля креста святаго Крымскаго хана со всѣми его ордами побивъ, мужественно и храбро прогнали и пришли на Колончакъ. И маія 20 дня съ Колончака пришли мы холопи съ вашими великихъ государей ратными людьми къ Перекопи, и съ вѣдома вашіе великихъ государей царственные большіе печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ ближняго боярина и оберегателя и большаго полку двороваго воеводы князя Василья Васильевича, хотѣли чинить надъ Перекопскими крѣпостьми промыслъ и разъѣзжали, гдѣ обшанцоваться, такъ же и откуду имать вашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ воду и кормы; и по осмотру нашему, такъ и подданнаго вашего царскаго величества войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетмана Ивана Степановича Мазепы, конскихъ кормовъ взять отнюдь не гдѣ, потому что отъ самаго Колончака все потравлено и выбито, а наипаче воды достать не возможно, рѣчекъ и колодезей по сей сторонѣ Перекопи нѣтъ, а съ правую сторону подлѣ самой стѣны Перекопской облило Черное, а съ лѣвую Гнилое море, въ которыхъ обрѣтаются воды соленыя и на люди и на лошади вредоточны, межь которыхъ морь наши холопей вашихъ стояли обозы; а ханъ Крымской изъ Перекопи съ своими поганскими ордами къ намъ холопемъ вашимъ не вышелъ, и бою не далъ, и въ Перекопу посады и ближнія села и деревни всѣ пожегъ безъ остатку, и многажды присылалъ кемана-мурзу Сулешева просить миру, чтобъ учинить съ нимъ миръ на прежней шерти, какова учинена при думномъ дворянинѣ Васильѣ Тяпкинѣ; и ближней бояринъ и оберегатель и дворовой воевода князь Василей Васильевичъ и мы холопи ваши, мысля о томъ съ вашими великихъ государей ратными людьми, съ стольники, и съ генералы, и

IX. полковники, какъ въ томъ поступить, и вашн великихъ государей рати изъ столь дальнихъ и безводныхъ мѣстъ отвесть и сохранить безвредно, и тѣ помянутые чины намъ объявляли, что служить вамъ, великимъ государемъ, всеусердно и кровь свою проливать готовы, только за безводіемъ и за конскими кормами надъ Перекопомъ промыслу чинить не возможно. И маія 21 дня, по тѣмъ всѣмъ вышепомянутымъ препятіямъ, отъ Перекопи отступили къ Колончаку, а въ мирныхъ договорѣхъ хану отказано, потому, что тотъ миръ противенъ будетъ Польскому союзу; а какъ мы холопи ваши шли къ Перекопи, съ самой рѣчки Коирки и назадъ до Коиркижъ, было безводья восмь дней, и люди и лошади въ тѣ дни отъ безводія нужду восприяли великую, потомужъ, что на Зеленой и на Черной Долинахъ водъ нѣтъ, а въ Колончакѣ въ копаныхъ колодезяхъ самая вода недостаточная и такимъ великимъ ратемъ тою водою изъ тѣхъ колодезей удовольствоватися зѣло не возможно; а естьли бы перестоять подъ Перекопью еще одинъ день, и вашихъ бы великихъ государей ратныхъ людей, отъ чего Боже сохрани, безъ великаго страшнаго упадку вывесть не возможно; и ближней бояринъ и оберегатель и дворовой воевода, съ сходными своими и со всѣми товарыщи и полковъ всѣхъ съ ратными людьми, усмотрѣвъ лутчее и предавъ себя милосердію Божію въ сохраненіе, пошли отъ Перекопи къ рѣчкѣ Колончакъ маія въ 21 день и пришли въ цѣлости; а ханъ со всѣми ордами за нами итить не смѣлъ и бою не далъ, заперся въ Перекопь; а какъ шли отъ Перекопу, и въ томъ отходѣ Бѣлогородскія орды и изъ городковъ Турецкія силы и Черкесы, которые оставались въ поляхъ, имѣли съ нами бои непрестанные и окрестъ нашихъ обозовъ въ степяхъ травы жгли маія по 30 число, и на тѣхъ бояхъ храбростію и мужествомъ вашихъ великихъ государей ратныхъ людей ихъ поганство побили и знатныхъ мурзъ и лошадей и служилую збрую поймали, какъ свидѣтельствуютъ взятые Татаровя, и отъ обозовъ нашихъ всегда ихъ прогоняли съ великимъ прибыткомъ; а съ сею, государи, службою и съ сеунчомъ къ вамъ великимъ государемъ . . . . . послалъ я, холопъ вашъ, іюня въ 1 день дворянской роты ротмистра Карачевца Василья Елизарьева сына Сибилева и велѣлъ ему Василью явиться и отписку подать въ Розрядѣ.

27) Великимъ государемъ. . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ съ товарыщи челомъ бьетъ. Къ вамъ великимъ государемъ. . . . . . писалъ я, холопъ вашъ, іюня въ 1 день нынѣшняго 197 года съ рѣчки Бѣлозерки съ сеунщикомъ съ стольни-

комъ Иваномъ Самсоновымъ сыномъ Бутурлинымъ, что я, холопъ вашъ, съ сходными моими товарыщи бояры и воеводы и съ вашими великихъ государей ратными людьми полковъ нашихъ пошли изъ подъ Перекопи, и имѣвъ съ непріятели, съ Бѣлогородскими орды и съ Турецкими изъ городковъ на Днѣпрѣ стоящими силами и съ Черкесы, бои непрестанные, пришли къ урочищу рѣчки Бѣлозерки іюня въ 1-й день въ цѣлости; а какъ я, холопъ вашъ, и сходные мои товарыщи бояре и воеводы съ вашими великихъ государей ратными людьми полковъ нашихъ придемъ на Самарь рѣку къ Новому Богородицкому городу, и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, писать учну. И іюня въ 11 день, я, холопъ вашъ, съ сходными моими товарыщи съ бояры и воеводы и съ вашими великихъ государей ратными людьми полковъ нашихъ, такожъ и подданной вашего царскаго величества войска Запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа съ Малороссійскими полки, на Самарь рѣку къ Новому Богородицкому городку, при помощи Божіей, пришли въ цѣлости; а отъ Самари пойдемъ мы, холопи ваши, съ полки къ Арели и къ Коломку и къ Мерлу рѣкамъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ учнемъ ожидать вашего великихъ государей указу. А съ сею отпискою и приходомъ на Самарь къ Ново-богородицкому къ вамъ великимъ государемъ. . . . . послалъ я, холопъ вашъ, отъ рѣки Самары сегожъ іюня въ 11 день стольника Филиппа Иванова сына Дивова и велѣлъ ему явиться и отписку подать въ Розрядѣ. IX.

28) Великимъ государемъ. . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ челомъ бьетъ. Къ вамъ, великимъ государемъ. . . писалъ я іюня въ 11 день и послалъ съ приходомъ моимъ и товарищей моихъ бояръ и воеводъ и всѣхъ вашихъ великихъ государей ратныхъ людей полковъ нашихъ, такъ же и подданнаго вашего гетмана Ивана Степановича Мазепы съ Малороссійскими полки, на рѣку Самарь къ Новому Богородицкому городу, что пришли мы того вышепомянутаго дня въ цѣлости, стольника Филиппа Иванова сына Дивова, и что съ Самари пойду я, холопъ вашъ, съ товарыщи моими и съ вашими великихъ государей ратными людьми къ Арели, Коломку и къ Мерлу рѣкамъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ вашего великихъ государей указу ожидать буду. И іюня 12 дня, какъ учали мы переправлятся съ вашими великихъ государей ратными людьми рѣку Самарь, и заставныхъ полковъ, которые шли на отводѣ у моего, холопа вашего Васьки, обозу, напали на людей, которые косили траву въ поляхъ Крымскіе Татарове и Черкесы горскіе и джаманъ саада-

слалъ ихъ подъ войска великихъ государей для языковъ и для добычи и провѣдать подлинно, станутъ-ли войска царскаго величества Самарь рѣку переправливаться; и для того подлиннаго увѣдомленія посланъ съ ними отъ ханажъ Урузбей-мурза, да съ нимъ семь человѣкъ мурзъ улусовъ ихъ же джеманъ-саадаковъ, и велѣлъ имъ, осмотря переправы на Самарѣ и добывъ языка, возвратитъся назадъ, а за Самарь имъ переправливаться не велѣлъ. IX.

И они-де поѣхали отъ хана, тому нынѣ десятый день, и ѣхали на Молочные воды, и пріѣхали на вершину Самары; а съ вершины подошли вчерашняго дня въ полдни близко полковъ и почали имать полонъ, которые косили траву, и взяли-де было ихъ человѣкъ съ десять, и то-де увидѣли ратные люди царскаго величества и Донскіе козаки и Калмыки, погнались за ними и многихъ изъ нихъ мурзъ и Татаръ побили до смерти, и взяли два ханскія знамя большія, которыя съ ними ханъ посылалъ, и полонъ взятый, которой было они взяли, у нихъ отбили и гнались за ними кровавымъ боемъ верстъ на двадцать и догнавъ взяли ихъ въ полонъ шесть человѣкъ, а достальные немногіе изъ нихъ ушли.

А какъ они поѣхали отъ хана, и ханъ-де изъ подъ Перекопи хотѣлъ итти со всею ордою въ Крымъ; а за войсками царскаго величества самъ иттить и орды своей послать не хотѣлъ; а желаетъ ханъ быть съ великимъ государемъ въ миру.

А слышали-де они отъ Крымскихъ Татаръ, что во время приходу великихъ государей ратей на бояхъ раненъ самъ нурадынъ-салтанъ, и многіе мурзы и Татаровя на тѣхъ бояхъ побиты и ранены; и для того и всѣ при ханѣ будучи Татаровя подъѣзжать подъ войска великихъ государей боятся, и сказываютъ, что въ подъѣздѣ чинится имъ большой упадокъ и всегда отганиваны съ великимъ урономъ.

Да онижъ-де слышали: какъ-де войска великихъ государей пошли изъ подъ Перекопи и шли мимо городковъ Турецкихъ, на Днѣпрѣ стоящихъ, и ханъ-де надѣялся, что войска царскаго величества будутъ ихъ добывать и разорять, выступилъ изъ Крыму со всею ордою и шелъ за тѣми войсками въ слѣдъ до Мечетной Каирки тайно, и войскамъ казаться не велѣлъ, и не смѣлъ напустить на войска царскаго величества; и какъ-де видя съ Каирки, что войска городки прошли, воротился ханъ назадъ и пришелъ подъ Перекопь, гдѣ и они джеманъ-саадаки къ нему хану изъ улусовъ пришли и отъ того мѣста они для языковъ и посланы.

x, А про Поляковъ-де во всѣхъ ихъ улусахъ слышно, что они присылали къ хану посла въ Бѣлогородчину [1] и съ нимъ ханомъ подлинно помирилась, только-де заказу такова нѣтъ, чтобъ въ Польшу войною не ходить и отъ того ихъ не унимаютъ.

И слышали-де они, что у солтана Турскаго нынѣшняго году ни съ кѣмъ войны нѣтъ, потому, что Французскій король, съ совѣту Турскаго, пошелъ войною на цесаря и взялъ у цесаря три городка, и цесарь-де оставя съ салтаномъ войну, пошолъ противъ Француза; а что у нихъ нынѣ дѣлается, того не слышно; а какъ войска царскаго величества стояли подъ Перекопью, и того дня присланъ былъ въ Перекопь къ хану отъ салтана чаушъ съ указомъ, чтобъ онъ шолъ на Венгерскую землю войною тотчасъ и ее разорялъ; и ханъ-де тому чаушу показалъ войска многочисленныя великихъ государей, и сказалъ: «мнѣ-де свое кочевье оставя, стыдно чюжаго искать, и «не токмо-де ему солтану должно было его хана изъ кочевья «съ ордою выслать вонъ, но надобно было въ такой нуждѣ отъ «многочисленныхъ ратей оборонить, понеже онъ ханъ нынѣ ни «отъ кого себѣ, ни кочевью своему помощи и бороны не видитъ, и не вѣдаетъ, какой такъ многочисленнымъ царскаго «величества ратямъ чинить отъ своего кочевья отпоръ, и отъ «того-де приходитъ кочевьямъ и всѣмъ ихъ юртомъ послѣдняя «погибель и кончина, потому, что имъ противъ такихъ много-«численныхъ ратей отнюдь не устоять, а принужденъ будетъ, «оставя кочевья свои выбѣжать въ степи.» И съ тѣмъ-де тотъ чаушъ тогожъ дня, осмотря многочисленныя великихъ государей войска, къ салтану отпущенъ.

А нынѣ-де намѣренъ ханъ со всею ордою, провѣдавъ подлинно о войскахъ царскаго величества, какъ они возвратятся и перейдутъ Самарь и Арель рѣки, итти войною на цесаря и на Венгерскую землю; а жалованья-де всей ордѣ для того Венгерскаго походу дано хану въ то время, какъ онъ ханъ былъ зимою у салтана въ Андріанополѣ.

А о войскахъ-де великихъ государей въ Крыму былъ великой страхъ и никто не чаялъ, что имъ противъ такихъ войскъ устоять, и для того всѣ принуждены, оставя домы свои, торговые и пашенные люди и иные невольные бѣжать въ горы дикіе, имавъ съ собою малую рухлядь; и ханъ-де, видя такую боязнь и страхъ, велѣлъ тѣ ихъ дворы и деревни жечь, и около Перекопи посады и села и деревни всѣ вызжены безъ остатку.

А слышали-де они, что посылалъ ханъ къ бояриу и воеводѣ

кемана-мурзу Сулешова многажды просить миру; а съ чемъ IX.
тотъ кеманъ къ хану возвратился, того они не слыхали.

А говорятъ-де ханъ и лутчіе мурзы и всѣ чорные Татаровя, что полки многочисленнѣе царскаго величества ратей нигдѣ ни у которыхъ государей они не видали, и учинили-де отъ Перекопи тѣ войска возвращеніе свое по изволенію Божію, а не отъ ихъ бусурманской храбрости, да и для того, что водою и конскимъ кормомъ такому войску было оскудѣніе и воды было взять не гдѣ, а кормы вытолочены.

А какъ-де ханъ со всею ордою стоялъ подъ Перекопью, и для воды войску посылалъ въ Перекопь, и тое воды привозили хану изъ Перекопи верстъ за пятнадцать и больше.—А больше того ничего не знаютъ.

29) Великимъ государемъ . . . . . . холопъ вашъ Васька Голицынъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ въ 197 году марта въ 3 день къ вамъ, великимъ государемъ . . . писалъ я, холопъ вашъ, изъ Сѣвска съ думнымъ дворяниномъ съ Семеномъ Протасьевичемъ Неплюевымъ, что, какъ я съѣхався вашего царскаго величества съ подданнымъ гетманомъ съ Иваномъ Степановичемъ Мазепою, усовѣтовали и постановили, что для оберегавія Кіева и Переяславля и иныхъ Поднѣпрскихъ городовъ отъ непріятельскихъ приходовъ Бѣлогородской орды, быть ратнымъ людемъ за Днѣпромъ двутысячамъ, и стать подъ Чернымъ или подъ Лебеденымъ лѣсами въ крѣпкихъ и пристойныхъ мѣстахъ, а гетману Ивану Степановичу послать съ тѣми же ратными людьми изъ Малороссійскихъ городовъ весь Кіевскій полкъ, да Переяславскаго и Лубенскаго полковъ по части съ полковники и съ начальными людьми, и во время походу бояръ и воеводъ и его гетманскаго, тѣмъ ратнымъ людемъ имѣть всякую осторожность и безпрестанные по всѣмъ путемъ, гдѣ обыкли непріятели ходить, сторожи и проѣзды, чтобъ непріятелей подъ Малороссійскіе городы не допустить; и по вашему великихъ государей указу, на вашу великихъ государей службу изъ полку моего въ тѣ мѣста посланъ съ вашими великихъ государей ратными людьми съ пѣхотнымъ полкомъ стольникъ и воевода и полковникъ Аѳанасей Алексѣевъ сынъ Чюбаровъ, а вашего царскаго величества подданный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа послалъ полковниковъ Кіевскаго Григорья Коробченко, да Переясловскаго Екима Головченко, и приказано имъ: буде въ которыхъ мѣстехъ непріятельскіе воинскіе люди объявятся, и ему Аѳанасью съ тѣми вышепомянутыми полковники обще, при помощи Божіи, чинить надъ ними

IX. поискъ и промыслъ, сколько той же всемилосердый Господь Богъ помощи подастъ. И іюня въ 23 день писалъ ко мнѣ стольникъ и воевода и полковникъ Аѳанасей Чюбаровъ, что іюня въ 12 день шелъ онъ съ Переясловскимъ полковникомъ съ Ескимомъ Головченкомъ къ Лебедину лѣсу, и тогожъ іюня въ 13 день пришелъ къ нему въ полкъ въ урочище Кагарлыкъ Кіевскій полковникъ Григорей Коробченко; и тогожъ числа наѣхали они Татарскую сакму, которые шли къ Кіеву и, подъ Кіевымъ бывъ, людей поймали и скотину отогнали было многую; и Кіевскій полковникъ Григорей Коробченко, обще съ нимъ Аѳонасьемъ, и съ Переясловскимъ полковникомъ, и полковъ своихъ съ вашими великихъ государей ратными людьми, дошли тѣхъ непріятелей, прошедъ Капустину долину, подъ Ольховцомъ іюня въ 16 день, и были съ ними великіе бои два дни, и милостію всемогущаго въ троицѣ славимаго Бога . . . . . . тѣ ваши великихъ государей ратные люди тѣхъ Татаръ многихъ побили и живьемъ взяли 20 человѣкъ, а полонъ весь и скотъ у нихъ отбили; да о томъ же бою къ гетману къ Ивану Степановичу Мазепѣ писалъ тотъ Кіевскій полковникъ Григорей Коробченко и съ тѣмъ своимъ листомъ прислалъ взятыхъ Татаръ дву человѣкъ; и тотъ листъ онъ гетманъ Иванъ Степановичъ и взятыхъ Татаръ дву человѣкъ прислалъ ко мнѣ; а что въ томъ его полковничье листу къ гетману писано и что передо мною тѣ взятые Татаровя въ роспросѣ сказали, и тотъ подлинной полковничей листъ и Татарскія роспросныя рѣчи и листъ его гетмана Ивана Степановича, каковъ онъ о той же службѣ своей къ вамъ великимъ государемъ, писалъ, послалъ я въ приказъ Малыя Россіи; а съ сею службою и съ сеунчомъ къ вамъ великимъ государемъ . . . послалъ я стольника Ивана Викулина сына Изволскаго, и велѣлъ ему явиться въ Розрядѣ.

№ X.

ПИСЬМА ЦАРЕВНЫ СОФІИ АЛЕКСѢЕВНЫ ЦИФРАМИ КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ.[53]

1) Свѣтъ мой братецъ васенка здравствуй батюшка мой на многія лѣта и паки здравствуй Божіею и пресвѣтыя Богороди-

53. Списаны буква въ букву съ подлинниковъ, поступившихъ въ Государственный архивъ изъ вѣдомства Камеръ-цалмейстера Морсочникова.

На оберткѣ, въ которую вклеены сіи письма, отмѣчено почеркомъ временъ Петра Великаго: «Письма старинныя царевны Софіи; подалъ Григорій Писаревъ въ 1718 году. А гдѣ сысканы, не объявлено.» Они писаны цифирною азбукою; первое изъ нихъ прилагаю вполнѣ въ вѣрномъ снимкѣ (См въ концѣ книги). Ключа къ нимъ нѣтъ, и мнѣ стоило немалаго труда ихъ разобрать. Слова, курсивомъ напечатанныя, въ подлинникѣ обыкновенными буквами.

цы и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ агаряны, подай тебѣ Господи и впредь враги побѣждати, а мнѣ свѣтъ мой вѣры не имѣется *што ты* къ намъ возвратитца тогда вѣры пойму какъ увижю во объятіяхъ своихъ тебя свѣта моего. А што свѣтъ мой пишешь, што бы я помолилась, будто я вѣрна грѣшная предъ Богомъ и недостойна, однакоже дерзаю надѣяся на его благоутробіе, аще и грѣшная. Ей всегда того прошю штобы свѣта моего въ радости видеть. По семъ здравствуй свѣтъ мой о Христе на вѣки неищетные. x.

Аминь.

2) Свѣтъ мой батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое святое, также и матере своея пресвятыя Богородицы надъ вами свѣте мой чево *отъ* вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такова милосердія Божія не хуже Израилтескихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетцкія тогда чрезъ Моисея угодника своего, такъ нонѣ чрезъ тебя, душа моя, слава Богу нашему помиловавшему насъ чрезъ тебе. Батюшка мой платить за такіе твои труды неисчетные радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣры не имѣтца, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя ко мнѣ будешъ еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Писма твои врученны Богу къ намъ всѣ дошли въ цѣлости изъ подъ Перекопу, изъ Каирки чрезъ сеунтщиковъ и съ Московки всѣ приходили въ примѣтныя времяна изъ подъ Перекопу пришли *от*писки въ пятокъ *іа* числа. Я брела пѣша изъ Воздвиженскова, толко подхожу къ монастырю Сергія Чудотворца къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ васъ отписки о бояхъ: я не помню какъ взошла, чла идучи не вѣдаю чѣмъ его свѣта благодарить за такую милость его и матерь его пресвятую Богородицу и преподобнаго Сергія чудотворца милостиваго.

Сеунщикъ къ намъ еще Змеовъ не бывалъ что ты батюшка мой пишешь о посылкѣ въ монастыри все то исполнила по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша а со отпускомъ пошлю къ вамъ вскорѣ Василія Нарбекова, а золотыя не поспѣли, не покручиньтеся за тѣмъ васъ держать жаль тотчасъ поспѣютъ тотчасъ пришлю, а денги сбираю стрѣльцамъ готовы тотчасъ сберу тотчасъ пришлю, скажи имъ будутъ присланы, а радѣнья твое, душа моя, дѣломъ оказуетца. Почты отъ насъ, свѣтъ мой, посланы три четвертой Шошинъ порадѣй, батюшка мой, чтобъ

x. его окупить или на размѣну отдать что пишешъ батюшка мой, чтобъ я помолилася: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе велитъ мнѣ тебя видѣть надежда моя, какъ самъ пишешъ о ратныхъ людехъ такъ и учини, а Борису не побыть ли въ Бѣлогородѣ; также и Овраму сверхъ того какъ ты, радость моя, изволишь, а я, батюшка мой здарова твоими молитвами и всѣ мы здаровы. аще дастъ Богъ увижу тебя свѣтъ мой о всемъ своемъ житьѣ скажу, а вы свѣтъ мой не стойте, подите помалу, и такъ вы утрудилися. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои свѣта моего труды еслибъ ты такъ не трудился нихтобъ такъ не сдѣлалъ.

№ XI.

ВѢДОМОСТЬ

войскамъ, бывшимъ въ Крымскомъ походѣ 1689 года.

Составлена

из подлинныхъ документовъ,

хранящихся

въ Московскомъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ.

XI.

Й СТРОЙ.							ИНОЗЕМНЫЙ СТРОЙ.					Итого.
...олковой службы.		Пѣхота. Стрѣльцы.		Смѣшанныя.			Конница. Копейщики и Рейтары.		Гусары.	Пѣхота. Солдаты.		
...родовыхъ.	Кормовщиковъ.	Число полковъ.	Число людей.	Украинскихъ Черкасъ.	Донскихъ казаковъ.	Нагайскихъ мурзъ, табунныхъ головъ, Терскихъ, Гребенскихъ и Яицкихъ казаковъ.	Число полковъ.	Число людей.	Число людей.	Число полковъ.	Число людей.	
73	100	5	4035	6085	—	—	7	7881	—	7	16858	39176
11	—	1	709	4000	—	—	2	1882	—	3	3824	10726
39	—	—	—	4000	—	—	2	1703	—	3	4464	10456
51	—	—	—	386	223	—	$2^1/_3$	2959	—	5	6866	11308
.	—			—	—	1514	—	—	—	3	—	1514
												73180
32	262	3	2579	—	—	—	4	4351	247	3	2483	10983
14	—	—	—	—	—	—	2	1601	—	3	3378	5123
32	—	2	1677	—	—	—	3	2673	—	3	3876	8908
66	—	—	—	—	—	—	2	2166	—	3	2940	5372
.	—	—	—	—	—	—	4	4000 прим.	—	5	4500 прим.	8500
08	362	11	9270	14471	223	1514	$28^1/_3$	29216	247	35	49189	112066

XI. **ИМЕНА ПОЛКОВЪ И ПОЛКОВНИКОВЪ.**

		Число.
I. Стрѣлецкіе:		
1. Бѣлгородскій Московскій жилаго приказу		786
2. Выборный изъ головныхъ		1000
3. Бориса Головкина	у к. В. В. Голицына	803
4. Семена Рязанова		914
5. Сергѣя Сергѣева		802
6. Московскій у кн. Я. Ѳ. Долгорукаго		709
7. Остафьева		700
8. Дурова	у б. Шеина	969
9. Смоленскій		970
10. Головцына		967
11. Боркова	у к. В. В. Долгорукаго	710
II. Копейные и рейтарскіе:		
1. Московскій стольн. Григорія Шишкова		1408
2. Бѣлгородскій стольн. Василія Братцева		1313
3. Тульскій Петра Рыдера		1405
4. Ярославскій Андрея Гулица	у кн. В. В. Голицына	905
5. Московскій		964
6. Смоленскій стольн. Богдана Корсак ва		730
7. Курскій		936
8. Можайскій Николая фонъ-Вердена	у кн. Я. Ѳ. Доргорукаго	965
9. Мценскій Ицыха Буларта		917
10. Бѣлгородскій Даниила Пульта	у Змѣова	1023
11. Ливенскій Ив. фонъ Фенникбора.		680
12. Шквадронъ маіора Григорья Веревкина		393
13. Брянскій генералъ-поручика Андрея Цея	у Неплюева.	1285
14. Бѣлевскій Томаса Юнгора		1281
15. Новгородскій генерала Аѳанасія Траурнихта		1791
16. Псковскій стольн. Мих. Зыкова.	у Шеина.	967
17. Великолуцкій Вилима Лексина		860
18. Обоянскій Ивана Барова		733
19. Казанскій Захарія Кро	у Борятинскаго.	849
20. Елецкій Ивана Гулица		752
21. Рязанскій столн. Ѳед. фонъ Коха		966
22. Рязанскій Ягана Вреде		1040
23. Ряжскій стольн. Дороѳея Траурнихта	у кн. В. Д. Долгорукаго.	1172
24. Нижегородскій Ив. Кулакъ Долгомиръ, у Хитрово.		994
25. Костромскій Март. Балмана		—
26. Галицкій Даниля Дея	у Б. И. Шереметева	—
27. Курскій Ивана Гопта		—
28. Козловскій Христофора Регимона		—
Гусары полков. Мих. Челищевъ, у Шеина		247

XI.

		Число.
III. Солдатскіе:		
1. Первый выборный Московскій генерала Шепелева	. . . .	2012
2. Второй выборный Московскій генерала Гордона	. . . .	752
Тамбовскихъ и другихъ полковъ солдатъ, причисленныхъ къ обоимъ выборнымъ полкамъ	у кн. В. В Голицына . . .	5120
3. Бѣлгородскій генералъ - маіора фонъ-Грагама	. . . .	1277
4. Яблоновскій Вилимъ фонъ-Залена.	. . . .	890
5. Курскій Александра Ливестона . .	. . . .	1855
6. Старооскольскій.	. . . .	1292
7. Бѣлгородскій	. . . .	1170
8. Ефремовскій Юрья фонъ-Медина .	. . . .	1464
9. Добринскій Александра Форэта . .	у кн. Я. . Долгорукаго.	1267
10. Мценскій Петра Эрланта	. . . .	1093
11. Ливенскій Андрея Шарфа . . .	. . . .	1571
12. Елецкій Франца Яковлева Лефорта.	у Змѣова	1796
13. Усманскій Гаврила фонъ Турнера .	. . . .	1096
14. Рыльскій стольн. Ѳедора Стремоухова	. . . .	622
15. Бѣлевскій Франца фонъ Гонстена	. . . .	668
16. Путивльскій Юрья Шкота	у Неплюева	745
17. Орловскій Константина Малѣева .	. . . .	625
18. Бранскій Тимоѳея фонъ-деръ Видина	. . . .	762
19. Очередныхъ 1688	. . . .	3444
20. Новгородскій Михаила Вестова. .	. . . .	642
21. Псковскій Ѳедора Зборовскаго . .	у б. Шеина	832
22. Владимірск. Варѳоломея Ронорта .	. . . .	1009
23. Великолуцкій Христофора Кро . .	. . . .	872
24. Костромскій Матвѣя Фливерка . .	у кн. Борятинскаго . . .	1119
25. Смоленскій Павла Менезіуса . . .	. . . .	1387
26. Рязанскій Василія Нильсона . . .	. . . .	669
27. Ряжскій Николая Балка	у В. Д. Долгорукаго . .	1900
28. Козловскій Мартына Болдвина . .	. . . .	1307
29. Тульскій Ивана Франзбекова . . .	. . . .	618
30. Тульскій Григорія Буйнова. . . .	у Хитрово.	711
31. Хотмышскій Якова Эрнста		563
32. Нѣтчиковъ перваго похода. . . .	. . . .	1048
33. Касимовскій Якова Ловзына . . .	. . . .	—
34. Казанскій Юрья Литензона. . . .	. . . .	—
35. Воронежскій Андрея Делсона. . .	у Б. Н. Шереметева. . .	—
36. Симбирскій Ефима Линстора . . .	. . . .	—
37. СтарооскольскійПетраГазеніуса .	. . . .	—

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ доходовъ.	
		Чети.	Копны.	Десят.	Руб.	Алт.
Во 191 году.						
...тѣйшему Іоакиму патріарху:						
Московскаго уѣзда село Дмитровское съ деревнями	63	653	2721	2 вер. вдоль.	10	—
Владимірскаго уѣзда волость Рожку Любецкаго	—	1228	2914	3 вер. вдоль.	20	81
...гѣ митрополиту Ростовскому:						
Ростовскаго уѣзда безнаменное село Порѣчье	117	24	—	—	124	—
...асію архіепископу Устюжскому:						
Устюжскаго уѣзда село Благовѣщенское.	126	610	4753	513	200	—
...ярамъ: Князю Михаилу Алегуковичу Черкаскому:						
Московскаго уѣзда село Рожественное.	81	864	825	2 вер. вдоль.	11	—
Суздальскаго уѣзда село Нижній Ландехъ	528	503	37	—	251	—
Родіону Матвѣевичу, Тихону Никитичу Стрешневымъ:						
Ярославскаго уѣзда село Давыдково . .	719	3538	5110	124	205	—
Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, въ вотчину:						
Ростовскаго уѣзда село Яковлевская Гарь	528	3243	5971	5 вер. вдоль.	48	—
Емуже съ братомъ Борисомъ Ивановичемъ:						
Нижегородскаго уѣзда 19 починковъ .	397	2025	—	—	52	—
Борису Гавриловичу Юшкову:						
Ростовскаго уѣзда село Порѣчье . . .	385	1265	2040	—	24	—
Ивану Милославскому, въ вотчину:						
Приселокъ Бедринъ	33	162	—	—	2	—
Арзамасскаго уѣзда деревня Лобаски .	60	172	745	212	70	—
Матвѣю, да сыну его Алексѣю Милославскимъ.	127	706	2234	—	38	—
Женѣ боярына Петра Ивановича Матюшкина:						
Ярославскаго уѣзда село Никольское	313	426	92	—	200	—
...ольничимъ: Алексѣю Тимоѳеевичу Лихачеву:						
Коломенскаго уѣзда село Никоновское.	58	453	2200	695	7	—
Василью Савичу Нарбекову, да женѣ Хилкова:						
Рязанскаго уѣзда	106	91	943	—	—	—
...иному дворянину Тимоѳею Петровичу Савелову:						
Можайскаго уѣзда	14	2457	4765	—	23	—
...ольникамъ: князю Ивану Михайловичу Долгорукому съ братомъ:						
Московскаго уѣзда село Степановское.	17	107	—	—	—	—
Александру Милославскому:						
Юрьевскаго уѣзда село Красное. . . .	64	413	502	—	4	—
...цельной казны казначею Ѳомѣ, да стремянному конюху Юрью Долгинскимъ:						
Темниковскаго уѣзда	12	28	450	—	11	—
...озем цу Ивану Акемѣ къ желѣзнымъ заводамъ:						
Верейскаго уѣзда Вышегородская вол.	327	4290	5125	402	105	—

	Дворовъ.	Пашни.
		Четьи.
Во 192 году.		
Боярамъ: Өедору Петровичу Салтыкову, въ вотчину:		
Московскаго уѣзда село Софорино . .	23	639
Переславль - Залѣскаго уѣзда село Рюменское	78	1306
Кашинскаго уѣзда село Кирашъ . . .	756	2414
Львy, Мартемьяну, Өедору Кирилловичамъ Нарышкинымъ, въ вотчину:		
Боровскаго уѣзда Карамышевская волость.	380	1469
Муромскаго уѣзда Пурецкая волость, въ помѣстье.	1447	7801
Өедору Петровичу Шереметеву, въ вотчину:		
Рязанскаго уѣзда село Боровокъ . . .	256	186
Өедору Соковнину:		
Волоцкаго уѣзда село Вяшенки. . . .	104	1126
Андрею Артемоновичу Матвѣеву:		
Владимірскаго уѣзда села Сарыево, Осипово	528	12200
Думнымъ дворянамъ: Михаилу Тимоѳеевичу Лихачеву:		
Коломенскаго уѣзда село Степановское	106	657
Никитѣ Моисеевичу Зотову въ помѣстье:		
Коломенскаго уѣзда село Карпово . .	73	246
Андрею Измайлову въ помѣстье:		
Коломенскаго уѣзда село Северское. .	38	287
Лукьяну Кологривову:		
Алексинскаго уѣзда Павшинская слобода	25	22
Андрею да Семену Өедоровымъ Нарышкинымъ:		
Алаторскаго уѣзда село Порѣцкое . .	423	—
Стольника Владиміра Петровича Шереметева женѣ Татьянѣ, въ вотчину:		
Юрьевецкаго уѣзда Сокольская волость	155	2614
Стряпчему Антипѣ Пятово:		
Коломенскаго уѣзда деревня Ратчино .	34	119
Ивану Одинцову:		
Коширскаго уѣзда Жерновская волость	23	153
Петру Дорошенко въ помѣстье:		
Волоцкаго уѣзда село Ярополчь съ деревнями. (Старинное дворцовое, нынѣ за дѣтьми)	336	200
Во 193 году.		
Боярину Өедору Петровичу Салтыкову, въ вотчину:		
Московскаго уѣзда деревня Бордакова.	19	77
Постельничимъ Ивану Семеновичу, да сыну его Гаврилѣ Ивановичу Головкинымъ:		
Коширскаго уѣзда Яковлевская волость	96	800

XII.

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ доходовъ.
		Четьи.	Копны.	Десят.	Руб. Алт.
Графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину:					
Можайскаго уѣзда Горетовская волость	12	278	2670	—	48 —
льникамъ Петру, да Ивану Самойловичамъ Салтыковымъ:					
Володимерскаго уѣзда село Черкутинское	386	3958	2801	5 вер.	95 —
Василію Өедорову Нарышкину:					
Володимерскаго уѣзда Матренинская волость	187	3872	6284	5 вер.	71 —
Саввѣ Айгустову:					
Дмитровскаго уѣзда село Сергѣйково .	14	33	—	—	— —
Петру Дорошенко:					
Въ Волоцкомъ уѣздѣ пустошь	—	256	230	—	— —
Во 194 году.					
Воскресенскій монастырь на Истрѣ:					
Село Высокое.	46	428	3137	622	— —
ярину князю Михаилу Алегуковичу Черкаскому въ помѣстье:					
Московскаго уѣзда въ селѣ Павловскомъ 2 мельницы	—	—	—	—	45 —
Льву, Мартемьяну, Өедору Кирилловичамъ Нарышкинымъ:					
29 пустышей	—	322	—	18 вер.	— —
Въ 195 году.					
ярину князю Ивану Борисовичу Репнину:					
Московскаго уѣзда село Купавня . . .	36	20	—	—	— —
Князу Борису Ивановичу Прозоровскому:					
Московскаго уѣзда село Зюзино . . .	11	166	—	—	— 30
стельничему Кирьяку Ивановичу Самарину:					
Рязскаго уѣзда село Боровокъ.	75	400	2000	—	— —
Въ 196 году.					
ярину Алексѣю Семеновичу Шеину:					
Московскаго уѣзда село Прусы. . . .	32	223	211	—	— —
мному дворянину Петру Ивановичу Потемкину:					
Въ Галицкомъ уѣздѣ.	40	18	—	—	— —
авчему Кириллу Алексѣевичу Нарышкину:					
Въ Переславскомъ уѣздѣ.	130	2344	1300	—	— —
Въ 197 году.					
ярамъ: Князю Михаилу Алегуковичу Черкаскому, въ вотчину:					
Коломенскаго уѣзда село Черкизово .	141	775	3987	170	57 —

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	[illegible]
		Четьи.	Копны.	Десят.	Р[illegible]
Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, въ вотчину:					
Можайскаго уѣзда 3 волости	218	4914	12867	—	[illegible]
Кириллу Полуектовичу Нарышкину съ дѣтьми, въ вотчину:					
Муромскаго уѣзда Стародубскія села .	1194	10351	12112	344	[illegible]
Алексѣю Семеновичу Шеину, въ вотчину:					
Володимірскаго уѣзда село Горы (Дворцовое, нынѣ за государынею царицею Екатериною Алексѣевною) . .	159	1690	4015	13 вер. вдоль.	[illegible]
Старицкаго уѣзда село Покровское, Бороздино, Родня	157	2243	2508	7077	[illegible]
Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, въ вотчину:					
Юрьевскаго уѣзда волость Туробевская	396	3610	6162	—	[illegible]
Борису Петровичу Шереметеву, да кн. Влад. Дмитр. Долгорукому:					
въ Ржевскомъ уѣздѣ	713	794	1310	40 вер. 662 десят.	[illegible]
Ѳедору Аврамовичу Лопухину, въ вотчину:					
Московскаго уѣзда село Ясенево, Суздальск. уѣзда село Дуполово	869	3683	7306	45 вер.	[illegible]
Льву Кирилловичу Нарышкину, въ вотчину:					
Московскія селы Хвили, Чашниково, Черкизово	278	1972	2515	6 дес.	[illegible]
Окольничимъ: Матвѣю Филимоновичу Нарышкину, въ вотчину:					
Вяземскаго уѣзда село Коробовское . .	153	1587	729	49	[illegible]
Ивану Михайловичу Татищеву, въ вотчину:					
Володимерскаго уѣзда село Дубки . . .	70	1825	1258	5 вер.	—
Въ 198 году.					
Въ Петровскій Высокій монастырь:					
Нижегородскаго уѣзда волость Скоробогатовская	319	509	390	82 вер.	115
Боярамъ: Тихону Никитичу Стрешневу:					
Московскаго уѣзда деревни Лопатина, Суздальск. уѣзда село Глумово	323	3101	3094	14 вер. 112 десят.	—
Князю Ѳедору Семеновичу Урусову, вмѣсто взятыхъ у него двухъ деревень:					
Московскаго уѣзда село Алешня . . .	63	1566	1550	—	[illegible]
Окольничимъ: Матвѣю Филимоновичу Нарышкину:					
Мядынскаго уѣзда 32 пустоши	—	357	1885	9 вер.	—
Ѳедору Тихановичу Зыкову:					
Звенигородскаго уѣзда 4 пустоши . .	—	95	—	—	[illegible]
Павлу, Тимоѳею и думн. двор. Ивану Петровичамъ Савеловымъ:					
Володимерскаго уѣзда село Спасское .	233	3197	2906	6 вер.	—

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ доходовъ.
		Четьи.	Копны.	Десят.	Руб. Алт.
Въ 199 году.					
ярамъ: Льву Кирилловичу Нырышкину:					
Шацкаго уѣзда село Коноблево	2853	34485	38490	не сочтено.	1845 —
Петру Аврамовичу Большому, окольничему Василію Аврамовичу, стольнику Сергѣю Аврамовичу Лопухинымъ:					
Юрьевскаго уѣзда село Нѣкомарское .	406	3963	7981	6 вер.	359 —
Матвѣю Филимоновичу Нарышкину:					
Московскаго уѣзда село Покровское .	29	24	315	—	— —
Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину, въ вотчину:					
Московскаго уѣзда село Троицкое . .	69	299	1585	283	— —
Петру Меньшому Аврамовичу Лопухину:					
Вяземскаго уѣзда волость Заможская .	172	6213	1981	—	— —
равчему Ѳедору Кирилловичу Нарышкину:					
Московскаго уѣзда село Медвѣдково (изъ отписныхъ Голицына)	72	582	996	—	11 —
ольникамъ: Кириллу Алексѣевичу Нарышкину:					
Московскаго уѣзда село Покровское. .	49	971	945	30	15 —
Сергѣю Аврамовичу Лопухину:					
Вяземскаго уѣзда село Царево-Займище.	53	252	100	—	58 —
Въ 200 году.					
ярамъ: Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому:					
Вяземскаго уѣзда Воскресенская волость	249	2036	1048	22 вер. 576 дес.	90 —
Ѳедору Петровичу Салтыкову:					
Въ той же волости верхняя треть . . .	363	4370	620	1318	292 —
Григорію Филимоновичу, да Кондратію Ѳомичу Нарышкинымъ:					
Вяземскаго уѣзда волость Сычевская. .	430	5130	7496	9 вер. 2336 д.	325 —
Въ 201 году.					
ярину Мартемьяну Кирилловичу Нарышкину:					
Московскаго уѣзда село Хорошево . .	28	94	425	—	8 —
ольничему Ивану Ивановичу, да сыну его стольнику Ивану Нарышкинымъ:					
Въ Сычевской волости	409	3900	4189	1367	209 —
Автомону Михайловичу Головину:					
Московскаго уѣзда село Хотѣевичи . .	27	819	1355	—	— —
Переславль-Залѣсскій въ Горицкій монастырь: Вмѣсто взятой ихъ вотчины села Весково, которое приписано къ Дворцовымъ:					
Костромскаго уѣзда село Большая соль.	76	—	—	—	99 —

XII.

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	[illegible]
		Четьи.	Копны.	Десят.	Ру[illegible]
Въ 202 году.					
Боярину Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, въ вотчину:					
Московскаго уѣзда села Никольское, Вязема, деревня Назарьева.	75	1667	2573	—	3[illegible]
Думному дворянину Никитѣ Моисеевичу Зотову:					
Вяземскаго уѣзда Горская волость. . .	254	3739	3347	2 вер.	171[illegible]
Въ 203 году.					
Боярину Степану Ивановичу Салтыкову, съ дѣтьми Ѳедоромъ и Иваномъ:					
Вяземскаго уѣзда село Тесовское . . .	539	5829	5143	—	30[illegible]
Кравчему Кириллу Алексѣевичу Нарышкину:					
Московскаго уѣзда село Братцово . . .	—	243	—	—	—
Постельничему Алексѣю Михайловичу Татищеву, да стряпчему съ ключемъ Леонтію Богдановичу Плохово:					
Вяземскаго уѣзда	197	2598	1873	602	—[illegible]
Стольнику Автамону Михайловичу Головину:					
Московскаго уѣзда деревня Анцыферова	9	48	70	44	—
Дьяку Михайлу Волкову:					
Вяземскаго уѣзда Собакинская волость	28	389	305	132	9[illegible]
Въ 205 году.					
Боярину Борису Петровичу Шереметеву:[1]					
Рязанскаго уѣзда село Можары, Ярославск. уѣзда село Мосцы	253	1000	2850	—	50[illegible]
Алексѣю Семеновичу Шеину:					
Алаторскаго уѣзда Барышская слобода, дер. Олховка	305	392	2840	—	14[illegible]
Ѳедору Алексѣевичу Головину:					
Кромскаго уѣзда Молдавское городище	57	597	—	—	11[illegible]
Адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту:					
Епифанскаго уѣзда село Богоявленское	150	700	—	—	2[illegible]
Генералу Автамону Михайловичу Головину:					
Нижегородскаго уѣзда село Поповское.	69	436	—	—	17[illegible]
Петру Ивановичу Гордону:					
Рязанскаго уѣзда село Красная Слобода (изъ отписныхъ князя Голицына) . . .	63	113	3000	—	12[illegible]
Думному дворянину Никитѣ Моисеевичу Зотову, въ вотчину:					
Рузскаго уѣзда село Воскресенское . .	42	1103	—	—	
Думному дьяку Андрею Виніусу:					
Бѣлевскаго уѣзда село Тагилы	19	50	—	—	9[illegible]

XII.

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ доходовъ.
		Четьи.	Копны.	Десят.	Руб. Алт.
Въ 208 году.					
...иралу Өедору Алексѣевичу Головину: Московскаго уѣзда деревня Филипова .	—	57	81	9	— —
Въ 1700 году.					
...ю Арчилу Вахтангѣевичу и сыну его царевичу Александру: Нижегородскаго уѣзда волости Терюшевская, Бѣлгородская, Лысковская. .	3284	20464	41715	—	3996 —
Александру Даниловичу Меншикову, въ вотчину: Московскаго уѣзда деревня Лукина . .	30	84	200	—	— —
...иралу Өедору Алексѣевичу Головину: Нижегородскаго уѣзда Барминская волость.	1106	6779	11915	—	1305 —
Въ 1701 году.					
...иралу Өедору Матвѣевичу Апраксину, въ вотчину: Лебедянскаго уѣзда село Мокрой буеракъ	1097	5925	—	—	1305 —
Въ 1702 году.					
Троицко-Сергіевъ монастырь: Въ Московскомъ уѣздѣ пустошь. . . .	—	60	400	—	— —
Графу Гаврилу Ивановичу Головкину: Коширскаго уѣзда Липецкая волость . .	229	1421	2960	—	57 —
Звенигородскаго уѣзда село Михайловское	142	2100	1164	54	— —
...ному дьяку Емельяну Украинцову: Коширскаго уѣзда Жерновская волость	119	959	490	—	70 —
Въ 1703 году.					
...язю Михайлу Михайловичу Голицыну: Козельскаго уѣзда село Рожественное	388	3229	1210	—	681 —
...ному дьяку Автамону Иванову: Коширскаго уѣзда Ивановская волость.	162	977	2190	—	94 —
полковнику Дмитрію Карпову: Московскаго уѣзда село Іевлевское . .	85	2648	3055	80	— —
Коломенскаго уѣзда село Ильинское. .	70	268	600	—	88 —

XII.

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ
		Четьи.	Копны.	Десят.	Руб.
Въ 1704 году.					
Думному дьяку Автамону Иванову:					
Московскаго уѣзда Хатунская волость.	34	322	724	72	—
Козельскаго уѣзда Дунино, Голосово .	487	3288	845	—	—
Въ 1705 году.					
Боярину Тихону Никитичу Стрешневу, въ вотчину:					
Балахонскаго уѣзда Городецкая волость	1682	1572	12372	193	1699
Въ 1706 году.					
Князю Александру Даниловичу Меншикову:					
Московскаго уѣзда Домодѣдовская волость Мягково.	762	9385	18340	691	1590
Борису Петровичу Шереметеву, въ вотчину:					
Ярославскаго уѣзда Юхоцкая волость .	1804	12112	13080	2970	1487
Ростовскаго уѣзда село Вощажниково .	604	1325	9511	—	931
Графу Гаврилѣ Ивановичу Головкину, въ вотчину:					
Серпейскаго уѣзда Деминская волость.	705	2420	2054	—	2023
Въ 1707 году.					
Князю Аникитѣ Ивановичу Репнину, въ вотчину:					
Ростовскаго уѣзда село Великое . . .	400	918	5250	153	1423
Стольнику Петру Толстому, въ вотчину:					
Коломенскаго уѣзда село Ивановское .	107	541	2603	—	643
Въ Дмитровѣ при посадѣ	52	—	—	—	—
Оберъ-коммисару Ульяну Синявину:					
Переславскаго уѣзда село Алексино . .	74	250	100	—	—
Масальскаго уѣзда деревня Тимофеева.	93	470	—	—	—
Въ 1708 году.					
Стольнику Князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукову въ вотчину:					
Московскаго уѣзда Хатунская волость.	801	5680	11964	74 вер.	—
Въ Коширскомъ и Серпуховскомъ уѣздахъ луговъ.	—	—	223	—	2587
Князю Матвѣю Петровичу Гагарину, въ вотчину:					
Московскаго уѣзда село Софьино . . .	125	1788	2758	—	373
Генералу Князю Михайлу Михайловичу Голицыну, въ вотчину:					
Юрьевскаго уѣзда Симская волость . .	738	7600	10951	—	1986

XII.

	Дворовъ.	Пашни.	Сѣна.	Лѣсу.	Денежныхъ доходовъ.	
		Четьи.	Копны.	Десят.	Руб.	Алт.
ьничему Кузьмѣ Крисанфовичу Патрекееву:						
Нижегородскаго уѣзда село Покровское	57	157	1800	—	257	—
ному дворянину и печатнику Никитѣ Моисеевичу Зотову:						
Козельскаго уѣзда село Ловать	274	1159	30	—	483	—
ралу Якову Вилимовичу Брюсу, въ вотчину:						
Брянскіе слободы	219	903	1070	—	286	—
пчему Матвѣю Олсуфьеву:						
Въ Кашинскомъ уѣздѣ	23	98	—	—	100	—
Въ 1709 году.						
ю Александру Даниловичу Меншикову, въ вотчину:						
Коломенскаго уѣзда село Бронничи . .	155	1656	3035	—	656	—
у Алексѣевичу Мусину-Пушкину:						
Московскаго уѣзда село Рожественное	76	1989	3113	—	227	—
олковнику князю Василію Владиміровичу Долгорукому, въ вотчину:						
Можайскаго уѣзда Старковская волость.	319	13776	20250	—	1476	—
ралъ-Маіору Якову Васильевичу Полонскому, въ вотчину	46	43	—	—	71	—
Въ 1710 году.						
ю Александру Даниловичу Меншикову, въ вотчину:						
Московскаго уѣзда волость Гуслицкая.	450	3914	11570	80 вер.		
Тверскаго уѣзда село Городенъ	450	1428	—	—	319	—
Можайскаго уѣзда деревня Оболенская.	306	14183	21300	—	800	—
Алаторскаго уѣзда село Троицкое . .	34	265	—	—	—	—
ралу Якову Вилимовичу Брюсу:						
Козельскаго уѣзда село Плохино . . .	415	2327	95	—	1253	—
-губернатору Алексѣю Александровичу Курбатову, въ вотчину:						
Московскаго уѣзда Загорская волость .	106	1382	3822	961	295	—
Можайскаго уѣзда деревня Мясоѣдова.	48	1543	1773	—	79	—
ичанину торговому человѣку Андрею Стелцу, въ вотчину:						
Въ Московскомъ уѣздѣ	27	612	1084	42	—	—
ру Панкратію Глѣбовскому:						
Въ Муромскомъ уѣздѣ	48	—	—	—	—	—
чика Якова Борзова сыну Алексѣю:						
Въ Рязанскомъ уѣздѣ.	12	—	—	—	—	—

о со 190 года по нынѣшней 1711 въ роздачѣ 213 человѣкамъ, опричь тѣхъ, котодачи были въ розныхъ годѣхъ, 273 волости съ деревнями, 43655 дворовъ, 338960 пашни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

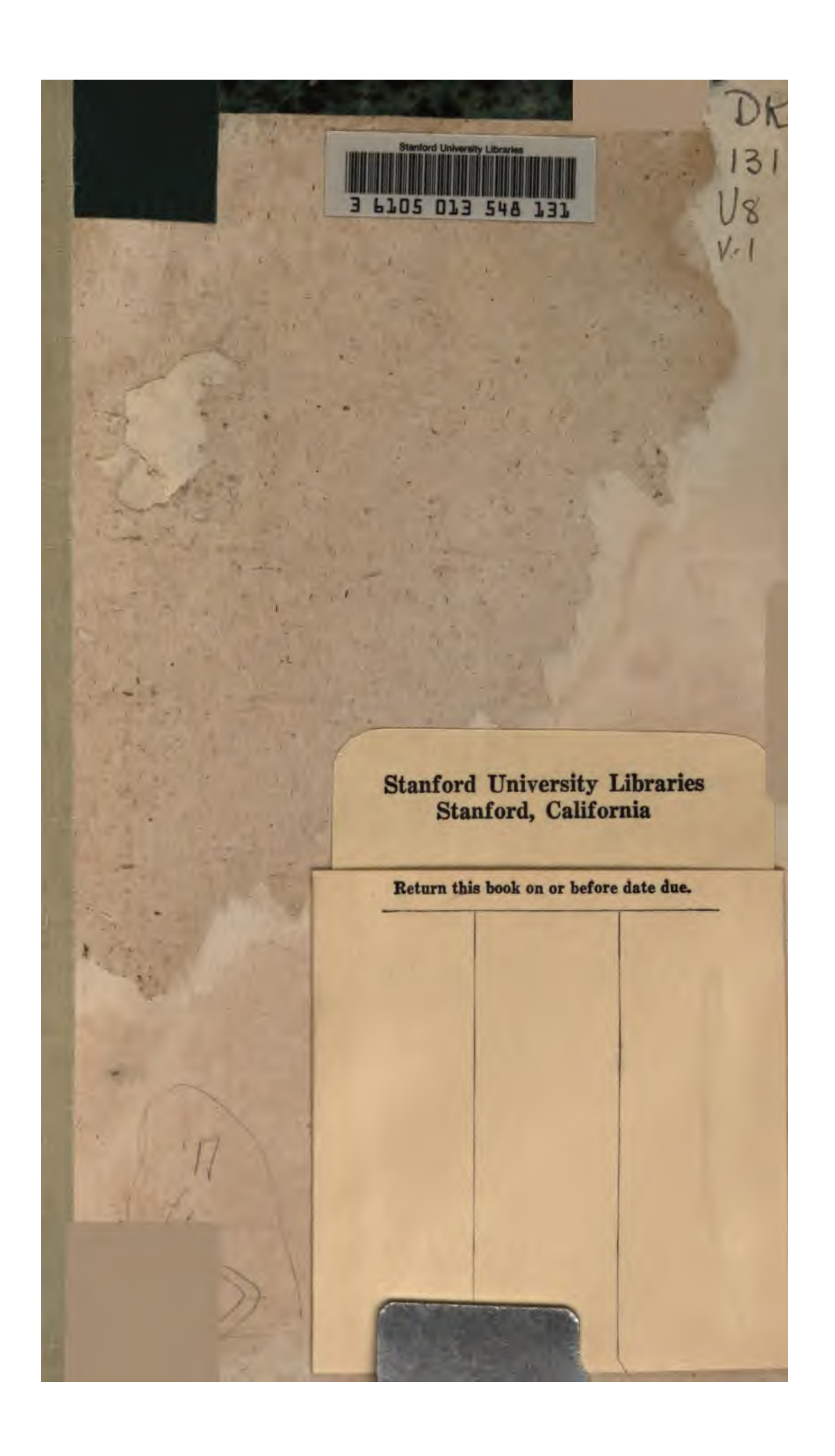
ГЛАВА V.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Напечатано:			*Должно быть:*
Стран.	Строка.		
XXIX	10	книгопечатанія.	книгопечатанія:
XL	32	Busching's	Büsching's
LIII	10	Содѣяся	содѣяся
LXI	33	Aleaxewitz	Alexewitz
LXII	28	Корбу	Корбъ
LXIX	32	умеръ.	умеръ».
LXXIII	33	Busching,s	Büsching's
LXXVIII	13	они	онъ
LXXXI	11	Нарвою	Нарвою;
LXXXVI	27	Гордонъ	Гордонъ
20	25	съ своемъ	въ своемъ
20	38	XIX, II	XIX, II.
49	35	архіеп.	епископа
58	32	новую	новую».
58	33	государей,	государей»,
59	16	побить	«побить
76	31	до	да
77	21	бояринъ!	бояринъ!»
73	11	и не вамъ	«и не вамъ
74	10	Царевна	царевна
75	9	«Намъ	Намъ
77	7	Вы	«Вы
77	22	городскому	градскому
85	3	ангела,	ангела
91	17	Стрѣльцкіе	Стрѣлецкіе
112	7	Катайскимъ	Китайскимъ
150	27	христѣ	Христѣ
117	26	окольничнаго	окольничаго
174	17	Өедоръ	Өеодоръ
184	25	пѣхотные и конные.	пѣхотныя и конныя.
186	35	85.	86.
249	8	Его	его
249	13	во все	вовсе
254	20	плачущую	плачущую
260	23	не овначено	не означено,
324	7	сочинят нь	сочинять и
327	33	помощіею	помощію



Stanford University Libraries
3 6105 013 548 131
DK
131
U8
V.1
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.